ТЕОДОР ГЛАДКОВ

ЛИФТ В РАЗВЕДКУ

«КОРОЛЬ НЕЛЕГАЛОВ» АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга является документальным повествованием о жизни и деятельности одного из самых засекреченных людей нашей страны в 1930–1950 годы, разведчика-нелегала, ставшего руководителем нелегальной службы советской внешней разведки генерала Александра Короткова. Читатель узнает о противостоянии советских и гитлеровских спецслужб, их структуре в разные годы, о трагических потерях нашей разведки в период сталинского «большого террора», о так называемом деле «врачей-убийц», о Берии, об опасном столкновении с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции в пресловутой «холодной войне».

Книга написана на основе недавно рассекреченных документов Службы внешней разведки России, специально предоставленных автору, его собственных встреч с участниками и очевидцами описанных событий как в нашей стране, так и за рубежом.

- Теодор Кириллович Гладков
  -
  - Начало пути
  - Лифт в разведку
  - Свой…
  - Даешь Европу!
  - Домой. Ненадолго…
  - В столице «третьего рейха»
  - «Литерные» дела
  - Письмо наркому
  - Последнее мирное лето
  - Наш человек в гестапо
  - Дебри нацистских спецслужб
  - «Корсиканец», «Старшина», «Старик» и другие…
  - «Альтона» или «Дортмунд»
  - Война
  - Та черная година
  - Запад есть Запад, Восток есть Восток…
  - Будни войны
  - День 1418-й
  - В поверженном рейхе
  - Реорганизации, реорганизации и снова реорганизации
  - Год сомнений и тревог…
  - Святая святых

- Форпост «холодной войны»
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

Теодор Кириллович Гладков Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков

«Без права на славу,
во славу Отчизны».

Девиз российских разведчиков

Начало пути

Загадки окружали будущего «Короля нелегалов» со дня рождения. И в самом деле, родился Александр Коротков 22 ноября 1909 года в Москве, но вполне мог бы появиться на свет, если бы не семейная тайна — в… Китае. Дело в том, что отец мальчика Михаил Антонович Коротков служил в ту пору в отделении Русско-Азиатского банка в городе Кульдже, в Китае. Город этот располагался вблизи границы с Российской империей, ныне — суверенным Казахстаном. За несколько месяцев до рождения Саши мать семейства Анна Павловна схватила в охапку двоих старших детей, дочь Нину и сына Павла, и уехала в Москву.

Причина распада семьи для Александра так и осталась тайной навсегда. Мать до конца своих дней не поддерживала с бывшим мужем никаких отношений, более того, взяла с младшего сына слово, что тот никогда не будет встречаться с родителем. Удивительно, но Александр Коротков слово, данное матери в весьма нежном возрасте, сдержал. Отец большую часть жизни по-прежнему работал в банках в разных российских городах. Однажды он приехал в Москву (Анны Павловны уже не было в живых) и через старшего сына Павла изъявил желание повидать младшего, тогда уже полковника. Поддавшись на уговоры брата, Александр Михайлович, скрепя сердце, согласился, вышел из дома, но до назначенного места встречи так и не добрался.

В семейном архиве есть фотография красивого молодого мужчины, хорошо одетого, с усами и бородкой, по словам вдовы Александра Михайловича, вроде бы отца Короткова. Но сама она в этом не уверена, а ни Павла, ни Нины, которые видели Михаила Антоновича и могли бы опознать его на снимке, уже нет в живых. Есть предположение, что Михаил Антонович происходил из кубанских казаков, Анна же Павловна принадлежала к купеческому роду.

До этого таинственного развода (к слову, неизвестно, был ли он до революции официально оформлен через констисторию — духовное учреждение, которое, кроме многого прочего, осуществляло над мирянами суд по делам о браке и разводе), семья жила не богато, но, скажем так — вполне обеспеченно. Еще до замужества Анна Павловна получила хорошее по тем временам образование в женской гимназии. До революции успела закончить гимназию и дочь Нина.

Малой родиной Александра Короткова, стала обширная территория между Самотекой и Большой Сухаревской площадью, на которой до 1934 года, напротив великолепного ансамбля

Шереметевской больницы[1] гордо возвышалась знаменитая Сухаревская башня, а также примыкающие по внешней стороне Садового кольца к 1-й Мещанской улице переулки и тупички. Здесь, в 3-м Троицком переулке и поселилась Анна Павловна.

По договоренности с мужем, Анна Павловна оставила при себе дочь Нину и новорожденного Сашу. Михаил Антонович же забрал к себе старшего сына Павла. Впрочем, на самом деле Павел с отцом никогда не жил. Михаил Антонович передал его на воспитание своей бездетной сестре Марии, которая с мужем, профессором химического факультета Московского университета Евгением Степановичем Пржевальским жила неподалеку, на 3-й Мещанской улице. Братья сызмальства дружили, невзирая на разницу в возрасте, и виделись почти каждодневно то в одном, то в другом доме.

После того как Анна Павловна рассталась с мужем, материальное положение семьи с благополучного скатилось в годы мировой и гражданской войн в откровенную, неприкрытую бедность. В двух смежных комнатах теперь коммунальной квартиры они жили впятером: сама Анна Павловна, ее мать, дочь Нина (по мужу, с которым она вскоре развелась, Трачевская) с сынишкой Славой, и Саша. Александр очень любил племянника и сильно горевал, когда Слава, ставший после краткосрочных курсов младшим лейтенантом, погиб на фронте в самом конце Великой Отечественной войны. Тогда полковник Коротков потратил много времени и усилий, чтобы отыскать в Венгрии могилу племянника.

После революции Анна Павловна до самого выхода на пенсию много лет работала секретарем-машинисткой в редакции какой-то газеты здесь же, на Самотеке. Сестра Нина тоже работала машинисткой (тогда говорили пишбарышней) в разных учреждениях.

Ирина Александровна, вдова Александра Михайловича, со слов мужа рассказала автору, что в период гражданской войны и после нее семья настолько бедствовала, что Анна Павловна вынуждена была на время отдать Сашу в детдом, располагавшийся по левой стороне Петроградского шоссе сразу за Тверской заставой и путепроводом.

Младшая дочь Короткова Юля вспомнила эпизод, рассказанный ей отцом. В детдоме случился пожар, выгорела кладовка, где хранились скудные запасы провизии. (Возможно, то был поджог, чтобы скрыть недостачу драгоценных продуктов.) Пожар быстро потушили. А ребятишки-воспитанники вволю наелись печеной, вернее, полусгоревшей в пламени картошки.

Район, где прошли детские годы братьев Коротковых,

испокон считался криминогенным и частенько фигурировал в ежедневных сводках и дореволюционной полиции, и рабоче-крестьянской милиции. Вокруг Сухаревской башни каждое воскресенье бушевало и бурлило знаменитое всероссийское торжище — Сухаревка. Возникло оно после бегства французов из Москвы в 1812 году и просуществовало до 1925 года. Здесь собирались десятки тысяч людей, торговали всем, чем угодно, от сапог с картонными подметками и сахарина в пакетиках, до антиквариата, среди которого попадались и подлинные раритеты. Естественно, что Сухаревка, словно магнит железные опилки, притягивала к себе всех московских карманников, карточных шулеров, игроков в «три листика», «веревочку», «скорлупку» и прочие жульнические забавы. Появлялись на Сухаревке и настоящие громилы.

Не лучшей репутацией с тех же незапамятных времен, описанных «Дядей Гиляем» — знаменитым московским журналистом Владимиром Гиляровским, пользовался и Цветной бульвар. До революции вливавшиеся в него переулки сплошь были застолблены притонами самого низкого пошиба, воровскими «малинами», подпольными публичными домами. В революцию и гражданскую войну дома терпимости прикрыли, многих матерых бандитов, вроде Кошелькова и Сабана, постреляла ЧК и лихие ребята из угро. И все же этот район оставался достаточно опасным. Воры, налетчики и «марухи» здесь не переводились, равно как и многочисленная местная шпана.

Не один сверстник Павла и Александра по двору и школе пошел по этой кривой дорожке и кончил кто тюрьмой, а кто расстрелом, по-уличному — «стенкой». По счастью, братьям хотелось учиться, и это спасло их от пагубного влияния улицы. Школа, а несколько позже увлечение спортом стали для них настоящей палочкой-выручалочкой. Зато опасное соседство выработало у них обоих умение при случае жестко постоять за себя.

Несмотря на все трудности, Саше удалось получить среднее образование — тогда оно было девятилетним. С детских лет он увлекался электротехникой и мечтал о поступлении на физический факультет университета. Брату Павлу в этом отношении повезло: приемный отец — муж родной тетки, профессор, помог ему поступить на химфак МГУ, где сам и преподавал. Павел высшее образование благополучно получил, но по полученной специальности не проработал ни дня, став фактически профессиональным спортсменом.

Александру такое везенье не выпало. Материальные трудности, которые испытывала семья, не позволяли, по крайней

мере в ближайшее время, и мечтать об учебе. Надо было искать работу. Закончив в 1927 году школу второй ступени, Саша устроился подручным к частнику-электромонтеру Белоусову. Занимался он в основном тем, что по частным подрядам делал новую или ремонтировал старую электропроводку в квартирах жилых домов. Впрочем, не одну неделю довелось числиться и по разряду безработных. Но вскоре работа, определившая, как оказалось, всю его дальнейшую жизнь, сама нашла Александра.

Автор уже отметил, что, невзирая на раскол семьи и разницу в возрасте, Саша очень дружил со старшим братом. Особенно сблизило их пристрастие к спорту.

Если от Троицких переулков дворами направиться к 1-й Мещанской улице, пересечь ее, двинуться дальше по правой стороне к Крестовской заставе[2], то третьим переулком, после Грохольского и Протопоповского, окажется Орлово-Давыдовский. Если свернуть по нему направо, в сторону Каланчевки, то попадешь к казармам, в которых располагался полк войск ОГПУ. Перед казармами и находилось место, надолго ставшее центром притяжения ребят со всей округи. Называлось оно красиво и звучно — стадион. Если же честно, то это была просто убитая до бетонной твердости, кочковатая огороженная площадка с врытыми в землю бревенчатыми, то есть вечными футбольными воротами, разумеется, без сеток. С утра бойцы занимались здесь строевой подготовкой, в свободное же время, ближе к вечеру, а также по выходным, гоняли в футбол. Местных подростков, особенно тех, у кого получалось, с поля не гнали, даже охотно принимали в команды. У Павла Короткова получалось очень даже здорово: без видимых усилий он исхитрялся отбирать мячи из-под ног самых напористых форвардов.

В 1923 году по замыслу председателя ОГПУ Феликса Дзержинского было создано первое в СССР «Московское пролетарское спортивное общество «Динамо» (МПСО). Оно объединяло сотрудников органов госбезопасности, внутренних дел, пожарной охраны, пограничных и внутренних войск, милиции, а также членов их семей и вольнонаемных служащих данных ведомств. Так что скромная площадка в Орлово-Давыдовском вошла в историю физкультурного и спортивного движения в нашей стране под громким названием первого, следовательно — Центрального стадиона «Динамо».

Надо сказать, что ОГПУ, считавшееся в представлении не одного поколения обывателей организацией с неисчерпаемыми финансовыми возможностями, на самом деле смогло выделить в помощь новорожденному МПСО всего-навсего триста рублей. Чтобы собрать деньги на мячи, бутсы и экипировку, динамовцы

устроили товарищеский, но с платными билетами, матч, где их соперниками стали звезды тогдашней эстрады. История не донесла до нас состав динамовской команды. Известно лишь одно имя: ворота защищал лучший в те времена московский голкипер Федор Чулков. А вот за эстраду играли подлинные знаменитости: Григорий Ярон, Михаил Гаркави (кто бы подумал!), Игорь Ильинский, Федор Курихин (помните кучера катафалка в «Веселых ребятах»?)…

Зрителями матча, кроме, понятно, болельщиков «Динамо», стали самые популярные актеры и актрисы московских театров, даже балерины из Большого. Самое удивительное, что весь первый тайм артисты, хоть сами и не забили, но свои ворота «сухими» отстояли. Но во втором… Проиграли, конечно. Сказалось превосходство динамовцев в тактике и физической подготовке.

Александр и его закадычный приятель Алексей Прудников (впоследствии тоже чекист) стали завсегдатаями стадиона. Павел Коротков к этому времени уже играл вместе с Михаилом Якушиным в команде клуба «Унион» на поле в Самарском переулке. Павел тогда учился в Московском химическом техникуме, рядом со стадионом в Орлово-Давыдовском. Команда техникума, за которую он тоже выступал, тренировалась часто на динамовском стадионе. Вместе с ним играли ставшие также известными футболистами Владимир Щербов, Василий Павлов, Лев Корчебоков. Павел настолько преуспел, играя в защите и полузащите, что через несколько лет его взяли вначале в пятую, а затем в первую взрослую команду московского «Динамо». Великолепно играл он и в хоккей, и в гандбол.

Сегодняшний читатель может подивиться такой универсальности спортсмена, но в те годы это было явлением обычным. Так, почти все футболисты по завершении летнего сезона играли в основном тем же составом в хоккей с мячом (в сороковых годах его почему-то в очередном приступе красного патриотизма стали называть «русским», хотя под названием «бенди» эта игра издавна известна в скандинавских странах, откуда и пришла в Россию. Зато тогда же канадский хоккей стали официально именовать «хоккеем с шайбой»).

Павел Коротков играл в составе московского «Динамо» много лет. Его партнерами были легендарные ныне футболисты Сергей Ильин, Михаил Якушин, Михаил Семичастный, Лев Корчебоков, Василий Смиронов, Виктор Тетерин. Павел выступал обычно в амплуа правого полузащитника. Центрального, либо левого играл знаменитый впоследствии хоккейный тренер Аркадий Чернышев. Это же место было за Коротковым и в сборной Москвы.

Правда, настоящих успехов футболисты «Динамо» добились, конечно же, не на твердокаменной площадке в Орлово-Давыдовском, а на большом поле первого настоящего стадиона, построенного в нашей стране.

Одним из самых любимых мест гуляний москвичей был Петровский парк, что раскинулся по правую сторону Петроградского шоссе. В 1924 году сюда пришли первые строители. Часть вековых деревьев, к сожалению, вырубили, а на высвободившемся пространстве построили громадный по тогдашним меркам стадион «Динамо». Он был комплексным, то есть, кроме футбольного поля с трибунами, рассчитанными на двадцать тысяч человек, здесь имелись баскетбольные и волейбольные площадки, теннисные корты, гаревая дорожка, секторы для прыжков и метаний, залы для тренировок боксеров, борцов, штангистов, гимнастов.

Добираться до стадиона, особенно в дни футбольных матчей, было не так-то просто: трамваи, начиная от Страстной площади и до площади Белорусского вокзала, брали штурмом. На каждой площадке (тогда они были открытыми) свисали наружу, едва не касаясь мостовой, гроздья пассажиров, естественно, безбилетников, которым не удалось втиснуться в битком набитый вагон.

Хорошо тренированный Саша Коротков с несколькими такими же приятелями-физкультурниками, частенько предпочитал добираться до стадиона пешком или неспешной пробежкой.

Здесь, на «Динамо», и в часы тренировок, и на соревнованиях он перевидал всех знаменитых спортсменов того времени: спринтера-бегуна Роберта Люлько, прыгуна с шестом Николая Озолина, боксера Константина Градополова, штангистов Яна Спарре и Николая Шатова. Девушки тогда выступали в широких холщовых или ситцевых шароварах, которые под ветерком или при быстрых движениях раздувались пузырями. Того требовали правила приличия. Когда однажды знаменитая Вера Прокофьева, капитан женской команды в хоккей с мячом, вышла на беговую дорожку в коротких спортивных трусиках, то остальные участницы, а также судьи, зрители просто обомлели. То было потрясение всех устоев морали и нравственности. Веру чуть не сняли со старта. Однако растерянность длилась недолго: уже на следующий день примеру Прокофьевой последовали все девушки-спортсменки, и отныне даже на первомайские парады на Красной площади они выходили в коротких майках без рукавов и в трусиках или в купальниках.

На соревнованиях по теннису особое впечатление на

Короткова произвела своей элегантностью ига Всеволода Вербицкого, считавшегося тогда третьей или второй ракеткой страны. От знатоков со стажем он с удивлением узнал, что этот спортсмен — один из ведущих артистов знаменитого Московского художественного театра. (Вот как складываются традиции: впоследствии во МХАТе играли, порой в одних и тех же спектаклях, еще два теннисных чемпиона: И. Кудрявцев и Н. Озеров.)

Не по годам рослого, крепкого, с прекрасно реакцией и природной координацией движений Александра наперебой приглашали в свои секции тренеры по разным видам спорта. И он с непостижимой легкостью всего после нескольких тренировок не только выполнил все нормы комплекса «Готов к труду и обороне» (он сразу получил красивый, тогда еще на цепочке значок ГТО второй ступени категории «Отличник»), но и спортивного разряда.

Особой любовью Александра был, конечно, футбол. Московские клубные команды разыгрывали тогда первенство столицы. Чемпионат же СССР проводился между сборными городов и республик. Саша Коротков перевидал всех тогдашних выдающихся игроков страны.

Стадион «Динамо» навсегда вошел в жизнь Александра Короткова. Позднее он приезжал сюда на метро — здесь появились два своеобразной архитектуры наземных павильона у выходов к Северной и Южной трибунам, сам стадион опустили на три метра и надстроили трибуны, теперь они вмещали до шестидесяти тысяч зрителей. Еще позднее, в 50-х, Короткова, уже генерала, доставлял на «Динамо» персональный «ЗиМ». Здесь он провел, возможно, свои лучшие часы в жизни, здесь подстерегла его мгновенная, без агонии и мучений смерть…

Возможно, Александр, как и Павел, стал бы профессиональным футболистом, игроком, разумеется, того же московского «Динамо». Однако больше, чем футбол, захватил его другой вид спорта, в те годы далеко не столь популярный и доступный. Называли его тогда лаун-теннис, то есть, теннис на площадке, в отличие от тенниса настольного, в просторечии именуемого пинг-понгом. Последний в двадцатые годы был любим и распространен невероятно. Игровые столы имелись в каждом учреждении, и в обеденные перерывы, а то и после работы совслужащие с упоением гоняли маленький целлулоидный мячик.

Большой теннис — совсем другое дело, для него требовалась особая площадка — корт, дорогостоящие ракетки и мячи, специальная одежда и обувь. До революции то был спорт

избранных, впрочем, таковым он остается и в наши дни. Не случайно, заработки профессиональных теннисистов, входящих в первую мировую десятку, уступают лишь гонорарам чемпионов мира по боксу и звездам американского баскетбола.

Кортов в тогдашней Москве имелось — на пальцах пересчитать. Одно из таких мест принадлежало все тому же спортивному обществу «Динамо» и располагалось на Петровке. Когда-то здесь была барская городская усадьба с большим садом и прудом, которой владел дед известного декабриста А. Одоевского. Потом усадьба перешла в чужие руки, сад вырубили, старинные палаты снесли и воздвигли доходные дома. Пруд засыпали, а на его месте более ста лет назад Императорский яхт-клуб оборудовал каток, который считался лучшим в городе. В 1889 году на его льду состоялся первый чемпионат России по конькобежному спорту.

Одним из ближайших друзей детства (и всей жизни) Саши был сосед по двору, физически крепкий и толковый Борис Новиков[3]. Отец Бориса работал на Петровке то ли сторожем, то ли завхозом, он же зимой ведал и заливкой катка. А потому Борис и его дружок имели возможность пользоваться и льдом, и кортами сколько угодно. Они и пользовались.

Пешая прогулка — денег на трамвай у ребят никогда не имелось — от Троицкой улицы через Цветной бульвар, Трубную площадь и Неглинку до Петровки не занимала много времени, если быстрым шагом, то получалась вроде бы разминка перед игрой. А там, если не было иных, законных посетителей, играй хоть до заката. Немудрено, что за короткий срок и Борис, и Александр стали для своего возраста и той поры весьма приличными теннисистами.

Бывало и так, что на корт приходил кто-нибудь из видных чекистов, а партнера для него на стадионе в это время не находилось. Тогда к сетке, сначала робея, а потом уже как нечто само собой разумеющееся, выходил либо Борис, либо Саша. Несколько раз Короткову приходилось играть против мрачноватого, неулыбчивого мужчины лет сорока пяти, с короткими усиками уголком, ходившего всегда в военной форме (летом в белой гимнастерке), но без знаков различия, и низко надвинутой на лоб фуражке. За всю игру он не ронял ни слова, закончив, лишь кивал головой в знак благодарности. То был сам Генрих Ягода, заместитель председателя ОГПУ.

Однажды, уже в 1928 году, к Александру, тогда зарегистрированному на бирже труда безработному, подошел невысокий, плотного сложения средних лет мужчина. Звали его Вениамин Герсон. Старейший чекист, в прошлом помощник

Дзержинского, а теперь Менжинского и часто замещающего его Ягоды, был страстным любителем спорта, причем всех его видов, от шахмат до высшей школы верховой езды. Неудивительно, что в 1923 году именно он стал одним из самых ярых энтузиастов по созданию спортивного общества «Динамо». Герсон сумел заставить заниматься фигурным катанием самого Артура Христиановича Артузова, начальника КРО — контрразведывательного отдела ОГПУ, а затем ИНО — отдела иностранного, то есть внешней разведки. Зимой Короткову не раз приходилось видеть, как физически крепкий, хоть и невысокий Артузов с его неизменной, тогда еще непоседевшей «мушкетерской» бородкой старательно, но не очень искусно, выписывает на льду «восьмерки»… Саша, разумеется, и представить не мог в самых смелых мечтах, что в недалеком будущем ему предстоит под началом Артузова служить в ИНО.

Так вот, в один прекрасный день Герсон не просто подошел к Короткову с обычной просьбой поиграть с кем-либо из чекистов, но отвел в сторонку и стал дотошно расспрашивать, кто он, собственно, такой, чем занимается, кроме тенниса, сколько классов закончил…

Выяснив, что Короткову уже исполнилось восемнадцать, а образование у него законченное среднее, есть и специальность — электромонтера, Герсон предложил юноше поступить на работу в ОГПУ. Не на службу, а именно на работу — в хозяйственном отделе как раз имеется подходящая для него вакансия — механика по лифтам. Зарплата вполне приличная. К тому же Коротков сможет вступить в ДСО «Динамо» и выступать за него в официальных соревнованиях. Видимо, в этом и крылся секрет приглашения: деловитый и практичный Герсон, страстный болельщик, убивал сразу двух зайцев: получал в одном лице и лифтового, и хорошего многостороннего спортсмена. (В теннис Саша играл в силу крепкого первого разряда.)

Так Александр появился в доме № 2 на Лубянской площади (с 1926 года именовалась уже площадью Дзержинского), тогда еще неперестроенном, принадлежавшем до революции страховому обществу «Россия»…

Лифт в разведку

В первых числах октября 1928 года, следуя наставлениям Герсона, Александр Коротков явился в небольшое здание, примыкающее к главному корпусу ОГПУ, где размещались тогда служба фельдъегерской связи и хозяйственный отдел. Впоследствии, при реконструкции площади Дзержинского и прилегающих улиц, его снесли. Саша заполнил полагающуюся при зачислении на работу в столь серьезное учреждение анкету, предъявил свидетельство об окончании школы второй ступени, метрику — на любую должность в ОГПУ принимали только совершеннолетних.

Через две недели он был зачислен в штат хозяйственного отдела на должность монтера-наладчика лифтов главного здания на площади Дзержинского, на котором по давней и загадочной традиции не было, и по сей день нет доски с названием учреждения. На бюро пропусков и приемной, что размещались на Кузнецком мосту, соответствующие доски наличествовали. А на главном — отсутствовали. Возможно, в этом таится нечто глубоко конспиративное.

В обиходе должность Короткова и его коллег называлась просто — лифтовый. Лифты, сохранившиеся еще со времен страхового общества «Россия» — с роскошными кабинами, со стенками из дорогого полированного дерева, зеркальными стеклами, сверкающими медными поручнями и прочими деталями отделки, были тихоходными, но зато совершенно бесшумными. Приводившие их в движение моторы и системы управления требовали повседневного ухода и квалифицированного обслуживания, потому как запасных частей к ним на складе давно и в помине не было. Посему лифтовому приходилось заниматься их ремонтом едва ли не каждый день, поскольку капризная, изрядно изношенная механика то и дело выходила из строя.

Один из лифтов, доставшихся Короткову, обслуживал главный подъезд здания ОГПУ — тот, что выходил на площадь Дзержинского. На этом лифте поднимались на третий этаж руководители ведомства. Однако не возбранялось пользоваться им и сотрудникам иностранного отдела, размещавшегося тогда на четвертом этаже, а также контрразведчикам и особистам, обитавшим на пятом.

Строго говоря, в служебные обязанности лифтового входило обслуживание самих лифтов, как средств так называемого «вертикального транспорта», а не их пассажиров. Лифтовые были

механиками. Однако, если Коротков не был уверенным в надежности проведенного очередного профилактического ремонта или просто проверял работу подъемника, он мог в течение часа, а то и двух поработать в качестве лифтера.

Лифтовые дежурили посменно сутками, потом двое отдыхали. Потому за неполный год пребывания в этой должности Саша Коротков перевидал, можно сказать, если не всех, то, во всяком случае, многих руководителей и ответственных сотрудников ОГПУ.

По тогдашним правилам оперативные работники встречались со своей агентурой, в основном, если не происходило что-либо чрезвычайное, после окончания присутственных часов. После встречи на конспиративной квартире — КК — или на воздухе, где-нибудь в Сокольниках, они возвращались на службу, чтобы составить отчет о встрече, и только после этого расходились по домам. Иногда — далеко за полночь, а то и под утро.

Председатель и его заместители нередко также поздно вечером направлялись по вызову с докладом к высшему руководству — в Кремль или в ЦК — почти напротив, чуть левее, наискосок, на Старую площадь.

Самым значительным из руководителей был, конечно, председатель ОГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский, ближайший сподвижник и естественный преемник Дзержинского. Это был красивый, весьма импозантной внешности уже немолодой человек с интеллигентным лицом, всегда по-европейски одетый, с учтивыми манерами. У него были густые темные усы. Входя в помещение, он обычно надевал пенсне, которым на улице никогда почти не пользовался. Коротков был потрясен, когда узнал, что Менжинский свободно владел то ли семнадцатью, то ли восемнадцатью языками, в том числе фарси (персидским) и японским.

Уже тогда Менжинский был очень болен, из-за поврежденного много лет назад в автомобильной аварии позвоночника, работал полулежа в глубоком кресле, или даже на диване. Потому значительную долю организационных дел постепенно забрал на себя его заместитель Ягода. Теперь Коротков повидал еще двоих заместителей Менжинского — Якова Агранова (он был одним из немногих в руководстве ОГПУ, кто, как и Ягода, почти всегда носил военную форму) и невысокого, щуплого, на вид невзрачного Михаила Трилиссера. На самом деле Трилиссер был одним из самых выдающихся основателей и руководителей внешней разведки, именуемой тогда иностранным отделом — ИНО. Запомнился Короткову и вертлявый, неприятный мадьяр (из бывших австро-венгерских пленных) с

бегающими острыми глазками — начальник оперативного отдела и личной охраны Сталина Карл Паукер. Этого отличали до невероятного, прямо-таки зеркального блеска начищенные сапоги.

Как и другим вольнонаемным служащим, Короткову иногда давали пригласительные билеты на спектакли, концерты и киносеансы, которые устраивались для сотрудников и членов их семей в клубе ОГПУ на улице Дзержинского, 13[4]. На одном из концертов самодеятельности после торжественного собрания по случаю какого-то праздника на сцену вдруг поднялся начальник контрразведывательного отдела (КРО) Артузов. Ничуть не смущаясь своим высоким положением члена коллегии и начальника одного из ведущих отделов, он к крайнему изумлению Короткова великолепным тенором исполнил несколько неаполитанских песен на итальянском языке, а затем и русских романсов, заслужив бурные аплодисменты слушателей. Позже Коротков узнал, что для Артузова участие в товарищеских вечерах дело обычное.

Еще одна примечательная личность невольно обратила на себя внимание юного лифтового: худощавый, с пронзительным взглядом Глеб Бокий. Зимой и летом он почему-то ходил в одном и том же долгополом легком плаще неопределенного цвета и такой же кепке. Бокий много лет возглавлял ленинградское управление ОГПУ, а теперь был начальником специального отдела в Центре.

Особое уважение у Короткова вызывали немногие сотрудники с орденами Красного Знамени, плотно привинченными к суконным гимнастеркам. Впрочем, здесь, на Лубянке, порой с не меньшим уважением относились и к тем, у кого был рельефный, из серебра с эмалью знак «Почетного чекиста». Его обладатели пользовались особым пожизненным правом — даже при переводе на другую работу, или вообще уходе на пенсию они по наградному удостоверению могли входить во все здания ОГПУ (кроме тюрем) без пропуска. Позднее, при наркоме НКВД Ежове, этот порядок был отменен. Правда, к тому времени обладателей таких знаков, особенно первого выпуска (1922 года) либо уже не было в живых, либо они сидели в той самой внутренней тюрьме, куда раньше вход им был заказан…

В ОГПУ все любили знаменитого поэта Владимира Маяковского, многие чекисты наизусть знали его стихотворение «Солдаты Дзержинского». Маяковский написал его к десятилетию ВЧК и посвятил своему другу, крупному украинскому работнику Валерию Горожанину. Саша несколько раз встречал поэта на улице — тот жил по соседству, за углом, в Лубянском проезде[5].

А однажды Маяковский вдруг появился у них в ОГПУ. Рослый, широкоплечий, с пронзительными темными глазами, в просторном заграничном пальто фасона «реглан», в заграничных же башмаках на толстенной подошве, с папиросиной в крепко сжатых крупных зубах…

Потом кто-то рассказал Короткову, что Маяковский приходил по личному делу- продлить разрешение на хранение именного пистолета, который ему на юбилейных торжествах в Харькове, тогдашней столице Украины, от имени коллегии ГПУ республики вручил тот же Горожанин. Пройдет два с половиной года, и великий поэт пасмурным апрельским днем застрелится именно из этого оружия…

Значительная часть ответственных сотрудников ОГПУ были, с точки зрения Александра, людьми пожилыми — лет тридцати пяти, сорока, часто большевиками с дореволюционным стажем, активными участниками революции и гражданской войны. Но еще больше было уже людей молодых, чуть старше самого Короткова — почти поголовно комсомольцы, а то и партийцы. Вот они-то и будили в его душе чувство белой зависти. В глазах Саши они являлись рыцарями революции и одновременно ее чернорабочими. Страна доверила им обеспечить безопасность государства от многочисленных врагов, как тогда говорили, наемников иностранного капитала и внутренних контрреволюционеров.

Так в душе молодого парня зародилась мечта, поначалу казавшаяся несбыточной: стать чекистом. Может быть, даже разведчиком. Тут в его сознании сливались два потока: безусловное стремление войти в когорту защитников государства трудящихся и революционная романтика. Та самая романтика, что толкала молодых людей тех и последующих лет на покорение Арктики, «пятого» — воздушного океана, строительство Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре, приводила на добровольную службу в военно-морской флот и пограничные войска. Не исключено, впрочем, что присутствовала в этом и определенная доля черт характера и склонностей, которая называется нехорошим, дискредитировавшим себя словом авантюризм. Это глубоко несправедливо, поскольку именно искателям приключений человечество обязано великими географическими открытиями, находками золота Трои, раскрытием тайн египетских пирамид и технологии изготовления китайского фарфора — всего не перечислить, вплоть до космических свершений наших дней. И то, что последние достижения в этой и других сферах зиждутся на солидной научной базе, нисколько не умаляет известной увлеченности духа

— того же авантюризма — самих исследователей-первопроходцев. А потому Нансен, Кусто, Гагарин, Армстронг принадлежат к той же славной человеческой породе, что Колумб, Хабаров, Шлиман и братья Райт.

Авантюризм, как любовь и стремление к приключениям, особенно связанным с риском, преодолением опасностей — неотъемлемое свойство молодости, можно только пожалеть тех, кого оно миновало по какой-либо причине, чаще всего — душевной лени и эмоциональной глухоте.

Саша Коротков, как и тысячи его сверстников, был глубоко предан идеям революции и строительства социалистического общества, он был тогда романтиком и в определенной степени склонен к авантюрам, был смел и решителен, обладал сильной волей. Решительность, похоже, он унаследовал от матери, отважившейся, как мы знаем, на поступок и в наши дни, а тогда уж и вовсе неординарный. Укреплению его духа не могли не способствовать и крутые, даже жестокие нравы улицы, для противостояния которым требовалась и воля, и физическая сила.

А потому самой судьбой ему было предопределено не вечно заниматься бесконечным ремонтом и наладкой древнего лифтового хозяйства большого дома на Лубянке, но в один прекрасный день самому стать полноправным членом чекистского сообщества, если угодно — особого ордена со своими особыми же, тщательно скрытыми от стороннего взора уставом и традициями. Чем он станет заниматься в этом сообществе при таком повороте событий, Коротков не представлял. Знал только, что будет очень стараться, чтобы не ударить в грязь лицом, зарекомендовать себя с лучшей стороны. Чем он хуже других, в конце концов.

Он действительно был не хуже, а лучше многих. И по деловым, и по нравственным качествам, хотя говорить о нем как о человеке безупречном во всех отношениях, без слабостей и недостатков, разумеется, не приходится. Примечательно, что ветераны внешней разведки высказывают сегодня о Короткове мнения прямо противоположные. Одни не скрывают своего восхищения, другие — откровенной неприязни. Похоже, что и у тех, и у других есть для этого свои основания.

Ныне мы во многом справедливо переоцениваем факты своей истории, в том числе истории органов государственной безопасности. Репутация многих лиц, которыми не только чекисты, но и вся страна когда-то гордилась, сегодня поблекла, а то и хуже — оказалась безнадежно скомпрометированной фактами, ставшими явными. Что-то из того, что делал по роду своей службы Александр Коротков и его коллеги в последующие

тридцать лет, мы сегодня принять не можем. Но мы — люди другой эпохи и отчасти (только отчасти!) другой страны. Мы судим поступки и деяния наших предшественников по иной шкале ценностей. Иногда справедливо, а порой и нет. Но при всей относительности нынешних и будущих оценок (и переоценок), в «сухом остатке» всегда остается от отшумевшей жизни самое существенное, главное, определяющее место человека в истории и памяти потомков.

Участие Суворова в подавлении пугачевского бунта и штурме Варшавы не поколебало его репутации великого русского полководца. Картежничество Некрасова, алкоголизм Мусоргского, скверный характер Лермонтова также не мешают нам причислять их к сонму великих соотечественников. Нужно только видеть — если не считать их безусловной гениальности в конкретной сфере человеческой деятельности — в них обычных людей, живших или живущих на бренной земле, а не витающих в небесах бестелесных ангелов.

В «сухом остатке» Александра Короткова — честное служение Родине в самые трудные ее времена, защита исторически объективных государственных интересов страны и, безусловно, выдающиеся заслуги на этом поприще. К сожалению, те же интересы государственной безопасности, невзирая на многие десятилетия со дня кончины разведчика, не позволяют и сегодня в полной мере рассказать о тех событиях, в которых он участвовал лично или которыми руководил.

Уважаемому читателю, к сожалению, в какой-то степени придется на слово поверить автору, что не за красивые глаза Коротков стал единственным разведчиком, удостоенным кроме ордена Ленина, ордена Отечественной войны I степени, двух орденов Красной Звезды — ШЕСТИ орденов Красного Знамени! И не просто было заслужить в одной из самых сильных разведок мира — советской внешней разведке — почетное прозвище «короля нелегалов»!..

Ни в ВЧК, (разве что в первые месяцы ее существования), ни в ОГПУ, ни позднее в НКВД, МГБ и КГБ никогда не существовало практики пополнения ее кадров за счет добровольцев. Отделы кадров органов госбезопасности либо сами подбирали кандидатов на службу, либо принимали их по направлению партийных и комсомольских организаций. Особое внимание при этом уделялось «анкетной чистоте» кандидатов, их негласно проверяли до пятого колена, изучались все близкие и дальние родственники, при этом страшным грехом почиталось наличие таковых за границей (даже если сам изучаемый и не подозревал об их существовании), или причастность кого-либо из близких к

троцкистской или иной оппозиции, нахождение на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны (даже в младенческом возрасте), порой принадлежность к какой-либо опальной национальности. Проверка затягивалась на долгие месяцы. Если в поле зрения «органов» попадал, к примеру, студент второго курса, за ним могли наблюдать вплоть до момента получения диплома. Случалось, ничего не подозревающий кандидат женился за это время, скажем, на дочери священнослужителя, или лица «дворянского происхождения» — такого незамедлительного выбраковывали.

Исключение в двадцатые и начало тридцатых годов составляли лишь иностранные коммунисты и революционеры, которых по линии Коминтерна привлекали для закордонной работы Иностранный отдел ОГПУ и Разведупр Красной Армии. Иначе никогда не бывать сотрудниками ИНО Теодору Малли или Арнольду Дейгу. Да что там говорить — из-за «пятен» в анкете так и не стал кадровым сотрудником, не получившим специального, или воинского звания легендарный Николай Кузнецов.

Слава Богу, большинство будущих разведчиков, прошедших частные и многочисленные кадровые сита, оказались честными и порядочными людьми хотя бы потому, что просто-напросто подавляющая часть советских юношей и девушек той поры именно таковыми и являлись.

К сожалению, достаточно велик список безукоризненно «чистых» по анкетным данным людей, зачастую выходцев из семей высокопоставленных партийных и советских вельмож (вплоть до сына министра СССР), ставших перебежчиками и изменниками.

Статный (уже к девятнадцати годам вымахавший на 185 сантиметров, и это не в эпоху нынешней акселерации, а на скудные харчи послереволюционных лет), внешне привлекательный, явно толковый и грамотный парень — лифтовый в главном корпусе ОГПУ, просто не мог остаться незамеченным среди многих десятков служащих, относящихся к вспомогательному, как тогда говорили, техническому персоналу. К нему стали приглядываться, и не только с точки зрения спортивных возможностей. Поначалу Коротков этого повышенного внимания к своей скромной персоне не замечал, но вскоре, будучи от природы человеком наблюдательным, оное засек, но виду не подавал. Разве что следил, дабы в случайном разговоре не сморозить глупость или просто брякнуть лишнее.

С точки зрения анкетной чистоты у Короткова не все обстояло благополучно. Во-первых, он не состоял в комсомоле.

Вступить в ряды ВЛКСМ ему, ранее подручному электромонтера-частника, а затем безработному, было попросту негде. Во-вторых, его отец до революции был банковским служащим, то есть как бы принадлежал к чуждому элементу, к тому же сейчас вообще находился неизвестно где.

Удивительное дело! Эти неблагоприятные элементы не стали непреодолимым препятствием для зачисления Короткова в штат сотрудников ОГПУ, а в дальнейшем для успешной карьеры, вплоть до генеральского звания. Похоже, в пресловутых кадрах заседали не одни только чинуши, непригодные для самостоятельной оперативной работы.

В 1929 году Коротков был принят на службу в ОГПУ, к тому же в его самый элитарный — Иностранный отдел делопроизводителем.

Свой…

Итак, в 1929 году Александр Коротков формально стал своим человеком на четвертом этаже большого дома на Лубянке. Но пока — только формально. Стать своим по-настоящему можно было, лишь удостоившись хотя бы начального ранга полноправного сотрудника — помощника оперуполномоченного. На это требовалось время, способности, а также возможность зарекомендовать себя способным к оперативной работе. Иначе можно было прозябать в качестве одушевленного приложения к скоросшивателям не один год.

И все же… Новое назначение, кроме сияющей перспективы, означало, и это немаловажно, значительное улучшение материального положения Короткова и его семьи. Теперь он получал примерно сто двадцать рублей, среднюю зарплату государственного служащего низового звена. Правда, из этого жалованья рублей двадцать пять вычиталось на взносы по внутреннему государственному займу, кроме того, нужно было в обязательном порядке записаться в кооператив ОГПУ, а также многочисленные добровольные общества: МОПР, Осоавиахим, «Друг детей» и тому подобные. Так что на руках реальных денег оставалось существенно меньше.

Реальной привилегией было лишь членство в кооперативе ОГПУ — в 1928 году были вновь введены карточки на хлеб, а затем на другие продовольственные и промышленные товары, а в своем закрытом «распределителе» выбор продуктов был все же побогаче, чем в обычных городских магазинах.

Что входило в обязанности Короткова?

Как явствует из самого названия должности, доставшегося Советской власти от департаментов времен Салтыкова-Щедрина, — делопроизводство. Иначе — ведение всего документального хозяйства в целом, поскольку конкретные оперативные дела вели сами оперуполномоченные. Утро для Короткова начиналось с разбора, приемки и распределения почты. Причем, несекретными материалами в ней были разве что газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Труд» и некоторые другие. Поступали также иностранные газеты и эмигрантские периодические издания, выходящие в Париже, Берлине, Праге, Белграде, иных зарубежных столицах. Эти уже считались «для служебного пользования», хотя совсем недавно их мог свободно читать в партийных клубах любой член ВКП(б).

Все остальное было секретным и совершенно секретным. Входящие и исходящие документы. Материалы, поступающие из

других отделов и подразделений. Приказы по ИНО и ОГПУ. И прочее, и прочее. По укоренившейся традиции чуткие старшие товарищи возлагали на делопроизводителей всякую мелкую, но кропотливую общественную работу, вроде сбора членских взносов в то же общество «Друг детей», распределения бесплатных билетов в театры и кино, а также талоны на питание в закрытой столовой ОГПУ на улице Дзержинского, 13. Обеды в ведомственной столовой были серьезным подспорьем в тогдашнем рационе чекистов. Сотрудники постарше, у кого были семьи, не стеснялись порой заворачивать кусок хлеба и сомнительно бледную от обильной примеси к фаршу того же хлеба котлету, чтобы унести домой.

Постепенно Коротков осваивался в коллективе центрального аппарата ОГПУ, тогда еще далеко не столь многочисленного, как в тридцатые годы. Как-то незаметно познавал недолгую, но богатую событиями историю Иностранного отдела.

Впервые органы ВЧК начали вести разведывательную работу за рубежом уже в начале 1918 года. Когда по-настоящему развернулась гражданская война, а также началась интервенция, возникла необходимость ведения контрразведки, то есть борьбы со шпионажем в армии и на флоте. С этой целью были созданы особые отделы (ОО) в воинских формированиях и ряде губерний, особенно прифронтовых, а также Особый отдел ВЧК. Примечательно, что некоторое время ОО ВЧК руководили лично председатель ВЧК Ф. Дзержинский и его заместитель В. Менжинский. В Особом отделе начинал свою деятельность будущий руководитель КРО и ИНО А. Артузов.

Именно в недрах Особых отделов в апреле 1920 года были образованы специализированные разведывательные подразделения — Иностранный отдел в Центре и иностранные отделения на местах. В разработанной тогда инструкции указывалось, что при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР за границей будет создана резидентура во главе с резидентом с целью агентурного проникновения в интересующие объекты. То было начало создания так называемых «легальных» резидентур. В тех же странах, с которыми РСФСР не имела тогда дипломатических отношений, должны были действовать резидентуры с позиций нелегальных.

Последующие месяцы показали, что новообразованным подразделениям в рамках чисто военной контрразведки, которыми являлись Особые отделы, явно тесно. Сразу выявилась специфика внешней политической разведки, в отличие от сугубо армейской.

12 декабря 1920 года Ф. Дзержинский отдал управляющему

делами ВЧК следующее распоряжение: «Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов, или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия. Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты от ВЧК могут посылаться только этим отделом».

Приказ, являвшийся, конечно, результатом не только данного распоряжения, но и длительного рассмотрения существа дела в Правительстве и ЦК партии, за № 169 был подписан Ф. Дзержинским 20 декабря 1920 года. Так возникла советская внешняя разведка, преемницей которой является Служба внешней разведки Российской Федерации (СВР РФ).

Одно время Иностранный отдел входил в состав так называемого Секретно-политического управления, а потому именовался ИНО СПУ ОГПУ. Он вообще часто реформировался, менялась его нумерация в системе НКВД-НКГБ-МГБ и как отдела, и, позднее, как управления и главного управления. Был даже период, когда его вообще выводили из системы органов государственной безопасности.

Восемь лет ИНО возглавлял старый большевик со значительным опытом еще дореволюционной конспиративной работы Михаил Абрамович Трилиссер. Одновременно он был одним из заместителей председателя ОГПУ В. Менжинского. Именно Трилиссер в конечном счете и решил вопрос о зачислении Александра Короткова в центральный аппарат разведки, который насчитывал тогда всего чуть больше семидесяти человек. Сотрудники Центра распределялись по шести географическим секторам (позднее секторы стали называться отделениями). Примерно столько же человек работали в зарубежных резидентурах.

На территории иностранных государств советские разведчики тогда в первую очередь должны были выявлять контрреволюционные организации, ведущие подрывную работу против СССР, освещать линию этих стран по отношению к нему, выявлять правительственные и частные учреждения, занимающиеся шпионажем против советской страны, добывать документы и материалы, которые можно было использовать в борьбе с этими организациями и их лидерами, наконец, они занимались контрразведывательным обеспечением советских представительств и граждан за рубежом.

К тридцатым годам ИНО обладал хорошими агентурными позициями в тех странах, которые справедливо считались

главными возможными противниками СССР — Франции, Польше, в меньшей степени в Англии. Достаточно прочно советская разведка обосновалась и в не очень влиятельных в Европе, но граничащих с СССР Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве. Не были обделены вниманием ОГПУ Турция, Югославия, Болгария, Румыния, в которых осело значительное число российских эмигрантов, в том числе военных. Разведчики и агенты ИНО действовали также в ряде стран Азии и в Северной Америке.

Самые сильные резидентуры — как легальные, так и не легальные — действовали в Германии. На то было две причины. Первая — Берлин стал наряду с Парижем, одним из двух главных центров русской эмиграции, в том числе контрреволюционной. В нем осело, по приблизительным подсчетам, более ста тысяч беженцев из бывшей Российской империи. Вторая — побежденная в Первой мировой войне Германия являлась центром притяжения, в котором сходились интересы таких тогда ведущих капиталистических держав, как Англия, Франция, Италия, набиравшие все больший вес в международных делах Соединенные Штаты Америки и даже Польша. Это означало, что Германия оказывалась кладезем политической и экономической информации всего западного мира.

На протяжении целого десятилетия между СССР и Германией существовали совершенно особые, не имеющие аналогов в истории отношения. Германия вышла из Первой мировой войны обезоруженной, потерявшей часть своей территории, униженной. По Версальскому мирному договору ее армия не могла превышать 100 тысяч человек (не более семи пехотных и трех кавалерийских дивизий). Ей было запрещено иметь танки, подводные лодки, военную авиацию. Генеральный штаб подлежал ликвидации. Численность личного состава военного флота не должна была превышать 15 тысяч человек (экипажи и береговые службы шести «карманных» линкоров, шести легких крейсеров, двенадцати контрминоносцев).

Эльзас и Лотарингия возвращались Франции. Создавалась Рейнская демилитаризованная зона. Управление Сааром на 15 лет отходило к Лиге Наций. Под ее же эгиду подпадал Данциг (Гданьск) с прилегающей территорией со статусом «вольного города». Польше возвращалась часть Верхней Силезии. «Польский кордон» фактически отрезал от Германии Восточную Пруссию с Кенигсбергом.

В стране царило всеобщее недовольство, усугубленное чудовищной послевоенной инфляцией и безработицей. Тем самым недальновидные политики стран-победительниц сами подготовили почву для роста реваншистских настроений и

реакционного экстремизма, естественным результатом чего явилось зарождение и буйное распространение нацизма.

Те же самые западноевропейские демократии, к которым присоединились и США, стали поддерживать эти опасные тенденции, желая превратить Германию в плацдарм будущего похода на СССР. Парадокс заключался в том, что великие державы, поставив Германию в подчиненное положение и воздвигнув вокруг СССР пресловутый «санитарный кордон», прямо-таки толкнули две страны к вынужденному сотрудничеству друг с другом. На те самые десять лет.

Откровенная ненависть Запада к новому государству, возникшему на месте Российской империи, многолетняя изоляция СССР — достаточно напомнить, что США признали его лишь в 1933 году с приходом в Белый дом президента Франклина Делано Рузвельта — имели прямое и резко отрицательное воздействие на развитие советского общества. Враждебностью и опасностью капиталистического окружения, угрозой войны будут объясняться все беды и несчастья населения СССР его вождями. Отсюда — страх перед всем заграничным и болезненное недоверие к нему, изоляция от мировой науки и культуры, пренебрежение к правам человека и демократическим свободам, объявленным ложными ценностям буржуазного строя. В конечном счете это тоже способствовало идеологическому обоснованию «большого террора» тридцатых годов. Когда в СССР пройдут знаменитые «московские процессы», а затем начнутся массовые расстрелы, никто на Западе не выступит с протестом, ни одно демократическое правительство не отзовет своего посла, никто не осудит чудовищные по масштабам и жестокости необоснованные репрессии. Потому что объективно «большой террор» ослаблял мощь, экономическую и военную, Советского Союза, а это было только на руку просвещенному, демократическому Западу, прекрасно осведомленному и о расстрельных подвалах, и о концлагерях на одной шестой земной суши…

Но вернемся к Германии двадцатых годов. После подписания в 1922 году Рапалльского договора, наша страна и Веймарская республика теснейшим образом сотрудничали друг с другом. Советский Союз вел взаимовыгодную торговлю. От Москвы до самых до окраин в домах стрекотали швейные машинки фирмы «Зингер», горожане чистили зубы порошком фирмы «Хлородонт», фотокорреспонденты снимали аппаратами «Лейка», даже «лампочки Ильича» на деле оказывались продукцией фирмы «Осрам», наконец, во всех парикмахерских стригли ножницами и брили бритвами, изготовленными из знаменитой стали в немецком городе Золинген.

Тысячи немецких специалистов: инженеров, техников, мастеров, высококвалифицированных рабочих трудились на множестве строек первых пятилеток. Новые заводы и фабрики оснащались немецким оборудованием, станками, приборами.

В СССР получили концессии крупные немецкие фирмы «Борзин», «Демаг» и другие. Немцы оказывали помощь в сооружении крупных объектов оборонной промышленности. С этой целью нашу страну посетили немецкие генералы Вернер фон Бломбер — будущий военный министр, и Курт фон Хаммерштейн-Эквард, будущий начальник генерального штаба Германии. В 1934 году генерал-полковник фон Хаммерштейн-Эквард, не желая служить Гитлеру, уйдет в отставку. Его сын, обер-лейтенант Людвиг барон фон Хаммерштейн-Эквард, тяжело раненный под Сталинградом, примет участие в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 года, после его подавления чудом останется в живых, укроется в подполье, где и пробудет до 2 мая 1945 года! Сорок с лишним лет спустя, высокий, худой, с поразительной для его возраста истинно прусской военной выправкой барон будет водить автора по тому самому зданию бывшего военного ведомства, где заговорщики приняли свой последний, безнадежный бой. Он покажет и то место во внутреннем дворе, где при свете автомобильных фар гитлеровцы расстреляли полковника Клауса Шенка, графа фон Штауффенберга, подложившего адскую машинку в ставке Гитлера. Фюрер тогда чудом уцелел…

Некоторые формы сотрудничества двух стран проводились в обстановке глубокой секретности. Так, в Москве в районе Филей, в Харькове и Самаре при участии фирмы «Юнкерс» (с согласия самого знаменитого конструктора Гуго Юнкерса) строились авиационные заводы. Другие совместные авиапредприятия возводились в Ярославле и Рыбинске. Немецкие авиаспортсмены, обучившиеся на родине летать на планерах и легкомоторных бипланах, совершенствовали на протяжении полугода свое мастерство в Липецке. По Версальскому договору немцы имели право готовить пятерых летчиков… в год. В липецкой школе ежегодно выпускали сорок пилотов. Столь же усиленно в Казани в танковой школе обучали немецких курсантов. Во всех этих учебных центрах немецкие специалисты рядом с советскими вели исследовательские работы по изучению зарубежной военной техники и созданию новой.

Наконец, высшие командиры Красной Армии получали возможность присутствовать на маневрах небольшого, но хорошо обученного рейхсвера, а вплоть до начала тридцатых годов в Германии функционировали курсы для слушателей из

Генерального Штаба РККА. Ключевую роль в их организации сыграли знаменитый советский военачальник, будущий маршал Михаил Тухачевский и не менее известный немецкий генерал Ганс фон Сект[6].

Трудно сказать, во что могло развиться это тесное и взаимовыгодное сотрудничество, если бы не приход в Германии к власти в январе 1933 года НСДАП во главе с ее фюрером, а теперь уже и рейхсканцлером Адольфом Гитлером. А пока что отношения между двумя «обиженными» странами развивались внешне безоблачно. Казалось бы… Но только казалось…

В 1927 году в Берлин приехала советская банковская делегация для очередных переговоров. В ее состав в качестве третьестепенного эксперта входил некто Николай Иванович Пахомов — немолодой человек, явно из «бывших», всегда аккуратно причесанный и гладко выбритый, в очках в позолоченной оправе. Из других членов делегации он выделялся разве что безукоризненным немецким языком. Но как бы поразились собеседники скромнейшего Николая Ивановича, если бы узнали, что этот застенчивый совслужащий мог так же свободно, как по-немецки, объясняться и на японском, и на персидском, и еще на доброй дюжине языков. Большим, нежели председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, числом языков владел только сотрудник ИНО Дмитрий Быстролетов.

Троцкий однажды назвал Менжинского «тенью человека». Это, возможно, соответствовало действительности в том смысле, что при жизни Дзержинского Вячеслав Рудольфович как бы держался за его спиной. Однако сотрудники ОГПУ прекрасно знали, что из-за большой занятости Дзержинского другими своими обязанностями (в Высшем совете народного хозяйства, наркомате путей сообщения, в ЦК), именно Менжинский руководил основной деятельностью оперативных отделов, в первую очередь КРО и ИНО. И руководил весьма квалифицированно. К сожалению, из-за слабого здоровья во второй половине двадцатых годов он уже будучи председателем ОГПУ, все чаще передавал значительную долю своих полномочий своему первому заместителю, обладавшему недюжинными организаторскими способностями Генриху Ягоде.

У Менжинского был глубокий, проницательный и аналитический ум. Он много лет провел в эмиграции и прекрасно ориентировался в зарубежной жизни. Менжинский быстро разобрался в обстановке в Германии, уловил тенденции в ходе событий, в частности, рост реваншистских настроений, стремление милитаристских кругов в самой стране и за ее пределами к перевооружению, отказу от Версальских соглашений.

Главное, он почувствовал, что именно в Германии зреет угроза будущей европейской, а то и мировой войны. Он же разглядел политическое будущее — серьезное и опасное — человека, к которому многие европейские политики относились как к городскому сумасшедшему. Речь идет о вожде, или, как его называли сподвижники, фюрере НСДАП Адольфе Гитлере.

Вернувшись в Москву, Менжинский доложил о своих наблюдениях руководству страны, а затем вызвал к себе для долгого и обстоятельного разговора начальника КРО Артузова и начальника ИНО Трилиссера. С этого момента советская разведка и контрразведка стала уделять германским «линиям» особо пристальное внимание, независимо от того, как там обстояли дела белоэмигрантские, ранее приоритетные.

В Германии и сопредельных с ней странах стали укрепляться легальные и нелегальные резидентуры, расширяться агентурная сеть. В этой стране работали тогда и в последующие годы многие выдающиеся советские разведчики — с разными заданиями, с разных позиций, под разным прикрытием.

Гордый зачислением на службу, тогда еще восторженно настроенный молодой человек не мог, вместе с миллионами его сограждан, понимать, что органы государственной безопасности все более глубоко перерождаются в политическую полицию в руках партийной элиты. Несколько лет спустя об этом открыто на партактиве уже НКВД заявил Артур Христианович Артузов. После чего и исчез бесследно.

Примечательно, что создатель и первый руководитель органов государственной безопасности. Ф. Д. Дзержинский регулярно информировал о деятельности ВЧК-ОГПУ председателя совнаркома В. Ленина, позднее его преемника на посту главы советского правительства А. Рыкова. И никогда — И. Сталина, как секретаря ЦК. После смерти Дзержинского все изменилось. И Менжинский, и, тем более, Ягода обо всем существенном в первую очередь ставили в известность Старую площадь, и лишь во вторую Кремль. Пока Сталин окончательно не перенес за древние зубчатые стены свою основную резиденцию.

Все более откровенно главной задачей чекистов становилась не борьба с подлинными шпионами, диверсантами, террористами (которая, объективно говоря, никогда, конечно, не прекращалась), а также закордонная разведка, но преследование всякого рода оппозиции в самой коммунистической партии, осколков существовавших ранее в России политических партий и образований (в том числе даже революционных, вроде меньшевиков, эсеров, анархистов) — «религиозников», «националистов» и вообще любых инакомыслящих. Под

недреманное пристальное наблюдение специальных отделений в структуре ОГПУ, так называемых «секретно-политических», автоматически попадали все исключенные из ВКП(б), а затем и партийцы, которые хоть раз в жизни когда-либо голосовали за платформу Троцкого, даже в те годы, когда он входил в состав Политбюро, а в правительстве занимал второй по значимости — после Ленина — пост председателя Реввоенсовета.

Парадоксально, но многие чекисты, особенно старших возрастов, участвовавшие в революции и гражданской войне, по многим вопросам внешней и внутренней политики стояли на позициях Троцкого, а не Сталина. Сталин для них был всего лишь высокопоставленным партийным работником, выдвинувшимся в последние несколько лет в руководство партии, но никак не вождем и беспрекословным авторитетом по любой проблеме.

Эта наивность будет стоить им не только своих постов, но и жизни. Впрочем, плохо кончит и выдвинувшийся именно благодаря поддержке со стороны Сталина Ягода, последний руководитель органов госбезопасности с дореволюционным партстажем. Человек не столько умный, сколько хитрый и изворотливый, Ягода первыми ступеньками в своей карьере обязан одновременно родством и свойством с близким соратником Ленина Яковом Свердловым. Правда, рано умерший председатель ВЦИК этому никак не способствовал, для него родственные чувства заканчивались за порогом квартиры. Но это правда, что отцы Свердлова и Ягоды приходись друг другу двоюродными братьями. К тому же Генрих Григорьевич женился на родной племяннице Якова Михайловича, дочери его сестры, Иде Авербах. Родной же брат Иды — Леопольд Авербах был третьеразрядным литератором, но зато весьма влиятельным деятелем на «литературном фронте» — председателем пресловутого РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей. На этой стезе Авербах нанес трудно исчислимый вред отечественной литературе. Расстреляли его, однако, уже в бытность на партработе в… Свердловске (!), конечно, не за это, а именно за родство с Ягодой. Примечательно, что секретарем при Авербахе состоял тоже далеко не безгрешный Александр Фадеев. Однако автор «Разгрома» и «Молодой гвардии» свою вину перед сотнями расстрелянных советских писателей, когда он фактически возглавлял ССП, искупил после двадцатого съезда КПСС выстрелом в сердце.

Еще при жизни Менжинского Ягода стал «чистить» аппарат ОГПУ в центре и на местах, постепенно убирая из него авторитетных, профессионально сильных сотрудников, часто старых большевиков, но главное — людей, способных

самостоятельно мыслить и отстаивать свое мнение. Так, ловко интригуя, ему удалось убрать из ОГПУ равного ему по должности Трилиссера. Того удалили, конечно же, через ЦК на достаточно крупный пост — заместителя наркома рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Через год Ягода избавился и от преемника Трилиссера на посту начальника ИНО Станислава Мессинга — этого, как тогда говорили, перебросили в наркомат внешней торговли. Еще одного слишком умного — начальника Особого отдела Яна Ольского назначили… начальником сети ресторанов и прочих объектов общественного питания! Позднее их расстреляли…

Ягода умел хорошо подать себя. Он подбил А. М. Горького, чьим земляком, как и Свердлов, был по Нижнему Новгороду, на организацию знаменитой поездки группы видных писателей по только что открывшемуся Беломорско-Балтийскому (ББК) каналу. Ее результатом стало быстрое и роскошное издание книги коллектива авторов о том, как замечательные чекисты перековывают на подобных стройках вчерашних уголовников и вредителей в полноценных граждан Страны Советов.

Не будем сегодня винить авторов очерков, вошедших в этот сборник, в раболепии. Среди них — абсолютно честные люди, например М. Зощенко. Стройка действительно могла произвести на пассажиров теплохода самое благоприятное впечатление. Лагеря ББК еще не стали тогда лагерями смерти, как несколько лет спустя зоны Колымы и Воркуты. К тому же среди заключенных было действительно достаточно много настоящих уголовников, в том числе знаменитостей в своей среде. Писателей приглашали в поездку от имени Горького, живого классика, абсолютного авторитета для каждого советского литератора. Естественно, что приглашение участвовать в поездке, а затем и в сборнике расценивалось ими искренне за большую честь. Однако очень скоро книга была изъята из всех библиотек. Слишком много ее авторов и героев оказались «врагами народа».

Александр Коротков по молодости и краткости пребывания на Лубянке смысла и значения перемещений в руководящем эшелоне ОГПУ не понимал и понимать не мог. В конце концов, переводы с одной работы на другую в принципе дело обычное, а о том, что стояло за каждым конкретным снятием и назначением, рядовые сотрудники не оповещались, а гадать вслух было не принято.

Определенное замешательство — слово «пересуды» тут никак не подходит — вызвало лишь дело Якова Блюмкина. Оно и в самом деле было необычным и само по себе, и по своим последствиям. Для многих старых сотрудников, оно явилось

грозным предупредительным «звонком». Речь идет о том именно Блюмкине, который, будучи ранее сотрудником ВЧК, по решению ЦК партии левых эсеров вместе с напарником — оперативным фотографом Николаем Андреевым проник в особняк посольства Германии в Денежном переулке, 5, на Арбате и убил посла графа Вильгельма фон Мирбаха. Цель покушения — сорвать «похабный» Брестский мир. Убийство посла стало сигналом к мятежу 6 июля 1918 года левых эсеров, который был подавлен в одночасье. Эти события, вернее, ружейную и пулеметную стрельбу на московских улицах Саша Коротков хорошо помнил.

Раненный осколком собственной гранаты, Блюмкин сумел выбраться из столицы и уехать на Украину, где некоторое время партизанил. Заочно он был приговорен к трем годам лишения свободы. После освобождения Красной Армией Харькова Блюмкин добровольно явился в ЧК и был затем амнистирован.

Впоследствии Блюмкин вступил в коммунистическую партию, участвовал в гражданской войне, стал чекистом-разведчиком. Не слишком образованный, он обладал природной сметкой, способностями и ярко выраженной склонностью к авантюрам. За свою короткую жизнь он был четыре раза награжден за храбрость и шесть раз ранен, в том числе четыре раза холодным оружием.

Известно, что Блюмкин писал стихи (к сожалению, до наших дней не сохранилось ни строчки) и политические фельетоны в «Правду», одно время он даже входил в Москве в какое-то поэтическое объединение и дружил с Сергеем Есениным. Во всяком случае, неоднократно участвовал в загулах великого поэта. Когда Есенина арестовала ЧК, Блюмкин под личное поручительство добился его быстрого освобождения.

Дружил он и с другими знаменитостями: имажинистами Александром Кусиковым, Анатолием Мариенгофом и Вадимом Шершеневичем, журналистом Михаилом Кольцовым, писателем Валентином Катаевым, художником Робертом Фальком. В «Кафе поэтов» оно же «Домино» на Тверской, угол с Камергерским, его часто видели в компании с Владимиром Маяковским и Сергеем Городецким. Странные, противоречивые отношения были у него с Осипом Мандельштамом. Широко и поныне известен скандал Блюмкина со знаменитым поэтом, но мало кто знает, что они не раз встречались и после. Блюмкин поддерживал связь и с Николаем Гумилевым, которого боготворил. Бывал он даже в домах Алексея Николаевича Толстого и Алексея Максимовича Горького. Вместе с Николаем Рерихом участвовал в экспедиции в Китай.

В ИНО Блюмкин стал одним из самых результативных и удачливых сотрудников. Несколько лет он работал нелегальным

резидентом в Сирии, Палестине, Египте. Сменил не одно имя, в последние годы разъезжал по фальшивому персидскому паспорту под фамилией Якуб Султан-заде.

В 1929 году, возвращаясь из-за границы, Блюмкин завернул в Стамбул на улицу Исет-паши, где навестил высланного из СССР Льва Троцкого. Двигали наивным до изумления Блюмкиным, как можно понять из протоколов его допросов, не политические мотивы (в сущности партийных, тем более теоретических, разногласий он просто не разбирался), а природная любознательность. После гражданской войны Блюмкин около полутора лет служил при наркомвоенморе и председателе Реввоенсовета «для особых поручений», и потому относился к Троцкому с глубочайшим почтением. О том, что любой человек, приблизившийся к Льву Давыдовичу хоть на версту, рассматривался Сталиным как личный и лютый враг, Блюмкин и не подозревал. (Кстати, именно Блюмкин устроил известную встречу Троцкого с Есениным. В ходе ее выяснилось, что Троцкий хорошо знает стихи поэта.)

Как бы то ни было, Яков взялся исполнить личную просьбу изгнанника — отвезти в Москву письма к его еще не репрессированным тогда родственникам. О визите Блюмкина к Троцкому в Москве стало известно едва ли не в этот же день. Лев Давыдович был плотно обложен агентами ОГПУ, фиксировавшими каждый его шаг, тем более, каждого посетителя.

В Москве разработка Блюмкина была поручена самой красивой и умной сотруднице ИНО Лизе Горской, у которой были с ним какие-то отношения. Примечательно, что в столице Блюмкин жил на одной лестничной площадке с наркомом просвещения Анатолием Луначарским в доме № 9 по… Денежному переулку, через дом от того самого особняка, в котором он в 1919 году убил посла Мирбаха.

В конце концов Блюмкина арестовали. Допросы вел сам Яков Агранов. Блюмкин хорошо знал его не только по службе, но и по частым сборищам у Маяковского-Бриков. («Дорогому Блюмочке» — так подписывал ему поэт сборники своих стихов.) Агранов был опытный следователь, опытный и подлый. Свою карьеру он начал с того, что подвел под расстрел одного из крупнейших поэтов России двадцатого века Николая Гумилева.

Дело было представлено таким образом, что Блюмкин якобы был курьером между Троцким и руководителями троцкистской оппозиции в СССР. Ничто поначалу не предвещало жестокой расправы, тем более что и Трилиссер, и Менжинский были против крайних мер по отношению к легкомысленному, но весьма ценному своему сотруднику. Но Ягода представил на коллегии

ОГПУ личное распоряжение Сталина. Блюмкина расстреляли. Было ему отроду всего-навсего тридцать лет.

То был *первый случай*, когда коммуниста казнили не за уголовное преступление или измену Родине, а всего лишь за «принадлежность» к оппозиции, иначе говоря, *за инакомыслие*. Хотя, по сути дела, никаким оппозиционером Блюмкин, конечно же, не был. Всего через несколько лет оная принадлежность, действительная или липовая, станет самым страшным преступлением…

Сотрудники центрального аппарата ОГПУ, особенно Иностранного отдела, пребывали в состоянии шока. Споров, конечно, в коридорах не было, все понимали, что это опасно, что смертный приговор, явно не адекватный допущенному служебному и партийному проступку, есть не что иное, как жестокое предостережение. Оно означало, что отныне малейшее отклонение от так называемой «генеральной линии» партии, то есть указаний лично Сталина, будет приравнено к государственной измене.

Поскольку никаких разъяснений по делу Блюмкина официально дано не было, Коротков же его лично не знал, к тому же был беспартийным, и даже той скудной информацией, которую довели до сотрудников — членов ВКП(б), не обладал, то своей позиции в данном вопросе не имел. Просто принял к сведению, хотя определенное недоумение и ощущал.

Лиза Горская вскоре вышла замуж за видного разведчика-нелегала Василия Зарубина и уехала с ним в длительную командировку за кордон. Горская была не только очень красивой, но талантливой и образованной женщиной. Достаточно сказать, что кроме родного, она свободно владела пятью иностранными языками. Со временем Зарубина и сама выросла в крупную разведчицу.

И с Василием Михайловичем, и с Елизаветой Юльевной Короткову впоследствии предстояло не только служить в одном ведомстве, но в разные годы совместно решать определенные задачи.

В 1929 году Коротков еще свято верил в мудрость партии и непогрешимость Сталина. Сомнениям места не было — главным для него, в конечном счете, всегда оставалось чувство долга перед страной, которое отождествлялось с преданностью партии и ее вождю. Не следует забывать еще одного обстоятельства (а это применительно к чекистам то и дело упускается из виду, в ряде случаев — умышленно). Еще 17 сентября 1920 года В. Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны, по которому сотрудники ВЧК приравнивались во всех правах и обязанностях к

военнослужащим РККА. (Ранее они считались обычными совслужащими, могли, к примеру, быть мобилизованы в армию.) Это означало, что чекисты помимо всяких ведомственных и партийных инструкций безоговорочно подчинялись всем жестким требованиям воинской присяги и воинской дисциплины.

Как в любом советском учреждении, в ОГПУ серьезное значение придавалось общественной работе сотрудников, в те годы далеко не столь, очевидно, бесполезной, как в последующие. В 1930 году Саша Коротков был принят кандидатом в члены ВЛКСМ (тогда в молодежной организации, как и в партии, существовал кандидатский стаж), а в следующем году стал полноправным комсомольцем. Это автоматически означало увеличение числа всякого рода общественных поручений. Одно время Коротков работал на «фронте ликвидации неграмотности». Да, в то время среди бойцов войсковых подразделений, а также технически служащих еще имелось и совсем неграмотные или едва умеющие читать по складам.

Затем Александра Короткова, а также еще нескольких его сверстников комитет комсомола назначил пионервожатыми. Многие матерые чекисты, знавшие Короткова не только по службе, рассказывали автору, что Александр Михайлович очень любил детей и собак, готов был часами возиться с малышней и четвероногими друзьями. Потому вожатым оказался добросовестным. В подтверждение автор обладает, можно сказать, свидетельством из первоисточника.

Дело обстояло так. В большом Кисельном переулке располагалась школа номер 50 имени В. Р. Менжинского. Большинство учащихся в ней были детьми живших по соседству сотрудников ОГПУ. Естественно, комсомольская организация ОГПУ взяла над школой шефство. Многие молодые чекисты, в том числе Александр Коротков, Иван Агаянц, Александр Езерский, Николай Рюмин в своих подшефных классах помогали проводить тематические пионерские сборы, а затем и комсомольские собрания, рассказывали ребятам о международном и внутреннем положении, устраивали экскурсии, ставили любительские спектакли, в качестве судей участвовали в спортивных соревнованиях, в случае надобности «подтягивали» отстающих по трудным предметам учебной программы.

Именно по причине общего пристрастия к спорту запомнила своего классного вожатого — Сашу Короткова Зоя Зарубина, дочь Василия Михайловича от его первого брака. Впоследствии Зоя даже стала мастером спорта по легкой атлетике, чемпионкой СССР среди девушек. Вышло так, что годы спустя, уже в период Великой Отечественной войны Зоя Васильевна, уже сама

сотрудник НКГБ и МГБ, имела прямые контакты с полковником Коротковым по службе.

Ныне профессор, доктор филологических наук З. В. Зарубина в разговорах с автором тепло вспоминала о том, как интересно и весело проводили пионеры лето в пионерлагере «Отдых» близ Прозоровки, как разводили костры, организовали походы и военные игры, как помогали колхозникам на прополке овощей… Пионервожатые-чекисты работали на грядках наравне с подшефными ребятами, держались с ними как с младшими товарищами.

В 1932 году комсомольца Короткова приняли кандидатом в члены ВКП(б). Так случилось, что в кандидатах ему довелось пробыть целых… семь лет. Это объясняется тем, что в те годы проводилась очередная «чистка» партии, и прием в ВКП(б) был временно приостановлен. К тому же несколько лет Коротков провел в продолжительных загранкомандировках, где пребывал на нелегальном положении и, естественно, заниматься оформлением своего членства в партии возможности не имел.

К моменту приема в кандидаты (кандидатство все же неформально рассматривалось как принадлежность к ВКП(б), кандидаты имели право участвовать во всех мероприятиях партячейки с совещательным голосом), Коротков уже прошел ступеньки помощника оперуполномоченного, а затем и оперуполномоченного Иностранного отдела ОГПУ, получив, наконец, заветный «мешок». Тут требуется некоторое пояснение. Каждый оперативный сотрудник ИНО и в самом деле получал небольшого размера мешок, сшитый из брезента невероятной толщины и прочности, вроде того, из которого шились куртки и брюки московских пожарных. По окончании рабочего дня сотрудник складывал в него все свои бумаги и документы. Незашитая сторона этого своеобразного сейфа имела несколько петель, через которые пропускалась стальная цепочка. Сотрудник затягивал горловину мешка этой цепочкой и запирал ее на секретный замок. Завершив эту процедуру, он сдавал мешок в канцелярию закордонной части и получал его обратно на следующее утро. Секрет замка был кроме владельца мешка известен только начальнику закордонной части.

Как уже говорилось ранее, штат ИНО был в те годы совсем невелик, и руководство отдела не только по бумагам, но лично знало каждого оперативного работника, следило за его работой, на этом основании делало соответствующие выводы, намечало дальнейший служебный рост, место и формы использования на том или ином участке. За сравнительно недолгий срок Коротков пережил трех начальников отдела, причем, все трое были

первоклассными профессионалами. Одним из них был уже упоминавшийся ранее Артузов, под руководством которого КРО провел, в частности, считающиеся ныне классическими операции «Трест» и «Синдикат-2».

Можно сказать уверенно, что к этому времени Коротков пользовался серьезным уважением в среде чекистской молодежи, посему его несколько раз избирали вначале членом бюро, а затем и секретарем комсомольской ячейки ИНО.

Одним из первых заданий, которое получил Коротков, был анализ деятельности некоей организации с ничего не говорящим непосвященным названием «ГЕФУ». На самом деле задание было своего рода «контрольной работой», проверкой аналитических способностей молодого сотрудника, поскольку к этому времени «ГЕФУ» и ее преемнице «ВИКО» приказали долго жить. Дабы затруднить решение задачи, Короткову дали лишь сырой материал: разрозненные документы, служебные письма и распоряжения, финансовые отчеты, донесения внедренных агентов и сотрудников наружного наблюдения…

В «медовый месяц» Советского Союза и Веймарской республики был создан ряд советско-германских военно-промышленных предприятий, замаскированных под концессии[7]. Для финансирования и руководства ими с немецкой стороны военное министерство Германии в августе 1923 года создало «Общество содействия промышленным предприятиям» — «ГЕФУ» (от немецкого «Gesellschaft zur Foroleryng gewerbbicher Unternehmungen). Руководящие органы «ГЕФУ» соответственно находились в Берлине и в Москве — в Хлебном переулке, 28.

При «немецком техническом содействии» строились или реконструировались авиационный завод в Филях (при участии знаменитой фирмы «Юнкерс»[8]), химический завод «Берсоль» по производству боевых отравляющих веществ под Самарой, производству боеприпасов для артиллерии на заводах Тулы, Златоуста, Петрограда, Петрокрепости (при участии фирмы «Крупп»).

Приглядевшись к поведению ряда сотрудников «ГЕФУ» по донесениям агентуры и справкам наружного наблюдения, сопоставив множество фактов, Коротков пришел к малоприятному выводу: из органа взаимовыгодного, хотя и негласного военно-промышленного сотрудничества двух стран, «ГЕФУ» превратилось в самое настоящее шпионское гнездо.

Докладная записка, составленная еще «зеленым» сотрудником, вчерашним лифтовым, произвела на его руководителей прямо-таки ошеломительное впечатление. Дело в том, что Коротков никак не мог знать, что еще 14 июля 1925 года

начальник КРО, умнейший человек, к тому же едва ли не единственный в ОГПУ имеющий высшее техническое образование А. Артузов представил Дзержинскому целых пять (!) справок о деятельности немцев в нашей стране. Артузов утверждал, что едва ли не все немецкие специалисты, а их число исчислялось сотнями, если не тысячами, являются профессиональными разведчиками. На этом основании он заключал: «Несомненно, что немецкие националисты ведут в России громадную работу во всех направлениях и значительно опередили наше влияние на немецкие колонии в СССР. Это последнее (наше влияние), видимо до чрезвычайности мало. «Юнкерс» и «Гефу», мне кажется, следует ликвидировать».

Учтя, что немецкие специалисты к тому же не выполнили в полном объеме свои обязательства перед советской стороной, правительство СССР в начале 1927 года деятельность «ГЕФУ» / «ВИКО» пресекло.

После прихода 30 января 1933 года к власти в Германии Адольфа Гитлера продолжавшееся несколько лет военное сотрудничество между двумя странами было полностью прервано.

Посему нельзя считать правильным утверждение некоторых наших нынешних историков, что, дескать, «меч фашистской агрессии ковался в СССР». (В такой же степени можно утверждать, что немецкие военные специалисты сами помогли Красной Армии разгромить вермахт). Мощные вооруженные силы Гитлер создал и вооружил в поразительно короткие сроки с помощью не СССР, а при попустительстве и огромной финансовой поддержке богатейших тогда стран Запада. За что вскоре они же жестоко и поплатились…

Оперативник-направленец ИНО был, по сути дела, связующим звеном между руководством разведки и резидентом, легальным, или нелегальным) в той или иной стране. Он обязан был быть в курсе всех дел резидентуры, знать ее проблемы, принимать сообщения, поступающие от резидента, обрабатывать их и представлять руководству. Если требовалось, прилагал к ним свои соображения и предложения. Далее он действовал уже в обратном направлении: соответственно указаниям начальства готовил проект шифрограммы в резидентуру, после подписания у начальства следил за ее отправкой по тем или иным каналам, обеспечивал резидентуру всем необходимым: радиоаппаратурой, фотокамерами, спецтехникой, документами и, разумеется, валютой. Он же отвечал за подготовку и отправку курьеров, подбирал людей, которые заменяли отработавших свой срок сотрудников в зарубежной разведточке. Таким образом, оперуполномоченные принадлежали к командному составу ОГПУ.

Случалось, оперуполномоченные и сами в случае надобности выезжали в краткосрочную командировку в «свою» страну. По просьбе резидента именно оперуполномоченный по учетам Центра разных категорий проверял кандидатов на вербовку в агенты или иных лиц, привлекших внимание разведки по какому-либо поводу.

Александр Коротков считался уже достаточно поднаторевшим работником, когда Артур Артузов, его заместитель Борис Берман и помощник Михаил Горб решили, что он вполне созрел для разведывательной деятельности за рубежом.

Даешь Европу!

Примерно за год-два Коротков вполне освоился со своими служебными обязанностями вначале во 2-м, затем в 7-м, и снова во 2-м отделениях ИНО, получил представление о тогдашней политической кухне Европы, расстановке сил, специфических национальных интересах и противоречиях на континенте. Естественно, стал разбираться в проблемах, понимать значение информации особой важности, бесперебойный поток которой руководству страны и должен был обеспечивать Иностранный отдел ОГПУ.

Коротков имел теперь и вполне сложившееся теоретическое представление о специфике работы разведки в целом, ее оперативных сотрудниках, легальных и нелегальных агентах, связях, контактах…

Однако сам он пока что оставался, как сказали бы в дореволюционные времена, всего лишь чиновником, или, как принято было называть ныне, — совслужащим. Поле же боя настоящей важной работы находилось где-то там, иногда совсем далеко, иногда не очень, но, в любом случае, за пределами Отечества.

Постепенно, вначале подспудно, а затем все более явственно выкристаллизовывалось желание самому поработать за кордоном, «в поле» (хотя в те годы это выражение в советской разведке еще не бытовало). Видимо, внутреннее настроение Короткова совпало с результатами наблюдения за молодым опером руководством, удовлетворенного его способностями, образовательным цензом, добросовестностью, иными личностными данными. В конце-концов было принято решение готовить Александра Короткова к работе за рубежом без уточнения пока, в составе какой-либо европейской резидентуры или с нелегальных позиций.

Знаменитой ШОН — «Школы особого назначения» для обучения именно закордонных разведчиков еще не существовало. В описываемую пору сотрудников для направления за границу готовили в индивидуальном порядке, без отрыва от основной работы. Задача облегчалась тем, что направляли в разведку зачастую людей, уже имеющих опыт нескольких лет службу в контрразведке. Случалось, что один и тот же сотрудник, к примеру легендарный богатырь и всеобщий любимец Гриша Сыроежкин в равной степени успешно выполнял самые рискованные задания и внутри страны, и за ее пределами. (Что не помешало ежовцам арестовать его на второй день после получения в Кремле ордена Ленина за Испанию, а затем

расстрелять.)

Не существовало тогда не только ШОН, но даже специального отдела или подразделения, занимавшегося «нелегалами». Те же, что имелись, числились за соответствующими отделениями по географическому принципу. Расхожая практика выглядела следующим образом: руководство ставило определенную задачу в определенной стране. Для ее исполнения подбиралась группа кадровых сотрудников и агентов. При этом, в зависимости от возникающих требований, разведчиков могли привлекать из разных подразделений и даже городов. Тут учитывалось знание страны назначения, языка, традиций, религии, обычаев, наличие подходящей профессии, возраст, внешность. СССР был страной многонациональной, потому не составляло больших трудностей подобрать человека, который мог бы работать, скажем, в мусульманской стране на Ближнем Востоке, или обладателя «нордических» черт лица для командировки в Швецию.

Узкой специализации не было. В числе разведчиков той героической и романтической поры встречались люди уникальные, с разнообразными способностями, успешно работавшие нелегально под самым порой экзотическим и неожиданным прикрытием в разных странах и на разных континентах. К таковым относились Василий Зарубин, Наум (Леонид) Эйтингтон, Исхак Ахмеров, Дмитрий Быстролетов.

У советской разведки, и внешней, и военной, вплоть до Второй мировой войны был еще один поистине неисчерпаемый источник кадров — Отдел международных связей (ОМС) Коминтерна. Возглавлял всю «подводную» часть коминтерновского айсберга, в том числе и ОМС, до самой своей трагической гибели человек феноменальной работоспособности Осип Пятницкий. В картотеке ОМС, засекреченной на самом высоком уровне, хранились тысячи и тысячи досье коммунистов из всех стран мира, пригодных для использования на нелегальной работе. Людей, бесконечно преданных революции, зачастую прекрасно образованных, порой владеющих несколькими иностранными языками, прекрасно ориентирующихся в западном, или, наоборот, восточном мире. Порой — что самое удивительное — весьма состоятельных.

Именно с помощью Коминтерна были найдены и привлечены к работе обеих советских разведок такие уникальные личности, как Рихард Зорге («Рамзай»), Леопольд Треппер («Отто»), Урсула Кучинская («Соня»), Яков Голос («Звук», Морис и Леонтина Коэны («Крогеры»), Шандор Радо («Дора»), Иосиф Григулевич («Макс», «Юзик») и другие.

Главным, точнее, самым трудоемким делом, было, конечно,

изучение иностранных языков — в случае с Коротковым, немецкого и французского. Вот тут-то Александр, как и большинство его однокашников, не слишком обременявших себя в девятилетке постижением знаний, узнал, почем фунт лиха. Занятия велись по несколько часов кряду по завершении рабочего дня в отделении, а также в выходные и праздничные дни. Преподаватели были добросовестные и безжалостные. Немецкий в него вбивала не какая-нибудь престарелая Альма Густавовна, потомок давно обрусевшего немецкого рода, осевшего в России во время Петра Первого, а бывший гамбургский докер, участник восстания 1923 года, коммунист-политэмигрант, ныне работающий в Коминтерне.

Он вдалбливал в распухавшую от усилий голову своего подопечного не только максимально возможный для запоминания за один раз словарный запас, но рассказывал о традициях и обычаях немцев, нормах поведения на улице и в присутственных местах. Даже счел необходимым посвятить Александра во все тонкости так называемой «ненормативной лексики», а также с большим знанием дела разъяснил, чем бирштубе отличается от келлера, локаля, бирхалле и кнайпе. Хотя в России все эти заведения назывались одним словом — пивная.

Таким же знатоком был и преподаватель французского. Этот привнес в процесс обучения новинку — грампластинки с записями популярных парижских певиц и шансонье. Порой сотрудники, задержавшиеся вечером на службе, с недоумением, хотя и не без удовольствия, слушали, как из кабинета, используемого под учебный класс, доносились легкомысленные песенки в исполнении Мориса Шевалье. Этот же преподаватель научил Короткова, как подбирать галстук под цвет костюма и рубашки, как правильно повязывать этот ненавистный пролетариату атрибут буржуазной псевдокультуры. Он же объяснил, почему приличный молодой человек просто-таки обязан бриться и чистить ботинки каждый день и гладить брюки хотя бы раз в неделю.

Затем пошли дисциплины специальные. Основы тайнописи и шифрования. Работа с документами. Тактика и методика вербовки агентов, их проверка. Техника постановки сигналов, устройства тайников и пользования ими. Способы связи с агентами. Способы определения слежки и ухода от оной и наблюдения за интересующим объектом и многое другое. А также фотографирование, перлюстрирование почтовой корреспонденции без оставления следов, обнаружение признаков негласного обыска.

Занятия по установлению наружного наблюдения и ухода от

него на улице, и в помещениях проводились в Москве, в центре и на окраинах с привлечением опытных ребят из Оперативного отдела. Тут Коротков оказывался заведомо в невыгодном положении — его рост, примерно 185 сантиметров — в те времена считался очень высоким — в уличной толпе он всегда выделялся еще издали. К тому же при своей тогдашней худобе он казался даже выше, чем был на самом деле. Должно быть, по этой причине он и получил, словно в насмешку над своей фамилией, первый оперативный псевдоним — «Длинный».

Уметь обнаружить за собой слежку или иную форму наблюдения нелегалу особенно важно. Для разведчика, работающего в стране под официальным прикрытием, наблюдение со стороны местных спецслужб, особенно в первые недели и месяцы по приезде, дело нормальное. Так проверяют иностранцев везде. Время от времени подобная проверка даже дипломатов (за исключением разве что послов) повторяется.

Нелегал находится совсем в ином положении. Если за ним установлено наблюдение, значит, в лучшем случае, он попал под подозрение, в худшем — и обличен, и арест лишь дело времени. Конечно, бывает, что нелегала «берут под колпак» случайно, скажем, в кафе оказался за одним столиком с наркоторговцем, за которым вела слежку уголовная полиция. Но подобные недоразумения достаточно быстро проясняются.

Разведчик-нелегал перед местной властью фактически беззащитен. В стране с жестким политическим режимом его могут арестовать тайно, подвергнуть допросу «третьей степени», а то и ликвидировать без какой-либо огласки. Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему сумеют организовать побег (а это всегда проблематично), либо надеяться, что его через несколько лет обменяют на захваченного разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является.

Так что Коротков должен был твердо осознать правило: если нелегал почувствовал, что тучи над ним всерьез сгустились, надо немедленно либо «залечь на дно» на неопределенный срок, либо спешно совершить ретираду, то есть покинуть страну.

И запомнить еще одну истину: разведчик-нелегал, в отличие от своих легальных коллег, обычно лишен возможности посоветоваться со старшими, более опытными или располагающими большими возможностями товарищами, тем более, с Центром. Ему гораздо чаще приходится уповать на собственную находчивость и разум. Как никто другой, он должен

обладать способностью и волей принимать решения самостоятельно, к тому же в экстремальных ситуациях.

Наконец, служебный шофер научил Короткова водить автомобиль — изрядно помятый учениками-предшественниками фордик с открытым верхом.

Шоферское дело Коротков освоил на удивление быстро, «крутить баранку» ему нравилось чрезвычайно. Ездил он быстро, даже лихо, природная реакция теннисиста и великолепная мышечная координация позволяли избегать так называемых дорожно-транспортных происшествий. Самолично водить машину при возможности он любил, даже достигнув генеральского звания.

Ирина Александровна Басова, вдова Короткова, рассказала автору о таком эпизоде, имевшем место, когда Александр Михайлович возглавлял в Берлине представительство КГБ СССР при соответствующем ведомстве ГДР.

В числе подчиненных Короткова был подполковник, по стечению обстоятельств года три не выезжавший в отпуск на Родину. Наконец, офицер долгожданный отпуск получил, с немалым трудом достал билет и вечером должен был с берлинского вокзала Остбанхоф (ныне Гауптбанхоф) выехать в Москву. Перед отъездом подполковник зашел к Короткову домой проститься. Через полчаса или час после его ухода Александр Михайлович случайно вышел в прихожую и увидел, что подполковник, явно взволнованный предстоящей поездкой, обронил ненароком свой загранпаспорт. Коротков взглянул на часы: московский поезд отходил от берлинского перрона через несколько минут. Что делать? Решение было найдено и принято мгновенно. Служебный шофер генерала, старшина-сверхсрочник давно ушел, разыскивать его некогда. Коротков сам сел за руль «мерседеса» и, развив предельную скорость, примчал в приграничный с Польшей Франкфурт-на-Одере за несколько минут до прибытия скорого из Берлина. Он вошел в вагон раньше немецких пограничников. Подполковник, еще не хватившийся утраты, обомлел, завидев в дверях купе своего начальника, протягивающего ему злосчастный документ…

Как всем оперативникам ОГПУ Короткову приходилось заниматься и огневой подготовкой: стрельба из пистолетов и револьверов всех систем проходила здесь же, в тире, из винтовки — на динамовском стрельбище в Мытищах.

Занятия выматывали до изнеможения, но молодой организм, закаленный к тому же систематическими спортивными тренировками, успешно справлялся с нагрузками. К тому же изучать все эти премудрости Короткову было еще и просто

интересно, а заинтересованность обучаемого, как известно — самый надежный залог успеха в учении.

В те времена, когда жил и работал Александр Коротков, никто и помыслить не мог, чтобы даже выйдя в отставку, разведчик, тем более нелегал, тем более руководитель всех советских разведчиков-нелегалов за кордоном, мог поделиться с широкой публикой своими мыслями, соображениями, воспоминаниями. Секретом считались даже имена лиц, занимавших определенное положение в органах государственной безопасности, кроме, разумеется, наркомов, их заместителей, первых руководителей на местах.

Поэтому Александр Коротков не оставил ничего похожего на мемуары — только чисто служебные документы, сухие и лаконичные, да какое-то количество писем родным и друзьям. В этих письмах есть какие-то лирические моменты, которые могут помочь немного понять его внутренний мир, однако — ни слова о делах.

Но некоторые преемники Александра Короткова уже имели возможность, хотя и в весьма скромной форме, высказаться — и в средствах массовой информации, и даже в книгах. Вполне допустимо предположение, что Коротков согласился бы с нижеприводимыми высказываниями…

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко убежденно утверждает: «нелегальная разведка — это святая святых всей разведывательной деятельности».

Примечательно, что если спросить десять случайных прохожих на улице, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейла), Вильяма Фишера (Абеля), Николая Кузнецова (обер-лейтенанта Зиберта). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных фильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), Ладейникова («Мертвый сезон»), Исаева («Семнадцать мгновений весны»).

И это закономерно. Поскольку именно в нелегале концентрируются в наибольшей степени все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика. (Автор при этом вовсе не намерен умалить роль подавляющего числа разведчиков, действующих за рубежом под прикрытием дипломатического паспорта, журналистской аккредитационной карточки, удостоверения служащего внешнеторговой государственной организации или частной фирмы.)

Далее генерал Кирпиченко подчеркивает: «Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надежными документами и вывезти за рубеж для практической работы —

дело чрезвычайно трудное и требующее неимоверных усилий со стороны специалистов разного профиля…

Что же это за люди — нелегалы — и откуда они берутся? Кандидатов мы ищем и находим сами, перебирая сотни и сотни людей. Работа действительно штучная. Чтобы стать нелегалом, человек должен обладать многими качествами смелостью, целеустремленностью, сильной волей, способностью быстро прогнозировать различные ситуации, устойчивостью к стрессам, отличными способностями к овладению иностранными языками, хорошей адаптацией к совершенно новым условиям жизни, знаниями одной или нескольких профессий, дающих возможность зарабатывать на жизнь…

Если, наконец, найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере имеются, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы еще какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, легкость перевоплощения и даже некоторая хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то разумный авантюризм. Часто сравнивают перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актера. Но одно дело — перевоплощение на вечер или на театральный сезон и совсем другое — превращаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении».

Воспоминания еще одного ветерана разведки — Юрия Дроздова. Ко дню прихода в КГБ у него уже была биография: сын потомственного офицера, участника Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, он и сам успел повоевать — был командиром огневого взвода противотанкового артиллерийского дивизиона на 1-м Белорусском фронте. После войны служил несколько лет в Советской зоне оккупации Германии, потом учился в Военном институте иностранных языков, овладел немецким и английским. В 1957 году в капитанском звании неожиданно был переведен из Советской Армии в КГБ и направлен в Берлин, в аппарат Представительства КГБ СССР при Министерстве государственной безопасности ГДР. Располагалось это учреждение — фактически настоящая воинская часть, а то и соединение, в юго-восточном пригороде Берлина Карлсхорсте, том самом, где состоялся исторический акт, что подвел итог Второй мировой войны в Европе — подписание капитуляции вооруженных сил нацистской Германии. Но попасть на службу в вышеназванный аппарат еще не означало автоматически стать разведчиком.

Тамошние кадровики почему-то решили, что худой, в свои молодые годы совершенно лысый капитан в разведчики не годится. Решено было сделать его оперативным переводчиком. Дроздов категорически отказался и попросил в таком случае отправить его обратно на Родину. Не секрет, что и офицеры, и вольнонаемные граждане в те годы из-за материальных условий, не сравнимых с советскими, прямо-таки рвались на любую должность, только бы попасть на несколько лет за границу. Поэтому столь странный и категоричный отказ не мог не поразить кадровиков.

Именно этот отказ и был причиной того, что в конце концов строптивого капитана вызвал к себе сам руководитель аппарата, каковым был тогда уже генерал-майор Александр Коротков.

— В чем дело? — сухо спросил он.

— Я прошу назначить меня на должность, близкую хотя бы по окладу к той, что я занимал в армии. (Тут Дроздов лукавил — дело было не в окладе, но близкой должностью по предыдущему окладу как раз и была должность оперативного сотрудника. — *Авт.*)

— Но вы же ничего у нас пока не знаете.

— Но и ваши сотрудники не все знают и умеют. Не могут же они спланировать наступление артиллерийского полка.

— Согласен. Идите и работайте. Мы еще встретимся и поговорим».

Так Коротков решил судьбу своего будущего преемника. Поразительно еще одно совпадение. Коротков, занимая должность начальника нелегальной разведки, направлял в длительную командировку в США Вильяма Фишера (Абеля). Через много лет именно Дроздов в обличье «кузена» Абеля — немца Юргена Дривса деятельно участвовал в извлечении советского разведчика из американской тюрьмы и обмене его на сбитого пилота-шпиона Френсиса Гэри Пауэрса, каковой состоялся на мосту Глиникербрюкке, соединяющим (вернее, тогда разъединяющим) Восточный и Западный Берлин.

Начав службу в разведке под началом Короткова капитаном, Юрий Дроздов завершил ее генерал-майором. Ко дню выхода в отставку он двенадцать лет руководил Управлением «С» ПГУ КГБ СССР, то есть службой нелегальной разведки.

Мнение генерала Дроздова о сущности и характере нелегальной разведки, безусловно, заслуживает того, чтобы его привести и в этой книге. За ним — взвешенные мысли, густо настроенные на оставшимися безвестными победах и… поражениях.

«Так кто же такой нелегал? Что у него за работа? Нелегал —

это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые позволяют ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение, развитой воли, способности к овладению иностранными языками.

Это самые общие требования, но легко понять, что найти людей с таким сочетанием качеств нелегко и что нелегальная разведка — удел специально подобранных (отобранных) людей.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоемка и занимает несколько лет. Она нацелена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умения. Безусловно, она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане, которая, в частности, позволяет ему выступать в амплуа представителя той или иной национальности, носителя тех или иных национально-культурных особенностей. Разумеется, это и оперативная подготовка, которая включает в себя формирование навыков получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром и иные аспекты… Разведчик-нелегал — это человек, способный добывать разведывательную информацию, в том числе и аналитическим путем».

По окончании, с нынешней точки зрения, не очень насыщенной и непродолжительной подготовки, Александр Коротков получил назначение в свою первую зарубежную командировку, причем, как уже наверняка догадался читатель, выполнять задания ему предстояло с нелегальных позиций.

Пройдет не так уж много времени, и в послевоенные годы Александр Коротков возглавит им же созданную самую засекреченную из всех спецслужб — управление нелегальной разведки. Он будет первым и по сей день едва ли не единственным ее руководителем, лично испытавшим, что это такое — работа нелегала. После него на этой должности всегда работали самые опытные, самые достойные разведчики в генеральских званиях. Каждый из них не один год отработал в длительных загранкомандировках, но всегда — под легальным прикрытием. Они числились дипломатами, сотрудниками торгпредств, журналистами, представителями Аэрофлота,

Морфлота и так далее. Часто (особенно в предвоенные и первые послевоенные годы) они жили за границей под вымышленными фамилиями, но советские загранпаспорта у них были настоящими, и от этого их легальный статус по сути дела не менялся.

Нелегалы с большим стажем — некоторые работали за рубежом десятки лет кряду — возвращались на Родину уже пожилыми людьми, выслужившими все мыслимые и немыслимые сроки для пенсий. В силу длительного отрыва от чисто ведомственной работы в центральном аппарате разведки, отсутствия советских административных навыков, их было трудно использовать на какой-либо руководящей должности. Тем более, что за время их отсутствия в том же Центре сменялось поколение, а то и два сотрудников. Иной нелегал, вернувшись на Лубянку или в Ясенево, не видел там ни одного знакомого лица. Одни давние сослуживцы вышли на пенсию, другие переселились в мир иной…

Как правило, ветеранов-нелегалов успешно использовали в качестве преподавателей спецдисциплин, консультантов, экспертов, но не на руководящих должностях в аппарате. Одним из редких исключений, был Василий Зарубин. Работа (многие годы!) нелегалом чередовалась у него со службой в центральном аппарате и руководством легальной резидентурой (правда, под вымышленной фамилией) в Нью-Йорке. В отставку он вышел генералом. Одна из самых мрачных фигур в высшем руководстве страны М. Суслов самолично вычеркнул фамилию В. Зарубина из списка разведчиков, представленных к присвоению звания Героя Советского Союза под смехотворным предлогом — дескать, не может быть героем человек, достигший семидесяти лет… Главного идеолога КПСС, знаменитого тем, что носил галоши даже в солнечный день, не смущало, что ему самому было уже под восемьдесят.

Александру Короткову повезло в том отношении, что свою первую практику работы за кордоном в качестве нелегала он проходил под непосредственным руководством аса советской разведки, профессионала высочайшего класса «Шведа». Впрочем, слово «повезло» следует понимать лишь в чисто профессиональном отношении. Потому что этот факт мог обернуться для Короткова совсем плохо — могилой для невостребованных прахов близ крематория на кладбище бывшего Донского монастыря.

Потому что «Швед» был одним из оперативных псевдонимов Александра Орлова. Правда, это не настоящее его имя. В кадрах разведки он числился как Лев Никольский. Были у него и другие

имена, но в историю он вошел именно как Александр Орлов, а потому будем и мы впредь называть его именно так.

К Швеции «Швед» никакого отношения не имел.

Родился он в 1895 году в Бобруйске, в патриархальной, религиозной и небогатой еврейской семье. И звали его на самом деле Лейба Лазаревич Фельдбин. По отзывам людей, знавших его с детства, Орлов в школе считался одним из лучших учеников, был неплохим художником, хорошим гимнастом и отличным футболистом. Позднее стал превосходным кавалеристом. С ранних лет отличался острым умом и сильной волей.

Мальчишкой Лейба Фельдбин мечтал стать кавалерийским офицером, однако в царское время евреям, даже выкрестам, путь в юнкерские училища был заказан. Только после свержения самодержавия, в марте 1917 года Фельдбин прошел краткосрочное обучение в школе прапорщиков, тогда же примкнул к одной из фракций РСДРП, однако в партию большевиков вступил лишь в 1920 году. Верность марксистско-ленинским идеалам он сохранил, невзирая на все превратности судьбы, до конца своей жизни, как ни парадоксально звучит это утверждение с учетом того, какой номер «выкинул» Орлов в 1938 году.

Фельдбин принял участие в боях с поляками и впервые проявил личную храбрость и находчивость при проведении дерзких диверсионных операций в тылу польских войск. Тогда же он познакомился с Артуром Артузовым, возглавившим Контрразведывательный отдел ВЧК-ОГПУ, на которого произвел самое благоприятное впечатление. В 1921 году Фельдбин получил назначение в Архангельскую ЧК на должность начальника секретно-оперативной части. В кадры он был зачислен под именем Льва Лазаревича Никольского. Осенью того же года его переводят в Москву на должность следователя Верховного трибунала ВЦИК. Его жена Мария Владиславовна Рожнецкая поступает на медицинский факультет университета. В трибунале Никольский работает под началом Николая Крыленко[9], помогает тому в составлении первого советского Уголовного кодекса.

Как следователь, Никольский специализируется на экономических преступлениях. По одному крупному делу, связанному с коррупцией, Никольский даже докладывал на заседании Политбюро, где вступил в спор с самим Сталиным. Это произвело столь сильное впечатление на присутствовавшего на заседании Дзержинского, как известно, часто расходившегося во мнениях с генеральным секретарем, что он пригласил его на работу в ОГПУ, в Экономическое управление[10].

В 1926 году Никольский переходит в ИНО и тогда же под именем Льва Николаева, а на самом деле легального резидента, выезжает в Париж. В его функции входил не только сбор информации, но и обеспечение безопасности советских работников во Франции — то, что позднее стало называться «линией КР», то есть контрразведкой в разведке. Франция тогда была наводнена русскими эмигрантами, а сам Париж являлся центром РОВС — Русского общевоинского союза, объединяющего в разных странах десятки тысяч белых офицеров, не распрощавшихся с мечтой о реванше и еще далеко не перешагнувших пенсионный возраст.

В этой среде происходили сложные и противоречивые процессы. Наряду с «непримиримыми», пополнявшими ряды белогвардейских боевиков, среди эмигрантов находились люди, которым надоело скитаться по чужбинам, которые охотно вернулись бы в СССР и согласны были ради этого сотрудничать с Советской властью, в частности, с ее разведкой. Эти люди весьма интересовали нового сотрудника торгпредства.

Уже в этой первой поездке проявились в полной мере организаторские и конспираторские способности Никольского.

Через два года Никольского переводят в Берлин, снова под «крышу» торгового представительста СССР. Впрочем, в данном случае официальное прикрытие в чем-то совпадает с его настоящей работой: Никольский устанавливает гласными и негласными методами контроль за выполнением немецкой стороной секретных соглашений по торговле военной техникой и военными материалами. В сохранении тайны взаимных поставок и обмена технологиями были заинтересованы, впрочем, обе стороны. Примечательно, что под началом Никольского в Берлине работал Павел Аллилуев — шурин Сталина. Это Павел, приехав из Берлина в Москву в очередной отпуск, привез сестре Наде в подарок изящный, так называемый дамский пистолетик «вальтер». Тот самый, из которого жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева застрелилась в ночь с 8 на 9 ноября 1932 года.

Никольский и в Германии оказался на высоте. Он успешно справлялся со всем, за что брался по приказу руководства или по собственной инициативе. Известно, что некоторые задания Никольского впоследствии получал непосредственно из уст самого Сталина.

В 1932 году Никольский под именем Льва Леонидовича Николаева посещает Соединенные Штаты Америки. Здесь он устанавливает личную связь с разведывательной группой ныне известного и в нашей стране (в США о нем давно существует

целая библиотека книг) Якова Голоса. Большинство участников его группы, как и сам Голос (настоящая фамилия Рейзен, оперативный псевдоним «Звук») были выходцами из России, убежденными революционерами. Через десять лет люди, привлеченные к сотрудничеству с советской разведкой именно группой Голоса, сыграют решающую роль в овладении секретами американской атомной бомбы.

Ближайший сподвижник и друг Голоса Арнольд Финкельберг отдал Никольскому свой загранпаспорт (внутренних в США никогда не было). То был поистине бесценный дар: подлинные американские загранпаспорта являлись настоящими «вездеходами» по всему миру, а потому высоко котировались в любой разведке.

В жизни разведчика Никольского до самого 1938 года будет еще много всякого: он примет участие в создании самой знаменитой советской агентурной сети в Великобритании — легендарной «кембриджской пятерки» во главе с Кимом Филби, закладке в Германии основы той организации, что войдет в историю под названием «Красная капелла», сыграет видную роль в гражданской войне в Испании, где, в частности, по рекомендации Якова Голоса привлечет к сотрудничеству с советской разведкой добровольца Интербригад гражданина США Мориса Коэна, которому много лет спустя будет присвоено звание Героя России, как и его жене Леонтине Коэн. Именно в Испании Никольский получит ту фамилию, под которой и сам стал знаменитостью в мире разведки — Александр Орлов.

Когда в 1935 году в НКВД будут введены специальные персональные звания (подробнее о них читатель узнает в следующей главе), Никольскому присвоят высокое звание майора государственной безопасности, приравненное к армейскому званию комбриг: он получит невидимый «ромб» в невидимые петлицы. Одним из первых закордонных сотрудников разведки его наградят орденом Ленина.

Летом 1938 года Орлов получил предписание из Москвы (он тогда находился в Барселоне) — немедленно вернуться в СССР на борту указанного в шифровке советского судна. Орлов прекрасно знал, чем завершились для многих советских разведчиков такие неожиданные вызовы на Родину: пулей в затылок за мифическую измену. Вместе с женой и страдающей неизлечимой болезнью сердца дочерью Верой Орлов немедленно покинул Европу и перебрался навсегда в США. Опытнейший конспиратор, он сумел сделать то, чего не удалось сделать, к примеру, Игнатию Рейссу: сбить со своего следа ежовских закордонных «боевиков». Зная, однако, что в покое его не оставят и, скорее всего, рано или

поздно отыщут хоть на краю земли, а также могут расправиться с его престарелой матерью, Орлов переслал наркому Ежову вежливое, но весьма недвусмысленное письмо. Заканчивалось оно такими словами:

«…По опыту других дел знаю, что Ваш аппарат бросил все свои силы на мое физическое уничтожение. Остановите своих людей! Достаточно, что они ввергли меня в глубочайшее несчастье, лишив меня завоеванного моей долголетней самоотверженной работой права жить и бороться в рядах партии, лишив меня родины, и права жить и дышать одним воздухом совместно с советским народом.

Если Вы меня оставите в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против партии и н/страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

ШВЕД».

Вот к какому человеку был направлен в 1933 году в «науку» начинающий разведчик Александр Коротков. Работа под началом «Шведа» оказала на него огромное влияние. Сказалось и влияние характера Орлова: сильного, решительного, даже дерзкого, тем более что схожие черты были заложены и в характере самого Короткова.

После бегства Орлова в Америку его имя словно по взмаху дирижерской палочки (так оно, в сущности, и было) исчезло из обихода. Вроде бы и не существовало никогда такого человека. Оно не было присовокуплено к бесконечному сонму «врагов народа». Орлова никогда не будут называть изменником или перебежчиком. Никак не будут называть. Случай беспрецедентный.

У автора есть все основания утверждать, что Коротков, уже достигший высоких постов и генеральских погон, никогда не считал Орлова изменником, и не только из-за былого уважения к давнему наставнику. Коротков *знал*, что Орлов не предатель, и знал доказательно.

Никольский-Орлов был осведомлен более чем о шестидесяти особо ценных агентах советской разведки, разбросанных по всему миру: в том числе о «кембриджской пятерке» Кима Филби, о ключевой фигуре «Красной капеллы» Арвиде Харнаке и многих других. Уйдя на Запад, Орлов не назвал *ни одного из них*. Когда во время «холодной войны» был арестован в Нью-Йорке некий Эмиль

Голдфус, затем назвавший себя полковником Рудольфом Абелем, Орлов тоже не выступил с сенсационным разоблачением. А ему это было по силам: в США он единственный лично знал уже покойного к тому времени подлинного Абеля. Ему достаточно было взглянуть на фотографию Голдфуса, напечатанную, должно быть, во всех газетах страны, чтобы уверенно заявить: «Никакой это не Абель». Он этого не делал, и американские спецслужбы до самого завершения эпопеи Вильяма Фишера пребывали в убеждении, что имеют дело с Абелем.

Уже после того, как на Западе в 1954 году вышла сразу ставшая бестселлером книга Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений», а ее автор в конце сентября 1955 года дал показания на закрытом слушании сенатского подкомитета США, Следственный отдел Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР провел соответствующее расследование. Оно было проведено по запросу заместителя начальника Первого главного управления КГБ, то есть внешней разведки. Результатом расследования стал документ на четырех страницах машинописного текста. Смысл сводился к следующему: «У нас нет оснований для возбуждения уголовного дела против Орлова».

Тем самым было официально удостоверено, что Фельдбин-Никольский — Орлов не нарушил своего обязательства держать в секрете сведения, которыми он располагал как сотрудник ОГПУ. Это обязательство он подписал еще 1 апреля 1924 года.

Фактически это означало реабилитацию Александра Орлова. Сделал соответствующий запрос, положивший конец всей истории, не кто иной, как заместитель начальника ПГУ КГБ и начальник управления нелегальной разведки… Александр Коротков. Он вполне мог поздравить себя самого (возможно, так и сделал) с тем, что результат исполнения своего служебного долга совпал с личным убеждением в порядочности бывшего руководителя.

Примечательно, что сотрудники американских спецслужб также признавали, что бывший «генерал ГПУ» (так называли Орлова на Западе, осовременив его старое специальное звание) ни в своей книге, ни в показаниях на подкомитете не сообщил, в сущности, ничего такого, что уже было общеизвестно, не раскрыл псевдонима ни одного зарубежного агента. А мог бы…

Такое же мнение сложилось и у советского разведчика Михаила Феоктистова, разыскавшего Орлова в 1969 году — за четыре года до его смерти. Сбежавший резидент тогда преподавал в Мичиганском университете под Чикаго. Несмотря на прошедшие тридцать лет, Феоктистов легко опознал Орлова по старой фотографии из личного дела и подробному описанию

внешности.

…К 1933 году под началом Орлова была окончательно сформирована небольшая оперативная разведывательная группа для нелегальной работы за границей. Задание группе сформулировал сам начальник ИНО Артур Артузов. Оно считалось настолько секретным, что было написано от руки в единственном экземпляре и нигде, в целях обеспечения все той же безопасности, не регистрировалось. Утвердил план операции в марте 1933 года председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский лично.

Задача группы Орлова была головокружительной — проникновение во французский генеральный штаб, в том числе и в знаменитое «Второе бюро» — так традиционно называлась военная разведка Франции. Одной из популярных целей было выявление источников, а если проще — агентов французской разведки, действующих в СССР.

Руководитель группы резидент Орлов «Швед» должен был обосноваться под видом зажиточного американца поначалу в Швейцарии, якобы для прохождения курса лечения в одном из санаториев, которыми так славятся окрестности Женевского озера. Орлов располагал подлинным американским паспортом, полученным от Якова Голоса, на имя Уильяма Голдина.

Сотрудником по технике и местной связи группы стала жена Орлова Мария Владиславовна — оперативный псевдоним «Жанна».

Кроме того, Орлов располагал и австрийским паспортом на имя Лео Фельдбина. У Марии также имелся австрийский паспорт на имя Маргариты Фельдбин, в который была вписана их дочь Вера[11].

Коротков-«Длинный» — был назначен оперативным сотрудником группы, то есть помощником «Шведа» по всем разведывательным делам.

При направлении нелегала за границу очень важно подобрать ему то занятие, под прикрытием которого он должен выполнить свое задание. При этом учитывается профессия, которой владеет кандидат (хорошо, если у него в запасе несколько специальностей), его образование, возраст, состояние здоровья, порой внешние данные.

С учетом объективных данных, «Длинному» в качестве промежуточной профессии определили ту, что по-немецки звучит «кауфман». В переводе на русский это слово может означать и купца, и мелкого торговца, и лавочника. На некоем этапе кауфман должен был стать во Франции студентом — возраст «Длинного» вполне это дозволял, тем более что в

западноевропейских университетах нередко можно встретить студентов из категории «вечных», которые вполне годятся в отцы своим профессорам.

Наконец, в состав группы входил четвертый и последний ее участник, иностранец, связник под псевдонимом «Экспресс». По этому псевдониму название «Экспресс» было присвоено всей группе. Связник «Экспресс» имел возможность свободно разъезжать по всей Европе, поскольку обладал подлинным американским паспортом на имя Арнольда Финкельберга, тем самым, что «Швед» получил в США от законного владельца документа (который приходился автору родным дедом со стороны матери).

Собранную «Шведом» и «Длинным» информацию «Экспресс» должен был отвозить шифровальщику советского консульства в Милане, а последний переправлять ее по дипломатическим каналам в Москву.

План предусматривал непредвиденные обстоятельства вроде болезни или несчастного случая с курьером. Поэтому «Швед» располагал паролем для самостоятельной связи с шифровальщиком в Милане: словесным «Я к вам с приветом от Владимира Федотова», и вещественным — банкнотой достоинством в один доллар США с номером А-60884782Д. В качестве запасной явки служила Вена. Словесный пароль при этом оставался тем же, но банкнота предъявлялась с другим номером.

«Швед» с семьей к обусловленному месту сбора группы выехал через Прагу. «Длинному» предстоял кружной путь через Австрию. Существует не знающее исключений правило: к месту будущей работы нелегал никогда не направляется сразу. Обязательно через какую-то промежуточную страну, порой и две, и три. При этом меняются его документы и, соответственно, легенда. В конечном итоге Короткову предстояло стать уроженцем Кракова Карлом Рошецким. (Иногда в нашей литературе эта фамилия по-русски транскрибируется как Районецкий.)

В назначенный день в скромном мосшвейевском костюмчике с советским серпасто-молоткастым загранпаспортом на другую фамилию, Коротков прибыл, сделав пересадку в Варшаве, в столицу Австрийской Республики Вену. Здесь он исчез, растворился в шумном, многоголосом городе, в самом воздухе которого, казалось, звучали бессмертные мелодии вальсов и оперетт обоих Иоганнов Штраусов, отца и сына.

Австрия в те годы была одной из излюбленных советскими разведчиками перевалочных баз. На то было несколько причин. В

течение нескольких лет здесь действовал центр по изготовлению фальшивых документов, которым руководил опытный подпольщик Георг Мюллер, величайший специалист в своем деле. Позднее он эмигрировал в СССР, где долгие годы возглавлял специализированное подразделение, обеспечивавшее нужной документацией советскую внешнюю разведку. При нем в разведке вырос еще один знаменитый в своем кругу мастер уже чисто российского происхождения — Павел Громушкин[12].

Тогдашняя Австрия являла на политической карте Европы своеобразное новообразование. Совсем недавно она была центром огромной империи, одной из великих держав мира. В состав многонациональной монархии Габсбургов, кроме собственно Австрии, входили Чехия, Силезия, Венгрия, часть польских, западноукраинских, южнославянских, итальянских и некоторых иных земель. После поражения в австро-прусской войне 1866 года Австрийская империя несколько ужалась в двуединую монархию Австро-Венгрию (австрийский император одновременно являлся венгерским королем). После поражения в Первой мировой войне на развалинах Австро-Венгрии были образованы самостоятельные государства Австрия, Венгрия, Чехословакия, часть земель вошла в состав Югославии, Польши, Румынии, Италии. Уроженец Кракова Карл Рошецкий никакого интереса к своей скромной персоне не привлекал, поскольку граждан славянского происхождения в альпийской республике проживало достаточно много.

До поры до времени были спрятаны в надежном месте и мосшвейевский костюмчик, и скороходовские башмаки, и «серпастый-молоткастый»: могли пригодиться на обратном пути.

Никаких действий разведывательного характера в Австрии «Длинный» не предпринимал и не должен был предпринимать. В его обязанности входили легализация, совершенствование в немецком языке, а затем и во французском в объеме, достаточном для свободного общения с французами, поскольку дальнейший его путь пролегал во Францию. Заодно происходило вживание в европейский образ жизни, что было не так-то просто парню, выросшему в послереволюционных московских дворах, хорошо знающему, что такое паек, карточки на хлеб и ордер на галоши, но и представления не имеющему о заваленных товарами и продовольствием прилавках здешних магазинов. И полстолетия спустя советские граждане, впервые попавшие в любую европейскую страну, буквально впадали в шок перед витриной первой попавшейся колбасной лавки. Не одного нашего соотечественника, в том числе и партийных функционеров, толкнуло на измену родине именно сие изобилие, а вовсе не

провокации западных спецслужб или идейное невосприятие коммунистических идей.

Тем не менее, вживание «Длинного» в чуждую дотоле среду прошло вполне успешно. Западные соблазны минули его стороной, тем более что большинству рабочих, крестьян, мелких служащих в тогдашней Европе, едва приходящей в себя после ошеломляющего мирового кризиса, развернувшегося в 1929 году, жилось еще достаточно трудно, порой и просто голодно. Природная наблюдательность позволила Короткову достаточно быстро освоить и неведомые ему ранее манеры, и поведение в быту, нормы отношений с людьми в разных ситуациях.

По-немецки он уже говорил бегло, более того, усвоил, как оказалось, прочно и навсегда легкий венский акцент. Это очень помогло ему в будущем, когда пришлось долго работать в нацистской Германии. Поскольку, если он и допускал какие-то отклонения от средненемецкого, так называемого хохдойч, ему это сходило с рук, собеседники про себя объясняли их австрийским происхождением.

Наконец, Коротков получил долгожданное распоряжение от «Шведа» выехать в Швейцарию, в небольшой городок близ французской границы. Это тихое место многоопытный «Швед» выбрал для сбора своей группы и отработки плана действий перед десантированием во Францию. Сюда же предполагалось отойти в случае каких-либо казусов на французской территории.

«Швед» хорошо изучил законодательство тех европейских стран, в которых ему пришлось работать или бывать. Он предусмотрел, что в случае провала во Франции, в Швейцарии ему и его группе серьезные неприятности не грозят, поскольку деятельность «Экспресса» непосредственно против Швейцарской конфедерации не направлена. В худшем случае вышлют из страны. Эвакуироваться же в избранный им городок в Швейцарии из Франции при явной угрозе и избежать тем самым сурового ответа перед французским правосудием можно за несколько часов.

Упорная, с переменным успехом и частыми переездами из города в город, из страны в страну деятельность «Шведа» по данному заданию продолжалась почти год, всю вторую половину 1933 и первую 1934 года. В определенной степени ему мешало то обстоятельство, что ранее он длительное время уже работал в Париже под другим именем и прикрытием, и с той поры во французской столице, тогда сравнительно небольшом и компактном городе осталось много знакомых, встреча с которыми была крайне нежелательна.

В конце концов Орлов, столкнувшись с серьезными

трудностями, счел возможным просить Центр фактически поручить дальнейшую работу в Париже Короткову.

В Москву ушла шифровка, в которой «Швед» в числе других вариантов предлагал: «передать «Экспрессу» (хорошего связного, подлинного иностранца), «Длинного» (освоившего языки и умеющего «носить» паспорт), его жену (знающую отлично немецкий и французский языки) — в уже оправдавшую себя организацию[13], а меня отозвать обратно…»

Прочитав вышеприведенный абзац, читатель, несомненно, удивится: он и не подозревал, что Александр Коротков, оказывается, женат. Автор должен откровенно признаться, что до ознакомления с данным документом он тоже не знал, когда именно герой его книги вступил в свой первый брак. Дело в том, что этот брак был гражданским, то есть не зарегистрированным ни в советском загсе, ни во французской мэрии. По той же причине нет данных и о точной дате распада семьи приблизительно лет через десять-двенадцать. Тем не менее, и муж и жена во всех анкетах в графе «семейное положение» писали соответственно «женат», или «замужем» и сообщали все, что требовалось друг о друге. В те годы подобные браки были явлением весьма распространенным. Отсутствие пресловутого штампа в паспорте не сказывалось даже при получении ордера на жилье[14].

Мария Борисовна Вильковыская родилась в Санкт-Петербурге в 1913 году. Вместе с родителями — отец был загранработником Советского торгового флота — она прожила в общей сложности семь лет в Германии и три года во Франции. Она закончила два курса химического техникума, а также курсы стенографии и машинописи в Берлине. Естественно, девушка свободно владела немецким и французским языками, слабее — английским и итальянским. По возвращении в Москву Вильковыская стала работать переводчицей в Иностранном отделе ОГПУ, со временем ее начали привлекать и к оперативным делам. В 1933 году она выехала в загранкомандировку и снова встретилась с Александром, которому еще в Москве помогала в изучении немецкого языка.

Но — вернемся в Париж, куда, после того, как Москва приняла предложение «Шведа», Карл Рошецкий перебрался вместе с женой уже на относительно продолжительное время. Правда, уже не в качестве кауфмана, а студента. Он поступил в Центральную радиошколу, находившуюся на улице Луны, 12. Поселились молодожены в аристократическом XVI районе Парижа на улице Жорж Санд, 36 (правда, в очень скромной квартирке). Здесь в конце 1935 года у них родилась первая дочь

София.

Одновременно Карл Рошецкий стал вольнослушателем в знаменитой Сорбонне, где усердно посещал лекции по… антропологии. Почему он выбрал именно этот предмет (не имеющий ни малейшего отношения к его основным занятиям радиоделом), остается загадкой. Возможно, к тому у него имелись какие-то основания прагматического свойства, а может быть, просто заинтриговала эта наука своими тайнами, главные из которых не разрешены и по сей день. Можно сделать и иное предположение: изучение антропологии было не столь обременительным занятием, как, скажем, постижение высшей математики, квантовой механики или санскрита. Следовательно, у Короткова оставалось больше времени для своего основного занятия — разведки. К тому же Сорбонна представляла куда большие возможности для обзаведения полезными знакомствами, нежели весьма ограниченный контингент слушателей радиошколы.

Как-никак, в тот период у него на связи было два ценных агента. Поддержание контактов с ними являлось делом достаточно трудоемким и ответственным. Даже самая короткая встреча с мгновенным обменом материалами занимала со всеми проверками, сменой маршрутов, постановками и снятием сигналов почти целый день.

Рассказывать о впечатлении, какое произвел на Короткова Париж — задача непосильная. Автор об этом может судить по собственному опыту. Трижды бывал в этом удивительном городе, но ничего вразумительного о нем рассказать друзьям не сумел. Заканчивал бесполезным советом: «Это надо видеть собственными глазами».

А между тем ни об одной другой европейской столице российский человек с детства не знает так много, как именно о Париже. Возможно, потому, что первыми самостоятельно прочитанными книгами у многих из нас были «Три мушкетера» А. Дюма и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Да и 18 марта — День Парижской Коммуны многие годы являлся в СССР официальным праздником. С детских лет мы слышали эти завораживающие слова: Монмартр. Монпарнас, Эйфелева башня, Гранд-Опера (с ударением непременно на последней букве!), Лувр, Елисейские поля, Версаль, Булонский лес, гробница Наполеона, Вандомская колонна, Триумфальная арка, кладбище Пер-Лашез, Чрево Парижа и даже Плас-Пигаль… Все эти названия, разумеется, были прекрасно известны Короткову и до поездки во Францию. Многое о парижских нравах и обычаях рассказывала ему и Мария Вильковыская. Кое-что, но уже в ином

ключе, втолковал «Швед». В частности: по возможности не появляться на улице Гренель, где располагалось посольство России, а ныне полпредство СССР, на улице Дарю, где находился главный православный храм во Франции — собор Святого Александра Невского, улице Пасси, которую облюбовали для поселения многие русские эмигранты. В этих местах всегда собирались бывшие соотечественники. Конечно, в отличие от «Шведа» у Короткова в силу его возраста и биографии возможность встретить знакомого практически приближалась к нулю. Но «бывшие» обладали необъяснимой, мистической способностью за версту выявлять своего земляка-русака в любом обличье. По нескольким пустяшным, ничего не значащим фразам, пусть и произнесенным по-французски, они безошибочно могли бы опознать в Карле Рошецком уроженца Самотеки и 1-й Мещанской.

На лекциях в университете Коротков познакомился со многими студентами, один из них привлек его внимание тем, что регулярно читал социалистическую газету «Попюлер». Ничего особенного в этом не было — социалистические и коммунистические идеи в тогдашней Франции буквально витали в воздухе, их разделяли даже некоторые русские эмигранты, особенно из числа молодежи. Новый знакомец Короткова — назовем его условно Пьер — не имел сколько-либо значительных средств к существованию и вскоре был вынужден бросить учение, чтобы найти хоть какой-то заработок.

Между тем Гитлер впервые после прихода к власти проявил свою агрессивность в сфере внешней политики, что не могло не привлечь внимания Короткова, поскольку то было связано с его первой «заграничной» страной Австрией. Эта страна всегда была для Гитлера самой острой занозой. Дело в том, что став канцлером Германии, фюрер формально оставался… австрийским гражданином! Чтобы стать «настоящим» немцем он просто обязан был «перекрестить порося в карася», то есть сделать Австрию одной из германских земель, вроде Пруссии или Баварии. Но альпийская республика никогда в состав Германии не входила!

Свою навязчивую идею Гитлер никогда не скрывал — об этом он написал уже в первом разделе программной книги «Майн кампф» («Моя борьба»). К захвату Австрии Гитлер стал готовиться сразу после прихода к власти в Германии. Он назначил депутата рейхстага Теодора Хабихта инспектором нацистской партии Австрии, а лидеру последней, переехавшему в Германию Альфреду Фрауенфельду помог обосноваться в Мюнхене. Отсюда Фрауенфельд ежедневно выступал по радио, обращаясь к своим единомышленникам. Из Мюнхена же переправлялись в Австрию

оружие и взрывчатка. Дело дошло до того, что Гитлер дал согласие на формирование так называемого Австрийского легиона числом в несколько тысяч человек, готового по первому приказу перейти границу, отделявшую Баварию от Австрии.

Уже 3 октября 1933 года нацисты совершили покушение на твердого противника «унификации» канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса. Канцлер был легко ранен. Тогда уладить международный скандал удалось при активном вмешательстве Муссолини. Итальянский дуче имел свои виды на альпийскую республику. После подавления известного восстания шупбундовцев в феврале 1934 года три державы — Италия, Франция и Англия подписали декларацию об австрийской независимости.

12 июля 1934 года австрийское правительство издало указ о введении смертной казни за контрабанду и хранение взрывчатых веществ. Под действие этого указа подпало семеро нацистских террористов. Тогда уж в Германии начался настоящий антиавстрийский шабаш. Мюнхенская радиостанция открыто заявила, что если суд, назначенный над семеркой на 20 июля, вынесет смертный приговор, канцлер Дольфус и министры правительства ответят за это головой.

25 июля головорезы из 89-го штандарта (полка) австрийских СС, переодетые в форму гражданской гвардии, ворвались в канцелярию канцлера. Кто-то из эсэсовцев почти в упор выстрелил Дольфусу в шею. Рана оказалась смертельной… Одновременно другая группа заговорщиков захватила расположенную неподалеку радиостанцию и заставила диктора передать в эфир сообщение об отставке канцлера и формировании нового, прогерманского и пронацистского правительства.

Гитлер в это время сидел в ложе для почетных гостей на ежегодном вагнеровском фестивале в Байрейте. Представляли «Золото Рейна». Рядом с Гитлером сидела внучка композитора Фриделинд Вагнер. Адъютант Гитлера узнал о событиях в Вене из звонка по телефону, имевшемуся в ложе, и шепотом, на ухо сообщил о них фюреру.

Однако верные правительству войска окружили здание парламента и вынудили путчистов сдаться. (Многие из них предстали перед судом, тринадцать мятежников по его приговору позднее повешены.) В дело снова вмешался Муссолини и немедленно двинул к границе с Австрией пять дивизий.

Гитлер испугался. Подготовленное было правительственное сообщение о провозглашении «Великой Германии» было срочно отозвано и заменено другим, в котором выражалась лицемерная

скорбь по поводу жестокого убийства канцлера Австрии. Хабихт был смущен. Германский посол в Вене Рит, причастный к заговору, отозван. Вместо него на этот пост был назначен Франц фон Папен, всего месяц назад чудом избежавший смерти в «Ночь длинных ножей» для восстановления, как лицемерно выразился Гитлер, нормальных, дружественных отношений с Австрией.

Энергично напомнили Гитлеру о международных гарантиях независимости Австрии послы Франции и Англии.

Если бы великие европейские демократии столь же решительно действовали и в дальнейшем, возможно, не было бы ни еще одной, на сей раз удачной операции по захвату — «аншлюсу» Австрии, ни Мюнхена…

Для советских разведчиков в Европе события в Вене стали своего рода сигналом: в какой бы стране они ни работали, им следует обращать самое пристальное внимание на любую информацию, имеющую хоть какое-то отношение к политике нацистской Германии. В полной мере, разумеется, это касалось и «Длинного»…

В августе 1934 года одно событие неожиданно внесло некое разнообразие в сложившийся уклад парижской жизни Короткова. Во Францию на так называемое Рабочее первенство мира по футболу приехала сборная команда Москвы. Советские спортсмены тогда не принимали участия ни в Олимпийских играх, ни в официальных чемпионатах мира и Европы ни по одному виду спорта. Поездки за рубеж были редкостью, а для армии болельщиков каждая из них становилась почти сенсацией.

Первые две игры наша сборная провела в провинциальных городах и в обеих одержала победы с разгромным счетом, причем «сухим».

Финальный матч со сборной Норвегии должен был состояться в Париже на стадионе «Буффало» 14 августа. Из спортивных разделов рабочих газет, достаточно подробно освещающих чемпионат, Александр знал, что в составе москвичей играет и его брат. Естественно, Коротков был не в силах удержаться, чтобы не пойти на финал. Известно, что август во Франции — пора отпусков, когда весь Париж покидает город и устремляется в зависимости от толщины кошелька, кто к пляжам Средиземного моря, кто на более суровое побережье Нормандии, кто просто в маленькие деревушки в провинции, лишь бы на свежий воздух, подальше от столичной суеты и тоскливых рабочих будней.

Однако, к своему удивлению, Коротков обнаружил у ворот стадиона толпу, а у касс столь обычные для Москвы, но такие редкие для Парижа очереди. И впрямь, удивительное дело: на матч вовсе не грандов европейского футбола, к тому же без

участия французской команды, собралось тридцать тысяч зрителей!

Александр купил дешевый билет в один из самых дальних рядов, чтобы исключить возможность быть случайно узнанным с поля, или скамейки запасных игроков (при всей ничтожной вероятности такого), и поднялся на трибуну, опять же, на всякий случай, когда уже прозвучал свисток судьи, возвестивший о начале матча. В этот день Александр умышленно не побрился, поднял по моде рабочих предместий воротник пиджака, глубоко, на самые глаза, натянул кепку… Теперь ему привыкшему на «Динамо» шумно болеть за своих, требовалось одно — не проявлять уж слишком явно обуревавших его эмоций. И надо же, ближайшими соседями на трибуне оказались… русские, целая компания мужчин в возрасте 35–40 лет, по всем внешним признакам — парижские таксисты из числа бывших подпоручиков и штабс-капитанов белой армии. (Парижане почему-то всех их называли «Поповыми».) К удивлению Короткова, «Поповы» дружно болели за… москвичей, иногда, правда, называя их «краснопузыми», однако без злости, а скорее даже с симпатией.

Наши без особых трудностей забили норвежцам три безответных гола, обеспечив себе тем самым прочную победу, а затем снизили обороты, чтобы у зрителей не пропал окончательно интерес к игре.

Павел Коротков как всегда играл на привычном месте правого хавбека, как тогда называли полузащитников. Почти всех его партнеров Александр знавал лично по Москве: динамовцев Виктора Тетерина, Василия Смирнова, Сергея Ильина, спартаковского вратаря Ивана Рыжова и других.

В перерыве между таймами Александр не покидал своего места, так и просидел молча полтора часа, только палил одну за другой крепчайшие, черного табака сигареты «Житан».

Стадион покинул минут за пять до финального свистка, опять же, чтобы ненароком не попасть кому-нибудь на глаза. О том, чтобы разыскать брата, не могло быть и речи.

То, что он был на этом матче тридцать четвертого года на стадионе «Буффало», Александр рассказал Павлу лишь много лет спустя. Сначала малость разыграл, сообщив тому несколько ярких подробностей игры, о которых советские газеты не сообщали и которые мог знать только очевидец с хорошей памятью, к тому же разбирающийся в футболе…

Коротков почти забыл о существовании своего мимолетного однокурсника Пьера, когда вдруг, месяца через три после того, как тот покинул Сорбонну, не столкнулся с ним случайно нос к носу возле Гранд-Опера. Так возобновилось знакомство, поначалу

не сулившее «Длинному» в профессиональном смысле ничего интересного. На одной из встреч француз сообщил, что собирается жениться, как только накопит денег, чтобы снять более или менее приличную квартирку. В этом тоже не было ничего примечательного. Примечательное началось тогда, когда Пьер рассказал, что будущий тесть помог ему устроиться фотографом во «Второе бюро», где в его служебные обязанности входило изготовление фотокопий с различных карт и документов.

«Длинный» доложил об этом разговоре «Шведу». Все взвесив, они решили, что подстава со стороны французской контрразведки вроде бы исключена, поскольку на знакомство первым пошел Александр, а не его бывший однокурсник. К тому же Коротков не заметил ни малейших следов какого-либо наблюдения за собой. Решено было знакомство продлить и развить, имея в перспективе вербовку Пьера на идейной основе (социалистические воззрения), подкрепленной материальной заинтересованностью (предстоящая женитьба, естественно, влекла за собой значительные расходы на обзаведение).

«Швед» по своим каналам проверил отца невесты. Оказалось, что он был отставным армейским сержантом, ныне вольнонаемным служащим в канцелярии военного министерства. Он действительно имел возможность пристроить несостоявшегося студента на работу во «Второе бюро», да и сам представлял известную ценность как объект возможной вербовки.

Решено было также, что Коротков из оперативных сумм, кстати, не таких уж и значительных, купит новому другу (вернее, оплатит стоимость) венчальные кольца в качестве свадебного подарка.

Казалось бы, события развиваются в выгодном для советского разведчика направлении. И тут вдруг грянул гром…

Легальный резидент ИНО в Париже встретился с одним из своих информаторов, работающих в отделе наркотиков «Сюрте женераль» — так называлась французская контрразведка. Это был тот самый агент, который в свое время передал советской разведке копии полицейских протоколов о похищении 26 января 1930 года главы РОВС «Рус» генерала Александра Кутепова и ходе расследования этого акта.

Сейчас агент сообщил: «Сюрте» стало известно, что в Сорбонне учится студент-чехословак, который на самом деле является русским разведчиком. «Сюрте» подобрало молодого сотрудника, способного сойти за студента, и поручило ему записаться на курс антропологии университета, чтобы сойтись с подозреваемым.

Нет, ни «Швед», ни сам «Длинный» не допустили какой-либо

ошибки, которая навела контрразведку на правильный след. О наличии в Сорбонне русского псевдостудента «Сюрте» поставил в известность ее агент, внедренный во Французскую компартию. От кого информация попала к провокатору, агент не знал. Это остается неизвестным и по сей день.

Резидент ИО незамедлительно сообщил информацию в Центр, который, в свою очередь, тут же предупредил «Шведа» об опасности. Из-за предательства лжекоммуниста французская контрразведка могла арестовать и Короткова (пока он не приступил к вербовке «Пьера», у нее не имелось доказательств его разведывательной деятельности), и выйти на след «Шведа», а там и связанных с ними агентов-французов.

По распоряжению Центра «Швед» выехал в Швейцарию, а оттуда в Вену. Здесь его ожидало новое назначение в Англию. Ему предстояло участвовать в создании знаменитой «кембриджской» сети советской разведки.

Александр Коротков был также, пока не поздно, выведен в другую страну, откуда затем благополучно вернулся на Родину.

Домой. Ненадолго…

За время отсутствия Александра Короткова на Лубянке произошли события, которые очень скоро роковым образом скажутся на судьбах миллионов людей и еще долгие годы будут неумолимо калечить великую страну, приближая, тем самым, ее распад в девяносто первом…

10 мая 1934 года на даче под Москвой от тяжелого сердечного приступа скончался председатель ОГПУ СССР Вячеслав Менжинский. В последнее время, уже неизлечимо больной, он фактически отошел от дел. Но все же… Его смерть стала своего рода рубежом, водоразделом, за которым началось откровенное превращение большей части чекистского аппарата в центре и на местах в бездушную, безжалостную, репрессивную машину политической полиции.

Не случайно всего лишь через два месяца после смерти Менжинского ОГПУ было упразднено. 10 июля 1934 года на его базе постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР был образован чудовищный монстр — Народный комиссариат внутренних дел — НКВД СССР. Наркомом НКВД был назначен Генрих Ягода.

В состав НКВД, кроме чекистских управлений бывшего ОГПУ, вошли, скажем, не только рабоче-крестьянская милиция, но даже загсы и лесная охрана. В состав Главного управления лагерей — Гулаг НКВД из наркомата юстиции РСФСР были переданы все дома заключения, изоляторы, исправительно-трудовые колонии. Так завершилось формирование пресловутого «Архипелага»…

Для осуществления внесудебной расправы в составе НКВД (как и ранее в ОГПУ) было образовано Особое совещание — ОСО. Оно имело право определять наказание в виде ссылки или заключения в лагерь сроком до пяти лет. Затем полномочия ОСО расширили — оно могло осуждать уже на срок до восьми лет, еще позднее — вплоть до зловещей аббревиатуры ВМН — высшей меры наказания, то есть расстрела. Ответственным секретарем ОСО был по совместительству назначен Секретарь НКВД СССР Павел Буланов.

Оперативно-чекистские подразделения, отделы Особый (ОО), Секретно-политический (СПО), Иностранный (ИНО), Оперативный, Специальный, Учетно-статистический, Транспортный (ТО), а также Экономическое управление (ЭКУ) были объединены в Главное управление государственной безопасности — ГУГБ НКВД СССР. Формально работой ГУГБ руководил сам нарком, а фактически — первый замнаркома Яков

Агранов.

Произошли изменения и в Иностранном отделе. В мае 1935 года его руководитель Артур Артузов окончательно перешел на должность заместителя начальника Разведывательного управления Красной Армии. Новым начальником ИНО стал Абрам Слуцкий, его первым заместителем — Борис Берман, вторым — переведенный с Украины Валерий Горожанин.

В том же 1934 году с большой помпой прошел XVII съезд ВКП(б), официально названный красиво и гордо — «Съезд победителей». В историю, однако, он вошел как «Съезд расстрелянных». И в самом деле, спустя некоторое время, из 1966 делегатов съезда репрессиям подверглись 1108, причем подавляющее большинство арестованных — казнены. В частности, все до единого расстрелянные делегаты, избранные на съезд от партийных организаций органов НКВД.

Закончился год страшно: 1 декабря в коридоре Смольного в Ленинграде был убит Сергей Киров, возглавлявший ленинградскую партийную организацию, человек, которого прочили по меньшей мере на вторую роль в иерархии ВКП(б), а многие коммунисты и на первую. Полная ясность в обстоятельства его гибели не внесена и по сей день. Большинство исследователей убеждены, что злодейский выстрел организовали тамошние чекисты по прямому или намеком данному приказу Сталина. Меньшая часть историков (а также и автор) полагают, что теракт совершил одиночка — озлобленный, с неуравновешенной психикой неудачник Леонид Николаев. Но Сталин с изощренным искусством использовал эту трагедию в своих целях — для развязывания «большого террора». Убивать Кирова из опасений перед возможным конкурентом на пост генсека Сталину было просто ни к чему. На самом деле Киров об этом кресле и не помышлял. Более того, он был одним из самых преданных Сталину лично членов ЦК и вообще всего тогдашнего высшего руководства.

Но Киров был невероятно, как никто другой из того же высшего эшелона, популярен и в партии, и в народе. Будучи, разумеется, твердокаменным большевиком, Киров отличался подлинным демократизмом, простотой, доступностью, человеческим обаянием, всем тем, что ныне называется харизмой. Его не только уважали в массах, но и по-настоящему любили. Характерно, что после Ленина его единственного в народе по-народному же называли лишь по отчеству: «Мироныч». Убийство никакого другого члена Политбюро или секретаря ЦК не вызвало бы в народе столь искреннего взрыва горя и негодования. Это и позволило Сталину немедленно ввести в действие

беспрецедентный по своей жестокости и беззаконию «закон» о терроре: рассмотрение дела в десятидневный срок, слушанье в отсутствие прокурора и защиты, запрещение обжалования. Наконец — приведение приговора в исполнение немедленно по вынесении.

Позднее это постановление ЦИК СССР (которое в спешке даже не успел подписать номинальный его председатель Михаил Калинин, но лишь секретарь — Авель Енукидзе) было распространено и на некоторые другие «преступления контрреволюционного характера».

Уже в первые несколько недель действия этого драконовского документа были репрессированы несколько сот человек, никакого отношения к убийству Кирова не имеющих. Поначалу террор чекистов не коснулся. Начальник Ленинградского управления Филипп Медведь, его первый заместитель, в прошлом сотрудник ИНО Иван Запорожец, еще несколько руководящих работников управления «за халатность» были приговорены к двум-трем годам заключения, но и те не отбыли, а были посланы на чекистские должности в дальние лагеря. Однако через несколько лет всех их расстреляли.

В сентябре 1935 года в Красной Армии и Военно-Морском Флоте, а затем во внутренних и пограничных войсках были введены персональные воинские звания вместо существовавших дотоле должностных (вроде комвзвода, комполка и тому подобных, меняющихся при каждом перемещении командира по службе). Месяцем позже персональные специальные звания были установлены также и для кадровых сотрудников органов госбезопасности, а также милиции.

Установлены были и новые знаки различия: довольно запутанные комбинации треугольничков и звездочек на обоих рукавах — серебристых и золотистых. Это приводило ко множеству недоразумений. Чтобы избежать их, в конце концов для сотрудников госбезопасности ввели те же знаки различия в петлицах — эмалевые треугольники, квадраты («кубари»), шпалы и ромбы, что и в РККА. Чтобы отличать все-таки их от армейцев, установили дополнительные эмблемы на обеих рукавах выше локтя: овальные нашивки с изображением меча клинком вниз и скрещенных серпа и молота. Тогда же сотрудники госбезопасности получили свои печально знаменитые фуражки со светло-синим верхом и краповым околышем.

Специальные звания сотрудников госбезопасности были на две ступеньки выше одноименных в РККА.

Звание сержанта[15] госбезопасности соответствовало званию лейтенанта РККА (два «кубаря» в петлицах).

Младшего лейтенанта ГБ — старшего лейтенанта РККА (три «кубаря»).

Лейтенанта ГБ — капитана РККА (одна шпала).

Старшего лейтенанта ГБ — майора РККА (две шпалы).

Капитана ГБ — полковник РККА (три шпалы).

Майора ГБ — комбрига РККА (один ромб).

Старшего майора ГБ — комдива РККА (два ромба).

Комиссара ГБ третьего ранга — комкора РККА (три ромба).

Комиссара ГБ второго ранга — командарма РККА второго ранга (четыре ромба).

Комиссара ГБ первого ранга — командарма первого ранга (четыре ромба и звездочка).

Наркому НКВД Генриху Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное к званию Маршала Советского Союза. Петлицы генерального украшали большие шитые золотом звезды. Как у маршалов.

Рассказ о званиях сотрудников НКВД следует завершить в одном месте. В 1939 году в Красной Армии было введено дополнительное воинское звание «подполковник», полковники получили в петлицы по четвертой шпале. В НКВД дополнительного звания не ввели. 9 февраля 1943 года были учреждены новые знаки различия — погоны. Звания офицеров в армии и органах госбезопасности решено было унифицировать. Сотрудники ГБ от сержанта до капитана включительно получили звания от лейтенанта до подполковника ГБ включительно. Майоры ГБ стали именоваться полковниками госбезопасности. Позднее обязательная приставка «госбезопасности» после звания была отменена. Старшие майоры ГБ, как правило, стали именоваться «комиссарами госбезопасности» (просто, без ранга). Все комиссары госбезопасности носили погоны, сходные с генеральскими, соответственно с одной, двумя, тремя и четырьмя звездочками. Генеральный комиссар госбезопасности получил погоны, сходные с маршальскими. В июле 1945 года все комиссары получили генеральские звания, от генерал-майора до генерала армии соответственно. Наркому НКВД, Генеральному комиссару госбезопасности СССР Берии было присвоено звание Маршала Советского Союза…

Постановление ЦИК от 1 декабря 1934 года общеизвестно, оно было опубликовано и «встречено всеобщим одобрением трудящихся». Но мало кто знает и сегодня, что в мае 1935 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) была образована Особая комиссия по борьбе с «врагами народа». В нее вошли секретари ЦК ВКП(б) А. Жданов и И. Ежов, новый прокурор СССР А.

Вышинский, секретарь Комиссии партийного контроля М. Шкирятов, а также выдвиженец Н. Ежова и его преемник на посту заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК Г. Маленков. Уже один этот факт свидетельствует, что инициативной, направляющей силой наступившей эры «большого террора» была сама правящая Коммунистическая партия, а органы НКВД, при кажущемся всемогуществе, лишь ее исполнительным механизмом. Примечательно, что аресты некоторых очень уж высокопоставленных деятелей происходили непосредственно в помещении ЦК партии, даже в кабинете Маленкова.

Более того, уже после войны в Москве был построен отдельный корпус при тюремном комплексе «Матросская тишина» под партийную тюрьму. Допросы в этой особо секретной тюрьме, проводили не сотрудники МГБ, а так называемые партследователи[16].

Александр Коротков, как и тысячи рядовых чекистов, понятия не имел о существовании этой комиссии, тем более не мог сознавать, что стоит за данным новообразованием. Но Генрих Ягода, первый из трех Генеральных комиссаров государственной безопасности, не мог этого не понимать. Однако и он не в состоянии был предвидеть, что оно означает и его собственный неизбежный и близкий конец. Дело в том, что Ягода, стаж пребывания в ВКП(б) которому засчитывался с декабря 1907 года, далеко не всегда и во всем разделял взгляды могущественного секретаря ЦК И. Сталина. По свидетельству современников, ему гораздо более импонировали некоторые идеи Бухарина. В частности, Ягода с явным неодобрением относился к тому, что органы ОГПУ привлекались к самому активному участию в раскулачивании и коллективизации сельского хозяйства. Разумеется, он добросовестно выполнял все, что от него требовало высшее руководство, но недостаток личного рвения не остался незамеченным «вождем народа». Такое не прощалось никогда и никому. Потому неслучайно Ягода в качестве уже подсудимого был выведен на один процесс именно с Бухариным, а не, скажем, с военными, хотя это было бы «логичнее».

Введение персональных званий сыграло во многих отношениях положительную роль. Сотрудники приобрели в собственных глазах дополнительный вес. Перемещения по службе, особенно повышения, стали более обоснованными и осмысленными. К тому же материальное обеспечение каждого чекиста становилось более прочным — оно было напрямую связано прежде всего с постоянным званием, а не только с занимаемой должностью.

Новый начальник ИНО Абрам Слуцкий получил звание комиссара госбезопасности второго ранга. Его предшественник на этом посту Артур Артузов в связи с переходом в наркомат обороны получил установленное для высшего военно-политического состава РККА звание корпусного комиссара, равное званию комкора.

Очень странно, что не сохранили сведений о первых аттестациях Александра Короткова (процесс первичной аттестации сотрудников в Центре и на местах, естественно, затянулся на несколько месяцев, в связи с этим в Москву и из Москвы на периферию шли настоящие потоки бумаг). В документах 1939 года он упоминается уже как лейтенант госбезопасности, что, как уже было сказано, приравнивалось к званию капитана в РККА.

Меж тем все большее внимание советской разведки и контрразведки привлекали события в Германии. Подавив в кровавую «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года возможную оппозицию со стороны радикального крыла штурмовиков, точнее, попросту вырезав несколько тысяч самых горластых во главе с Эрнстом Ремом, Гитлер затем успешно решил проблему безработицы за счет усиленного строительства знаменитых автобанов (автострад) и восстановления, вернее реанимации (в ходе войны она вовсе не была разрушена) военной промышленности. Получив многомиллионные заказы, «бароны» и «капитаны» пушечной индустрии восприяли духом и мигом простили Гитлеру сомнительное происхождение, социальную демагогию, плохо сшитый и еще хуже сидящий фрак, и вообще дурные манеры. Точно так же большинство генералов встрепенулись, словно старые боевые кони, заслышавшие призывной зов трубы, забыли о ничтожном ефрейторском звании рейхсканцлера, которому предстояло стать вскоре их верховным главнокомандующим. В их ушах уже звучал воинственный клич «Дранг нах…». Правда, куда именно «дранг» — на Запад или Восток — еще не было уточнено…

Еще 1 октября 1934 года Гитлер подписал секретный приказ об увеличении численности армии и начале строительства военно-морского флота.

1 марта 1935 года по итогам плебисцита с предрешенным результатом (более 90 % голосов — «за») Саарская область была присоединена к рейху.

9 марта последовало официальное уведомление о создании военно-воздушных сил Германии — люфтваффе.

В субботу 16 марта 1935 года Гитлер издал закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности и создании армии,

состоящей из 36 полновесных дивизий (12 корпусов) общей численностью в 550 тысяч человек!

В воскресенье, 17 марта, в стане отмечался «День памяти героев», таким образом новый закон для большинства немцев стал праздником, символизирующим восстановление «национальной чести». Вечером этого дня в помещении берлинского оперного театра состоялось торжество. Сцену украшали знамена воинских частей и огромное изображение черно-серебряного «Железного креста». Гитлер сидел рядом с фельдмаршалом Августом фон Макензеном — последним, остававшимся в живых фельдмаршалом германской кайзеровской армии.

А что же западные державы-победительницы — Англия и Франция — больше других, казалось бы, заинтересованные в доскональном соблюдении Германией Версальских соглашений, столь нагло попираемых? Они, разумеется, гневно протестовали. Но дальше дипломатических демаршей дело не пошло. И уж совершеннейшим плевком в их сторону стала специально отчеканенная в Германии памятная серебряная медаль в честь вышеназванного исторического события.

26 июня Гитлер ввел в стране обязательную трудовую повинность. Значение этого шага до сих пор не оценено в должной мере. Считается, что она в первую очередь была направлена на воспитание молодежи в нацистском духе и ликвидацию безработицы. Это верно. Однако без трудовой повинности невозможно было бы быстро и эффективно построить те же автобаны, имеющие первостепенное военно-стратегическое значение, аэродромы, полигоны и прочие военные объекты.

17 января 1936 года рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Пауль Иозеф Геббельс выступил с большой речью, в ходе которой бросил ставшую крылатой фразу: «Мы можем обойтись без масла, но, несмотря на всю нашу любовь к миру, не можем обойтись без оружия! В сокращенном несколько виде сей лозунг очень скоро стал звучать еще более выразительно: «Пушки вместо масла!»

Наконец, 7 марта одним росчерком пера Гитлер аннулировал Локарнские договоры и ввел войска в Рейнскую демилитаризованную зону. Версальский договор отныне сохранял разве что исторический интерес. Из разряда действующих международных документов всемирного значения он перешел в разряд музейных редкостей.

Абрам Слуцкий был далеко не худшим руководителем советской разведки. Он прекрасно понимал, что необходимо радикально усилить позиции разведки в нацистской Германии,

которую, кстати, знал не только по донесениям, поскольку и сам достаточно долго работал в этой стране. В число кандидатов на направление в Берлин попал и Александр Коротков.

Парадоксально, но факт: хотя большую часть времени в своей первой загранкомандировке «Длинный» провел во Франции, но почему-то немецким он овладел в гораздо большей степени, нежели французским. (Подмечено и обратное явление: немцы говорят по-русски заметно лучше, чем французы. Почему — непонятно.) Помощь жены, похоже, тут ни при чем: Мария Борисовна владела обоими языками свободно в равной степени.

Учтя все обстоятельства, руководство весной 1936 года приняло решение направить Короткова вместе с семьей в длительную командировку в Германию. По тогдашней обычной практике, служебный паспорт был ему выдан на имя Владимира Петровича Коротких. Должность-прикрытие — сотрудник представительства Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. О том, насколько успешно справлялся Коротков-Коротких со своими официальными обязанностями, можно судить по курьезному случаю, происшедшему уже в послевоенные годы.

На каком-то большом приеме в Москве один из отраслевых министров, бывший в предвоенные годы часто и подолгу в Германии, с изумлением узнал в генерале госбезопасности… экономиста представительства того самого Наркомтяжпрома, в котором сам работал в немалой должности.

— И ведь никаких претензий к вам, как к экономисту, у меня тогда не было, уважаемый Владимир Петрович, — поспешил заверить министр.

— Александр Михайлович, с вашего позволения, — с улыбкой поправил Коротков собеседника.

В столице «третьего рейха»

Теплым апрельским вечером Владимир Петрович Коротких высадился на вокзале Фридрихштрассе в Берлине. На перроне его встретил шофер торгпредства и отвез в общежитие для сотрудников на Гейвебергштрассе. Собственно говоря, массивное многоэтажное здание, которому повезло пережить Вторую мировую войну, было типичным для этого города доходным жилым домом с отдельными, естественно, квартирами. «Общежитием» оно называлось, должно быть, потому, что населяли его только работники советских учреждений. Коротких Владимиру Петровичу, как человеку семейному (Мария с ребенком приехала несколько позже), выделили здесь двухкомнатную квартиру. Само торгпредство располагалось почти рядом — на Литценбергерштрассе. Это двухэтажное, но достаточно солидное здание хорошо знали многие представители деловых кругов страны. Посетителей здесь каждодневно всегда бывало куда больше, нежели в комплексе зданий полпредства СССР на Унтер-ден-Линден, 63.

Полпредство СССР в Берлине, в левом крыле второго этажа которого размещалась резидентура, было сооружением примечательным во многих отношениях, хотя считать его шедевром архитектуры нельзя было даже с большой натяжкой. От Бранденбургских ворот его отделяло ровно триста метров. Трехэтажный фасад главного здания с тринадцатью окнами выходил на красную линию главной официальной улицы Берлина. В городе была еще одна «главная», но уже торговая улица — «Курфюрстендам, или, сокращенно, «Кудам». Здесь находились фешенебельные магазины, рестораны, кинотеатры и разнообразные увеселительные заведения.

Если идти от Бранденбургских ворот к главной водной артерии столицы — реке Шпрее и площади Александрплац, то полпредство располагалось по правой стороне Унтер-ден-Линден, почти сразу за перекрестком с правительственной Вильгельмштрассе, где находилась рейхсканцелярия Гитлера и многие важные министерства. На этом же перекрестке был и знаменитый отель «Адлон» с его «Шепчущим фонтаном», «Зимним» садом Гете» и прочими чудесами, в котором останавливались самые важные и богатые гости «третьего рейха». Ни для кого в Берлине не было секретом, что каждый номер этой роскошной гостиницы, каждый столик в его ресторане и барак прослушивается и просматривается гестапо.

С этой стороны к советскому полпредству примыкал более

скромный по размерам, но также фешенебельный отель «Бристоль», с другой — большой магазин. Длинный фасад основного здания был окрашен в бледно-зеленый цвет, в этом здании находились парадные залы для приемов, в том числе изумительной красоты «Мраморный зал».

Параллельно главному зданию стояли еще два, и справа — третье, соединяющее их. Таким образом, внутри комплекса имелось два небольших дворика, соединенных воротами. Во втором дворике находился гараж. Третье, четырехэтажное здание задней глухой стеной выходило на Беренштрассе. В нем были квартиры, в которых жили в основном технические сотрудники полпредства.

В комплекс вели единственные прочные ворота со стороны Унтер-ден-Линден с врезанной в них калиткой для посетителей. Никто не мог войти в полпредство, минуя дежурного коменданта. На стене возле калитки имелся объемистый ящик для почты. Никакого забора, или изгороди не было и в помине, поэтому ни одна живая душа не могла проникнуть в полпредство или, наоборот, покинуть его, незамеченной. Это обстоятельство способствовало тому, что немецкие спецслужбы могли легко контролировать всех посетителей советского полпредства, а также выход в город и возвращение его сотрудников.

Здание на Унтер-ден-Линден когда-то принадлежало сестре короля Фридриха Великого принцессе Амалии Прусской. Затем оно неоднократно меняло владельцев. Россия купила это здание у герцогини Дино вместе «с инвентарем, трюмо, шкафами, столами и домашней утварью» за немалые по тем временам (в 1837 году) деньги: 105 тысяч талеров. По приказу императора Николая I в Берлин на 146 подводах доставили русскую землю и рассыпали во дворе под строющуюся посольскую православную церковь. Перестраивал здание и возводил храм архитектор с «пахучей» фамилией Кноблаух, что в переводе на русский означает «чеснок»[17].

Существует классический метод, с помощью которого (как и некоторых других) контрразведка устанавливает разведчиков-легалов. Она тщательно фиксирует всех иностранных граждан, не являющихся дипломатами или техническими сотрудниками посольства, слишком часто посещающих свое представительство, особенно по выходным дням. (Известно, что легальная резидентура всегда находится в здании посольства.) Заподозренных лиц контрразведка берет «под колпак»: устанавливает за ними наружное наблюдение, устраивает в квартирах негласные обыски, выявляет круг знакомств, наводит о них справки через свои резидентуры на родине иностранца,

перлюстрирует почту и так далее.

Коротков-Коротких, естественно, был прекрасно осведомлен об этой рутинной практике и потому без нужды и повода на Унтер-ден-Линден не появлялся. С нужным ему сотрудником резидентуры он всегда мог спокойно встретиться в клубе советской колонии на Потсдаммерштрассе. Здесь регулярно устраивались просмотры советских кинофильмов, концерты наших же артистов, просто товарищеские вечера.

Наконец, в Берлин тогда часто наезжали делегации ответственных сотрудников Наркомптяжпрома — вплоть до заместителей наркома, директоры и главные инженеры крупных предприятий и строек, видные специалисты. В числе сопровождающих их лиц по тогдашней практике обязательно присутствовал кто-нибудь из московских коллег Короткова. Так что поддерживать связь со своими особой проблемы (разумеется, соблюдая все же меры предосторожности) не составляло.

Первым легальным резидентом в Германии — тогда совместно от ИНО и военных — был сотрудник Разведупра РККА Артур Сташевский. Его вскоре сменил опытный работник уже ОГПУ Бронислав Бортновский, участник ликвидации знаменитого заговора главы британской миссии Брюса Локкарта. При этом Бортновский был ранен. Впоследствии он стал заместителем начальника Разведупра.

Следующим резидентом в Берлине был Алексей Логинов-Бустрем, когда-то до революции сидевший на каторге вместе с Михаилом Трилиссером. Фактически он, как и его предшественники, находясь в Берлине, собирал информацию, важную для советского руководства о многих европейских странах — от Польши до Турции.

Красноречивы даже чисто количественные показатели тогдашней активности берлинской резидентуры, в которой и работало-то всего восемь человек. Только в 1927 году она передала в Москву почти пять тысяч материалов, из них свыше тысячи было направлено высшему руководству страны, а сто сорок семь лично Сталину.

В конце 1929 года резидентом в Берлине стал один из выдающихся советских разведчиков Николай Самсонов. У него и внешность был примечательная: длинное, сужающееся книзу лицо, такой же длинный, изогнутый книзу нос, пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз и огромный куполообразный лоб, который казался еще выше из-за ранней лысины. До Берлина Самсонов успешно работал в Эстонии, Латвии, той же Германии, Турции и Чехословакии. При Самсонове резидентура сумела овладеть рядом политических и дипломатических документов

первостепенной важности, в частности, о явно наметившейся тенденции правящих кругов Германии к отходу от Рапалльских соглашений. Зафиксированы были серьезные успехи в продвижении к власти нацистской партии во главе с Адольфом Гитлером[18].

Молодой, красивый, обаятельный, умный Борис Берман был любимцем женщин и сослуживцев. К тому же энергичен и удачлив. Именно он, в связи с изменившейся (в худшую для СССР сторону) обстановкой в Германии, успешно провел перестройку работы резидентуры, осуществил ряд ценных и перспективных вербовок. Центр тогда справедливо отмечал: «Мы имеем весьма ценное агентурное и документальное освещение внешней политики германского правительства… Кроме политической информации нами регулярно получается информация о деятельности германской разведки, проводимой через МИД, с указанием конкретных лиц, ведущих эту работу». Берман был заслуженно выдвинут на должность заместителя начальника ИНО. Ему присвоили высокое звание комиссара госбезопасности третьего ранга. Потом назначили наркомом НКВД Белоруссии… «Это уже был совсем другой человек — дьявол, вырвавшийся из преисподней и распространяющий вокруг себя смерть…» — так в тюремной камере говорил преемник Бермана на посту наркома НКВД БССР Алексей Наседкин (сам виновный во многих преступлениях) знаменитому разведчику Дмитрию Быстролетову, чудом уцелевшему в мясорубке «большого террора». За какой-то год Берман, действительно осатаневший от крови и страха, расстрелял в Белоруссии восемьдесят тысяч человек… Потом расстреляли и его самого, как и старшего брата Матвея…[19]

После Бермана резидентом в Берлине работал Борис Гордон[20] («Рудольф»), при котором развернулось полнокровное сотрудничество с одним из двух самых знаменитых руководителей советской агентурной сети в Германии — «Балтийцем», но об этом также речь еще впереди.

Следует указать, что помимо резидентов по собственно германской линии одно время в Берлине работал и Абрам Слуцкий — в качестве координатора всей деятельности советской разведки в Западной Европе.

В предвоенные годы в Германии действовала целая плеяда (иначе не назовешь) блестящих советских разведчиков: бывший поручик и эсер Николай Крошко («Кейт»), сумевший обезвредить опасную белогвардейскую организацию, во главе которой стоял бывший начальник врангелевской разведки и контрразведки действительный статский советник[21] Владимир Орлов, Бертольд Ильк («Беер»), создавший первую в истории ИНО нелегальную

резидентуру с центром в Берлине и охватывающую своей агентурной сетью Белград, Софию, Бухарест, Варшаву, Ригу, Таллин, Каунас, Хельсинки, Париж, Лондон, нелегальный резидент в Берлине Карл Гурский («Монгол»), супруги Василий и Елизавета Зарубины и многие другие. Не менее внушительно выглядел список и находившихся в Германии «соседей» — военных разведчиков.

(Забавная деталь — Коротков узнал о ней лишь много лет спустя: немецкие коммунисты, связанные с советскими спецслужбами, называли политическую разведку ИНО «Кларой», а военную — «Гретой»).

Самой влиятельной фигурой в довольно многочисленной тогда уже советской колонии в Берлине был торгпред СССР — некто Давид Канделаки, он пользовался даже большим весом, нежели полпред Яков Суриц. О причине этого влияния Коротков узнал лишь спустя много лет. Дело в том, что через посредство президента рейхсбанка и одновременно рейхсминистра экономики Ялмара Шахта Канделаки состоялись сверхсекретные контакты Сталина (они были лично знакомы еще по Кавказу) с высшим руководством Германии, включая самого Гитлера. «Доверие» вождя дорого обошлось «торгпреду»: после одного из конфиденциальных докладов в Москве Сталину он был расстрелян. Такая же участь постигла и Бориса Гордона, также причастного, хотя и в гораздо меньшей степени, к этим контактам.

Дабы читатель получил более точное представление о работе Короткова в Берлине, следует рассказать еще об одном разведчике, действовавшем там в начале тридцатых годов — Гайке Овакимяне (псевдоним «Геннадий»). Можно сказать, что этот человек в какой-то степени представлял новую поросль советских разведчиков с высшим техническим образованием. Причем свой диплом он получил не в сомнительном заочном заводе-втузе года за два без отрыва от производства, а в престижнейшем и по сей день Московском высшем техническом университете имени Баумана, там же закончил и аспирантуру. К своим тридцати с небольшим годам Овакимян успел поработать на производстве, а также пройти стажировку на промышленных предприятиях Италии и Германии. Он свободно владел немецким, итальянским и английским языками. Впоследствии еще два года учился в адъюнктуре Военно-химической академии РККА и в аспирантуре Нью-Йоркского химического института. Отдавая основное свое время работе в разведке, он сумел стать доктором химических наук, коих тогда в стране были считанные единицы[22].

По мнению автора, Гайка Овакимяна можно без натяжек назвать одним из основателей принципиально нового направления в деятельности советской разведки, значение которого с каждым годом возрастало и возрастает, а именно — НТР, то есть научно-технической разведки.

В Германии, издавна славящейся своей развитой химической, электротехнической, машиностроительной, авиационной промышленностью, а также высоким уровнем инженерно-конструкторских и технологических разработок, сам Бог, как говорится, велел Овакимяну заниматься в первую очередь именно научно-технической разведкой. К слову сказать, вовсе не обязательно с целью хищения каких-то секретов, но и для ориентирования отечественных специалистов разных отраслей, в первую очередь обороны; в разного рода технических новинках, создаваемых или разрабатываемых немцами. Это имело еще и то значение, что в силу всем известных сегодня причин советские ученые и инженеры тогда были лишены возможности поддерживать нормальные профессиональные связи со своими зарубежными коллегами.

Овакимяну также неоднократно приходилось оказывать квалифицированную помощь — информацией, советами, рекомендациями приезжающим в Германию советским техническим специалистам и работникам внешнеторговых ведомств.

Еще до прихода Гитлера к власти Овакимян завязал обширные связи и знакомства в кругах научной и технической интеллигенции Германии, в которых тогда были широко распространены симпатии к Советскому Союзу и социалистическим идеям.

Не приходится удивляться, что в такой благодатной среде Овакимян привлек к сотрудничеству с советской разведкой на идейной основе многих надежных источников информации, в том числе и военного характера.

Худощавый, стройный Ганс-Генрих Куммеров был внешне абсолютной противоположностью низенькому, коренастому, со склонностью к чисто восточной полноте Овакимяну, что не помешало им быстро найти общий язык. По окончании средней школы Ганс-Генрих вначале изучал в Берлинском университете историю музыки и философию и только после этого поступил в Высшую техническую школу в берлинском районе Шарлоттенбург, где и получил диплом инженера. Еще через два года, в двадцать шесть лет, он уже был доктором наук.

В течение пяти лет Куммеров работал в Ораниенбурге под Берлином на заводе акционерного общества «Газглюлихт-Ауэр-

гезельшафт». Предприятие выполняло и военные заказы. Ему неоднократно предлагали выгодные контракты французские и японские фирмы, но Куммеров решил поехать в СССР и даже посетил советское полпредство, чтобы навести справки о порядке получения визы и условиях работы.

Тогда-то Куммеров и познакомился с Овакимяном, который сразу оценил потенциальные возможности талантливого инженера и сообщил о нем в Москву. В переписке резидентуры с Центром Куммерову был присвоен оперативный псевдоним «Фильтр». Однако формальное привлечение Куммерова к сотрудничеству затянулось на два года. Дело в том, что в октябре 1933 года политическая полиция произвела у Ганса-Генриха обыск, правда, ничего компрометирующего не нашла. Работавший в политической полиции наш агент «Брайтенбах» по заданию Центра выяснил, что причиной обыска явилось всего лишь давнее намерение Куммерова поехать на работу в СССР, о чем он в свое время сам рассказал сослуживцам, не видя в том ничего особенного. Так оно и было до января 1933 года, но теперь этот факт уже вызывал подозрение. Полицейское расследование, однако, не нашло в поведении Куммерова ничего плохого. В 1932 году истекал срок его контракта с фирмой «Ауэр» и, как рассудили дознаватели, инженер Куммеров вправе был побеспокоиться о своей дальнейшей работе.

На этом, к счастью, все и закончилось. Тогда…

В дальнейшем Куммеров работал в конструкторском бюро фирмы «Леверадио АГ», располагавшейся в берлинском районе Штеглиц, на Тельтоканале, 1–4. Кроме того, он сотрудничал в Имперском биологическом бюро сельского хозяйства в берлинском районе Далем.

Спустя некоторое время Центр повторил проверку — все через того же «Брайтенбаха». Тот доложил в Москву: «Куммеров известен полиции и контрразведке только своими изобретениями. Против него ничего нет». Затем Куммеров два года был ассистентом в Институте физической химии и электрохимии.

Теперь Центр счел возможным возобновить связь с «Фильтром». На первой же встрече с работником резидентуры Куммеров передал ему образец (вернее, основные компоненты) нового, только что запущенного в производство противогаза, принятого на вооружение вермахтом.

«Сколько это стоит?» — спросил советский представитель и чуть не упал в обморок, услышав в ответ астрономическую по тем временам цифру: «Сорок тысяч марок».

Однако тут же выяснилось, что Куммеров назвал ему… стоимость разработки сделанного им изобретения. Советской же

России изобретатель передал свое детище бесплатно. Так же безвозмездно действовал он и в дальнейшем. Мотивация Куммерова была исключительно идейной.

На следующей встрече Куммеров передал оперативному работнику данные о некоторых новых боевых отравляющих веществах, разрабатываемых на предприятиях Германии, в основном в лабораториях концерна «ИГ Фарбен», а также средствах защиты от них.

Уже после разгрома фашистской Германии в каторжной тюрьме Плетцензее были найдены записки Куммерова, датированные 24 января 1943 года. В них он, в частности, писал: «Выражение «шпион» и «шпионаж» в их обычном смысле не отражает моего поведения… Речь шла о том, чтобы способствовать ее [то есть России] техническому развитию и оснастить в военном отношении для защиты от соседей, откровенно алчно взирающих на эту богатую перспективную страну, население которой составляли замечательные, идеальные по своему мировоззрению люди, но еще слабые в области техники… С этой целью их друзья во всем мире помогали своим русским единомышленникам делом и советом, передавая им все необходимые знания, а особенно сведения о вооружении, которое могло и должно было быть использовано для нападения на Россию, и связанные с подготовкой этого нападения военные тайны…» И далее: «…Друзья России с чистой совестью, следуя своим идеалам, стали пересылать в нее технические тайны военных фирм… Так поступил и я…»

Ганс-Генрих Куммеров считал, как мы видим, и вполне справедливо, эти свои действия абсолютно морально оправданными.

В последнее время в российской печати можно встретить упреки и даже прямые обвинения в адрес многих деятелей западной культуры за то, что они поддерживали своим авторитетом жестокий сталинский режим в СССР, проявляя, в лучшем случае, политическую слепоту. Клянут, в частности, Герберта Уэллса, Лиона Фейхтвангера, Ромена Роллана, Бернарда Шоу, Теодора Драйзера. Основываются сии обвинения на их книгах, статьях, публичных выступлениях. Так-то оно так… Да не совсем так.

Вот что накануне войны тот же Ромен Роллан написал не для печати, а в своем дневнике об СССР: «Там установлен режим абсолютного, бесконтрольного произвола, без тени гарантией самых элементарных свобод… Я подавляю в себе потребность говорить и писать об этом… чтобы бешеные во Франции и во всем мире не воспользовались моими словами как отравленным

оружием в самых преступных целях».

И далее: «Я не Сталина защищаю, а СССР — кто бы ни стоял в его главе. Вреднейшая вещь — идолопоклонство по отношению к личностям, будь то И. Сталин, А. Гитлер или Б. Муссолини. Я стою за дело свободных народов, хозяев своей судьбы».

Можно с уверенностью сказать, что так думали и соответственно поступали многие тысячи честных и думающих людей в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки. В Германии, разумеется, тоже.

Ближайшим помощником Куммерова по сотрудничеству с советской разведкой стал его друг Эрхард Томфор, также доктор технических наук в фирме «Леверадио АГ» занимавший должность референта директора, а перед этим заведующего там же отделом в химической лаборатории.

Начав работать в Берлине, Александр Коротков принял на связь от своих предшественников в числе нескольких других ценных агентов Ганса-Генриха Куммерова и Эрхарда Томфора. С «Фильтром» со временем его стали связывать не только деловые отношения, но и глубокая взаимная симпатия, можно сказать — личная дружба.

Организационно научно-техническая разведка в составе ОГПУ оформилась в 1926 году, тогда в ней работали лишь несколько человек. Это неудивительно: специфическое подразделение нуждалось не просто в толковых сотрудниках, но в людях, обладающих высокими, порой даже выдающимися знаниями в различных областях науки и техники, коими страна тогда была не очень богата.

Значение НТР очевидно. Ни одна страна и ее армия не хотят рисковать, чтобы в случае вооруженного конфликта, тем более большой войны, встретиться с новым, более совершенным, нежели ее собственные, скоростным и маневренным истребителем, либо с танком с большей толщиной брони, пушкой более крупного калибра.

НТР в первую очередь и обязана застраховать свои вооруженные силы от подобных сюрпризов. А во вторую — помочь собственным изобретателям и конструкторам в области оборонной техники преодолеть отставание в каком-то виде вооружения, а желательно — получить превосходство над возможным противником.

У информации, собранной по линии НТР, имеется определенное преимущество перед информацией политической. Последняя обладает способностью быстро устаревать и потому терять свое значение. Скажем, сообщение о секретных переговорах между двумя державами должно быть использовано с

максимальной эффективностью в короткий срок до того, как переговоры завершатся подписанием соответствующего договора. Информация НТР не теряет своей актуальности десятилетия. К примеру, те же атомные секреты. Более того, в отличие от политической, информация НТР может быть даже точно выражена в денежном эквиваленте: миллионах долларов, фунтов стерлингов, франков, наконец, просто в золоте.

Свои задачи НТР выполняет различными методами[23]. Иногда достаточно бывает выяснить лишь идею, замысел новой военно-технической разработки, а уж все остальное додумают собственные ученые. Иногда можно достать чертежи, техническое описание, тактико-технические данные, инструкции. Порой — и такие случаи известны — удается раздобыть даже образец нового вида снаряда, оружия, отравляющего вещества, прибора.

Внешняя разведка широко использовала многочисленные общества дружбы с СССР, возникшие в разных странах мира, тем более что в их составе были представлены ученые, конструкторы, инженеры. Разумеется, многие из этих лиц, принадлежащие к элите технической интеллигенции, были идеалистами, о подлинной жизни в СССР понятие у них было самое смутное. Кое-кто из них впоследствии испытал горькое разочарование. Но именно впоследствии, а пока они видели в Советском Союзе не только и не столько даже будущее человечества, сколько реальную силу, способную остановить поступь фашизма. В этом последнем они были правы, и в этом — прощение потомков за былые заблуждения.

Целые отрасли советской промышленности в годы первых пятилеток создавались при участии развитых капиталистических стран. Сегодня мало кто знает, а кто знает, тот из «патриотических побуждений» предпочитает помалкивать, что, к примеру, Горьковский автогигант был куплен в Америке у бывшего рабочего, изобретателя-самоучки Генри Форда. Такого же происхождения были современные (для тех лет) авиационные моторы, без которых немыслимо было бы воплощение в реальность замыслов одного из крупнейших авиаконструкторов XX века Андрея Туполева. Даже такую ерунду, как мороженое «эскимо» и кукурузные хлопья вывез из Америки нарком Анастас Микоян самолично.

Меж тем на Западе купить за золото, нефть, пшеницу, сокровища Эрмитажа можно было далеко не все. Кое-что нам не собирались продавать ни за какие деньги — из политических соображений, кое-что было просто не по карману. Ну а еще «кое-что», связанное с новейшим вооружением, на Западе держали в глубочайшем секрете. Это — нормально.

И тогда вставал сакраментальный вопрос: «Как быть?»

Добывать специфическими средствами научно-технической разведки. Ради укрепления обороноспособности Отечества, а порой — и тут вполне уместны самые патетические слова — сохранения мира во всем мире.

Но вернемся к Александру Короткову. Плодотворное сотрудничество с Куммеровым продолжалось. Так, от Томофора Куммеров получил и передал советской разведке данные о работе немецких специалистов по созданию того прибора, который впоследствии получил название радиолокатора, или радара, а также акустической торпеды и специальных радиостанций для установки на танках. От других своих источников Куммеров узнал о разработке технологии по производству синтетического бензина и синтетического каучука — оба эти материала всегда были из числа самых дефицитных для немецкой военной промышленности и оставались таковыми до самого конца Второй мировой войны. Общение с Куммеровым помогло Короткову лучше понять настроения и психологию германских антифашистов, что в дальнейшем существенно помогало ему в работе.

Мария Вильковыская в этой командировке не только помогала мужу, но и сама выполняла оперативные задания. В частности, по поручению сотрудника резидентуры Александра Агаянца («Рубена») Мария поддерживала контакты с несколькими ценными агентами. Свободное владение немецким языком и превосходное с детских лет знание города делали ее незаменимой связной.

Благодаря Марии Коротков также относительно быстро ознакомился не только с достопримечательностями Берлина вроде знаменитого музея Боде, но, что для разведчика даже важнее, его бесчисленными проходными дворами, а также традициями, обычаями и привычками местных жителей.

Новых вербовок в этот период сотрудники резидентуры не производили, даже если перспективные источники информации, как говорится, сами плыли в руки. На то было строгое указание сверху. Объяснение странному решению было найдено спустя много лет: Сталин тогда полагал, что через упомянутого уже Канделаки удастся договориться с Гитлером, а потому не хотел раздражать фюрера интенсивностью разведки. Следующий период подобного затишья еще раз наступит после заключения «Пакта Молотова-Риббентропа» в августе 1939 года.

В освоении огромного города Короткову помогла, конечно, великолепная зрительная память, интуитивная, а точнее, профессиональная способность ощущать внутреннюю

закономерность того или иного участка городской застройки. Она помогала ориентироваться в кажущемся нагромождении больших и малых домов, дворцов и церквей, улиц, площадей, переулков. Способствовало также обилие, как ни в каком другом городе, планов, проспектов и путеводителей. Упрощенные схемы города можно было бесплатно взять на конторке любого отеля, планы маршрутов городского транспорта — в киосках всех крупных станций. Густая сеть метро и городской электрички удобно накрывала весь колоссальный мегаполис, позволяла быстро добраться с одного конца на другой. К тому же не только поезда, но даже автобусы ходили строго по расписанию. Не нужно было и спрашивать у соседей, где выходить: зычноголосые кондукторы — в те годы только мужчины! — аккуратно объявляли каждую остановку.

Удобен был Берлин и для тайных встреч с агентами. Берлин, по сути, был конгломератом нескольких городов, слившихся в один. В каждом из них — Панкове, Шпандау, Веддинге и других была своя ратуша, свой главный храм, свой парк, свой базарчик, свое кладбище, свои достопримечательности. В черте города оказалось даже несколько чудом уцелевших и сохранивших свой образ жизни деревень. К тому же — множество больших и малых озер, речных и озерных пляжей (обязательно обустроенных), лесных массивов, вроде Грюневальда на западе. А также несчетное множество питейных заведений — от огромных, на сотни мест, до совсем крошечных на два-три стоячих столика. В Берлине было и поразительно много музеев и музейчиков — от грандиозного Пергамского на Музеуминзель («Остров Музеев») вблизи Унтер-ден-Линден до малюсеньких в честь забытых нынешним поколением художников. А проходные дворы! Некоторые доходные дома, особенно не в очень престижных районах, были похожи на… опрокинутые этажерки с несколькими полками. Главный корпус с аркой выходил на улицу, за ним через узкий двор-колодец следовал второй, далее третий, а то и четвертый. В дворах-колодцах, должно быть, жильцы почти не знали естественного солнечного света. Квартиры в них были, разумеется, самые дешевые, с общими «удобствами» в конце коридора.

Эти проходные дворы были просто находкой для разведчиков. Но они же могли оказаться и опасной ловушкой в том случае, если разведчик вдруг привлек бы внимание не гестаповского шпика, а обычного филера крипо — уголовной полиции, так как эти знали город, тем более свои участки до последнего подвала и чердака.

А еще в Берлине был потрясающий, огромный, с тысячами

обитателей, прославленный зоопарк возле одноименного железнодорожного вокзала.

Очень быстро Коротков запомнил некоторые правила посещения ряда так называемых общественных мест. Не стоило, к примеру, заходить в пивные в районе Александерплац: здесь любили проводить свободное время и обедать сотрудники расположенного рядом полицайпрезидиума Берлина. Не следовало посещать и некоторые бары, вроде популярного в определенных кругах «Фемины»: в них собирались проститутки, гомосексуалисты и наркоманы. В этих злачных заведениях постоянно дежурили шпики крипо и их осведомители.

Неприятным эксцессом со штурмовиками и просто нацистами — «энтузиастами» могла завершиться даже мелкая покупка в магазинах, принадлежащих евреям.

Нагрузка на Короткова с первых недель пребывания в Берлине легла несусветная. Дело в том, что разведчик, работающий под крышей какого-либо учреждения, фактически исполняет две должности. Его сослуживцы по «крыше» не должны догадываться о второй ипостаси своего коллеги. Значит, он должен со стопроцентной добросовестностью выполнять свои официальные обязанности — в данном случае экономиста представительства. Несколько легче бывает разведчикам, действующим с аккредитационной карточкой корреспондента газеты или радио (в наши дни и телевидения). Оно и понятно: функции разведчика и журналиста — сбор информации — во многом совпадают, в частности, и те, и другие пользуются конфиденциальными источниками. Но такое совпадение прекрасно известно и всем контрразведкам мира. Поэтому последние ведут тщательное наблюдение за всеми инкорами, вплоть до экстравагантных представительниц журналов мод.

Наркомат тяжелой промышленности СССР, которым с 1932 года и по день своей трагической гибели 18 февраля 1937 года бессменно руководил Серго Орджоникидзе, был громадным образованием. Впоследствии от Наркомтяжпрома отпочковались десятки отраслевых наркоматов и министерств. Для Короткова такое положение наркомата было весьма удобно, поскольку оправдывало его интерес к разным отраслям германской науки, техники и промышленности — от самолетостроения до химии. Соответственно, давало возможность поддерживать деловые контакты со множеством немецких специалистов и фирм.

Успешное выполнение заданий требовало от Короткова не только приобретенного оперативного мастерства, но и вдумчивого изучения до того мало известных ему предметов (достаточно примитивного знания обычной бытовой и лифтовой

электротехники, разумеется, не хватало). Так что приходилось ночами изучать специальную литературу, научно-технические журналы, проспекты фирм и предприятий, пособия по экономике, внешней торговле и тому подобное. Спасло огромное трудолюбие, добросовестность, природная любознательность и, не в последнюю очередь, крепкое здоровье спортсмена.

Конечно, не обходилось и без поддержки Центра, который имел возможность в любом московском научно-исследовательском институте или оборонном предприятии получить квалифицированную консультацию по ценности той или иной новинки, до которой добирался за рубежом советский разведчик. К тому же Коротков иногда получал из Москвы по линии НТР и конкретные задания.

Летом 1936 года Александру Короткову посчастливилось стать одним из немногих советских людей, коим довелось быть свидетелем спортивных баталий XI летних Олимпийских игр в Берлине. Увы, вплоть до XV Олимпиады 1952 года в Хельсинки[24] советские спортсмены в этих всемирных соревнованиях лучших атлетов планеты участия не принимали.

Они считались буржуазными, им противопоставлялись проводимые иногда «Спартакиады», «Рабочие первенства мира» и тому подобные состязания с ярко выраженной классовой направленностью. Серьезного спортивного значения они из-за низкой квалификации и подготовки участников, конечно, не имели.

Берлин был избран местом проведения очередных игр задолго до прихода Гитлера к власти. Примечательно, что тогда нацисты называли Олимпиаду «еврейской затеей для демонстрации своего торжества». Однако став рейхсканцлером, Гитлер на сто восемьдесят градусов изменил свое отношение к Олимпиаде и решил активно использовать ее для пропаганды достижений «третьего рейха» в сфере спорта и здоровья нации. К слову сказать, физической подготовке в нацистских молодежных организациях, в СА и СС действительно придавалось большое значение. Но отнюдь не из-за здоровья нации — Гитлеру нужны были крепкие солдаты и такие же крепкие будущие матери будущих солдат. Фюрер надеялся, что каждая золотая медаль, завоеванная на Олимпиаде немцем или немкой, станет свидетельством превосходства не только немецкого спорта, но и общественно-политического строя возрожденной из Версальского пепла Германии[25].

На строительство новых спортивных объектов, в том числе Олимпийского стадиона более чем на сто тысяч мест на северо-западе Берлина, была выделена громадная по тем временам

сумма — 25 миллионов рейхсмарок. Город спешно чистили, с немецкой педантичностью наводили порядок. За месяц до приезда иностранных гостей — спортсменов, журналистов, туристов в столице повсеместно исчезли со стен домов и заборов антисемитские лозунги и плакаты, чертыхаясь, их отдирали и смывали те же самые штурмовики, что их же малевали и наклеивали, прекратились соответствующие радиопередачи и публикации в газетах. С витрин ресторанов, кафе, пивных, некоторых магазинов убрали таблички с надписью «Евреев не обслуживаем». Вновь появились в продаже — всего на месяц — запрещенные ранее рейхсминистром Геббельсом вредные книги и грампластинки, например, с записями музыки еврейского композитора Мендельсона, который сам себя всегда полагал немцем.

Геббельс также отдал распоряжение иностранных олимпийцев не обижать и не третировать. Все владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов были строго-настрого предупреждены, чтобы не допускали никакой дискриминации и грубости к приехавшим иностранным спортсменам евреям, темнокожим и прочим азиатам.

Наконец, был даже учрежден специальный орден с изображением пяти олимпийских колец, предназначенный для награждения германских атлетов, показавших высокие достижения в различных видах программы Игр. В одночасье спорт стал делом высочайшего престижа германской нации и арийской расы в целом.

Не случайно немецкий тяжеловес Макс Шмелинг, в 1930 году абсолютный чемпион мира по боксу, а затем через несколько лет выигравший у Джо Луиса, стал у нацистов настоящим идолом. Шмелинг был хорошим боксером, но бочку меда его чемпионства изрядно подпортила все же ложка дегтя. Нормально в честном поединке боксер может одержать победу нокаутом, по очкам, ввиду явного преимущества над соперником…

Шмелингу победу присудили ввиду дисквалификации противника. Излишне азартный тогдашний чемпион мира американец литовского происхождения Джек Шарки нечаянно нанес ему сильнейший удар ниже пояса. Шмелинг очутился на полу… С трудом поднялся уже в ранге чемпиона мира! Злые языки еще долго называли Макса «чемпионом… горизонтальным». Впрочем, через два года Шарки вернул себе чемпионский пояс, легко выиграв у немца.

Культу Шмелинга способствовало еще одно пикантное обстоятельство, известное лишь узкому кругу лиц: его жена, популярная киноактриса Анни Ондра была близкой

приятельницей самого фюрера…[26]

Старый и притом разносторонний спортсмен Александр Коротков, разумеется, не мог пропустить такого события, как Олимпийские игры, хотя посетить даже лишь самые интересные состязания был не в состоянии. Пригласительных билетов ему по незначительности официальной должности не полагалось, а зарплата у наших за рубежом всегда была достаточно скромной. Так что он мог позволить себе купить лишь несколько билетов на самые дешевые места, откуда следить за происходящим на беговой дорожке и в секторах приходилось в хороший цейссовский бинокль.

Почти всю оперативную работу, вернее, самые серьезные встречи с агентурой на дни Олимпиады пришлось свернуть. Понимая, что в Берлин съедутся не только спортсмены, но и разведчики со всего мира, нацистские власти стянули в столицу рейха тысячи лучших шпиков и полицейских Германии. Любой подозрительный человек, особенно иностранец, немедленно попадал под цепкое наблюдение не одной пары глаз.

В день торжественного открытия Игр над Берлином барражировал дирижабль «Гинденбург» с огромным Олимпийским флагом.

Так случилось, что в первый же день соревнований под ликующие вопли трибун первую золотую медаль — в толкании ядра — завоевал немец Ганс Вельке. Его немедленно пригласили в правительственную ложу, где нового чемпиона поздравил сам фюрер. Затем «золото» получила его соотечественница, метательница копья Тилли Флейшер. Снова рев толпы и всеобщее ликование. Но затем произошел первый конфуз. В прыжках в высоту все три медали у мужчин завоевали американцы, причем двое из них были неграми, то есть недочеловеками с позиций нацистских расовых теорий. Раздосадованный Гитлер тут же покинул стадион. Окончательно испортил настроение фюреру, несмотря на победы многих немецких спортсменов, или хотя бы представителей «арийской расы», темнокожий американец Джесси Оуэнс, завоевавший четыре золотые медали: в беге на 100 и 200 метров, в спринтерской эстафете 100г4 и прыжках в длину! В последнем виде он выиграл у «немецкой надежды» Луца Лонга[27]. Когда Оуэнс взял свое третье «золото», Гитлер опять покинул стадион, чтобы не присутствовать при торжественной церемонии вручения награды победителю, хотя обязательно оставался, если медаль доставалась немцу.

В канун Олимпийских игр рейхсминистр Геббельс выпустил на экраны всех кинотеатров страны полнометражный документальный фильм «Триумф воли» — о нацистском

партсъезде 1934 года. Сняла фильм одна из лучших режиссеров-документалистов Лени Рифеншталь. Она же сняла грандиозный и весьма одиозный фильм об играх 1936 года в Берлине. Эта картина — «Олимпия» — вышла на экраны лишь в 1938 году, и Александр Коротков, которого, разумеется, интересовали лишь кадры, запечатлевшие чисто спортивные эпизоды, смог посмотреть ее в 1940 году, когда неисповедимые пути разведчика снова привели его в Берлин[28].

Меж тем на Родине происходили события, повергшие в шок население страны, события загадочные, непонятные и пугающие. Более того, и по сей день, спустя десятилетия, мы знаем далеко не все, по многим моментам недоумеваем, теряемся в догадках, блуждаем в многочисленных версиях, порой противоречащих друг другу.

20 августа 1936 года начался первый из так называемых московских процессов — по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». На скамье подсудимых сидели шестнадцать человек, в том числе ближайшие соратники Ленина — Лев Каменев и Григорий Зиновьев, герой гражданской войны Иван Смирнов и другие, менее известные фигуранты. Все они в ходе скоротечного процесса под председательством печально знаменитого упыря Василия Ульриха при прокуроре Андрее Вышинском были приговорены к смертной казни. И незамедлительно расстреляны 25 августа.

Затем произошло совсем непонятное. Ровно через месяц, 26 сентября, главный организатор судилища Генрих Ягода был отстранен от должности наркома внутренних дел и назначен наркомом связи, сменив на этом посту Алексея Рыкова. Через четыре месяца Ягоду лишили звания Генерального комиссара госбезопасности, а 4 апреля 1937 года арестовали.

Новым наркомом был назначен известный до того лишь в узкой среде партийных аппаратчиков Николай Иванович Ежов, светлоглазый человечек, почти карлик (рост — 150 сантиметров), обладавший несильным, но приятным тенорком (в былые времена он любил в компании петь народные песни), в последние же годы жизни пристрастился к алкоголю.

Наркомом Ежов стал в сорок один год. Он происходил из рабочей семьи и сам в молодости был рабочим. Образование имел низшее, но в юности много читал и даже заслужил потому в своей среде прозвище «Колька-книжник». Сохранились собственноручно написанные им документы; они составлены грамотно, грамматических и синтаксических ошибок почти нет. Да и сам слог, равно как и почерк, нареканий не вызывают. Жена Ежова — Евгения Соломонова (урожденная Фейгенберг) была

женщиной интеллигентной, работала редактором в основанном М. Горьким журнале «СССР на стройке». Ежова была знакома со многими известными писателями, артистами, художниками. Когда-то у нее был роман с Исааком Бабелем. Поэтому Бабель часто бывал у Ежовых в доме. Приходили сюда и другие знаменитости: Самуил Маршак, Лев Кассиль, Леонид Утесов…

Детей у Ежовых не было, и они удочерили девочку-сироту, взятую из приюта[29].

К моменту назначения в НКВД, Николай Ежов занимал несколько ответственнейших постов: одновременно он был секретарем ЦК ВКП(б), председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а затем и членом Исполкома Коминтерна. Как секретарь ЦК Ежов курировал деятельность НКВД, лично участвовал в подготовке судебных процессов, присутствовал при допросах главных обвиняемых.

Примечательно, что все старые партийцы, знавшие Ежова примерно до конца 1934 года, отзывались о нем как о человеке мягком, незлобивом, приятном во всех отношениях. Между тем, с этой личностью, по сравнению с его предшественником Ягодой абсолютно непримечательной, связан самый страшный и кровавый период в истории СССР — разгар «большого террора». Самое слово «ежовщина» стало синонимом массовых необоснованных арестов, пыток на допросах, фальсификации следственных дел, скоропалительных масштабных расстрелов, а то и бессудных убийств. На выпущенных в ту пору плакатах и открытках обыгрывались зловеще фамилии вождя и его верного наркома: «Стальные ежовые рукавицы»…

Чем привлекла генсека эта странная — на первый взгляд — фигура?

Свою роль при отборе кандидатов (среди них рассматривался, в частности, Анастас Микоян) по мнению автора сыграли следующие обстоятельства. Ежов не только никогда не примыкал ни к какой оппозиции, но вообще даже почти не был знаком с видными партийцами, такими, как Николай Бухарин, Лев Каменев, Григорий Зиновьев, Алексей Рыков. Он был одиночкой, сам по себе никем. Но абсолютно, по-собачьи, предан Сталину. А потому и опираться в своей деятельности на любом посту, партийном или государственном, мог только лично на Сталина. И далее: вождь разглядел, что это маленький, ясноглазый, вежливый со всеми человечек обладает на самом деле железной волей и исключительными способностями исполнителя.

Одним из первых шагов Ежова на новом посту была… смена рабочего кабинета. Он покинул старый, в котором работал еще

Феликс Дзержинский, и приказал оборудовать для себя новый, на другом этаже. Отныне этот этаж был фактически изолирован от остального здания. Раньше любой сотрудник центрального аппарата имел возможность, в случае надобности, прийти к председателю ОГПУ или наркому. Теперь даже начальники отделов могли предстать пред ним только по вызову или же по согласованию с его секретариатом. К тому же даже они должны были при входе на «наркомовский этаж» предъявить особому посту документы. И, разумеется, оставив личное оружие в своих кабинетах.

Едва освоившись на Лубянке, Ежов дал откровенное указание о масштабном и повсеместном усилении «чистки», начать которую следовало с самого НКВД. 18 марта 1937 года, выступая с докладом на собрании руководящих сотрудников наркомата, он заявил, что даже в этом ведомстве шпионы заняли все руководящие посты. К изумлению и ужасу присутствующих, Ежов заявил, что пора «твердо усвоить, что и Феликс Эдмундович Дзержинский имел свои колебания в 1925–1926 годах. И он проводил иногда колеблющуюся политику»[30].

То была прямая угроза в адрес старых чекистов, пришедших в органы государственной безопасности еще при Дзержинском. Она означала, что никакие прежние заслуги, длительный партийный и чекистский стаж, ордена не спасут в случае причисления к «шпионам» и «изменникам».

Примечателен и такой факт: по воспоминаниям некоторых людей, переживших «большой террор» в заключении, именно в ночь с 17 на 18 марта по всем следственным тюрьмам, словно по команде, следователи впервые стали жестоко избивать арестованных, требуя от них признательных показаний. Ранее меры физического воздействия применялись относительно редко и как бы втихую, а не столь откровенно.

В первые же несколько недель Ежов снял со своих постов и арестовал свыше трехсот ответственных сотрудников центрального аппарата НКВД, а также руководителей органов госбезопасности на местах. Всего же за два года Ежов, по его собственному выражению, «почистил», но не достаточно» четырнадцать тысяч чекистов[31]. Подавляющее большинство из них было расстреляно, если не сразу по вынесении смертного приговора, то позднее, в лагерях, как это случилось, к примеру, с бывшими руководителями Ленинградского управления НКВД Филиппом Медведем и Иваном Запорожцем. Только двое — бывший нарком НКВД Генрих Ягода и многолетний руководитель его секретариата, а по совместительству и Особого совещания Павел Буланов (только что награжденный орденом Ленина) были

выставлены на открытый процесс по делу Николая Бухарина, Алексея Рыкова и других, в ходе которого и были официально приговорены к ВМН (эта аббревиатура расшифровывалась как «высшая мера наказания»), то есть расстрелу. ВМН сменила старую формулу: «высшая мера социальной защиты»[32].

В первую очередь уничтожались старые чекисты, зачастую большевики с дореволюционным стажем, люди объективно честные и порядочные, такие, к примеру, как Артур Артузов, просто неспособные к фабрикации липовых дел, избиениям арестованных и иным подлым методам. Однако с не меньшим рвением уничтожали и сотрудников, по моральным и нравственным качествам являвших прямую противоположность первым, вроде Якова Агранова. Этих за то, что они слишком много знали, а потому представляли потенциальную угрозу. По этой причине Ежов репрессировал со временем даже тех, кого он сам назначил на место арестованных и осужденных ранее чекистов, работавших еще при Ягоде. Такая участь, к примеру, постигла его выдвиженцев — замнаркома, комиссара госбезопасности первого ранга Леонида Заковского, комиссара госбезопасности второго ранга Израиля Леплевского и многих других. Как «много знающие» были уничтожены бывшие чекисты, давно работавшие в других отраслях, вроде Станислава Мессинга и Яна Ольского.

Были репрессированы и многие чекисты, по сути, не входившие ни в первую, ни во вторую группу обреченных. В этом тоже таился великий смысл. Подобные вроде бы беспочвенные аресты преследовали цель внести в души сотрудников слепой, парализующий волю страх, убедить, что каждый из них уязвим и в любой момент может оказаться в камере внутренней тюрьмы собственного наркомата или областного управления, где его будет допрашивать, и жестоко, вчерашний сосед по рабочему кабинету. Так выковывали, или, точнее, лепили готовых на все исполнителей. Попутно ломали и ранее честных, добросовестных профессионалов.

Автору довелось разговаривать с несколькими ветеранами-чекистами, пережившими ту зловещую пору, в том числе и с отсидевшими: генералами Л. Райхманом, В. Ильиным, П. Судоплатовым, полковниками Я. Матусовым, Н. Микава, А. Свердловым и другими. Задавал им прямой вопрос: как вы относились к этим арестам в собственных рядах? Неужто верили, что эти люди, со многими из которых вы работали вместе годами, действительно немецко-английско-польско-французские и прочие шпионы, диверсанты, террористы?

Верили, не верили, сомневались, старались ни о чем не

размышлять, нужно было выполнять свой долг, стиснув зубы и тому подобное. Всякое пришлось услышать. Честно сознаюсь: ничего толком не понял, ни к каким определенным выводам не пришел. Видимо, сие просто лежит за пределами понимания людей нынешних поколений. Это все равно что представить мир глазами стрекозы, обладающей фасеточными органами зрения.

Случались и ответы необычные. Последний участник легендарной операции «Трест», соратник Артузова Борис Игнатьевич Гудзь (ему недавно исполнилось девяносто восемь лет), рассказывал автору:

«Когда стало известно, что к нам в отдел приходит с Украины Леплевский, я понял, что надо спешно уходить. У Леплевского была прочная репутация великого мастера в соответствии со своей фамилией лепить липовые дела. Я заниматься подобными мерзостями не намеревался. Нас в КРО Артузов не так воспитывал. Тогда я и мой друг Саша Агаянц (тот самый «Рубен», при котором позднее в Берлине работал Александр Коротков. — *Т. Г.*) немедленно подали рапорты, чтобы нас послали работать в Сибирь. Там тогда подняла голову японская разведка и ощущалась большая нужда в опытных контрразведчиках. Позже Артузов забрал меня с собой в Разведупр. В РККА мне присвоили звание полкового комиссара, по нынешнему полковника».

В том же 1937 году ЦК ВКП(б) принял, должно быть, самое позорное постановление во всей истории Коммунистической партии страны, добавим, и самое засекреченное: «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Как трактовать понятия «в виде исключения» и «явный враг народа» следователь решал по своему усмотрению. На практике пытки и обычные избиения применялись ко всем арестованным по «контрреволюционной» 58-й статье без исключения. Варьировались лишь их форма, жестокость, продолжительность. Некоторых несчастных ломали сразу, на других уходили месяцы. Тех, кто выдерживал все муки или на заседании Военной коллегии отказывался от данных на следствии показаний, все равно осуждали. Поскольку приговор почти в каждом случае был уже заранее согласован и заготовлен. Приговоры в отношении лиц, занимающих видное положение, визировали целыми списками — десятки, а то и сотни имен — лично генсек И. Сталин и предсовнаркома В. Молотов.

Большая часть центрального аппарата Иностранного отдела была истреблена сразу. Резидентов же и оперативных

сотрудников, находившихся за рубежом, как правило, отзывали под благовидным предлогом (например, отпуска или перевода в другую страну) и арестовывали в Москве, иногда прямо на вокзале.

Такому же разгрому подвергся и Разведупр Красной Армии. Были расстреляны легендарный руководитель военной разведки армейский комиссар второго ранга Ян Берзин («Старик») и его преемник комкор Семен Урицкий, выдающиеся разведчики обоих ведомств Александр Миров-Абрамов, Теодор Малли, Карл Силли, Оскар Стигга, Альфред Тальтынь, Иван Тубола, Григорий Сыроежкин, Отто Штейнбрюк, Андрей Федоров, Христофор Салнынь…

Автор не берется судить о переживаниях, которые не мог не испытывать тогда в Берлине Александр Коротков. Насколько известно, ими он никогда и ни с кем не делился.

В довершение всего 17 февраля 1938 года прямо в кабинете нового первого замнаркома НКВД и начальника ГУГБ комкора Михаила Фриновского от сердечного приступа умер начальник разведки комиссар госбезопасности Абрам Слуцкий. (По сей день ходят упорные слухи, что он был отравлен. Но сенсационное утверждение никаких оснований под собой не имеет.)

Слуцкого заменил старший майор госбезопасности Залман Пассов, которого не все сотрудники успели даже узнать в лицо, поскольку всего через пять месяцев его тоже арестовали. (Расстрелян Пассов был в феврале 1940 года, уже при Берии.)

В целях «конспирации» всем отделам ГУГБ были присвоены номера. Разумеется, к настоящему укреплению бдительности эта чисто канцелярская мера никакого отношения не имела, равно как и отсутствие вывески на здании НКВД СССР. Бывший Иностранный отдел стал 7-м отделом ГУГБ.

Впрочем, очень скоро произошла очередная реорганизация, и внешняя разведка стала 5-м отделом (по старой памяти ее все равно сотрудники между собой называли ИНО).

…Как бы то ни было, работник представительства Наркомтяжпрома СССР в Берлине Владимир Петрович Коротких, он же Александр Михайлович Коротков, невзирая на смену обоих своих наркомов — Генриха Ягоды и Серго Орджоникидзе — продолжал добросовестно выполнять служебные обязанности до последнего дня командировки.

Уже в Москве он получил новый приказ. Ему надлежало выехать во Францию с секретнейшим заданием особого рода.

«Литерные» дела

Задания, которые Александру Короткову пришлось выполнить в 1938 году, он получил от руководства разведки, но исходили они от самого Сталина[33]. Вспоминать сегодня об этом неприятно, и автор предвидит, что найдутся читатели, которые воскликнут: а стоит ли об этом писать, напоминать лишний раз о неприглядных эпизодах нашей истории, тем более, в книге о человеке героическом, с неоспоримыми заслугами перед Отечеством? Стоит, не стоит — в честно излагаемой истории это не предмет для обсуждения. Писать надо обо всем, что имело место в прошлом, далеком, или не столь отдаленном (в коем неприглядного, трагического и постыдного, увы, тоже хватает). Но не навязывая людям, жившим в тогдашние времена, наши нынешние представления обо всем на свете, начиная с теорий о природе вирусов и кончая трактовками дефиниций Добра и Зла.

Речь идет о боевых операциях, на языке спецслужб терактах (иногда их не совсем точно называли «литерными делами»), а если проще — физическом уничтожении разведчиками-нелегалами за рубежом лиц, представлявших по взглядам тех, кто имел право отдавать приказы, реальную угрозу государству.

Эта проблема вызывала и будет вызывать еще не одно поколение бескомпромиссные споры, позиции сторон будут зависеть от политических, религиозных, нравственных взглядов спорящих, степени их информированности, национального менталитета, даже пола и возраста. Подобные акции с известной натяжкой можно считать одним из вариантов смертной казни, в отношении к которой ничего общего с единодушием не наблюдается. Как показывают социологические опросы, большинство населения России убеждено, что отмена «исключительной меры наказания» в нашей стране в нынешние времена неслыханного роста тяжких преступлений — преждевременна. Однако то же большинство сегодня безоговорочно относится резко отрицательно к терактам, осуществленным советскими спецслужбами за рубежом в прошлом. Хотя бы потому, что они всегда противоречили нормам международного права, являясь грубым вмешательством во внутренние дела тех стран, где проводились.

Однако следует учитывать (это не означает прощать, но лишь понимать) — распоряжение о проведении подобных операций, а также их исполнение (что всегда было связано с реальнейшим риском для жизни) осуществляли люди, которые жили в другое время, думали иначе, чем мы, совсем по-другому относились к

проблемам человеческого и общественного бытия, в частности, к вопросу о жизни и смерти.

Существует такое понятие — историзм воззрений (термин придуман самим автором, возможно, он не совсем точен). Скажем, во времена Петра Первого просто смешно было бы возмущаться такой общепринятой во всем мире практикой, как телесные наказания и пытки. Знаменитые дыба и кнут для современников царя-реформатора были самыми обычными методами дознания, следствия и наказания не только в «дикой» России, но и в самых «цивилизованных» странах Европы. По сей день не забыта Варфоломеевская ночь, имевшая место не в «большой деревне» Москве, но в развеселом во все времена городе Париже. Должно было пройти полтора столетия со времен Петра, чтобы Лев Толстой громогласно возмутился николаевскими шпицрутенами, и его услышало российское общество. Правда, великий основатель полевой хирургии, такой же, как гениальный писатель, участник Севастопольской страды, врач, то есть представитель заведомо самой гуманной профессии, Николай Пирогов полагал телесные наказания (правда, розгами, а не шпицрутенами), полезными в воспитании юношества.

Примечательно, что претендующая на роль исконного блюстителя всеобщей чистоты нравов и добродетелей церковь — все ветви христианства, не говоря уже об исламе — не только не протестовала против подобных жестокостей, но сама подавала пример в таком богоугодном деле, как применение пыток огнем, железом и водой и самых мучительных видов казни, вроде сжигания еретиков на костре (зато «без пролития крови»), утопления, удушения, побития камнями, сажания на кол… Причем — казни публичной.

Доживший почти до девяноста лет генерал-лейтенант Павел Судоплатов, ветеран и ас советской разведки, писал в книге своих воспоминаний «Разведка и Кремль»: «Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны».

Политические теракты во все времена практиковались (хотя и не часто) всеми спецслужбами мира. В том числе самыми демократическими. Ни для кого сегодня не являются секретом неудачные попытки американских спецслужб уничтожить физически Фиделя Кастро, Муаммара Каддафи и Саддама Хусейна. Памятно и похищение агентами израильской разведки нацистского преступника гестаповца Адольфа Эйхмана в Буэнос-Айресе, с последующей переправкой в Израиль, где он и был казнен. Весь мир видел на экранах телевизоров, как палестинские

террористы на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене убили атлетов из команды Израиля. Но мало кому известно, что израильские разведчики на протяжении нескольких лет отыскали в разных странах участников этого преступления и перестреляли всех до единого. Что также являлось грубым нарушением норм международного права.

А сколько подобных акций было осуществлено под видом несчастных случаев, или естественной смерти от болезни — неведомо никому. К тому же приказы отдавались устно. Документы, имеющие отношение к данному «литерному делу», имели засекреченные кодовые наименования, намеченная к ликвидации фигура проходила под кличкой. По завершении операции письменные материалы уничтожались. Да и круг посвященных всегда был сведен к минимуму.

К «литерным делам» привлекались сотрудники разных управлений, отделов, порой территориальных органов. Тут все зависело от конкретных обстоятельств — знания разведчиком страны, языка, наличия полезных связей и тому подобное. Однако при высшем руководстве ОГПУ-НКВД существовало и особое, засекреченное подразделение для проведения именно таких операций. Руководил им тихий, невзрачный человек с рано поредевшими волосами, более похожий на учителя математики провинциальной средней школы — Яков Серебрянский. Немногие сотрудники, знавшие в общих чертах об этом подразделении, так и называли его между собой — «группа Яши».

Сегодня хорошо известны обстоятельства нескольких боевых операций советской разведки и контрразведки, проведенных в разные годы (не обязательно при участии боевиков «Яши»). К примеру, вывод на советскую территорию Сиднея Рейли, Бориса Савинкова, атамана Бориса Анненкова. Рейли и Анненков по приговорам суда были расстреляны. Савинков покончил жизнь самоубийством (до сих пор имеют хождение абсолютно безосновательные слухи о его убийстве чекистами). Позднее были захвачены известные деятели «Русского общевоинского союза» генералы Александр Кутепов и его преемник Евгений Миллер, убит перебежчик, известный советский разведчик Игнатий Порецкий (Рейсс).

Подобные акции совершил по приказу тогдашнего советского руководства агент-боевик Богдан Сташинский. С помощью специального оружия он убил в Мюнхене в октябре 1957 года главного идеолога Организации украинских националистов Льва Ребета, а спустя два года и самого главаря ОУН Степана Бандеру.

Успешной деятельности боевиков ОГПУ-НКВД способствовало наличие в российской эмиграции множества

агентов и осведомителей. Некоторые из них занимали в этой среде весьма видное положение. Достаточно назвать одного из руководителей РОВС, бывшего командира Корниловского полка генерала Николая Скоблина («Фермер»), его жену, знаменитую русскую певицу Надежды Плевицкую («Фермерша»), бывшего царского генерала Павла Дьяконова («Виноградов»), бывшего министра Временного правительства, а в эмиграции одного из руководителей «Торгпрома» Сергея Третьякова («Иванов»), дочь бывшего военного министра Временного правительства, известного московского миллионщика Александра Гучкова Веру Трейл, бывшего белого офицера Сергея Эфрона — мужа поэтессы Марины Цветаевой.

…Приказ, полученный Коротковым в конце 1937 года, обязывал его осуществить операцию не разведывательную, но именно боевую, для чего в его распоряжение поступала группа агентов.

Еще в 1930 году, находясь тогда в Стамбуле, «ушел» резидент внешней разведки на Среднем и Ближнем Востоке, высокопоставленный чекист Георгий Агабеков. На Западе он выпустил две разоблачительные книги: «Записки чекиста» и «ЧК за работой». Сам Агабеков объяснял свой поступок исключительно идейными мотивами: дескать, за десять лет службы в ВЧК-ОГПУ он глубоко разочаровался в политике Советской власти. Видимо, в какой-то степени это соответствовало действительности. Но только в какой-то. Даже из его собственных книг отчетливо проявляется и сугубо личный мотив побега — скоропалительный и бурный роман тридцатичетырехлетнего Агабекова с двадцатилетней англичанкой Изабел Стритер.

Эти публикации, а также ранее данные Агабековым показания представителям сразу нескольких иностранных разведок, имели тяжелое последствие для множества людей, в том числе и вовсе не имеющим никакого отношения к ОГПУ. Так, в одной лишь Персии на основе «изобличений» Агабекова власти арестовали около четырехсот человек, просто симпатизирующих СССР, четверо из них с чисто восточной непосредственностью были тут же казнены, около сорока приговорены к тюремному заключению. С учетом режима тогдашних персидских тюрем это было равнозначно медленному умерщвлению.

Серьезные неприятности Агабеков доставил советским разведчикам, действующим и в Европе. Примечательны в этом отношении воспоминания бывшего торгового представителя СССР в Брюсселе Александра Бармина, впоследствии также ставшего невозвращенцем. Бельгия тогда не имела дипломатических

отношений с СССР, и Бармин пребывал в стране с временной визой, которую обязан был ежемесячно продлевать. Однажды в отсутствие Бармина полицейские совершили налет на его квартиру и подвергли ее полному разгрому в поисках компрометирующих материалов. Ничего подобного найдено не было. Бармин и в самом деле никакого отношения к ОГПУ не имел. Тем не менее, его выслали из страны, предупредив, что ему запрещено когда-либо пересекать бельгийскую границу. Высылка торгпреда, конечно, нанесла ущерб отношениям между двумя странами.

Позднее, уже обосновавшись на Западе, Александр Бармин в своей книге писал:

«За истекшее время мне стало более или менее ясно, что стояло за этим комическим происшествием. В Бельгию сбежал бывший сотрудник ОГПУ Агабеков, который, завалив контрразведывательную работу в странах Ближнего Востока, стал главным советником бельгийцев по советским делам. Чего он не знал, то он выдумывал. Чтобы поддерживать свой статус, он сам вербовал бельгийцев, якобы для ОГПУ, а затем выдавал их полиции».

Александр Бармин, в прошлом убежденный коммунист, активный участник гражданской войны, комбриг запаса РККА, действительно разочаровавшийся в Советской власти, когда в СССР начались массовые репрессии, как видим, не считал Агабекова идейным невозвращенцем, а просто перебежчиком на бытовой почве, выдававшим западным и восточным спецслужбам все и всех, к тому же еще и изрядным фальсификатором.

С самого начала боевики ОГПУ, а затем НКВД начали охоту за Агабековым. В частности, в Париже его ликвидацию пыталась осуществить группа «Яши» при личном участии самого Серебрянского. В конце концов Агабеков бесследно исчез. Никто и никогда не сомневался, что его исчезновение — дело рук НКВД, однако где и когда это произошло — никто толком не знал, версий ходило множество, но ни в одной из них фамилия Короткова не фигурировала. Лишь относительно недавно бывший начальник Короткова Павел Судоплатов прямо рассказал:

«Сообщалось, что Агабеков пропал в Пиринеях на границе с Испанией, но это не так. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был якобы договориться о тайном вывозе бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Армянин, которого он встретил в Антверпене, был подсадной уткой. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на национальных чувствах. Там на квартире его

уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков, в 40-е годы ставший начальником нелегальной разведки МГБ СССР. Турок убил Агабекова ножом, после чего тело его запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен».

В данном случае никакие сомнения совесть Александра Короткова не мучили. Агабеков в его глазах объективно был опасным предателем, и его уничтожение являлось не актом террора, а приведением в исполнение заслуженного смертного приговора и пресечением дальнейшей враждебной деятельности[34].

Операция в случае изобличения и ареста исполнителей по французским законам грозила им неминуемой смертной казнью на гильотине. Посему боевики должны были быть твердо убеждены, что совершают дело справедливое, в защиту высших интересов партии, страны и народа. Нужно было также обладать и определенной жесткостью характера, именно жесткостью, а не только силой воли. Одна из бывших сотрудниц советской разведки рассказывала автору, что по ее многолетним наблюдениям, такой жесткостью (но не жестокостью!) характера наиболее ярко обладали непосредственный организатор ликвидации Льва Троцкого Наум (Леонид) Эйтингон и Александр Коротков. Но ни тот, ни другой не были садистами, не способны были лепить фальсифицированные дела из карьерных или иных низменных побуждений. К тому же оба были людьми военными (у обоих последнее звание — генерал-майор), и менталитет у них был именно людей военных, и все рассуждения далеких от армии гуманистов, ни разу в жизни не навернувших портянку под солдатский сапог, о том, что приказы бывают правильными и неправильными, то есть необязательными для исполнения, не стоят и ломаного гроша.

У военного человека в мирное время в случае несогласия с приказом начальника есть только один выход — немедленно подать в отставку. В военное же время (а для разведчиков приказ всегда есть безусловная боевая задача) такой отказ влечет отдачу под трибунал.

Проблема заключается не в том, нужно или не нужно, можно или нельзя исполнять приказ, который подчиненному кажется ошибочным, несправедливым или даже преступным, а в том, чтобы лица, полномочные отдавать подобные приказы (тем паче, издавать постановления, указы и законы), таковые не отдавали бы, даже и думать о том не смели.

Впрочем, автор понимает, что по сему поводу может существовать множество мнений, и выработка правильного

решения, по настоящему нравственного в высшей степени и в такой же легитимного, еще только предстоит российскому обществу и государству. Отсутствие такового может обернуться, и уже не раз оборачивалось большими бедами и большой кровью. Достаточно напомнить ввод войск в Чехословакию и Афганистан.

Успешное выполнение «литерного дела» Агабекова привело к тому, что Коротков получил еще один подобный приказ.

В те годы в СССР злейшим «врагом народа», Коммунистической партии и Советской власти считался Лев Троцкий. На самом деле его бурная зарубежная деятельность никакой угрозы никому не представляла. Но этого человека люто ненавидел лично Сталин. Корни этой ненависти, густо замешанной на комплексе неполноценности, личной зависти к ярким талантам соперника в борьбе за власть, уходили еще ко дням вооруженного переворота в октябре 1917 года в Петрограде и годам гражданской войны. На протяжении десятилетия в глазах партии и значительной части населения, не говоря уже о Красной Армии, именно Лев Троцкий, а не мало известный тогда Иосиф Сталин считался вслед за Владимиром Лениным вождем номер два.

И потому по приказу ставшего единовластным диктатором страны Сталина значительные силы ОГПУ-НКВД внутри страны и за ее пределами были направлены на борьбу, в том числе и путем физического уничтожения, с Троцким и его сторонниками.

Александр Коротков получил приказ обеспечить ликвидацию одного из ближайших сотрудников Троцкого, его личного секретаря немецкого политэмигранта Клемента Рудольфа («Адольфа»). В то время Клемент по инструкциям находящегося в Мексике своего вождя работал над созывом учредительного конгресса IV Интернационала.

Как утверждает все тот же Павел Судоплатов (а лучше его о «литерных делах» были информированы только три сменивших друг друга наркома НКВД), именно Александр Коротков в июле 1938 года обеспечил ликвидацию и Рудольфа Клемента. Непосредственно же ее осуществили в Париже все тот же «Турок» и агент-нелегал Эйл Таубман («Юнец»)[35].

Присутствовал ли Коротков при этом акте непосредственно, или нет, неизвестно. Но, во всяком случае, выполнение обоих приказов по «литерным делам» оставило в его душе чувства тягостные и неприятные. В докладной записке на имя нового наркома НКВД Лаврентия Берии (она будет полностью и впервые приведена несколько позже) Коротков прямо назвал эту операцию (вернее, две операции) «самой черной, неприятной и опасной работой».

В Москве Александра Короткова ожидали две новости, прямо по известной притче: одна хорошая и одна плохая. Начну с хорошей: за проделанную в описанных командировках работу он был награжден третьим тогда по значению боевым орденом Красной Звезды. Вторая новость испортила все настроение от первой: в конце декабря 1938 года Александр Коротков был из органов государственной безопасности уволен.

Письмо наркому

Вернувшись в Москву, Коротков застал на Лубянке нового фактического хозяина — Лаврентия Павловича Берию. И странное дело — наряду с озабоченностью и даже тревогой на лицах некоторых сотрудников, особенно принадлежащих к руководящему звену, чувств, вполне понятных, когда в любом ведомстве происходит смена первых лиц, он не мог не заметить и явного оживления. Даже в наркоматской столовой стало как-то раскованнее. А еще недавно сотрудники заходили сюда бочком, старались занять только свободный столик, без соседей, быстренько обедали, избегая обычных разговоров, хотя бы о футболе, и так же шустро возвращались в свои кабинеты.

В первый же день он услышал, что в наркомат вернулись на свои прежние посты несколько сотрудников, исчезнувших несколько месяцев назад. Говорили, что так происходит и в других наркоматах, и в Красной Армии. Фамилии этих людей ничего Короткову не говорили, когда они были в силе, он еще только начинал свой путь с низов и лично никого не знал.

Правда, кое-кто из руководящих работников столь же незаметно и столь же бесследно исчез. Один, к примеру, просто не вернулся после вызова в приемную нового замнаркома. Его фуражка с голубым верхом еще несколько недель висела на вешалке в кабинете.

Весной 1938 года страна подошла к самому краю пропасти, к непредсказуемым по характеру, масштабам и последствиям потрясениям. А если заглянуть далеко вперед, то с горечью следует признать, что последствия тех событий, которые принято обобщенно называть «тридцать седьмым годом»[36], продолжают гулким и болезненным эхом отзываться и в наши дни. «Большой террор» стал неуправляем, как неуправляема бывает лавина в горах, сметающая все со своего пути, хотя породила ее, быть может, ничтожный камушек, скатившийся из-под каблука неосторожного альпиниста.

Вал репрессий, задуманный Сталиным для окончательного упрочения своей неограниченной власти, вырвался из-под его собственного контроля, катил дальше по диктуемым им самим, а не вождем, законам, и уже представлял грозную опасность для своего же творца.

Страна была обескровлена и в переносном, и в буквальном смысле слова. Когда пришедший на Лубянку пока лишь новый первый заместитель наркома НКВД запросил председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР В. Ульриха

предоставить ему цифровые итоги деятельности этого судебного органа за последние два года, то даже при всем своем цинизме и абсолютном равнодушии к людским судьбам, он был поражен полученным ответом:

«За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено:

— к расстрелу 30 514 человек;

— к тюрем. закл. 5643 человека.;

Всего 36 157 человек…»

Только в сентябре 1938 года Военная коллегия приговорила к смертной казни 1803 человека — по шестьдесят-семьдесят человек в день!

Следовательно, если вычесть время на сон, отдых вершителей правосудия, обеденный перерыв, оформление протокола и тому подобное, рассмотрение каждого смертного дела занимало не более пятнадцати минут! Эти цифры относились к приговорам, выносимым только Военной коллегией, рассматривающей дела самых высокопоставленных партийных и государственных деятелей, военачальников, академиков, народных артистов, известных писателей. Но столь же «продуктивно» по огромной стране заседали сотни республиканских, краевых, областных, городских судов, никому не ведомое число «особых совещаний», «троек», даже «двоек», полномочных выносить смертные приговоры тоже за пятнадцать минут, порой списком и почти всегда — с немедленным приведением в исполнение. Наконец, заключенных, приговоренных к различным срокам лишения свободы, повсеместно расстреливали уже и в лагерях, к примеру, за «контрреволюционный саботаж», который выражался в том, что истощенный зэк два-три раза не выполнял на лесоповале суточную норму…

Были выбиты опытные, профессионально подготовленные, квалифицированные кадры во всех отраслях народного хозяйства. И не только наркомы и директора предприятий, но и просто хорошие мастера, рабочие, рачительные потомственные крестьяне. Под угрозой оказалось выполнение очередного пятилетнего плана, снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости. Обезлюдели научно-исследовательские институты и конструкторские бюро. В Красной Армии и Флоте не хватало не только высшего командного состава, но командиров рот, взводов, экипажей. Это уже угрожало внешней безопасности государства.

Положение требовалось исправлять, и немедленно. Причем так, чтобы авторитет и вес вождя не только бы не пострадал, но и

многократно возрос. Как это было после расправы с Ягодой. Следовательно, наступил черед и Ежова. «Стальной сталинский нарком с ежовыми рукавицами» свое дело сделал и теперь был обречен. Правда, в отличие от Ягоды, Ежов абсолютно не годился для открытого судебного процесса. Но это вождя не смущало. Он вообще больше не собирался устраивать подобных спектаклей: риск срыва был слишком велик. После расстрелов сознавшихся и осужденных ранее, никто из новых подсудимых не поверит в посулы помилования и не станет прилюдно каяться в несовершенных грехах.

Ежова нужно было убрать. Возможно, нарком уже и сам чувствовал это. Сталин знал от своих информаторов, что Ежов, давно ставший хроническим алкоголиком, теперь пьет почти беспробудно…

9 апреля 1938 года в газетах появилось сообщение, что Н. И. Ежов по совместительству со своими иными постами назначен еще и наркомом водного транспорта. Вообще такое практиковалось в конце 20-х и в 30-е годы, когда один и тот же видный партиец руководил сразу несколькими ведомствами, а то и отраслями. Но для высшего эшелона власти за этим назначением стояло многое.

Все эти месяцы Сталин искал нового человека, который в глазах населения не был бы причастен к массовым репрессиям в масштабах всей страны, чтобы осуществить порученную ему деликатную миссию. Нужно было, чтобы тень подозрения не пала на главного виновника народной трагедии — Сталина.

Идеальной фигурой на этот пост оказался Лаврентий Берия, фактический наместник Грузии, имевший опыт и чекистской, и партийной работы. Берия был умен, хитер, тактичен (в переводе на житейский язык — ловок), предан ему, Сталину. К тому же — и это имело огромное значение — без связей и опоры в Москве. Значит, будет целиком зависеть только от него, Сталина…

22 августа 1938 года первый секретарь ЦК Компартии Грузии Л. Берия был назначен первым заместителем наркома НКВД. 8 сентября от этой должности был освобожден М. Фриновский. Многолетний начальник погранвойск был назначен… наркомом Военно-Морского Флота! Впрочем, ненадолго.

29 сентября Берия стал и начальником Главного управления государственной безопасности НКВД, несколько ранее ему присвоили звание комиссара госбезопасности первого ранга. Его заместителем по ГУГБ назначили давнего сослуживца В. Меркулова, которому присвоили звание комиссара госбезопасности третьего ранга.

Того же 29 сентября была объявлена новая структура НКВД

СССР.

В Главное управление государственной безопасности вошли следующие отделы:

— 1-й отдел (охрана правительства);
— 2-й отдел (секретно-политический);
— 3-й отдел (контрразведывательный);
— 4-й отдел (особый);
— 5-й отдел (иностранный);
— 6-й отдел (военизированных организаций);
— 7-й отдел (специальный).

9 декабря 1938 года в газетах было напечатано официальное сообщение: «Тов. Ежов освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его Народным комиссаром водного транспорта.

Народным комиссаром внутренних дел СССР утвержден тов. Л. П. Берия».

Начальником ГУГБ стал В. Меркулов; комиссар госбезопасности третьего ранга В. Деканозов — начальником 5-го и 3-го (по совместительству) отделов; старший майор госбезопасности Б. Кобулов — 2-го отдела. Оба прибыли с наркомом из Грузии.

10 апреля 1939 года Ежов был арестован по ставшему традиционным обвинению в заговоре, шпионаже в пользу иностранных разведок, подготовке терактов против руководителей партии и правительства, и даже… гомосексуализме (в Сухановской тюрьме из него выбили признание и в этом грехе). Через пятнадцать лет слово в слово это обвинение будет предъявлено и Берии. Правда, его, известного всей Москве своими любовными похождениями исключительно с женщинами, обвинить в мужеложестве не решатся.

Конечно же, «кровавый карлик Тьер» (так назвала его разведчица Раиса Соболь, хватившая и сама лагерей, и ставшая впоследствии известной писательницей Ириной Гуро), никогда не был шпионом ни Польши, ни Германии, ни Англии, ни, тем более Японии. Никогда он не планировал свержения Сталина, не готовил на него теракта во время демонстрации на Красной площади 7 ноября 1938 года.

История повторилась. Примерно такие же обвинения были предъявлены раньше Генриху Ягоде. Там тоже фигурировал шпионаж, организация убийства в Ленинграде Сергея Кирова, подготовка теракта на других вождей. (Совершенно бредовый эпизод, придуманный следователями: Ягода, в далекой юности аптекарский ученик, якобы пропитывал сулемой шторы в кабинете Ежова, чтобы тот отравился ядовитыми испарениями.

Однажды, на процессе, Ягода, не выдержав, мрачно буркнул, что если бы он был шпионом, то иностранные разведки могли бы распустить свои кадры…)

Обвинить Ежова открыто в его настоящем преступлении — руководстве массовым террором, унесшим жизни сотен тысяч людей и обрекшим миллионы на медленную гибель в далеких и ближних лагерях, никто не решился — иначе неизбежно вылезла бы наружу правда о руководящей и направляющей роли в геноциде собственного народа ВКП(б) и ее вождя Сталина[37].

Впрочем, все эти фантазийные пункты изобретались не для публикации, а лишь для вынесения приговора Военной коллегией Верховного Суда СССР. Открытого процесса, разумеется, не было. Ежова без огласки расстреляли 4 февраля 1940 года. Такая же участь постигла заместителей и ближайших сподвижников наркома: Михаила Фриновского, Матвея и Бориса Берманов, Станислава Реденса[38], Леонида Заковского, Семена Жуковского, Александра Радзивиловского и других. Лев Бельский был приговорен к длительному сроку заключения, но расстрелян по приказу Берии осенью 1941 года. Михаил Рыжов под следствием умер в тюрьме.

Тогда же, с явной подачи «Самого» было пущено в оборот дожившее и до наших дней словцо «ежовщина»… Был, мол, такой Ежов, совершил много преступлений, мудрый Сталин его за это наказал (так сам вождь выразился в разговоре с авиаконструктором Александром Яковлевым). Теперь ежовщина кончилась… Примечательно еще и то, что и в те, и в последующие годы, когда людей сажали за самый невинный анекдот или шутку, в которых непочтительно звучала фамилия Сталина, за употребление на людях вкупе с самой что ни на есть «ненормативной лексикой», а попросту матом, за слово «ежовщина» не сажали никогда. Оно было клапаном, в который дозволялось народу выпускать пар недовольства арестами, лагерями, расстрелами…

Примерно в те же дни ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР принимают ряд постановлений, прямо касающихся работы НКВД, в том числе постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года.

Сообразительный Берия сразу понял, что от него требуется, что нужно сделать незамедлительно, к тому же так, чтобы об этом узнала вся страна. Для этого в НКВД давно уже была разработана система распространения нужных «для дела» слухов.

В течение последующего 1939 года из лагерей было освобождено 223 тысячи 800 человек, еще 103 тысячи 800 вернулись из колоний-поселений. В числе освобожденных

военачальников были будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, будущие Герои Советского Союза генерал армии Александр Горбатов и вице-адмирал Георгий Холостяков, академик и адмирал Аксель Берг, академик Лев Ландау…

Общее число освобожденных, однако, вряд ли превышало десять процентов от тех, кто продолжал оставаться в тюрьмах и лагерях, большинство до самой смерти. Продолжались и расстрелы ранее осужденных. Происходили и новые аресты, правда, не в таком количестве, как при Ежове. Так, с 21 февраля по 14 марта 1939 года только в Москве по приговорам той же Военной коллегии были расстреляны 413 человек. При новом хозяине Лубянки погибли видные партийные и государственные деятели С. Косиор, П. Постышев, В. Чубарь, В. Антонов-Овсеенко, первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев (его арестовывал лично Берия), бывший нарком Военно-Морского Флота П. Смирнов, бывший нарком торговли М. Смирнов, Маршал Советского Союза А. Егоров, командарм первого ранга И. Федько — один из четырех военачальников, награжденных в гражданскую войну четырьмя орденами Красного Знамени. По-прежнему сидели гениальный биолог академик Николай Вавилов (умер в 1943 году в тюрьме) и Сергей Королев, были казнены крупнейший писатель Исаак Бабель, великий режиссер Всеволод Мейерхольд, знаменитый журналист Михаил Кольцов.

В первые месяцы войны по распоряжению Берии (согласованному со Сталиным) — в Москве, Куйбышеве (Самаре) и других городах были расстреляны несколько сот арестованных, но не осужденных, в том числе бывшие руководители ВВС генерал-лейтенант дважды Герой Советского Союза Яков Смушкевич и Павел Рычагов, замнаркома обороны генерал-полковник Александр Лактионов, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Проскурин, крупнейший конструктор артиллерийских систем Яков Таубин и другие. И это в самые тяжкие дни сорок первого года!

Арестована была даже группа ведущих игроков популярнейшей футбольной команды московского «Спартака», в том числе знаменитые братья Старостины. Говорят, что Лаврентий Берия, когда-то сам игравший в футбол, не мог простить Николаю Старостину, что в далекие двадцатые ни разу не смог обвести его на поле…

Наконец, по предложению, внесенному в Политбюро ЦК ВКП(б) именно Берией, было совершено чудовищное международное преступление: расстрел в Катыни и иных местах около двадцати тысяч польских военнослужащих (на документе

стоят визы Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна).

Всех этих обстоятельств Коротков тогда разумеется, не знал, да и знать не мог. Но кое-что видел собственными глазами: почти все кабинеты, занимаемые ранее руководителями иностранного, ныне 5-го отдела, пустовали. В служебных помещениях, рассчитанных на трех-четырех человек, сидел за рабочим столом в лучшем случае один, чаще всего совсем молодой сотрудник с неумело повязанным галстуком, что было немыслимо для разведчика, хоть раз побывавшего за рубежом.

Был арестован (и расстрелян уже в 1941 году) и. о. начальника разведки опытнейший Сергей Шигельглас. Берия отозвал из-за кордона и частью расстрелял, частью пересажал едва ли не всех легальных и нелегальных резидентов, многих оперативных работников. Оказались за решеткой сильнейшие профессионалы Яков Серебрянский, Петр Зубов, Иван Каминский и другие. (Их, и еще некоторых, Берия разрешит освободить и вернуть на службу, когда разразится война. Но лучший, возможно, разведчик-нелегал советской разведки Дмитрий Быстролетов, искалеченный следователями на допросах, будет по-прежнему пребывать на каторге еще долгие годы.)

Из ста примерно сотрудников бывшего ИНО осталось не более двадцати. Некоторые резидентуры были фактически ликвидированы, а в такой важной, как берлинская, сохранилось всего лишь два разведчика, один из которых, к тому же, был новичком.

Наряду с «ежовцами», действительно повинными во многих преступлениях, были репрессированы, а в лучшем случае, уволены и честные профессионалы. Это привело к утрате связей, часто безвозвратно, со многими ценными агентами. Меж тем заменить закордонных разведчиков, действующих как с легальных, так и с нелегальных позиций, куда труднее и сложнее, нежели сотрудников для внутренних органов государственной безопасности.

Правда, подоспело пополнение: натасканные на скорую руку выпускники Центральной школы НКВД и Школы особого назначения. Обучили их кое-как не по их вине — все руководители и почти все преподаватели, как штатные, так и приглашаемые профессионалы из центрального аппарата, были арестованы.

Как должен был вести себя Коротков, очутившись на Лубянке в такой период после нескольких лет пребывания за рубежом? Как можно естественнее и задавать поменьше вопросов. Самым естественным в глазах сослуживцев для сотрудника, вернувшегося из-за кордона, была забота об оставшемся там

имуществе. В тогдашней Москве, как всегда переживавшей временные трудности с обеспечением населения предметами ширпотреба заграничные башмаки, тем более часы или радиоприемник рассматривались как ценность безусловная и были предметом зависти окружающих. Начальник 5-го отдела Владимир Деканозов никогда в жизни за границей не был, но как каждый человек, много лет просидевший в Грузии не только на чекистской, но и партийно-хозяйственной работе, заграничные вещи почитал и толк в них знал. Поэтому он с пониманием отнесся к рапорту вернувшегося только что из Европы своего сотрудника Короткова с просьбой помочь ему в возвращении из Франции оставленного там багажа.

Но вот прочитав этот рапорт, Деканозов пришел в полное недоумение.

Судите сами:

«Нач. 5-го отд. ГУГБ НКВД

т. Деканозову

Рапорт.

Прошу Вашего разрешения получить из Парижа тяжелой почтой оставленный мною там чемодан с учебниками и беллетристикой на иностранных языках.

Прошу также разрешить послать кому-либо из наших работников в Париже оставшиеся у меня мои личные деньги в фр. фр. [французских франках] на покупку учебников и словарей и пересылку их мне.

с-к 5-го отд. ГУГБ Коротков. 3.XII.38 г.»

Ну не чудак ли? В багаже — одни книги, даже личную валюту не истратил до конца, просит на них накупить ему еще словарей и учебников, словно мало ему тех, что в Париже остались. Действительно, чудак. Но странную просьбу уважили. Даже разрешили скидку за пересылку чемодана.

На своей первой встрече на Лубянке с новобранцами ИНО (так по старой памяти продолжали называть разведку) Берия разыграл фарс, который должен был стать серьезным предупреждением для сотрудников, у которых и так шла голова кругом после двух подряд кровавых «чисток».

О том, как проводилось приобщение новичков к разведке, рассказал спустя десятилетия генерал-лейтенант Виталий Павлов:

«К назначенному сроку в приемной собрались начальники отделений, почти все сплошь молодые люди. Естественно, они гадали, о чем будет говорить нарком.

Среди «необстрелянной» молодежи, волею судьбы попавшей в верхи разведки, выделялась группа примерно из полутора десятка сотрудников более старшего возраста. Они вели себя сдержанно,

не переговаривались, не крутили во все стороны головами…

Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытый синим сукном. Мы расселись в креслах…

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенного шкафа, и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу приступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как щелчки бича:

— Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку «смирно».

— Расскажи, — продолжал чеканить нарком, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твердо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушное:

— Садись! Разберемся в твоем деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлева[39], Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы услышали, что среди сидящих в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и еще, Бог знает, какие шпионы. Но все, подвергнувшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты отвечал Александр Михайлович Коротков, под руководством которого я прослужил в дальнейшем несколько лет в нелегальном управлении. Спокойно, с большим достоинством вел себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать — оно было похоже на экзекуцию, — закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным «скорую разборку», Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и

услышанному не последовало. Мы были ошеломлены. Просто не верилось, что все это произошло наяву. Для чего было разыгрывать это действо? Почему Берия решил подвергнуть опытных разведчиков такой «публичной казни»? Для их устрашения?

Мы терялись в догадках, но в конце концов склонились к тому, что эта демонстрация была задумана, чтобы преподать урок нам, молодым: будьте, мол, послушным инструментом в руках руководства НКВД и не думайте, что пребывание за границей укроет кого-либо от недреманного ока Центра».

Далее произошло нечто невероятное: трех часов разведки — Василия Зарубина, Исхака Ахмерова и Михаила Григорьева назначили к двадцатипятилетнему Виталию Павлову, ни разу в жизни не выезжавшему за границу… стажерами!

«Но приказ есть приказ, — продолжает Павлов. — Я попросил всех троих пройти ко мне, чтобы обсудить положение. У меня хватило ума, чтобы сообразить: никакой я для них не руководитель. Так честно им и признался. Конечно, для видимости надо будет соблюдать субординацию: на Лубянке было немало глаз и ушей, и кто-нибудь обязательно сообщил бы начальству, если бы я не выполнил указания. Я сказал, что не собираюсь руководить ими, а хочу набраться у них разведывательного ума-разума».

В конечном итоге все утряслось. Почти все. Сама обстановка вынудила Берию вернуть немногих уцелевших профессионалов на ответственную работу за рубежом. Так и произошло, скажем, с теми же Зарубиным и Ахмеровым. Павел Журавлев удержался в должности начальника немецкого отделения разведки.

Тот грубый, даже хамский ледяной душ, которым новый нарком окатил вызванных к нему, незаслуженное понижение в должности, сделанное на людях, было на самом деле зловещей игрой, спектаклем, своего рода проверкой на лояльность. Новый нарком сразу дал понять личному составу разведки, кто теперь хозяин на Лубянке. Но фарс в любой момент мог обернуться и трагедией. Вот это даже самые тугоумные поняли должным образом.

Автор намеренно подчеркнул, что утряслось почти все… Потому что единственный, прилюдно вызванный «на ковер» — Александр Коротков был не понижен в должности (по штатному расписанию он числился старшим оперуполномоченным), или звании, а вообще уволен из системы органов государственной безопасности.

Трудно сказать сегодня, чем он тогда не угодил наркому, который до того его и в глаза не видел. Его достойное

выступление в свою защиту было не более резким, чем таковое, скажем, Зарубина или Ахмерова. Известно одно: даже в приступе ярости Берия никогда не позволял эмоциям брать верх над холодным рассудком. Вызывая «на ковер», он внимательно изучал дело каждого из них, а память у него была отменная. За душой Короткова с точки зрения наркома было одно «компрометирующее» обстоятельство: тот до осени 1936 года работал «в поле» под началом дезертировавшего недавно на Запад Орлова-Никольского — «Шведа». Одного этого хватало уже не для увольнения, но и расстрела помощника «предателя». Но на все, связанное с именем Орлова, было наложено строжайшее табу самим Сталиным. Словно и в помине такого сотрудника не существовало, и табу это просуществовало десятилетия, пережив девятерых руководителей органов государственной безопасности.

Однако, как поется в популярной песне: «Кто ищет, то всегда найдет». И нашли. Выяснилось, что на работу в ОГПУ девятнадцатилетнего Короткова приняли всего-то навсего лифтовым хозяйственного управления — по рекомендации Вениамина Герсона, некогда помощника управляющего делами ОГПУ и одновременно личного секретаря вначале Дзержинского (это в расчет не принималось), а затем Ягоды (это уже было «преступлением»). В то время майор госбезопасности Герсон был изобличен как «враг народа» и арестован[40].

Обвинение в адрес Короткова было совершенно абсурдным. В числе тогдашних сотрудников НКВД не числилось, пожалуй, ни одного, кто в той или иной степени не был бы связан с «установленным врагом народа» из числа своих бывших начальников и сослуживцев. Даже только что зачисленные в кадры новобранцы — одни были рекомендованы в НКВД «изобличенными» секретарями райкомов партии, другие — учились у арестованных и расстрелянных преподавателей специальных школ.

Как бы то ни было, но Коротков был из разведки изгнан. Так же стремительно, как в нее и вознесся. А дальше произошло неслыханное.

Как правило, сотрудники НКВД, уволенные со службы до наступления пенсионного возраста (таковых почти что и не было), старались как можно быстрее уйти в тень, устроиться на какую-нибудь неприметную должность, а если имелась возможность, то вообще покинуть Москву. Подальше от греха. Знали, что часто за такими уволенными месяца через три-четыре ночью «приходили в сапогах».

Коротков поступил с точностью наоборот. Некоторые друзья и близкие посчитали даже, что он просто сошел с ума. *Он*

обжаловал решение наркома в письме на имя того же самого наркома! Не только отверг все, как ему казалось, возможные мотивы увольнения, но по сути (по форме, разумеется, вежливо) потребовал восстановить на службе в разведке.

О степени изумления Берии можно только догадываться.

Почему Коротков решился на такой шаг, если, конечно, отбросить версию о кратковременном умопомешательстве? Люди, знавшие Александра Михайловича, отмечали в числе его достоинств (недостатков тоже хватало) личную смелость, прямоту, решительность, силу воли. Это все хорошо. Но при этом, по мнению автора, упускается одно чрезвычайно важное, опять же по его мнению, обстоятельство (возможно, это суждение кому-то покажется и спорным). А именно: за годы работы на Западе у Короткова выработалась свойственная европейцам и почти тогда неведомая советским людям *независимость* суждений и поведения. Да и сама работа нелегала, оторванного от «аппарата» с его иерархией, каждодневными указаниями, распоряжениями, «втыками» бесчисленного начальства, способствует выработке у разведчика таких качеств, как самостоятельность, умение без подсказок принимать решения, готовность в любой момент при надобности идти на риск.

Приводим это письмо, о котором (слухами земля полнится!) долгие годы в НКВД ходили легенды. Кое-кто даже вообще сомневался в его существовании: «Такого не может быть, потому что не может быть никогда)».

«Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР

т. Берия

Короткова А. М.

быв. с-ка 5-го отд. Г.У.Г.Б. НКВД.

8.1.1939 г. мне было объявлено об моем увольнении из органов. Так как в течение десятилетней работы в органах я старался все свои силы и знания отдавать на пользу нашей партии, не чувствую за собой какой-либо вины перед партией и не был чем-либо замаран на чекистской и общественной работе, думаю, что не заслужил этого увольнения.

В органах я начал работать в 1928 г. лифтовым, год проработал делопроизводителем в 5 от. ГУГБ, а в 1930 г. был назначен пом. уполномоченного.

В 1933 г. был послан во Францию в подполье, выполнял там задания резидента по слежке за сотрудниками французского военного министерства и установлению их адресов, работал с двумя агентами.

В 1936 г. был вновь послан за границу — в Германию для работы по технической разведке и думаю, что несмотря на весьма

тяжелые условия работы, мне удалось кое-что сделать полезного для партии и родины, и доказательства этому можно найти в делах 5-го отдела.

В декабре 1937 г. мне было предложено выехать в подполье во Францию для руководства группой, созданной для ликвидации ряда предателей, оставшихся за границей.

В марте 1938 г. моя группа ликвидировала «Жулика» в июле «Кустаря» и я руководил непосредственным выполнением операций и выполнял самую черную, неприятную и опасную работу.

Я считал, что шел на полезное для партии дело и потому ни минуты не колебался подвергнуть себя риску поплатиться за это каторгой или виселицей. А то, что это, в случае провала, было бы именно так, у меня есть все основания думать, т. к. хотя я вероятно и продавался разоблаченными ныне врагами народа, сам однако не продавался, и у меня не было ни намерений, ни желаний, ни причин для этого.

За границей я в общей сложности пробыл 4 года, из них 2 1/2 года в подполье. Находясь за границей, изучил в совершенстве немецкий язык и неплохо французский. Изучил также и некоторые страны, в которых бывал, обычаи и нравы их народов.

Ехал за границу только из-за желания принести своей работой там пользу и думаю, что не один знающий меня человек может подтвердить, что я не барахольщик, и что меня не прельщало заграничное житье.

По общественной линии я неоднократно избирался секретарем комсомольской организации отдела или работал с пионерами и неплохо показал себя на работе.

Что касается моей жены, то несмотря на наличие у нее родственников за границей, на ее долгое проживание там, несмотря на компрометирующие материалы против ее умершего в 1936 г. отца, я полностью уверен в ее преданности партии и могу нести за нее любую ответственность. К тому же она неплохо показала себя как работница в отделе и в комсомольской организации.

Я отлично понимаю необходимость профилактических мер, но поскольку проводится индивидуальный подход, то выходит, что я заслужил такого недоверия, которое обусловливает мое увольнение из органов. В то же время я не знаю за собой проступков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Очутиться в таком положении беспредельно тяжело и обидно.

Прошу Вас пересмотреть решение о моем увольнении.

Коротков. 9.I.1939 г.»

«Ну и что тут особенного?» — может спросить, пожав плечами, иной читатель, смутно представляющий себе реалии тех лет. Особенного, как раз, много (не говоря уже, повторяю, о самом факте подачи такого письма).

Прежде всего, легко заметить, что в достаточно пространном письме ни разу не упоминается Сталин. Ни единого шаманского заклинания с вплетением имени вождя. А между тем о существовании чекиста Короткова Сталин знал. Дело в том, что, как правило, вождь, читая спецсообщения НКВД, никогда не интересовался фамилиями оперработников или источниками информации. Мог спросить только о степени надежности представленных данных. Но он почти всегда знал, кому поручена ликвидация той или иной враждебной ему фигуры хотя бы потому, что ни одна подобная операция не могла быть проведена без его прямого приказа. Всегда устного. Без следов на бумаге.

Коротков это прекрасно знал и потому поступил мудро, не упомянув фамилию «Самого».

Он лишь повторяет несколько раз о своей преданности партии и Родине. А это, согласитесь, совсем иное дело, чем заверение в преданности лично вождю. К слову сказать, для честного, искреннего коммуниста, а таких в ВКП(б) — КПСС всегда было большинство, преданность партии была синонимом преданности именно Отечеству и народу.

Далее. По тогдашним неписаным правилам, сотрудник любого ведомства, подвергнувшийся подобному избиению (если только дело не дошло до ареста), обязан был непременно признать свои ошибки и заблуждения, горько покаяться (желательно публично, или в печати), заверить руководство, собрание, коллектив, что теперь он все осознал, что готов искупить свою вину даже ценой собственной жизни, что просит посему доверить ему самое опасное задание, и он докажет…

Но ничего подобного в письме нет и в помине! Коротков ни в чем не раскаивается и никакой вины за собой не признает! Он с порога отвергает все обвинения в свой адрес, даже возможные ошибки и упущения (хотя, возможно, такие и были). Он просит — это вежливая форма требования — наркома пересмотреть свое решение, как незаслуженное и обидное. Более того, он отваживается взять под защиту и ответственность свою жену, хотя в ее биографии имелись такие компрометирующие факты, как некие прегрешения по партийной линии покойного отца, долгое пребывание за границей (пускай и подростком, с родителями).

Иной читатель снова недоуменно пожмет плечами: общеизвестно, дескать, что в адрес Сталина, Молотова, Калинина, того же Берии поступали десятки, если не сотни тысяч отчаянных

писем, взывающих к справедливости и милосердию невинно репрессированных. Но то писали люди либо уже арестованные, либо осужденные, которым терять было нечего. Коротков же писал, пребывая на свободе. Ему бы радоваться, что легко отделался, и не высовываться… А он высунулся, говоря современным языком, подставился. И выиграл! Потому и поныне ветераны разведки и контрразведки, до которых докатилась спустя много лет та давняя история, только покачивают недоуменно седыми головами. Надо же…

Тут следует учесть некоторые моменты. До последнего времени о Лаврентии Берии писали исключительно в черных тонах. Ему отказывали даже в его сильных качествах, не связанных впрямую с моральным обликом, цинизмом, жестокостью, равнодушием к людским судьбам и тому подобным. Между тем, Берия был гораздо умнее своих предшественников Ягоды и, тем более, Ежова (признаем, что и преемников тоже), обладал сильной волей, недюжинными организаторскими способностями (последнее особенно ярко проявилось позднее, когда он руководил «атомными делами»), умел быстро ориентироваться в обстановке, схватывать суть проблемы и принимать оптимальное решение. Причем, вполне самостоятельно, соблюдая, разумеется, должный пиетет по отношению к Сталину. Этого качества были начисто лишены почти все тогдашние, оставшиеся в живых сподвижники вождя. Наконец, Берия был профессионалом-чекистом, прекрасно разбирался в тонкостях и разведывательной, и контрразведывательной работы.

Получив письмо Короткова, нарком не отбросил его в корзинку для бумаг, не вернул помощнику с указанием похоронить в архиве, а оставил до поры до времени у себя. Спешить ему было некуда и незачем.

Какой-то рядовой, в сущности, сотрудник, никогда не имевший связей ни с какой оппозицией, уже с опытом работы за рубежом и с легальных, и с нелегальных позиций, успешно проверенный при выполнении и весьма деликатного свойства заданий, ему, наркому, угрожать своим существованием, конечно, не мог. А квалифицированных работников в разведке, тем более, пригодных для использования по набиравшей все большее значение немецкой линии, не хватало катастрофически.

Надо сказать, что в людях Берия разбирался. И вел себя с подчиненными по-хамски не потому, что был хамом от рождения, а лишь в тех случаях, когда считал это для себя по каким-то соображениям выгодным. А в нейтральной обстановке разговаривал с рядовыми сотрудниками достаточно вежливо,

порой даже любезно.

Письмо Короткова лежало в сейфе, или письменном столе наркома, в ожидании его окончательного решения, около года…

А пока что есть смысл и время рассказать о ситуации в НКВД, сложившейся спустя несколько месяцев после прихода Берии, а также о некоторых его ближайших сотрудниках. Новый нарком привел свою команду.

Как уже было сказано ранее, первым заместителем наркома и начальником ГУГБ стал Всеволод Меркулов, личность, безусловно, неординарная. Меркулов много лет — почти четверть века — работал вместе с Берией на Кавказе в чекистских и партийных органах. Берии он был обязан своей карьерой и переводом в Москву.

Несомненно, на его совести тоже, как у большинства видных чекистов той поры, много темного. Он должен был приспосабливаться к системе, поднявшей его столь высоко. Но в отличие от многих сослуживцев делал это не только для того, чтобы уцелеть в безжалостной сталинской мясорубке, но и чтобы иметь возможность добросовестно выполнять свой профессиональный долг. Не будучи жестоким по природе, он, увы, безропотно выполнял все бесчеловечные приказы, которые получал «сверху», но собственной инициативы при этом никогда не проявлял. Будучи военным человеком и дисциплинированным коммунистом, Меркулов даже и не помышлял о том, что волей-неволей порой творит беззаконие. Человеку, задумавшемуся об этом хоть на секунду, не осталось бы ничего иного, как незамедлительно пустить себе пулю в висок. Возможно, Меркулов успокаивал свою совесть тем, что старался как можно лучше бороться с реальными врагами советского государства.

В отличие от других фигур бериевской команды, Меркулов был хорошо образован, обладал манерами воспитанного человека. Он прекрасно фотографировал и снимал любительские фильмы на узкопленочную кинокамеру. Тяготел к сочинительству и даже писал пьесы. Одна из них — «Инженер Сергеев» — была поставлена на сцене прославленного московского академического Малого театра. Когда Берия узнал, что автор пьесы, как значилось на афише, некий Всеволод Рок, на самом деле его собственный заместитель Всеволод Меркулов, то задал драматургу-любителю изрядную трепку…

У Меркулова было одно ценное качество: он никогда не спорил с наивысшим начальством — Сталиным (перед Берией он мог защищать свою точку зрения по конкретным вопросам), но, получив приказ, относящийся к чистой сфере разведки или контрразведки, позволял намеком ее руководителям поступать

так, как они считают нужным в интересах дела. Более того, никогда не подставлял под удар своих подчиненных, хотя, если нажим был очень уж силен, открыто и не брал, вроде бы, под свою защиту. Во всяком случае, за все годы пребывания его на посту начальника ГУГБ НКВД и наркома НКГБ вплоть до 1946 года, никто из его сотрудников не был репрессирован.

Очередной разгром органов госбезопасности, изгнание из нее настоящих профессионалов, много сделавших для страны в период Великой Отечественной войны, начался именно после 1946 года, когда Сталин поставил во главе Министерства госбезопасности бывшего начальника уже ликвидированной «СМЕРШ» Виктора Абакумова.

Меркулов уважительно относился к подчиненным, считался с их интересами. Так, когда он узнал, что Герой Советского Союза полковник Дмитрий Медведев пишет книгу о действиях своего отряда «Победители» (в составе которого воевал легендарный Николай Кузнецов), то разрешил ему уходить домой пораньше и освободил от ночных и воскресных дежурств. Точно так же он поддержал Михаила Маклерского, когда тот приступил к написанию сценария популярнейшего в свое время фильма «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в роли разведчика майора Федотова.

Одним из самых влиятельных лиц в НКВД стал Богдан Кобулов, возможно, самая мрачная фигура в бериевском окружении. Кобулов был армянином из наиболее криминогенного района старого Тифлиса — окрестностей Авлабарского базара и сохранил все ухватки его обитателей. Он был чудовищно толст, настолько, что столяры-краснодеревщики изготовили для него особый письменный стол — с полукруглым вырезом для огромного брюха. Кроме толщины, Кобулов отличался неожиданно острым, цепким умом, жестокостью и коварством. Позднее Богдан Кобулов возглавил самостоятельно Главное экономическое управление (ГЭУ), в котором имелась собственная следственная часть, начальником которой стал печально известный впоследствии майор госбезопасности Павел Мешик.

Неотступной тенью за Богданом Кобуловым следовал его младший брат Амаяк — красивый, внешне даже обаятельный, отличавшийся от брата не только стройностью фигуры, но и полным отсутствием каких-либо способностей. По сравнению со многими другими ответственными сотрудниками, Амаяк считался человеком образованным: он закончил пять классов средней школы и курсы счетоводов. Этого оказалось достаточным, чтобы назначить его первым замнаркома НКВД Украины, а затем и резидентом в Берлин!

Начальником важного Главного транспортного управления (ГТУ) Берия сделал также своего давнего сослуживца Соломона Мильштейна.

Начальником второго по значению областного управления НКВД — Ленинградского поехал Сергей Гоглидзе, наркомом НКВД Белоруссии в Минск — Лаврентий Цанава.

Начальником 5-го отдела ГУГБ (что уже прямо касалось Короткова и его коллег) Берия, как уже говорилось ранее, сделал некоего Владимира Деканозова — толстого коротышку, с круглой лысой головой, с вечно брезгливым выражением лица. Деканозов ровно ничего не смыслил ни в разведке, ни в контрразведке, хотя прослужил в органах много лет. Зато изрядно поднаторел в неусыпной борьбе с «врагами народа».

По счастью, в должности начальника разведки Деканозов пробыл недолго. В 1939 году был смещен с поста наркома иностранных дел СССР Максим Литвинов, известный своей приверженностью к идее коллективной безопасности в Европе, как единственной возможности противостоять гитлеровской агрессии. Наркомом иностранных дел был назначен по совместительству глава Советского правительства Вячеслав Молотов. Сталин и Молотов совместно решили «укрепить» Наркоминдел, то есть беспощадно изгнать оттуда всех сотрудников, в том числе полпредов, разделяющих позицию Литвинова или даже просто подозреваемых в этом. С этой целью в НКИД на пост заместителя наркома был откомандирован… Деканозов. Видимо, в инстанциях решили, что после кратковременного пребывания на посту руководителя внешней разведки, Деканозов стал крупным специалистом и в сфере внешней политики[41].

В результате бурной деятельности Деканозова в Наркоминделе, его центральный аппарат и кадры советских представительств за рубежом подверглись второму за последние годы жестокому разгрому.

После ухода Деканозова в НКИД Берия сделал, как показало время, безошибочный выбор, назначив на должность начальника разведки Павла Фитина.

Павлу Михайловичу было тогда всего тридцать два года. До направления по партийной разнарядке на учебу в Центральную школу НКВД и курсы при Школе особого назначения он, инженер-агроном по гражданскому образованию, был заместителем главного редактора сельскохозяйственного издательства. Талантливый, эрудированный человек, Фитин, возможно, оказался лучшим начальником внешней разведки после легендарного Артузова. Его заместителем стал тоже молодой, но

уже признанный ас разведки Павел Судоплатов, обладавший опытом нелегальной работы за рубежом. Это он, Судоплатов, совсем недавно уничтожил в Роттердаме главаря Организации украинских националистов (ОУН), преемника Симона Петлюры Евгена Коновальца, а сейчас по устному приказу, полученному в присутствии Берии лично от Сталина, готовил совместно с Леонидом Эйтингоном операцию «Утка» по ликвидации в Мексике Льва Троцкого.

Берия переговорил с Фитиным о Короткове. Тот, на основании изученных документов, а также бесед с сотрудниками, знавшими Александра лично, дал ему положительную характеристику. На самом деле нарком уже принял для себя решение восстановить дерзкого сотрудника. Но этим разговором с начальником разведки он как бы возлагал на того ответственность за Короткова в дальнейшем. Таковы уж были правила игры. Фитин их прекрасно знал, но при всей своей внешней скромности и обходительности, был человеком твердых убеждений, ответственности не боялся, равно как и высказывать собственное мнение.

А дальше происходит нечто совершенно уж фантастическое. В конце 1939 года «штрафника» Короткова на два месяца направляют в… загранкомандировку в качестве «дипкурьера» центрального аппарата НКИД. А именно — в Данию и Норвегию. И почему-то никто в руководстве не опасается, что он станет «невозвращенцем», хотя бы из-за обиды.

Чем занимался Коротков в названных странах, неизвестно. Часть документов не сохранилась, часть и по сей день не подлежит оглашению.

Но кое-какие выводы из самого факта поездки, для нас существенные, сделать все же можно:

1. В эти самые месяцы как раз началась и развернулась злополучная советско-финляндская «Зимняя война». А эти государства — соседи Финляндии, близкие ей не только по географии, но и по «скандинавскому духу». Значит, командировка Короткова как-то связана с войной.

2. Всего через полгода и Дания, и Норвегия были оккупированы Германией и, возможно, кое-какая информация, пускай и смутная, об их планах Гитлера просочилась наружу, что не могло не насторожить советскую разведку.

3. Задание, полученное Коротковым, можно с уверенностью утверждать, было важным. Иначе руководство наркомата не пошло бы на такой риск — посылать за кордон «неблагополучного» сотрудника, поскольку никого другого, по причинам много раз уже отмеченным, под рукой просто не

имелось.

4. С заданием Коротков справился успешно. Иначе по возвращении он не был бы повышен в должности: стал заместителем начальника 1-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Говоря современным языком, его полностью «реабилитировали», в итоге, в его послужном отсутствует почти годичный перерыв. Весь 1939 год Коротков проходит по анкетам как оперуполномоченный и старший оперуполномоченный названного отдела. Более того (и это весьма существенно), в конце 1939 года он был переведен из кандидатов в члены ВКП(б).

У Александра хватило здравого рассудка никогда и никому не рассказывать о письме, направленном наркому. Это было опасно. По-настоящему опасно.

Коротков уже кое-что понимал в аппаратных играх. Особенно опасных, когда они разыгрываются в аппарате НКВД, а весовые категории участников далеко не равны. В конце концов, ему нет дела, какими мотивами руководствовался нарком, изменив свое решение. Важно, что это произошло. Лучшее, что он теперь может делать, — это работать, просто добросовестно работать и делать вид, что ничего особенного не случилось…

Последнее мирное лето

1940 год складывался для Александра Короткова удачно. Он был не только восстановлен на службе в НКВД, но даже повышен в должности. Это означало, что из категории «оперов», то есть основных «рабочих лошадок», он сам перешел в категорию начальства. Существовало негласное положение, по которому должность сотрудника в центральном аппарате ведомства приравнивалась к должности двумя ступеньками выше в областном управлении. Иначе говоря, в случае перевода на периферию Коротков был бы там начальником отдела разведки. И это при том, что специальное звание у него было относительно невысокое — лейтенант государственной безопасности, соответствующее званию капитана в Красной Армии. Обычно должность заместителя начальника отделения занимали старшие лейтенанты и капитаны госбезопасности, так что последующие два звания Коротков мог уже получить как бы само собой. Должность позволяла.

Теперь Александр имел представление о работе агентурной сети НКВД во всей Германии с включенной в нее Австрией, а также в «протекторате Богемии и Моравии» и оккупированной Польше.

Естественно, его политический и оперативный кругозор значительно расширился, поскольку он теперь напрямую общался с новым начальником разведки Павлом Фитиным, его заместителем Павлом Судоплатовым и даже, хотя, разумеется, значительно реже, с первым заместителем наркома и начальником ГУГБ Всеволодом Меркуловым. Кроме того, Коротков получил возможность в пределах своей компетенции знакомиться с материалами и указаниями, поступающими из так называемых директивных органов, или, по тогдашнему жаргону, инстанций, то есть правительства и ЦК партии.

Общение с коллегами из других отделений, присутствие на совещаниях, контакты с сотрудниками немецкого отделения (вскоре преобразованного в отдел) контрразведки способствовали пониманию не только текущих отношений с Германией и ее союзниками, но и общей ситуации на политической карте Европы.

А она, эта ситуация, сводилась к констатации очевидного факта: началась большая война.

Гитлер выжал из Мюнхенской капитуляции все, что мог, и даже более того: при попустительстве «великих западных демократий» проглотил Чехословакию, занял Польшу, заодно прихватил у Литвы Мемель (Клайпеду). В ходе «странной войны»

оккупировал большую часть Франции, Бельгию, Норвегию, Данию, Голландию, угрожал вторжением на Британские острова.

Короткая, но кровопролитная война СССР с Финляндией[42], хоть и завершилась вроде бы победой — Советский Союз получил Карельский перешеек с Выборгом, отодвинул границу на десятки километров и тем обезопасил Ленинград, — обнажила вопиющую неготовность Красной Армии к современной войне. Выявилась не только беспомощность высшего командования (сказались репрессии комсостава, начатые расстрелом группы маршала Тухачевского и завершившиеся избиением десятков тысяч командиров всех рангов), пренебрежение к автоматическому стрелковому оружию и минометам, но даже полная непригодность знаменитых островерхих «буденновок» в качестве зимних головных уборов личного состава — тонкое сукно не спасало уши от обморожения.

Нельзя сказать, чтобы руководство страны не сделало из той (по словам Александра Твардовского) «войны незнаменитой» никаких выводов. Бездарного Клима Ворошилова, одного из немногих, кто, по слухам, имел право обращаться к Сталину на «ты», заменили на посту наркома обороны маршалом Семеном Тимошенко. Новый нарком отличался не только абсолютно лысой головой и богатырской физической силой, но и трезвым здравомыслием в военных вопросах. Не выдержавшую суровых испытаний «буденновку» заменили на ушанку из натуральной и искусственной цигейки, навсегда вошедшую в зимнее обмундирование Красной, а затем Российской армии. Сложнее обстояло дело с укоренившимися в сознании населения и вооруженных сил шапкозакидательством («от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильней!»), и перевооружения войск. Причем, речь шла не только об автоматах и минометах, но и об артиллерии, авиации, бронетанковых силах, а также самой подготовке войск к ведению боевых действий в посткавалерийскую эпоху.

Странное то было время, и странные, порой противоречивые, решения в области укрепления обороноспособности страны предпринимались высшим руководством. Впрочем, слово «руководство» весьма условно, никакого руководства уже давно не существовало: в стране был один-единственный руководитель, всевластный вождь, наделенный безмерной властью, какой не обладал в России ни один из царей, — Иосиф Сталин. Все остальные «вожди», как принято было до войны называть членов Политбюро, просто отвечали перед главным вождем за тот или иной отведенный им участок партийного и государственного управления, хотя по отношению к нижестоящим звеньям также

пользовались почти безграничной властью. По крайней мере, до того момента, пока не падало на них недовольство, тем более подозрение Сталина. Тогда они бесследно исчезали, а на их место выплывали новые фигуры, чьи портреты полагалось носить на демонстрациях дважды в год: 1 мая и 7 ноября.

Странностей было много: с одной стороны границы СССР были отодвинуты на запад на триста-четыреста километров (к слову сказать, ни в каком «разделе» Польши СССР на самом деле не участвовал — лишь вернул себе территории Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутые поляками по Рижскому договору 1921 года), что, теоретически, усиливало обороноспособность страны, но в то же время — укрепления на старой границе были ликвидированы, а вдоль новой ничего путного не возведено. В стране гением ученых, конструкторов и инженеров были созданы великолепные модели средних и тяжелых танков, истребителей и бомбардировщиков, артиллерийских орудий и систем залпового огня, какими не располагала ни одна армия в мире, причем в количестве, намного превышающим численность тех же танков и самолетов в вермахте. Увы, они не были освоены как следует личным составом из-за острейшей нехватки военных специалистов и низким качеством обучения командного состава по причине все тех же «чисток».

В руководстве продолжала иметь место явная недооценка таких новейших достижений, как радиолокация и реактивное оружие (хотя бы потому, что их, как и другую военную технику, активно продвигал еще в начале тридцатых годов маршал Тухачевский). Этого было достаточно, чтобы изобретателей отправили если не на смерть, то в тюремные конструкторские бюро НКВД, названные, вернее, прозванные «шарашками». Достаточно напомнить имени Туполева, Ощепкова, Бартини, Королева…

Высшие чины по-прежнему активно сопротивлялись массовому внедрению в войска тех же автоматов: при низкой дальности и прицельности огня они, мол, расходуют прорву патронов…

Недостаточно готовой оказалась к грядущим событиям и внешняя разведка. В годы массовых репрессий из-за рубежа были отозваны несколько десятков опытных резидентов, в том числе и нелегалов. Многие из них, якобы завербованные спецслужбами тех стран, в которых они работали, были расстреляны. Остальные либо оказались в тюрьме, либо, в лучшем случае, уволены. Случалось, что такой бывший разведчик устраивался на работу в какое-либо издательство, или на радио (выручало владение

иностранными языками), а потом его все-таки арестовывали. Так произошло с уникальным разведчиком, свободно владевшим двумя десятками языков, обладавшим к тому же поразительными артистическими способностями, Дмитрием Быстролетовым, отпрыском одной из ветвей графов Толстых, давших России двух знаменитых и одного великого писателя. Быстролетов с одинаковым успехом мог выдавать себя, к примеру, в одной стране за родовитого венгерского графа, а в другой за международного гангстера. Разнообразие и блестящие способности позволяли ему одинаково уверенно чувствовать себя и работать в любом географическом районе.

Беспощадные и необоснованные репрессии не только обескровили кадры оперативных сотрудников, но самым печальным образом сказались на местной агентуре, особенно в Европе. Многие агенты, сотрудничавшие с советской разведкой на сугубо идейной основе (а именно на их высокой мотивации и зиждилась сила создаваемой десятилетиями агентурной сети) прервали связи с Москвой из-за вполне объяснимого разочарования.

Особенно тяжело все это сказалось на разведывательной работе в нацистской Германии. И без того трудное положение усугубило указание директивных органов свернуть ее до минимума после заключения «Пакта Молотова — Риббентропа». Была утрачена связь с самыми ценными агентами, располагающими уникальными разведывательными возможностями.

К середине 1940 года послепактовая эйфория в высших инстанциях стала постепенно ослабевать, а затем и вовсе улетучилась[43]. Уже и сам Сталин понимал, что войны с Германией не миновать, и в этом был прав, однако, к сожалению, словно убеждая себя, укреплялся во мнении, что ему удастся оттянуть ее года на два, а то и на три, а за это время он завершит перевооружение Красной Армии и вообще подготовит страну к неизбежным испытаниям военного времени.

Когда германский военный атташе ночью 22 июня 1941 года разбудил дуче телефонным звонком и сообщил, что Германия объявила войну СССР, Муссолини, повесив трубку, сказав жене: «Это безумие. Это будет нашим крахом. Я думаю, что Россия сама никогда не напала бы на нас».

Как видим, ближайший союзник Гитлера даже не помышлял о том, что Германия якобы вынуждена была нанести превентивный удар…

Напряженно и много работая, Коротков наслаждался жизнью

в Москве, словно наверстывая все то, что упустил за годы пребывания за рубежом. Весной и летом ходил с женой в театр парка «Эрмитаж» на концерты тогдашних кумиров эстрады Леонида Утесова, Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой, в Колонный зал Дома союзов на «гвоздь сезона» — концерт джаза Эдди Рознера. Сходил с дочкой в зоопарк на Пресне и в Измайловский парк, где вдоволь покатал ее на всяких качелях-каруселях. Посмотрел, наконец, несколько фильмов в «Повторном» у Никитских ворот, что вышли на экраны за время его отсутствия.

Вдоволь наигрался в теннис и с Борисом Новиковым, и с другими партнерами. Однажды Борис указал ему на худенького парнишку, светловолосого и голубоглазого.

— Восходящая звезда, в семнадцать лет выиграл в прошлом году первенство СССР. К сожалению, спартаковец. Запомни его, далеко пойдет. Зовут Коля Озеров…

Ну и, конечно, не пропускал ни одного матча с участием московского «Динамо». Весной 1936 года динамовцы стали первыми чемпионами СССР по футболу. В следующем, 1937 году, «Динамо» повторило этот успех, более того, впервые в истории отечественного футбола сделано «дубль», завоевав не только чемпионское знамя (медали — золотые, серебряные и бронзовые были учреждены только после войны), но и Кубок СССР.

В сезоне 1939 года Павел Коротков в футбол уже не играл — лишь в хоккей[44].

На Северную трибуну Коротков тогда ходить не любил — очень уж чинная там собиралась публика. Вполне уютно чувствовал себя на Западной, а то и на Восточной, в дни больших матчей битком набитых самыми яростными болельщиками. По окончании игры многие из них устремлялись к ближайшей пивной, расположенной сразу за выходом с Северной трибуны, этаком островке, уцелевшем от Петровского парка в ходе строительства спортивного комплекса. Тут порой до темноты продолжались споры поклонников разных команд. От знатоков со стажем можно было услышать интереснейшие футбольные байки, сомнительные по степени достоверности («А вот у англичан в одной команде вратарем играла обезьяна, шампанзе, ей никто забить не мог»), но все равно захватывающие. В этой толчее Коротков отходил душой, отвлекался от размышлений о своем ближайшем и более отдаленном будущем.

Московское «Динамо» в том сезоне уверенно, тур за туром, шло к чемпионскому званию. По-прежнему блистали Михаил Семичастный и Михаил Якушин. Новую силу нападению придал переведенный из Ленинграда неудержимый в рывке к штрафной,

азартный, с сильнейшим ударом Сергей Соловьев, чем-то похожий на Григория Мелехова в исполнении популярного киноактера Андрея Абрикосова. Понравился москвичам и пришедший вместе с Соловьевым стройный, худощавый, техничный и умный на поле Николай Дементьев, очень похожий на своего знаменитого старшего брата Петра — легендарного «Пеку», только ростом повыше.

С приходом нового старшего тренера Бориса Аркадьева московское «Динамо» перешло на принципиально новый рисунок игры: нападающие (тогда их в каждой команде насчитывалось пятеро!) непрерывно менялись местами, чем смешивали все карты защитникам соперника, в то же время полузащитники стали активно подключаться к атаке. Это было новым словом в тактике футбола. В результате динамовцы не только стали чемпионами, но и установили своеобразный рекорд, одержав по ходу сезона одиннадцать побед подряд!

В «Спартаке» все так же выделялась знаменитая троица братьев Старостиных, не ведавших, что это их последний сезон, и лучший, возможно, вратарь тех лет Анатолий Акимов. В ЦДКА в полную силу заиграл форвард, ставший годы спустя легендой советского футбола — Григорий Федотов. Да и у иногородних гостей было на кого посмотреть, кем полюбоваться, чего стоил один техничный и сдержанный — не по темпераменту остальных партнеров — тонкий тактик Борис Пайчадзе в тбилисском «Динамо».

Зрительские радости помогали Короткову отвлечься от тягостных размышлений в те недели и месяцы, что он ждал ответа на свое письмо. Прекрасно понимал, что вместо ответа за ним могут однажды ночью приехать. Но никто не приехал. Просто однажды раздался телефонный звонок, ближе к вечеру, и чей-то незнакомый голос (фамилию звонивший назвал, но как-то невнятно) предложил товарищу Короткову завтра в семнадцать-ноль-ноль явиться в наркомат к товарищу Фитину. Вот и все.

Назначение Короткова с повышением в должности после периода явной опалы стало для многих полной неожиданностью. Почему это произошло, в НКВД знал лишь один человек — сам нарком Берия.

Берия быстро понял, что этот строптивый парень в доверенные опричники, вроде Богдана Кобулова или Сергея Гоглидзе, не годится, но на своей — разведывательной стезе будет работать добросовестно. Что же, его, Берию, это вполне устраивает. А то, что провел этот самый Коротков несколько месяцев в «отстойнике», вовсе неплохо. Больше стараться будет…

Разумеется, по указанию Берии сотрудники соответствующего

отделения отдела кадров провели очередную (в который раз!) глубокую проверку Короткова и его жены. В который раз нашли: «По анкетным данным значится, что КОРОТКОВ А. М. был принят по рекомендации бывш. секретаря ЯГОДЫ — ГЕРСОНА, с которым был знаком по работе в «Динамо».

Преступной связи КОРОТКОВА А. М. с ГЕРСОНОМ не установлено».

Эта связь и не могла быть объективно установлена, поскольку «врагом народа» Герсон никогда не был. Но в данном случае для Короткова имело значение лишь это заключение: «не установлено». И дата: 23 мая 1940 года.

Летом 1940 года произошло важное событие международного масштаба: была, как тогда выражались, «восстановлена» советская власть в трех прибалтийских государствах. Соответственно образованы Латвийская, Литовская и Эстонская ССР, вошедшие в состав Советского Союза. Туда по приказу Берии сразу были направлены из Центра, Украины, Белоруссии мощные команды сотрудников НКВД для выявления, депортации и частично репрессирования «контрреволюционного и антисоветского элемента». Набралось этого «элемента» многие десятки тысяч человек, включая членов семей.

Выполнив это «важное особое задание», сотрудники возвращались назад, отягощенные контейнерами конфискованного или скупленного за бесценок добра: вывозили мебельные гарнитуры, пианино, фарфоровые сервизы, аккордеоны, мотоциклы, непременно часы и — отрезы. Шерстяные и шелковые ткани были в те годы мерилом и залогом благополучия и достатка. Так и говорили завистливо соседи: такой-то привез шесть отрезов. Годами прели они потом в сундуках и комодах, пересыпанные нафталином. Думать о позорной грабиловке было противно и тошно. Говорить опасно.

Для обычной же московской публики присоединение прибалтийских республик (а ранее Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Бессарабии) означало появление в магазинах новых сортов конфет, главным образом, рижских, в ярких цветастых обертках (к радости ребят коллекционирующих «фантики»), сигарет вместо привычных папирос, а на черном рынке пластинок с записями запретных Петра Лещенко, Юрия Морфесси, Александра Вертинского.

Отдела разведки, к счастью, разнарядка на Прибалтику почти не коснулась. Лишь несколько сотрудников выехали в Ригу, Таллин, Вильнюс, Каунас, чтобы обустроить в связи с изменившейся ситуацией тамошнюю агентуру. Часть особо ценных агентов удалось под видом немецких репатриантов

переправить в Германию. Некоторые из этих людей успешно работали на советскую разведку до самого конца войны.

Коротков был уверен, что ему, как «полуштрафнику», работа за рубежом теперь заказана на долгие годы, остается тянуть повседневную лямку за письменным столом в центральном аппарате.

Но долго ждать не пришлось.

Летом 1940 года было наконец-то решено реанимировать старую агентурную сеть в Германии, укрепить ее и, по возможности, даже расширить.

Тут автор полагает уместным сделать некоторое отступление, чтобы немного рассказать о тех людях, с которыми в тот период пришлось работать Александру Короткову. Читателю уже известно, что начальник ГУГБ и первый заместитель наркома Всеволод Меркулов, в прошлом чекист, а затем крупный партийный работник в Грузии, которому в связи с новым назначением присвоили звание комиссара государственной безопасности третьего ранга[45], по натуре был человеком не только одаренным от природы, но и по той же природе незлобивым. Втянутый как и миллионы другого служивого люда в определенную систему, называемую сталинским режимом, он вынужден был, и не раз, принимать решения, а также исполнять приказы, которые мы сегодня называем преступными. Чтобы иметь возможность работать, исполнять подлинно государственные функции, он вынужден был идти на сделки с совестью. К тому же, как многие, а вернее, почти все коммунисты той формации, он искренне верил, что великий вождь партии товарищ Сталин всегда прав, что ради светлого будущего, для блага народа приходится совершать деяния, душа к которым вовсе не лежит… Опять же, об этом забывать негоже, даже не прямое неповиновение, а малейшее сомнение в преданности могло привести к гибели, и приводило, а человек, кроме внутреннего нравственного императива, наделен еще инстинктом самосохранения… Сознавал ли сам Всеволод Николаевич двусмысленность своего существования, эту раздвоенность? Видимо, да. Это нашло отражение в некоторых его показаниях на следствии и судебном процессе 1953

Сталин ценил Меркулова. Это, в частности, проявилось в присвоении ему в 1945 году звания генерала армии[46] — единственному из всего руководства органов НКВД и НКГБ на тот момент. Ценил, но и до конца не доверял, ибо чувствовал этот самый внутренний надлом, почему и заменил в 1946 году на посту министра госбезопасности Виктором Абакумовым, отличавшимся абсолютной преданностью вождю. Тем самым

Сталин, к тому же, ограничивал влияние Берии, набравшего уж слишком большую власть. (Генералиссимус знал, что Берия и Абакумов относятся друг к другу со скрытой неприязнью.) Меркулова же переместили на важную, но ничего, в сущности, политически не значащую должность начальника Главного управления советским имуществом за границей при Совмине СССР. Заместителем Меркулова в этой должности стал старший из братьев Кобуловах — Богдан. Подобным образом Сталин отодвинул от органов госбезопасности еще нескольких ближайших сподвижников Берии.

Меркулов симпатизировал Короткову, и когда нарком сменил в отношении к нему гнев на милость, счел возможным не только назначить вчерашнего штрафника на ответственную должность, но спустя недолгое время снова направить за кордон.

Павел Михайлович Фитин был, можно смело утверждать, самым порядочным человеком в должности начальника внешней разведки после расстрелянного в августе 1937 года Артура Христиановича Артузова. Работать с ним сотрудникам 5-го отдела было одно удовольствие.

Фитин был человек мыслящий, доброжелательный, имевший по каждому вопросу самостоятельное мнение и, уважавший мнение не только вышестоящих начальников, но и подчиненных. Этих деловых и человеческих качеств Фитина с лихвой хватило, чтобы Абакумов, придя к власти, переместил Павла Михайловича, уже генерал-лейтенанта, на должность, по сравнению с занимаемой им все тяжелые годы войны, даже не третьестепенную — заместителя начальника Свердловского областного управления МГБ[47].

Вернувшись в Москву, великолепный профессионал, заслуженный организатор отечественной разведки работал… директором фотокомбината Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

Непосредственный руководитель Короткова начальник немецкого отделения Павел Журавлев был на несколько лет старше и Фитина, и, тем более, самого Александра. В отделе о нем ходили легенды как о блистательном разведчике. По тем временам у Павла Матвеевича было хорошее образование: он успел закончить в Казани классическую гимназию и два курса медицинского факультета университета.

До 1925 года Журавлев работал в губчека, потом был переведен в Москву, в ИНО. Много лет под фамилией Днепров (оперативный псевдоним «Макар») прослужил в Литве, Чехословакии и Италии, где лично осуществил вербовку ряда

ценных агентов.

В 1938 году, вернувшись в Москву, Журавлев возглавил ставшее ключевым немецкое отделение разведки. Впоследствии его направили в длительную командировку в страну, игравшую особую роль, — Иран, где в последний период своего пребывания он был временным поверенным в делах[48].

У Журавлева Коротков научился множеству профессиональных премудростей, вплоть до оценки эффективности и целесообразности различных методов ухода от наружного наблюдения. Но главное — он учился у Журавлева мыслить. Павла Матвеевича отличала склонность к глубокому анализу поступающей из разных разведточек порой противоречивой информации. Это было тем более важно, что тогда в разведке не существовало специализированного, профессионального аналитического подразделения, работающего на строго научной основе. Первый такой информационный отдел, вернее, поначалу, группу организовал именно Журавлев. Его единомышленницей в этом вопросе была Зоя Ивановна Рыбкина, высокая красивая блондинка, которая в иных ситуациях вполне могла бы сойти за киноактрису. Тогда она имела звание младшего лейтенанта госбезопасности (что соответствовало званию старшего лейтенанта в Красной Армии) и занимала должность помощника начальника отделения. Ранее Рыбкина успешно работала с нелегально в Германии[49].

Яркой фигурой в разведке был заместитель Фитина Павел Судоплатов, несмотря на относительную молодость, уже старый чекист. Он несколько лет работал в Западной Европе с нелегальных позиций, проявив при этом недюжинные способности и мастерство разведчика.

Судоплатов был умен, находчив, умел находить общий язык и с начальством, и с подчиненными. Летом 1940 года он выполнял особо секретное задание, которое получил лично от Сталина — готовил вместе со своим близким другом и многолетним сослуживцем, опытнейшим разведчиком-нелегалом и боевиком Наумом Эйтигоном очередное покушение на Льва Троцкого, завершившееся убийством последнего. Об этой операции в центральном аппарате НКВД кроме Берии, присутствовавшего при разговоре Сталина с Судоплатовым, знали от силы три-четыре человека.

Впоследствии Короткову пришлось несколько раз работать в непосредственном общении с Судоплатовым. Поначалу они прекрасно ладили друг с другом. Судоплатов не мог не оценить высокие профессиональные достоинства Короткова, но потом между ними словно кошка пробежала: на смену взаимной

симпатии пришла явная неприязнь. Почему — трудно сказать по прошествии стольких лет, тем более, что их обоих уже нет в живых. Для расхождений могли быть и серьезные причины, а, возможно, и пустяшные поводы. В жизни всякое случается.

…На совещании в наркомате в присутствии самого наркома и его заместителей было, наконец, констатировано, что количество и качество информации, поступающей из Германии от сохранившейся агентуры и сотрудников легальной резидентуры, совершенно недостаточно для определения истинных намерений и ближайших шагов гитлеровского правительства.

Кроме того, возникло еще одно неожиданное обстоятельство. Некто, оставшийся неизвестным, в июне подбросил в советское полпредство записку. Автор, судя по всему бывший советский агент, предлагал восстановить с ним контакт, подчеркнув при этом: «Если это не будет сделано, то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл». В письме сообщался пароль для вызова по телефону, место и время встреч.

Письмо дежурный по полпредству передал военному атташе, тот, естественно, переслал в Москву, в Разведывательное управление Красной Армии. Там содержанию записки немало подивились: в ту пору у военных никого в гестапо не было.

23 июля письмо переадресовали в ГУГБ НКВД с припиской: «Возможно, здесь речь идет о человеке, который вас интересует».

Разобраться с загадочным и весьма интригующим письмом было поручено Судоплатову. Он об агенте, работающем в гестапо, тогда ничего не знал, но помнил, что Василий Зарубин рассказывал ему о человеке, имеющем касательство к политической полиции Берлина еще до вхождения последней в гестапо.

Судоплатов в тот же день на сопроводительной записке пометил: «Журавлеву, Короткову. Известен ли вам он? Не о нем ли говорил т. Зарубин?»

Ознакомившись с подброшенным письмом, Василий Зарубин, ни секунды не колеблясь, сказал:

— Это он, выходит, жив курилка! Наш старый агент, только не падайте в обморок, он не технический служащий, а кадровый оперативный сотрудник гестапо. Псевдоним «Брайтенбах». Подымайте оперативный архив. Человек надежный. Информацию всегда давал чрезвычайно ценную и точную. К тому же, как профессионал контрразведки, прекрасно ориентируется в том, что именно нам нужно и важно…

То было прямым результатом «чистки», а если называть вещи своими именами, избиения центрального аппарата разведки. В нем в 1940 году не осталось ни одного (кроме Зарубина),

человека который по службе знал о существовании в Германии столь ценного агента. Слава Богу, не все документы в архиве были уничтожены, нашлась даже фотография «Брайтенбаха».

Его настоящее имя — Вилли Леман. Он родился в 1884 году в Саксонии, под Лейпцигом, в семье учителя. Подростком учился на столяра, потом передумал и семнадцати лет поступил на службу в военно-морской флот, получил специальность комендора. В 1905 году, находясь на борту германского крейсера, издали наблюдал знаменитое Цусимское сражение. Зная во всех подробностях о героическом бое крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящими силами японцев, молодой моряк проникся глубокой симпатией к России и русским, которую не поколебала даже Первая мировая война.

Прослужив на флоте десять лет, Леман уволился в звании старшины и в 1911 году поступил на службу в прусскую полицию. Через несколько лет его, добросовестного служаку, ставшего к тому же крепким профессионалом, перевели в политический отдел 1-А, по существу, в контрразведку берлинского полицайпрезидиума.

К этому времени Леман женился, его жена Маргарет унаследовала в Силезии маленькую гостиницу с ресторанчиком для туристов. Леман мечтал по достижении пенсионного возраста поселиться в тех краях и открыть частное сыскное бюро. Детей у супругов Леман не было, жили они скромно, лишних трат себе не позволяли.

С 1930 года в сферу компетенции Лемана вошло наблюдение за несколькими дипломатическими объектами, в том числе — полночным представительством СССР. Курьез заключался в том, что к этому времени он уже был… ценным агентом советской разведки, причем — инициативщиком.

Политикой Леман, как, впрочем, большинство кадровых полицейских, тогда не интересовался, однако нацистов терпеть не мог: будучи человеком здравомыслящим, он понимал демагогичность их социальных программ и лозунгов. Ну, а как профессионал-полицейский считал совершенно недопустимыми их чисто бандитские методы борьбы за власть. То, что Гитлер и его клика несут Германии только беды, ему было очевидно с самого начала.

Эти соображения, а также давние симпатии к России подтолкнули его к неожиданному решению. Он задумал сотрудничать с Советами. И выполнил свое намерение хитроумным способом.

У Лемана был приятель, некто Эрнст Кур, уволенный из полиции за серьезный дисциплинарный проступок. Он

бедствовал. Тогда-то Леман посоветовал ему для поправки своего материального положения связаться с советским полпредством. Произошло это в 1929 году. Кур стал поставлять берлинской резидентуре важную информацию о работе политической полиции, слежке за теми или иными советскими работниками и тому подобном. Куру присвоили псевдоним «А-70». Очень скоро тогдашний берлинский резидент понял, что информация, которую доставлял уволенный из полиции Кур, — вторична, что он получает ее от какого-то действующего сотрудника. Так был установлен контакт с первоисточником — Вилли Леманом, которому дали псевдоним «А-201».

Встречи с Куром теперь утратили всякий смысл, к тому же, он стал вести себя легкомысленно, много пил, а в пьяном виде много болтал в пивных. Куру помогли переправиться за границу и открыть там мелочную лавочку. Связь с ним, однако, еще несколько лет не прерывали. Кое-что полезное от него получали уже на новом месте.

Ценность Лемана в Москве поняли сразу. Уже в сентябре 1929 года из Центра в берлинскую резидентуру пришла шифровка: «Ваш новый агент А-201 нас очень заинтересовал. Единственное наше опасение в том, что вы забрались в одно из самых опасных мест, где малейшая неосторожность со стороны А-201 или А-70 может привести к многочисленных бедам. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А-201».

В ответ резидентура сообщала: «…опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается, и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей…»

После отмены номерных псевдонимов (случайная опечатка хотя бы в одной цифре могла привести к тяжелым последствиям), Лемана стали именовать «Брайтенбахом».

Когда Гитлер пришел к власти в Германии, а Геринг стал главой правительства и министром внутренних дел Пруссии, Леман занял в политическом отделе полиции, преобразованном несколько позднее в гестапо, достаточно прочное положение. Его приметил и даже приблизил к себе «Наци номер два» Геринг. Леман находился при нем в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года, о чем он подробно информировал Василия Зарубина, который тогда поддерживал с ним связь. По просьбе Зарубина (Леман знал его как чешского специалиста рекламного дела Ярослава Кочека, но понимал, что на самом деле он советский разведчик-нелегал) «Брайтенбах» умудрился найти повод, чтобы проникнуть в знаменитую берлинскую тюрьму Моабит (это не

входило в его прямые обязанности), дабы убедиться, что вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман жив, и выяснить состояние его здоровья. Этот вопрос весьма волновал руководство и СССР, и Коминтерна.

По заданию Центра Леман добыл тексты телеграмм гестапо для дешифровальной службы советской разведки.

Весной 1935 года наблюдательный Зарубин подметил при очередной встрече нездоровый вид Лемана, который обычно внешне производил впечатление отменного здоровяка. Оказалось, что у Лемана серьезное, даже опасное заболевание почек, обостренное на почве диабета. Встревоженный Зарубин поставил об этом в известность Москву.

Центр незамедлительно ответил: «“Брайтенбаху”, конечно, обязательно помогите. Его нужно спасти во что бы то ни стало. Важно только, чтобы затрата больших средств на лечение была соответственно легализована или организована так, чтобы не выявились большие деньги. Это учтите обязательно».

Леману помогли преодолеть кризис, угрожавший самой его жизни, хотя диабет, болезнь, как известно, неизлечимая, еще не раз давал о себе знать и впоследствии.

«Брайтенбах» вовремя сообщил об изобличении и неминуемом аресте двух советских разведчиков-нелегалов — «Бома» и «Стефана». Оба успели покинуть страну. Тем самым «Брайтенбах» оказал советской разведке бесценную услугу. Дело в том, что Стефан Ланг — настоящая его фамилия Арнольд Дейч — был тем самым разведчиком, который позднее, работая в Англии, создал знаменитую «кембриджскую пятерку» во главе с Кимом Филби. С этой группой связаны самые значительные достижения советской разведки за всю ее историю. «Бом» — псевдоним также крупного советского разведчика-нелегала Альберта Такке.

В 1935 году Леман (к этому времени он отвечал за контрразведывательное обеспечение оборонных промышленных предприятий) присутствовал на испытаниях прообразов будущих ракет на жидком топливе Фау-1 и Фау-2. Информация об этом была доложена лично Сталину, что подтолкнуло советских специалистов более основательно заняться разработкой ракетного оружия.

Благодаря «Брайтенбаху» советское высшее военное командование и лично маршал Михаил Тухачевский, как замнаркома обороны, отвечавший, кроме прочего, и за развитие военной техники, получили информацию о создании в Германии фирмой «Хорьх» таких новинок, как бронетранспортера; новых типов дальнобойных орудий и минометов, истребителей и бомбардировщиков (фирмы «Хейнкель») с цельнометаллическими

фюзеляжами; о закладке в обстановке строжайшей секретности на восемнадцати верфях семидесяти подводных лодок; о местонахождении пяти секретных испытательных полигонов (в войну их разбомбила советская авиация); о новом огнеметном оружии; о работах закрытой лаборатории фирмы «Бравас» под личным контролем Геринга по изготовлению синтетического бензина из бурого угля; о секретном заводе по производству отравляющих веществ нового поколения.

Примечательно, что на службе Вилли Леман пользовался не только полным доверием, но и большим авторитетом. Так, в канун Нового, 1936 года четыре — всего четыре! — сотрудника гестапо получили особые награды — портреты фюрера с его автографом и грамоты. В числе этих четырех оказался и Вилли Леман.

К вопросам международной политики Леман прямого отношения не имел. Но, благодаря давним связям со старыми сослуживцами в центральном аппарате гестапо, он кое-что важное узнавал. В частности, Леман информировал резидентуру о двух важных событиях: подготовке к аншлюссу Австрии и о проекте договора о военном сотрудничестве (в том числе и разведок) между Японией и Германией, который доставил в Берлин японский военный атташе).

(Позднее, 25 апреля уже 1941 года «Брайтенбах» сообщил в резидентуру о предстоящем вторжении вермахта в Югославию.)

Изучая рабочее дело «Брайтенбаха», Коротков с изумлением обнаружил, что касательство к этому агенту имела… его собственная жена. А получилось так…

Относительно продолжительное время личную связь с «Брайтенбахом» поддерживал Василий Зарубин. Между ними сложились хорошие, доверительные отношения. За свою информацию «Брайтенбах» получал денежное вознаграждение, но не настолько щедрое, чтобы можно было утверждать, что он работает за деньги.

Полученные от него сведения Зарубин передавал легальному резиденту Борису Гордону, а тот уже по своим каналам переправлял ее в Москву. Примечательно, что в 1936 году, когда контроль над политической полицией окончательно перешел от Геринга к Гиммлеру, в гестапо, а также в других спецслужбах Германии, в абвере, внешнем отделе НСДАП выявилась явная, с каждым днем нарастающая нацеленность работы в основном против СССР. «“Брайтенбаху” это не могло нравиться, тем более, что данная направленность представляла лично для него дополнительную угрозу. В конце ноября Зарубин сообщал в Москву: «Брайтенбах» за все это время в первый раз стал

выражать некоторую нервозность, говорит, что обстановка у них внутри чисто военного времени. В связи с чрезвычайными мерами контроля над иностранцами он, видимо, боится, как бы мы не попали на заметку и его не подвели».

Зарубина отозвали, после чего связь с «Брайтенбахом» стали поддерживать через содержательницу конспиративной квартиры, иностранную гражданку, почти не владеющую немецким языком (кличка «мадам Клеменс»). Использовали ее «втемную». «Брайтенбах» передавал «Клеменс» документы, сообщения или кассеты с заснятой, но непроявленной пленкой, после чего ставил обусловленный сигнал, который снимал кто-либо из сотрудников резидентуры. Затем на квартиру «мадам Клеменс» отправлялась жена Короткова «Маруся» и забирала пакет. Прикрывал ее при каждом таком походе легальный резидент Александр Агаянц («Рубен»), который перед заходом «Маруси» часа полтора проверял обстановка вокруг квартиры на случай наружного наблюдения. Коротков, конечно, знал, что Мария время от времени доставляет в полпредство материалы от какого-то агента, но понятия не имел, и не должен был иметь, от кого именно. Сама «Маруся», естественно, никогда «Брайтенбаха» не видела.

После отъезда Короткова из Берлина материалы Лемана от той же «мадам Клеменс» забирал уже сам «Рубен», вплоть до своей внезапной болезни в конце 1938 года и последовавшей вскоре смерти после неудачной операции по поводу прободения язвы желудка. Связь с «Брайтенбахом» прервалась.

Выяснилось также, что спустя несколько недель, уже в 1939 году, «Брайтенбах» впервые подбросил в полпредство записку такого содержания: «Как раз тогда, когда я готов был заключить хорошие сделки, тамошняя фирма совершенно непонятным для меня образом перестала интересоваться деловой связью со мной».

Иносказательно, но достаточно ясно…

За все годы сотрудничества Леман лишь однажды попал «под колпак». Некая Элизабет Дильтей на почве ревности настрочила донос, что ее любовник, сотрудник гестапо по фамилии Леман, является иностранным шпионом. За Вилли установили наблюдение, которое он, как опытный профессионал, немедленно засек, крайне встревожился и принял все меры предосторожности. Прошло несколько недель, его вызвали к руководству и… принесли извинения. Оказывается, в одном из рефератов гестапо работал неизвестный ему однофамилец! Этот Леман ничьим шпионом, как показало расследование, не был, а любовница просто решила таким способом отомстить ему за измену. Так что за «Брайтенбахом» следили по ошибке. В

конечном счете, слежка даже пошла ему на пользу. Начальство поневоле лишний раз убедилось в его абсолютной благонадежности.

Итак, по всему получалось, что дал о себе знать, немало рискуя собственной безопасностью, именно «Брайтенбах». В связи с возникшим вопросом о возобновлении с ним связи, Журавлев, внимательно изучив его рабочее дело, составил справку для руководства, в которой, в частности, отметил: «За время сотрудничества с нами с 1929 г. без перерыва до весны 1939 г. «Брайтенбах» передал нам чрезвычайно обильное количество подлинных документов и личных сообщений, освещающих структуру, кадры и деятельность политической полиции (впоследствии гестапо), а также военной разведки Германии. «Брайтенбах» предупреждал о готовящихся арестах и провокациях в отношении нелегальных и «легальных» работников резидентуры в Берлине… Сообщал сведения о лицах, «разрабатываемых» в гестапо», которые нас интересовали…»

Далее Журавлев, взяв на себя немалую для того времени ответственность, твердо сделал заключение, что у советской разведки никогда не возникало каких-либо сомнений в честности этого чрезвычайно ценного агента.

По логике вещей, разобраться с автором подброшенной записки, а затем восстановить с ним связь следовательно поручить берлинскому резиденту. Однако прямо об этом вслух не говорят, руководство разведки понимало, что майор государственной безопасности дело непременно завалит, и уже навсегда.

После долгих раздумий и, видимо, согласований, Фитин вызвал к себе Короткова и в присутствии Судоплатова и Журавлева сообщил ему в своей обычной, вовсе не приказной манере:

— Александр Михайлович, в Берлин придется выехать вам.

23 июля 1940 года заместитель Фитина майор государственной безопасности Судоплатов[50] подал наркому НКВД Берия рапорт, в котором испрашивал его согласия на командировку в Германию сроком на один месяц заместителя начальника 1-го отделения 5-го Отдела ГУГБ НКВД лейтенанта госбезопасности тов. Короткова А. М.

Судоплатов докладывал:

«Намечаем дать тов. Короткову следующие задания:

1. Провести установку, связаться и возобновить работу с агентами 5-го Отдела ГУГБ… связь с которыми была законсервирована, и с агентами выведенным за кордон 5-м Отделом в 1940 году.

2. Установить, провести проверку и на месте выяснить возможность возобновления связи с бывшими источниками 5-го Отдела… работа с которыми была законсервирована в 1936-38 годах».

Нарком согласие на командировку дал, необходимый приказ подписал. В общей сложности Короткову предстояло восстановить связь примерно с десятью агентами. Разумеется, на деле выполнение столь ответственного задания потребовало больше времени, чем первоначально намеченный один месяц.

На время командировки ему был присвоен новый псевдоним — «Степанов».

В доверительном разговоре Журавлев дал понять Короткову, чтобы он постарался щадить обостренное самолюбие младшего Кобулова, но, по возможности, принимал решения, как ему действовать, в зависимости от оперативной обстановки самостоятельно.

— Только не раздражайте «Захара» явным непослушанием, постарайтесь внушить ему, что инициатива исходит от него самого…

Коротков в ответ иронически улыбнулся, ну, разумеется, только так и никак иначе…

Одним из агентов, с которым следовало восстановить связь, был «Балтиец». За этим псевдонимом скрывался доктор Арвид Харнак. Перед отъездом в Германию Александр внимательно ознакомился со всеми материалами, относящимися к «Балтийцу», после чего ему стало ясно, почему связь с ним была прекращена. Всему виной, как он и предчувствовал, стало то обстоятельство, что работали с ним исключительно изобличенные ныне «враги народа».

Первым с Арвидом Харнаком еще в начале тридцатых годов, до прихода Гитлера к власти, познакомился советский консул в Кенигсберге, а затем сотрудник полпредства в Берлине Александр Гиршфельд, связанный с военной разведкой Красной Армии. Он сообщил о Харнаке как о перспективном источнике первому секретарю полпредства Сергею Бессонову[51].

Доктор Арвид Харнак действительно во всех отношениях был личностью выдающейся. Он родился в 1901 году в Тюрингии. Отец его был профессором Высшей технической школы, дядя — известным богословом. К тридцати годам Арвид успел стать обладателем дипломов трех университетов и двух докторских степеней: по юриспруденции и философии. Как проявивший исключительные способности, он получил стипендию Фонда Рокфеллера, что позволило продолжить учебу в аспирантуре в Англии и США. В университете штата Висконсин он

познакомился с Милдред Фиш — из старинной американской семьи немецкого происхождения, и вскоре женился на ней. Милдред и сама была способным молодым ученым — доктором филологии и профессионально занималась переводом на английский язык классиков немецкой литературы.

К этому времени Харнак уже проявил глубокий интерес к рабочему движению и разделял социалистические взгляды.

Вернувшись в Германию, Харнак примкнул к Союзу работников умственного труда, объединявшему широкие круги либеральной и прогрессивно настроенной интеллигенции, и вошел в состав его правления. Вскоре он стал также секретарем «Общества изучения советской плановой экономики» (Арплан). Обе эти организации находились под прямым влиянием Германской компартии. Председателем Арплана был профессор Йенского университета Фридрих Ленц. После прихода нацистов к власти Ленц, известный своими левыми взглядами, эмигрировал в США.

Летом 1932 года в составе делегации Арплана Харнак приезжал в СССР по приглашению ВОКС. За три недели делегация побывала в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Днепропетровске (на строительстве Днепрогэса). К этому времени Харнак уже нелегально состоял в компартии Германии (в некоторых западных компартиях существовала практика негласного членства). Взгляды молодого ученого полностью разделяла его жена Милдерд.

В ВОКС (как впоследствии и в его преемнике ССОД) всегда работали несколько кадровых сотрудников разведки и контрразведки госбезопасности. Арвид Харнак сразу привлек внимание как возможный объект для привлечения к сотрудничеству — своими взглядами, твердым характером и потенциальными разведывательными возможностями.

По возвращении Харнака в Германию его изучение продолжили сотрудники берлинской резидентуры.

После изучения материалов их наблюдений, руководитель ИНО (напомним, что теперь оно называлось 7-м отделом ГУГБ НКВД СССР) Артур Артузов 15 июля 1935 года дал указание: «Подготовку к вербовке Харнака считать целесообразной».

Провести с Харнаком решающую встречу поручили Гиршфельду. После трехчасовой беседы Харнак дал принципиальное согласие на сотрудничество с советской разведкой. Правда, он пытался увязать его со своей деятельностью в уже запрещенной нацистами компартии. Гиршфельд с трудом (Харнак отличался изрядным упрямством) убедил ученого, что это невозможно по конспиративным

соображениям, что для успеха своей, теперь куда более действенной борьбы с гитлеровскими режимом, ему надо прекратить все контакты с коммунистами и иными известными антифашистами. Более того, Харнаку рекомендовали вступить в нацистскую партию, а также в Национал-социалистический союз юристов. Со временем Харнак даже стал руководителем секции этого союза в своем имперском министерстве экономики.

Опытнейший Артузов одно время совмещал должность начальника ИНО с постом заместителя начальника военной разведки. Он пришел к выводу, что Харнака, человека глубоко штатского, целесообразнее использовать по линии разведки НКВД, а не военной.

В том же 1935 году в Берлин в качестве резидента внешней разведки прибыл Борис Гордон и установил с Харнаком личную связь. В министерстве Харнак сделал успешную карьеру: в 1937 году он вступил в НСДАП, ему последовательно были присвоены ранги регирунгсрата и оберрегирунгсрата (то есть, правительственного советника и старшего правительственного советника)[52]. В министерстве Харнак ведал отделом, занимавшимся торговыми и экономическими связями Германии с США. Благодаря этому он был вхож в посольство США и вообще в американские круги Берлина. Этому способствовала и Милдред, имевшая двойное гражданство и входившая в руководство Американского женского клуба на Бельвьюштрассе при посольстве США. Это позволяло ей, а затем и Арвиду сблизиться с дочерью посла Соединенных Штатов Вильяма Додда журналисткой Мартой, что упрочило положение четы Харнаков в кругах столичной элиты. (Впоследствии госдепартамент США пережил настоящий шок, когда пришел к выводу, что Марта Додд продолжительное время оказывала определенные услуги советской разведке.)

В дальнейшем с Харнаком работал кадровый сотрудник внешней разведки Александр Белкин (оперативный псевдоним «Кади»). О Белкине Коротков слышал, поскольку тот был давним товарищем Александра Орлова и его заместителем в Испании. Под началом Белкина Харнак с большой осторожностью начал формировать свою антифашистскую группу.

Агент НКВД «Лиза», с чьей помощью была незаметно и объективно проведена контрольная проверка «Балтийца» и «Японки» (оперативный псевдоним Милдред), так описала их: «Она самоуверенная, высокая, голубоглазая, крупная, выглядит типичной немкой, хотя является американкой, принадлежащей к низшим слоям среднего класса; она умна, чувствительна, благонадежна, типичная немецкая фрау, ярко выраженного

нордического типа. Арвид Харнак происходит из хорошей семьи, откуда вышли богословы и немецкие философы. Он принадлежит к среднему классу, получил хорошее образование… Он тоже блондин с голубыми глазами (носит очки), среднего роста, коренастый, и, когда его видели в последний раз, он производил впечатление весьма типичного северянина. Они проявляют большую осторожность в установлении контактов, чрезвычайно дипломатичны по отношению к другим людям, производят полное впечатление людей хорошо подготовленных и дисциплинированных. Оба они поддерживают тесные связи с мужчинами и женщинами из нацистских кругов. В тот момент Арвид находился вне подозрений и занимал важный пост в министерстве. Я уверена, если только меня не ввели в заблуждение, что они полностью надежны и, с нашей точки зрения, им можно доверять».

Харнак действительно находился вне подозрений до августа 1942 года, более того, уже арестовав его 7 сентября, гестаповцы так и не установили, что он был связан с советской разведкой на пять лет дольше, чем они полагали. Это имело большое значение, поскольку гитлеровцы полностью не выяснили, какие секреты он передал в Москву с 1935 по 1940 годы.

Между тем, Харнак входил в элитный «Клуб господ» (позднее он стал именоваться «Берлин»), где встречался в доверительной обстановке с верхушкой деловых кругов Германии. Уже в силу этого «Балтиец» имел возможность передавать в резидентуру абсолютно секретные сведения о валютном хозяйстве Германии, финансировании спецслужб и военной промышленности. К тому же Харнак пользовался расположением самого доктора Ялмара Шахта, в разное время занимавшего министерские посты, а также кресло председателя Рейхсбанка. Шахт даже поручал Харнаку иногда составлять конспекты своих выступлений в высших инстанциях рейха. Наконец, Харнака регулярно приглашали на различные секретные совещания, в том числе — заседания Комитета экономической войны».

В краткой справке, содержащей перечень информации, полученной от «Балтийца» к середине 1938 года, числилось:

«Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границей, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитического ведомства партии и других организаций. О финансировании

разных немецких разведывательных служб и т. д.»

21 августа 1937 года с промежутком в несколько минут были расстреляны в так называемом особом порядке Артур Артузов, руководивший много лет германскими делами последовательно в ОГПУ-НКВД и Разведупре Отто Штейнбрюк и Борис Гордон. Погиб и Белкин — «Кади». Александр Гиршфельд был отозван и многие годы провел в заключении. После смерти Александра Агаянца, то есть, с 1939 года, никто в Центре ничего о Харнаке не слышал. В Москве о «Балтийце» знали всего четыре человека — все они также были расстреляны…

И вот теперь Коротков внимательно изучал агентурную сеть, созданную «Балтийцем» всего за четыре года, и не мог не поразиться энергией этого человека, которого он пока в глаза не видел и которого ему предстояло разыскать.

Список источников «Балтийца» занимал несколько страниц. В частности, в нем значились:

Барон Вольцоген-Нойхаус, высокопоставленный сотрудник технического отдела ОКВ (Верховного главнокомандования вермахта). Оперативный псевдоним «Грек»;

Ганс Рупп, главный бухгалтер химического гиганта «И. Г. Фарбен». Псевдоним «Турок»;

Хайнс Тициенс, промышленник, эмигрант, бывший царский офицер. Огромные связи в ОКВ. Псевдоним «Албанец»;

Вольфганг Хавеманн, обер-лейтенант военно-морской разведки при Верховном командовании кригсмарине. Племянник Харнака. Псевдоним «Итальянец»;

Карл Беренс, сотрудник проектно-конструкторского отдела гиганта тяжелого машиностроения АЕГ. Его информация, включавшая чертежи, способствовала развитию этой отрасли в СССР. Псевдоним «Лучистый» (по-немецки «Штральман»);

Отто Доппер, начальник экономического института при комитете четырехлетнего плана. Женат на племяннице Милдред. Используется «втемную». Псевдоним «Икс».

Десятки людей, и не только в Берлине, но и в других городах Германии. Сильная группа, к примеру, имелась в таком важном промышленном и портовом центре, как Гамбург.

Коротков прекрасно понимал, что внешняя разведка уже серьезно ощущает утрату связи с ценными источниками, близкими к правящим и влиятельным кругам Германии. Крайне важно было иметь точную информацию о том, насколько серьезно руководство рейха относится к заключенному пакту, выполнению его положений, а также других соглашений, в частности, экономического и торгового характера.

Кое-что получала военная разведка от связки «Альта» —

«Ариец» (Ильза Штебе и Рудольф фон Шелиа), а также от «Рамзая» (Рихард Зорге из Японии). Но этого было недостаточно.

Сам же Харнак, человек по натуре хоть и смелый, но в то же время и крайне осмотрительный, никаких попыток связаться с советским полпредством в Берлине не предпринимал, справедливо полагая это необоснованным риском.

Много лет спустя выяснилось, что восстановить связь с ним было проще простого, если бы не хаос и неразбериха в ГУГБ после истребления старых кадров.

Дело в том, что в ноябре 1939 года Арвид Харнак… приезжал в Москву в составе многочисленной делегации посла Риттера по выработке торговых соглашений с СССР. С советской стороны переговоры возглавлял нарком внешней торговли Анастас Микоян.

В общей сложности делегация пробыла в Москве около трех месяцев, но состав ее менялся: одни эксперты уезжали, другие приезжали. Харнак пробыл в Москве недолго, около двух недель, каждый день ожидая, что вот-вот к нему подойдет «советский товарищ». Но… никто так и не подошел. Разумеется, контрразведка имела список всех членов германской делегации и вела за ними наблюдение. Однако контрразведчики и представления не имели, что член делегации доктор Харнак позарез нужен их коллегам из разведки.

Самое парадоксальное заключалось в том, что в составе делегации был еще один советский агент — но не НКВД, а военной разведки, сотрудник германского МИДа Герхард Кегель[53], коммунист и соратник Ильзы Штебе. Все время своего пребывания в Москве Кегель поддерживал связь с сотрудником Разведупра Красной Армии майором Константином Леонтьевым, в целях конспирации представлявшимся Павлом Петровым.

Арвид Харнак прекрасно знал, что в составе делегации и в персонале германского посольства имеются люди гестапо, фиксирующие каждый его шаг, как и других экспертов и консультантов.

У него хватило разума и выдержки не предпринимать самостоятельных шагов к установлению контактов с Лубянкой, от которой гостиницу «Националь», где он жил, отделяли лишь пять минут неторопливой ходьбы.

А может быть, его удерживала какая-то обида: он вполне мог расценить разрыв связи с ним как проявление недоверия с советской стороны.

Наш человек в гестапо

В последних числах августа 1940 года Александр Коротков вновь приехал в Берлин. На сей раз он поселился не в многоэтажном доме на Гейсбергерштрассе, 39 для сотрудников торгпредства, а в одной из гостевых комнат в помещении самого полпредства. Таких здесь было несколько — кое-кто из дипломатов жил даже в том здании, что выходило на Унтер-ден-Линден, большая же часть служащих, относящихся к техническому персоналу, обитали в глубине комплекса, в жилом доме на параллельной улице — Беренштрассе. Двери подъездов выходили только во внутренний двор, так что попасть на территорию полпредства или покинуть ее можно было только через единственные ворота с калиткой с Унтер-ден-Линден.

В первый же день, как положено Коротков представился полпреду и резиденту НКВД Амаяку Кобулову-«Захару». Резидент принял Короткова вполне любезно, даже по-кавказски гостеприимно. Он знал о высокой репутации разведчика у руководства, но в то же время прекрасно понимал, что Коротков ему не конкурент на высокую и престижную должность резидента в Берлине. К тому же был достаточно хитер, чтобы не мешать «Степанову» в выполнении его задания. Ему же, Кобулову-младшему, будет спокойнее, если вся ответственность в случае неудачи падет на заместителя, присланного из Центра.

Короткова такое положение вполне устраивало, тем более что он ни на миг не сомневался: его официальный начальник — человек опасный. Не теряя времени, он приступил к работе. Сотрудников в резидентуре тогда имелось всего ничего, более или менее успешно обустроился в Германии Борис Журавлев («Николай»)[54], прибывший сюда годом раньше в качестве заведующего консульским отделом. Впрочем, сейчас он занимал другую должность — представителя ВОКС в дипломатическом ранге атташе. Это оставляло ему больше времени и возможностей для основной, разведывательной работы. Журавлева Коротков немного знал по Москве, они служили в разных отделениях, однако регулярно встречались на стадионе «Динамо» в дни обязательных занятий физкультурой.

Как-то они вдвоем засиделись в кабинете. Борис был занят неотложной работой, от которой по техническим причинам нельзя было оторваться.

— Сходил бы ты за булочками, что ли, есть захотелось, — протянул Амаяк.

— Ну и сходи сам, — неосторожно ответил Журавлев, — ты

же сейчас свободен…

Разумеется, рядовому сотруднику не следовало так говорить с резидентом. Тот был вправе сделать ему по такому поводу внушение. Но в какой форме? Реакция Амаяка была неожиданной и страшной. Кобулов взорвался и, разом утратив все свое внешнее обаяние, заорал:

— Ты с кем разговариваешь? Захотел в подвал на Лубянку попасть? Так это мигом!

Позже Кобулов ничего подобного себе не позволял, вел себя с Борисом так, словно ничего особенного не произошло. Но Журавлев понял, что то была не пустая угроза, не слова, сгоряча вырвавшиеся из уст экспансивного кавказца.

Журавлев, в отличие от многих других сотрудников разведки, был дипломированным инженером, закончил МВТУ им. Баумана, успел год поработать на Московском электрозаводе, прежде чем его направили на учебу в школу НКВД.

У Бориса на связи было несколько агентов в Берлине и два в Гамбурге и Данциге. Официально он не имел права ездить туда, но регулярно делал это, подвергаясь определенному риску. В случае задержания он мог попросту «исчезнуть» в пути или погибнуть при «несчастном случае».

К моменту прибытия Короткова Журавлев успел в Берлине жениться на сотруднице торгпредства Варе Кудрявцевой, и теперь молодожены ждали ребенка.

Естественно, прежде чем приступить к выполнению своего главного задания, Александр день-другой побродил по городу, осмотрелся. Берлин изменился, вернее, не сама столица, как ее атмосфера. Во всем чувствовалась война.

Прежде всего — затемнение. В сентябре оно было не очень заметно, поскольку ночи стояли еще короткие, а немцы ложатся спать традиционно рано (и рано встают). Потому и в мирное время после десяти часов вечера свет в окнах жилых домов редкость. Но на главных улицах витрины магазинов, ресторанов, кинотеатров были наглухо зашторены, обычная для большого города неоновая реклама отключена.

Подметил Коротков и появление множества небольших, порой странной формы скверików. Несколько позже узнал, что острословы-берлинцы называли их «бомбенпарк», потому как их немедленно разбивали на месте разрушенных английскими бомбардировками зданий… Естественно, после того, как убирали руины. Только «слепые» стены домов справа и слева как бы намекали, что на пустом месте когда-то, вернее, совсем недавно, тоже стоял дом. Это делалось с целью замести следы налетов

английской авиации (а бомбили в ту осень часто и крепко) — ведь рейхсмаршал (это пышное и единственное в своем роде звание вместе с изготовленным в одном экземпляре «Великим Железным крестом», размером в ладонь, Герингу присвоили после побед над Польшей и Францией) когда-то поклялся, что ни одна вражеская бомба не упадет на германскую землю.

Первые бомбардировки вызвали у берлинцев настоящий шок. Чьи же бомбы, в таком случае, что ни ночь, падали на их головы, недоумевали они, если не вражеские, то неужто дружеские? Быть может, итальянские или даже японские?

Во время воздушных тревог поддерживалась строгая дисциплина: стоило только пронзительно завыть сиренам, как полицейские и бойцы местной противовоздушной обороны немедленно загоняли всех прохожих в ближайшее бомбоубежище, невзирая на чины и звания, в том числе и обладающих аккредитационными карточками дипломатов.

Началось строительство бункера и на территории советского полпредства. Его как раз успели закончить — оставалось лишь разместить внутреннее оборудование — как начался поход против Советского Союза. Так что воспользоваться им пришлось уже сотрудникам разместившегося в здании полпредства СССР (в нарушение, между прочим, международного права) имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Раз в неделю во всех кинотеатрах показывали сорокапятиминутные ленты военной кинохроники — «Вохеншоу», снятые высококвалифицированными операторами из так называемых «рот пропаганды» под личной эгидой рейхсминистра Геббельса. Короткова поразило обилие на этих сеансах (а он не пропускал ни одного выпуска — это тоже была информация, к тому же зрительно интересная) женщин, особенно пожилых. Потом выяснил: оказывается, Геббельс установил порядок, по которому каждая немка, увидевшая в «Вохеншоу» своего сына-фронтовика или мужа, имела право бесплатно получить фотоотпечаток этого кадра! Таким образом хитроумный рейхсминистр заставил едва ли не всю женскую половину населения страны смотреть еженедельные выпуски фронтовой, тогда еще только победной кинохроники и до боли в глазах жадно вглядываться в каждый кадр…

Почти все кондукторы в трамваях и автобусах теперь были женщины, встречались даже фрау-вагоновожатые, что прежде было просто немыслимо. Исчезли — были реквизированы на время войны — почти все частные автомобили, а такси, в целях экономии бензина, разрешалось пользоваться лишь для деловых поездок и в особо экстренных случаях, например при доставке

роженицы в больницу.

И карточки, почти на все, и продовольствие, и промышленные товары. Причем, нормы были установлены «научные», то есть достаточно скудные. Продовольственные карточки были очень дробными, некоторые талоны, размером в почтовую марку, к примеру на десять граммов мяса и подобное, чтобы можно было не только купить продукты домой, но и пообедать в заводской столовой или посидеть вечером в кафе. Только в дорогих итальянских ресторанах делалось исключение для спагетти — видимо, из уважения к дуче Бенито Муссолини.

На третий день в Берлине Коротков обнаружил, что у него не хватает галстука нужной расцветки и тут же подобрал подходящий в ближайшей лавочке. Но оказалось, что кроме денег за галстук полагается еще промтоварный купон, всего один. Но купона у него не было: дипломатов власти продовольственными карточками обеспечивали с избытком, но промтоварных купонов (немцы называли их «пунктами») не выдавали. Без купонов можно было купить только газету, карандаш, расческу, бритвенное лезвие, две или три сигареты. Курильщики норовили утром, до работы, обежать несколько табачных ларьков, чтобы набрать курева на день. Как ни уговаривал Коротков пожилую суровую фрау продать ему галстук без купона, но за двойную цену, та в ответ лишь непреклонно поджимала выцветшие губы и презрительно цедила что-то об «орднунге», то есть, порядке.

Для обеспечения дипломатов и иностранных корреспондентов промышленными товарами был выделен всего один на весь уже и тогда громадный Берлин универсальный магазин «Вертхайм» на Потсдаммерплац. Там дипломат мог отобрать неограниченное количество одежды, обуви, белья — чего угодно, товар при нем укладывался в пакет, который опечатывался и доставлялся в посольство. Там покупатель оплачивал покупку через бухгалтерию и наконец получал ее в свое распоряжение.

В военном быту были и смешные на сторонний взгляд моменты, однако вполне разумные с немецкой точки зрения: распоряжением Геббельса во всех общественных местах (кроме, разумеется, иностранных посольств, на время войны были запрещены… танцы!

Еще одна деталь: на всех станциях метро и городской железной дороги, просто на стенах домов, на заборах, даже в каждой пивной висел плакат с жутковатым изображением шпиона и предостерегающей надписью: «Тс-с! Враг подслушивает!»

Но было бы неверным полагать, что эти первые два-три дня Коротков совершал лишь экскурсии по городу и знакомился с

оперативными материалами, имевшимися в распоряжении резидентуры. Нет, конечно.

В контрразведке всех «серьезных» стран существует правило: они автоматически устанавливают наблюдение за каждым прибывающим в страну сотрудником полпредства, посольства, консульства, журналистом. Наблюдение ведется довольно долго, чтобы точно выявить, не является ли «объект» разведчиком. Поэтому, как правило, разведчик, прибыв в страну, первые недели, а то и месяцы никаких активных шагов не предпринимает: вникает в обстановку, знакомится с городом, изучает материалы своего предшественника, наконец просто обустраивается с семьей на новом месте. Разумеется, он должен также освоиться с теми обязанностями, которые возлагает на него должность-прикрытие.

У «Степанова» времени, да и надобности на длительное раскачивание просто не имелось. По счастью, он обнаружил, что никакого наблюдения за ним со стороны немецких спецслужб не велось. Это казалось удивительным, но факт оставался фактом. Никто не прилипал к нему на улице, лишь только он выходил за ворота полпредства, никто в бирхалле не сидел за столиком напротив, прикрываясь газетой, и так далее.

Коллеги в полпредстве объяснили: немцы демонстративно сняли почти всякое наблюдение за советскими дипломатами. (Исключение составлял лишь Амаяк Кобулов. Спецслужбы мгновенно вычислили, что именно он является резидентом НКВД — для этого, впрочем, достаточно было знать, чей он брат, — и сразу взяли под плотную опеку.) Во-первых, этим они давали понять, что доверяют Советскому Союзу, что намерены свято соблюдать пакт. С этой целью они даже пошли на вообще беспрецедентный шаг: показали советским специалистам новейшие самолеты-истребители, танки и некоторые другие виды вооружения. Тут, правда, крылась и еще одна цель — запугивание!

Во-первых, Рейнгард Гейдрих, шеф полиции безопасности и службы безопасности СД, был уверен и сумел убедить в этом Гитлера, что очистил Германию от иностранных разведчиков и коммунистического подполья. Доля истины в этом присутствовала. Правда, заслуга тут принадлежала не только Гейдриху, но и… бывшему советскому наркому внутренних дел Ежову и, правда в гораздо меньшей степени, нынешнему — Берии, изрядно прохудившим во многих местах собственную разведывательную сеть.

Без особых сложностей в первые же дни по прибытии в Германию Коротков выяснил, что оберрегирунгсрат доктор Арвид

Харнак как работал, так и продолжает работать в имперском министерстве экономики.

Затем методом личного наблюдения установил, что «Брайтенбах» каждое утро выходит из своего дома № 21 на Кармен-Сильверштрассе и едет на Курфюрстендам, 140, где размещался сектор «Е» (контрразведывательный), в котором он служил. Значит, с Вилли Леманом тоже все в порядке.

В начале сентября Коротков позвонил по телефону, указанному в оставленной «Брайтенбахом» записке, назвал пароль, а затем, в соответствии с условиями, договорился о личной встрече.

На следующий день он уже сидел за кружкой светлого пива в бирхалле на одной из улочек, вливающихся в Кантштрассе, неподалеку от вокзала «Цоо».

В назначенный час, много позднее окончания рабочего дня, в прокуренный зал вошел мужчина лет пятидесяти, чуть выше среднего роста, плотного сложения, с короткой, крепкой шеей и почти круглой головой. Уши и нос у него были специфически приплюснуты, похоже, в молодости он занимался либо борьбой, либо боксом, лоб высокий, с большой залысиной. Маленькие светлые глазки взирали на мир уверенно и цепко. Во всем его облике чувствовалась сила и обстоятельность. Ничего «гестаповского» в его внешности Коротков не углядел, но что-то от старого служаки, эдакого фельдфебеля-резервиста, в нем ощущалось.

«Брайтенбах» вычислил Короткова в достаточно людном зале безошибочно по описанию, приметам и, наверняка, интуиции. Контакт состоялся. Взаимопонимание и доверие было достигнуто сразу. Тому способствовал и привет, переданный «Брайтенбаху» от некоего чеха, «владельца рекламного бюро» — Василия Зарубина.

9 сентября, после донесения в Москву о встрече с «Брайтенбахом», «Степанов» получил из Центра шифровку, подписанную Берией:

«Никаких специальных заданий «Брайтенбаху» давать не следует. Нужно брать все, что находится в непосредственных его возможностях и, кроме того, что будет знать о работе против СССР различных разведок, в виде документов и личных докладов источника».

Коротков должен был признать, что нарком разбирается в тонкостях работы с ценными агентами, находящимися в особо опасных, экстремальных условиях: не нужно и чересчур активизировать, подвергая тем самым лишнему риску. «Брайтенбах» сам прекрасно понимает все и не нуждается в

подталкивании.

На следующей встрече (на первую Леман, конечно, пришел с пустыми руками) Коротков получил от него особенно ценный и полезный для работающих в Германии разведчиков документ: копию доклада Рейнгарда Гейдриха руководству рейха «О советской подрывной деятельности против Германии». Кроме того, он подробно описал реорганизацию нацистских спецслужб проведенную секретно в сентябре — октябре 1939 года. Эта информация позволила внести существенные коррективы в работу самого Короткова, его коллег, значительно ее обезопасить.

По ходу разговоров выяснилось, что за то время, когда связь с ним не поддерживалась, Вилли Леман, стал гауптштурмфюрером СС и криминаль-комиссаром по иерархии государственных чиновников в полиции.

— Мы с вами больше встречаться не будем, — расставаясь второй раз, сказал Коротков Леману — Дальнейший контакт будет поддерживать другой товарищ. И он подробно описал собеседнику внешность Бориса Журавлева.

Больше Коротков действительно никогда не видел Вилли Лемана. Зато Борис Журавлев за оставшиеся до нападения Германии на СССР девять месяцев встречался с «Брайтенбахом» не один раз и сохранил об этом человеке самые теплые воспоминания и по сей день.

Тут автор считает необходимым сделать следующее отступление. В появившихся в последнее время публикациям о Лемане прямо или косвенно утверждается, что его сотрудничество с советской разведкой основывалось не на идейной, а на чисто деловой основе. Это неверно. Авторов этих утверждений ввел в заблуждение тот факт, что советские разведчики «Брайтенбаху» деньги действительно давали. Но нужно понять следующее. Верно, в истории даже последних лет имеются примеры — недавние у всех на памяти, — когда иностранцы, имеющие доступ к тайнам, инициативно являлись в наше посольство или консульство и предлагали купить, скажем, шифры военно-морского флота своей страны. За огромные деньги, суммы порой исчислялись сотнями тысяч долларов.

Тут все ясно и недвусмысленно: агент работает из корыстных побуждений, ему безразлично, кому продать секретный документ, — кто больше заплатит, тот и получит. Случалось, одну и ту же информацию подобный «доброжелатель» продавал двум, а то и трем разведкам, иногда даже враждующих между собой стран.

Принципиально иное дело, когда разведка помогает своему агенту материально, попросту оказывает тому некое

вспомоществование: дает деньги в качестве компенсации каких-то расходов, на прожитие, отдых, учебу детей в университете, на лечение (тому же Леману своевременная денежная помощь, как мы знаем, спасла жизнь), в связи с каким-либо несчастьем в семье. В таких случаях никак нельзя утверждать, что агент работает за деньги. В конце концов, кадровый сотрудник разведки тоже получает жалованье от своего ведомства.

Вот что рассказал автору последний советский разведчик, поддерживавший связь с «Брайтенбахом» в роковые месяцы, недели и дни перед войной — Борис Журавлев:

— Я и сегодня ни минуты не сомневаюсь, что «Брайтенбах» работал исключительно на идейной основе. Хоть и кадровый полицейский, он был антинацистом. Возможно, даже именно поэтому. Тем более, что, очутившись в гестапо, видел изнутри, насколько преступлен гитлеровский режим, какие несчастья он несет немецкому народу.

В самом деле, после временного разрыва с нами связи, он сам восстановил ее в 1940 году, прекрасно сознавая, что в случае разоблачения ему грозит не увольнение со службы, не тюрьма, а мучительные пытки в подвалах своего ведомства и неминуемая казнь. Такой судьбой никого и ни за какие деньги не соблазнишь. К тому же, «Брайтенбах» был человеком в годах, без юношеской экзальтации и романтизма, он все прекрасно понимал и шел на смертельный риск совершенно осознанно.

В больших деньгах он не нуждался, был бездетен, не играл на бегах, не собирался покупать яхту, вел скромный образ жизни.

Да, я иногда передавал ему деньги, поверьте, то были очень скромные суммы, на которые не разгуляешься. Их надо считать не платой за информацию, а лишь своеобразным пособием для приличного существования. К слову сказать, он куда больше радовался продовольственным карточкам, которыми я его порой снабжал. По ним он имел возможность — в Германии тогда все продукты были строго рационированы — хорошо пообедать (в ресторане официант отрезал один, или два талона, в зависимости от заказа), или купить в отдаленном от дома магазине (в ближних его знали) лишние 200–300 граммов мяса, чтобы нормально поела и жена…

— Кроме того, — добавил, подумав, Борис Николаевич, — когда вы встречаетесь с человеком, разговариваете с ним, и не только о делах, вы начинаете ощущать, чем он дышит… Я никогда не забуду отчаяния в его глазах при нашей последней встрече за три дня до начала войны. Это были страдающие глаза моего собрата и соратника по борьбе с нацизмом, а не глаза платного информатора. Я и обращался к нему не по псевдониму,

а «геноссе» — «товарищ».

Дебри нацистских спецслужб

Изучение структуры, организации, методов работы, установление личности руководителей, ответственных сотрудников и оперативных работников спецслужб противника всегда входило в обязанности, составляло круг жизненно важных интересов разведчиков. Соответствующая информация собирается скрупулезно и пополняется, уточняется, анализируется годами, при этом используется и открытая информация, скажем, официальная хроника, публикуемая в газетах, и полученная от агентуры. Мечта любой разведки — агентурное проникновение в спецслужбы, либо путем внедрения в них своего человека, либо вербовки на какой-нибудь серьезной основе ее действующего сотрудника, или, на худой конец, незаметного служащего из технического персонала.

Спецслужбы нацистской Германии были многочисленны, структуры сложны и запутаны, они дублировали друг друга и — ревностно и дотошно шпионили друг за другом. И не только из-за обычной межведомственной конкуренции. Нет. То было сознательной практикой Гитлера и не только применительно к спецслужбам, но и ко всем сферам государственной и партийной деятельности.

Изучить работу спецслужб гитлеровской Германии Александр Коротков, естественно, старался еще в Москве, готовясь к командировке: читал соответствующую литературу, имевшуюся в библиотеке НКВД, отчеты разведчиков — своих предшественников, книги бежавших за границу бывших соратников фюрера, разочаровавшихся в «движении». В частности, много полезного почерпнул он из переведенной на русский язык и вышедшей в СССР в 1935 году тиражом всего в 10 тысяч экземпляров книги немецкого журналиста-эмигранта Конрада Гейдена «История германского фашизма».

Ну и, само собой, встречался и расспрашивал, выпытывая мельчайшие подробности у товарищей, побывавших в Германии ранее, пусть даже непродолжительное время. Много полезного и поучительного почерпнул Коротков из бесед с Василием Михайловичем Зарубиным, а также его женой Елизаветой Юльевной. Одно время именно у Зарубиных состоял на связи «Брайтенбах», который первым дал достаточно подробное и достоверное описание того зловещего учреждения, которое после прихода Гитлера к власти стало известно во всем мире под названием гестапо. Это хлесткое, словно удар плети, словцо стало знаковым для всего самого страшного, что происходило в

Германии.

И по сей день в художественной и даже претендующей на историчность литературе едва ли не все карательные и разведывательные учреждения гитлеровцев, в том числе и на оккупированной территории Советского Союза, называют одним словом — гестапо. Меж тем, компетенция этого ведомства на данные территории не распространялась.

Из-за одного этого обстоятельства автор полагает полезным довести для сведения современного российского читателя то, что знал Александр Коротков, когда ему пришлось иметь дело с гитлеровскими спецслужбами и в предвоенные годы, и в период Великой Отечественной войны.

Начинать надо лет за двенадцать до прихода Гитлера к власти, которой он обладал тоже двенадцать с небольшим лет.

Нацистская[55] партия — полное название «Германская национал-социалистическая рабочая партия» была единственной политической партией в стране, которая почти с первых дней существования стала формировать собственную вооруженную силу.

В какой-то степени нацисты опирались на старую немецкую традицию создания разнообразных общественных, всегда хорошо организованных образований, начиная от музыкальных и певческих «ферейнов», всяческих культурных «бундов», спортивных клубов, студенческих корпораций и вплоть до союзов ветеранов-однополчан.

После Первой мировой войны в Германии появились милитаристские, реваншистские по духу союзы вроде «Стального шлема».

Уже самое название формирований, которые Гитлер начал сколачивать в середине 1921 года, красноречиво говорило о многом: «штурмабтайлунген» — «штурмовые отряды», или сокращенно СА. В отряды штурмовиков, построенные по территориальному принципу и военному образцу, вливались тысячи добровольцев, привлеченные умелой демагогией Гитлера и других вожаков «движения». В большинстве своем это были недавние участники Первой мировой войны, социально дезориентированные, озлобленные поражением Германии, унизительными условиями Версальского договора, безработицей, чудовищной инфляцией, нищетой. С самого начала к ним присоединилось много деклассированных люмпенов, а также откровенных уголовников. Примечательно, что среди даже ближайших соратников фюрера едва ли не половина имела судимости за серьезные преступления, вплоть до убийства, у иных наблюдались явные отклонения в психике. Так,

предводитель штурмовиков Эрнст Рем был гомосексуалистом, Герман Геринг наркоманом, Роберт Лей — тяжелым алкоголиком, Юлиус Штрейхер патологическим антисемитом.

От членов других военизированных организаций штурмовиков отличала крайняя агрессивность, постоянная готовность и нацеленность на кровавые драки, даже убийства.

Политическая программа Гитлера — знаменитые «Двадцать пять пунктов», умещающиеся на полутора страничках машинописного текста, была до изумления примитивной и абсолютно нереальной для выполнения, но ориентированной именно на таких людей, вернее, на питающие их классы и социальные слои населения. А потому и «работала».

Создатели штурмовых отрядов придумали несколько весьма эффективных приемов, чтобы, помимо социальной демагогии, привлечь в СА прежде всего молодых людей. При этом использовалась давняя притягательность в глазах немцев, и мужчин, и женщин, униформы, символики, всяческой атрибутики.

Для штурмовиков придумали броскую и жутковатую униформу: коричневая рубашка, черные бриджи, круглые шапочки с козырьком, высокие сапоги, нарукавная повязка красного цвета, с белым кругом и черной свастикой в центре. Этот основной символ нацистов — древняя свастика, крест с изломанными по часовой стрелке концами — явился для Гитлера настоящей находкой.

И титулование: в СА, а позднее и в СС, все командиры именовались фюрерами, то есть, вождями, руководителями. Начиная от роттенфюрера (примерно соответствующего чину ефрейтора в армию) до самого высокого: оберстер-СА-фюрера. Это звание носил сам Адольф Гитлер. Потом придумали много всякого другого: ночные факельные шествия, штандарты, «нацистское» приветствие и прочее.

К моменту прихода НСДАП к власти в СА состояло уже около трех миллионов человек. К этому времени Гитлер создал в недрах штурмовых отрядов и в противовес им новую военизированную структуру, которая в конечном счете свела на нет влияние и угрозу со стороны СА. Это были так называемые шутцштаффельн — охранные части, или сокращенно «СС». В отличие от коричневых рубашек СА повседневная униформа СС была черной. Эмблемой СС стало серебристое изображение «мертвой головы» (черепа над скрещенными костями) и рунические знаки-молнии «, соответствующие латинским литерам «SS».

Лейбвахе — личная стража Гитлера, сформированная еще в 1923 году и преобразованная вскоре в Ударный отряд «Адольф Гитлер» и стала основой СС. Поначалу эсэсовцев было не более

двухсот.

Почему-то распространено убеждение, что бессменным имперским руководителем — рейхсфюрером СС был тощий узкоплечий человек с тонкими, бескровными губами, с щеточкой усов под Гитлера, в пенсне — Генрих Гиммлер. На самом деле бывший владелец куриной фермы в местечке Трудеринг под Мюнхеном стал третьим на этом посту. До него рейхсфюрерами СС были забытые ныне Йозеф Берхтольд и Эрхард Хейден.

В отличие от других ближайших сподвижников Гитлера и его самого только Гиммлер (по возрасту) и Геббельс (по инвалидности с детства) не участвовали в Первой мировой войне, и оба страдали из-за этого определенной ущербностью, которую пытались компенсировать повышенной воинственностью. Возможно, по этой причине Гиммлер до конца жизни верил во всевозможную древнегерманскую, тибетскую и прочую мистику.

Примечательно, что главный нацистский палач, занявший пост рейхсфюрера СС 6 января 1929 года, а впоследствии ставший шефом всей германской полиции, ответственный за мучиническую смерть миллионов людей, болезненно не выносил вида крови. Когда однажды при посещении тюрьмы в Минске ему продемонстрировали три вида казни, невозмутимого до сих пор рейхсфюрера замутило.

Под началом Гиммлера численность СС стала быстро возрастать, и к моменту прихода Гитлера к власти достигла 30 тысяч человек. То есть, примерно в сто раз меньше, чем штурмовиков, но, в отличие от диких нравов и разнузданности, ставших нормой в СА, в СС царила железная дисциплина и организованность, что делало эти отряды куда более надежными и боеспособными.

Так называемые Общие СС (Альгемайне СС) формировались на территориях, в правой петлице установленного для той или иной территории цвета проставлялся номер полка (штандарта), или иной части, в левой — знаки различия. Погон носился только на одном — правом плече. Начиная со звания штандартенфюрера (приравненного к чину полковника в армии) знаки различия носились в обеих петлицах.

Эсэсовские части такой численности нужны были Гитлеру вовсе не для личной охраны — с этой задачей вполне справлялась хорошо обученная рота. Нет, он предвидел неизбежность столкновения с определенной, причем значительной частью штурмовиков и готовился к этому. Причем, на всей территории Германии.

Именно невозможность претворить в жизнь те пункты программы НСДАП, которые сулили большинству штурмовиков

ликвидацию социальной несправедливости и всевозможные блага, вызванное этим их глубокое и опасное недовольство, привели к знаменитой «ночи длинных ножей» 30 июня (на самом деле резня длилась до 2 июля) 1934 года. Чтобы в зародыше подавить чреватое взрывом разочарование тех, кто привел его к власти, Гитлер отдал своей преторианской гвардии приказ вырезать несколько сот (а по некоторым данным до пяти тысяч) самых влиятельных штурмовиков, начиная с самого начальника штаба отрядов СА, когда-то ближайшего сподвижника и друга Эрнста Рема. (В качестве фюрера и рейхсканцлера Гитлер оставался на «ты» лишь с четырьмя лицами из своего окружения — Рем был одним из них.)

Кроме штурмовиков в «ночь длинных ножей» были убиты и несколько высокопоставленных генералов и офицеров, а также гражданских политиков, которых фюрер счел опасными для себя, а потому «лишними».

Агент «Брайтенбах» всю эту кровавую ночь находился в Берлине рядом с Герингом и потому был свидетелем событий, о чем и рассказал подробно Василию Зарубину. Когда о деталях расправы сообщили Сталину, тот задумался на минуту, а потом молвил: «Молодец этот Гитлер! Вот как следует поступать с политическими врагами!»

После «ночи длинных ножей» СС «за особые заслуги» были выведены из состава СА и стали самостоятельной структурой НСДАП, к этому времени они к тому же были наделены правами вспомогательной полиции.

Со временем стали формироваться воинские единицы СС: звенья (ротте), отделения (шар), взводы (трупп), роты (штурм), батальоны (бан), полки (штандартен), бригады (бригаде) а перед самой войной и входе в нее даже дивизии и корпуса[56].

В отличие от СА, куда мог записаться без хлопот, в сущности, любой желающий, особенно, если он обладал бычьей шеей и чугунными кулаками, в СС кандидатов отбирали (позднее с этой целью были созданы даже специальные школы). Критериями здесь служили расовая чистота, крепкое здоровье, абсолютная и безграничная преданность лично фюреру Адольфу Гитлеру.

Кандидат в солдаты эсэсовских частей должен был представить документы, доказывающие его арийское происхождение до 1800 года, претендент на офицерский погон — до 1750-го.

Членство в СС обеспечивало успешную карьеру на любом поприще. Постепенно едва ли не все партийные бонзы и государственные чиновники высшего эшелона стали обладателями эсэсовских званий, хотя никаких должностей в

структурах собственно СС не занимали. Этого Гиммлер достиг хитроумным ходом: он стал присваивать партийным шишкам и министрам звания «почетных фюреров» (эренфюреров) СС. Высшими партийными отраслевыми руководителями были так называемые рейхслейтеры, числом около двадцати. Все они одновременно (кроме Виктора Лютце, ставшего после убийства Рема начальником штаба отрядов СА) были и обергруппенфюрерами СС, а казначей партии Франц Ксавер Шварц даже одним из пяти оберстгруппенфюреров СС[57].

Территориально вся Германия была поделена на 42 гау (области), включая часть присоединенной к рейху западной Польши. Она стала именоваться Вартланд с центром в Познани (по-немецки Позен). Гаулейтер — Артур Грейзер. Отдельным гау считалась также «Организация зарубежных немцев» во главе с гаулейтером Эрнстом Боле. Гау делились на округа — крайсы и так далее, вплоть до блоков — квартальных звеньев. Гаулейтеры и крайслейтеры назначались лично фюрером и несли ответственность только перед ним. К слову сказать, в литературе часто, когда речь идет о Геббельсе, упор делается на его деятельность в качестве рейхсминистра просвещения и пропаганды. Между тем Геббельс с 1926 года являлся гаулейтером Берлина. Именно власть столичного гаулейтера позволила Геббельсу энергично в зародыше подавить намечаемый мятеж берлинского гарнизона после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года.

В эсэсовской иерархии партийные руководители получали эсэсовские звания от унтерштурмфюрера (блоклейтеры) до штандартенфюрера, оберфюрера, бригадефюрера, группенфюрера и обергруппенфюрера СС (гаулейтеры, в зависимости от размера и значения гау).

Таким образом, высшие партийные и государственные бонзы по линии СС как бы оказались в определенной зависимости от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Рейхсфюрер СС, как и просто фюрер Гитлер, никогда полностью не доверял военным, особенно высшего ранга, в большинстве своем принадлежащим к старинным дворянским, даже аристократическим, порой титулованным родам, в душе сохранившим приверженность к монархии. (Нелишне напомнить, что руководитель военного заговора 20 июля 1944 года полковник Клаус Шенк фон Штауффенбер был графом.) Поэтому он не выпускал воинские части СС из-под своего контроля. Во время боевых действий они подчинялись военному командованию только в стратегическом и тактическом отношении.

Атрибутом формы «черных СС» был обоюдоострый кинжал

своеобразной формы, на рукоятке которого кроме серебряного орла со свастикой в когтях присутствовали руны «, а на широком лезвии великолепной золингеновской стали был выгравирован девиз: «Моя честь — верность».

Свои первые мундиры 18-летние кандидаты в СС надевали 9 ноября в честь годовщины Мюнхенского путча 1923 года. 30 января — в годовщину прихода Гитлера к власти — им вручали временные удостоверения СС. 20 апреля, в день рождения фюрера, они принимали присягу на верность Адольфу Гитлеру, как вождю и канцлеру германского рейха, и получали постоянные удостоверения.

Германский МИД и отдел внешних сношений НСДАП регулярно присылали в советское полпредство, как и в посольства других стран, приглашения на некоторые съезды, торжественные собрания, митинги. На одно из таких сборищ в зале оперы «Кроль» попал как-то и Коротков. С удивлением увидел, что, если не считать некоторого вкрапления офицеров и генералов вермахта, едва ли не каждый мужчина в зале был облачен в черный эсэсовский мундир, даже министр иностранных дел фон Риббентроп. Из высших нацистских бонз один лишь Геринг выделялся каким-то фантастическим одеянием из серебристой парчи, увешанном к тому же множеством звезд, крестов и медалей. Злые языки в Берлине утверждали, что эту форму Геринг придумал для себя сам.

Солдаты и офицеры войск СС носили общевоинскую униформу знаменитого цвета «фельдграу» (защитно-серого), но с некоторыми отличиями. Так, у эсэсовцев орел со свастикой в когтях переместился с правой стороны френча, над карманом, на левый рукав, чуть выше локтя. Кокарду на околыше фуражки или пилотке заменила эмблема «мертвая голова». Военнослужащие войск СС носили обычные погоны на обоих плечах, но в петлицах сохранили эсэсовские знаки различия.

В отличие от номерных армейских, почти все эсэсовские соединения носили громкие наименования: Лейбштандарт «Адольф Гитлер»[58], «Мертвая голова»[59], «Германия», «Гитлерюгенд», «Викинг»… Название дивизии или бригады было вышито на ленте по обшлагу левого рукава.

Офицеры СС часто имели двойные звания, если они служили в войсках или полиции. К примеру, кинематографический Штирлиц имел звания штандартенфюрера СС и полковника войск СС. Его же противник, уже лицо реально существовавшее, шеф гестапо Генрих Мюллер к концу своей карьеры имел звания группенфюрера СС и, соответственно, генерал-лейтенанта полиции.

Все эсэсовцы считались как бы побратимами, поэтому к старшим по званию, вплоть до самого Гиммлера, обращались просто по званию, без предстоящего слова «господин». Например, «Штандартенфюрер!». Однако в войсках СС полагалось обращаться сообразно воинскому уставу: «Господин полковник!»

В возрасте от 25 до 30 лет офицер СС обязан был жениться[60], при этом его невеста также должна была пройти освидетельствование на предмет расовой чистоты и физического здоровья. Преданность фюреру с ее стороны также была обязательна. На свадьбе молодоженам вручалось специальное, подарочное издание книги фюрера «Моя борьба».

Первоначально личный состав войск СС комплектовался исключительно из добровольцев. Однако в ходе Второй мировой войны из-за больших потерь в живой силе их стали пополнять обычными призывниками. Более того, одна из самых известных своей жестокостью бригад СС — так называемая Бригада Дирливангера (по имени ее командира, бригадефюрера СС) была укомплектована… досрочно освобожденными уголовниками. Имел судимость и сам Оскар Дирливангер.

По той же причине Гиммлер начал формировать из числа фашиствующих молодых людей-иностранцев национальные части СС, в которых, однако, как правило, старшие офицеры были немцами. Так появились соединения «Латвия», «Эстония», «Хуньяди» (из венгров), «Шарлемань» (из французов), «Валлония» (из бельгийцев), «Галиция» (из украинцев западных областей, формировалась во Львове). Были и подразделения помельче, они получили наименования легионов — из уроженцев Кавказа, Средней Азии, даже индийцев, англичан, боснийцев…

Наконец, в системе СС были образованы весьма специфические подразделения особого назначения — части «Мертвая голова» для охраны концлагерей вместо обычной тюремной стражи. Эсэсовцы этих частей в качестве опознавательного знака носили в петлицах изображение черепа со скрещенными костями. (Из-за этого на оккупированной территории СССР за эсэсовцев часто принимали обычных танкистов, которые носили черные тужурки с такими же «мертвыми головами» в петлицах. К слову сказать, в наших кинофильмах часто в правой петлице у всех эсэсовцев присутствуют руны. На самом деле их носили только военнослужащие некоторых именных дивизий и ряда иных подразделений СС.)

Гитлер не ограничился созданием собственных вооруженных сил — отрядов СС. Еще до прихода нацистов к власти Гиммлер начал по его указанию формировать и личную политическую

полицию фюрера. Первоначально в СС появился немногочисленный информационный отдел под кодовым названием IC. В августе 1931 года его реорганизовали в службу безопасности — «зихерхайтдинст», или, сокращенно, СД. Ее организатором и руководителем вплоть до своей гибели весной 1942 года был Рейнгард Гейдрих, которому тогда исполнилось всего тридцать семь лет.

Это был высокий стройный блондин с тонкими чертами несколько асимметричного лица со странно высоким, почти женским голосом. Спортсмен, один из лучших фехтовальщиков Германии, и великолепный скрипач, который вполне мог бы заслужить на музыкальном поприще куда более достойную известность, если бы… если бы не являлся, по образному выражению некоего американского журналиста, прирожденным интеллектуальным гангстером.

Примечательно, что в СД Гейдрих получил прозвище «Падший ангел».

Когда Гейдриха представили Гитлеру, фюрер после не очень продолжительного разговора с ним, проницательно заметил Гиммлеру: — Это очень способный, но и очень опасный человек.

И Гиммлер запомнил эти слова…

Выразительную характеристику дал Гейдриху в своих послевоенных воспоминаниях его бывший подчиненный, шеф внешней разведки Главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг:

«Этот человек был невидимым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим… Он намного превосходил своих коллег-политиков и контролировал их, так же как он контролировал огромную разведывательную машину СД.

…Его необычайно развитый ум дополнялся не менее развитыми недремлющими инстинктами хищного животного, всегда ожидающего опасность, всегда готового действовать быстро и беспощадно».

Совсем юным курсантом Гейдрих начал военную службу в 1922 году на учебном крейсере «Берлин» под началом капитан-лейтенанта Вильгельма Канариса — будущего шефа абвера и вечного соперника будущего шефа СД.

В 1931 году Гейдрих уже и сам в чине капитан-лейтенанта был с флота уволен по нехорошей статье — за нарушение офицерского кодекса чести (отказ от обещания жениться), после чего вступил в СС и быстро выдвинулся. К 1933 году он уже был оберфюрером СС (в армии аналога этому званию не было. Оберфюрер СС носил две веточки в петлицах, но погоны полковника, как и штандартенфюрер, с одной веточкой). В конце

своей карьеры Гейдрих был обергруппенфюрером СС и генералом войск СС. Звание оберстгруппенфюрера СС стало присваиваться уже после его смерти[61].

Вначале СД собирало информацию о деятелях политических партий и общественных организаций противников, но затем и союзников НСДАП. Дальше — больше… Так было положено начало знаменитой картотеке СД. В особо засекреченном разделе стояли карточки, фиксирующие взгляд, связи, пристрастия, слабости, недостатки, пороки руководящего состава штурмовых отрядов и некоторых деталей той же НСДАП. В конце концов картотека охватила всех мало-мальски заметных фигур Германии: коммунистов, социал-демократов, профсоюзных и общественных деятелей, либералов, церковников. Затем в ней стали появляться фамилии банкиров, промышленников, государственных служащих, военных… Еще один важный раздел стал стремительно расширяться после прихода Гитлера к власти — зарубежных деятелей, по той или иной причине интересующих службу безопасности.

Когда в ходе войны было принято сверхсекретное решение начать с подрывной целью выпуск фальшивых заграничных банкнот, в частности, английских фунтов стерлингов, с помощью СД без труда были собраны в особом блоке одного из концлагерей лучшие фальшивомонетчики Европы.

Естественным путем произошло деление СД на внутреннюю («СД-инланд») и внешнюю («СД-аусланд»). Первую возглавил Отто Олендорф (последнее звание бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС), вторую — Гейнц Йост, оберфюрер СС и полковник войск СС. Кроме того, Гейдрих образовал в недрах СД особое аналитическое подразделение, тогда это было нововведением в спецслужбах мировых держав.

Щупальцы СД стали подбираться и к официальной, то есть, государственной полиции. В Германии всегда было много видов полиции. В каждой земле (провинции) имелась и своя собственная, подчинявшаяся земельному министру внутренних дел. Самой многочисленной была «орднунгполицай» (полиция порядка), сокращенно орпо. В нее входила патрульно-постовая служба (уличные шупо с их традиционными каскетками), местная полиция, сельская жандармерия, а также пожарная охрана. Большим влиянием пользовалась уголовная полиция — «криминальполицай», сокращенно крипо. Ее сотрудники, как правило, ходили в штатской одежде, хотя имели и чиновничьи, и полицейские чины и звания[62].

В криминальной полиции имелись ранее и политические отделы.

После января 1933 года многие «ненадежные» сотрудники полиции были уволены или переведены на второстепенные должности. Их место заняли «надежные», то есть, нацисты, в том числе ранее никакого отношения к специфической полицейской работе не имевшие. Впрочем, некоторым из них приходилось сталкиваться в своей жизни с полицией — в связи со своим уголовным прошлым…

Теперь самое время вкратце и обобщенно изложить достаточно запутанную историю возникновения гестапо. До сих пор многие полагают, что это страшное учреждение породил Генрих Гиммлер. Но это не так. На самом деле его создал «наци номер два» Герман Геринг, когда в 1933 году занял не только пост председателя рейхстага, рейхсминистра, комиссара по делам авиации, но также министра-председателя и министра внутренних дел Пруссии — самой крупной и влиятельной из всех земель Германии.

Новую разновидность полиции, подчиненную лично ему, Геринг образовал на основе политического отдела 1А прусской полиции. Этот отдел размещался в огромном здании штаб-квартиры полиции на Алексадерплац, в нем же располагалась и большая следственная тюрьма.

Перебрав несколько вариантов, Геринг дал новому учреждению длинное название: «Тайная государственная полиция». Неведомый чиновник на берлинском почтамте, которому выпало обрабатывать корреспонденцию этого учреждения, устал по многу раз в день надписывать длинное название и начал в регистрационных книгах и иных бумагах писать сокращенно по первым слогам немецкого названия «гехаймештаатсполицай» — гестапо. Аббревиатура прижилась и прочно вошла в обиход.

Первым руководителем гестапо Геринг назначил своего ставленника (а позднее и свойственника) Рудольфа Дильса.

Дильс довел численность бывшего политического отдела с шестидесяти до двухсот пятидесяти человек. Затем Геринг сделал гестапо независимым от министерства внутренних дел — теперь оно подчинялось ем лично напрямую. По приказу Геринга был образован и первый концлагерь при нацистском режиме в Ораниенбурге близ Берлина. Гестапо получило и свою секретную тюрьму — бывшую военную — «Колумбияхауз» на Папештрассе близ аэропорта Темпельгоф. На нее не распространялись никакие законы и правила содержания подследственных и заключенных. Здесь противников режима зверски пытали, а зачастую и убивали без суда.

Укрепившись во власти, нацисты решили, что оставаться

гестапо и дальше в одном здании с обыкновенной городской полицией негоже. Для размещения своей спецслужбы они избрали территорию в виде неправильной формы квадрата, образованного улицами Принц-Альбрехтштрассе, Вильгельмштрассе, Ангальтштрассе (неподалеку от одноименного вокзала) и Штреземанштрассе.

Место было выбрано еще и потому, что примыкало к знаменитой Вильгельмштрассе с ее правительственным кварталом, где располагались рейхсканцелярия Гитлера, министерство иностранных дел, министерство пропаганды и просвещения, прочие ведомства, некоторые посольства. Тут же, на углу с Лейпцигерштрассе, выросло громадное помпезное здание министерства авиации Геринга.

Гестапо расположилось в импозантном пятиэтажном здании в стиле модерн, в котором некогда находилась Школа прикладных и декоративных искусств по Принц-Альбрехтштрассе, 8[63]. После того как Генрих Гиммлер 20 апреля 1934 года стал «инспектором» прусской тайной полиции, он тоже въехал со своим штатом в это здание.

Студии в подвальном этаже бывшей школы переоборудовали, кое-что достроили и получилась… «хаузгефенгнис» — печально знаменитая внутренняя тюрьма гестапо, где имелось тридцать шесть узких, как пенал, одиночных и одна общая камера. Одновременно здесь могло содержаться не более пятидесяти арестованных. Вопреки широко распространенному представлению, в камерах никаких допросов не проводилось, это было просто невозможно из-за их размера. Допрашивали в кабинетах следователей на верхних этажах. Из-за ограниченной вместимости «хаузгефенгнис» основную часть заключенных, числившихся за гестапо, содержали в других тюрьмах города, в той же полицейской тюрьме на Александерплац, к примеру. Утром их доставляли на Принц-Альбрехтштрассе на допрос, а вечером увозили обратно.

В ноябре 1934 года следом за Гиммлером из Мюнхена в Берлин перебралось все руководство СС и разместилось в бывшем «Отделе Принц-Альбрехт» на Принц-Альбрехтштрассе, 9. Это здание в обиходе стали называть «Домом СС». Глава службы безопасности СД Рейнгард Гейдрих занял примыкающее, входящее уже на Вильгельмштрассе, 102 здание, известное ранее как «Принц-Альбрехт-паласт».

Зимой 1945 года здание гестапо было частично разрушено при бомбардировке, но тюрьма уцелела и продолжала функционировать. Последних заключенных эсэсовцы вывели из камер в ночь на 24 апреля и расстреляли тут же в развалинах.

Каким-то чудом спаслись шесть человек, должно быть, их просто не нашли в темноте…[64]

Со временем щупальца нацистских спецслужб расползлись по всему городу и его окрестностям. Управления СС, СД и гестапо занимали в разных районах Берлина от Вайсензее на востоке до Ванзее на западе свыше тридцати зданий, сотни конспиративных квартир.

Так, отдел зондерреферата оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана («Юденреферат») впоследствии располагался в весьма респектабельном здании на Кюрфюрстенштрассе, 115–116 в районе Тиргартен. Когда основное здание гестапо было разрушено, лишившийся своего рабочего места Мюллер перебрался именно сюда.

Центральный аппарат ведомства бригадефюрера СС Вальтера Шелленберга — «СД-аусланд» обосновался, как это принято у всех разведок, несколько на отшибе: в большом здании на Беркаерштрассе, 32 в районе Шмаргендорф. Ранее это был дом престарелых еврейской общины Берлина.

Основной сферой деятельности гестапо с самого начала стало расследование козней враждебных государству сил вначале на территории Пруссии, а затем и всего «третьего рейха». Таким образом, политические отделы полиции превратились в самостоятельное ведомство. В отличие от полиции порядка, гестапо и уголовная полиция получили объединяющее название «зихерхайтсполицай» (полиция безопасности), или сокращенно зипо.

Со временем Гиммлер добился того, что Гейдрих был назначен начальником полиции безопасности, тем самым совместив должность в государственном аппарате с постом шефа СД в СС. Прусское гестапо к этому моменту фактически вышло из-под контроля Геринга и превратилось в центральный аппарат гестапо всей страны. На Гиммлера сработало то обстоятельство, что «нацi номер два» несколько утратил тогда интерес к гестапо, увлекшись созданием министерства авиации (канцлер Гинденбург присвоил отставному капитану звание сразу генерал-полковника!). Однако Геринг оставил при себе весьма важное учреждение, им же созданное — так называемое Бюро расследований (форшунгсамт). На самом деле эта служба осуществляла наблюдение и контроль за всеми радиопередачами.

Для закрепления эсэсовского влияния служащие и оперативные сотрудники полицейских учреждений стали получать соответствующие их должностям и рангу эсэсовские звания. Так, заместителем Гейдриха по отделу политической полиции (еще до официальной реорганизации) стал тогда

оберрегирунгсрат (старший правительственный советник) и оберкриминальрат (старший советник уголовной полиции), а также одновременно полковник полиции и штандартенфюрер СС Генрих Мюллер.

В ведомстве Мюллера выделялись работоспособностью, образованием, профессионализмом и умом два офицера, которым, как и Гейдриху, лучше всего подходит определение «интеллектуальные гангстеры» — Вальтер Шелленберг и Адольф Эйхман. Первый поначалу занимался в гестапо политической контрразведкой, второй — «еврейским вопросом».

Именно Шелленберг оставил наиболее выразительное и точное описание внешности своего тогдашнего шефа.

«Мюллер был сдержан и немногословен, имел типичный баварский акцент. Маленький, коренастый… с угловатым черепом, с тонкими сжатыми губами и холодными карими глазами, которые почти постоянно были наполовину прикрыты подергивающимися веками… Его большие руки с толстыми, узловатыми пальцами оставляли жуткое впечатление…»

Одно время Мюллер носил странную прическу: стригся по окружности машинкой почти наголо, только спереди оставляя прядь волос, разделенную посредине аккуратным пробором.

Генрих Мюллер родился в 1900 году в Мюнхене, в 14 лет поступил учеником в Баварские авиационные мастерские, в 17 лет ушел добровольцем на войну, стал летчиком. За полгода боевых действий настолько отличился, что был награжден «Железными крестами» второго и первого класса, «Баварским крестом» с короной и мечами, несколькими почетными знаками.

Уволившись после войны из армии в чине фельдфебеля (в личном деле записано, что он, к тому же, инвалид войны), Мюллер поступил на службу в полицию на самую что ни на есть скромную должность. В 1934 году Мюллера заметил Гейдрих и перевел из Баварии в Берлин, поскольку у того уже сложилась репутация высокопрофессионального и цепкого криминалиста. До сих пор жива легенда, что в свое время Мюллер якобы добросовестно выслеживал национал-социалистов. Это не соответствует действительности. Преследованием «наци» он никогда не занимался ни по приказу начальства, ни по собственной инициативе.

Человек, ставший самым знаменитым из всех своих бесчисленных однофамильцев[65], вошедший в черные страницы истории Германии под прозвищем «Мюллер-гестапо» отличался невероятной даже для немцев работоспособностью, высоким профессионализмом и феноменальной памятью: он помнил имена и «специализацию» даже самых незначительных

осведомителей, с которыми когда-либо имел дело.

Все сослуживцы отмечали скромность шефа в быту и непритязательность. Он почти не пил спиртного (и то в столице пива Мюнхене!), правда, был заядлым курильщиком бразильских сигар. Как и Гейдрих, был очень музыкален, превосходно играл на рояле, хорошо рисовал и был очень сильным шахматистом. (Один из его сотрудников вспоминал, что группенфюрер любил в начале партии поддаться сопернику, довести партию почти до проигрыша, а затем неожиданным ходом внести в игру перелом и одержать победу.) Один из вечером в неделю, если позволяла обстановка, непременно проводил за доской, или за игрой на фортепьяно в четыре руки со своим постоянным партнером Эйхманом.

По старой полицейской привычке Мюллер предпочитал ходить в гражданской одежде, мундир офицера полиции, или СС надевал лишь в исключительных случаях. Иногда он ездил на работу не на служебном автомобиле, а городской электричкой до станции «Ангальтский вокзал».

Примечательно, что Мюллер никогда не разделял национал-социалистическую идеологию (его тошнило от самого слова «социализм» в любой интерпретации), он был, в сущности, сторонником авторитарного государства, а потому полагал, что только Гитлер и его партия оказались способны возродить Великую Германию из веймарского болота.

Мюллер считался, и вполне заслуженно, лучшим в Германии знатоком спецслужб и репрессивных органов Советского Союза. Еще одной характерной чертой гестаповца была его абсолютная беспощадность ко всем, кого он считал врагами рейха, хотя вовсе не являлся патологическим садистом от природы.

Так, после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года подозрение о причастности к заговору пало на старинного приятеля и коллегу Мюллера группенфюрера СС, шефа криминальной полиции Артура Небе. Инсценировав самоубийство (якобы утопился), Небе, сам являвшийся настоящим военным преступником за свои злодеяния, несколько месяцев успешно скрывался. Возможно, ему удалось бы уцелеть, но… не поверил в самоубийство и изловил Небе именно старый дружище Мюллер. 2 марта 1945 года Небе повесили.

При повторном приезде в Берлин Коротков узнал от «Брайтенбаха» о произведенной 27 сентября 1939 года, то есть сразу после разгрома Польши, в полной тайне кардинальной реорганизации нацистских спецслужб. Было образовано Главное управление имперской безопасности (немецкая аббревиатура — РСХА) во главе с Гейдрихом. Оно состояло из семи управлений.

«СД-инланд» стало именоваться III управлением (Амт-III) во главе с Отто Олендорфом, а «СД-аусланд» — начальник Хайнц Йост — VI управлением (Амт-VI). Когда началась война с Советским Союзом, Йост за какие-то грехи впал в немилость и был отправлен на Восточный фронт. Вместо него Амт-VI возглавил оберштурмбаннфюрер СС (впоследствии бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС) Вальтер Шелленберг. В каждом управлении, разумеется, было по нескольку отделов (рефератов) и других подразделений. Так, по ходу войны, Шелленберг в своем управлении создал группу «S» для проведения специальных операция. Шефом группы стал знаменитый эсэсовский террорист и боевик, двухметровый детина с лицом со шрамами, оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени.

Криминальная полиция (крипо) во главе с Артуром Небе стала V управлением (Амт-V). После смещения Небе в 1944 году его место занял выдвиженец Мюллера, сослуживец и друг с 1919 года и фактический заместитель по гестапо оберфюрер СС Фридрих Панцингер. Читателю еще придется встретить несколько позже эту фамилию[66].

Гестапо, окончательно поглотившее политические отделы полиций всех земель, в качестве IV управления (Амт-IV)[67] возглавил все тот же, тогда еще оберфюрер СС, полковник полиции и рейхскриминальдиректор (имперский директор уголовной полиции) Генрих Мюллер.

Самое название РСХА считалось секретным, такого учреждения в природе вроде бы не существовало. Рядовые немцы его никогда и слыхом не слыхивали. Поэтому должность Гейдриха формально именовалась так: шеф службы безопасности (то есть, Амт-III и Амт-VI) и полиции безопасности (то есть, зипо: Амт-V и Амт-IV).

Высшее руководство всеми спецслужбами осуществлял Гиммлер, к этому времени уже не только рейхсфюрер СС, но и шеф всей германской полиции.

Официально у Гейдриха не было заместителя, однако в отсутствие шефа его замещал именно Мюллер. Фюрер высоко ценил шефа гестапо. За время войны Мюллер был награжден так называемой «пряжкой 1939 г.» к своему «Железному кресту», полученному в Первую мировую (это означало повторное награждение), а также крестами «За военные заслуги» второго, первого и рыцарского класса.

27 мая 1943 года Гейдрих, одновременно исполнявший обязанности «протектора Богемии и Моравии», был смертельно ранен в Праге чешскими боевиками-парашютистами Йозефом Габчиком и Яном Кубишем, и 4 июня скончался. Лишь 30 января

1943 года на его место шефа РСХА был назначен предводитель австрийских эсэсовцев, почти двухметровый алкоголик с лошадиным лицом, иссеченным дуэльными шрамами, обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Все эти месяцы Гиммлер лично руководил РСХА, но всю повседневную работу за него делал все тот же не знающий износа Мюллер. И это при том, что рейхсфюрер и группенфюрер сильно недолюбливали друг друга.

К полицейской работе Кальтенбруннер склонностей не имел, в делах не разбирался, к тому же в конце дня бывал в полувменяемом состоянии, потому в сферу деятельности Мюллера не вмешивался.

В ходе войны структура гестапо претерпела некоторые изменения, обозначение основной задачи управления теперь звучало так: «Обнаружение и борьба с противником». В этом качестве только гестапо обладало исполнительными прерогативами: арест, превентивное заключение, следствие.

В гестапо имелось несколько отделов (рефератов).

Отдел IVA занимался борьбой с коммунизмом, марксизмом, иными политическими оппозиционными течениями. Возглавлял отдел фактический заместитель Мюллера — Панцингер.

Отдел IVB разрабатывал оппозицию в церковной и молодежной среде, сектантов, масонов, евреев.

Отдел IVC ведал картотекой, превентивными арестами и слежкой.

Отдел IVД вел борьбу с движением Сопротивления на оккупированных территориях, следил за иностранными рабочими, национальными меньшинствами.

Отдел IVE был центром борьбы со шпионажем. Именно с должности его начальника ушел в VI управление тогда всего лишь оберштурмбаннфюрер Шелленберг. В этом отделе с самого начала и до декабря 1942 года служил в должности криминалькомиссара гауптштурмфюрер Вилли Леман-«Брайтенбах».

Позднее в гестапо был создан еще один отдел — IVФ, состоящий из секторов пограничной полиции и бюро паспортов.

Сектор 4 в отделе IVB возглавлял многолетний партнер Мюллера по шахматной доске и музицированию, большой знаток иудаистики, еврейской истории, культуры и языка оберштурмбаннфюрер Адольф Эйхман. Символично, что за далеко не арийскую внешность одноклассники в школе прозвали Эйхмана… «еврейчиком»!

Так была создана чудовищная, продуманная до мелочей репрессивная машина террора, отличающаяся, помимо всего

прочего, еще чисто немецким бюрократизмом, проявлявшимся даже в таких пустяках, как цвет чернил, какими пользовались ее руководители. Каждый сотрудник РСХА намертво помнил, что цвет Гиммлера — зеленый, Гейдриха — синий, Мюллера — оранжевый, Эйхмана и приравненных к нему по должности коллег — фиолетовый.

Под прямым присмотром СД и полиции безопасности находилось множество не поддающихся подсчету мест, в том числе знаменитый отдел «Адлон», где останавливались, главным образом, богатые и знатные иностранцы.

Гейдрих создал в Берлине на Гизебрехтштрассе одно весьма специфическое заведение без всякой вывески — «салон Китти». На самом деле это был роскошный бордель, где высокопоставленных посетителей обслуживали приглашенные из многих стран Европы самые красивые и квалифицированные проститутки, а также… дамы из высших кругов берлинского общества, даже жены видных нацистов, обуреваемые преданностью фюреру и желанием послужить фатерланду на этом поприще. Все «номера» в салоне (их было десять) оборудовали чувствительной звукозаписывающей аппаратурой, скрытыми фото- и кинокамерами. Гейдрих собирал в этом заведении массу интересующей его информации, как чисто разведывательного, так и обычного компромата. Примечательно, что шеф РСХА, отличавшийся ненасытным сексуальным аппетитом, сам регулярно наведывался сюда инкогнито с «инспекционными» визитами. В этот день Шелленберг получал от него распоряжение всю аппаратуру отключить.

…В послевоенные годы Коротков заинтересованно следил за судьбами бывших руководителей гестапо, СД, абвера.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер после поражения Германии пытался скрыться в толпе беженцев, сбрил свои известные всему миру усики и сменил столь же известное пенсне на обычные очки, но был опознан английским патрулем, задержан, и 21 мая 1945 года покончил жизнь самоубийством, раздавив спрятанную между зубов крохотную ампулу с цианистым калием.

Эрнст Кальтенбруннер предстал в Нюрнберге перед Международным трибуналом и по его приговору был повешен 16 октября 1946 года.

Судьба «Мюллера-гестапо» туманна. Считается, что он погиб в Берлине при попытке вырваться из уже окруженного «правительственного квартала» первого или второго мая 1945 года. Однако по сей день ходят слухи, что его видели где-то в Южной Америке или Южной Африке. Появилась даже совсем

фантастическая версия, пущенная в свет Шелленбергом, что Мюллер был советским агентом и его якобы видели (интересно, кто его мог видеть и сообщить об этом Шелленбергу?) в коридорах Лубянки без конвоя. Недавно в США родилась мистификация (изданная в виде трех томов), утверждающая, что Мюллер десятки лет благополучно жил в этой стране, активно сотрудничал с ее спецслужбами и даже был негласным советником при президенте. О чем и поведал в конце жизни некоему литератору, своему соседу. Этот бред немедленно и услужливо перепечатало в переводе на русский язык некое же московское издательство (пропустив для рекламы в своей же периодике), известное неразборчивостью в погоне за сенсациями.

Шеф «СД-инланд» Отто Олендорф давал показания на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, потом и сам предстал перед судом. Было доказано, в частности, что как руководитель «эйнзатцгруппы-Д» он повинен в уничтожении девяноста тысяч мирных советских граждан. По приговору трибунала Олендорфа повесили 8 июня 1951 года.

Адольф Эйхман много лет под именем Рикардо Клемента скрывался в Аргентине. Его выследили, 11 мая 1960 года похитили и вывезли в Израиль агенты тамошней разведки «Моссад». После долгого судебного процесса Эйхман был повешен в Иерусалиме 1 июня 1962 года.

Вальтер Шелленберг тоже предстал перед судом и был осужден — всего лишь к шести годам тюремного заключения. Вскоре после освобождения он умер от рака в Италии в 1952 году, успев написать изрядно фальсифицированную, но все же интересную книгу воспоминаний.

Короткова весьма интересовала послевоенная судьба столь высокопоставленных эсэсовцев, особенно в те годы, когда он работал представителем КГБ СССР при министерстве государственной безопасности ГДР, поскольку многие бывшие сотрудники гитлеровских спецслужб на Западе, в том числе и на территории ФРГ избежали заслуженного наказания за свои преступления (или были освобождены из тюрем досрочно), и успешно подвизались в тамошних разведках. В частности тогда, когда Западная Германия стала плацдармом подрывной деятельности против СССР и его тогдашних союзников. Но об этом — позже…

СД и гестапо были основными противниками Александра Короткова и его коллег (причем, не только в Германии, но и на территории многих других стран), однако в немалой степени интересовали его органы военной разведки и контрразведки «третьего рейха» — абвер.

Германская военная разведка имела давние и крепкие традиции, уходящие корнями в середину XIX века. Ее родоначальником в современном понимании можно считать Рудольфа Штибера, который помог Пруссии одержать победу над Австрией в 1866 году и над Францией в войне 1870 года и тем способствовал Бисмарку в объединении множества германских королевств, княжеств, графств в единую — Вторую империю и провозглашению прусского короля Вильгельма I германским императором (кайзером). Штибер вывел несколько основополагающих принципов, которым немцы свято следовали и семьдесят лет спустя: «Шпионом может быть каждый», «Шпионом должен быть каждый», «Нет такой тайны, в которую нельзя проникнуть». И, наконец, применительно к агентам и осведомителям самый циничный: «Нет отбросов, есть кадры».

Воплощая в жизнь эти принципы, немцы сделали шпионаж массовым занятием. Соглядатаи Штибера в свое время буквально заполонили всю Францию. Его шпионами были трактирщики, лакеи высокопоставленных особ, великосветские кокотки, журналисты, консьержки, проститутки, священники, бакалейщики, почтальоны и даже карманные воры.

Успешно воплощал в жизнь эти принципы руководитель немецкой разведки в годы Первой мировой войны полковник Вальтер Николаи.

По Версальскому мирному договору Германия не имела права держать свою разведку. При военном министерстве оставался лишь крохотный отдел — несколько офицеров и вольнонаемных служащих, коим формально было дозволено заниматься исключительно контрразведкой в рейхсвере, численность которого тем же договором не могла превышать ста тысяч человек.

Руководил этим эмбрионом капитан первого ранга Конрад Патциг.

1 января 1935 года в здание на Тирпицуфер, 72–76, примыкающему к огромному комплексу военного министерства на Бендлерштрассе, вошел новый хозяин: маленького роста, седовласый, длинноносый человек средних лет, с острым взглядом умных светлых глаз. Звали его Вильгельм Канарис, воинское звание — тоже капитан первого ранга в отставке. Тот самый Канарис, который в бытность свою еще капитан-лейтенантом, был непосредственным начальником курсанта Гейдриха. Впрочем, уже через несколько месяцев Гитлер присвоил Канарису адмиральское звание.

За плечами этого внешне невзрачного человека кроме службы на кораблях, был и весомый опыт разведывательной работы.

Ходили упорные слухи, что в свое время он был шефом и любовником легендарной шпионки Первой мировой войны, известной под именем Мата Хари.

Занятно, что когда Канарис был школьником, одноклассники приклеили ему прозвище «Кикер». В переводе на русский язык это словцо примерно означает «Соглядатай».

Канарис отличался проницательным, комбинационным умом, высоким профессионализмом, организаторскими способностями и — во всяком случае, внешне — ровным, доброжелательным характером. А еще он был дьявольски хитер, недаром его резиденцию на Тирпицуфер прозвали «лисьей норой». Одним из немногих предметов, украшавших кабинет адмирала, был портрет полковника Николаи. Позднее, уже после войны в Испании, к которой адмирал имел прямое отношение, к нему прибавится фотография каудильо Франко с теплой дарственной надписью.

Еще одна занятная вещица стояла на письменном столе Канариса. Всем известна распространенная восточная статуэтка, изображающая трех обезьянок. Одна из них плотно закрывает ладошкой глаза, вторая затыкает пальчиками уши, третья рот. Сие означает: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». По заказу адмирала в скульптурную группу ввели маленькие изменения: теперь первая обезьянка, приложив лапку козырьком к бровям, пристально вглядывалась вдаль, вторая, приложив лапку к уху, к чему-то сосредоточенно прислушивалась, но вот третья по-прежнему зажимала рот. Аллегория приобрела совсем другой смысл: «Все сижу, все слышу, и — молчу».

Через месяц огромное здание на Тирпицуфер заполнилось деловитыми, сосредоточенными людьми, многие из которых (особенно средних лет) явно давно знали друг друга. Насчитывалось их уже около трехсот. Всех отличала, хоть и были в большинстве в штатском, неистребимая военная выправка.

Чтобы обойти запрет Версальского договора, воссозданный орган лицемерно назвали «абвер», что по-немецки означает «отпор», или «защита». Иначе говоря, этим как бы заявлялось, что в его функции входит только контрразведка. Разумеется, то был всего лишь фиговый листок.

В 1938 году военное министерство было ликвидировано. Гитлер принял на себя руководство всеми вооруженными силами. Для подготовки армии — теперь она называлась вермахт — к войне вместо военного министерства был образован Штаб верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ), во главе которого Гитлер поставил бесцветного, хотя внешне весьма ипозантного генерала Вильгельма Кейтеля,

которого вся армия, вернее, офицеры в частных беседах между собой называли не без оснований «Лакейтелем». Абвер был напрямую подчинен именно ему.

После победы над Францией Гитлер произвел двенадцать генералов в генерал-фельдмаршалы. Получил свой жезл и Кейтель. Александр Коротков, разумеется, и в самых фантастических сновидениях не мог бы вообразить, что всего через пять лет, даже чуть меньше, ему придется провести в обществе генерал-фельдмаршала, пытающегося всеми силами, что называется, сохранить лицо, не один час…

Канарис жил на одной из тихих улиц в Шлахтензее, тогдашнем пригороде Берлина. По соседству располагалась вилла Гейдриха. Соседи часто прогуливались вместе, обсуждали общие проблемы, просто беседовали на различные темы. Меж тем, всегда вежливый и предупредительный по отношению к Канарису Гейдрих, при все уважении к адмиралу, ненавидел его — не мог простить бывшему командиру его причастность к давнему офицерскому суду чести. К том уже Канарис был настоящим адмиралом, а громкое звание Гейдриха всего лишь эсэсовским. Ни один кадровый офицер вермахта не принимал всерьез его чина группенфюрера и генерал-лейтенанта войск СС, и последующего — обергруппенфюрера и генерала все тех же войск СС. (Впрочем, это относилось не только к Гейдриху, но, за редким исключением, и к другим эсэсовцам.) Но главное, Канарис возглавлял абвер, конкурирующий и с гестапо, и с СД в сфере разведки и контрразведки.

При каждой возможности Гейдрих делал Канарису какую-нибудь пакость, не переставая при этом тепло здороваться при очередной встрече. Гестапо не имело права заниматься делами военнослужащих, Гейдриху не подчинялась фельджандармерия (военная полиция) и так называемая гехаймфельдполицай — тайная полевая полиция, или, сокращенно, ГФП, в задачу которой водило, в частности, подавление сопротивления в районе боевых действий и на оккупированной территории СССР. Лишь в 1942 году Гиммлер добился все же, чтобы ГФП была выведена из структуры абвера и переподчинена полиции безопасности. Ее возглавил оберфюрер СС и полковник полиции Вилли Крихбаум. С этого момента ГФП из контрразведывательной, в основном, организации превратилась в откровенно карательную. Команды ГВП (личный состав под началом офицеров СД и гестапо набирался из предателей) истребили на оккупированной территории СССР десятки тысяч советских граждан.

Чтобы обезопасить себя от козней Гейдриха, Канарис раздобыл документы, свидетельствующие якобы о еврейском

происхождении «стопроцентного арийца нордического типа». В личном сейфе адмирала якобы хранились даже фотографии надгробной плиты бабки шефа СД с изображением звезды Давида и надписью «Сара Гейдрих».

До сих пор многие исследователи полагают, что Канарис был информирован о предстоящем покушении на Гейдриха в Праге и, следователь но, имел возможность предотвратить его. Впрочем, подобные слухи ходили и относительно секретаря фюрера Мартина Бормана, которого настораживало, а, может быть, и пугало стремительное возвышение честолюбивого шефа РСХА.

Структура абвера была (как-никак, военная организация) куда более стройной и четкой, нежели РСХА. В его составе было три управления. (Фамилии руководителей далее даны с указанием последнего звания.)

Управление «Абвер-I» занималось военной разведкой. В этих целях традиционно использовались аппараты военных, военно-воздушных и военно-морских атташе германских посольств в разных странах. В Москве, в частности, в общей сложности работали несколько десятков дипломатов с прусской военной выправкой, которую не в состоянии были крыть ни фраки, ни смокинги. Возглавлял управление «Абвер-I» генерал-лейтенант Ганс Пикенброк.

Управление «Абвер-II» специализировалось на саботаже, диверсиях, актах террора, словом, являло ведомство «мокрых дел». Для боевых действий в тылу противника накануне и в первые недели войн при управлении был создан батальон, выросший впоследствии в полк, а затем и дивизию «Бранденбург-800». Он был укомплектован подготовленными диверсантами и боевиками разных национальностей и немцами, свободно владеющими «нужными» иностранными языками.

На складах этой засекреченной части имелась военная форма, стрелковое оружие, амуниция едва ли не всех европейских армий. В состав полка входил ставший известным в июне 1941 года зверской расправой над польской интеллигенцией Львова батальон «Нахтигаль» («Соловей»). Его личный состав был набран из боевиков и сторонников организации украинских националистов (ОУН)[68]. Все вожди ОУН, к слову, и Евген Коновалец, и Андрей Мельник, и Степан Бандера были платными агентами абвера, к тому же имели тесные связи и с СД, и с гестапо.

Начальником «Абвера-II» был генерал-майор Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивримонт, ранее возглавлявший разведку австрийской армии, его заместителем — опытный разведчик полковник Эрвин Штольце.

Лишь управление «Абвер-III» (начальник — генерал-лейтенант Франц Эккард фон Бентивеньи) отвечало своему назначению и занималось военной контрразведкой.

Основными звеньями абвера, насчитывающего в своем составе уже четыре тысячи офицеров и унтер-офицеров (и это без учета гражданских служащих) были так называемые абверштелле при штабах каждого из 21 военного округа и всех военно-морских баз. За границей — резидентуры в странах эвентуального противника и так называемые военные организации (кригсорганизацион — КО) в некоторых союзных и нейтральных государствах. Центром военной разведки на СССР был Кенигсберг.

В июне 1941 года под Варшавой, в местечке Сулевюек, был создан штаб «Валли» для руководства разведывательной деятельностью на будущем германо-советском фронте, а позднее и «Зондерштаб-Р», предназначенный, главным образом, для борьбы с партизанским движением на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза. Штаб «Валли» возглавил кадровый разведчик полковник Ганс Шмальшлегер.

В системе абвера имелся мощный отдел, занимающийся радиоразведкой (функабвер), а также выявлением нелегальных радиопередатчиков, принадлежащих разведке противников Германии в самом рейхе и оккупированных странах.

Немецкая разведка располагала также эскадрильей «Ровель» (по фамилии ее основателя и командира Теодора Ровеля)[69]. Самолеты этой авиагруппы совершали полеты на высоте до 13 тысяч метров, тогда недосягаемой для истребителей и зенитных орудий, и проводили перед войной аэрофотосъемки в воздушном пространстве Советского Союза на глубину до двухсот километров. После заключения пакта о ненападении полеты были прекращены… на целый месяц.

Рейхсмаршал Геринг имел собственный разведцентр — «Исследовательский институт Германа Геринга», в котором работали несколько тысяч специалистов. Этот «институт» был в состоянии прослушать едва ли не все телефонные разговоры в Германии, а также контролировать все телеграфные линии. В нем имелся и прекрасно оборудованный дешифровальный центр.

Интенсивно занимались разведкой за рубежом иностранный отдел НСДАП («Организация зарубежных немев») во главе с гаулейтером Эрнстом Боле, министерство иностранных дел и ряд других ведомств.

В верхушке СС и СД давно подозревали, что адмирал Канарис является старым агентом английской разведки. Гитлер тоже никогда полностью не доверял «маленькому адмиралу», как

называли Канариса, без особых на то оснований, просто в силу своей обычной подозрительности. Намеки на связь Канариса с англичанами встречаются в литературе и по сей день. Официальные английские компетентные органы хранят многозначительное молчание. Слишком многозначительное, чтобы этой версии стоило верить всерьез. Вряд ли глава абвера был английским шпионом (как не был им и глава тогдашних советских спецслужб Лаврентий Берия, хотя именно это обвинение было предъявлено ему Особым присутствием в 1953 году). Другое дело, что какие-то контакты в интересах, прежде всего, абвера, Канарис с англичанами мог, от случая к случаю, иметь. Такое в практике спецслужб противоборствующих и даже воюющих сторон вовсе не является чем-то исключительным, и уж никак не должно квалифицироваться как «государственная измена». Нередко именно при посредстве спецслужб воюющие державы проводят секретный зондаж перемирия, условий прекращения боевых действий[70].

…Обергруппенфюрер Гейдрих не успел свалить своего сильного соперника, но это через два года сделали Гиммлер и Мюллер. Они смогли убедить Гитлера, что все неудачи на Восточной фронте происходили и происходят по вине военной разведки. 18 февраля 1944 года Канарис был снят с должности и получил малозначительный пост начальника управления экономической войны при штабе ОКВ. 12 апреля того же года абвер фактически прекратил свое существование, его штат, а с ним и функции были поделены между ведомствами Мюллера и Шелленберга.

После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Канарис по подозрению в причастности к заговору был арестован. Поначалу его не трогали. Потом стали зверски пытать, а равно за месяц до окончания войны, в ночь с 8 на 9 апреля 1945 года раздела догола и повесили на рояльной струне в концлагере Флоссенбург…

Можно только гадать, сколько тайн, не потерявших своего значения и по сей день, унес с собой в могилу «маленький адмирал».

«Корсиканец», «Старшина», «Старик» и другие…

Убедившись, что Борис Журавлев успешно справляется со своей отныне главной обязанностью — поддержанием контактов с «Брайтенбахом», Александр Коротков перешел к восстановлению других порушенных связей.

17 сентября 1940 года в дверь одной из квартир дома № 16 по Войрштрассе позвонил красивый молодой мужчина. Ему открыл дверь человек постарше, худощавый, в простых круглых очках, с трубкой в зубах. Незнакомец, говоривший по-немецки с легким венским акцентом, назвался Александром Эрдбергом[71]. Удостоверившись, что имеет дело действительно с доктором Арвидом Харнаком, он передал ему привет от их общего старого знакомого — Александра Гиршфельда.

…Здесь автор вынужден сделать некоторое отступление. Дело в том, что спустя некоторое время после того, как Коротков восстановил связь с Харнаком, тому был присвоен новый оперативный псевдоним. «Балтиец» стал именоваться «Корсиканцем». Такое в разведке практикуется, дабы спецслужбы противника не вычислили личность источника по косвенным данным и признакам. Чтобы не вносить путаницу, автор впредь во всех случаях будет называть Харнака его новым и последним псевдонимом — «Корсиканцем».

Увы, Короткову пришлось испытать некоторое разочарование. В силу то ли природной осторожности, то ли подозрительности, выработанной годами жизни в рейхе, длительным молчанием советской стороны, но Харнак ему не поверил. Он не выставил «Эрдберга» за дверь, говорил с ним, тщательно подбирая слова, видимо, рассчитывая, что если незнакомец — провокатор гестапо, он сумеет сослаться на то, что просто не понял его.

Коротков учел опасения Харнака и не стал ни на чем настаивать. Предложил встретиться снова через несколько дней, тогда он сможет убедить собеседника, что пришел к нему как друг. В тот же день Коротков запросил Центр разрешения тайно привезти «Корсиканца» на своей машине с дипломатическим номером в советское полпредство, чтобы развеять там все его сомнения.

Через две недели Москва дала согласие. На следующий день Коротков незаметно принял Харнака на тихой, безлюдной улочке в свой «Опель-Олимпию», тот лег на дно салона, укрылся пледом. Убедившись, что со стороны пассажира в машине не видно,

Коротков благополучно привез Харнака в полпредство.

Только здесь, очутившись в «секретной», то есть не прослушиваемой комнате, «Корсиканец» объяснил причину своей повышенной недоверчивости. Оказывается, в марте в гестапо поступил анонимный донос в том, что в министерстве экономики работает чиновник в ранге оберрегирунгсрата, который раньше сочувствовал коммунистам. Гестапо провело расследование, под которое попали несколько человек, в том числе и Харнак. Однако оберрегирунгсрат, чье положение в министерстве, партии и Национал-социалистическом союзе юристов было достаточно прочным, сумел убедить дознавателей, что никогда коммунистам не сочувствовал, а экономические теории Маркса, как и других экономистов, изучал, поскольку это было необходимо для его профессиональной работы.

Действительно, во времена Веймарской республики (и даже раньше — при кайзере) экономические работы Карла Маркса, в том числе и самая фундаментальная из них — «Капитал» — изучалась во многих университетах Германии. Кроме того, Харнак был причастен к выработке торговых соглашений с СССР, а вести дела с русскими в этой сфере, не зная теории, на которой зиждется их экономика, невозможно.

Видимо, дознаватель не был совершенно уж тупым нацистом. Он счел эти объяснения вполне разумными и достаточными. Проверка завершилась для Харнака благополучно: перед ним извинились, но он сделал для себя справедливый вывод, что уж если он привлек к себе внимание гестапо, ему следует отныне проявлять крайнюю осторожность.

В шифровке, переданной резидентурой в Центр, отмечалось: «…“Корсиканец” после того, как он был при последней встрече в октябре месяце привезен в полпредство, рассказывает, все имевшие тогда место настороженность и недоверие рассеялись. Единственное, что он просит, это не фиксировать фамилии, чтобы избежать опасности потери или кражи бумаг, «хотя русские наверное лучше, чем немцы, относятся к секретным документам». Служебное положение «Корсиканца» прежнее.

Основной упор встречи был сделан на выяснение того, что же из себя представляет круг связанных с ним лиц, каковы их цели, в чем заключается работа, какова организация».

Коротков был ошеломлен, когда узнал, что сеть информаторов Арвида Харнака к этому времени достигала шестидесяти человек. В нее входили люди разного общественного положения, профессий, возраста, даже политических и религиозных взглядов. Это обеспечивало широту и глубину информации, ее разносторонность. Объединяло этих людей одно

— ненависть к нацизму. Сам Харнак был убежден, что собственными силами немецкий народ, по крайней мере в обозримом будущем, не избавится от гитлеровского режима, влекущего Германию в пропасть. Не надеялся он и на западные демократии, особенно после позорной капитуляции Франции, последовавшей за столь же позорной для этой страны «Странной войной». Он был убежден, что разгромить нацизм может только Советский Союз, его Красная Армия. И готов был этому способствовать всеми своими силами, даже ценой собственной жизни.

Примечательно, что в этой сети, самостоятельно созданной Харнаком по модели «снежного кома», было много супружеских пар, начиная с него самого и Милдред. Это означало, что жены были не только спутницами жизни, но и полными единомышленницами своих мужей, даже если происходили не из рабочей, а буржуазной, а иногда и аристократической семьи.

Одну из групп, связанных с Харнаком, возглавлял известный писатель, драматург, философ и театральный деятель Адам Кукхоф. Его жена Маргарет (она предпочитала называть себя Гретой) в свое время училась в США, в университете штата Висконсин, где и познакомилась с Арвидом и Милдред Харнаками. Со студенческих лет Кукхоф дружил с бывшим министром просвещения и культов Пруссии Адольфом Гримме. В свою очередь Гримме был связан с социал-демократической оппозицией гитлеровскому режиму, которую возглавлял бывший мэр Лейпцига Карл Герделер. (Это он стал идейным вдохновителем заговора против фюрера 20 июля 1944 года.) Опосредствованно Гримме был связан с одной оппозиционной группой, в которую входил даже полицайпрезидент Берлина граф Вольф фон Гельдорф.

Убежденными антифашистами были и другие друзья и друзья друзей Харнака, в том числе талантливый скульптор, лауреат премии Пруссии 1931 года Курт Шумахер и его жена — художник-график Элизабет, экзотическая танцовщица и художник Ода Шотмюллер, графиня, жена офицера Эрика фон Брокдорф (стенографистка по профессии) — в общем, десятки и десятки людей. Были среди них и рабочие, такие, как слесарь Ганс Коппи, к девятнадцати годам уже отсидевший восемнадцать месяцев в концлагере, и его жена Хильда. Оппозиционность этих людей проявлялась не только в крамольных разговорах между собой, но и в поступках. Так, в мастерской Шумахера часто скрывались антифашисты, которых разыскивало гестапо, а как-то Курт, используя свои давние знакомства (круг их был необычайно велик — однажды он получил заказ на оформление убранства

охотничьего поместья «Каринхалл»[72] от самого Геринга!), переправил в нейтральную Швейцарию нескольких социал-демократов, которым грозил арест.

Коротков едва успевал фиксировать в тренированной памяти десятки фамилий, адресов, характеристик, должностей, потенциальных возможностей скромного оберрегирунгсрата с внешностью университетского профессора, которым, собственно говоря, Харнаку и следовало бы быть в иные времена.

Итогом первых встреч с Харнаком стало сообщение в Москву, в котором Коротков обобщил свои впечатления:

«“Корсиканец”, потеряв в 1938 году связь с нами, возобновил свою работу среди интеллигенции в духе “Союза работников умственного труда”, не будучи связанным с КПГ. Он объединил вокруг себя своих старых знакомых, известных ему по работе в “Союзе”, осторожно выискивая и привлекая к себе новых. В настоящее время в круге образовались небольшие “центры”, каждый из которых работает над воспитанием и подготовкой своей небольшой группы людей. Так что “Корсиканец” и сам не знает всех лиц, входящих в этот круг, равно как и цифру шестьдесят человек определяет приблизительно. Организационно взаимоотношения всей этой группы состоят исключительно в поддержании хороших отношений знакомых между собой людей, стоящих примерно на одной и той же общественной ступеньке и одинаково мыслящих. Такова по описанию [“Корсиканца”] организационная форма этой группы, маскирующая проводимую работу. Не все лица, входящие в этот круг, знают друг друга, а существует как бы цепочка. Сам “Корсиканец” старается держаться в тени, хотя он и является душой организации. Цель организации состоит в подготовке кадров, которые могли бы после переворота занять командные должности. Сам “Корсиканец” никаких связей с компартий не поддерживает».

Это сообщение крайне важно для понимания того, чем, в сущности, являлась организации Арвида Харнака и его друзей: сообщество антифашистов, поставившее своей целью свержение гитлеровского режима и создание в Германии подлинно демократического, миролюбивого государства. Эта цель была чистой утопией, благим пожеланием, никаких реальных возможностей для устранения Гитлера от власти (в том числе и путем его физического уничтожения) у заговорщиков не имелось. Подавляющее большинство немецкого народа, даже многие бывшие коммунисты и социал-демократы, поддерживали Гитлера, видели в нем спасение Германии после разрухи и социального хаоса, вызванного поражением в Первой мировой войне. Сказались такие факторы, как разрыв с унизительными

условиями Версальского договора, невиданный для таких сроков рост промышленности за счет военных заказов и милитаризации страны, ликвидация безработицы и уголовной преступности, твердое положение рейхсмарки после ошеломляющей инфляции, наконец, успешная работа всеохватывающего пропагандистского аппарата Геббельса. Реальная сила — возрожденная армия — вермахта, давно уже находилась в слепом подчинении своего верховного главнокомандующего, то есть фюрера. В этих условиях разведывательная работа в пользу СССР стала для этих людей единственной реальной формой борьбы с гитлеровским режимом.

Центру, разумеется, не нравилось, что члены организации Харнака зачастую знали друг друга — это противоречило правилам конспирации, обязательным для любой агентурной сети. Но антифашистская организация и могла создаваться только людьми, абсолютно доверявшими друг другу. Кстати, в период Великой Отечественной войны партизанское подполье на оккупированных территориях СССР возникало и строилось по тем же принципам. То была объективная реальность, и Центру пришлось с этим смириться. Потому он и рекомендовал берлинской резидентуре относиться к Харнаку «бережно, чтобы между нами искусственно не выросла стена недоверия».

В промежутке между визитом «Александра Эрберга» на Войрштрассе и посещением Харнаком советского полпредства они все же дважды встречались на нейтральной территории и накоротке. Харнак, похоже, и верил и не верил новому знакомцу. Информацию, правда, передавал, но молниеносно и без обсуждения, соблюдая все меры предосторожности так, чтобы в случае чего мог бы от контакта окреститься. Хотя, в сущности, смысла в этих предосторожностях уже никакого не было. Окажись «Эрберг» подставой гестапо, ничто бы оберрегирунгсрата не спасло.

Все же после посещения полпредства он оттаял, между ним и Коротковым установились отношения неформальные, а впоследствии даже дружеские. И это Коротков тоже отметил в шифровке: «…все остальные данные получены в порядке беседы за чашкой чая двух давно не видавшихся хорошо знакомых, направленной на то, чтобы сориентироваться и определиться, [за] что нужно прежде всего ухватиться.

Со стороны «Корсиканца» каких-либо встречных вопросов или просьб не выдвигалось. Дело выглядит так, что он считает своим долгом информировать нас о том, что ему становится известным, и в нас он видит не столько свое, как агента, начальство, а прежде всего представителей Советского Союза, т. е. страны, с которой он

идейно связан и от которой ждет поддержку. Таково впечатление от всего поведения «Корсиканца». Повторяем, что «Корсиканец» производит на Степанова впечатление искреннего человека, действительно настроенного так, как он говорит. Впрочем, о своих настроениях он, собственно говоря, ничего не говорит, а оно вытекает из его рассказов и отзывов. Помимо этого «Корсиканец» безусловно может быть охарактеризован как высоко культурный и умный человек. Интересно отметить, что он помимо знаний английского и французского языков изучает за счет своего учреждения русский язык…»

Итак, всего лишь через неделю после первой встречи с Харнаком, а именно 26 сентября 1940 года, Коротков получил от него сообщение, которое дало начало достоверной информации из Берлина об усиленных приготовлениях «третьего рейха» к неспровоцированному нападению на СССР.

«Офицер из Верховного командования вермахта (ОКВ) рассказал Тициенсу, что в начале следующего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом является военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время. Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской территории по линии Ленинград — Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство. На заседании «Комитета экономической войны», возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются».

Спустя несколько недель организация Харнака фактически сомкнется еще с одной антифашистской группой, в основном состоящей из офицеров хоть и не в высоких чинах, но по служебному положению имеющих доступ к секретной информации. Возглавлял эту группу лейтенант резерва люфтваффе (с 1941 года обер-лейтенант и регирунгсрат[73] Харро Шульце-Бойзен). Харнак был дружен с Шульце-Бойзеном уже около пяти лет.

Во всех отношениях кроме твердых антифашистских убеждений, высоких нравственных качеств и сильной воли — Арвид и Харро казались полной противоположностью друг друга. В 1940 году Шульце-Бойзену было чуть больше тридцати, но он уже вполне сложился как личность, причем незаурядная, с сознательными социалистическими взглядами. Антифашистом он был в силу своего резкого до безрассудства характера, радикальным, даже воинственным. Его отец — Эрих Эдгар

Шульце был кадровым морским офицером. Первую мировую войну он закончил фрегаттенкапитаном (то есть капитаном второго ранга). После возрождения ВМС был возвращен на службу с присвоением звания капитана цур Зее, то есть капитана первого ранга. Вторая часть фамилии досталась мальчику от матери — Марии-Луизы Бойзен. Харро приходился внучатым племянником и крестником основоположнику германской морской военной доктрины гроссадмиралу Альфреду фон Тирпицу (к слову, личному другу кайзера Вильгельма II).

Юный Харро изучал право и политические науки в университетах Фрайбурга и Берлина, где проникся радикальными взглядами. Чтобы лучше узнать положение и психологию рабочих, он даже поселился в преимущественно рабочем квартале и уже в 1932 году стал издавать антинацистский журнал «Дер Гегнер» («Противник»). В 1934 году по этой причине он был арестован, попал на короткое время в концлагерь, где его прогнали сквозь строй штурмовиков, влепивших ему сотню палок. Товарищ Харро и соредактор журнала Генрих Эрлангер был забит до смерти.

Шульце-Бойзен был широко образованным человеком. Достаточно сказать, что он владел английским, французским, шведским, норвежским, датским, голландским языками, а в конце тридцатых годов взялся за изучение русского.

Страстный любитель парусного спорта, в 1935 году Харро на одной из регат познакомился с юной Либертас, дочерью профессора искусствоведения Отто Хаас-Хайе и графини Виктории (для друзей Торы) цу Эйленбург унд Гертефельд, которая была дочерью князя Филиппа. Странное совпадение: дед Либертас, как и двоюродный дед Харро, также был личным другом кайзера Вильгельма II.

Графиня Тора после развода с мужем жила в замке Либенберг в восьмидесяти километрах к северу от Берлина по соседству с «Каринхалле» — имением Германа Геринга. Она часто бывала в гостях у «наци номер два» и, обладая великолепным голосом, порой пела по просьбе хозяина перед его гостями.

Либертас целый год училась в Англии, а теперь работала пресс-секретарем в Берлинском представительстве крупнейшей американской кинокомпании «Метро Голдвин-Майер», позднее занималась журналистикой.

26 июля 1935 года Гарро и Либертас поженились.

Благодаря покровительству Геринга, Харро поступил в школу транспортной авиации в Варнемюнде, которую через год закончил с дипломом летчика-наблюдателя, а затем был зачислен на службу в министерство авиации. Рекомендация Геринга была

равносильна приказу, поэтому Шульце-Бойзен избежал проверки спецслужб на «благонадежность», которую вряд ли прошел бы при обычной процедуре.

Шульце-Бойзену было присвоено звание офицера резерва, он получил назначение в группу по изучению заграничной авиационной периодики, благодаря знанию нескольких иностранных языков, а фактически стал работать в разведке люфтваффе — военно-воздушных сил.

Довольно скоро Харро образовал вокруг себя кружок антифашистски настроенных людей, в большинстве своем так или иначе связанных с авиацией, военной промышленностью, армией.

Друзья Шульце-Бойзенов Курт и Элизабет Шумахеры познакомили их с четой Харнаков. Тогда же у них завязались дружеские отношения с Одой Шоттмюллер и супругами Кукхоф.

По роду службы Шульце-Бозену даже без особых усилий с его стороны стали известны конкретные планы нацистского руководства по оказанию франкистским мятежникам материальной и военной поддержки. Решающим событием, подтолкнувшим Харро к принятию решения помочь как-то республиканцам, явилось варварская бомбардировка 26 апреля 1937 года немецкими летчиками из эскадрильи «Кондор» испанского города Герника. Тогда под бомбами погибли свыше двух тысяч мирных жителей. Само слово «Герника» навсегда осталось воплощением гитлеровской агрессии.

Итак, Шульце-Бойзен невольно оказался обладателем абсолютно секретной информации о серьезной угрозе, нависшей над Барселоной. Перед ним встал мучительный вопрос: что делать? Как поступить? Он знал, что в разгоревшейся гражданской войне Советский Союз стоит на стороне законного правительства Испании, и решил, что лучше всего послать предупреждение республиканцам через советское полпредство в Берлине. Самому ему появляться вблизи здания на Унтер-ден-Линден было никак нельзя, и он привлек на помощь участницу своего кружка Гизеллу фон Пеллниц. Гизелла неспешно прошла мимо полпредства и незаметно, как она полагала, потому что шуцман, степенно прохаживавшийся вдоль здания, оказался в этот момент к ней спиной, опустила составленное Харро анонимное, но достаточно аргументированное письмо в почтовый ящик на воротах.

Письмо, написанное для прикрытия источника на французском языке, дошло по назначению, и по нему были приняты меры. Однако появление Гизеллы слишком близко у ворот полпредства незамеченным не осталось. За ней увязался дежурный шпик, установил ее адрес и имя. Гизеллу подвергли

допросу, но у девушки хватило ума не отрицать, что в такой-то день и час она действительно проходила мимо полпредства. Ну и что из этого? Тротуар там не перегорожен, каждый час по нему проходят в обе стороны тысячи людей. В почтовый ящик она, разумеется, ничего не опускала. С какой стати? Выяснив, что Гизелла — дочь влиятельного дипломата, в гестапо решили, что, по-видимому, шпик ошибся, и ее отпустили.

Обладая ярко выраженными качествами природного лидера, Шульце-Бойзен, словно магнит, притягивал к себе антифашистски настроенных людей из разных слоев общества, даже тех, кто был много старше его. Так, его другом и союзником стал полковник Эрвин Гертц, ведавший в министерстве люфтваффе хранением секретной документации. Гертц еще лейтенантом заслужил в воздушных боях Первой мировой войны «Железные кресты» второго и первого класса. Он был человеком консервативных, но никак не реакционных взглядов, и гитлеровский режим считал подлинной трагедией для Германии.

Из младших друзей Шульце-Бойзена внимание Короткова привлек своими разведывательными возможностями сотрудник функабвера (радиоразведки) ефрейтор Хорст Хайльман (в последующем «Керн»). В числе его других потенциальных информаторов были также сотрудник абвер-II лейтенант, а позже и обер-лейтенант Герберт Гольнов, коммунист Иоганнес Грауден, работавший в фирме «Брюнгард», изготовлявшей шасси для самолетов, майор Грегор, ведающий контактами министерства авиации с министерством иностранных дел. Имелся у него еще один важный источник информации — офицер штаба командующего германскими войсками в Балканах генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Листа. Он носил псевдоним «Швед», подлинная его фамилия осталась неизвестной.

Уже на первых встречах Харнак сообщил Короткову много важного. В частности, он рассказал, что германская сторона не довольствуется тем, что советские организации пунктуально выполняют торговые соглашения по поставкам в Германию пшеницы и различного сырья, в том числе и стратегически важного, но намерена настаивать на их увеличении и сокращении договорных сроков. В то же время многие советские заказы, якобы находящиеся в производстве, на самом деле заморожены или же их исполнение искусственно затягивается.

Тут было над чем поразмыслить. Очевидно одно: такая неисполнительность, тем более, введение торговых партнеров в заблуждение, никак не вязалась с общепризнанной немецкой обязательностью и дисциплиной. Совершенно ясно, что это делалось умышленно.

Без особых затруднений Коротков восстановил связь с «Фильтром». Ганс Куммеров их новой встрече неподдельно обрадовался. Он по-прежнему с женой Ингеборг и теперь уже двумя детьми жил в пригороде Берлина на Спанишеаллее, 166. Куммеров заверил Короткова, что готов, как раньше, сотрудничать с советской разведкой. Такую же готовность выразил и его друг, Эрхард Томфор.

Об успешном выполнении задания Коротков сообщил в Москву. В ответ получил следующее указание Центра: «Корсиканца» никому из сотрудников резидентуры на связь не передавать, сообщить ему только о перерыве на некоторое время контактов, а самому выехать в Москву для подробного доклада руководству о перспективах дальнейшего сотрудничества с Харнаком, Шульце-Бойзеном (отныне «Старшиной»), Кукхофом (отныне «Стариком»), их многочисленной сетью сподвижников и информаторов». Примечательно, что Амаяку Кобулову, который, как резидент, знал об этих группах, было запрещено самому вступать с ними в контакт, а он к этому рвался. Видимо, Берия хорошо знал истинную цену разведывательным талантам своего соглядатая в полпредстве.

Александр Михайлович не мог не заметить ревнивого недовольства Кобулова. Амаяк Захарович явно переживал, что его, резидента, в Центр не вызвали. В аппарате подобным вещам всегда придавали особое значение.

Чтобы как-то успокоить Кобулова, Коротков как бы невзначай высказал соображение, что в столь ответственный момент Центр не хочет оставлять резидентуру без первого лица, а с докладом, мол, справится и временно командированный сотрудник. Похоже, такое объяснение удовлетворило самолюбие Амаяка, и он успокоился.

Коротков про себя только ухмыльнулся. Он уже понял: портить отношения с начальством, спорить с ним, тем более, устраивать скандалы — занятие бесполезное. (Кроме самых крайних ситуаций — вроде его увольнения.) Так можно только навредить себе, а главное, угробить дело. Он выработал иную тактику: молча принимать ценные указания к сведению, а поступать без огласки, руководствуясь обстоятельствами, необходимостью, опытом и здравым смыслом.

По счастью, в отношениях с Павлом Журавлевым или Фитиным к подобным уловкам прибегать не приходилось. С ними можно было обсуждать любую проблему без восточных хитростей.

Поезд отправлялся поздним вечером следующего дня, и у Александра было время, чтобы купить московским друзьям подарки и сувениры. Грампластинки с записями Петра Лещенко

(«Аникуша», «Голубые глаза», «Студенточка», «Татьяна» и, разумеется, «Чубчик») после вхождения в состав СССР Бессарабии перестали быть в Москве жутким дефицитом. Поэтому ограничился покупкой авторучек, красивых зажигалок, наборов стопок с видами старого Берлина, разной мелочи, которую можно было набрать без купонов.

В отделе электротоваров «Вертхаймак» ему бросились в глаза фонарики с выдвижной шторкой, ими можно было пользоваться на улице при затемнении. Шторка позволяла бросать пятно света узкой полоской только под ноги. В Москве такие фонарики не выпускались, в Берлине же с началом войны ими пользовалось все население. Словно движимый каким-то дурным предчувствием, Коротков купил несколько штук. Фонарики действительно через каких-нибудь месяцев десять весьма пригодились и московским друзьям, да и ему самому.

В Москве на перроне Белорусского вокзала Короткова встретил водитель наркоматской «эмки». Поздоровавшись и взглянув на часы (поезд опоздал минут на двадцать), успокаивающе сказал:

— Ничего страшного… В наркомате вас ждут через час.

Домой решил не заезжать. Побрился в вокзальной парикмахерской, съел вместо завтрака крепкое антоновское яблоко, купленное тут же, в буфете, вместо каких-то сомнительных пирожков, и поехал на службу.

Сжатый, рассчитанный на полчаса ответ, Короткову довелось повторить дважды: начальнику отделения Журавлеву, затем, в его же присутствии, самому Фитину и Судоплатову. Доклад Журавлеву носил как бы пристрелочный характер. Начальник отделения задал потом несколько уточняющих вопросов, посоветовал, на что сделать упор, когда их примет Фитин.

Войдя в кабинет Фитина, Коротков уже не волновался. Его заботила лишь одна довольно забавная мысль: как бы не перепутать отчества трех находящихся в кабинете его начальников по восходящей: Журавлева звали Павел Матвеевич, Судоплатова — Павел Анатольевич, Фитина — Павел Михайлович.

Про себя улыбнулся, вспомнив, что Берия шифрограммы, направляемые за рубеж, подписывал своим псевдонимом: «Павел»!

Оба доклада прошли спокойно, никаких придирок, раздражения, покровительственных ценных указаний. Вопросов Фитин и Судоплатов задали ему достаточно много, но все по делу, сугубо профессионально.

В Москве Коротков пробыл около двух месяцев, пока высокое

начальство — вплоть до начальника ГУГБ и наркома — разбиралось в доставленных им документах и его отчетах — письменных и устных. Меж тем время бежало.

Задержка Короткова в Москве (после того как он успешно выполнил задание в краткосрочной командировке, его решили снова вернуть в Берлин, но ему об этом еще не говорили), объяснялось весьма важным, можно даже сказать, историческим событием.

В наркоматах иностранных дел, внешней торговли, внутренних дел, многих других центральных ведомствах, а также, разумеется, в «инстанциях» шла интенсивная подготовка к визиту в ноябре 1940 года в Берлин председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. Понятно, что германское отделение разведки и таковое же контрразведки ГУГБ работали в эти дни едва ли не круглосуточно.

В поездке второе лицо партии и страны сопровождала внушительная свита, в том числе нарком черной металлургии И. Т. Тевосян, замнаркома иностранных дел В. Г. Деканозов, назначенный по совместительству новым полпредом СССР в Берлине, а также не упомянутый в сообщениях ТАСС замнаркома НКВД СССР В. Н. Меркулов и другие лица.

15 ноября в «Правде» было опубликовано следующее многозначительное и в то же время маловразумительное (как и все тогдашние официальные сообщения о событиях подобного рода) коммюнике:

«Во время пребывания в Берлине в течение 12–13 ноября сего года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Народный Комиссар Иностранных дел т. В. М. Молотов имел беседу с рейхсканцлером г. А. Гитлером и министром иностранных дел г. фон Риббентропом. Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию.

Тов. В. М. Молотов имел также беседу с рейхсмаршалом г. Герингом и заместителем г. Гитлера по партии национал-социалистов г. Гессом…»

Все подробности этих переговоров и официальные документы, а также воспоминания некоторых их участников, ныне опубликованы. Широко известно и некое занятное обстоятельство: одна из встреч Молотова с Риббентропом, едва начавшись в кабинете министра, была перенесена в бомбоубежище из-за очередной бомбардировки Берлина английской авиацией. Похоже, в Лондоне специально приурочили налет к визиту советской правительственной делегации. В ходе этой беседы Риббентроп заносчиво заявил, что Англия

фактически проиграла войну и с ней со дня на день будет покончено. Молотов в ответ невозмутимо осведомился, почему, в таком случае, они вынуждены разговаривать в бомбоубежище, и что бомбы на них падают.

Увы, сегодня можно твердо заявить, что и намека на «взаимное доверие» и «взаимное понимание» на этих переговорах не присутствовало. На все прямые вопросы номинального главы Советского правительства и внешнеполитического ведомства, касающиеся явного ухудшения отношений между двумя странами, ни одного прямого ответа не последовало: ни от рейхсканцлера Гитлера, ни от рейхслейтера Гесса, ни от рейхсмаршала Геринга, ни, тем более, от рейхсминистра фон Риббентропа.

Переговоры ни к чему не привели, да и не могли привести, потому что еще в июле того же 1940 года Гитлер уже принял твердое решение напасть на СССР в следующем, 1941 году. А 18 декабря, то есть всего через месяц после завершения переговоров, еще раз напомним, проходивших при «взаимном доверии» и «взаимном понимании», Гитлер подписал директиву № 21 Верховного главнокомандования вермахта, более известную как «План Барбаросса», представлявшую общий план военных операций против СССР.

По возвращении Молотова в Москву в руководстве страны еще долго анализировали результаты его поездки, но окончательные выводы были сделаны опять-таки половинчатые и аморфные. Сталин, как и Молотов, уже понимал, что дело катится к войне, но по-прежнему тешил себя иллюзиями, что ее еще можно оттянуть.

Однако нельзя сказать, что поездка советской правительственной делегации в Берлин не имела никакого положительного значения. Молотов вовсе не был такой уж «каменной задницей», как его принято изображать в современной исторической литературе, и далеко не всегда и не во всем бессловесно поддакивал Сталину. Журналы записей посетителей Сталина за этот период бесстрастно фиксируют, что ни один из членов тогдашнего Политбюро не посещал его так часто, иногда по нескольку раз в день, и что не один час они проводили в разговорах с глазу на глаз. Вряд ли он был нужен вождю лишь в качестве поддакивающего слушателя высочайших монологов. Из воспоминаний многих государственных и военных деятелей тех лет известно, что Молотов достаточно часто возражал Сталину, с которым, кстати, одним из немногих был на «ты». Другое дело, что возражал он, конечно, не в вызывающей внешней форме, тем более, что и сам был не очень говорлив, отчасти потому, что

стеснялся своего заикания.

Во всяком случае, он не мог не высказать Сталину сложившегося у него впечатления, что Гитлер относится к пакту как к сугубо тактической уловке, что пакт для него такая же передышка, как и для Советского Союза, и что, во всяком случае, он не отказался от своего стратегического намерения, явно выраженного во всеуслышанье еще в «Майн кампф», совершить нападение на СССР. Вопрос упирался лишь в сроки. Сталин полагал, что такое нападение если и состоится, то не раньше, чем через два-три года.

Но кое-какие меры предосторожности все же были предприняты: форсировалось производство новых видов вооружения, поспешно открывались дополнительные военные училища, проводилась переподготовка командиров и политработников запаса (именно тогда многие известные писатели молодого и среднего возраста были призваны на краткосрочные курсы и сборы, после чего им были присвоены воинские звания), учреждались наркоматы оборонной промышленности.

Решено было также усилить разведку и контрразведку. Для этого было принято принципиальное решение о выделении из НКВД самостоятельного народного комиссариата государственной безопасности, с расширенными про сравнению с ГУГБ штатами. Официально эта реорганизация была осуществлена в начале 1941 года.

В такой ситуации руководство разведки справедливо решило, что помощника начальника отделения Александра Короткова, уже освоившегося в Берлине, разумнее всего туда же вернуть для продолжения начатой им работы по воссозданию и дальнейшему развертыванию разведывательной сети. Решено было также под различным прикрытием направить в Германию еще несколько оперативных работников.

Так уж сложилось, что в силу многих обстоятельств, а также собственных способностей, в первую очередь оперативной смелости и умения быстро ориентироваться в ситуации, Александр Коротков на те полгода, что отделяли нашу страну от Великой Отечественной войны, стал одной из ключевых фигур советской внешней разведки. Уже одного этого достаточно, чтобы занять в ее истории почетное место. Возможно, эти месяцы стали звездными в его жизни.

В конце ноября Короткову неожиданно пришлось выехать на несколько дней в Ленинград. Командировка в этот город сотрудниками любого ведомства всегда рассматривалась чуть ли не как награда. Короткову, однако, почти не удалось

полюбоваться красотами «Северной Пальмиры». О сути проделанной в Ленинграде Коротковым работе красноречиво говорит документ, послуживший основанием для командировки.

«Начальнику 5 Отдела ГУГБ НКВД СССР
Ст. майору госуд. Безопасности[74]
Тов. ФИТИНУ

РАПОРТ

3-й Отдел[75] УГБ НКВД по Ленинградской области отобрал около 15 человек агентов, выведенных разновременно из Советского Союза в Германию и запрашивает нас санкции на восстановление с ними связи с помощью посылаемых в Германию специально для этой цели связников.

Несмотря на неоднократные запросы в Ленинград, нам не были представлены материалы, которые позволяли бы судить о возможности и целесообразности восстановления связи с тем или другим агентом, и переписка по этим вопросам лишь затягивает оперативное решение по делам.

В связи с этим, прошу Вашего согласия на командировку в Ленинград зам. нач. 1 отделения — лейтенанта государственной безопасности тов. Короткова с заданием:

1) Отобрать в Ленинграде из выведенной в Германию агентуру такую, связь с которой действительно следовало бы восстановить.

2) Обсудить на месте способы восстановления и поддержания связи с этой агентурой.

3) Встретиться с намечаемыми Ленинградом связниками для определения их пригодности для этой цели.

4) Помочь 3 отделу УГБ НКВД ЛО в определении контингента требуемой нам агентуры, условий ее предварительной проверки, порядка установления связей и т. д.

5) Выяснить возможность 3 отдела УГБ НКВД ЛО по агентурной работе в Германии.

Материалы поездки будут представлены на Ваше окончательное решение. Короткие справки на агентуру прилагаются».

Рапорт подписал Журавлев. Судоплатов его утвердил. Коротков задание выполнил. Автору и читателям остается только гадать, что стало с этими разведчиками, направленными в Германию из Ленинграда в конце 1940 года…

Итак, Короткову было предписано восстановленные старые связи активизировать. Установить личные контакты с Шульце-Бойзеном, Кукхофом и Шумахером (отныне «Тенором»), чтобы

сеть в целях безопасности не замыкалась на одного Харнака. Ему поручалось также выяснить влияние и роль оппозиционных сил (вследствие появления в материалах имени Герделера и других), обеспечить безопасность советских граждан, работающих в Германии, выявлять военные планы Гитлера в отношении СССР, структуру управления хозяйством страны в условиях военного времени, экономические расчеты в случае затягивания войны, узнать, как происходит обеспечение Германии сырьем и продовольствием, а также конкретные намерения немцев относительно выполнения их обязательств перед СССР и многое другое. Прямой же вопрос о возможности нападения Германии на СССР руководство умудрилось обойти.

Однако в разговорах один на один и Журавлев, и Фитин ясно дали ему понять, что в первую очередь ждут от него материалов о возможности, а вернее, сроке нападения Германии на СССР.

Еще 14 декабря «Захару» было отправлено в Берлин письмо, в котором, в частности, говорилось: «На днях к Вам выезжает т. Степанов на постоянную работу в качестве Вашего помощника.

Основным его заданием на первое время, согласно указаний т. Павла, будет работа с «Балтийцем» и детальная разработка всех его связей с целью новых вербовок среди них. Это — в части внешней работы т. Степанова.

Одновременно Вам следует использовать т. Степанова как Вашего основного помощника по всем организационным и оперативным внутренним делам резидентуры… для активизации всей нашей работы в Вашей конторе».

Под основным текстом задания, включавшего множество пунктов, уже заранее было напечатано: «Читал, усвоил и принял к исполнению». Разведчику оставалось только подписаться ниже: «Коротков. 26 декабря 1940 г.»

Начался период самой напряженной, интенсивной и опасной для всех ее участников разведывательной работы в сердце «третьего рейха».

Реорганизация ведомства, о которой сотрудники шушукались между собой еще с осени, состоялась уже после отъезда Короткова в Берлин. Указом Президиума Верховного Совета СССР (ему, разумеется, предшествовало постановление ЦК партии от 3 февраля 1941 года НКВД СССР был разделен на два народных комиссариата: внутренних дел и государственной безопасности. Наркомом первого был назначен Л. Берия, наркомом второго — В. Меркулов. В тот же день Л. Берия был назначен и заместителем председателя Совнаркома СССР. Ему было поручено курировать работу нескольких ведомств: наркомата лесной промышленности, наркомата цветной металлургии, наркомата

нефтепромышленности, наркомата речного флота и наркомата государственной безопасности!

Первым заместителем наркома госбезопасности стал Иван Серов, заместителем — Богдан Кобулов. Первое управление (разведки) возглавил Павел Фитин, Второе (контрразведки) — Петр Федотов, Третье (секретно-политическое) — Соломон Мильштейн, Следственную часть (на правах управления) — Лев Влодзимерский.

Штаты разведки (возведенной из 5-го отдела в ранг Первого управления) с учетом реально ежедневно меняющейся международной обстановки, существенно расширились.

Формально оба новых наркомата были равноправными. Однако фактически Берия, как заместитель председателя Совнаркома, то есть самого Сталина, сохранил полный контроль над деятельностью своего многолетнего подчиненного и выдвиженца Меркулова. К тому же Берия одновременно являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), что уже ставило его автоматически выше любого наркома. Так что Меркулов по-прежнему считал Берию своим руководителем, потому неудивительно, что большинство спецсообщений нарком НКГБ направлял большей частью в три адреса: Сталина, Молотова, Берии.

«Альтона» или «Дортмунд»

Из «чистых» дипломатов, Коротков (теперь в качестве стажера полпредства) довольно близко сошелся с Валентином Бережковым. Это был молодой красивый мужчина с пышной шевелюрой, в которой поблескивали серебряные нити ранней седины. Перед тем как попасть на дипломатическую работу, Бережков служил матросом на Тихоокеанском флоте, и это наложило определенный отпечаток — в лучшую сторону — на его характер.

Бережков в совершенстве владел немецким и английским языками. Весной и летом 1940 года он работал в торгпредстве, поскольку, ко всему прочему, обладал специальностью инженера-технолога. Его регулярно привлекали к переговорам с немцами по экономическим вопросам, в частности, когда такие переговоры вел нарком внешней торговли СССР Анастас Микоян. Он приглашал Бережкова на роль доверенного переводчика.

Во время визита в Берлин Вячеслава Молотова Бережков вместе с Владимиром Павловым участвовал в качестве переводчика в его переговорах с Гитлером и Риббентропом.

Потом Бережков вернулся в Москву, а в самый канун Нового, 1941 года, вновь объявился в Берлине уже в ранге первого секретаря полпредства.

Полпред Деканозов и резидент Кобулов были осведомлены, что к Бережкову благоволил не только Молотов, но и сам Сталин, поэтому не допускали по отношению к Валентину откровенного хамства (что было почти нормой в разговорах с другими сотрудниками), и он пользовался в пределах своей компетенции относительной независимостью. Бережков чаще других советских дипломатов посещал приемы в иностранных посольствах, поддерживал знакомство со многими западными дипломатами, журналистами, а также представителями деловых и промышленных кругов.

Бережков был осведомлен, что его приятель Коротков является разведчиком, обладает своими конфиденциальными источниками, но в то же время лишен тех возможностей общения как с немцами, так и с иностранцами в Берлине, какими располагает он.

Вполне естественно, что Коротков и Бережков регулярно беседовали на темы, представляющие для них взаимный интерес. Особенно часто и откровенно они делились друг с другом своими наблюдениями, начиная с февраля — марта.

В конце апреля на коктейле в особняке первого секретаря

посольства США Паттерсона американский дипломат подвел Бережкова к очень загорелому, явно не под бледным берлинским солнцем, майору в форме люфтваффе. Майор охотно и образно рассказывал гостям об операциях в Западной Европе и Африке, откуда прибыл днями.

В конце вечера офицер остался на какую-то минуту наедине с Бережковым. Пристально глядя ему в глаза, понизив голос, он вдруг сказал:

— Выслушайте меня внимательно. Я приехал в Берлин вовсе не в отпуск. Эскадрилья, которой я командую, покинула Северную Африку. Вчера мы получили приказ передислоцироваться на аэродром под Лодзью. Возможно, за этим ничего и не кроется. Но мне доподлинно известно, что к вашим границам перебрасываются в последнее время и другие части. Мне бы не хотелось, чтобы между нашими странами произошло непоправимое. Это доверительный разговор, надеюсь, вы понимаете…

— Разумеется, майор. Благодарю вас. Хочу надеяться, что ваша страна все же не нарушит пакт о ненападении, и мир будет сохранен…

— Дай-то Бог… — Майор вздохнул, прочувственно пожал руку Бережкову и направился прощаться с хозяином дома Бережкову стало ясно, что офицер явился в этот особняк лишь ради минутного разговора с советским дипломатом.

Бережков доложил о разговоре Деканозову. Полпред посоветовал Валентину «не поддаваться на провокации». Однако все же — на всякий случай — дал указание включить информацию об этом разговоре в очередное сообщение в Москву.

Совсем иначе отнесся к этому факту Коротков, когда Бережков поделился с ним своими впечатлениями от визита к американцу. Для Короткова важно было то, что данная информация (по сути для него не новая) поступила не из штаба люфтваффе, а непосредственно от боевого офицера, которому, возможно, не сегодня-завтра придется участвовать в военных действиях.

Дальше — больше. Перед самым нападением Германии на Югославию, посланник этой страны в Берлине Андрич на приеме сказал Деканозову и Кобулову, что теперь на очереди — Югославия, а после оккупации маленькой балканской страны Гитлер устремится на восток…

На совещании оперативных сотрудников резидентуры Кобулов рассказал об этой реплике Андрича, но тут же повторил сталинские слова, что на Западе есть силы, которые хотят поссорить нас с Германией, что надо сохранять бдительность, не

поддаваться на провокации, не идти на поводу слухов, давать им достойный отпор…

— Ну и как ты к этому относишься? — спросил Бережков Короткова после очередной подобной же накачки у полпреда.

— Как? Да никак. Работать надо… Вот Боря Журавлев, выслушав нашего шефа, поступил умнее всех: тут же отправил жену и новорожденного сына в Москву. Подальше от греха. По примеру наших коллег, немцев…

Бережков знал, на что намекал Коротков: с каждым пассажирским поездом из Москвы прибывала одна-две семьи сотрудников посольства Германии в СССР.

Были и другие признаки, мягко говоря, охлаждения в отношениях между двумя странами, незаметные для стороннего взгляда, но многозначительные для знающих дипломатический протокол. Так, на приемы, которые устраивало советское полпредство, из высокопоставленных нацистов приходил только министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. Иногда появлялись генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и известный летчик-ас, создавший вместе Герингом военно-воздушные силы Германии генерал-фельдмаршал Эрхард Мильх. И то ненадолго.

Регулярно здание на Унтер-ден-Линден посещал лишь статс-секретарь МИД, (то есть постоянный первый заместитель министра) Отто Мейснер. Но эти визиты входили в его служебные обязанности.

В феврале в консульском отделе появился необычный посетитель — таких здесь видели нечасто: рабочий, типографский рабочий, что можно было определить по его рукам, хранившим следы трудносмываемого гарта, сплава, из которого отливаются литеры. Рабочий себя не назвал, он был очень взволнован, что не помешало ему прошмыгнуть в двери консульства так, чтобы остаться незамеченным размеренно прохаживающимся по тротуару шуцманом[76].

В консульстве он задержался всего на какую-то минуту, только чтобы вручить встретившему его сотруднику карманного размера новенький, только что отпечатанный огромным тиражом немецко-русский разговорник. Не туристский, а — военный. Составляющие его тексты: «Руки вверх!», «Сдавайся!», «Где твой командир?» и прочие красноречиво свидетельствовали о том, для чего он предназначался.

Не следует думать, что берлинская резидентура служила лишь «почтовым ящиком» для приема сообщений от своих источников и последующей передачей их в Москву. Вовсе нет. Резидентура активно ставила перед агентами определенные

задачи и, в свою очередь, получала конкретные указания от Центра и принимала их к исполнению. Суть этих указаний зачастую зависела от того, задавали их руководители разведки, то есть, профессионалы, или пресловутые «инстанции». Эти последние порой могли вызвать лишь недоумение, очень уж часто они содержали требования еще раз все проверить, перепроверить, не поддаваться на провокации.

Коротков подметил, что самые важные и конкретные задания всегда подписывал либо начальник отдела, либо его заместитель. И неспроста. Всемогущие инстанции не желали признаваться тем самым в очевидном.

В шифротелеграмме № 54 от 10 апреля 1941 года руководство разведки предписало резидентуре «…по вопросам авиации озадачить «Старшину». Через «Шведа» выяснить дислокацию немецких частей в Румынии, через «Испанца» получить сведения о положении в военно-химической промышленности, используя при этом возможности «Турка». Добыть военно-технические новинки через «Грека». О состоянии военно-морского флота получить информацию через «Итальянца». Ориентировать «Брайтенбаха» на выяснение дислокации германских воинских частей и строительства укреплений на границе, прилегающей к территории СССР».

Легко заметить, что эти задания точь-в-точь совпадали с тем, что резидентура и без них успешно делала.

18 апреля все европейские резидентуры получили указание активизировать агентуру на случай возможной войны. Однако резиденты не могли не обратить внимания на то, что столь важную директиву подписал не нарком госбезопасности Меркулов, а заместитель начальника разведки Судоплатов. Аппаратные игры в ответственность продолжались… О степени озабоченности Центра возможностью войны каждый резидент судил по своему разумению. Соответственно и трактовал данное указание.

Главной проблемой была связь, контакты с агентами. В сложившихся условиях встречаться с ними для сбора информации приходилось едва не ежедневно, волей-неволей приходилось сводить до минимума нормальные меры предосторожности, отказываться от многочасового кружения по городу перед выходом на условленное место встречи, сотрудников для обеспечения и проведения контрнаблюдения не хватало.

Приходилось считаться и с тем фактом, что, скажем, те же Харнак и Леман были ответственными сотрудниками своих ведомств, и теперь им, как никогда раньше, было трудно вырваться на встречу в присутственные часы, к тому же зачастую

начальство задерживало их подолгу и по окончании рабочего дня.

Еще одно обстоятельство, никак не зависящее от Короткова и его коллег, создавало для них дополнительные трудности. Имеется в виду их высшее руководство в стенах самого полпредства. Выбор Владимира Деканозова в качестве полпреда, да еще в Германии, да еще и с полномочиями заместителя наркома был крайне неудачен. Этот человек просто-напросто не подходил для столь крупного дипломатического поста. Немцы прекрасно знали, что в НКИД Деканозов пришел прямехонько из НКВД, где много лет был одним из приближенных Берии. Он никогда ранее не бывал за границей, не владел ни одним иностранным языком. Знали немцы и то, что Амаяк Кобулов не просто сотрудник НКВД, пускай и ответственный, но родной брат Богдана Кобулова, правой руки все того же Берии.

Такое сочетание двух первых лиц полпредства насторожило бы контрразведку любой страны. И СД и абвер, и гестапо вправе были даже чисто умозрительно полагать, что, по меньшей мере две трети персонала советского полпредства, торгпредства, консульств, журналистского корпуса, иных граждан СССР, находящихся в Германии, являются разведчиками.

Немцам однако, в голову не могло прийти, что подлинным руководителем советской резидентуры в Берлине является не высокопоставленный и амбициозный Кобулов, а сотрудник, стоящий на служебной лестнице несколькими ступеньками ниже. Потому-то они, установив весьма плотное, но, в сущности, бесполезное наблюдение за Амаяком, невольно ослабили свое внимание к другим сотрудникам, в которых подозревали разведчиков.

В какой-то степени это облегчало работу «Степанова», «Николая», «Аркадия», «Егора», «Акима» иных подчиненных Кобулова. При выходах в город Коротков сравнительно редко пользовался автомобилем полпредства (машин тогда у советских дипломатов вообще было мало), предпочитал обычный берлинский транспорт: автобусы, поезда городской наземной железной дороги, метро, в некоторых районах — трамвай. У него было серьезное преимущество перед коллегами — опыт нелегального пребывания в нескольких странах Европы. Коротков не обладал ярко выраженной славянской внешностью, он не только одевался как немец, но умел и одежду носить как немец, а это не одно и то же. У Александра никогда не торчала расческа из верхнего кармана пиджака, он не застегивал однобортный костюм на все три пуговицы, а только на среднюю, не разминал сигарету перед тем, как прикурить, его ботинки всегда были начищены до блеска, а щеки гладко выбриты. Наконец, он в совершенстве

владел немецким языком, легкий венский (но никак не русский) акцент только помогал ему в контактах с берлинцами в разных ситуациях.

Почему ему достаточно было хоть раз ускользнуть от наружного наблюдения (если таковое имело место), что, в принципе, всегда возможно, чтобы раствориться в толпе.

Другим разведчикам приходилось труднее. Правда, Журавлеву несколько облегчало работу то обстоятельство, что «Брайтенбах», старый полицейский волк, сам опытный профессионал, превосходно знал каждую берлинскую подворотню, каждый проходной двор, каждую пивную и без особых хлопот обеспечивал надежную конспиративность их встреч.

Гауптштурмфюрер сообщал не только информацию, представлявшую самостоятельную ценность для Центра, но и специфические сведения о своем ведомстве. Благодаря ему в резидентуре было известно, кто из сотрудников находится под особо пристальным наблюдением гестаповцев, где у них постоянные и передвижные посты, какие методы применяют шпики, каких районов и мест города следует избегать для встреч с агентурой, а какие относительно безопасны, и тому подобное.

Как бы то ни было, ни один из агентов советской разведки, с кем в эти месяцы встречались Коротков и другие товарищи, не попал под «колпак» гестапо, не был задержан и изобличен.

К слову сказать, если «Брайтенбах» по роду службы не мог знать ничего существенного о планах верховного командования вермахта, потому как не соприкасался с армейскими кругами, тем не менее, именно потому, что гестапо старалось не упустить из поля своего зрения ничего важного, он порой получал прямо-таки удивительные по ценности сведения. Так, читателю уже известно, но стоит еще раз обратить на это внимание, что в 1935 году, то есть задолго до войны, «Брайтенбах» представил информацию о проведении испытаний некоторых абсолютно новых видов оружия, в том числе жидкостно-топливной боевой ракеты с дальностью полета до двухсот километров. Позднее удалось установить, что ее разработал талантливейший инженер Вернер фон Браун, ставший впоследствии «отцом» не только печально известных «Фау», но и американских космических ракет. Занятно, что немецкий конструктор состоял в дальнем родстве с многолетней любовницей и двухдневной женой Гитлера. Ева Браун тоже имела право на дворянскую приставку перед фамилией.

Сколько же агентов, в подавляющем большинстве убежденных антифашистов, состояло в те месяцы и недели на

связи у сотрудников резидентуры? Точное их число мы никогда не узнаем. Но их было достаточно много, и не все они входили в группы, которые историки причисляют к «Красной капелле».

Так, на 1 мая поступило сообщение из Берлина от надежного источника «Франкфуртера». За этим псевдонимом скрывался офицер германской военно-морской разведки Карл Эйкоф. Когда-то он в числе других иностранных специалистов работал в СССР на судостроительном заводе и по идейным мотивам в 1936 году стал сотрудничать с советскими органами государственной безопасности. Сейчас «Франкфуртер» передал важную и точную информацию о положении в Германии с такими стратегическими материалами, как бензин и каучук, а также с хлебом.

Но вернемся теперь к собственно разведывательной работе самого Александра Короткова после его возвращения из Москвы…

С наступлением Нового, 1941 года, информация, передаваемая Короткову Харнаком (в том числе получаемая последним от Шульце-Бойзена), приобретала все более тревожный характер, хотя в ней встречались отдельные неточности и противоречия. На то имеется несколько объяснений, в частности некоторые колебания в самом германском руководстве, а также «утечка» ряда сведений специально с целью введения возможной советской агентуры в заблуждение.

Приведем некоторые достаточно красноречивые выдержки из донесений Короткова в Москву в первые месяцы 1941 года.

Январь

«Кругах, группирующихся вокруг “Херренклуба”[77], нарастает мнение, что Германия проиграет войну[78] и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой, с тем чтобы повернуть оружие на Восток».

«В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград».

«Позиции Геринга все больше и больше склоняются к заключению соглашения с Америкой и Англией. Геринг дал распоряжение о переводе «русского реферата» министерства авиации в так называемую активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции».

«Военно-хозяйственный отдел Имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (ОКВ) распоряжение о составлении карт промышленности СССР».

Февраль, 26

1. «В высших инстанциях правительств и военных организаций Германии в глубокой тайне интенсивно прорабатывается вопрос о военных операциях против СССР. Упор делается на изучение выгод от оккупации советских территорий, ресурсы которых будут использоваться в интересах рейха, в частности смягчения продовольственной проблемы, все более обостряющейся.

2. Гальдер, начальник штаба сухопутных войск германии, выражает уверенность в успехе молниеносной войны против СССР, захвате Украины и Баку. При внезапном ударе Красная Армия не успеет прийти в себя от шока и не сможет ликвидировать запасы, остающиеся на оккупированной территории.

Геринг, второе лицо в государстве, на заседании генсовета Комитета по четырехлетнему плану заявил, что то, что не дадут добровольно, будет взято силой оружия».

Февраль

«Карл Герделер, бывший имперский комиссар по ценообразованию, предпринял попытку договориться с военной верхушкой в стране об устранении Гитлера и образовании нового германского правительства. Переговоры велись на достаточно высоком уровне. В целом представители генералитета высказались против предложения Герделера, хотя начальник управления хозяйством и вооружением Верховного командования генерал Томас и командующий войсками генерал Гепнер с полной поддержкой относятся к Герделеру. В настоящее время Верховное командование вермахта разделяет идею Гитлера и одобряет его милитаристские планы.

Группа Герделера придерживается англо-американской ориентации».

Случалось, Шульце-Бойзен получил информацию совершенно неожиданного, но не менее ценного характера. Так однажды Коротков сообщил Центру:

«“Старшине” доподлинно известно, что американский военно-воздушный атташе в Москве является германским агентом. Он передает разведывательные сведения немцам, получаемые им, в свою очередь, от своих связей в СССР, и в первую очередь от американских граждан, работающих в советской промышленности. “Степанов” просит об осторожности при использовании этих сведений, так как “Старшина” — один из немногих лиц, которым известно, что американец — немецкий агент».

Официальное изобличение высокопоставленного американского дипломата, разумеется, в тот момент не входило в

интересы советского руководства. Однако контрразведка НКВД, получив через Зою Рыбкину это уведомление, сумела деликатно обезвредить его иными методами, чтобы не засветить берлинский источник информации.

Также через «Старшину» Центр узнал, что иранский военный атташе в Берлине завербован англичанами и что немцы вскрыли иранскую систему кодов.

Серьезное значение имела информация Шульце-Бойзена о работе известного авиаконструктора Вилли Мессершмитта над модификацией истребителя Ме-109Е. Шесть истребителей этого типа немецкие летчики испытали в небе Испании. Последующие несколько лет им не было равных в мире. «Мессеры» развивали скорость до 570 км/час, имели мощное по тем временам вооружение: два пулемета и пушку. Предвидя появление новых английских и советских истребителей, Мессершмитт стал к этому загодя готовиться. На Ме-109F, а затем на Ме-109Т он поставил более модный мотор, добавил еще одну пушку и пулемет. В деле новые «мессеры» появились летом 1942 года над Сталинградом, но для советских авиаторов это не явилось неприятным сюрпризом.

Март

«Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях. Подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе».

«Операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом. Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киркинес. Съемки производятся с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт».

«Решен вопрос о военном выступлении против СССР весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб, и немцы воспользуются этим урожаем».

«По мнению германского штаба, Красная Армия будет в состоянии оказывать сопротивление только в течение первых 8 дней, после чего она будет разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагают лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы продвинутся на восток и отторгнут Кавказ от Советского Союза. Урал, по их расчетам, может быть достигнут в течение 25 дней».

«Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время. Работы по вычислению экономической эффективности антисоветской акции продолжаются. Особое внимание уделяется

вопросу о мощности нефтяных промыслов в Галиции».

Примечательно, что в этих документах, так сказать внутреннего пользования, добытых разведчиками, нет ни единого слова об исторической миссии арийской расы и немецкого народа в частности, ни слова об угрозе Германии со стороны СССР, ни малейшего упоминания о спасении Европы от коммунизма. Все предельно откровенно: взять силой то, что не отдадут добровольно, путем оккупации плодородных земель Украины решить свои продовольственные трудности, захватить бакинскую нефть, не забыто даже — вот уж чисто немецкая пунктуальность — обоснование начать войну весной, чтобы русские не успели сжечь хлеба, поскольку в эту пору они еще будут зелеными… Словом, речь идет об истинных мотивах намечаемой и уже планируемой агрессии — грабеже, грабеже, и еще раз грабеже…

20 марта 1941 года Коротков решился на шаг беспрецедентный: в нарушение всех существовавших тогда (и существующих поныне) правил, он послал, минуя резидента и свое непосредственное начальство в Москве, включая даже наркома госбезопасности Меркулова, личное письмо Берии. Пойти на это он мог лишь при одном условии: имея на то санкцию, полученную еще до поездки в Берлин, самого адресата — заместителя Председателя Совнаркома СССР, курировавшего, кроме прочих центральных ведомств, и НКГБ. Письмо, написанное от руки, публикуется впервые.

«Тов. Павлу — лично.

Разрешаю себе обратить Ваше внимание на следующее:

В процессе работы с «Корсиканцем» от него получен ряд данных, говорящих о подготовке немцами военного выступления против Сов. Союза на весну текущего года. Общая сводка этих сведений коротко дает следующую картину.

1. В октябре 1940 г. «К.» сообщил: в ближайшее время предстоит военная оккупация немцами Румынии. Эта оккупация явится предварительным шагом для акции против С. С. С. Р., целью которой является отторжение от Сов. Союза. Территории западнее линии Ленинград — Черное море, создание на ней полностью находящегося в немецких руках правительства. В остальной части Сов. Союза должно быть образовано дружественное Германии правительство. Эти сведения исходили от одного из руководителей фирмы…, входящего в группу «Корсиканца». Тот в свою очередь почерпнул их из разговора со своим другом, работающим в верховном командовании немецкой армии. Последний эти данные — из разговора со своим начальством.

2. «Икс» — …рассказал «Корсиканцу», что он получил

задание подготовить расчеты, какой бы был экономический эффект от оккупации сов. территории немцами. При этом приводилось мнение начальника генерального штаба сухопутной армии Гальдера о неспособности Кр. Армии оказать длительное сопротивление, о возможности оккупации Украины в чрезвычайно короткий срок при неожиданном, молниеносном ударе и взятии даже Баку.

3. По словам человека «Корсиканца», работающего в хоз. управлении верховного командования армии, там было получено точно такое же задание.

4. Знакомый «Корсиканца»…, имеющий связи в военных кругах, заявил ему, что подготовка удара против С. С. С. Р. стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на нашей границе немецких войск. Немцев очень интересует ж. дорога Львов-Одесса, имеющая западноевропейскую колею.

5. Другой знакомый «Корсиканца»… связанный с бюро Риббентропа и службой безопасности С. С., ссылаясь на свой разговор с двумя фельдмаршалами, заявил, что Германия в мае выступает против С. С. С. Р.

6. «Старшина» сообщает об активно проводимой акции по аэрофотосъемке нашей приграничной полосы.

7. Сотрудник статистического института, работающего по заданиям военного командования, рассказал «Корсиканцу» также о готовящемся выступлении против С. С. С. Р.

8. От других лиц «Корсиканец» получил данные аналогичного порядка. Напр., немцы подготовляют карты расположения наших промышленных районов, лица, знающие русский язык, получили извещения, что в случае их мобилизации они будут использоваться в качестве переводчиков при военных трибуналах. Двоюродный брат «Корсиканца» заявил, что у его группы (…и др.) в процессе зондажа почвы о настроениях к Гитлеру военного руководства, также сложилось впечатление о подготовке против С. С. С. Р. Упомянутый… недавно заявил, что выступление против Союза является решенным вопросом. Правда, подробнее «Корсиканец» в связи с этим с ними еще не говорил. Далее следует упомянуть разговор «К.» с уполномоченным «Форшунгсамта» в мин. хоз., в котором последний заявил (как свое личное мнение), что операции против британских островов отсрочены, сначала последуют действия в районе Средиземного моря, затем против С. С. С. Р. и только тогда против Англии. Как теперь сообщает «К.», царит общее мнение, что операции против Англии отложены.

Все эти данные с указанием источников и обстоятельств их

получения «Корсиканцем» уже сообщались и их рассмотрение в полном виде. [слово неразб.] больше возможностей для анализа, чем этот краткий перечень.

Насколько мне известно по линии военных[79], от одного их агента поступили сведения, которые чуть ли не буква в букву совпадали с данными «Корсиканца», а именно: в прошлом году к военным поступили сведения о том, что немцы планируют выступить в мае против С. С. С. Р. и отторгнуть от С. С. С. Р. территорию западнее линии Ленинград — Одесса. Этот агент доносит, что Гитлер заявил, что скоро Сов. Союз может стать слишком сильным. Такие же данные поступают от «Корсиканца». Сейчас агент военных вновь сообщает о готовящемся выступлении против С. С. С. Р. в мае месяце.

В прошлом году от «Лесовода» были получены данные: работник группы атташе немецкого командования… заверил «Лесовода», что Германия выступит весной против С. С. С. Р. Сведения косвенного порядка поступили в этом направлении также от… «Брайтенбаха».

Отдавая себе полностью отчет о пробелах и недостатках в сведениях «Корсиканца», тем более когда речь идет о вопросе такой серьезности, я коротко разрешил себе перечислить все его данные и сделать ссылки на другие источники, с тем чтобы отдел представил Вам полный анализ всех подобных материалов в этой области «Корсиканца» и других источников.

Одновременно с этим считаю необходимым выдвинуть следующие вопросы.

В моих глазах «Корсиканец» заслуживает полного доверия, и мне кажется, что данные о том, что немцы с полной серьезностью взвешивают вопрос о нападении в скором времени на Сов. Союз, полностью соответствует действительности. По вопросу о том, решена ли эта акция или нет, от «Корсиканца» не поступило еще достаточно сведений для каких-либо выводов. Далее, поскольку сведения от других источников скудны, и я их зачастую знаю только поверхностно, моя личная оценка сведений «Корсиканца» происходит на основе впечатлений от него, логики и даже разворота событий вообще. Тем более у меня все это может привести к ошибкам. Хотя «Корсиканец» и ссылается на целый ряд лиц, в конечном итоге это все же один и тот же источник. Поэтому мне кажется, что личные впечатления от него играют большую роль в оценке его как агента вообще, в особенности, когда перекрытие его сообщений недостаточно.

В силу этого я считал бы целесообразным, если бы с ним встретился тов. Кобулов. Как более опытный товарищ он мог бы, с одной стороны, вынести подтверждающее или обратное

впечатление о нем, с другой, поскольку мне «Корсиканец» кажется весьма и весьма интересной фигурой, такая бы встреча повела бы к активизации агента. Все вопросы работы с «Корсиканцем» я обсуждаю с т. Кобуловым. Его личное знакомство с «К.» и получение представления о нем не только с моих слов, облегчило бы задачу для меня и тов. Кобулова и дачу советов и корректировку со стороны последнего. Поскольку время не терпит, прошу дать указание о телеграфном сообщении нам Вашего решения.

Считал бы целесообразным также выяснить, кто такой упомянутый выше агент военных. Мне кажется, что поскольку его сведения иногда так совпадают с данными «Корсиканца», они вращаются в одном и том же кругу и вполне возможно даже знакомы.

Мы дважды писали в Москву, что было бы хорошо сделать «Корсиканцу» продуктовый подарок. Однако кроме совета дать ему карточки, которых у нас нет, мы ничего не получили. Отношениям с «К.» мы стараемся придать характер, помимо всего прочего, личной дружбы, и такая внимательность с нашей стороны была бы только на пользу дела.

В Москве, по-видимому, материалы «Корсиканца» не сконцентрированы в одном месте. В одном письме нам сообщают, что человек «Корсиканца»… не известен, в другом же — просят выяснить, где… сейчас находится и что делает — он, оказывается, был нашим агентом до 1938 года.

Примерно два месяца тому назад мы просили сообщить решение о нашем быв. агенте «Эразмусе», с которым на чисто нейтральной почве связан «Корсиканец», однако ответа нет до сих пор.

Степанов.»

Письмо приведено полностью, многоточием отмечены только пропуски псевдонимов источников, что в данном случае не имеет никакого значения.

Когда автор закончил перепечатку этого любопытнейшего во всех отношениях документа, его осенила догадка: «Степанов» имел не санкцию «Павла», а прямой приказ писать ему время от времени.

Немного комментариев. Ничего нового Коротков Берии по существу не сообщил: почти вся информация уже излагалась в шифровках в Центр. Но кое-что все же привлекает внимание. Широко издаваемый сейчас в России писатель Виктор Суворов (псевдоним бежавшего на Запад много лет назад офицера ГРУ Виктора Резуна) в своих книгах утверждает, что Сталин готовился первым нанести удар по Германии, и Гитлер, зная это, 22 июня

1941 года лишь опередил советского лидера. Это — слово в слово повторение аргументов нацистской пропаганды того времени. Примечательно, что в информации, полученной «Корсиканцем» и «Старшиной», отраженной не только в шифровках берлинской резидентуры но и в этом личном письме Короткова Берии, нет ни малейшего упоминания о «предотвращении советской угрозы». Речь идет именно о планируемом и ничем не спровоцированном нападении Германии на СССР.

Не должен вводить в заблуждение читателя пассаж Короткова о желательности помощи со стороны «более опытного старшего товарища» Кобулова. Это уже чистая дипломатия. Коротков прекрасно знал, что Амаяк — креатура Берии, и потому по отношению к нему следует соблюдать пиитет. Но знал и то, что к серьезным оперативным делам тот же Берия Кобулова не подпускал, потому как знал цену его «опыту».

К весне ситуация настолько обострилась, что получение информации от Шульце-Бойзена и Кукхофа через посредничество Харнака стало процессом недопустимо затяжным. 15 марта Центр дал указание Короткову установить непосредственную связь со «Старшиной» и «Стариком», хотя было ясно, что контакт с офицером, работающим в центральном аппарате люфтваффе, следовательно, секретоносителем, дело чрезвычайно сложное и опасное. К тому же, на «Степанова» теперь ложилась бы запредельная физическая нагрузка, поскольку даже самая короткая встреча с учетом времени на выход и возвращение занимала самое малое четыре-пять часов. Но Центр настаивал, чтобы резидентура установила прямой выход на обе группы, Коротков вызвал на связь Харнака, постарался как можно тактичнее (Арвид был достаточно самолюбив) объяснить ему, что обстоятельства требуют как бы раздробления организации. Нельзя дальше замыкать все контакты на него одного. Стоит ему попасть под подозрение спецслужб, все группы утратят связь с Москвой. Это в лучшем случае. В худшем — гестапо выйдет не только на ближайшее окружение его, Харнака, но и на людей, концентрирующихся вокруг Шульце-Бойзена и Кукхофа. Под ударом окажутся десятки патриотов.

Харнак все понял и устроил Короткову его первую непосредственную встречу с Шульце-Бойзеном.

25 марта в условленный час в одном из укромных уголков Тиргартена навстречу Короткову вышел высокий, стройный офицер в летней форме, сидящей на нем как-то особенно элегантно. По легкой, быстрой походке, хорошо координированным движениям Коротков мгновенно опознал в нем классного спортсмена. Никакой ходульности, подчеркнутой

до карикатурности выправки, столь характерной для кадровых, тем более потомственных прусских офицеров от юных лейтенантов до седовласых фельдмаршалов.

Лицо Шульце-Бойзена с неправильными чертами, было, в общем-то, некрасивым, но, тем не менее, от него так и веяло обаянием, а мягкая улыбка была просто неотразимой. Наверняка он чрезвычайно нравился женщинам.

С первых же минут разговора Коротков ощутил к Шульце-Бойзену не только искреннюю симпатию, но и полное доверие. Он сразу понял, однако, что тот человек не только отважен, но и склонен к отчаянному, порой гусарскому безрассудству, вовсе не свойственному немцам вообще, военным — тем более. «Может быть, это у него от спорта?» — подумал Коротков. Известно, яхтсмены — ребята рисковые…

31 марта Коротков докладывал в Москву.

«…в прошлый четверг «Корсиканец» свел нас со «Старшиной»… «Старшина» отлично понимает, что он имеет дело с представителями Советского Союза, а не по партийной линии. Впечатление такое, что он готов полностью информировать нас обо всем ему известном. На наши вопросы отвечал без всяких уверток и намерений что-либо скрыть. Даже больше того, как видно, он готовился к встрече и на клочке бумаги записал вопросы для передачи нам…

Но «Корсиканец» предостерегал о необходимости полностью избегать того, чтобы у «Старшины», этого, как он характеризует, пылкого декабриста, не оставалось чувства того, что его партийная работа, которую он, «Старшина», обоготворяет, превращается в простой шпионаж. В противовес «Корсиканцу», который строит большие планы на будущее и подготавливает своих людей на то время, когда к власти придут коммунисты, «Старшина» нам кажется более боевым человеком, думающем о необходимости действий для достижения того положения, о котором мечтает «Корсиканец».

«Довольно сложно будет обстоять дело со связью. «Старшина» находится на казарменном положении, в город может вырываться в неопределенные, непредвиденные заранее дни, в большинстве случаев еще засветло, иногда, возможно, в форме, как это было в первый раз. Так что придется варьировать, в том числе использовать иногда квартиру «Корсиканца»…»

Последнее, разумеется, было крайне нежелательно и вообще не укладывалось в жесткие каноны конспирации. Однако обстоятельства складывались так, что и «Эрдбергу», и «Старшине», и «Корсиканцу» приходилось идти на риск.

1 апреля Коротков снова встретился со «Старшиной» и

убедился в правильности своих первых выводов об этом человеке. Шульце-Бойзен и в самом деле был гораздо более экспансивен и горяч, нежели расчетливый, суховатый, немного педантичный Харнак. Но в то же время, в отличие от своего сугубо штатского единомышленника Шульце-Бойзен был настоящим военным, постоянно вращающимся в военной среде, со складом ума именно военным. А потому при все своем пылком «декабризме» куда реалистичнее, нежели Харнак, понимал, что сломать набиравшую ход машину гитлеровской агрессии способна только вооруженная сила.

19 апреля также через Харнака Коротков провел личную встречу и со «Стариком» — Адамом Кукхофом. Он также произвел на «Степанова» самое благоприятное впечатление. Это был очень спокойный, даже тихий, в разговоре несколько застенчивый человек, внешне скорее похожий на русского «чеховского» интеллигента, нежели на немецкого философа. В нем ощущался и природный ум, и глубокая образованность, и своеобразие мышления. Это первое впечатление более окрепло, когда Коротков прочитал подаренные ему автором книги — роман «Немец из Байенгкура» и пьесу «Тиль Уленшпигель».

Мягкий, стеснительный в повседневной жизни Кукхоф всего год спустя оказался одним из самых твердых орешков для следователей гестапо. Они так и не вышли через него на главного идеолога антигитлеровской оппозиции иного толка — Карла Фридриха Герделера. Бывшего бургомистра Лейпцига арестовали и казнили лишь после и в результате провала заговора 20 июля 1944 года.

Жена и единомышленница Кукхофа Маргарет (оперативный псевдоним «Кан») в конце двадцатых годов также училась в США, где и познакомилась с Милдред и Арвидом Харнаками. В Берлине знакомство переросло в дружбу. К этому времени она уже вышла замуж за Адама. По иронии судьбы, Грета одно время работала в пропагандистском аппарате НДСАП, где занималась переводами на английский язык опусов Геббельса и даже книги «Майн кампф» самого Гитлера.

Теперь через «Степанова»-«Эрдберга» Москва имела прямые контакты со всеми тремя основными конспиративными группами: «Корсиканца», «Старшины» и «Старика». Вообще-то держать связь с тремя достаточно многочисленными группами одному сотруднику, тем более, еще и заместителю резидента, не полагалось. При нормально поставленной оперативной работе такое считается не только опасным, но и физически почти невозможным. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Надвигавшаяся война диктовала свои правила игры…

В Центре прекрасно понимали, что такая сверхнагрузка на «Степанова» — дело временное. Там уже готовились к худшему — началу боевых действий, следовательно, утраты личных контактов разведчиков резидентуры с агентурой. Иначе говоря, требовалось загодя предусмотреть прямую радиосвязь со всеми берлинскими группами, и не только с ними.

Сегодня много пишут о том, что задолго до начала войны следовало заложить надежные каналы связи, внедрить глубоко законспирированных и как бы «законсервированных» сотрудников, должных приступить к работе лишь в час «Х», снабдить их достаточно мощными рациями, не бывшими еще в употреблении шифрами и кодами, денежными средствами в твердой валюте и рейхсмарках, словом, всем необходимым. Французы такое вежливо называют «лестничным умом» — то есть, правильное решение приходит в голову, когда уже спускаешься по лестнице, уходя. В России говорят грубее: «Мужик задним умом крепок».

Все это можно было сделать, если бы…

Если бы высшее руководство страны дважды за короткий промежуток времени не отдавало строгого распоряжения активную деятельность разведки в Германии прекратить. И если бы, возможно, это главное, не были истреблены в 1937–1940 годах кадры с поставленными задачами в условиях военного времени.

Как бы то ни было, 12 апреля 1941 года в Берлин поступила шифровка из Москвы:

«Создавшаяся обстановка требует принятия немедленных мер по переводу основной, наиболее ценной агентуры на прямую связь с нами, т. е. создание нескольких нелегальных резидентур, могущих осуществлять связь с нами по радио.

В первую очередь этот вопрос касается группы «Корсиканца». На первой же встрече с «Корсиканцем» т. Степанов должен поговорить с ним не в порядке дискутирования этого вопроса, а в порядке практического его осуществления. «Корсиканец» должен понять необходимость таких мероприятий, что вытекает из его же собственных сообщений о готовящейся германской акции против СССР[80].

Перед «Корсиканцем» нужно поставить вопрос, что уже сейчас он должен стать нашим нелегальным резидентом, стоящим во главе группы отобранных Вами людей, на которых он может вполне положиться и которые могут снабжать его интересующей нас информацией. «Корсиканец» должен указать абсолютно надежного человека, который может быть использован в качестве радиста, а также указать нам связника, через которого он будет

осуществлять связь с радистом. Связь и руководство всей группой, в том числе и со «Старшиной», «Корсиканец» будет осуществлять сам. Проработайте с «Корсиканцем» вопрос, кто может заменить его в случае, если бы «Корсиканец» попал под подозрение и не мог осуществлять с нами связь.

На первой же встрече подробно расспросите о каждом человеке, входящем в группу «Корсиканца», чтобы не было такого положения, когда мы знаем людей как иксов и игреков.

Со своей стороны мы обеспечим «Корсиканца» как в смысле материальном, а также радиоаппаратурой, шифром и другой техникой.

Повторяем, что этот вопрос должен быть решен немедленно.

…О Ваших мероприятиях по этому вопросу немедленно доносите по телеграфу.

Продумайте также вопрос о переводе на непосредственную связь с нами «Брайтенбаха» и создании нелегальной резидентуры для остальной группы агентов…

Задачу создания нелегальной резидентуры ставим перед Вами как первостепенной важности».

Сложившуюся ситуацию Харнак понимал не хуже Короткова, и он без колебаний принял на себя руководство агентурной сетью. Но стать радистом отказался наотрез. Он слишком хорошо помнил расследование, которое проводило по отношению к нему гестапо в прошлом году. К тому же, будучи, как принято говорить, чистым интеллектуалом, просто не был уверен, что сможет обращаться с рацией, работать с телеграфным ключом.

Коротков вынужден был разочаровать Москву:

«“Корсиканец” будет заниматься сбором информации и управлять радиосвязью, он отказывается быть ответственным за ведение радиопередач. Поэтому эта часть операции будет осуществляться через “Старшину”».

Да, именно так сложилось на первом этапе, поскольку Шульце-Бойзен, когда Коротков переговорил с ним, не колебался ни секунды.

В эти же дни Коротков передал в Москву весьма примечательную шифровку: «29 апреля Гитлер в речи, произнесенной в Спортпаласте перед молодыми офицерами-выпускниками, содержание которой в прессе опубликовано не было, заявил:

«В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

Снова бросается в глаза: в документах «внутреннего

пользования» говорится только о грабеже, в речи перед экспансивной молодежной аудиторией — об угрозе «красной черни»…

Об этой важной речи фюрера Короткову рассказал Шульце-Бойзен, с которым он на следующий день после ее произнесения встретился на квартире Харнака. Значение ее Коротков оценил сразу, а потому очередную шифровку в Москву завершил так: «Поскольку, как видно из донесений агентуры, атмосфера накаляется, считаем, что все наши мероприятия по созданию нелегальной резидентуры и «хозяйства» должны быть ускорены.

Исходя из этого принципа, считаем необходимым группу «Корсиканца» — «Старшины» снабдить немедленно шифром для станции и денежной суммой примерно 50–60 тысяч германских марок. Это необходимо группе для работы в случае обрыва связи с нами.

Поэтому прошу немедленно выслать рацию и шифр».

На расшифрованное сообщение нарком наложил резолюцию, предназначенную для начальника разведки: «Надо это сделать, условиться о порядке связи. Шифры предварительно покажите мне. Меркулов».

Примечательно, что позиция Короткова в этом вопросе совпала с позицией руководства не только по сути вопроса, но и по времени. Поскольку он просто не успел, как выяснилось, ознакомиться с шифровкой Центра, уже поступившей в резидентуру за подписью Фитина.

«Атмосфера накаляется и требует адекватной реакции с нашей стороны. Организуйте передачу «Корсиканцу» и «Старшине» шифров и раций, денежной суммы до 60 тысяч германских марок на случай обрыва связи. Рации и деньги высылаем с очередной почтой. Подготовьте замену «Корсиканцу», имея в виду его возможный провал. Разработайте в этой связи, а также вашим вероятным срочным отъездом условия явки для наиболее ценных агентов и ваших активных помощников…»

Коротков получил конкретную инструкцию, как «следует наладить радиосвязь нелегальной точки, находящейся в автономном режиме». Для этого требовалось совершить:

— подбор надежного радиста;

— подбор нескольких квартир в верхних этажах домов, откуда можно было бы вести передачи;

— подготовиться к приему двух комплектов компактной радиоаппаратуры с питанием от батарей в чемоданчиках (размер 110г250г370 мм). Радиус работы — до 1000 километров. Прием сообщений на советской стороне будет производиться базой в треугольнике Брест-Белосток-Ломжа. (Как видим, руководство и в

голову не брало, что этот район будет захвачен немцами в первые же дни войны.)

На роль радистов Харнак и Шульце-Бойзен отобрали инженера Карла Беренса (псевдоним «Штральман», то есть «Лучистый») и скульптора Курта Шумахера (псевдоним «Тенор»). Но кандидатура Шумахера, уже давшего свое согласие, неожиданно отпала по многозначительной причине, о чем резидентура немедленно оповестила Центр:

«“Тенор” призван 7 июня в армию. “Старшина” предлагает вместо “Тенора” в качестве оператора использовать Ганса. Коппи Ганс старый комсомолец, сидел один год в тюрьме. “С” и “Т” (“Старшина” и “Тенор”. — *Т. Г.*) его характеризуют как “проверенного человека”. Полагают, что он возьмется за дело».

17 июня резидентура сообщала в Центр:

«Посылаем книгу «Курьер из Испании» для известной Вам связи. Второй экземпляр передадим Гансу (в последующем «Кляйн»[81]). С «Кляйном» говорили, он согласен взяться за это дело и сегодня вечером его должен начать инструктировать Аким. Также сегодня «Кляйн» долен представить разработанные им вчера совместно со «Старшиной» предложения по организации дела, квартиры для работы, квартиры для хранения. Может быть, удастся подыскать и снять два-три летних домика. Во всяком случае прилагаем все усилия для того, чтобы в кратчайший срок организовать это дело полностью.

Сам «Кляйн» производит неплохое впечатление, к сожалению, только он не имеет никакого представления о технике дела, и ему придется предварительно изучать хотя бы самые необходимые вещи, как азбуку Морзе, работу с ключом, элементарные правила обращения с аппаратом. Он, между прочим, предложил привлечь к этому делу и работать «на пару» с одним своим старым товарищем по партийной работе, являющимся специалистом в этой области[82].

Мы категорически запретили посвящать кого-либо в это дело и повторили то же самое «Старшине».

Вообще же иметь специалиста было бы неплохо, и предложенного им человека будем изучать. Ориентировочно «Кляйн» будет связан с «Лучистым» и через него с «Корсиканцем» и «Старшиной».

Однако удивительно и загадочно: сотрудник Центра, работавший с материалами берлинской резидентуры много позже, сделал на данном сообщении следующую запись 10 февраля 1942 года: «Книги “Курьер из Испании” в деле “Ганса” нет. Была ли она получена из берлинской резидентуры —

неизвестно».

Увы, и по сей день в истории берлинских групп остается достаточно много «белых пятен».

Все грядущие беды советской разведывательной сети в Берлине и вообще в оккупированных вермахтом странах Западной Европы так или иначе обязаны несовершенству связи — это объективно, но свою роль, конечно же, сыграл и субъективный, как теперь принято говорит, человеческий фактор. Связь в разведке всегда была, есть и будет самым узким местом. Можно смело утверждать, что не менее половины всех провалов в разведке любой страны произошли именно на стадии передачи информации от агентуры, или, наоборот, агентуре.

Поэтому автор считает необходимым привести (в открытой печати впервые) некоторые документы, показывающие, как первоначально обеспечивалась радиосвязь Центра с берлинскими товарищами.

18 апреля 1941 года в Берлин с диппочтой прибыла посылка и следующее письмо:

«Настоящей почтой высылаем портативный приемопередатчик, смонтированный в чемоданчике, с питанием от накального аккумулятора и сухих анодных батарей. Аппарат предназначается для «Корсиканца». К аппарату прилагаем схему его, описание и инструкцию для настройки аппарата. Этот аппарат может работать на расстоянии 800-1000 кмтр. Аппарат может работать из любых условий: поле, лес, деревенский домик и т. п., т. к. имеет локализованное питание и не связан с наличием электроэнергии в том пункте, из которого производится работа. При этом необходимо обратить внимание на то, что аппарат не может работать продолжительное время (более 2-х часов) без замены источников питания. Запасной комплект питания вышлем следующей почтой. В инструкции к аппарату мы указываем, каким образом можно к аппарату присоединить другие источники питания, если основной комплект питания израсходуется, а запасного не окажется в наличии.

Высылаем Вам также инструкцию для связи с нами, где указан порядок работы, расписание и позывные. В этой инструкции под маркой Д-6 следует понимать рацию «Корсиканца» а под А-1 нашу станцию, находящуюся на территорию Союза.

После того, как оператор «Корсиканца» ознакомится с аппаратом, он может приступить к проведению пробных связей с нами. О готовности его к работе телеграфируйте нам, после чего мы сообщим свои волны, на которых будем работать.

Предупредите радиста «Корсиканца» о том, что в том случае, если будет опасность захвата передатчика полицией или разведкой, аппарат следует уничтожить (поломать, сжечь), причем в первую очередь необходимо уничтожить лампы.

Виктор»[83].

Вот текст приложенной инструкции.

«ИНСТРУКЦИЯ

для связи корреспондента Д-6 с корреспондентом А-1.

1. Работа производится в числа месяца кратные «4» и «7». Корреспондент Д-6 может производить вызов в следующее время суток:

от 02.00 до 03.15 немецкого времени на волне 52,63 м.

от 16.15 до 17.30 —›- 42,50 м.

от 22.30 до 23.15 — ›- ›- 46,10 метра.

Волны корреспондента А-1 будут сообщены особо.

2. Корреспондент Д-6 в качестве позывного употребляет 4,1 и 6 буквы немецкого названия дня недели, в которой производится связь.

3. Корреспондент А-1, услышав вызов корреспондента Д-4, дает свой позывной: — в четные дни месяца «Wgr»;

— в нечетные числа «Stk de mst».

4. При работе оба корреспондента употребляют только выражения международного «Q» — кода и любительского жаргона. Открытая передача на любых языках категорически запрещается.

5. Вызов и передачу шифровок производить по возможности короче. При передаче шифровок в заголовке передавать только условный номер радиограммы и число групп. Нумерацию телеграмм начинать с «21» и далее нумеровать числами, кратными «3» и «5» (24, 25, 27, 30 и т. д.)

6. В случае необходимости изменения расписания связи, корреспонденты договариваются посредством шифротелеграмм».

Итак, рации и еще кое-какая радиоаппаратура прибыли. Одну из них, которой в Москве были приданы позывные Д-5, Коротков передал, видимо, в Грюневальде, Шульце-Бойзену и Коппи, с которым тогда же лично познакомился. Вторую рацию с позывными Д-6 он через несколько дней вручил Коппи на станции городской железной дороги «Дойчландхаллше» неподалеку от одноименного гигантского сооружения на 14 тысяч зрителей, построенного в 1935 году и предназначенного для проведения спортивных соревнований и массовых зрелищ. Тут же находился и «радиодом» со знаменитой радиомачтой, которую острословы-берлинцы за ее размеры (свыше 150 метров в высоту) и форму

окрестили «Лангер Лулантц», что на русский можно приблизительно перевести как «Тощая Дылда».

Профессиональный радист-шифровальщик легальной резидентуры провел с Коппи несколько занятий, и вскоре Ганс вполне успешно передал по рации Д-6 в качестве пробной условную фразу: «Ei tausend Griisse a alle Freunds» («Тысяча приветов всем друзьям»).

Слово «успешно» в данном контексте означает, что пробная шифротелеграмма была Центром принята и правильно понята. Однако и здесь не обходится без некоторой загадки: по одной записи, сохранившейся в архиве, следует, что это произошло за несколько дней до начала войны, по другой — через несколько дней после. По мнению автора, возможно правдивы обе записи, то есть таких передач было две.

Эти рации большую часть времени хранились в ателье Элизабет Шумахер (псевдоним «да») на Вернер Фосс Дамм, квартире Оды Шотмюллер (псевдоним «Ани») на Райхштрассе, 106, а также у молодого пианиста Гельмута Ролоффа (у которого одна из них и была обнаружена гестаповцами при обыске под грудой нот осенью 1942 года) в его жилище на Траутемштрассе, 10.

Между тем Москва в тот период вовсе не безнадежно относилась к планам оппозиции во влиятельных кругах рейха совершить антигитлеровский путч. О том свидетельствует шифровка «Степанову» от 5 мая. В ней, в частности, говорилось:

«…Центр весьма заинтересован в А. Гримме (а дальнейшем «Новый»). Добейтесь, чтобы «Старик» активизировал свои с ним отношения и сблизился. Ожидаем, что таким образом мы будем в курсе происходящих дел в группе Карла Герледера, располагающего солидными связями в военных кругах страны…»

Как известно, этим надеждам не суждено было осуществиться. Заговор 20 июля 1944 года завершился провалом. В последнее время стало достоянием гласности, что на определенном этапе войны сам Сталин отказался от предложенного ему разведкой плана физического уничтожения фюрера. Нет, вовсе не из этических соображений. Сталин опасался, что в этом случае к власти в Германии придут прозападные круги, которые немедленно заключат сепаратный мир с союзниками — США и Англией. Находящаяся уже в Берлине группа боевиков, подчиненная специально заброшенному туда Игорю Миклашевскому (сыну известной московской красавицы, актрисы Августы Миклашевской, которой Сергей Есенин посвятил цикл любовных стихов) получила команду «отставить»…

Меж тем берлинские источники продолжали обеспечивать шифровальщиков резидентуры многочасовой каждодневной работой. 14 мая нарком Меркулов направил Сталину, Молотову и Берии очередное агентурное сообщение, основанное на этих шифровках:

1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что наступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая как дата начала войны с СССР[84]. Другие полагают, что выступление намечено на июнь…

По наблюдениям источника, немцы концентрируют на советской границе все свободные людские ресурсы, вооружение и транспорт.

Последнее время немцы стараются сохранить подготовку войны с СССР в полном секрете: принимаются меры к тому, чтобы прекратить распространение слухов о предстоящей войне и законспирировать подготовительные работы…

2. Несмотря на ноту Советского правительства, германские самолеты продолжают полеты на советскую сторону с целью аэрофотосъемки. Теперь фотографирование производится с высоты 11 тысяч метров, а сами полеты проводятся с большой осторожностью. Эскадрилья, которая производит аэрофотосъемку советской территории, называется «Рувельстаффель» по имени командира эскадрильи Рувеля[85]. Месторасположение эскадрильи Ораниенбург под Бременом, где она числится как эскадрилья испытательных высотных полетов…

3. Недавно Антонеску[86] направил меморандум Гитлеру и Герингу, в котором доказывает необходимость нападения Германии на СССР весной этого года…»

19 мая от «Старшины» поступило новое сообщение:

«Германское правительство дало указание всем немецким послам и военным атташе за границей опровергать слухи о предстоящем военном столкновении Германии с СССР.

…Тем не менее подготовка к акции против СССР продолжается. С 20 мая запрещаются отпуска для солдат и офицеров на востоке. Приостановлено почтовое сообщение с восточными провинциями Германии. 10 мая вновь введен запрет на частные перевозки по железным дорогам».

Особенно интенсивными были у Короткова в эти дни контакты с Шульце-Бойзеном. Результатом одного из них — мгновенного, в долю секунды — стало очередное важное сообщение, отосланное в Москву в тот же вечер.

Утром 9 мая Александр вышел из посольства, пересек

относительно тихую в этот час Унтер-ден-Линден, дошел до перекрестка с Фридрихштрассе и свернул по ней вниз, к вокзалу. Все-таки, чрезвычайно удобное это средство передвижения по Берлину — городская электричка, или С-бан. Чтобы попасть в нужный район или пригород, вовсе не нужно, как в Москве, вначале долго ехать на один из многих вокзалов, обслуживающих определенные направления. В Берлине на каждую станцию С-бана приходят электрички, следующие затем в разных направлениях, нужно только проследить на указателе над перроном или на головном вагоне подходящего поезда, в направлении какой конечной станции он следует, к примеру, Бух, или Эркнер… В крайнем случае, достаточно сделать всего одну пересадку на одной из двух узловых станциях: «Весткройц» или «Осткройц» (соответственно «Западный крест» и «Восточный крест»).

Пропустив несколько электричек, Коротков сел в поезд, следующий в сторону Франкфуртер-аллее, и спустя пять минут вышел на Александерплац, самой оживленной площади Берлина. Здесь линия городской электрички пересекалась с двумя линиями подземки. Иногороднему приезжему, тем более иностранцу, непросто было разобраться в многочисленных подземных и наземных переходах «Алекса», как называли площадь коренные жители. (К слову сказать, свое наименование площадь получила в честь русского императора Александра I, как знак признательности за освобождение Пруссии от Наполеона. Именно после победы над императором французов в той войне, когда русские и прусские войска были союзниками, и был учрежден в 1813 году знаменитый «Железный крест».)

Побродив по лабиринтам Александерплац и сделав несколько ненужных маршрута пересадок, Коротков добрался до станции «Цоо». Здесь он вышел наверх к мемориальной протестантской церкви Кайзер-Вильгельм-гедехнискирхе. Направо на три с половиной километра уходила Курфюрстендам налево выгибалась короткая и широкая Тауэнштрассе с ее дорогими магазинами и ресторанами. Коротков пошел по ней к площади и станции подземки «Виттенбергплац». Здесь в одной из бесчисленных берлинских пивных и состоялась его молниеносная встреча со «Старшиной», одетым на сей раз в штатское платье.

Часа через полтора Коротков уже перепечатывал на машинке написанное мельчайшими буковками на клочке бумаги сообщение Шульце-Бойзена. Вскоре очередное донесение было подписано резидентом «Захаром», зашифровано и передано в Центр.

В тексте, в частности, говорилось:

«Источники, работающие в штабе германской авиации и в

министерстве экономики Германии [накануне Коротков имел такой же молниеносный контакт и с «Корсиканцем»] сообщают:

В последние дни в Берлине распространяются слухи о том, что отношения между Германией и Советским Союзом урегулированы… т. Сталин намерен сделать визит в Берлин[87]. Между Берлином и Москвой заключается военный союз.

Эти слухи систематически распространяются германским министерством пропаганды и Верховным командованием германской армии. Этим преследуется цель замаскировать подготовку нападения на Советский Союз и максимально обеспечить неожиданность этого нападения… В штабе авиации издан приказ о необходимости усиления строжайшей конспирации в связи с тем, что сведения о германских планах в отношении Советского Союза проникли вовне…

Начальник русского отдела группы атташе при штабе авиации подполковник Гейман сообщил, что на следующей неделе вопрос о войне будет окончательно решен…

По сведениям, имеющимся в германском штабе авиации, все подготовительные военные мероприятия, в том числе составление карт расположения советских аэродромов[88], сосредоточение на балканских аэродромах германской авиации, действующей сейчас на Ближнем Востоке, должны быть закончены к середине июня…

По словам майора авиации Герца[89], все начальники аэродромов в генерал-губернаторстве[90] и в Восточной Пруссии получили задания подготовиться к принятию самолетов…

Сформировано будущее административное управление оккупированных территорий СССР во главе с Розенбергом[91].

…Для хозяйственного руководства оккупированными территориями Советского Союза создается особый орган под названием «Хозяйственная организация особого назначения», составленный примерно из 2000 немецких руководящих хозяйственных и промышленных деятелей и специалистов… Все члены этой организации с 5 июня зачислены на военную службу и получили звание военно-хозяйственных советников, равное званию армейского майора».

К Короткову стекалась информация, которую сотрудники резидентуры получали от своих источников. Так, Борис Журавлев только в мае трижды встречался с «Брайтенбахом» и возвращался от него не с пустыми руками. Еще в марте «Брайтенбах» сообщил ему, что его бывший начальник Вильгельм Абт, переведенный из гестапо в абвер, формирует там новое подразделение, предназначенное для работы против СССР в преддверии близкой войны. Абт обратился к Леману как к старому товарищу с

просьбой порекомендовать ему для службы под его началом нескольких опытных сотрудников, уже вышедших на пенсию. С согласия Москвы «Брайтенбах» эту просьбу выполнил. Теперь он подтвердил, что Абт уже договорился со всеми названными им кандидатами об их возвращении в строй[92].

25 апреля он предупредил о вторжении вермахта в Югославию (как известно, это отсрочило нападение Германии на СССР).

21 мая он передал через Журавлева секретный доклад Гейдриха Гиммлеру «О деятельности советской разведки в Германии».

27 мая сообщил о переводе сотрудников гестапо на круглосуточное дежурство сменами по восемь часов…

Тревожные сведения поступали и от других источников. Тот же Журавлев тайно съездил в Гамбург. Тамошний его агент, морской офицер, работавший на судостроительных верфях, сообщил, что из порта Пиллау вышел в Хельсинки транспорт с секретным грузом на борту: полторы тысячи мощных морских мин. Устройства, автоматически приводящие их в воде в боевую готовность, еще в Гамбурге были установлены на 1 июля 1941 года.

Коротков не мог знать, какими возможностями и источниками располагали его коллеги, работающие в иных ведомствах (в том числе ближайшие — военный и военно-морской атташе советского посольства в Берлине), и в иных странах, но был уверен, что информация о военных приготовлениях Германии, которую они сообщают в Москву, не расходится в главном с его донесениями.

Действительно, ценный агент советской военной разведки «Альта» — журналистка Ильза Штебе, работающая в отделе информации германского министерства иностранных дел, и завербованный ею агент «Ариец» легационрат (советник посольства) первого класса граф Рудольф фон Шелия, занимавший ответственный пост в том же МИДе, также передавали информацию о подготовке к нападению. Точную дату — 22 июня — сообщил из Токио «Рамзай» — Рихард Зорге. О том же сигнализировали резиденты НКГБ в Риме Глеб Рогатнев и в Хельсинки — Елисей Синицын. Опираясь на данные, полученные от «Кембриджской пятерки», в частности Кима Филби, передавала аналогичную информацию лондонская резидентура. О явных военных приготовлениях на сопредельной стороне, многочисленных фактах нарушения границы, вторжения в советское воздушное пространство немецких самолетов-

разведчиков сообщали каждодневно из западных пограничных округов.

Надежную информацию о близкой войне получили сотрудники контрразведки в Москве, опекавшие германское посольство. В частности, важные данные добыл подведенный к некоторым дипломатам, а также к личному камердинеру посла Германии фон Шуленбурга Гейнцу Флегелю сотрудник негласного штата контрразведки Николай Кузнецов (будущий Герой Советского Союза), выдававший себя за этнического немца Рудольфа Шмидта.

У Короткова, как фактического руководителя берлинской резидентуры, была еще одна возможность получать достаточно детальную и абсолютно достоверную информацию о готовящемся нападении Германии на СССР. После падения Польши персонал советского полпредства в Варшаве был эвакуирован. Однако в здании полпредства оставался официальный управляющий советским имуществом в Варшаве, а также на территории всего «генерал-губернаторства»[93] Петр Гудимович, на самом деле резидент нелегальной разведки НКВД (псевдоним «Иван») со своей женой и соратницей Еленой Модржинской («Мария»), ставшей в послевоенные годы профессором философии в МГУ им. Ломоносова.

По роду службы «Иван» имел право посещать районы, примыкавшие к границе с СССР, где имелась советская собственность. «Иван» не мог не заметить, что железные дороги этой части страны забиты воинскими эшелонами с солдатами и военной техникой: танками, артиллерией, мотоциклами, грузовиками. Наметанному взгляду было ясно, что эти воинские части направлены сюда вовсе не для отдыха после боев на Западе — явно шла концентрация войск на новом театре боевых действий.

Регулярно наезжая в Берлин, Гудимович передавал в резидентуру собранную лично им путем визуального наблюдения информацию, а также сведения, которые он умудрялся получать, хотя и находился под плотным присмотром немецких спецслужб, от своих уцелевших агентов-поляков.

Так, 1 мая 1941 года через берлинскую резидентуру в Москву было передано следующее сообщение «Ивана»:

«…Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто, и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле, уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ…

С 10 по 20 апреля германские войска двигались через Варшаву на Восток беспрестанно, как в течение ночи, так и днем…

С начала войны закрыты все школы и курсы; их помещения заняты под военные госпитали…

Немецкие офицеры в генерал-губернаторстве усиленно изучают русский язык, а также топографические карты приграничных территорий СССР, которые каждому из них розданы…

На всех дорогах деревянные мосты укреплены железными брусьями. Проводится заготовка переправочных средств через Буг».

Эту информацию Меркулов немедленно направил в ЦК ВКП(б), Совнарком СССР, а также наркоматы обороны и внутренних дел СССР.

Наконец, советское руководство получило предупреждение о готовности Гитлера напасть на СССР по дипломатическим каналам от английского правительства, в частности через посла Стаффорда Криппса, а также и от американцев. Лучше бы их не было! Это лишь укрепило Сталина в убеждении, что англичане подсовывают советским разведчикам на Западе дезинформацию, чтобы поссорить СССР с Германией. К тому же, некоторые сведения, поступавшие от конфиденциальных источников, могли способствовать этому заблуждению, если учесть болезненную подозрительность Сталина.

В эти предвоенные месяцы, когда все воробьи в Тиргартене и Грюневальде (а также на площадях многих европейских столиц) чирикали о близкой войне, немцы, разумеется, понимали, что полностью скрыть широкомасштабную подготовку к войне, когда перемещаются сотни тысяч людей и множество военной техники, физически невозможно. Тогда они прибегли к испытанному средству — дезинформации.

Нацистским спецслужбам удалось подвести к резиденту Кобулову своего человека, которого тот включил в агентурную сеть под псевдонимом «Лицеист». Настоящая его фамилия — Орест Берлинкс, до лета 1940 года он являлся корреспондентом прекратившей свое существование латвийской газеты «Брива Земе» («Свободная страна» — орган правящей партии президента Карла Ульманиса «Союз латышских земледельцев»). Через этого агента немцы подбрасывали Кобулову, очень гордившимся своим единственным приобретением, направленную дезинформацию, в которой действительные факты были искусно перемешаны с фальсификацией. Так, в одном из сообщений «Лицеиста» признавалось, что поблизости от границ СССР сконцентрировано

около 160 дивизий (что скрыть было невозможно). Но сделано это не с целью нападения на СССР, а якобы для введения в заблуждение англичан.

Деканозов и Кобулов были осведомлены о позиции Сталина видеть во всем происки Лондона и старательно подсовывали Центру информацию «Лицеиста».

Надо отдать должное Меркулову и Фитину: значительную часть сведений, полученных от провокатора, они, руководствуясь опытом, здравым смыслом и интуицией, отсеивали, но кое-что все же попадало на столы Сталина и Молотова и играло какую-то роль в компрометации честной информации.

Лаврентий Берия, самый умный человек в окружении вождя, к тому же профессиональный чекист, не мог не понимать ситуации. Но открыто выступить против Сталина, опровергать его убежденность, было слишком опасно. Собственные же интересы Берии были для него важнее интересов страны.

После окончания войны в советском плену оказался сотрудник гестапо Зигфрид Мюллер, работавший в отделе, который занимался аккредитованными в Берлине иностранцами. На допросе в мае 1947 года он показал, что Орест Берлинкс был агентом гестапо, фашистом по убеждениям. Дезинформацию для него готовил оберфюрер СС Рудольф Ликус, однокашник Риббентропа по гимназии, специально прикрепленный к германскому МИДу. Отдельные моменты «дезы» согласовывались не только с министром, но и с Гитлером. Сегодня в литературе можно встретить два утверждения, невольно смягчающих вину тогдашнего руководства и лично Сталина за неподготовленность страны в должной степени к отражению агрессии. Во-первых, в пресловутые «инстанции» наряду с достоверными сведениями попадала и дезинформация, просто противоречивые данные. Во-вторых, в Центре разведки тогда не существовало аналитического подразделения[94], способного на научной основе обрабатывать поступающие материалы и делать на их основе глубокие и обоснованные выводы.

Все это так, однако количество и качество «дезы» не шло ни в какое сравнение с фактами достоверными и убедительными, поступающими, к тому же, от самостоятельных источников из разных стран. Отдавать предпочтение «дезе» можно было только при очень большом желании верить не очевидному, но именно желаемому. И далее. Разумеется, любая разведка должна иметь в своем составе аналитическое подразделение, но в данном случае все признаки надвигающейся войны были налицо, понять их важность можно было и без подсказки, пускай самых высококвалифицированных аналитиков. К тому же, хоть такой

отдел отсутствовал в разведке, но в стране он существовал в виде Генерального штаба Красной Армии. Генштаб получал информацию не только от собственного Разведупра, но и от разведки НКВД и НКГБ. Даже после разгрома лучших кадров РККА в Генштабе и наркомате обороны СССР оставалось достаточное количество умных генералов, способных правильно и трезво оценить складывающуюся обстановку. Уже после войны маршал Георгий Жуков откровенно признал, что военные (и он в том числе — тогдашний начальник Генштаба) были недостаточно настойчивы в своих докладах Сталину…

Валентин Бережков был единственным сотрудником полпредства, который имел возможность наблюдать Гитлера вблизи. Естественно, Александр не мог упустить такую возможность — порасспросить Валентина о фюрере. Сам Коротков видел Гитлера только один раз — на приеме в итальянском посольстве, куда пригласили по протоколу нескольких советских дипломатов. Вопреки распространенному представлению оказалось, что Гитлер достаточно высокого роста — 176 сантиметров, и во внешности его нет ничего «нордического»: волосы темно-каштановые (быстро седеть фюрер начал после Сталинграда), глаза, правда, «арийские» — бледно-голубые, черты лица неправильные.

Фюрер был одет в серый мундир, но без знаков различия, «адлер» — серебристый орел с распростертыми крыльями и свастикой в когтях — не над правым карманом, как в вермахте, а на левом рукаве, чуть выше локтя, так носили в войсках СС. В отличие от Геринга, на мундире которого живого места не оставалось от бесчисленных орденов, звезд и медалей, Гитлер постоянно носил только «Железный крест» первого класса, полученный на фронте в Первую мировую войну, знак тяжелого ранения, и золотой партийный значок. В конце той войны он был ранен в ногу и отравлен газами. Это привело к параличу зрительного нерва и временной слепоте. Зрение к Гитлеру вернулось, но восстановилось не полностью. Однако очками фюрер пользовался только когда был один, и никогда не появлялся в них на людях. Чтобы как-то учитывать этот физический недостаток фюрера, все деловые бумаги для него печатали на специально заказанных пишущих машинках с литерами высотой в 12 миллиметров: такой шрифт он мог читать без очков.

На приеме Гитлер держался раскованно, улыбался, держался доступно, иногда шутил, особенно с дамами. И все-таки Коротков, да, похоже, и не он один, прямо-таки физически ощущал отрицательную, вызывающую неосознанную тревогу, энергетику,

исходящую от этого человека.

После нападения на Польшу в сентябре 1939 года Гитлер в своей речи поклялся, что, надев в связи с начавшейся войной китель, он не снимет его до самой победы или умрет. С тех пор он никогда больше не носил штатской одежды; только китель, шинель или кожаное, военного кроя пальто и офицерская фуражка. Один из иностранных дипломатов как-то коснулся головного убора Гитлера, оставленного на столике в прихожей, и поразился его тяжести. Оказалось, что в фуражку с необычайно большой тульей вложена полукруглая пластинка из броневой стали… Фюрер всегда боялся покушений на свою жизнь.

Неподалеку от советского полпредства, на той же правой стороне, если идти по Унтер-ден-Линден от Бранденбургских ворот, располагался салон знаменитого в Германии фотографа Генриха Гофмана.

Гитлер встретился с Гофманом много лет назад в Мюнхене. Уже тогда этот хромой, неопрятного вида баварец с кудлатой белокурой шевелюрой сделал несколько удачных снимков Гитлера и стал его ярым приверженцем. Гитлер часто посещал ателье Гофмана, где и познакомился с двумя женщинами, сыгравшими, хотя и по-разному, определенную роль в его жизни. Первой была невестка великого композитора Рихарда Вагнера Винифред, англичанка по национальности. Музыку Вагнера Гитлер обожал, непременно присутствовал на ежегодных Байрейтских Вагнеровских фестивалях, завязал почти дружеские отношения с сыном композитора Зигфридом, который был на двадцать пять лет старше Винифред. Они даже перешли на «ты», что не помешало фюреру завести интрижку, бурную, хоть и непродолжительную, с его женой. Когда в 1930 году Зигфрид умер, в окружении Гитлера даже стали поговаривать, что фюрер намерен жениться на его вдове.

Второй стала полная противоположность первой — совсем юная, семнадцати лет от роду, ассистентка Гофмана. Эта девушка была зримым воплощением «немецкой мечты»: пышущая здоровьем, с хорошеньким, хотя и невыразительным кукольным личиком и великолепной спортивной фигурой. Звали ее Ева Браун. Беззаветно влюбленная в фюрера, она стала его метрессой и спутницей до последнего дня их совместной жизни. Лишь накануне их двойного самоубийства в мрачном «фюрербункере» под рейхсканцелярией, Гитлер вступил с ней в законный брак. До того существование Евы Браун фактически являлось государственной тайной, и официально «дамой номер один» на всяких церемониях выступала жена Геринга, бывшая актриса Эмма Зонеман.

Генрих Гофман получил монопольное право фотографировать фюрера (репортеры газет могли снимать Гитлера лишь при его появлении на публике). Издаваемые Гофманом иллюстрированные альбомы «Гитлер, которого никто не знает» и «Коричневый дом», плакаты, открытки, портрет для почтовых марок способствовали распространению культа личности фюрера, а самому фотографу принесли миллионное состояние. В награду Гитлер присвоил Гофману звание «профессора» и сделал его депутатом рейхстага[95].

Гофман сопровождал министра иностранных дел фон Риббентропа в его поездке в Москву летом 1939 года, и на банкете поразил видавших виды кремлевских официантов (кадровых сотрудников управления охраны НКВД) способностью поглощать один за другим фужеры… нет, не с шампанским, а с «Московской» водкой. Не случайно, видать, этот хронический алкоголик заслужил в народе почетное прозвище «рейхстрункенбольд», то есть «имперский пьяница».

Когда началась Вторая мировая война, Гофман стал вывешивать в зеркальных витринах своего салона кроме традиционных фотографий Гитлера и батальных снимков еще и крупномасштабные карты театра военных действий. Маленькие флажки со свастикой на булавках означали занятые вермахтом города. Так одна за другой появлялись здесь карты Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, Югославии, Греции…

Возле витрины, естественно, постоянно толпились люди, оживленно обсуждали положение на фронтах, делали прогнозы на дальнейший ход событий. Все это весьма походило на толкотню болельщиков перед входом на стадион в день важного футбольного матча. Кроме обычной безответственной болтовни, здесь иногда можно было услышать и кое-что интересное. Естественно, сотрудники советского полпредства нет-нет, да и задерживались у этих витрин, разумеется, не вступая ни с кем в дискуссии.

Однажды Бережков, придя на работу, заглянул вначале в кабинет Короткова.

— Володя, — сказал он многозначительно, — если не очень занят, прогуляйся до Гофмана…

Понимая, что за этим советом что-то кроется, Коротков, убрал бумаги в стол и вышел на залитую солнцем Унтер-ден-Линден.

Неспешно подойдя к салону фотографа, Коротков сразу понял причину настоятельной рекомендации коллеги.

В одной из витрин висела новая карта: приграничные с

оккупированной территорий Польши районы Украины и Белоруссии, а также Молдавии и прибалтийских республик…

В начале июня резидент Амаяк Кобулов был срочно вызван в Москву. Коротков заволновался. Хорошо изучив «Захара», он понимал, что тот под вполне вероятным нажимом «инстанций» может стушеваться и представить искаженную картину обстановки в Берлине. Как ни странно, но Кобулов тоже это понимал, а потому не стал возражать, когда в его присутствии 4 июня Коротков написал письмо начальнику разведки.

«Тов. Виктору — лично.

Отношения с «Корсиканцем» и «Старшиной» и другими источниками заставляют меня поставить перед Вами вопрос о вызове меня хотя бы на несколько дней в Москву, чтобы я мог лично доложить по всем проблемам, касающимся этой группы. Переписка по указанным вопросам была бы затяжной и не выявила бы всех аспектов. По моему мнению, важность группы для нас не вызывает сомнения и будет полезно продолжить с ней контакт, добиваясь максимально возможного результата. Обсуждение в Центре этих моментов облегчило бы в дальнейшем наши отношения.

Если в Центре имеются иные мнения в отношении группы или ее отдельных членов, можно было бы рассмотреть и это, решив, как следует поступить в этом случае.

Независимо от вызова т. Захара в Москву, прошу вызвать и меня в Советский Союз. Это необходимо потому, что именно я непосредственно связан с берлинскими антифашистами.

4 июня 1941 г. Степанов».

Амаяк Кобулов с радостью ухватился за предложение Короткова. Уж очень не хотелось ему в одиночестве предстать перед начальством. Потому он сделал на письме дипломатичную приписку, одновременно проявив заботу о своем заместителе:

«Просьбу Степанова поддерживаю. Положение дел требует личного обсуждения. Кроме того, он пять месяцев не виделся с семьей. Захар».

Фитин понимал роль и значение антифашистских берлинских групп. Кроме того, он знал, что вся работа с ними ведется одним человеком — Коротковым. Потому счел невозможным, чтобы в эти тревожные дни «Степанов» даже ненадолго покинул Берлин[96].

В четверг 19 июня, вечером, в маленьком сквере в конце Шарлоттенбургского шоссе состоялась последняя встреча Журавлева с «Брайтенбахом». Она длилась всего несколько минут.

Взволнованный до предела, обычно весьма сдержанный в

проявлении каких-либо чувств, «Брайтенбах» едва выдавил:

— Война… Нападение состоится в воскресенье, 22 июня… В три часа утра… Прощай, товарищ.

Они пожали друг другу руки и разошлись, чтобы никогда больше не встретиться.

Пятьдесят шесть лет спустя, рассказывая автору об этой последней встрече с Вилли Леманом, Борис Николаевич Журавлев признался, что не помнил, и по сей день не может вспомнить, на каком транспорте и по какому маршруту он вернулся на Унтер-ден-Линден. Было уже около восьми часов вечера, но шифрограмму отправили в Москву немедленно, однако не по линии резидентуры, а диппредставительства, дабы придать ей больший вес.

В субботу 21 июня никто из сотрудников посольства по окончании рабочего дня домой не ушел. Все оставались на своих рабочих местах и чего-то ждали. Уже было известно — такого в секрете не удержишь — об указании из Москвы Деканозову срочно встретиться с фон Риббентропом. Нервничали и дипломаты, и члены их семей. Первый секретарь посольства Валентин Бережков то и дело безуспешно звонил в германский МИД.

Советской разведке тогда еще не было известно, что верховное главнокомандование вооруженных сил Германии определило заранее два секретных сигнала, которые должны были поступить в войска накануне дня «Д» операции «Барбаросса», назначенного на 22 июня 1941 года.

Один из двух этих сигналов должен был быть передан 21 июня ровно в тридцать часов. Сигнал «Альтона» означал, что наступление переносится на другую дату, хотя войска в это время уже будут находиться в полной боевой готовности.

Сигнал «Дортмунд» означал, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня движением сухопутных войск и перелетом авиации через границу в три часа тридцать минут. Если метеоусловия задержат вылет самолетов, то сухопутные войска начнут свое наступление самостоятельно.

В тридцать часов был отдан приказ «Дортмунд». Теперь уже даже сам фюрер не мог бы ничего изменить. Гигантская военная машина пришла в движение по всему многотысячнокилометровому протяжению границы…

Вечером Коротков, которому уже до печенок надоело бессмысленное ожидание (в глубине души он прекрасно понимал, что никакие переговоры с министром фон Риббентропом ни к чему не приведут), зашел к Журавлеву и предложил:

— Пойдем, Борис, посидим где-нибудь, в последний раз

пивка немецкого попьем…

Они направились в ближайшее пристойное заведение — открытую веранду ресторана оперы «Кроль», в здании которой после знаменитого пожара 1933 года проходили номинальные — на них ничего не решалось — заседания рейхстага. Поскольку каждое заседание завершалось дружным исполнением гимна, немцы, понизив голос, называли свой рейхстаг «самым большим и дорогим мужским хором в Германии».

У ресторана было одно достоинство. Здесь можно было за большие деньги и немалое количество продовольственных талонов получить хорошую, как до войны, еду и настоящее пиво.

Они заняли места под зонтиком и сделали обильный заказ, словно вспомнив, что сегодня так и не успели пообедать.

Стоял великолепный, теплый, безмятежный вечер, до наступления темноты было еще далеко.

Берлин, казалось, жил своей обычной жизнью. На Унтер-ден-Линден было многолюдно. В зале ресторана, правда, посетителей совсем немного — в такой чудный вечер желающие «посидеть» предпочитали веранду.

Они молча тянули пиво, изредка перебрасываясь малозначащими словами. Говорить, в сущности, было не о чем, вернее, было о чем, но об этом не хотелось даже думать. Поужинали…

За соседним столиком сидела, судя по всему, влюбленная парочка. Молодая женщина не отрывала глаз от своего спутника, а он тихо шептал ей какие-то слова… Возможно, точно такие, только на русском языке, сейчас говорил своей девушке сверстник этого немца на открытой веранде где-нибудь в Сокольниках или Измайлове.

Чуть дальше — еще одна чета, но лет на двадцать старше. Они тоже тихо переговаривались о чем-то своем, но в их взглядах ощущалась уже не только взаимная привязанность, но и какая-то тревога.

Ближе к тротуару за столиком, уставленным множеством кружек, веселилась компания, человек шесть, молодых офицеров. На серебристых погонах — ни единой рифленой звездочки, на френчах — ни одной орденской ленточки, только значки за спортивные достижения. Явно лейтенанты выпуска этого года. Где-то они очутятся через неделю, через месяц?

Неожиданно Короткова кольнула мысль: и эта парочка, и средних лет супружеская чета, и эти юные лейтенанты, красивые, полные надежд, и эти прохожие, спешащие по своим делам или просто гуляющие перед сном, — ничего не подозревают. И никому не ведомо, сколько из них уже мертвы. Скольких не

станет, быть может, уже через месяц, через два, через год. А что будет с этим городом, столь непохожим на Москву, но к которому он уже успел привыкнуть, и даже по-своему привязаться?

Но никому не дано заглянуть в свое будущее. Даже самое ближайшее. Особенно, если оно, это ближайшее будущее, — война.

Коротков вернется в Берлин весной 1945 года. Будет участвовать в историческом событии — подписании Акта о капитуляции Германии. Он придет на это место и не узнает его. Будут сметены с лица земли или превращены в груду развалин и опера «Кроль», и отель «Адлон» на углу Унтер-ден-Линден, и помпезная рейхсканцелярия, и многие прилегающие дома, и, увы, здание бывшего советского посольства. Уцелеют, правда, исторические Бранденбургские ворота и уродливая, закопченная, испещренная язвами разрывов снарядов и мин коробка рейхстага… Он тоже оставит на обожженной стене свою подпись, как и тысячи солдат, офицеров, генералов и даже маршалов…

Да, эти берлинцы не подозревали, что всего лишь через несколько часов их ждут неслыханные испытания, страдания, потери и лишения. Каждого из них в отдельности и всю страну.

Но об этом не подозревали и десятки миллионов других людей, находившихся за тысячи километров от этой уютной террасы, миллионы соотечественников Александра Короткова.

Через несколько часов на головы многих из них обрушатся первые бомбы, первые снаряды и мины, кого-то поразят первые пулеметные очереди «мессершмиттов» и «фокке-вульфов», в кабинах которых будут сидеть вот такие же, как за соседним столиком, симпатичные молодые ребята.

Коротков рывком встал, бросил на стол несколько кредиток (продовольственные талоны от карточки кельнер отрезал еще при заказе), отодвинул недопитую кружку:

— Пошли, Борис. Посидели…

Война

После 15 июня все здравомыслящие сотрудники советского посольства[97] в Берлине, торгпредства, иных учреждений поняли, что нападения Германии на СССР следует ожидать если не с часу на час, то со дня на день. Потому что 14 июня было опубликовано печально знаменитое заявление ТАСС.

В исторической литературе последних десятилетий этот документ обычно трактуется как доказательство полной слепоты Сталина в отношении Гитлера и нацистской Германии. На самом деле, по убеждению автора, все обстояло как раз наоборот. На самом деле, заявление ТАСС проявление не слепоты, но определенного прозрения вождя, увы, к сожалению, запоздалого.

Заявление было пробным шаром, зондажем. Если бы Гитлер действительно не намеревался напасть на СССР, сосредотачивал войска у границы, чтобы самому отразить советскую агрессию или хотел таким образом оказать на Кремль давление с целью добиться каких-то выгод, или маскировал этим подлинный план вторжения на Британские острова, он, несомненно, должен был бы незамедлительно откликнуться на заявление ТАСС. Подтвердить в любой, но не вызывающей двусмысленности форме миролюбие Германии.

Этого сделано не было. Официальный МИД Германии ответил на заявление ТАСС полным молчанием. Более того, оно даже не было опубликовано ни в одной германской газете. То был тот самый случай, когда молчание, а точнее, умолчание красноречивее любых слов. Оно означало, что Гитлер уже не желает и говорить о мире. Даже для видимости.

Совсем недавно автор случайно обнаружил весьма авторитетное подтверждение своей точки зрения в книге Феликса Чуева «Молотов. Полудержавный властелин». (Москва, Олма-Пресс, 1999). Ближайший соратник Сталина рассказывал своему конфиденту: «За неделю-полторы до начала войны было объявлено в сообщении ТАСС, что немцы против нас ничего не предпринимают, у нас сохраняются нормальные отношения. Это было придумано, по-моему, Сталиным… Это дипломатическая игра. Игра, конечно. Не вышло. Не всякая попытка дает хорошие результаты, но сама попытка ничего плохого не предвидела… И это не глупость, это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам… Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для

оправдания их нападения…Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство». (Ук. соч., стр. 51–52).

Это было понятно всем в высшем руководстве СССР. В том числе и самому Сталину. Но даже теперь он отказывался верить очевидному. Потому что не мог признать себя обманутым, расписаться в том, что не так уж он всесведущ и дальновиден, так мудр и проницателен…

Возможно впервые в жизни Сталин ощутил свое бессилие перед неотвратимым ходом мировой истории, не желающей так же безропотно подчиняться его воле, повелениям и капризам, как подчинялось ему все на одной шестой земной суши. И это прорвалось внезапно в историческом всплеске, так несвойственном, казалось бы, человеку, чья придуманная им самим фамилия была производной от слова «сталь».

Уже после пресловутого заявления ТАСС В. Меркулов направил И. Сталину, В. Молотову и Л. Берии следующую записку:

«№ 2279/М

17 июня 1941 г.

Совершенно секретно.

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина. Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов

Основание: сообщение «Старшины» и «Корсиканца» № 4261 и 4262 от 16.VI.41 г.

Сообщение из Берлина.

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время…

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня[98] воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанции «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом, истребителей, находится уже на венгерских аэродромах…

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге, авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные в Хейлигенкейле.

Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа назначен Амонн, один из руководящих работников в национал-социалистической партии в Дюссельдорфе, для Киева — Бурандт, бывший сотрудник министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции, для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен Шлоттер — начальник иностранного отдела министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной территории СССР», выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз» должно быть стерто с географической карты».

Начальник I-го Управления НКГБ СССР Фитин».

Мудрый вождь, видно, нервничавший из-за отсутствия ответа из Берлина на сообщение ТАСС, явно сорвался и собственноручно начертал на этом документе поразительную резолюцию:

«Товарищу Меркулову. Можете послать свой «источник» из военно-воздушных сил Германии к е… матери! Это не источник, а дезинформация. И. Ст.»

В те же дни Павел Журавлев и Зоя Рыбкина составили на основании двадцати семи донесений «Старшины» и «Корсиканца», полученных между 6 сентября 1940 и 16 июня 1941 года, «Календарь» информации берлинской резидентуры на имя Сталина. Вывод составители сделали следующий: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Нарком Меркулов, еще не пришедший в себя от резолюции Сталина, подписывать «Календарь» не стал и был по-своему прав: такая настойчивость могла обернуться бедой и для него лично, и для оперативников в Берлине, в первую очередь для Короткова. В Кремль поехал начальник разведки. Вернулся Фитин

обескураженный. Тут же вызвал к себе Журавлева и Рыбкину. Кивнул головой на лежащий на столе измятый экземпляр докладной.

— Хозяину доложил. Он ознакомился с нашей запиской, скомкал и швырнул мне обратно. Сказал: «Это блеф. Не поднимайте панику. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

До 22 июня оставалось четыре дня…

О примечательном факте рассказал автору бывший заместитель начальника контрразведки Леонид Райхман. Недели за три до нападения Германии начальник контрразведки Петр Федотов и он, основываясь на данных, полученных ими по своей линии, по их убеждению, неопровержимых, составили проект докладной записки с перечнем самых неотложных мер на имя Сталина и пошли с ним к наркому. Меркулову записку внимательно прочитал и… спрятал в свой письменный стол.

— Наверху (он выразительно указал пальцем на потолок) это не понравится. — Вздохнул и добавил: — Посылать записку не будем. Но вы (он обвел обоих многозначительным взглядом) делайте все, что считаете необходимым…

Федотов и Райхман намек поняли и приступили к выполнению намеченных мер.

…Вот уже несколько недель Коротков спал, должно быть, не более пяти часов в сутки. Некогда было даже пыль в комнате стереть. Выходить на контакты приходилось каждодневно, а то и дважды в день. Даты и часы встреч теперь уже, как правило, назначал не он, а его соратники «по ту сторону»: они тоже были загружены своими служебными обязанностями, выкраивать время для свиданий с ним становилось все труднее и труднее. Выход же в город для Короткова, помимо всего прочего, означал и необходимость, как говорят женщины, «выглядеть».

Если проще, Коротков должен был в любое время дня гладко выбрит, костюм его — пускай не броский, аккуратно отутюжен, воротничок рубашки не заношен, ботинки начищены, из наружного кармана пиджака не должна по российской манере торчать расческа. Немец, тем более столичный житель, всегда обратит внимание на неряшливого человека и, следовательно, запомнит его. Тем более, если этот человек не жалкий старик, которому многое простительно, не инвалид, но пышущий здоровьем, рослый молодой мужчина, к тому же привлекательной внешности. На Короткова и так слишком часто заглядывались женщины…

Что с ним станет, если завтра война? Интернирование… Это в лучшем случае. В былые времена, когда начинались войны,

особых проблем с дипломатами не возникало. Через третьи страны персоналы посольств воюющих между собой держав возвращались на родину. Здание посольства брало под свою опеку дипломатическое представительство какой-либо нейтральной страны. Но от властей нацистской Германии всего можно было ожидать.

Почему посол не отправил домой хотя бы семьи дипломатов? (Правда, Амаяк Кобулов, не спрашивая на то ни у кого особого разрешения отослал в СССР свою…) Почему Деканозов не отдал распоряжения спешно покинуть Германию хотя бы части советских специалистов из разных ведомств, находящихся здесь в служебных командировках? А также экипажам наших торговых судов срочно выйти в море? (Именно так поступили капитаны немецких судов в советских портах!) На этих людей дипломатический иммунитет не распространялся. Нацистские власти могли поступить с ними, как заблагорассудится.

Ответ всегда был один, раздраженный: «Не подымайте панику! Это может натолкнуть немцев на провокацию! Занимайтесь своим делом!»

Коротков и занимался… Он знал, что большая часть архива резидентуры все же отправлена в Москву — заботами не Амаяка, но по приказу Фитина, разумеется, согласованному с наркомом. Кое-что из заведомо уже ненужных, но опасных документов пропущено через бумагорезку и сожжено. То, что осталось, надежно охраняется в особых помещениях у шифровальщиков. В случае налета на посольство или торгпредство эти помещения вполне способны выдержать несколько часов осады, за это время сотрудники успеют сжечь оставшиеся бумаги и вывести из строя оборудование. Старожилы разведки и дипломатии рассказывали, что в двадцатые годы в разных странах полиция не раз совершала налеты на советские представительства. Бывало, что захватывали секретные документы. Потом наши учли горький опыт, научились, как вести себя в подобных ситуациях.

Коротков давно уже приготовился к худшему. Просмотрел все вещи в своей комнате, бумаги, предметы, что обычно носил в карманах или портфеле. Не оставил ничего не только секретного или компрометирующего, но и просто лишнего.

В субботу 21 июня на Унтер-ден-Линден поступила телеграмма-молния из Москвы. Послу предписывалось немедленно передать правительству Германии важное заявление.

Бережкову поручили связаться с германским МИДом и просить срочную аудиенцию у Риббентропа. Дежурный по секретариату ответил, что министра нет в городе. Отсутствовал и статс-секретарь Вайцзеккер. Бережков звонил в министерство

каждые пятнадцать минут. Лишь около полудня трубку поднял директор политического отдела Верман. Чтобы подтвердить, что никого из руководителей министерства в здании на Вильгельмштрассе нет. Сослался на какое-то совещание у Гитлера, предложил оставить заявление ему, а он, дескать, передаст министру, когда тот появится.

Далее последовало несколько международных звонков: Москва теребила, настойчиво выясняя, почему до сих пор важное правительственное заявление не передано по назначению.

В час ночи, уже 22 июня, поступила еще одна депеша с Кузнецкого моста[99]. В ней сообщалось, что днем нарком иностранных дел Молотов принял посла Германии Шуленберга и пытался выяснить у него, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР. Граф Вернер фон дер Шуленберг, один из самых порядочных людей в германской дипломатии, скованный жесткими инструкциями своего правительства, ничего путного ответить не мог. Он все знал, все понимал и предчувствовал трагедию, которая вот-вот должна была обрушиться на народы не только Советского Союза, но и Германии.

Снова и снова Бережков набирал уже осточертевший ему номер. Безрезультатно.

Неожиданно в три часа ночи, когда в Москве было уже пять утра, телефон зазвонил. Сухой чиновничий голос сообщил, что господин рейхсминистр фон Риббентроп ждет советских представителей в своем кабинете на Вильгельмштрассе.

В качестве переводчика посол взял с собой Бережкова. Едва посольский «ЗиС-101» свернул с Унтер-ден-Линден налево, на Вильгельмштрассе, как его пассажиры издали увидели у ярко совещенного подъезда министерства толпу кинооператоров и фотокорреспондентов. При выходе из машины их ослепили вспышки блицев. Такой прием мог означать только одно…

Советских дипломатов рейхсминистр принял незамедлительно. У Риббентропа было опухшее, багровое лицо, воспаленные глаза. На совещании у Гитлера, не терпевшего пьянства, Риббентроп в таком виде появиться не мог. Видимо, основательно приложился к бутылке в ожидании советских представителей уже в своем кабинете.

Молча протянул руку, так же молча пригласил сесть в огромные кожаные кресла напротив своего стола.

Посол Деканозов не успел даже начать излагать заявление Советского правительства. Риббентроп перебил его, стал быстро, то и дело сбиваясь, говорить что-то о концентрации советских войск на границе, об ее нарушении той же советской стороной,

чего на самом деле никогда не было — все обстояло как раз наоборот.

Вдруг, прервав себя на полуслове, Риббентроп уже тихо сказал, что, поскольку создается угроза Германии и немецкому народу, фюрер отдал приказ, в соответствии с которым час назад германские войска перешли границу с СССР на всем ее протяжении.

На какое-то мгновение в кабинете повисла гнетущая тишина. И тут произошло нечто неожиданное. В мутных, набрякших глазах рейхсминистра блеснула искорка некоего просветления. Он выбежал из-за стола и засеменил рядом с направившимися к дверям советскими дипломатами.

Посол Деканозов, не повернув к нему головы, на ходу бросил:
— Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на СССР и жестоко за это поплатитесь…

И тут Риббентроп, сбиваясь, глотая слова, стал прямо-таки заискивающе бормотать, что лично он был против войны, но фюрер принял твердое решение.

— Передайте в Москве, что я был против, — донеслись до дипломатов последние слова рейхсминистра. Бережкову показалось, что в них слышалось подлинное отчаяние…

Когда Деканозов и Бережков вернулись на Унтер-ден-Линден, то увидели, что перед зданием посольства выстроилась усиленная охрана. Обычно у ворот дежурил один вежливый и невозмутимый полицейский. Теперь же здесь была выставлена цепочка солдат в форме войск СС, почему-то в стальных касках и с карабинами. Наверняка такая же охрана появилась и на Беренсштрассе.

Телефонная связь с Москвой оказалась прерванной. Не удалось послать в НКИД СССР телеграмму и с ближайшего почтамта на Фридрихштрассе. Через несколько часов из посольства вообще перестали кого-либо выпускать.

Сотрудники включили и настроили на Москву все имеющиеся в помещениях радиоприемники. Но радиостанция имени Коминтерна с Шаболовки голосом ведущего Гордеева передавала урок утренней гимнастики, затем «Пионерскую зорьку», затем вести с полей и прочую бодрую лабуду.

Только в 12 часов дня по московскому времени нарком иностранных дел В. Молотов зачитал Заявление Советского правительства.

Так началась война, вошедшая в историю нашей страны как Великая Отечественная…

Сразу по возвращении Деканозова сотрудники приступили к уничтожению документации. Работники консульского отдела

начали составлять и уточнять списки советских граждан, застигнутых войной на территории Германии. Вскоре стало известно, что эсэсовцы и полицейские захватили здание торгового представительства СССР. Они долго таранили железную дверь шифровальной комнаты на верхнем этаже, где забаррикадировался Николай Логачев. Когда дверь, наконец, была взломана, немцы обнаружили лежащего на полу Логачева, потерявшего от дыма сознание, и груду пепла. Одежда на Логачеве уже тлела. Эсэсовцы избили его и увезли в тюрьму. Здесь Логачева и еще трех сотрудников продержали несколько дней, причем их непрерывно избивали, пытались заставить дать какие-то показания.

В два часа дня в посольстве вдруг зазвенел доселе молчавший телефон. Из протокольного отдела МИДа сообщили, что до решения вопроса о том, какая страна возьмет на себя защиту интересов СССР в Германии, посольство должно выделить одного дипломата для поддержания контактов с внешнеполитическим ведомством рейха. Посол назвал фамилию Бережкова.

Представитель протокольного отдела предупредил, что назначенный дипломат может выезжать только в МИД по предварительной договоренности и непременно в сопровождении начальника охраны посольства оберштурмфюрера СС Хайнемана.

Еще одному сотруднику было разрешено по два часа в день перемещаться между посольством и консульством на Принценштрассе. Разумеется, тоже в сопровождении, как потом выяснилось, гестаповца. Связным между посольством и консульством стал Журавлев.

Переговоры с МИДом начались на следующий день. Камнем преткновения на них стал вопрос не о порядке (это было ясно — через третьи страны), а о количественной стороне обмена. К 22 июня в Германии находилось около полутора тысяч советских граждан, на территории же СССР — всего лишь около ста двадцати подданных «третьего рейха». Семьи сотрудников посольства и других германских учреждений успели своевременно выехать на родину «в отпуска». Стоявшие в советских портах немецкие торговые суда вышли внезапно в нейтральные воды, даже не дожидаясь завершения погрузки или выгрузки.

Германский МИД предложил обменять своих соотечественников на такое же количество советских граждан. Это означало, что свыше тысячи трехсот советских граждан обрекались на содержание в гитлеровских лагерях до конца войны, а возможно, и на гибель. Советское посольство заняло твердую позицию: менять всех на всех, и после долгих,

изнурительных переговоров добилось своего.

Меж тем у Короткова возникла серьезная проблема. Всего лишь за два дня до полной изоляции посольства от внешнего мира прибыли дипкурьеры. Сбросили свои вализы и тем же поездом отправились обратно в Москву, захватив с собой последнюю диппочту. В одной из вализ был опечатанных пакет, адресованный лично Короткову.

Дело в том, что после того, как берлинские помощники провели пробную передачу («Тысяча приветов всем друзьям»), они обнаружили, что не могут читать шифровки из Москвы. Расстроенный непростительной халатностью какого-то разгильдяя в Центре, Коротков указал в очередной радиограмме Центру: «Остался неотработанным обратный перевод цифр в буквы из-за задержки инструкции Центра».

И вот, наконец, прибыло подтверждение приема пробной передачи и запрошенная инструкция:

«Вашу пробную шифровку № 1 расшифровали, текст ее: «1000 приветов всем друзьям». Замена цифр на буквы и обратно должна производиться по постоянному числу 38745 и постоянному лозунгу: «Schraube»[100].

Кроме инструкции по шифрованию в пакете была крупная сумма денег в рейхсмарках и долларах, предназначенная немецким товарищам для оперативных расходов.

Перед Коротковым встал вопрос, даже два вопроса: можно ли, а если да, то как выскользнуть незамеченным из здания посольства? Охрана поставлена по-немецки обстоятельно. К вечеру она усиливалась, появлялись караульные с собаками.

Понимая, что никто другой ему не поможет, Коротков обратился к Бережкову.

— Валентин, — сказал он, — мне вот так, — он выразительно провел ребром ладони по горлу, — нужно вырваться в город.

Бережков вопросительно посмотрел на коллегу.

— Проститься со знакомой девушкой, передать ей подарок, — совершенно серьезно закончил Коротков.

— Причина уважительная, — понимающе откликнулся Бережков. — Проблема в том, что даже я могу выезжать только по договоренности с Вильгельмштрассе, к тому же меня всегда сопровождает Хайнеман.

Эсэсовец был высоким грузным мужчиной уже под пятьдесят. Звание — всего лишь оберштурмфюрер — явно не соответствовало его возрасту. Можно было предположить, что жалованья при столь скромном чине не хватало для содержания семьи (так оно и оказалось). Судя про манерам поведения, Хайнеман хоть и был эсэсовцем, в сущности, оставался

добросовестным берлинским полицейским со всеми достоинствами и слабостями этого стража порядка, которого обстоятельства занесли в СС.

Коротков и Бережков решили прощупать Хайнемана, иного выхода им все равно не оставалось.

Тот оказался человеком добродушным, выполняя добросовестно свои обязанности, он, однако, никакой враждебности к интернированным советским гражданам не проявлял, скорее сочувствовал, охотно беседовал с Бережковым на всевозможные темы, избегая лишь политики.

В результате Валентин скоро выяснил, что младший брат оберштурмфюрера служит в охране рейхсканцелярии, что у него самого больная жена, а сын заканчивает офицерское училище, после чего, видимо, будет направлен на Восточный фронт. Эта мысль Хайнеману явно была не по душе. Похоже, он, старый солдат, вовсе не был убежден, что блицкриг на Востоке закончится, как уверяла нацистская пропаганда через несколько недель.

Коротков и Бережков чувствовали, что их план привлечения Хайнемана на свою сторону приобретает вполне реальные черты. Бережков пригласил его пообедать на территории посольства. Оберштурмфюрер согласился. За обедом он, как бы между прочим, пожаловался, что при выпуске сын должен оплатить стоимость парадного обмундирования и кортика, а денег на это у него нет. Потом, понизив голос, доверительным тоном сказал, что в высших эшелонах многие озадачены, что Красная Армия, несмотря на внезапность нападения и большие потери в первые дни, особенно в авиации, продолжает ожесточенное сопротивление, что блицкриг оказался вовсе не легкой прогулкой, как оно было на Западе (тогда в офицерских кругах родилась шутка: «Что такое вермахт? Ответ — самое большое туристское агентство в мире»). Похоже, что рейх ввязался в большую и кровопролитную войну.

Когда Хайнеман, отобедав, удалился, Бережков передал Короткову их разговор.

— Вот что, — продумав услышанное, — сказал Александр, — попробуй предложить ему деньги на этот самый мундир, нам марки все равно не позволят потратить или вывезти с собой. Хотя у меня есть подозрение, что Хайнемана они не так уж сильно интересуют, вряд ли он стал бы из-за денег рисковать своим положением. Возможно, это намек на то, что он может оказать нам какую-нибудь услугу.

На следующий день Бережков, оставшись с Хайнеманом наедине, словно размышляя сам с собой, сказал: — Знаете,

господин обер-лейтенант (он уже заметил, что старый служака предпочитал, чтобы к нему обращались не как к эсэсовцу, а офицеру полиции), я тут обдумал наш вчерашний разговор. Кажется, я могу вам помочь. У меня есть небольшие сбережения. Хотел купить перед отпуском хорошую радиолу, но теперь деньги все равно пропадут. Нам разрешено взять с собой лишь небольшой чемодан с носильными вещами и не больше ста марок на мелкие расходы в пути. Так лучше я отдам свои накопления — это тысяча марок — вам, чем они достанутся правительству.

Хайнеман колебался недолго и деньги принял. Потом осведомился, не может ли он в ответ на такой щедрый подарок в свою очередь оказать господину Бережкову какую-либо услугу.

Валентин сделал паузу, делая вид, что размышляет, потом рассмеялся и сказал:

— Мне — нет, но моему другу Владимиру можете. Понимаете, он человек холостой и обзавелся здесь, в Берлине, пассией. Ему, конечно, хочется с ней проститься. Кто знает, возможно, они никогда не увидятся. Война…

Хайнеман подумал и решительно произнес:

— Мои парни уже привыкли, что вы часто вместе со мной выезжаете из посольства. Думаю, они не обратят внимания, если на заднем сиденье окажется кто-то еще. Раз я с вами, значит, так надо. Мы высадим вашего приятеля где-нибудь в городе, а на обратном пути, скажем, через часа два, подберем.

Операцию решили провести на следующий день в 11 часов утра. Хайнеман взял на себя выяснение важного вопроса: не вызовут ли в этот день Бережкова в МИД.

Утром, явившись в посольство, Хайнеман сообщил Бережкову: он договорился в протокольном отделе, что поскольку сегодня очень занят другими делами, вызова в МИД не будет. Вместе они прошли в гараж. Коротков уже сидел в машине. Бережков, заняв место за рулем, выкатил неприметный «опель» за ворота.

Эсэсовец на тротуаре козырнул своему начальнику. На второго пассажира он внимания не обратил. Все в порядке. Убедившись, что за ними нет хвоста, Бережков кружным путем направился к тому месту, где было договорено высадить Короткова. Хайнеману об этом, разумеется, сказал лишь в машине, на ходу. Тот лишь хмыкнул, дескать, это уже ваши дела.

Обусловленным местом высадки был один из самых людных перекрестков Берлина — вход в метро у вокзала «Цоо». Здесь располагалось множество магазинов и увеселительных заведений. Бережков же с Хайнеманом направились по Шарлоттенбургскому шоссе к парку, окружавшему радиоцентр.

Еще в посольстве Коротков решил, что на встречу вызовет не

«Корсиканца» — тот, конечно, занят на службе, тем более, не «Старшину», а Элизабет Шумахер. Та наверняка в этот час пребывает или в ателье, или, скорее всего, дома. К тому же, свидание с дамой будет выглядеть со стороны более естественно.

Система условных звонков, обозначающих место, время и условия встреч была у Короткова и его немецких друзей отработана до совершенства. К тому же, при подобных обстоятельствах нацистские спецслужбы засечь его встречу с Элизабет никак не могли, если, конечно, та не находилась под наблюдением, но оснований для этого не было. Хайнеман, если и вел двойную игру, не знал заранее, где его высадят и подберут. А если, скажем, откуда-нибудь и позвонит в гестапо, сообщит, что высадил его у «Цоо», это уже не будет иметь значения — он мог уже сто раз уехать куда угодно либо на городской электричке, либо подземкой, либо автобусом.

Другое дело, что тогда его могли бы перехватить по возвращении в посольство. Это сулило неприятности, конечно, но лишь для него лично — встреча все равно бы уже состоялась.

Смертельная опасность и абсолютно реальная грозила Короткову лишь в одном случае, если бы его взяли в момент передачи Элизабет инструкций и денег. Ведь он покинул посольство нелегально, власти уже не несли бы ответственность за него, как за дипломата. В ответ на запрос они просто ответили бы, что понятия не имеют, куда подевался сотрудник диппредставительства, тайно покинувший оцепленное здание.

Свидание на станции метро «Тильплац» в районе Далема прошло, как и предполагал Коротков, благополучно. Он передал Элизабет инструкции, двадцать тысяч рейхсмарок и наилучшие пожелания всем друзьям.

Бережков и Хайнеман подхватили его на обратном пути возле бокового входа большого магазина на Ноллендорфплац. Когда они вернулись в посольство, Хайнеман, вроде бы шутя, предложил Короткову, если тот хочет, устроить ему завтра еще одну встречу с его «дамой сердца». При этом он заговорщицки подмигнул: дескать, сами были молодыми, чего уж там… Подумав, Коротков согласился. Грех было упускать такую возможность.

На сей раз Бережков и Хайнеман высадили Короткова у станции подземки на углу Уланштрассе с Курфюрстендам. Выйдя из машины, Александр тут же нырнул в тоннель. Бережков и Хайнеман направились к кольцевой автостраде, отъехали от города, побродили по лесу, потом вернулись в Берлин и выпили по кружке пива в ресторанчике. Тут, правда, едва не произошло чрезвычайное происшествие: в зал неожиданно вошли несколько

офицеров-эсэсовцев, знакомых Хайнемана. Обер-лейтенант, не растерявшись, шепнул Бережкову: «Вы родственник моей жены, вас зовут Курт Хюсер. Вы из Мюнхена, работаете там на военном заводе, поэтому больше помалкивайте».

Они провели в этой компании около получаса. Никто из офицеров ничего не заподозрил. Бережков, следуя совету Хайнемана, больше молчал, а когда приходилось все-таки произнести два-три слова, успешно имитировал баварский акцент.

Точно в назначенный час, на том же перекрестке, где и расстались, Бережков и Хайнеман подхватили Короткова и вернулись в посольство.

Как стало очевидно позднее, обе конспиративные встречи Короткова (вторая, по предположению автора, была с Куммеровым) германские спецслужбы не зафиксировали.

2 июля 1941 года, когда советские дипломаты покидали Берлин, Коротков и Бережков попрощались с Хайнеманом. Ухмыльнувшись, обер-лейтенант достаточно откровенно дал им понять, что догадывается, с какой целью встречался молодой секретарь посольства СССР со своей «возлюбленной».

— Возможно, — сказал он уже без улыбки, — мне когда-нибудь придется сослаться кому-нибудь на эту услугу. Надеюсь, это не будет вами забыто…

И Коротков, и Бережков после войны независимо друг от друга пытались найти какие-либо следы своего давнего знакомого Хайнемана. Ни тому, ни другому, сделать это так и не удалось…

Наконец, разрешился вопрос с обменом интернированных граждан воюющих стран. Советские интересы в Германии при этом представляла Швеция, Германии в СССР — Болгария.

Благодаря твердой позиции Советского правительства немцам не удалось задержать в Германии большую часть советской колонии. Нехотя, они были вынуждены согласиться с процедурой обмена по принципу «Все на всех». Наших соотечественников из разных уголков Германии доставили в плохо оборудованный лагерь на окраине Берлина. Все они были голодны, плохо одеты — порой в пижамах и домашних туфлях, кое-кого при задержании избили. 2 июля Борис Журавлев опечатал опустевшее здание посольства СССР…

Дипломатам предоставили нормальный поезд со спальными вагонами, остальные граждане СССР были погружены во второй состав из общих вагонов с сидячими местами.

Маршрут следования был определен: Прага — Вена — Белград — София. Из Болгарии советская колония должна была быть доставлена в Турцию, туда же одновременно должен был

подойти эшелон из советского Закавказья с немецкими дипломатами и членами их семей.

В Югославии, однако, немцы попытались внести серьезное изменение в порядок обмена, в результате чего пассажиры второго эшелона провели в город Нише около недели в самом настоящем концлагере, где их содержали в голоде и холоде…

Но и эта провокационная затея сорвалась: немцы вынуждены были произвести обмен, как и предусматривалось соглашением, в турецком городе Эдирне…

Так Александр Коротков в третий раз в своей жизни простился с Германией. Вряд ли тогда он мог предположить, что когда-нибудь ему придется снова работать в этой стране, и не один год. С другими людьми. Никого из тех, с кем он так сблизился перед войной, увы, уже не останется в живых…

Та черная година

Полгода назад Коротков уехал из одной Москвы, вернулся — в другую.

Известно, что столицы воюющих государств чем-то похожи друг на друга. Но есть исключение из правила — если имеется в виду столица твоей страны, тем более, если она, к тому же, и твой родной город.

Кто жил в Москве в те необычайно жаркие лето и осень, никогда не забудет ее нового, сурового облика. Перекрещенные бумажными полосками на мучном клейстере окна квартир (чтобы при бомбардировках не разлетались осколки стекол), заложенные мешками с песком витрины магазинов, обязательное затемнение, серебристо-серые туши аэростатов воздушного заграждения, поднимаемые в небо с наступлением темноты, счетверенные зенитные пулеметы на крышах домов, белые стрелы на стенах с указанием «Бомбоубежище», противогазы и карабины у постовых милиционеров. Толпы призывников во дворах райвоенкоматов, и не меньшее число людей всех возрастов и социальных групп — от юных девятиклассников до профессоров — в коридорах райкомов комсомола и партии — это уже добровольцы, по возрасту, здоровью, профессии мобилизации не подлежащие.

На тротуарах центральных улиц вдруг появилось множество выносных столиков с самыми дефицитными ранее книгами, а также школьными тетрадями, блокнотами, записными книжками — то спешно разгружали склады от горючего материала: бумаги во всех ее видах. И, конечно же, очереди в продовольственных, хозяйственных, промтоварных магазинах, от которых москвичи за последние два-три года начали вроде бы отвыкать. Пока не ввели карточки на продовольствие, одежду, обувь, жители нарасхват скупали сахар, соль, муку, крупы, керосин, любые консервы и, естественно, водку и папиросы (сигареты тогда в нашей стране еще не производились, лишь изредка попадались доставленные из прибалтийских республик). Брали все подряд — от спичек до галош любых размеров.

В конце июля начались бомбардировки города. К Москве удавалось пробиться лишь одиночным самолетам врага, но все же несколько бомб упали на известные всем москвичам здания — театр имени Вахтангова на Арбате, Всесоюзную Книжную палату на Кремлевской набережной, даже ЦК ВКП(б) на Старой площади и территорию самого Кремля.

В Москву привезли первых раненых фронтовиков. Очень скоро санитарные эшелоны стали прибывать на столичные

вокзалы каждодневно. Мест в стационарах не хватало, под госпитали спешно переоборудовали школы. Ближе к осени начали эвакуировать из города оборонные предприятия вместе с персоналом и детей. Затем дошла очередь и до правительственных учреждений, вплоть до наркоматов, так что в городе Куйбышеве (ныне снова Самаре) образовался как бы филиал столицы.

В города Поволжья, Урала и Сибири были направлены сотрудники, а главным образом, сотрудницы НКВД, в которых на тот момент не было острой нужды ни в Москве, ни на фронтах.

Была откомандирована в Новосибирск, в управление введенной повсеместно военной цензуры на время и Мария Вильковыская вместе с матерью Короткова и теперь уже двумя детьми — как раз в 1941 году в семье появилась вторая дочь — Ксения.

Надсадный вой сирен воздушной тревоги теперь раздавался уже каждую ночь, иногда по несколько раз. Город мгновенно пустел — под бомбоубежища стали использовать и станции метро. На «Маяковскую» женщины с детьми теперь спускались загодя, еще с вечера.

Война привела к очередной, восьмой по счету (и далеко не последней) реорганизации органов государственной безопасности. Подобные новации никогда не проходили безболезненно для сотрудников: менялись не только названия (что терпимо), но и отношения между людьми в связи с многочисленными перемещениями по службе, то есть кадровыми перестановками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ были вновь объединены в НКВД СССР. Наркомом назначили Лаврентия Берию, его первым заместителем снова стал Всеволод Меркулов. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина. Берия был назначен членом ГКО. Если учесть, что одновременно он являлся заместителем Председателя Совнаркома СССР и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), то можно лишь догадываться, какая громадная власть была сосредоточена в его руках.

Заместителями наркома НКВД были назначены Виктор Абакумов (он же начальник управления Особых отделов), Авраамий Завенягин, Богдан Кобулов, Иван Серов, Иван Масленников (по войскам), Сергей Круглов и Василий Чернышев. Впрочем, Масленников и Круглов вскоре убыли на фронт, но с сохранением статуса замнаркома.

Главное управление государственной безопасности в

объединенном наркомате воссоздано не было. Оперативно-чекистские управления курировали напрямую сам нарком и некоторые его заместители.

Зарубежная разведка теперь называлась Первым управлением, начальником его остался Павел Фитин. Курировал отныне управление нарком. Статус бывших отделений также был повышен — они стали отделами.

Контрразведка именовалась Втором управлением, Петр Федотов также остался его начальником. Курировал контрразведку первый замнаркома Всеволод Меркулов.

Таким образом, если раньше Берия был для Короткова хоть и прямым, но достаточно отдаленным высшим начальником, то теперь стал почти что непосредственным. Это во много крат увеличивало его ответственность.

Ушел из бывшего 5-го отдела, ныне Первого управления, заместитель его начальника Павел Судоплатов. Еще 5 июля была образована Особая группа для руководства разведывательно-диверсионной работой в тылу врага, то есть на оккупированной немцами территории Советского Союза. Судоплатова назначили ее начальником. В октябре Особая группа была преобразована во 2-й отдел, а в январе 1942 года в Четвертое управление НКВД СССР. В распоряжение группы направили большое число профессиональных чекистов — и разведчиков и контрразведчиков. Некоторых по «заявке» Судоплатова нарком разрешил взять прямо из… внутренней тюрьмы, в том числе смертников Якова Серебрянского, Петра Зубова, Ивана Каминского. Зачислили, точнее восстановили в кадрах и некоторых ветеранов, в разное время и по разным причинам уволенных, но репрессиям не подвергшихся. Так, добровольно вернулся на службу уволенный в 1939 году самим Берией за необоснованное массовое прекращение «следственных дел» капитан госбезопасности Дмитрий Медведев, будущий прославленный партизанский командир, писатель, Герой Советского Союза.

Как бы то ни было, уехав в декабре заместителем начальника отделения, Коротков вернулся в свой старый кабинет заместителем начальника отдела. Уже это автоматически подымало его статус. И какого отдела! Того самого, что занимался разведкой не против эвентуального, иначе говоря, возможного противника, а смертельного врага, с которым Советский Союз вел самую кровопролитную войну за всю историю человечества…

Одним из первых вопросов, что Коротков задал коллегам, явившись на Лубянку прямо с вокзала, было нетерпеливое: «Что

слышно из Берлина?»

В ответ получил малоутешительное: ничего не слышно. В буквальном смысле слова. И неудивительно. Минск немецкие войска захватили уже 28 июня. К тому времени, когда два эшелона с советскими гражданами наконец вернулись в Москву, вся зона уверенного приема сигналов станций Д-5 и Д-6, с радиусом из Берлина примерно в тысячу километров, уже была оккупирована германскими войсками.

Коротков выяснил: приемные станции зафиксировали несколько неуверенных, сбивчивых передач вызывного характера, не содержащих никакой иной информации. Операторы могли лишь отметить, что на рации в Берлине работал очень неопытный человек, даже не новичок, а так вообще, начинающий. Принял ли корреспондент ответ Центра — неизвестно.

И это — в самые тяжелые дни и недели лета 1941 года, когда немецкие дивизии, невзирая на потери и сопротивление со стороны Красной Армии, продвигались вперед почти на всем протяжении огромного фронта. Как нужна была в эти дни информация из столицы Германии о подлинных потерях вермахта, ближайших планах его командования, их изменениях, коль скоро при очевидных успехах — разгроме кадровых частей и соединений Красной Армии, захвате всей Прибалтики, значительной части Украины, Белоруссии, Молдавии, западных областей РСФСР — блицкриг не состоялся. То было единственным утешением. А Коротков хорошо помнил авторитетное мнение некоторых высокопоставленных немецких генералов: если Германия не разгромит Советский Союз примерно за восемь недель, ей войну не выиграть.

Да блицкриг не состоялся. Но это еще не гарантировало победу и Красной Армии. Ей на это потребовалось почти четыре года. И обошелся праздничный салют 9 мая 1945 года стране в тридцать миллионов жизней и не поддающемуся по сей день исчислению горю, постигшему все народы, населяющие страну, каждый дом, каждую семью.

Сегодня невозможно даже приблизительно сказать, сколько человек в СССР были достаточно точно информированы летом 1941 года о подлинной мощи вермахта, потенциале военной промышленности Германии и тому подобном. Александр Коротков хоть и состоял в чинах небольших, знал силу «третьего рейха» лучше иных многозвездных генералов[101], а также сонма секретарей партийных комитетов всех уровней. Но и он не мог представить, что уже в октябре немцы выйдут к дальним предместьям Москвы, и в столице будет введено осадное положение.

Как бы то ни было, от него и его коллег — и скромных сержантов госбезопасности, и комиссаров, и самого наркома — требовалось с удвоенной, утроенной энергией исполнять свой служебный, полностью совпадающий с партийным и гражданским, долг: обеспечивать руководство страны и высшее командование Красной Армии достоверной, обширной и своевременной информацией о Германии и ее вооруженных силах.

Последующие полтора года Александр Коротков и его коллеги делали все возможное, чтобы установить (точнее, восстановить) связь с берлинскими группами, а также действующими независимо от них «Брайтенбахом», Фильтром и другими источниками информации.

Как во всем, что связано с войной, а с тайной войной в особенности, в истории «Красной капеллы» и по сей день много «белых пятен», неясностей загадок.

Автор рассказывает о последних месяцах и неделях жизни берлинских антифашистов на основании изученных им архивных материалов служб нашей разведки, гестапо, публикаций в советской и зарубежной литературе и прессе, а также бесед с некоторыми прямыми и косвенными участниками событий.

Вот такая сложилась в его представлении картина, которую он полагает наиболее приближенной к истине…

Работа, проделанная Коротковым в Берлине в 1940–1941 годах, хоть и не пришлась по вкусу высшим инстанциям, в самом наркомате была оценена высоко. Уж очень явно совпадали действия германского правительства, командования вермахта со своевременной информацией, поступившей от «Степанова» в Москву.

Еще до возвращения советских дипломатов и специалистов из Германии на Родину, руководство разведки приняло решение о дальнейшем служебном росте Короткова. Нарком не возражал — возможно, сам себя мысленно и похвалил, что оставил молодого разведчика в штатах наркомата. Разумеется, не из соображений высшей справедливости, тем более — гуманности, но по холодному и трезвому расчету. Который оправдался. Только и всего[102].

В руководстве разведки уже созрело намерение направить Павла Журавлева на ответственную должность легального резидента в Иран, где сложилась непростая оперативная обстановка и ощущалась острая нужда в опытном разведчике, обладающим широким кругозором и не только профессиональными, но и дипломатическими способностями, поскольку ему предстояло работать в контакте с таким сложным

союзником, как английские спецслужбы.

Его-то и должен был заменить Александр Коротков. Назначение на должность начальника одного из ведущих отделов разведки, если в условиях войны не самого главного, — немецкого было делом серьезным и ответственным.

К достоинствам Короткова, признанных руководством, следовало отнести его знание положения в Германии и тамошних источников информации, понимание менталитета немцев, свободное владение языком. К недостаткам — отсутствие опыта руководящей аппаратной работы в Центре. Противоречие? Конечно…

Начальник разведки Павел Фитин нашел для его решения простой, умный, хотя и парадоксальный способ, утвержденный и «кадрами», и наркомом.

А именно: Александр Коротков был назначен начальником 1-го (немецкого) отдела 1-го управления НКВД. Одновременно ему было присвоено звание капитана госбезопасности. Майор же госбезопасности Павел Журавлев временно, до отъезда в загранкомандировку был назначен заместителем своего собственного бывшего заместителя!

Благодаря этой хитроумной рокировке Коротков вошел в курс всех дел отдела быстро и безболезненно.

Отчитавшись о проделанной в Берлине работе за последние несколько дней перед отъездом, ознакомившись с положением на фронтах (а оно ухудшалось с каждым часом), уразумев, следовательно, что нечего рассчитывать на прием радиопередач из Берлина приемными устройствами, которыми располагал НКВД на пока еще не захваченной немцами территории, Коротков внес на рассмотрение руководства несколько предложений. Главными были следующие:

«1. Использовать возможности резидентуры НКВД в Швеции и Лондоне для прослушивания эфира на средних волнах с целью обнаружения позывных «Корсиканца».

2. С учетом всех обстоятельств продолжить поиски новых форм связи с «Корсиканцем» и Старшиной», привлекая с этой целью силы и возможности военных соседей»[103].

Уже 7 июля соответствующее указание было передано резидентурам разведки НКВД в Лондон и Стокгольм: слушать Д-5 и Д-6 по числам, кратным 4 и 7.

…В ночь с 25 на 26 июля 1941 года пункт перехвата функабвера (радиоразведки — *Т. Р.*) в городе Кранце[104] в Восточной Пруссии засек работу ранее не выходившего в эфир подпольного передатчика: «РТХ» настойчиво вызывал «KLK». Опытные операторы появлению неизвестного им до того

«пианиста особого значения не придали, хотя по некоторым признакам установили, что шифрограмма, переданная «РТХ», предназначалась Москве. Немецкие войска стремительно продвигались на Восток. По уверению не только рейхсминистра пропаганды Геббельса, но и самого фюрера через несколько недель Советский Союз должен был рухнуть, подобно «колоссу на глиняных ногах». Следовательно, «музыкальная шкатулка» с этими позывными, как и еще несколько, вышедших в эфир в разных точках Европы после 22 июня, прекратит свое существование сама по себе.

Неделя проходила за неделей. Несмотря на серьезные успехи вермахта блицкриг явно срывался, а таинственный «РТХ» выходил в эфир едва не ежедневно и работал подолгу. Стало быть, имел что передавать Москве. Перехваченные криптограммы расшифровке не поддавались.

Немецкая радиопромышленность была в те годы лучшей в мире. Уже тогда функабвер располагал достаточно совершенной радиопеленгационной аппаратурой. Наземные пеленгаторы устанавливались на микроавтобусах, замаскированных под машины «скорой помощи», или под крытые грузовички ремонтных служб канализации. Для пеленгации на дальнем расстоянии применялись легкомоторные самолеты «фюзелер-шторх» и транспортные «юнкерсы».

Достаточно быстро пункт перехвата в Кранце установил, что «РТХ» находится в зоне, охватывающей Северную Германию, Нидерланды, Бельгию и Северную Францию.

Спустя некоторое время операторы в Кранце и их коллеги в Бреслау засекли сигналы еще одного передатчика. Сделанные специалистами радиопеленгации расчеты произвели в Берлине впечатление разорвавшейся бомбы: по всему входило, что передатчик работал в… самой столице «третьего рейха»! Поскольку его радиограммы также не поддавались расшифровке, следовало, что рация принадлежала не подпольной коммунистической или иной антифашистской организации, но советской разведке!

Узнав об этом, Гитлер пришел в ярость, поскольку руководство и гестапо, и абвера заверяли его, что в Германии не существует сколь-либо серьезной агентуры или нелегалов русских спецслужб.

Поиск советских «пианистов» взяли под личный контроль руководители всех контрразведывательных и разведывательных органов нацистской Германии: начальник гестапо Генрих Мюллер, начальник управления СД-аусланд Вальтер Шелленберг, шеф абвера Вильгельм Канарис, шеф функабвера (штаб этой

разведслужбы располагался не на Тирпицуфер, а в другом месте — на Маттиакирхплац) генерал-лейтенант Фриц Тиле.

Со стороны гестапо Мюллер поручил каждодневное наблюдение за ходом расследования своему давнему сослуживцу и фактическому заместителю, группенлейтеру, начальник отдела IV-А оберштурмбаннфюреру СС, оберрегирунгсрату Фрицу Панцингеру.

В РСХА была образована особая комплексная комиссия (зондеркомиссия) под кодовым названием «Роте капелле» — «Красный оркестр». Так уж сложилось, что рабочий термин, придуманный в гестапо, стал собственным именем для всей советской разведывательной сети, созданной и НКВД, и Разведупром Красной Армии, действовавшей в Германии, оккупированных ею странах Европы и даже в нейтральной Швейцарии (имеется в виду группа «Доры»). В советской литературе утвердилось название «Красная капелла»[105].

Зондеркомиссию «Красная капелла» возглавил руководитель реферата (подотдела) IV-А-2 гауптштурмфюрер СС криминалрат Хорст Копков. К концу года в ее составе числилось до семидесяти сотрудников.

Для работы в Бельгии и Франции в системе зондеркомиссии была образована отдельная, тоже комплексная зондеркоманда «Красная капелла». Ее возглавил высокий худой мужчина с редкими волосами, изможденным, землистого цвета лицом и странным сиплым голосом. Гауптштурмфюрер СС и криминалрат Карл Гиринг, считавшийся лучшим полицейским Германии, страдал неизлечимым недугом — запущенным раком горла. Но до своей отставки старый сыщик успел нарыть многое…

В 1943 году Гиринга сменит более молодой и крепкий физически гауптштурмфюрер СС и криминалрат (советник криминальной полиции. — *Т. Г.*) Хейнц Панвиц, также достаточно квалифицированный профессионал сыскного дела.

Следует отметить, что подобные зондеркомиссии создавались в «третьем рейхе» лишь в исключительных случаях. Так, зондеркомиссия под началом шефа крипо Артура Небе была образована для расследования покушения на Гитлера, совершенного 8 ноября 1939 года неким Георгом Эльсером в «исторической» мюнхенской пивной, где начинался столь же «исторический», так называемый «пивной путч» 1923 года. При его разгоне несколько нацистов были убиты, многие ранены.

В честь этого события Гитлер, когда пришел к власти, учредил для его участников «Орден Крови». По традиции в этой пивной каждую годовщину собирались ветераны путча. На очередную встречу явился и Гитлер, произнес речь и покинул зал

раньше, чем предполагалось по программе. А вскоре прогремел взрыв самодельного устройства, изготовленного и заложенного Эльсером. В этой истории и по сей день много загадочного, некоторые исследователи, полагают, что зипо знало о покушении с самого начала и просто использовало Эльсера для укрепления своего авторитета в глазах фюрера.

Еще одна зондеркомиссия была образована для расследования покушения 27 мая 1942 года на жизнь фактического имперского наместника Богемии и Моравии, шефа РСХА Рейнгарда Гейдриха в Праге. Возглавил эту зондеркомиссию молодой, с чуть раздвоенным подбородком, слегка приплюснутым носом и стесанными бровями — как у боксера — мужчина, вполне интеллигентной внешности, скорее похожий на банковского чиновника, нежели на следователя гестапо. Это был уже названный нами Хейнц Панвиц.

Наконец, самая многочисленная и наделенная огромными полномочиями зондеркомиссия была образована после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Ее возглавил сам Генрих Мюллер. В результате деятельности этой зондеркомиссии были арестованы и казнены сотни, а возможно и тысячи (о точных цифрах до сих пор идут споры среди источников) людей.

О правах, какими при этом был наделен Мюллер, лучше всего говорит такой факт. Мюллер предложил Шелленбергу арестовать тогда уже бывшего шефа абвера адмирала Канариса. Шелленберг отказался, он с Мюллером формально занимал одинаковое служебное положение, оба были в РСХА начальниками управлений. Тогда Мюллер приказал ему это сделать как шефу зондеркомиссии, и Шелленберг беспрекословно подчинился.

Мюллер был весьма доволен деятельностью Копкова в зондеркомиссии «Красная капелла» и включил его впоследствии в состав зондеркомиссии по делу 20 июля. За «Красную капеллу» Копков получил крупную денежную премию — 5 тысяч марок, за участие в расправах с заговорщиками 1944 года был удостоен редкого для своего звания и вообще для сотрудника гестапо ордена «Немецкого креста» степени «в серебре».

Радиопередатчик в Берлине проработал три недели, затем замолк. Однако в начале августа он возобновил свои передачи и замолчал лишь спустя две недели. Потом еще раз вышел в эфир. Запеленговать его местонахождение не удалось.

Передачи же «музыкальной шкатулки» с позывными «РТХ» продолжались. К сентябрю в функабвере накопилось свыше двухсот пятидесяти ее записей, над которыми по-прежнему безуспешно бились лучшие криптоаналитики.

В конце октября и ноябре интенсивность работы «РТХ» резко

возросла, порой «пианист» работал до пяти часов кряду. Аналитики функабвера сделали вывод, который оказался верным, что берлинский передатчик по какой-то причине вышел из строя, а может быть, что-то произошло с радистом, и «РТХ» принял на себя дополнительно функции своего берлинского коллеги.

Начались усиленные поиски. В конце концов, работая последовательно и упорно, используя все виды дальнего, а затем и ближнего радиопеленгирования, немцы установили, что «РТХ» находится в Бельгии, точнее — в Брюсселе, еще точнее (существовала и существует надежная методика приближения к объекту поисков) — на улице Атребатов в доме номер 101.

А теперь вернемся на несколько недель назад.

Передатчик в Берлине, принадлежащий группе «Корсиканца» — «Старшины» на котором работал Ганс Коппи, действительно вышел из строя. Неопытному радисту все же удалось его починить, но затем рация поломалась окончательно, и, берлинская организация утратила связь с Центром.

Меж тем дивизии вермахта, невзирая на яростное сопротивление Красной Армии, приближались к Москве. Высшее командование и руководство страны остро нуждалось в достоверной информации из Германии. О заброске разведчиков из Москвы в Берлин для восстановления связей с тамошней агентурой не могло быть и речи — на их подготовку и само проведение операции не было ни времени, ни реальных возможностей.

Тогда руководство НКВД решилось на беспрецедентный и отчаянный шаг, противоречащий всем писаным и неписаным законам разведки…

В некоторых оккупированных Германией странах Западной Европы действовала разветвленная агентурная сеть нелегалов Разведупра Красной Армии. Руководил ею в прошлом профессиональный революционер Леопольд Треппер (он же «Большой Шеф», «Отто», «Жильбер» и еще полтора десятка псевдонимов).

В Брюсселе небольшую группу этой сети возглавлял молодой и неопытный, но до поры везучий Анатолий Гуревич, он же «Кент».

15 ноября 1941 года в справке, направленной руководству, начальник 1-го управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Павел Фитин докладывал:

«С находящейся в Берлине агентурой, входящей в группу «Корсиканца», в том числе и источником «Старшина», работающим в Главном штабе германской авиации, 1-м управлением были предприняты меры к возобновлению связи

через каналы Разведупра Генштаба РККА.

По договоренности с Разведупром нелегальному резиденту «Кенту», проживающему в Брюсселе, в середине сентября с. г. было дано задание посетить Берлин, связаться с «Корсиканцем» и «Старшиной», выяснить положение всей группы «Корсиканца», получить срочные информации для передачи в Москву по имеющейся у «Кента» рации, а также выяснить причины отсутствия связи по рации, имеющейся в группе «Корсиканца».

В отчете по делу «Красной капеллы», составленном уже после войны — в 1946 году, Коротков также писал: «В сентябре 1941 года в ответ на нашу просьбу о помощи в восстановлении связи через разведывательное управление Красной Армии, управление согласилось помочь восстановить связь с нашими ценными агентами в Берлине. Разведывательное управление предложило устроить это через нелегальную сеть в Бельгии, под руководством «Кента», которого считали абсолютно надежным и достойным доверия офицером Красной Армии и у которого была возможность совершить поездку в Берлин».

«Кент»-Гуревич свободно владел испанским языком (участвовал в качестве переводчика в гражданской войне в Испании), под видом гражданина Уругвая Винсенто Сьерра он выступал в качестве директора-распорядителя подставной фирмы «Симэско». Фирма сотрудничала с оккупационными властями, снабжала вермахт кое-какими материалами, не имеющими серьезного военного значения — вроде солдатских алюминиевых ложек. Благодаря этим связям «Кент» получил пропуск для краткосрочной поездки в Берлин с деловой целью.

Так совпало, что «Кент» уже имел указание своего руководства о поездке в столицу Германии для встречи с радистом группы Ильзы Штебе Куртом Шульце (оперативный псевдоним «Берг»). Ни военные разведчики, ни чекисты не знали тогда, что волею судеб и случая Курт Шульце и Ганс Коппи уже были связаны друг с другом. Познакомил их общий близкий приятель, коммунист-подпольщик Вальтер Хуземан.

Курту Шульце было уже сорок семь лет. Он родился в семье пекаря и был седьмым по счету из десяти детей. В годы Первой мировой войны он служил радистом на крейсере «Штутгарт». В 1920 году Шульце вступил в Коммунистическую партию Германии и стал функционером в берлинском районе Панков.

В 1928 году Курт приехал в СССР, где прошел подготовку в школе Разведывательного управления Красной Армии. По возвращении на родину работал таксистом и активно занимался партийными делами, уже как нелегал-подпольщик. Щульце был глубоко законспирирован, ему предстояло приступить к своим

обязанностям разведчика и радиста лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Под этим подразумевалась война. Но без дела все эти годы не сидел — в разное время он получил от резидентуры Разведупра и переправил действующим разведчикам несколько раций с кварцами и шифры. Сейчас он работал водителем автофургона одного из привокзальных почтовых отделений.

10 октября «Кент» получил вторую шифрограмму из Москвы. В литературе, посвященной «Красной капелле», почему-то приводятся несколько вариантов этой шифровки, что вносит дополнительную путаницу в и без того запутанную историю берлинского подполья. В некоторых вариантах приводятся три адреса (а не два, как было на самом деле), к тому же название одной из улиц переврано.

Приводим текст этой второй радиограммы согласно послевоенному отчету Разведуправления Красной Армии. В отчете название улицы, на которой жил «Старик», напечатано с ошибкой, правда, незначительной. Автор счел возможным ее исправить.

«Во время Вашей уже запланированной поездки в Берлин зайдите к Адаму Кукхофу или его жене по адресу: Вильгельмхоерштрассе, дом 18, телефон 83-62-61, вторая лестница слева, на верхнем этаже, и сообщите, что вас направил друг Арвида. Напомните Кукхофу о книге, которую он подарил Эрдбергу незадолго до войны, и о его пьесе «Тиль Уленшпигель». Предложите Кукхофу устроить вам встречу с Арвидом и Харро, а если это окажется невозможным, спросите у Кукхофа:

1. Когда начнется связь и что случилось?

2. Где и в каком положении все друзья — в частности, известные Арвиду: «Итальянец», «Штральман», «Лео», «Каро» и другие?

3. Получите подробную информацию для передачи Эрдбергу.

4. Предложите направить человека для личного контакта в Стамбул, или того, кто сможет лично установить контакт с торгпредом в Стокгольме в [советском] консульстве.

5. Подготовьте квартиру для приема людей.

В случае отсутствия Кукхофа пойдите к жене Харро, Либертас Щульце-Бойзен, по адресу Альтенбургераллее, 19, телефон, 99-58-47. Сообщите, что вы пришли от человека, с которым ее познакомила Элизабет в Маркварте. Задание то же, что и для встречи с Кукхофом».

Шифровку подписали начальник Разведупра РККА Алексей Панфилов, комиссар РУ Иван Ильичев, а завизировал начальник Первого управления НКВД Павел Фитин.

Получив информацию в Берлине, «Кент» должен был передать ее в Москву со своего достаточно мощного передатчика в Брюсселе, того самого, работу которого уже засек, но еще не установил точное местонахождение пункт функабвера в Кранце.

«Кент» благополучно приехал в Берлин и остановился в отеле «Эксельсиор» на Асканияплац. В последующих показаниях Гуревича, данных им на допросах в гестапо и в советской контрразведке, а впоследствии и в опубликованных воспоминаниях, много путаницы и противоречий. Тому может быть несколько объяснений: и личная заинтересованность «Кента», и фактор давности.

В столице рейха «Кент» должен был встретиться и с «Корсиканцем». Небезынтересны впервые публикуемые «Условия связи с «Корсиканцем», переданные «Кенту» шифровкой через его руководство:

«Нужно передать привет от «Александра Эрдберга». На встречу в городе «К» [«Корсиканца»] можно вызвать, бросив в почтовый ящик в дверях его квартиры газету «Берзен Цайтунг». Название дня недели, которым помечен этот номер, означает день явки на следующей неделе. Если нужно вызвать в тот же день, то на первой странице газеты, вне зависимости от ее даты, следует провести большую красную черту. Встреча должна состояться всегда в 8 часов вечера. Место встречи — вокзал городской железной дороги Тиргартен, дальний по отношению к Шарлоттенбургершоссе выход. Обратиться с вопросом, как пройти на улицу, где живет «К». Домой к «К» лучше всего прийти или до 1/2 9 утра, или между 7–1/2 8 вечера, чтобы не столкнуться с приходящей домработницей. Жена полностью в курсе нашей с ним связи.

Адрес «Корсиканца», помеченный в деле еще 1937 годом, Берлин, Войевштрассе, 16.

Войдя по этому адресу в ворота, с правой стороны портала — 3-й этаж (исчисления этажей по нашему). Телефона не имеет».

В первую очередь «Кент» отправился по самому дальнему из имеющихся у него адресов: в Берлин-Каров. Здесь на Шпинолаштрассе, 4 жил Курт Шульце. Через Шульце «Кент» должен был выяснить, каково положение у Ильзы Штебе и ее основного информатора Рудольфа фон Шелиа, а также передать радисту книгу для кодирования и программу пользования ею.

Теперь можно было переходить ко второй части задания. Неточный адрес Кукхофа не осложнил задачу «Кента»: он рассудил, зачем через него устанавливать связь с Шульце-Бойзеном, если у него есть адрес последнего. Тем более, что Шульце рассказал ему, что Шульце-Бойзен по-прежнему служит в

Берлине.

Так что «Кент» не стал звонить Кукхофу, а сразу направился на Альтенбургераллее. Однако завидев богатый дом под номером 19, подъезд с массивной дверью, украшенной надраенными до блеска медными ручками, «Кент», человек, наделенный от природы застенчивостью, зайти не решился.

Он предпочел позвонить по телефону. Трубку подняла Либертас. Жена Харро в этот период работала в Германском центре научно-популярных и учебных фильмов, входящем в систему Министерства народного просвещения и пропаганды. По роду службы она могла достаточно свободно распоряжаться своим временем, потому и оказалась днем дома. Либертас была женщиной сообразительной, все мгновенно поняла. Спросила:

— Откуда вы звоните?

— Из телефонной будки, что против вашего дома.

— Не отходите от нее, ждите меня. — И повесила трубку.

Через несколько минут Либертас уже на улице объяснила «Кенту», что он говорит по-немецки с заметным иностранным акцентом. Поэтому просила, на всякий случай, больше не звонить и по этому адресу не приходить. Она не исключала возможность периодического наблюдения за квартирой и такого же эпизодического прослушивания телефона (об этом сам «Кент» впоследствии в одной из шифровок уведомил Центр).

Либертас сразу назначила за мужа встречу с курьером. Анатолий Гуревич так и не вспомнил, на какой именно станции подземки она состоялась. Оттуда Шульце-Бойзен провел «Кента» на конспиративную квартиру, где они беседовали около часа. Адреса он тоже не помнит.

Вроде бы, на Хоорштрассе. В таком случае, это была станция «Вицлобен», другой поблизости от Хоорштрассе попросту нет. Одно «Кент» запомнил хорошо, что очень заробел, когда на встречу с ним явился высокий мужчина в форме офицера люфтваффе. Ему не сообщили, что Шульце-Бойзен, называвший себя конспиративным псевдонимом «Коро», военнослужащий. Впоследствии на допросе в гестапо Гуревич на предъявленной ему фотографии уверенно опознал «Коро».

В Берлине «Кент» пребывал с 26 октября по 5 ноября 1941 года. За это время у него были контакты и с Шульце-Бойзеном, им с Харнаком.

На встречах с берлинцами «Кент» выяснил, что связь с Москвой отсутствовала из-за неисправности аппарата и неопытности «пианиста». В одной из шифрограмм он сообщил Центру, что теперь следует слушать Берлин по программе «Арвида» (то есть Д-6) каждый день. Он обусловил, что «в случае

вашего согласия он сможет до установления вами ваших позывных — вас слушать на основной волне 47 метров, запасной — 51 метр. Ваши позывные — ДАУ…»

В Брюссель «Кент» вернулся благополучно. Передача доставленной им из Берлина информации проводилась продолжительными сеансами почти ежедневно вплоть до 28 ноября. Уже это указывает на то, каков был объем разведданных, полученных им в Берлине.

Свою справку (ее первая половина уже приведена ранее) Фитин завершил такими словами:

«Телеграммами от 6 и 10 ноября с. г. «Кент» сообщил, что выполнил данное ему задание, посетил Берлин, связался с «Корсиканцем» и «Старшиной», *обучил их обращению с радиошифром* и установил, что все связи «Корсиканца» в целости.

Телеграммой от 13 ноября с. г. «Кент» передал срочную информацию, полученную им от «Старшины». Содержание информации изложено в приложении».

Автор обращает внимание читателя на слова, выделенные *курсивом*. Мы к ним еще вернемся.

Есть смысл целиком привести справку Фитина, составленную им 25 ноября 1941 года на основании всего лишь двух телеграмм из Брюсселя от 23 и 24 ноября.

«1. Запасы горючего, имеющиеся сейчас в распоряжении германской армии, достаточны до февраля-марта будущего года.

2. По мнению военных специалистов, в случае успешных военных действий, в результате которых будут захвачены нефтяные районы СССР, нефтяные источники не могут быть использованы эффективно ранее, чем через 6–9 месяцев восстановительных работ, так как их разрушение, вне сомнения, подготовлено большевиками. Даже после 6-9-месячных восстановительных работ эти источники не дадут больше половины их теперешней мощности.

3. Лица, ответственные за снабжение германской армии горючим, озабочены сейчас положением, которое должно будет создаться после февраля-марта 1942 г. В связи с этим следует ожидать активного развертывания германского наступления на Кавказ и, прежде всего, на Майкоп[106].

Конечно, можно и посочувствовать обиженному Кейтелю. Для нас важно другое: генерал-фельдмаршал *прямо связывает* передачу сведений Шульце-Бойзеном о направлении нового наступления с провалом проведенной по замыслу Гитлера летней операции 1942 года, которая «нашла свой конец на Кавказе и на Волге, в Сталинграде, и стала началом поворота в ходе Восточной кампании».

Спору нет, главная заслуга в разгроме немецко-фашистских войск и дивизий их союзников под Сталинградом принадлежит Красной Армии и ее военачальникам, прежде всего, будущему маршалу Константину Рокоссовскому. Но в словах гитлеровского генерал-фельдмаршала воздается, пусть и в двусмысленной форме, должное и советской разведке в целом. Поскольку информация о замыслах врага поступала командованию Красной Армии и от других источников, в том числе военной, войсковой, партизанской и авиаразведок.

4. Массовое (серийное) производство самолетов в оккупированных немцами странах еще не налажено как следует. На имеющихся в этих странах заводах производятся, в основном, ремонтные работы.

5. Немцы установили несколько станций, которые работают на английских шифрах и дают ложную информацию.

6. Ставка Гитлера часто меняет свое местопребывание и ее адрес известен только нескольким лицам. Предположительно, Гитлер сейчас находится в районе Инстербурга.

7. Ставка Геринга сейчас находится в районе Инстербурга.

8. Потерпевшие поражение на Крите воздушно-десантные части германской армии частично сейчас сосредоточены в Болгарии. Предполагалось эти части использовать для десантов в Крыму. Небольшое количество этих воздушно-десантных частей находится сейчас на фронте под Ленинградом и Москвой, причем солдаты используются как обычные пехотинцы.

9. Немцы обладают дипломатическим шифром СССР, который был захвачен в Петсамо. Однако этот шифр не дал якобы возможности расшифровать значительного количества советских документов.

10. Немцы раскрыли всю разведывательную систему англичан на Балканах. Поэтому «Старшина» предупреждает нас об опасности вступать в контакт с англичанами для совместной работы в балканских странах».

Из донесений «Старшины» следовало также, что немецкая авиация понесла серьезные потери и сейчас насчитывает только 2500 самолетов, пригодных к использованию. Ежемесячно люфтваффе получает лишь 100 новых самолетов, вместо требуемых 750.

Вера в быструю победу Германии испарилась. Эта потеря уверенности в наибольшей степени затронула пожилую часть офицерского корпуса.

От «Старшины» кроме того, стало известно, что шеф абвера адмирал Канарис за большую сумму денег завербовал французского офицера из штаба де Голля для работы на немцев.

Это привело к вскрытию сети агентов де Голля во Франции, где произведены аресты, главным образом среди офицеров.

«Старшина» сообщал также:

— о переброске тяжелой артиллерии (в том числе орудий береговых батарей) из Кенигсберга к Москве;

— о потерях бронетанковых частей и боевой техники (они достигли оснащения одиннадцати дивизий);

— о потерях в живой силе, о численности и качестве пополнения фронтовых частей и соединений;

— о том, что немцы еще не установили на самолетах устройства для ведения химической войны, однако крупные запасы боевых отравляющих веществ уже накоплены;

— о том, что немцы имеют ключ ко всем шифрограммам, посланным в Лондон югославскими представителями в Москве.

Шифрограммы из Брюсселя принимали радисты Разведупра. Так что руководство РУ РККА знакомилось с ними еще до передачи в НКВД. Достоверно известно, что содержащаяся в них информация чисто военного характера была сразу доложена командованию Красной Армии и принята во внимание.

В конце ноября 1941 года в Первом управлении зародился план засылки в Берлин для связи с Шульце-Бойзеном и Харнаком независимо от военных «соседей» собственных надежных агентов, которыми располагала лондонская резидентура. Содействие в этом должны были оказать британские союзники. В декабре резиденту в Лондоне «Джону» пришло указание подготовить к заброске в Германию воздушным путем проверенных агентов «Бригадира» и «Вахе». Увы, в одном из тренировочных прыжков с парашютом «Вахе» едва не погиб и выбыл из строя. От намеченного плана пришлось отказаться.

Меж тем позывные «AER» неожиданно прорвались сквозь трескотню, засоряющую эфир на коротких и средних волнах. Но сигнал, вместо того чтобы обрадовать Павла Журавлева, когда ему об этом доложили, встревожил и насторожил его. Об этом свидетельствует служебная записка, направленная им 31 декабря 1941 года начальнику отдела Александру Короткову с двумя пометками: «Совершенно секретно» (так уж положено) и «Весьма срочно» (значит, важно).

Журавлев сообщает, что 20 декабря Д-6 работала согласно условиям связи (второй вариант), переданных корреспонденту до войны. Спрашивается, почему?

Возвращаем читателя к строкам телеграммы «Кента», в которых утверждается, что он, «Кент», обучил «Корсиканца» и «Старшину» обращению с радиошифром. А ему, «Кенту», естественно, был передан новый, то есть *послевоенный* шифр.

Отсюда Журавлев сделал два абсолютно логичных вывода. В служебной записке Короткову они следуют под пунктами 3 и 4[107].

«3. Считаем, что корреспондент Д-6 переданных ему условий связи через «Кента» получить не мог.

4. Тот факт, что Д.-6 является в эфир согласно условиям связи, переданных ему до войны, говорит о том, что он не принял (или принял, но не расшифровал) нашу шифровку, передаваемую через станцию 2-го Спецотдела в течение продолжительного времени».

Коротков полностью разделял мнение своего заместителя. На цитируемом служебном документе имеется его собственноручная помета: «Корсиканец» работает на условиях связи, которые я ему передал до войны». Таким образом, нашу передачу ему из Куйбышева[108] он не слышит, и «Кент» ему очевидно, нашу телеграмму также не передал».

Эта загадка, как и многие другие, связанные с личностью «Кента»-Гуревича, его дальнейшим поведением во время войны, выступлений уже в наши дни в печати и на телевидении, остается неразрешенной. Автор убежден, что если бы берлинская группа своевременно получила новые условия связи, то, по крайней мере, часть «Красной капеллы» избежала гибели.

Как бы то ни было, но рассчитывать на кружной канал, проложенный вроде бы удачной поездкой «Кента», то есть на ее повтор, уже не приходилось. Увы, этого канала больше не существовало. Произошло то, что рано или поздно должно было произойти. В ночь с 12 на 13 декабря 1941 года солдаты из функабвера и полицейские под командованием капитана Гарри Пиппе совершили налет на дом номер 101 по улице Атребатов в Брюсселе. Прямо во время сеанса связи были захвачены два радиста и шифровальщица из группы «Кента». Чуть позже был задержан еще один радист, угодивший в оставленную в доме засаду. Чудом удалось вырваться из западни «Большому Шефу» — Трепперу, успевшему предупредить «Кента»[109].

Руководитель брюссельской операции Гарри Пипее в абвер попал недавно и случайно — до этого кадровый офицер командовал танковым подразделением. Не обладая должным опытом, он снял засаду слишком рано. Воспользовавшись этим, кто-то из уцелевших членов организации (его имя установить не удалось) сумел вынести из дома все книги, в том числе те, с помощью которых производилось шифрование донесений. Таких книг было четыре: роман Оноре де Бальзака «Тридцатилетняя женщина», пьеса Адама Кукхофа «Тиль Уленшпигель», небольшой энциклопедический словарь Лярусса и четвертая — о ней речь

впереди.

Дом номер 101 по улице Атребатов был снят разведчиками на имя молодой немки, любовницы одного из членов группы. Чем занимались в доме друзья возлюбленного, ее совершенно не интересовало.

Когда арестованную стали по-настоящему допрашивать профессионалы из гестапо, она вспомнила только одну из имевшихся в доме и пропавших французских книг, потому — что ее читала — главного героя звали Проктор. Название книги, фамилию автора девушка вспомнить так и не смогла.

Немецкие спецслужбы в Париже перерыли весь город, обошли все книжные магазины и библиотеки. В конце концов они нашли злополучную книгу в лавке у одного букиниста на набережной Сены. То был забытый роман Ги де Терамона «Чудо профессора Вольмара», изданный в 1911 году в виде приложения к журналу «Мир в иллюстрациях».

Остальное было делом техники, вернее, упорнейшей, но уже целенаправленной работы дотошных немецких криптоаналитиков. В начале июня 1942 года лучший «взломщик» кодов и шифров Германии обер-лейтенант доктор Фаук и его коллеги стали читать скопившиеся почти за год советские шифрограммы. 12 июня были расшифрованы те роковые послания Разведупра «Кенту», в которых сообщались берлинские адреса…

Меж тем убедившись, что на радио рассчитывать не приходится, Коротков и его сотрудники стали изыскивать другие способы восстановления связи с берлинскими и иными группами разведчиков в Германии. Перебрав несколько вариантов, они пришли к выводу, что проще и надежнее всего послать курьера через нейтральную страну. Остановились на Швеции. Резидентом разведки НКВД в Стокгольме был крупный разведчик Борис Рыбкин (в посольстве числился под фамилией Ярцев, оперативный псевдоним «Кин»), помощником резидента — его жена, в недавнем прошлом сослуживица Короткова по германскому отделу Зоя Рыбкина (она же Ярцева, оперативный псевдоним «Ирина»).

По их заданию в Германию направился агент стокгольмской резидентуры «Историк». Ганс Куммеров встретил посланца Короткова с искренней радостью, сообщил, что сейчас работает на радиозаводе, числится у руководства на хорошем счету, никакой слежки за собой не замечает. «Историк» поинтересовался, может ли Куммеров принять у себя людей, прибывших в Германию нелегальным путем. К сожалению, никак нельзя: Куммеровы живут в пригороде, фактически в дачном

поселке, где все друг друга знают, и любой незнакомец непременно привлечет к себе внимание.

Куммеров рассказал «Историку», что, несмотря на некоторое разочарование, вызванное неудачей с блицкригом, большинство населения продолжает верить в Гитлера, никаких социальных протестов против затянувшейся войны ожидать не следует. Он сообщил также, что германская бомбардировочная авиация, совершающая налеты на Англию, в последнее время несет большие потери, так как англичане умело используют в организации противовоздушной обороны такую техническую новинку, как радар. Куммеров проинформировал «Историка» — это была чрезвычайно важная информация — что, хотя Гитлер располагает большими запасами химического оружия, но использовать его пока не намерен: он боится адекватного ответного удара. Зато фюрер возлагает большие надежды на новый 150-миллиметровый снаряд. «Фильтр» располагал точными данными о его устройстве и тактико-технических характеристиках.

Успех миссии «Историка» воодушевил сотрудников Центра. Решено было по той же схеме восстановить связь с группами Шульце-Бойзена и Харнака.

По указанию Москвы стокгольмская резидентура подобрала для поездки в Германию подходящего агента, шведского коммерсанта под псевдонимом «Адам». С этим человеком произошло много приключений, доставивших впоследствии его куратору Борису Рыбкину уйму неприятностей. Об этом Зоя Воскресенская (Рыбкина) сама рассказала в своих воспоминаниях, опубликованных уже после ее смерти. Сообщим то, что для нас важно и чего, кстати, в книге Воскресенской как раз и нет.

…5 марта 1942 года Москва дала согласие на передачу «Адаму» явки к группе «Корсиканца». Как следует из справки, составленной в Центре, агенту также «даны явки к Бергу» (радист Р. У.)[110] и жене «Тенора», если «Адам» должен будет по этим адресам передать два шифрованных письма, переданных «Кину». Ни на какие переговоры «Адам» не уполномачивается, ответы он должен получить также в зашифрованном виде».

Кроме того, «Адам» должен был доставить в Берлин деньги — приличную сумму в рейхсмарках на оперативные расходы.

Агенту «Кина» предстояло добраться до Берлина вполне легально, рейсовым самолетом. Позднее Рыбкин передал в Москву мельчайшие подробности этой поездки (детали в разведке имеют большое значение, порой не меньшее, чем суть дела, особенно при анализе причин провалов).

«Досмотр на берлинском аэродроме был обычный, без

личного досмотра и расспросов. В гостинице комнату достать невозможно, поэтому для «Адама» была приготовлена комната…

При явке «Адама» в полицию… для регистрации, как иностранца, его ни о чем не расспрашивали, только приняли анкету. При вылете из Берлина осмотр также был поверхностный»[111].

«Адам» встретился с Куртом Шульце у станции «Цоо», под виадуком железной дороги, пересекающей весь Берлин. «Берг» рассказал «Адаму», что по своей инициативе обучил товарищей азбуке Морзе и работе на ключе. (Эти две передачи и были в феврале приняты станцией Центра.) Шульце также передал курьеру сообщение для Москвы, в котором, в частности, уведомлял: «У нас нет анодов. Пытаюсь достать батареи. Ганс Коппи вызывал вас, безуспешно. Стараемся сделать все возможное. Берг». Кроме того, от имени Харнака и Шульце-Бойзена «Берг» просил Центр найти возможность доставить в Берлин более мощный радиопередатчик.

«Адам» договорился с «Бергом» об условиях возможных в будущем контактов с ним и других курьеров Центра. «Кин»-Рыбкин так изложил эту договоренность в сообщении в Москву.

«На случай, если к «Бергу» будет послан курьер, то с ним обусловлен следующий порядок связи: человек, который поедет к «Бергу», должен опустить в наружный почтовый ящик последнего записку, где будет сказано: «Ihr Dienst begenfam morgen. [Ваша служба начнется утром].

После получения записки «Берг» будет ежедневно в 6 часов вечера ждать нашего человека у станции Зоосбан, вход с Харденберштрассе, под виадуком, у входа около Fremdenberkessatm [к поездам дальнего следования].

Приметы «Берга»: худой ниже среднего роста, большие черные брови, лет 45, одет в коричневой шляпе, серое пальто».

«Адам» должнен был также передать Шульце деньги на оперативные расходы и анодные батареи. Но он не рискнул взять деньги с собой на встречу, а закопал их в тайнике, сообщив Щульце, как их найти. В отчете о поездке в Берлин для Центра этот момент был освещен так:

«Адам» зарыл 500 марок в коричневой бутылке с черным пластмассовым колпачком в назначенном месте: если встать около Бранденбургских ворот лицом к Шарлоттенбургштрассе, то слева от ворот видна дорожка, ведущая к Тиргартену. В ста двадцати метрах от ворот стоит скульптура раненой львицы. С двух сторон от скульпторы находятся по четыре скамьи. За второй скамьей слева, если подходить от ворот, растет дерево, на которое смотрит вниз львица; бутылка зарыта неглубоко, в

вертикальном положении у его основания, с внешней стороны от скамьи».

До сих пор неизвестно, обработал ли Шульце этот тайник или нет.

К этому времени — весне 1942 года — разведорганы в НКВД, и Красной Армии уже имели некоторый опыт заброса во вражеский тыл немцев-антифашистов, в том числе перебежчиков и военнопленных. Немецкий язык был для них родной, к тому же они прекрасно знали порядки и традиции вермахта, да и в самой Германии, так что этих людей следовало обучать лишь специальных разведывательным дисциплинам, ну и, конечно, работе на рации.

Из нескольких кандидатур Александр Коротков отобрал две. Поначалу — по бумагам. Затем уже познакомился с обоими немцами, и не просто познакомился, но обстоятельно переговорил с каждым, и не один час. И тот, и другой изначально были готовы принять активное участие в борьбе с фашизмом в рядах Красной Армии, более того, не раз такое желание высказывали устно и письменно. Однако одно дело воевать в составе войсковой части в качестве бойца или младшего командира, совсем иное — в одиночку, с документами на чужое имя, с чужой биографией, выполнять важное разведывательное задание, рискуя в любой момент быть схваченным, изобличенным, и не убитым в бою, а замученным в застенках гестапо. И невозможно предвидеть, выдержит ли человек изощренные, многодневные пытки или нет.

Их звали Альберт Хесслер и Роберт Барт, обоим было чуть больше тридцати, у обоих имелся серьезный опыт антифашистской легальной и нелегальной борьбы. Увы, никто тогда не мог знать, что обоих ждет гибель, хотя и сегодня трудно сказать, чья судьба оказалась трагичнее. Не по их вине, и не по вине тех, кто непосредственно готовил их к заброске в столицу «третьего рейха», но еще до того, как самолет «дуглас» из состава знаменитой 1-й транспортной («партизанской») дивизии авиации дальнего действия, которой командовал полковник В. Нестерцев, оторвался от взлетной полосы аэродрома в подмосковных Подлипках (будущего центра советской космонавтики города Королева), они были обречены. Потому как уже третий месяц лучшие контрразведчики гестапо и абвера вели плотное круглосуточное наблюдение за Шульце, Кукхофом и Шульце-Бойзеном, проверяя все их знакомства, выявляя все новых и новых участников подполья.

Несмотря на относительную молодость, Альберт Хесслер справедливо считался старым коммунистом и антифашистом.

После прихода нацистов к власти он некоторое время находился на подпольной партийной работе, потом вынужден был эмигрировать. В 1935–1936 годах Хесслер учился в Москве, в коминтерновской школе имени В. И. Ленина. В апреле 1937 года он добровольно отправляется в Испанию, в Интербригаду. Под именем Оскара Старка командует ротой в знаменитом немецком батальоне имени Ганса Баймлера. Потом ранение, эвакуация во Францию, снова СССР, долгое лечение вначале в госпитале, затем в санатории Монино. После выздоровления Хесслер как металлист работает на тракторном заводе в Челябинске. Здесь в январе 1941 года Альберт женился на русской медсестре Клавдии Рубцовой.

Когда Германия напала на СССР, Хесслер сразу изъявил желание вступить в Красную Армию. Он прошел специальную подготовку как радист и разведчик в Уфе, Рязани и Москве.

Напарник Хесслера Роберт Барт, по профессии печатник, тоже был коммунистом. Уже первые годы нацистского режима он подвергся аресту и кратковременному заключению в берлинской тюрьме Плетцензее[112].

В 1939 году Барта призвали в вермахт, он служил вначале радистом, затем артиллеристом. Воевал во Франции, был ранен и награжден «Железным крестом» второго класса. В 1941 году ефрейтора Барта послали на Восточный фронт, а уже в марте 1942 года он перешел на сторону Красной Армии. Его даже не пришлось долго готовить, поскольку Барт был вполне квалифицированным военным радистом.

Хесслер и Барт должны были добраться до Берлина под видом солдат, следующих в Германию в краткосрочные отпуска[113].

Хесслер (оперативный псевдоним «Франц») был снабжен подлинными документами на имя обер-ефрейтора артиллерии Хельмута Вегнера.

Барт (оперативный псевдоним «Бек») стал вахмистром артиллерии (это соответствовало званию фельдфебеля в пехоте).

5 августа 1942 года Хесслер и Барт опустились на парашютах на разложенные в условленном порядке партизанские костры в районе между Брянском и Гомелем. В ранцах кроме обычных вещей, что мог иметь при себе солдат-отпускник, были аккуратно уложены рации. Партизанские проводники доставили Хесслера и Барта к ближайшей железнодорожной станции. Спустя неделю через Белосток, Варшаву и Познань разведчики добрались до Берлина.

Хесслер явился на квартиру Шумахеров и провел здесь три недели, потом около двух недель жил в семье участников

организации рабочего Рихарда Вайсенштайнера и его жены Ханни в районе Шонеберг, на Ворбергштрассе, 2. Барт остановился у знакомых на Курфюрстенштрассе, 162.

Казалось, все сошло благополучно. Разведчики доехали до столицы без приключений, документы их были в порядке и при проверке в пути следования ни малейшего подозрения не вызвали. Об их задании ни гестапо, ни абвер заранее знать не могли, да и не знали. Под наблюдение они попали лишь с того мгновения, как установили связь с берлинским подпольем. Местонахождение Хесслера гестаповцы выявили почти сразу, но квартиру, где поселился Барт, почему-то выследить не сумели.

В середине августа в Центре приняли радиограмму от Хесслера: «Прибыл благополучно. Встретил «Тенора» и беседовал с Харро. Все обстоит благополучно. Группа значительно выросла за счет антифашистского пополнения и ведет активную работу. Аппаратура работает[114], но по непонятным причинам связи, тем не менее, нет. По получении сигнала о приеме радиограммы дополнительно сообщу информацию «Корсиканца» и «Старшины». В настоящее время озабочен жильем».

Передачу Хесслер вел из ателье Оды Шоттмюллер. В дальнейшем для этой цели он пользовался также и квартирой Эрики фон Брокдорф.

В конце августа 1942 года в Берлине, а затем и в других городах начались аресты. За считанные дни в тюрьмы на Принц-Альбрехтштрассе, Кантштрассе Александерплац, а также в женскую тюрьму на Барнимштрассе было брошено сто девятнадцать человек. Впоследствии это число возросло еще на несколько десятков.

В случае провала разведчика, тем более, группы разведчиков, принято, да и просто необходимо, хотя бы для предотвращения подобных неудач в будущем, найти причины происшедшего. Еще совсем недавно во всех бедах и несчастьях винили непременно «изменников» и «предателей». Это было удобно во всех отношениях для начальства, особенно высокого уровня, поскольку снимало с них ответственность за трагедию, к тому же укладывалось в фальшивую «теорию обострения классовой борьбы», повсеместного проникновения скрытых «врагов народа» и тому подобное. (Хотя, разумеется, случаи предательства иногда имели место.) Однако почему-то никто не задавался вопросом, почему это же самое руководство так скверно вело отбор для работы в разведке, допускало проникновение в нее людей недостаточно стойких, а то и прямых врагов.

Мало кому известно, что из сотен существовавших во время Великой Отечественной войны на территории СССР подпольных

молодежно-комсомольских организаций, разгромлены спецслужбами оккупантов были все до одной. Уцелели в силу каких-то конкретных обстоятельств лишь отдельные их участники. Так неужели все эти патриотические организации и группы были напичканы изменниками и предателями?

В советской исторической и художественной литературе тех лет просто не принято было учитывать профессионализм, опыт и возможности, которыми располагали вражеская контрразведка, шла ли речь о гестапо, абвере, СД или уголовной полиции.

Естественно, что умы историков, литераторов, вообще общественности уже более полувека волнует проблема гибели «Красной капеллы». Называется много причин (в том числе и непременное предательство), кроме самых очевидных, причем не только для профессионалов разведки, и вовсе не запрятанных в самые глубокие тайники спецслужб.

Такой знаток многих тайн, сам высокопрофессиональный специалист, покойный генерал-лейтенант Павел Судоплатов, называл как главные две следующие причины: первое, наличие в «Красной капелле» значительного числа лиц пресловутой «еврейской национальности», то есть, евреев, что делало их легкоуязвимыми для того же гестапо, и второе — то, что участники многих групп в нарушение правил конспирации поддерживали между собой линейную связь.

Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, в берлинских группах евреев не было вообще. К 1942 году, когда в Берлине начались массовые аресты, в Германии евреев фактически не осталось. Часть из них успела эмигрировать еще до войны или бежать нелегальными путями, или была истреблена, или находилась в лагерях смерти. Незначительная часть германского еврейства, пока пребывавшая на свободе, сидела под таким плотным колпаком гестапо, что о никаком ее участии в подполье и речи не могло быть.

Во Франции, Бельгии и некоторых других оккупированных странах евреев в советской разведке действительно было много. Но тот же «Кент» (Анатолий Гуревич) жил и действовал по паспорту уругвайца. «Большой Шеф», он же «Жильбер», он же «Отто» (то есть Леопольд Треппер) имел набор различных документов, но ни одного, разумеется в котором была бы отметка о его принадлежности к еврейской нации. Охоту за ними обоими вели крупные криминалисты гестапо и абвера как за вражескими крупными разведчиками. Ни гауптштурмфюрера Гиринга, ни его преемника Панвица абсолютно не интересовала национальность как Треппера, так и Гуревича. Еврейскую проблему в смысле ее «окончательного решения» начальство поручило

оберштурмбаннфюреру Эйхману, он ею и занимался.

Теперь о линейной связи. В принципе, она действительно недопустима. Но это было неизбежно. Дело в том, что группы и Шульце-Бойзена, и Харнака, и Кукхофа создавались не профессиональными сотрудниками советских резидентур как агентурная сеть с соблюдением всех предписываемых в подобных случаях предосторожностей и правил. Они складывались сами собой как сообщества лиц, неприемлющих нацистский режим, независимо от различия в политических взглядах и религиозных воззрений. То есть из числа людей, полностью доверяющих друг другу, иначе говоря, из близких, проверенных десятилетиями друзей, то есть именно по «линейному принципу». Отказаться от линейной связи для них означало бы попросту прервать едва ли не все добрые знакомства, дружеские, а то и родственные отношения.

К тому же, такие люди, как «Брайтенбах» (Леман) или «Фильтр» (Куммеров) ни в одну организацию не входили, евреями также не были, тем не менее погибли.

Подлинной причиной провала «Красной капеллы», как и других организаций Сопротивления в разных странах, был сам нацистский режим с его непрерывной слежкой за всеми и каждым. Далее следует отметить высокий профессионализм, дотошность, компетентность, выдержку, а также техническую оснащенность нацистских спецслужб. «А как же пытки?!» — вправе воскликнуть читатель. Применялись. Самые жестокие. Но далеко не всегда и не ко всем арестованным. К тому же, прежде чем кого-либо начать пытать, его надо предварительно арестовать, а для этого выследить, собрать доказательства (хотя бы подозрения) антигосударственной деятельности, то есть, проявить этот самый профессионализм хотя бы и полицейской ищейки. Вспомним, в каком неприглядном виде в нашей литературе всегда и традиционно изображали филеров, «гороховые пальто» царской охранки, тогда как на самом деле наружное наблюдение, неотрывное и незаметное, требует от исполнителей высочайшего профессионализма, навыков, которые вырабатываются годами.

Наконец, одной из главных причин провала «Красной капеллы» следует назвать отвратительно поставленную связь Центра со своими нелегальными резидентурами и отдельными агентами, отсутствие надежной радиоаппаратуры, способной устойчиво вести передачу и примем на больших расстояниях, необеспеченность запасными каналами связи в условиях войны, о чем следовало побеспокоиться задолго до ее начала. Фактически группы Шульце-Бойзена, Харнака и Кукхофа погибли в результате

того, что немцы расшифровали радиограммы, направленные «Кенту» в Брюссель, содержащие адреса «Старшины», «Старика» и «Берга». Радиостанцию «Кента», в свою очередь, запеленговали потому, что радисты вынуждены были недопустимо долго — до шести часов кряду — расти передачи с одного места — виллы на улице Атребатов.

Причины этого хаоса, неразберихи, низкой исполнительной дисциплины уходят своими корнями все в тот же проклятый тридцать седьмой год, когда были уничтожены лучшие кадры внешней разведки, а также высочайшего уровня специалисты в области радиотехники, способные обеспечить надежную радиосвязь. Причины — в тупом пренебрежении высшего руководства страны к достоверным сообщениям внешней и военной разведки о надвигающейся войне, его неспособности подготовить Отечество к отпору агрессии в должной мере и в должные сроки.

Недопустимо было поручать одному «Кенту» явку сразу в три берлинских адреса (да и еще и в Прагу!). Тут, конечно, можно высказать и такое соображение: дескать, была осень сорок первого года, обстановка складывалась катастрофическая, тут уж руководству было не до тонкостей конспирации, и вообще — «война все спишет». Многое действительно «спишет». Но не все. И не всем.

Харро Шульце-Бойзен был арестован прямо в помещении министерства люфтваффе 31 августа 1942 года. Его жена Либерта — 9 сентября на вокзале, когда садилась в поезд в безнадежной попытке, уже все поняв, покинуть город.

Арвид и Милдред Харнак арестованы 7 сентября во время своего отпуска.

Адам Кукхоф арестован 12 сентября в Праге, где в тот период работал на киностудии «Баррандов».

Грета Кукхоф арестована также 12 сентября в свое квартире на Вильгельмхоерштрассе, 18.

Курт Шумахер в июле был переведен из Познани в Берлин (вот почему здесь с ним мог встретиться Хесслер). Служил Курт в охране… имперского военного суда, где через несколько недель его и судили. Арестовали Курта в казарме. В этот же день забрали в Элизабет.

Еще одно жуткое совпадение: допрашивали Курта Шумахера в том помещении на Принц-Альбрехтштрассе, 8, где он когда-то занимался по классу скульптуры!

Ганс Коппи был призван в армию и 10 сентября направлен к месту службы под Познань, где его через день и арестовали. Хильда была арестована в тот же день, 12 сентября, в пригороде

Берлина вместе с родителями мужа.

Ильза Штебе арестована 12 сентября на службе.

Рихард и Ханни Вайсенштайнер арестованы 16 сентября в своем доме.

Курт Шульце арестован 16 сентября в помещении своего почтового отделения.

Эрика фон Брокдорф арестована 16 сентября в квартире (не в ателье), на Вильгельмхоерштрассе, 17.

Ода Шотмюллер арестована 16 сентября в своей квартире на Рейхштрассе, 106.

В тот же день в своей воинской части под Ленинградом арестован Карл Беренс.

Рудольф фон Шелиа арестован 29 октября.

Более полутораста имен…

К сожалению, мы мало что знаем о тех примерно трех неделях, что провели в Берлине Хесслер и Барт. Известно, к примеру, что Хесслер успел встретиться, кроме названных ранее лиц, и с Харнаком — возле здания оперного театра на Унтер-ден-Линден. Судя по всему, его арестовали в промежутке между 12 и 16 сентября, когда были схвачены Курт и Элизабет Шумахеры, Ода Шотмюллер, Эрика фон Брокдорф и супруги Вайсенштайнеры, чьими квартирами он пользовался.

Все попытки гестаповцев склонить Хесслера к сотрудничеству закончились ничем. Видимо, он оказал на допросах физическое сопротивление, потому что его не судили, как всех остальных, а просто застрелили или забили до смерти.

Однако 8 октября[115] от его имени в Москве было получено сообщение, переданное по рации Д-6 о начавшихся в городе арестах. Но это уже была радиоигра, затеянная руководителем зондеркомиссии Панцингером. Эсэсовец сделал имеющее основание предположение, что в Берлине могут оставаться избежавшие разоблачения советские агенты, которые предупредят Москву о провалах, и решил опередить их этой радиограммой, чтобы придать большую достоверность последующим дезинформирующим Центр передачам. Панцингер продолжал свою игру еще с месяц, пока в Москве не догадались, что рация захвачена.

Первая достоверная информация о берлинской трагедии докатилась до Москвы, следовательно, и до Александра Короткова, примерно полгода спустя. В апреле 1943 года на советско-германском фронте попал в плен племянник Арвида Харнака Вольфганг Хавеманн (оперативный псевдоним «Итальянец»). Его арестовали 26 сентября 1942 года на службе в разведшколе. Содержали Хавеманна в тюрьме Шпандау, но

допрашивали в гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Следователи не сумели доказать принадлежность Хаверманна к «Красной капелле», однако на всякий случай командование освободило его от занимаемой должности и отправило штрафником на Восточной фронт.

От «Итальянца» руководители советской разведки и узнали об арестах по крайней мере основных руководителей и самых знаметных фигур берлинских групп. Правда, «Итальянцу» ничего не было известно о процессах над ними и, тем более, вынесенных приговорах. Однако он нисколько не сомневался, что подавляющее большинство приговоров — смертные.

Хаверманн рассказал, что на одном из допросов 5 или 6 октября ему предъявили для опознания фотографию круглолицего человека с короткой стрижкой, даже на черно-белом отпечатке явно рыжеватого. Действительно, «Франц» выглядел именно так, как описал его «Итальянец». Надо полагать, что Хаверманну устроили бы с ним настоящую очную ставку, если бы… если бы Хесслер был жив. Видимо, к 5 октября он уже был убит.

В деле Барта до сих пор много неясного. Гестаповцы не выявили его местопребывание в Берлине, но установили каким-то образом настоящую фамилию и приготовили ловушку. В Берлине жила семья Барта — жена и маленький сын. Воспользовавшись болезнью жены Барта, гестаповцы поместили ее под жестким надзором в частную клинику на Ноллендорф-штрассе. Как они и рассчитывали, Барт, не выдержав, то ли пришел к себе домой, то ли позвонил по телефону. Узнав от соседей, что жена госпитализирована, он отправился к ней в клинику, где и был арестован 9 сентября.

В отличие от Хесслера, Барт не выдержал интенсивных допросов на Принц-Альбрехтштрассе и дал согласие участвовать в радиоигре с Москвой. Впоследствии Барт утверждал, что в первой же передаче дал сигнал, что работает под контролем нацистских спецслужб. На его беду неопытный радист в Центре сигнал попросту не понял…

Как бы то ни было, Москва была введена в заблуждение. Вначале «Беку» был передан по радио пароль для связи с Куммеровым. В декабре он передал в Москву, что дважды звонил «Фильтру» безуспешно, на третий раз жена ответила, что Куммеров призван в армию. На самом деле Ганс Куммеров, его жена Ингеборг, Эрхард Томфор и его жена Гертруда были арестованы в ноябре.

4 декабря «Беку» сообщили пароль и условия связи с «Брайтенбахом» — Вилли Леманом.

Повторилась та же история, что с Куммеровым.

11 декабря в Москве получили радиограмму: «Бек» якобы разговаривал с «Брайтенбахом», но тот на встречу не явился. «Бек», мол, перезвонил на следующий день, подошла жена, сказала, что мужа нет дома. На этом радиоигра завершилась.

Уже после войны Александр Коротков со своими сотрудниками разыскал в Берлине жену Лемана Маргарет, которая жила в своей старой квартире. Она рассказала, что в декабре 1942 года ее муж, как обычно, отправился утром на службу, но домой так и не вернулся. Нет, в те дни ей никто не звонил. Спустя некоторое время Маргарет сообщили, что Вилли якобы направлен в секретную командировку. Много позже, один из сослуживцев мужа намеком дал ей понять, что его нет в живых.

Лемана арестовали негласно на улице сотрудники другого отдела, лично с ним незнакомые и понятия не имевшие, за что и кого они взяли. Никаких сообщений об аресте сделано не было, сохранился лишь единственный документ, вернее, запись о его препровождении в тюрьму. Власти, видимо, были настолько потрясены фактом, что один из старейших и далеко не рядовых сотрудников гестапо много лет связан с советской разведкой, что придали этому событию статус государственной тайны особой важности. Лемана расстреляли без суда. Есть предположение, что ни Мюллер, ни даже Гиммлер не решились поставить об этом в известность Гитлера.

Что же произошло с Бартом? Уверенный, что в Москве его сигнал приняли и спасая свою семью и маленького сына от репрессий, он дал согласие сотрудничать с гестапо под кличкой «Брауэр». Довольно быстро в Москве все же поняли, что Барт схвачен, но решили, что он на самом деле совершил акт измены.

Находясь в последние месяцы войны в Саарбрюкене, Барт явился в штаб американской воинской части, вошедшей в город, и заявил, что он советский разведчик. При первой возможности американцы передали Барта представителям Красной Армии.

25 июня 1945 года Роберт Барт был арестован. На следствии он упорно повторял, что передал сигнал, означающий, что работает под контролем, потому был уверен, что в Центре правильно воспримут его передачи как дезинформацию гитлеровских спецслужб. Надо полагать, что «Бек» говорил правду, иначе невозможно объяснить, зачем он добровольно пришел к союзникам, сообщил, кто он такой, что и определило его передачу советским властям. Ведь мог же остаться…

Убедить скорое следствие Барту-«Беку» не удалось.

12 ноября 1945 года Особое совещание при НКВД СССР (при НКГБ СССР Особого совещания не было) приговорило Роберта

Барта к расстрелу. 23 ноября того же года приговор был приведен в исполнение.

12 февраля 1996 года решение Главной военной прокуратуры Роберт Барт был реабилитирован…

Но вернемся в 1942 год. На Принц-Альбрехтштрассе целая команда следователей непрерывно вела допросы арестованных. Многих допрашивали с «пристрастием», особенно Шульце-Бойзена, Харнака, Куммерова, Шумахера[116].

Чтобы избежать попыток, двое арестованных — Иоганн Зиг и Зерберт Грассе — покончили жизнь самоубийством. Необычайно сильный физически слесарь-механик Вальтер Хуземан схватил допрашивающего его Фридриха Панцингера и едва не выбросился вместе с ним в открытое окно, эсэсовцы сумели удержать его буквально в последнюю секунду.

Гестаповцы установили, что Куммеров передал русским схему новейшей системы наведения истребителей на цель в ночное время и чертежи авиабомбы последнего образца, а также, что он выводил на своем предприятии из строя приборы для радиопеленгации. Поэтому его подвергали особенно изощренным мучениям, вплоть до того, что на его глазах казнили на гильотине жену Ингеборг. Куммеров трижды пытался покончить с собой — один раз вскрыл вены стеклами разбитых очков, а затем проглотил осколки. В тюремном госпитале хорошие немецкие врачи из системы СССР спасли ему жизнь. Через несколько недель его обезглавили на гильотине…

Жестоко пытали также Ильзу Штебе и Рудольфа фон Шелиа, с организациями «Старшины», «Корсиканца» и «Старика» не связанными (если не считать, что Курт Шульце помогал Гансу Коппи ремонтировать рации), но арестованных вместе с ними. Молчание «Альты» спасло жизнь по меньшей мере трем ее товарищам, в том числе Герхарду Кегелю.

19 декабря 1942 года в задании имперского военного суда на Вицлебенштрассе, 4-10 состоялся суд над первой группой арестованных по делу «Красной капеллы». Обвинение поддерживал назначенный по настоянию Геринга главный прокурор военно-воздушных сил оберстkригсгерихтрат[117] доктор Манфред Редер.

К смертной казни были приговорены Харро и Либертас Шульце-Бойзен, Арвид Харнак, Курт и Элизабет Шумахер, Хорст Хайльман, обер-лейтенант Герман Гольнов, Ганс Коппи и Джон (Иоганнес) Грауденц. Графиня Эрика фон Брокдорф была осуждена на 10 и Милдред Харнак на 6 лет заключения.

Двумя днями раньше в этой же палате имперского военного суда были приговорены к смертной казни Ильза Штебе и Рудольф

фон Шелиа.

Приговоры подали на утверждение Гитлеру. Фюррер приказал казнь в отношении Шульце-Бойзена, Харнака, Шумахера, Грауденца и фон Шелиа осуществить через повешение. Остальным — через обезглавливание на гильотине. Исполнение приговора в отношении Гольнова фюрер по каким-то соображениям временно отложил[118]. Прочитав же раздел о мере наказания Милдред Харнак и Эрике фон Брокдорф, он пришел в ярость и приговор отменил. Их судили повторно через две недели, на этот раз судьи послушно выполнили волю фюрера и приговорили обеих женщин к казни.

Задолго до войны Герман Геринг восстановил в Германии средневековый способ казни: палач отрубал осужденному голову огромным топором-секирой на плахе. С ростом числа смертных приговоров этот способ оказался малопроизводительным. Тогда вспомнили об изобретенной в XVIII веке гильотине. В тюрьмах Германии было сооружено 19 гильотин, в том числе в берлинской тюрьме Плетцензее. С их помощью приведение в исполнение смертных приговоров было поставлено на поток. Сама казнь занимала всего 11 секунд! Из сохранившихся документов, к примеру, известно, что в тюрьме Плетцензее палач Реттгер в марте 1943 года казнил 114 человек, в мае — 124 человека, в сентябре — 324, в мае следующего, 1944 года, 115 человек, в июле 99 человек… Тюремные власти были по-немецки экономны. Большинство гробов они заказывали на тридцать сантиметров короче обычных, поскольку останки обезглавленных занимали меньше места, чем тела умерших или повешенных.

22 декабря 1942 года в специально оборудованном «доме смерти» тюрьмы Плетцензее, где имелись и виселицы, и гильотина, были повешены Шульце-Бойзен, Харнак, Шумахер, Грауденц, фон Шелиа и обезглавлены другие осужденные.

Жена Ганса Коппи Хильде на момент ареста была беременна. Ей позволили 27 ноября 1942 года родить в женской тюрьме на Барнимштрассе, 10 сына, названного в честь отца Гансом[119]. Хильду Коппи судили 20 января 1943 года и казнили 5 августа 1943 года вместе с Гансом Куммеровым, Адамом Кукховом, Одой Шотмюллер и другими.

Тюремным священником в Плетцензее был Геральд Пельхау. В 1963 году в Западном Берлине вышла его книга воспоминаний «Порядки в среде преследуемых». Вот что он писал:

«Когда день казни был определен, осужденного за сутки или за несколько суток помещали в особую камеру: камеру смертников. В тюрьмах Плетцензее и Бранденбург внизу находились камеры, превращенные в камеры смертников. Уже

сам факт перевода в эту камеру давал знать осужденному еще до официального уведомления, что его час пробил.

Камеры смертников в Плетцензее были маленькие и холодные, ибо батареи замуровали в стену. Это должно было предотвратить попытки самоубийства… Освещение было тусклое. Лампа находилась в отверстии для вентиляции над дверью и еле-еле светила. Свет не гасили никогда, чтобы можно было наблюдать за заключенными все время…

В Плетцензее гильотина стояла в специальном бараке[120] для казней, который находился во дворике для прогулок в середине общего комплекса тюремных зданий. Барак представлял собой помещение без окон площадью примерно восемь на десять метров, стены барака были кирпичные, пол — цементный. Из него вела дверь в морг, расположенный в конце барака. В морге лежали штабелями деревянные ящики для трупов…

Барак был разделен на две части черным занавесом, который при помощи специального приспособления быстро раздвигался и задвигался. В заднем, меньшем, помещении стояла гильотина, скрытая занавесом. В передней, большей, части барака находился стол судьи.

В последние полчаса перед казнью приговоренным в камерах заламывали руки за спину и заковывали в наручники, затем раздевали до пояса. На казнь узник шел в деревянных сандалиях. Женщин стригли наголо, чтобы шея у них была открыта…

Осужденного, закованного в наручники, с обнаженным торсом вели в барак. После прочтения приговора в присутствии свидетелей прокурор, повернувшись к палачу, произносил сакраментальную фразу: «Палач, приступайте к выполнению своих обязанностей».

Только тогда резким движением палач отдергивал занавес. Никогда не забуду этот скрежущий звук. В ярком электрическом свете стояла гильотина.

Осужденному следовало встать рядом с вертикально стоящей доской с выдолбленной на уровне головы впадиной. В ту же секунду помощники палача опрокидывали его вместе с доской, которая была прикреплена на шарнирах, и сразу же поворачивалась на девяносто градусов. Таким образом, осужденный молниеносно оказывался в таком положении, когда его голова попадала прямо под нож гильотины. «Искусство» помощников палача заключалось в том, чтобы заранее определить рост жертвы. Палач нажимал на кнопку. Нож со свитом опускался, голова осужденного падала в подставленную корзину. И палач с такой же торопливостью задергивал занавес, страшная картина исчезала. И опять от скрежущего звука мороз продирал

по коже. Став по стойке «смирно», палач выкрикивал: «Господин верховный прокурор, приговор приведен в исполнение!»

Казни проходили с интервалами в три минуты и обставлялись с мрачной торжественностью. Палач был одет в визитику, три его помощника — в черные костюмы. Присутствовавший неизвестно для чего член Верховного апелляционного суда (какие уж там апелляции!) был в красной тоге, прокурор в черной мантии, священник в черной сутане, чиновники из министерства юстиции — в зеленых вицмундирах, тюремный врач — в белом халате. На столе судьи стояли два высоких канделябра и распятие.

Присутствующие гости — да-да, на казнь приглашали гостей, и это приглашение считалось весьма почтенным! — тоже должны были сесть в мундирах. На выдаваемых им пригласительных билетах, в частности, было указано: «на месте казни немецкое приветствие не отдается».

Осужденным тоже кое-что предписывалось заранее: чтобы они держали себя «спокойно и сдержанно».

Однажды, уже в 1943 году, выяснилось, что четырех заключенных казнили по ошибке. Ответственного за это чиновника «серьезно предупредили».

К высшему остается добавить, что палач Реттгер получал за каждого казненного хорошие деньги. Не оставались без вознаграждения и надзиратели, препровождавшие осужденных из камеры к месту казни. За один такой вывод им выдавали…восемь сигарет.

За время следствия по делу «Красной капеллы» трое арестованных покончили жизнь самоубийством. Сорок девять человек были казнены — в том числе восемнадцать женщин и Эмиль Гюбнер… 80 лет!

Сорок человек были осуждены к различным срокам тюремного заключения, несколько сосланы в штрафные роты на Восточный фронт.

Прежде чем покинуть камеру внутренней тюрьмы гестапо, перед отправкой в «дом смерти» Плетцензее, Харро Шульце-Бойзен написал прощальное стихотворение и спрятал его в щель в стене. Об этом он сказал сокамернику, тоже смертнику. Тот, в свою очередь, сообщил о записке перед своей казнью новому соседу… Этот человек остался жив. После войны он пришел к руинам здания на Принц-Альбрехтштрассе и отыскал предсмертное послание «Старшины» людям:

Сирены вой в тумане
И стук дождя в стекло,

Все призрачно в Германии,
А время — истекло…
Да, жизнь была прекрасна…
За горло смерть берет,
Но смерти неподвластно,
Что нас влекло вперед.
Не убеждают правых
Топор, петля и кнут.
А вы, слепые судьи, —
Вы не Всевышний суд.

…Минуло свыше четверти века. Наконец-то Советское правительство по согласованию с правительством Германской Демократической Республики (переговоры проходили достаточно долго и отнюдь не при полном единодушии) приняло решение отметить государственными наградами героев антифашистского подполья.

В конце 1969 года был опубликован Указ президиума Верховного Совета СССР.

Орденом Красного Знамени были награждены Арвид Харнак, Харро Шульце-Бойзен, Адам Кукхоф, Ганс-Генрих Куммеров, Ильза Штебе.

Орденом Отечественной войны 1-й степени: Карл Беренс, Альебрт Хесслер, Гюнтер Вайзенборн, Курт Шульце, Курт Шумахер, Элизабет Шумахер, Милдред Харнак, Ион Грауденц, Эрика фон Брокдорф, Ингеборг Куммерова.

Орденом Отечественной войны 2-й степени: Ганс Коппи, Хильде Коппи, Хорст Хайльман, Клара Шабель, Эльза Имме, Эмиль Хюбнер, Станислаус Везолек, Фрида Везолек.

Орденом Красной Звезды: Роза Шлезингер. Ода Шоттмюллер, Анна Краус, Эрхард Томфор, Рихард Вайсенштайнер.

Все названные в Указе подпольщики, за исключением Гюнтера Вайзенборна, были казнены в 1942–1943 годах. Находившийся в гитлеровском концлагере Вайзенборн был освобожден в конце войны войсками Красной Армии. Он стал известным драматургом, и радиообозревателем. Но и Гюнтер Вайзенборн не дождался высокой награды: он скончался в Берлине в марте 1969 года.

Еще четыре разведчика-антифашиста были тогда же награждены орденом Красного Знамени (один из них посмертно) закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Автор имеет возможность сегодня назвать две фамилии из этого закрытого Указа:

Это Герхард Кегель, и Рут Вернер (Кучинская). Легендарная «Соня», соратница Рихарда Зорге, ставшая после войны в ГДР известной писательницей. Это был ее второй орден Красного Знамени.

Сегодня их уже нет в живых.

Запад есть Запад, Восток есть Восток…

Новый, 1943-й, год наши люди встречали — нет, не с радостью, какая уж тут радость, когда в каждый дом или уже пришла «похоронка», или ее с тоской ждали каждодневно, но с известным облегчением и надеждой. Основанием для того был очевидный успех в гигантском сражении на Волге и Доне, вошедшим в историю двадцатого века под названием «Сталинградская битва», хотя завершилась она лишь 2 февраля 1943 года.

Такой победы Красная Армия в этой войне еще не одерживала, равно как вермахт — не терпел подобного поражения. За 200 дней и ночей непрерывного огня враг потерял в общей сложности (убитыми, ранеными, плененными и пропавшими без вести) около полутора миллионов человек, а также огромное количество танков, самолетов, орудий и прочей военной техники. В плен попали около 91 тысячи солдат и офицеров. В том числе 23 генерала и один генерал-фельдмаршал, командующий окруженной группировкой Фридрих Паулюс. Фельдмаршальские скрещенные жезлы на витые погоны были присвоены ему фюрером за несколько дней до капитуляции. В радиограмме по сему поводу Гитлер напоминал Паулюсу, что еще ни один германский фельдмаршал не сдавался в плен противнику. Увы, Паулюс не внял намеку-предостережению и нарушил традицию… Из пленных генералов особый интерес советской разведки, в частности, немецкого ее отдела, следовательно, Александра Короткова, вызвал командир 51-го корпуса генерал от артиллерии[121] Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах. Но о нем — позже.

Для обитателей Лубянки 1943 год ознаменовался очередной реорганизацией и иными новациями. Поначалу сотрудникам органов госбезопасности присвоили новые, унифицированные звания, идентичные общевоинским, но с добавлением слова «госбезопасности». Сотрудники-офицеры (это слово стало широко, пока еще полуофициально, употребляться вместо термина «командир» и на фронте, и в тылу) от сержанта ГБ до капитана ГБ стали по-армейски именоваться от лейтенанта и, соответственно, выше, до подполковника госбезопасности. Майоры ГБ в основном стали полковниками госбезопасности. Старшие майоры ГБ тоже в основном получили новое звание — просто комиссара госбезопасности, без ранга.

Одновременно в вооруженных силах были введены новые знаки различия — золотые, серебряные и полезные (из ткани защитного цвета) погоны. Нововведение не всем пришлось по душе — ветераны гражданской войны недовольно морщились, вспоминая, как некогда «рубали беляков — золотопогонников». Молодые, однако, погоны одобрили. Новые мундиры и гимнастерки с погонами выглядели куда шикарнее, чем старого образца, со скромными «кубарями» и «шпалами» в петлицах. И уж совсем не скрывали самодовольства многие комиссары: они получили погоны генеральского типа, с «зигзагами» и соответствующим числом звезд — от одной до четырех. Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия теперь носил погоны почти такие же, как Маршалы Советского Союза.

Что же касается капитана ГБ Александра Короткова, то он в одночасье превратился в подполковника госбезопасности. Вместо трех «шпал» в петлицах ему теперь были положены золотые погоны с двумя синими просветами и двумя звездочками. Впрочем, он очень скоро получил очередное звание полковника. Гимнастерки и кители теперь шили нового покроя — отложной воротник с петлицами исчез, его заменил высокий стоячий.

Короткову с его гвардейским ростом и спортивным сложением новая форма очень шла, особенно когда полковникам вместо шапок-ушанок положили каракулевые папахи. А вот упитанному сверх всякого приличия Богдану Кобулову и многим другим комиссарам пришлось туго. У того же Богдана Кобулова жесткий воротник так врезался в короткую жирную шею, что тройной подбородок и щеки непристойно свисали. Верховному Главнокомандующему Иосифу Сталину по его просьбе, в виде исключения, стали шить мундиры с неуставным отложным воротником, украшенным шинельного типа длинными петлицами. Новации коснулись и наград. Ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», ранее носимые на винтах, теперь стали изготовлять подвешенными на пятиугольных, как до революции, колодках, обтянутых муаровыми лентами, присвоенных данному знаку отличия цветов. Самый «ходовой» в войну орден Красной Звезды теперь положено было носить на правой стороне груди. Был учрежден и новый орден — Отечественной войны двух степеней. Его тоже носили на правой стороне. Он считался ниже ордена Красного Знамени, но выше Красной Звезды.

Для отличавшихся генералов и офицеров были учреждены особые полководческие ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского. Все как должное восприняли, что платиновым орденом Суворова I степени № 1 был награжден Георгий Жуков[122].

Ордена и медали теперь полагалось носить только по парадным случаям и праздничным дням, в будни их заменяли орденские планочки, обтянутые ленточками соответствующих цветов. Фронтовики, однако, по-прежнему носили свои награды всегда, справедливо полагая, что не каждому из них суждено дожить до какого-либо парада, ну, а праздником можно было считать каждый день, если не убило и не ранило…

По случая Сталинградской победы, должно быть, Сталин вдруг расщедрился на чины для высшего начальствующего состава НКВД. Всеволоду Меркулову присвоили звание комиссара госбезопасности первого ранга, Виктору Абакумову, Богдану Кобулову, Сергею Круглову, Ивану Серову и Василию Чернышеву — звание комиссара госбезопасности второго ранга. Разумеется, это что-то да значило. Вскоре все объяснилось: 14 апреля 1943 года НКВД СССР снова был разделен на два наркомата — НКВД СССР и НКГБ СССР. Лаврентий Берия остался наркомом НКВД. Всеволод Меркулов второй раз стал наркомом госбезопасности.

Начальники Первого и Второго управлений теперь НКГБ, то есть, разведки и контрразведки, остались прежние — теперь уже комиссары госбезопасности третьего ранга Павел Фитин и Петр Федотов. По-прежнему возглавлял Четвертое управление (диверсионно-разведывательная работа на оккупированных немцами территориях) Павел Судоплатов, также комиссар госбезопасности третьего ранга.

Слава Богу, реорганизация не коснулась положения дел в подразделениях — все сотрудники среднего звена остались при своих (правда, обновленных) званиях, должностных окладах, пайках и… кабинетах. Никому не потребовалось никуда переезжать. Поменяли лишь в спешном порядке служебные бланки, печати и удостоверения личности…

С началом Великой Отечественной войны, особенно после гибели берлинских и иных групп, объединяемых ныне наименованием «Красная капелла», поток информации непосредственно из Германии сильно обмелел, превратился в еле журчащий ручеек. Но это вовсе не означало, что работы у отдела, руководимого Александром Коротковым, поубавилось. Скорее наоборот. Приходилось изыскивать новые пути и методы проникновения в секреты «третьего рейха», планы командования вермахта, выяснения состояния экономики вообще и военной промышленности Германии, в частности.

Автор берет на себя смелость утверждать, что в какой-то степени теперь на немецкий отдел работали многие советские разведчики, действующие в странах-союзницах Германии

(Венгрии, Италии, Болгарии, Румынии и других), странах, оккупированных немцами, той же Франции, в нейтральных государствах, в первую очередь Швейцарии и Швеции. Ценная информация поступала, к примеру, из весьма отдаленной от Германии Аргентины. В какой-то мне, очень выборочно, делились разведывательной информацией и наши союзники — Великобритания и США.

В предвоенные годы Коротков изрядно поколесил по Европе, но и представить не мог, что ему, специалисту по Германии, придется выполнять важные задания руководства в Азии, к тому же в самом отсталом ее регионе — на Среднем Востоке. Точнее, в Афганистане и Иране (так с 1935 года стала называться Персия).

Афганистан был предметом острой заинтересованности немецких спецслужб еще при кайзере Вильгельме II. Собственно говоря, сам Афганистан Гитлеру был ни к чему. Но его обуревала бредовая идея: захватив эту страну, перевалить через горных хребет Гиндукуш и вторгнуться в Индию. Был и такой вариант: ворваться отсюда же в советские республики Средней Азии. Бред? Конечно, но — опасный бред, как и вообще любой другой, если в основе заложено агрессивное устремление.

Надо помнить, что после разгрома американского флота в Перл-Харборе, захвата Французского Индокитая и Бирмы, Япония овладела военной инициативой на огромном тихоокеанском театре боевых действий и реально угрожала Британской Индии с востока. Теоретически нельзя было отбрасывать возможность соединения германских и японских войск на Индостане. Прогнувшись к югу, ось Берлин-Токио окружила бы Советский Союз по всей протяженности его сухопутных и морских границ (если не считать ничего не значащей при данных обстоятельствах границы по кромке Северного Ледовитого океана). Неосуществимые бредни, как давно известно человечеству, вовсе не делали их безобидными…

На западной границе Индии с Афганистаном англичане контролировали лишь несколько горных проходов, имеющих особо важное стратегическое значение. Остальная приграничная территория оставалась как бы «ничейной землей». По обе стороны границы здесь с незапамятных времен жили воинственные племена восточных пуштунов. Эти племена признавали лишь собственные традиционные законы и религиозные установления. Колонизаторов-англичан они ненавидели, с властью центрального правительства Афганистана в Кабуле не считались. Восстания пуштунов против англичан были явлением столь же обычным и частым, как землетрясения в Японии.

Самым влиятельным и буйным из всех племенных вождей

был предводитель вазиров Мирза Сеид Али-хан, чья ставка находилась в местности Иппи. Говорили, что он в одночасье способен собрать армию численностью от двадцати до ста тысяч воинов. Хватило бы оружия. Именно оружием (или деньгами для приобретения оного) и намеревались обеспечить его немцы. Слухи о силе Али-хана вовсе не были обычным восточным бахвальством или преувеличением: когда его воины в апреле 1942 года осадили форт Дата-хел, англичане вынуждены были перебросить на помощь окруженному гарнизону свыше трех тысяч солдат, при этом они потеряли семь танков и три самолета. Форт они разблокировали, но нанести поражение армии мятежного вождя так и не сумели.

В переписке с германской миссией в Кабуле Али-хан называл себя «Факиром из Иппи», под этим именем он и вошел в историю. Именно на крупное восстание вазиров под водительством «Факира из Иппи» и рассчитывали немцы, полагая, что оно отвлечет на себя значительные силы английских войск, что облегчит немецким десантным частям пробиться на юго-восток и соединиться с японцами в районе индийско-бирманской границы.

Одновременно с восстанием пуштунов немцы намеревались спровоцировать мощные антианглийские выступления в самой Индии. Здесь они рассчитывали на некоего Субхаса Чандру Боса, возглавлявшего самые непримиримые круги индийских экстремистов. Бос рассчитывал в своей вооруженной борьбе с англичанами опереться на военных союз с Германией при поддержке Японии и Италии. К чему такой союз мог бы привести в случае успеха, Бос, что свойственно всем экстремистам, даже не задумывался.

Афганистан был (и остается по сей день) одной из самых бедных стран в Азии, следовательно, и в мире. Сколь-либо серьезная промышленность там отсутствовала, то же самое можно сказать о путях сообщения и средствах связи. Сельское хозяйство застыло почти на первобытном уровне.

Немцы умело воспользовались этой ситуацией. Они предоставили Афганистану крупный и выгодный кредит, построили в стране несколько важных мостов и гидростанций, текстильную фабрику и сахарный завод, даже бойню. Немцы же соорудили единственную на весь Афганистан железную дорогу протяженностью в… шесть километров. Локомотивные бригады, конечно, были из немцев. В стране прочно обосновалась известная «Организация Тодта» — ее силами велось все дорожное строительство. Дороги планировались и прокладывались (как в свое время автобаны в Германии) с дальним прицелом: для быстрой переброски войск к границам британской Индии в случае

открытия боевых действий. Советская легальная резидентура в Кабуле доподлинно установила, что все ответственные сотрудники «Организации Тодта» в Афганистане были кадровыми разведчиками.

Общеизвестно, что универсальным средством достижения любой цели на востоке испокон веков была и остается взятка — «бакшиш». В результате обильных инвестиций, выгодных заказов и прямых подношений правящая верхушка государства была настроена откровенно прогермански. Фактически агентами немцев были сам премьер-министр Мухаммад Хашим-хан, его заместитель Наим-хан, начальник штаба армии Мустафа-хан, начальник управления разведки военного министерства Мухаммед Анвар-хан, начальник высших офицерских курсов Гусейн-хан, командир кавалерийской бригады Ахмад-хан, десятки офицеров высшего и среднего звена. Это же относилось и к полиции. Немецкие агенты имелись в каждом государственном учреждении.

Немецкие дипломаты не гнушались ничем, вплоть до того, что совали каждому встреченному возле посольства полицейскому или солдату два-три афгани со словами: «Это тебе подарок от германского вождя Гитлера…»

По сравнению с другими иностранными гражданами немцы пользовались значительными привилегиями. Только они имели право владеть оружием, принимать у себя гостей-афганцев и, наоборот, посещать их дома. Это облегчало, и значительно, вести разведывательную работу, вербовать агентов.

В Кабуле одновременно действовало по меньшей мере пяти немецких резидентур. Главную из них в посольстве Германии возглавлял пятидесятилетний «коммерческий атташе» Расмус. Большую часть своей жизни Расмус отдал Индии, свободно владел языком урду, знал все проблемы огромного региона, разбирался в тонкостях восточного менталитета и вообще был крепким профессионалом старой школы полковника Николаи.

Фактически Расмус контролировал еще три резидентуры абвера. Примечательно, что руководитель одной из них майор Шенк был главным военным советником афганской армии и ее высших офицерских курсов.

Ведомство Шелленберга, то есть СД — аусланд также имело в Кабуле своего резидента — некоего Брикмана. Он был… врачем-стоматологом и содержал единственный на весь город зубоврачебный кабинет. В числе постоянных пациентов Брикмана был даже сам премьер-министр Хашим-хан. Шпионажем и подрывной деятельностью также усердно занимались представитель гестапо Гильхаммер и руководитель организации

нацистской партии среди немецких специалистов Кнайрлайн.

Неграмотные в подавляющем большинстве афганцы смутно представляли, что такое нацизм и где вообще находится Германия. Но они твердо усвоили: щедрые и доброжелательные немцы — враги англичан, следовательно, их союзники. А для борьбы с англичанами они готовы были заключить союз хоть с самим шайтаном.

В конце 1940 года произошла почти что детективная история, которая завершилась для германской разведки самым печальным образом. В Кабуле неожиданно объявился бежавший из Индии Субхас Чандра Бос, за которым в Индии англичане устроили настоящую охоту. Его сопровождал давний сподвижник по имени Бхагат Рам Гудассмаль, такой же отчаянный революционер. Его старший брат в свое время убил генерал-губернатора Пенджаба, за что был повешен. Еще два брата за антибританскую деятельность были брошены в тюрьму.

В Кабуле Бос и Рам встретились с германским послом Пильгером и Расмусом. Бос стремился от имени своих сторонников установить военное сотрудничество с Германией, Японией и Италией для совместной вооруженной борьбы против англичан. Немцам это предложение пришлось как нельзя по душе.

Однако находиться в Афганистане Босу было слишком опасно: рано или поздно англичане добрались бы до него. По просьбе индейца немцы решили переправить его в Берлин по паспорту одного итальянца, который для этой цели им любезно предоставили в посольстве Италии. Самый короткий путь в Европу тогда пролегал через территорию СССР. В советском посольстве прекрасно знали, кем является новоиспеченный итальянец, но по просьбе «дружественного» тогда германского посольства по соображениям, которые нам сегодня понять трудно, с ведома Москвы поставили в паспорт транзитную визу. Бос благополучно прибыл в Берлин.

Дальше началось самое интересное. Своим представителем для связи с германскими спецслужбами Бос оставил вышеназванного Бхагат Рама. В беседе с последним Расмус выяснил, что индиец обладает не только большими связями в Индии, но и хорошо знает вождей многих пуштунских племен, в том числе «Факира из Иппи».

Бхагат Рам оказался прямо-таки золотой находкой для старого шпиона. По мысли Расмуса Бхагат Рам мог (и должен был) стать главным связующим звеном между резидентурой, нелегальными группировками в Индии, «Факиром из Иппи» и другими пуштунскими вождями.

Расмус имел в своем распоряжении огромные денежные суммы: только из последней поездки в Берлин он привез в Кабул несколько сот тысяч английских фунтов стерлингов в купюрах (доллары США тогда в Афганистане были никому не ведомы, а потому не котировались) и ящик с золотыми английскими же соверенами. (Известно, на Востоке «бумажкам» всегда предпочитали «желтый металл»).

Первое задание, полученное Рамом от Расмуса, было несложным: завербовать в Индии из числа своих сторонников нескольких агентов, которые по объективным данным могли бы стать боевиками и террористами. Для этой цели Расмус дал Раму несколько тысяч индийских рупий (тогда еще не обесцененных) и двенадцать пистолетов с патронами. Псевдоним Бхагат Рам выбрал себе сам — в переписке он теперь именовался «Рахмат-ханом».

«Рахмат-хан» успешно прошел негласную проверку, которую Расмус произвел и в Кабуле, и через Берлин, и стал главным немецким агентом в Индии и в зоне пуштунских племен. Последующие месяцев шесть-семь он добросовестно выполнял эти свои обязанности.

А в сентябре 1941 года ценный немецкий агент «Рахмат-хан» через посредничество одного из своих друзей, о котором Расмус и представления не имел, инициативно встретился на конспиративной квартире с… резидентом советской разведки…

Но вернемся на три месяца назад. После того как Германия напала на СССР, оперативная обстановка в Афганистане с точки зрения советских интересов резко ухудшилась. Теперь немецкая разведывательно-диверсионная сеть угрожала уже не только англичанам, но и южным республикам Советского Союза. Активизировали свою деятельность в Афганистане также итальянская и японская разведки, работавшие в тесном контакте с немецкой.

Учитывая изменившуюся ситуацию, руководство внешней разведки НКВД сочло необходимым укрепить и расширить свой разведывательный аппарат в Афганистане. В Кабул были направлены опытные, инициативные работники, умеющие оперативно и самостоятельно принимать решения в специфических условиях восточной, к тому же отсталой страны. Резидентом назначили сорокалетнего Михаила Аллахвердова (оперативный псевдоним «Заман») со статусом представителя «Восток-интorг». Большего знатока Востока, нежели Аллахвердов, пожалуй, тогда в советской разведке не было.

Армянин по национальности, он родился в Нагорном Карабахе, участвовал в гражданской войне в составе 3-го

туркестанского полка, воевал с басмачами в Средней Азии, служил на Памире. С 1923 года Аллахвердов — сотрудник Восточного отдела ОГПУ, без отрыва от основной оперативной работы закончил знаменитый Восточный факультет Военной академии РККА им. М. Фрунзе. Затем пять лет работы в Персии, три года в Центральном аппарате разведки в Москве, последующие два года — нелегальные резидентуры в Австрии, Швейцарии, Франции.

В последующие годы Аллахвердов руководит легальными резидентурами в Афганистане и Иране. И снова служба в Центре.

Уже из этого краткого перечня явствует, что повторно назначенный резидентом в Афганистан разведчик превосходно знал и страну пребывания, и весь регион в целом.

Владение языками, традициями, знание ислама, понимание менталитета местных жителей, даже внешность помогли Аллахвердову легко устанавливать контакт с представителями всех кругов и слоев афганского общества.

Москва поставила перед Аллахвердовым еще одну задачу, совершенно по тем временам необычную: с такой советским разведчикам дотоле сталкиваться не приходилось. А именно: впредь, по крайней мере до окончания войны, поддерживать деловые контакты с представителями спецслужб британских союзников в Афганистане. Ранее подобные отношения практиковались лишь с чекистами… Монгольской Народной Республики. (Которые почти все проходили курс разведывательных и контрразведывательных наук в Москве, свободно говорили по-русски, а потому советскими коллегами за иностранцев и не считались.) Это было и морально непросто, поскольку в первую очередь именно с агентами британских спецслужб приходилось бороться советским чекистам на протяжении почти четверти века.

Английскому и советскому руководству, их послам в Афганистане предстояло добиться того, чтобы здешнее правительство выслало из страны немецких, японских и итальянских разведчиков, обладающих дипломатическим иммунитетом, а также обезвредило их местную агентуру. Политикам и дипломатам в этом обязаны были помочь разведчики.

В обслуживающем персонале германского посольства у «Замана» были свои люди. От них он знал о существовании некоего индийца, ставшего главным агентом Расмуса в регионе. Но о том, чтобы этот агент инициативно предложил свои услуги Советам, не мог и помыслить. На первой же встрече (Аллахвердов выступал на ней не как резидент разведки, а лишь посредник,

обычный сотрудник торгпредства Безруков) Рам вполне убедительно изложил мотивы своего поступка. Он индийский революционер с многолетним стажем. Таковыми являются все его родственники и друзья. Цель жизни — добиться освобождения Индии от английского владычества. Потому и обратился (и не он один) семь месяцев назад за поддержкой к немцам. Но теперь все изменилось. Германия напала на Советский Союз, а в Индии знают, что СССР — лучший друг всех угнетаемых колонизаторами народов, что он поддерживает национально-освободительное движение на всем земном шаре. Сейчас стоит вопрос о самом существовании СССР, а потому индийцы должны помогать ему и на время прекратить вооруженные выступления против англичан, поскольку Великобритания сейчас союзник Советского Союза.

Встреча была не единственной, и постепенно «Заман» все лучше и лучше изучал своего нового знакомого. На одной из встреч Бхагат Рам передал резиденту… тридцать тысяч фунтов стерлингов, полученных от Расмуса. Разведчику было очевидно, что рисковать такой огромной суммой для примитивной подставы ни абвер, ни СД не станут. К тому же Рам рассказал все, что ему было известно, о ближайших помощника резидента абвера из персонала посольства (в том числе, дипломатах), а также выявленных местных агентах.

О контактах с Бхагат Рамом Аллахвердов доложил московскому руководству. Начальник Первого управления Фитин дал указание немедленно проверить индийца, использовав богатейшие возможности еще не распущенного Сталиным Коминтерна[123]. В Отделе международных связей последнего существовала строго засекреченная, созданная многолетними усилиями расстрелянного «врага народа» Осипа Пятницкого картотека на всех мало-мальски известных деятелей коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения в мире.

На основании собранных данных, личных впечатлений и соображений самого Аллахвердова было принято решение: Бхагат Рама в интересах советской разведки следует использовать.

Вскоре «Ром» (такой оперативный псевдоним получил Бхагат Рам) привел еще одно убедительное доказательство своей искренности. Он передал «Заману» две мощные рации с комплектами батарей, инструкциями по их эксплуатации, кодами и шифрами, расписаниями выхода в эфир и приема. Теперь советская разведка имела возможность благодаря щедрости Расмуса контролировать все немецкие шифрограммы, направленные в Афганистан и Индию. Как и положено, время от времени Берлин менял шифры и условия связи, но, поскольку

предварительно Расмус ставил об этом в известность «Рахмат-хана», этот контроль не прерывался ни на один сеанс.

В дальнейшем «Ром» несколько раз передавал «Заману» крупные денежные суммы. Вручил он также тяжелую кожаную сумку с золотыми монетами — немцы предназначили их для подкупа важных лиц.

В последующие девять месяцев Бхагат Рам по указанию Расмуса и его заместителя обер-лейтенанта из абвера Витцеля совершил несколько тайных поездок в Индию и в районы племен. Его отчеты «Заману», плюс радиоперехваты директив, идущих непосредственно из Берлина, содержали много важной информации. Часть ее, естественно, не раскрывая источника, советская разведка передавала англичанам, особенно если речь шла о конкретных диверсиях и актах саботажа, направленных против союзников.

Немцы были настолько довольны деятельностью своего главного агента, что по представлению резидентуры «Рахмат-хан» был награжден орденом. Награду ему в посольстве показали, но он решил ее на время оставить там же на хранение. Такого же ордена был удостоен и сам Расмус. Рассказав об этой чести «Заману», Бхагат Рам, однако, так и не вспомнил, как же называется этот орден[124].

Определенная доля информации «Рома», как и радиоперехватов, особенно связанная с указаниями центра немецкой разведки, входила в компетенцию Короткова, иная же прямо его не касалась, но нуждалась в его экспертной, аналитической оценке. Так что волей-неволей он в основном был в курсе афганских дел.

Очень скоро деятельность «Рома» достигла такого размаха, что в Центре пришли к выводу о необходимости более подробного изучения его личности и возможностей. Уж слишком много было поставлено на карту. Аллахвердов подобный откровенный разговор провести напрямую не мог — это могло отразиться на их отношениях, а между тем для Бхагат Рама он был не резидентом, а всего лишь посредником. Раскрывать личность «Замана» или кого-либо другого из резидентуры было преждевременно.

Павел Фитин пришел к такому решению: направить в Кабул ответственного сотрудника Центра, который мог бы переговорить с «Ромом» как официальный представитель советской разведки. Аллахвердов этот шаг полностью поддерживал. Хорошо зная восточных людей, он понимал, что приезд человека из Москвы специально для знакомства с Бхагат Рамом глубоко польстит самолюбию индийца, следовательно, пойдет на пользу дела.

В середине апреля 1942 года Фитин вызвал к себе начальника немецкого отдела.

— Собирайте дорожный чемоданчик, Александр Михайлович. Теплые вещи может не брать. Через день-два, как только позволит погода, вылетите в Кабул. Задание заключается в следующем…

Итак, в один прекрасный день на самом надежном и, как оказалось, долговечном транспортном самолете тех лет, американском «С-47», конструкции нашего бывшего соотечественника Игоря Сикорского, в обиходе называемом просто «дуглас», вылетел в Кабул очередной дипкурьер Наркомата иностранных дел, сопровождая с напарником несколько опечатанных вализ диппочты. В его изрядно потертом, со множеством печатей и штемпелей зеленом дипломатическом паспорте значилось, что предъявитель сего документа гражданин СССР Сергей Николаевич Кротов.

Утомительный перелет по сложному маршруту с несколькими посадками для заправки бензобаков занял двое суток. Военно-транспортный самолет не был приспособлен для перевозки гражданских пассажиров, сидеть долгими часами приходилось на узких жестких сиденьях из рифленого дюраля, к тому же в салоне на высоте, особенно ночью, было холодно. Слава Богу, Коротков хоть не страдал «морской», то есть «воздушной» болезнью…

Посадка в плохо оборудованном кабульском аэропорту потребовала от пилотов максимальной концентрации летного мастерства и внимания. Обошлось…

Еще день-два ушло на ознакомление в кабинете Аллахвердова с материалами и детальное обсуждение предстоящей беседы.

Шифровкой «131» от 3 мая 1942 года — Коротков (в этой командировке он выступал под кодовым именем «Саша») уже вылетел обратно в Москву — «Заман» сообщал в Центр:

«1 мая состоялась встреча с «Ромом» совместно с «Сашей». Беседа продолжалась шесть часов. «Рому» было заявлено, что «Саша» приехал из Москвы и является представителем советской разведки, к которой имеет отношение и «Заман». «Ром» на это ответил, что доволен приездом товарища и рад обсудить с ним все вопросы, связанные с его работой».

Далее следовало изложение беседы Короткова и Аллахвердова с Бхагат Рамом в сокращенной стенографической записи.

Поездка «Саши» в Кабул, помимо прочих, имела два последствия, на которых следует остановиться особо. Англичане на территории Британской Индии в связи с опасностью японского

вторжения и очевидным усилением подрывной деятельности разведок стран «оси», ввели строгие меры безопасности. Для Бхагат Рама и его информаторов создалась реальная угроза. Однажды его таки арестовали английские контрразведчики по вполне обоснованному подозрению в шпионаже в пользу Германии.

Советским дипломатам пришлось обратиться к английским коллегам с разъяснением подлинной роли Бхагат Рама. Ранее Коротков и Аллахвердов уже предусмотрели вероятность подобного случая. В конфиденциальной беседе с советским послом заранее предупредили его о необходимости и формах вмешательства для вызволения ценнейшего агента из беды. (Время было военное, обстановка тревожная, и англичане могли без долгих церемоний и проволочек повесить Рама.)

Главный резидент германской разведки Расмус со своим основным агентом и связником «Рахмат-ханом» оказался, если называть вещи своими именами, по уши в дерьме. Вся их бурная деятельность на протяжении более года в сущности лопнула как мыльный пузырь. По вине Расмуса огромная разветвленная агентурная сеть немцев была засвечена, десятки тысяч фунтов стерлингов, афгани, рупий, килограммы английских золотых соверенов, ценнейшая радио- и фотоаппаратура, арсеналы оружия и взрывчатки из рук в руки переданы… советской разведке. Всплыви все это в Берлине — участь Расмуса вызвал бы сочувствие даже у его злейших врагов. Это создавало теоретические предпосылки для перевербовки Расмуса. Потому на приведенной выше шифровке «Замана» Павел Фитин 11 мая сделал запись, адресованную начальнику отдела Среднего Востока Андрею Отрощенко: «Составить план вербовки Расмуса».

Однако к исполнению данного указания разведчики по объективным причинам смогли приступить лишь через год.

Первоначальные значительные успехи вермахта на Восточном фронте в летней кампании 1942 года, казалось бы, делали реальными планы вторжения на Средний Восток и в Индию. Если бы немцы захватили Кавказ, Закавказье (а они были близки к этому), то теоретически был возможен прорыв вдоль побережья Каспийского моря от Махачкалы через Дербент, а также по Военно-Грузинской дороге и уже по восточному побережью Черного моря через Турцию в Северный Иран и далее — через Турцию и Афганистан — «Дранг нах Индия»!

Как после войны показал на допросе в Бутырской тюрьме бывший посол Германии в Кабуле Ганс Пильгер, заместитель премьер-министра Наим-хан заявил ему, что афганское правительство всецело разделяет политику «третьего рейха» и

выражает готовность при дальнейшем продвижении вермахта на территории СССР оказать ему помощь в виде вооруженной силы. Речь шла, добавил Пильгер, о ста, даже о ста пятидесяти тысячах солдат.

В качестве вознаграждения Германия согласна была великодушно отдать Афганистану значительные куски индийской территории: Белуджистан, западный Пенджаб, Кашмир…

Где-то в оккупированной Греции уже формировалось «соединение F» — ударная группировка отборных немецких войск: три танковые, четыре мотострелковые, четыре пехотные дивизии и еще несколько специализированных отдельных частей.

В связи с этим Бхагат Рам получил от Расмуса особо ответственное задание: осенью 1942 года он должен был подготовить в районе северо-западной границы Британской Индии посадочные площадки для воздушного десятка.

Авантюра, конечно, но — опасная авантюра. В лагерях для английских военнопленных немцы отобрали и перевербовали около трех тысяч солдат индийских национальностей, спекулируя на их нелюбви, а то и ненависти к британским колонизаторам. Из них в системе войск СС был сформирован так называемый индийский легион. Его солдаты от остальных эсэсовцев отличались тем, что вместо фуражек и пилоток носили тюрбаны.

Передовой отряд десантников в количестве примерно ста человек прошел интенсивную подготовку в разведшколе под Франкфуртом-на-Одере. Будущих диверсантов и террористов обучали не только подрывному делу, рукопашному бою и прочим спецдисциплинам, но также альпинизму и верховой езде.

Этот отряд должен был в соответствии с планом «Баядера» взять под охрану посадочные площадки и обеспечить успешную высадку остальных подразделений «Индийского легиона». Ну, а затем следовало ожидать вторжения с северо-запада регулярных частей вермахта. По плану «Аманулла» десантники (четыре тысячи отборных бойцов) должны были захватить Кабул и сменить режим.

Посольства Германии в Кабуле превратилось в настоящий штаб нацистских спецслужб по координации шпионской, диверсионной и подрывной деятельности в Афганистане, Британской Индии, Иране, советских южных республиках и даже в прилегающих районах Китая.

Через Бхагат Рама в эти планы удалось внести столько поправок, изменений, уточнений, что их реализация затянулась вплоть до сокрушительного разгрома немецких войск в районе Сталинграда и на Кавказе. А это в свою очередь навсегда похоронило сумасбродный замысел Гитлера завоевать Индию…

Теперь, наконец, совместным мощным нажимом СССР и Великобритания вынудили афганские власти выслать из страны немцев-шпионов, а также изолировать их выявленную агентуру из числа местных жителей.

Из всех немцев было сделано единственное исключение: союзники не потребовали высылки Расмуса. Руководствовались они сугубо прагматическим соображением. У германского резидента сложились исключительно доверительные отношения с Бхагат Рамом, в результате Расмус, сам того не ведая, превратился в ценнейший источник информации для советской разведки, а через ее посредство и для английской. Вот тут-то Фитин и вспомнил о своем указании годовой давности. Теперь уже замысел никак нельзя было откладывать. Начальник управления понимал, что при сложившихся обстоятельствах англичане сами вполне могут завербовать Расмуса. Их следовало опередить. Твердой уверенности в успехе, разумеется, не существовало, но, как известно, риск дело благородное. И в разведке тоже.

Разумеется, никто из легальных разведчиков в Кабуле, действовавших под прикрытием дипломатического паспорта, сделать вербовочный подход к Расмусу, тоже «дипломату», никак не мог: в случае неудачи следовало ожидать международного скандала. Значит, нужно командировать в Афганистан стороннего человека, и на короткий срок, чтобы тот, если потребуется, мог незамедлительно и не оставляя следа покинуть Кабул. Естественно, этот человек должен был обладать опытом вербовки именно немца, к тому же сотрудника спецслужб, а не такового из числа «лиц восточной национальности». Лучшей кандидатуры для выполнения (или попытки выполнения) такого задания, нежели начальник немецкого отдела Александр Коротков в распоряжении Павла Фитина не имелось.

…Осенью 1943 года дипкурьер Наркомата иностранных дел СССР Сергей Кротов снова вылетел в Кабул. И еще в Москве, и уже находясь в воздухе, Коротков продумал линию своего поведения при встрече с Расмусом. Что, собственно, о нем известно? Невзирая на очевидный провал с «Рахмат-ханом», следовало учитывать, что Расмус опытный профессионал. Как все старые германские разведчики, навряд ли фанатичный нацист. Последние, в основном, обретались в ведомстве Шелленберга. Не пьет, не играет в карты, не склонен к употреблению наркотиков, не замечен в пристрастии к сексуальным утехам. Наверняка щепетилен в деньгах. Следовательно, сделал вывод Коротков, весь расчет нужно строить на благоразумии абверовца.

24 октября 1943 года, заинтриговав Расмуса возможностью

знакомства с потенциально перспективным источником, его удалось заманить на одну из конспиративных квартир советской разведки. Возможный «источник» к удивлению резидента абвера оказался не афганцем, не индийцем, не иранцем, а высоким европейцем самой что ни на есть «нордической» внешности. Ранее Расмус его ни в одном из мест, где обычно собирались иностранцы в Кабуле, не встречал. И вербовать незнакомца ему не пришлось. Совсем наоборот…

Представившись полковником советской разведки «Михайловым» (немец, конечно, сразу понял, что фамилия — вымышленная, но звание подлинное), Коротков сделал германскому резиденту весьма недвусмысленное (с профессионалом «темнить» было бессмысленно) вербовочное предложение. Он убедительно изложил, что фактически Расмус своей деятельностью за последние два года совершил акт государственной измены по отношению «третьего рейха». Аргументы? Их более чем достаточно. Для гестапо… Судите сами. Проваленная агентурная сеть. Имеются и вещественные доказательства: полученные советской разведкой от него, Расмуса, свыше десяти тысяч фунтов стерлингов в купюрах только в последнее время, триста золотых соверенов, сто тысяч афгани, столько же индийских рупий, две мощные радиостанции, шифры и коды, оружие, взрывчатка…

Расмус растерялся. Однако не настолько, чтобы потерять голову. Он пообещал подумать и дать окончательный ответ на следующий день. Короткову затяжка с ответом не понравилась. Законы вербовки требуют решающую встречу не прерывать, раз начав, завершать тогда же твердым соглашением, желательно, в письменной форме. Но в данном случае пришлось сделать исключение. В качестве компенсации (а попросту, чтобы не остаться с пустыми руками) в ходе дальнейшей беседы он вытянул из Расмуса все, что только оставалось у него за душой и что не было известно Бхагат Раму.

На следующую встречу, назначенную на 26 октября, «Магистр» (под такой кличкой Расмус проходил у советской разведки) не явился. Как выяснилось, ему удалось незамеченным покинуть страну. Можно, конечно, было пожалеть о несостоявшейся вербовке, однако неудача была относительна. Деятельность немецкой разведки в обширном регионе была радикально пресечена, чему способствовала и информация, полученная от Расмуса в ходе его разговора с полковником «Михайловым».

Удивительно, но факт: «Коротков так провел многочасовую встречу, что Расмус не заподозрил в своем провале Бхагат Рама.

Он не дал ни одной ниточки, что могла бы привести к компрометации «Рама». Как стало известно позднее, Расмус во всем обвинил одного из предводителей басмачей в Афганистане Махмуд-бека. Что же касается его любимца «Рахмат хана», то немецкие спецслужбы, ничтоже сумняшеся, передали его как весьма ценного, многократно проверенного и награжденного орденом агента своим японским союзникам. Тем самым последующие попытки уже спецслужб Империи Восходящего Солнца развернуть подрывную работу среди пуштунских племен были заведомы обречены на провал.

Так что миссию Александра Короткова в Кабул все же вполне можно считать успешной.

…Он еще не успел прийти в себя от впечатлений, связанных с командировкой в Афганистан, сделать подробный отчет о проделанной работе и оперативной обстановке в стране, как нарком приказал ему готовиться к новой поездке. Вернее, к полету, поскольку железнодорожного сообщения с Афганистаном не имелось. Речь шла об Иране.

Причину поездки нарком обозначил довольно туманно — в Тегеране должна состояться важная встреча, на уровне министров иностранных дел стран — участниц антигитлеровской коалиции: СССР, США и Великобритании. Разумеется, в обстановке строжайшей секретности. Министры будут обсуждать важнейшие вопросы — о втором фронте и даже послевоенном устройстве Европы. Первый пункт удивления не вызывал — тогда, в сорок третьем, любой разговор на любую тему в нашей стране сводился к сакраментальному: когда же, наконец, союзники откроют второй фронт. Настоящий, а не всякие там высадки в Северной Африке. А вот послевоенное устройство Европы — нечто неожиданное. В самом деле, за два с лишним года войны все к ней так привыкли, что, хотя и дали с надеждой и нетерпением ее окончания, но как-то не задумывались, а что дальше, каким он будет, этот послевоенный мир на нашем многострадальном континенте.

— Вам надо будет помочь нашим товарищам в Тегеране и по чисто разведывательной линии, — сказал нарком, — поскольку не исключено, что немцы пронюхали о встрече и будут лезть из кожи вон, чтобы выудить информацию о переговорах помимо той, что будет изложена в официально коммюнике. Следует предусмотреть и возможность покушений. Но обеспечение безопасности — не ваша забота. Там хватит других товарищей. Кроме того, вполне возможно, даже наверняка, вам придется выполнять функции своего рода эксперта по Германии. С учетом специфики нашего ведомства, разумеется. Так что готовьтесь

основательно.

Коротков уже собирался покинуть кабинет, когда нарком вдруг остановил его в дверях и, понизив голос, сказал:

— И последнее… Если встретите там неожиданно какое-либо знакомое вам высокопоставленное лицо… Неофициально. Можете поздороваться, но без обращения. И в любом случае не заговаривайте первым…

Опыт есть опыт, в сообразительности Короткову тоже было трудно отказать. Достаточно скоро он догадался о том, о чем сегодня можно прочитать в учебнике новейшей истории для школьников любой страны мира. В Тегеране должны были встретиться не только министры иностранных дел, но сама «Большая тройка»: Председатель Совнаркома СССР Иосиф Сталин, Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Делано Рузвельт.

Как водится, перед каждой поездкой в новую страну Коротков постарался в те сжатые сроки, что ему были отпущены, почитать об Иране все, что только нашлось у него дома и в служебной библиотеке. С крайним изумлением узнал, что не существует даже общего плана миллионного (а кто считал?) Тегерана. Более того, оказывается, в Тегеране лишь главные площади, улицы и сохранившиеся с незапамятных времен городские ворота имеют собственные названия! Ну и ну… Представил на миг, с какими сложностями приходится сталкиваться работающим в Тегеране оперативным работникам, когда им надо договориться с агентом о месте встречи, или закладке тайника… да еще при своеобразном представлении жителей Востока о времени…

Тегеранская конференция — ей было присвоено кодовое наименование «Эврика» — проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Она стала поистине исторической уже потому, что была первой личной встречей «Большой тройки»: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Историки новейшего времени единодушно склонны считать ее пиком межсоюзнического сотрудничества в годы Второй мировой войны.

Вряд ли есть смысл в рассуждениях о том, какие последствия могло бы иметь удавшееся покушение на жизнь руководителей антигитлеровской коалиции? Меж тем, доподлинно известно, что и абвер, и СД знали о намечаемой встрече в верхах и предприняли определенные шаги для организации заговора, которому уже было давно и название — операция «Дальний прыжок». По некоторым данным, она предполагала физическое уничтожение Сталина и Черчилля и пленение Рузвельта. Главным исполнителем была избрана весьма одиозная личность — огромного роста (почти два метра) атлет в эсэровском мундире, с

длинным лицом, иссеченным шрамами, и новеньким рыцарским «Железным крестом» на шее, врученным ему лично фюрером. Для этого Гитлеру пришлось чуть приподняться на носках, а награждаемому, наоборот, наклониться. Это был специалист по террору и диверсиям из ведомства Шелленберга оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени. О своей, правда, несостоявшейся, миссии он сам говорит спустя много лет после окончания войны. Выбор пал на Скорцени из-за его головокружительной операции, осуществленной 13 сентября того же 1943 года. В этот день Отто Скорцени с горсткой головорезов-эсэсовцев приземлился на буксируемых планерах в неприступных горах Гран Сассо (в Северной Италии) и вывез на легкомоторном самолетике «Фюзелер-Шторх» (аналоге нашего легендарного У-2) свергнутого и интернированного дуче итальянских фашистов Бенито Муссолини.

Перед Второй мировой войной Иран, как никакая другая страна в этом регионе, был наводнен агентами спецслужб. Некоторые из них принадлежали к высшим слоям иранского общества, занимали ключевые посты в государственных учреждениях, армии и полиции. Сам Реза-Шах Пехлеви не скрывал своего благорасположения к Германии.

Главным резидентом абвера в Иране был профессиональный разведчик майор Бертольд Шульце-Хольтус. Он издавна специализировался по Советскому Союзу, свободно владел русским языком, превосходно знал регион, включая Кавказ и прилегающую территорию Ирана и Афганистана[125].

Вторым по значению резидентом был сотрудник внешней разведки РСХА Франц Майер (настоящее имя Рихард Август). Еще одним видным представителем этого ведомства в Иране был гауптштурмфюрер СС Роман Гамотта. Полный перечень немецких разведчиков в этой стране занял бы десяток страниц убористого текста.

У немцев был достаточно серьезные основания, чтобы придавать Ирану такое внимание. Достаточно сказать, что шестьдесят процентов судов и кораблей тогдашней «Владычицы морей» заправлялись именно иранскими нефтепродуктами. Захват Ирана, или хотя бы склонение его на сторону Германии, сразу лишил бы британский флот топлива и, к тому же, создавал угрозу Британской Индии. Через Иран немцы могли бы нанести удар с юга и по Советскому Союзу, в частности, по нефтеносному району Баку.

После нападений Германии Иран приобрел для СССР особое значение еще в одном отношении: через него пролегал самый безопасный (относительно, конечно) маршрут, по которому

доставлялась военная помощь союзников. Военные грузы на транспортных кораблях доставлялись в иранские порты в персидском заливе, затем уже по суше к южным границам СССР.

Известно, какому риску подвергались союзнические конвои, пробивавшиеся к Мурманску и Архангельску через кишащую немецкими подводными лодками Атлантику.

Численность германской колонии в Иране достигала десяти тысяч человек. В этой людской массе легко терялись сотни, если не больше, профессиональных разведчиков, диверсантов и боевиков-террористов. К тому же на связи у резидентов нацистских спецслужб находилось никому точно не ведомое число агентов из местных жителей. Они также устраивали диверсии на транспортных артериях.

Уже в первые послереволюционные годы Советское правительство отменило все старые царские договоры с Персией, ущемляющие суверенитет соседней страны. В собственность ее было передано множество ценнейшего российского имущества, вплоть до железной дороги Сафьян-Урмийское озеро вместе с подвижным составом, а также находившиеся на озере пароходы, пристани, склады и прочее.

Новый договор с Персией 1921 года был беспрецедентным документом в международных отношениях той поры. Но в нем имелась шестая статья, обеспечивающая военную безопасностью Советской России с юга. Поскольку об этой статье до сих пор ходят кривотолки, есть смысл привести ее целиком: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны трех стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Федеративной Социалистической Республики или союзных держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии».

Двадцать лет эта статья существовала лишь на бумаге. Двадцать лет ровно ничего не предвещало, что одной из Высоких Сторон, а именно СССР, когда-нибудь придется ею воспользоваться. Увы, пришлось.

25 июня немцы вручили правительству шаха ноту, в которой потребовали, чтобы Иран вступил в войну на стороне Германии. Нота не была с ходу отвергнута с негодованием: ее обсуждал высший военный совет страны. Присутствовали на нем сорок два высоких чина. Из них шестнадцать высказались за принятие требования гитлеровцев, двадцать четыре — против. Примечательно, что противники войны руководствовались не приверженностью к миру, а более прагматичным соображением: явно низкой боеспособностью армии, то есть страхом потерпеть поражение. Окончательное решение — соблюдать нейтралитет.

Резидентом советской разведки в Тегеране тогда был Иван Агаянц, тот самый Ваня, с которым в былые времена Саша Коротков работал пионервожатым в подшефной школе, родной брат бывшего резидента в Берлине Александра Агаянца. «Орд» — таков был оперативный псевдоним Агаянца — получил полный отчет о том, как проходило вышеназванное заседание, как распределились голоса, о чем незамедлительно поставил в известность Центр, и полпреда СССР.

Приведенный расклад голосов представлял явную опасность: в случае серьезных успехов германской армии на востоке (а таковые, как известно, последовали и продолжались вплоть до зимы) правительство Ирана вполне могло изменить первоначальное решение, на прямо противоположное. Иначе говоря, отмечала резидентура, иранская армия тогда нападет на Советский Союз «под лозунгом присоединения к Ирану мусульман, проживающих в Туркменистане и на Кавказе».

Советское правительство незамедлительно обратилось к Ирану с пожеланием, дабы то немедленно выдворило из страны всех германских граждан, поскольку они своей подрывной деятельностью нарушают нейтралитет страны.

Правительство шаха стало явно тянуть время, видимо, рассчитывая дождаться решающего поражения Красной Армии, чтобы затем в последний момент присоединиться к Германии и поспеть к разделу «пирога». Лишь тогда в точном соответствии с шестой статьей договора 1921 года советские войска 25 августа 1921 года перешли границу и устремились на юг. Одновременно в южные и юго-западные провинции страны вошли британские войска. У англичан не было такого юридического обоснования этой акции, как у Советского Союза. В своем решении они опирались на известный принцип, который на юридическом языке называется «крайней необходимостью». Впрочем, некая юридическая лазейка в тексте шестой статьи все-таки имелась, а именно: многозначащие три слова «или союзных держав».

18 сентября части Красной Армии, почти не встречая

сопротивления, вошли в Тегеран. Шах был вынужден отречься от престола в пользу сына Мохаммеда Реза Пехлеви и бежать в Иоганнесбург, где он и умер в 1944 году. Мохаммед Реза Пехлеви оказался последним иранским монархом. Он процарствовал 38 лет, до 1979 года, когда был свергнут с престола сторонниками аятоллы Хомейни.

Несколько сот немцев, установленных немецких разведчиков и агентов, были интернированы советскими и британскими властями. Однако Шульце-Хольтус и Майер успели скрыться. Занятно, что Майер, свободно владевший языком фарси, несколько месяцев, изменив внешность, работал могильщиком на армянском кладбище Тегерана.

Майера англичане сумели арестовать лишь 15 августа 1943 года. При нем были обнаружены документы, позволившие обезвредить многих его агентов. Была захвачена также направленная в его распоряжение группа боевиков-парашютистов и радисты. Позднее ликвидировали еще несколько групп парашютистов, взяли и Шульце-Хольтуса. Советские контрразведчики задержали ближайшего сподвижника Майера, также опытного профессионала Отто Энгельке. Однако по данным советской и английской контрразведок, на свободе еще оставалось от 50 до 80 немецких агентов, способных на все. Им удалось совершить несколько диверсий. По счастью, удалось предотвратить взрыв транспортного тоннеля на Гедуккском перевале. Впоследствии стало известно, что под Копенгагеном готовилась к забросу в Тегеран группа боевиков Отто Скорцени.

После ввода советских войск в Иран Центр принял решение значительно усилить разведывательный и контрразведывательный аппарат в этой стране. В 1942 году в Тегеран прибыл Павел Журавлев («Макар»), который в 1943 году стал главным резидентом в Иране. Сюда же были направлены Андрей Отрощенко, Николай Лысенков, Владимир Вертипорох и многие другие опытные разведчики и контрразведчики. С некоторыми из них Коротков встречался еще в Афганистане.

На второй или третий день пребывания в Тегеране, в огромном парке, окружавшем советское посольство, Коротков увидел средних лет человека в плохо сидящем на нем мешковатом штатском костюме, в широкополой, неумело заломленной шляпе, низко надвинутой на самые уши, в тяжелых очках в массивной черепаховой оправе. Только приблизившись, Коротков узнал… Берию! Вот, значит, кого имел в виду Меркулов! Значит, Берия в Тегеране инкогнито, поскольку официально в составе советской делегации, возглавляемой, естественно, Сталиным, его фамилия не значится. Конечно, Берия на Западе

известен куда меньше Молотова и Ворошилова, чьи фотографии имеются в досье любой американской или английской крупной газеты. Однако в многочисленных свитах президента США и премьер-министра Великобритании наверняка могут найтись люди, которые даже при наличии, в сущности, наивной маскировки (очки вместо традиционного пенсне) опознают одного из заместителей Сталина и шефа всемогущего НКВД.

Берия прошел мимо, не поздоровавшись, не повернув головы. Не узнал, поскольку Коротков тоже был в штатском костюме, причем, в отличие от наркомовского, прекрасно сшитом по фигуре? Нет, конечно. Что-то, а память, в том числе зрительная, у Берии была феноменальная. Стало быть, и ему, полковнику Короткову, ни к чему узнавать свое бывшее высшее (как оказалось, и будущее) начальство.

Меры, предпринятые для обеспечения безопасности конференции, были предприняты чрезвычайные. Для начала в Тегеран ввели советский танковый полк и полк войск НКВД. Советское и английское посольства находились на одной улице, друг против друга. Улицу с обеих сторон перекрыли брезентовыми полотнищами, чтобы снаружи ничего нельзя было просмотреть. Весь этот район окружили двойным кольцом автоматчиков.

Но и этого мало! На несколько дней Тегеран отключили от всех линий связи! Не работали радио, телефоны, телеграф, местные газеты из города не вывозились. Миллионный город оказался как бы в полосе отчуждения от всего мира.

Общеизвестно, что по приглашению Сталина Рузвельт остановился на территории советского, а не своего, то есть американского, посольства. Впоследствии это вызвало много разговоров в прессе, возвращаются к этому эпизоду и сегодня все авторы, которые по какому-либо поводу касаются Тегеранской конференции.

Одним из ближайших советников Франклина Рузвельта, участником всех трех встреч на высшем уровне — в Тегеране, Ялте и Потсдаме — был адмирал флота Уильям Дэниэл Леги. С июля 1942 года он занимал два чрезвычайно важных поста — начальника штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами — президенте США и одновременно главы Объединенного комитета начальников штабов[126].

В своих воспоминаниях Леги, в частности, писал:

«После шести с половиной часов лета [из Каира] над территорией с ее богатой историей, ведущей отсчет от первых дней человеческой цивилизации, мы достигли Тегерана и совершили посадку в аэропорту. Президента и сопровождающую

его группу затем отвезли в американскую дипломатическую миссию.

На следующее утро (28 ноября) советские представители сообщили нам о слухах относительно того, что могут быть предприняты попытки убить Рузвельта во время его нахождения в Тегеране. Такая опасность, в частности, может возникнуть во время его поездок по улицам города на конференцию, которая будет проходить на территории советского посольства, находящегося примерно в двух милях от американской миссии. Само собой разумеется, наша собственная разведывательная служба была обеспокоена. Главная транспортная магистраль в Тегеране, насколько я помню, была сравнительно широкой, но примыкавшие к ней улицы и переулки узкими. Из разговоров с генералом Хэрли, несколько раз посещавшим Иран, я знал, что хотя шах был на нашей стороне, в стране имелись опасные враждебные элементы.

Советские представители, сообщившие нам сведения о возможности покушения на жизнь президента, также передали приглашение от маршала Сталина, чтобы Рузвельт переехал в здание, находящееся на территории советского посольства. Рузвельт принял это приглашение, и были предприняты меры для переезда. Американские и советские военные патрули были выставлены вдоль обычного маршрута, ведущего в советское посольство, и кавалькада автомашин под охраной вооруженного эскорта отправилась в путь из американской миссии, якобы перевозя президента США в безопасное место. Фактически же этот караван был тщательно обдуманным камуфляжем.

Вскоре после его отъезда, президент, Гарри Гопкин[127] и я вместе с сидевшим за рулем агентом[128] нашей разведывательной службы выехали из миссии в автомашине без какого-либо эскорта. Мы ехали на большой скорости по петлявшему обходному маршруту, частично по немощеным дорогам. Мы мчались так быстро, что, несмотря на более длительный маршрут, наша машина прибыла в советское посольство прежде, чем хорошо защищенный караван завершил свой двухмильный путь.

Президент явно наслаждался этим необычным приключением, считаю эту уловку скорее забавной проказой, чем серьезным маневром по предотвращению покушения на его жизнь.

После того как расположенное на территории советского посольства ранее не использовавшееся здание было приведено в порядок, оно превратилось в довольно комфортабельное жилое помещение. Советское посольство и окружающий его сад

находились под круглосуточной охраной значительного числа специально обученных агентов, которые останавливали всех. У нас имелись особые пропуска на русском языке, на которых мы могли распознать только наши имена. Нам рекомендовали немедленно останавливаться, если нас окликнут. Рекомендации пунктуально соблюдались, и никаких инцидентов у нас не было».

В последнее время в периодике и литературе появились утверждения, что никакого заговора немецких спецслужб в Тегеране не существовало, поскольку, дескать, все агенты абвера и СД были давным-давно либо выловлены русскими и англичанами, либо бежали. Иногда при этом ссылаются на свидетельство сына Берии Серго, который написал в своей книге[129], что Сталин придумал всю историю с заговором, чтобы запугать президента США, вынудить его переехать на территорию советского посольства в здание, заранее нашпигованное подслушивающей аппаратурой. Сам Серго Берия на этой аппаратуре как раз и работал на всем протяжении конференции. Записанные разговоры Рузвельта с Черчиллем и иными лицами немедленно переводились на русский язык и докладывались Сталину.

В правдивости рассказа Сергея Берии, инженера очень высокой квалификации, впоследствии доктора технических наук, сомневаться не приходится. В той части, когда речь идет о спецаппаратуре. Сомневаться можно в другом: чтобы Сталин мог всерьез полагать, что удалось «запугать» президента Рузвельта.

К тому же специалисты в окружении президента наверняка предполагали, что предоставленное в распоряжение Рузвельта помещение будет заботливо оборудовано хозяевами не только бытовыми удобствами, но и звукозаписывающей техникой. Да и обнаружить «жучки» американская секретная служба (так в США называется личная охрана президента) могла без особых усилий: необходимыми для этого средствами они тогда уже располагали.

Конечно, большинство немецкой агентуры было обезврежено еще в сорок первом, сорок втором и — остатки — в сорок третьем году. Но ведь с уверенностью можно говорить только лишь об обезвреженных диверсантах и террористах. Ни одна контрразведка в мире не может гарантировать, что столь многочисленная агентурная сеть уничтожена целиком, до последнего человека! Кто-то ведь мог уцелеть из числа профессиональных убийц и совершить покушение в одиночку на свой страх и риск даже без особого приказа из Берлина. На отчаянный шаг мог решиться и самоотверженный фанатик просто из ненависти к «колонизаторам» и «оккупантам». Наконец, группа парашютистов могла быть заброшена в окрестности Тегерана в

самый последний момент, буквально за час до начала Конференции, а то и к ее закрытию.

Повторяю, Сталин разумно не слишком полагался на подслушивание (хотя отказаться от возможности установки «жучков» было просто грешно), но вот безопасность резидента США заботила его по-настоящему. Он прекрасно сознавал, какими последствиями для антигитлеровской коалиции могла обернуться внезапная гибель Рузвельта от рук нацистских или иных убийц. Потому в любом случае исходил заведомо из версии существования заговора. В данном случае, ссылки некоторых авторов на болезненную подозрительность Сталина абсолютно беспочвенны.

А потому в интересах соблюдения исторической и фактической справедливости следует говорить не о несостоявшемся, но именно о предотвращенном заговоре против «Большой тройки» в Тегеране.

В тех же воспоминаниях Серго, который в Тегеране жил в одном помещении с отцом, следовательно, общался с ним часто и мог многое знать, в двух местах написал нечто другое, прямо противоположное первому своему высказыванию: «В Тегеране немецкая разведка планировала покушение или убийство Сталина, но чем все закончилось — известно. Благодаря усилиям советской разведки заговор против «Большой тройки» был раскрыт, и руководители Великобритании, США и СССР не пострадали».

И далее: «Конечно же, то, что Рузвельт остановился в советском посольстве, нам здорово помогло (в подслушивании. — *Т. Г.*). Но то, что ему, как и Черчиллю, и Сталину угрожала опасность, не выдумки. Накануне Конференции в Иране действительно были арестованы немецкие агенты. И их самих, и все материалы Сталин представил Черчиллю и Рузвельту. У тех была возможность убедиться, что советская разведка разоблачила крупный заговор. Целью немцев был захват «Большой тройки» или уничтожение руководителей трех союзных держав.

Рузвельт согласился переехать в целях безопасности в советское посольство. Черчилль отказался. Но английская сторона согласилась на увеличение охраны с нашей стороны…»

В обеспечении безопасности Конференции отчасти есть заслуга и Александра Короткова. В ходе одного из разговоров с ним в своем кабинете Павел Журавлев сказал:

— Александр Михайлович, после наших активных мероприятий в Тегеране все же осталось несколько подозрительных лиц. Для их интернирования у нас, к сожалению, нет серьезных оснований. Держим их, конечно, под наблюдением.

Но, вы же понимаете, в этом городе за каждым шагом не уследишь. Некоторые из них, возможно, учились или стажировались в Германии. Само по себе это еще ни о чем не говорит, но все же…

И Журавлев подвинул Короткову стопочку досье.

Быстро пролистав несколько папочек, в пятой или шестой Александр Михайлович увидел фотографию явно знакомого человека. Офицер полиции, судя по форме, в средних, не по возрасту, чинах. Он его видел в Берлине и в сороковом, и в начале сорок первого года. Тогда он носил другую фамилию и числился в представительстве какой-то иранской фирмы, торгующей в Европе сухофруктами. Установленный агент абвера. Прекрасно владел немецким и английским языками, но здесь, в Тегеране, превратившись в скромного офицера полиции, почему-то это скрывает…

Коротков «случайно» встретился с полицейским на улице, очень любезно поздоровался с ним, разумеется, на немецком языке, но дальнейшую беседу провел в крайне жестком тоне. Агент абвера, со свойственной восточным людям понятливостью (особенно, если они причастны к спецслужбам) сразу сообразил, что нежданная встреча может обернуться для него очень плохо. Германия катилась к неизбежному поражению, всемогущий абвер здесь, на улице оккупированной иранской столицы, ничем помочь ему не мог, а в «виллисе» за спиной русского полковника сидели два автоматчика…

Немецкий агент рассказал Короткову все, что только знал. Оказывается, он успел проинформировать Берлин довольно точно о некоторых обстоятельствах предстоящих переговоров. Шифровка была передана из хорошо укрытой «кочующей» радиостанции на дальней окраине Тегерана. Оказалось, что ее работу уже зафиксировали советские службы радиоперехвата, но точное местонахождение определить не сумели.

Теперь, разумеется, рацию ликвидировали. Оставалось выяснить, кто был источником немецкого агента. Советский персонал исключался. Искать, выходит, следовало либо среди американцев, либо англичан. Но это уже не входило в обязанности Короткова, которому предстояло вскоре вернуться в Москву.

Наконец, свидетельством того, что заговор существовал, является лаконичная, но весьма красноречивая запись в личном деле П. М. Журавлева: «Раскрыл и предупредил о подготовке со стороны гитлеровской разведки террористического акта в отношении глав союзных держав антигитлеровской коалиции».

…Читатель, разумеется, помнит, что с началом Великой

Отечественной войны и в ходе ее связь Центра с большинством разведчиков и агентов в самой Германии или оккупированных ею странах Европы была прервана. Естественно, советская разведка, особенно ее Первый отдел, активно искал новые каналы для восстановления с ними связи или заброса туда своих людей. Поэтому отдел Александра Короткова просто не мог не воспользоваться для этих целей временным нахождением на территории Ирана советских войск. В городах иранского Курдистана были размещены несколько наших разведгрупп. Приданные им радисты обладали новейшими радиостанциями, аналогов которых у немцев тогда не имелось. Отсюда разведчики проникали в Турцию, а затем в Болгарию. Из Болгарии их с надежными документами переправляли в Германию. Надо честно признать, что большая часть из них либо погибла, либо «застряла» по объективным причинам где-то на полпути и приступила к работе в незапланированной точке (что само по себе было не так уж и плохо). Но два разведчика, оба настоящие немцы, политэмигранты с опытом конспиративной работы, до цели добрались. Один из них устроился работать на завод знаменитого авиаконструктора Вилли Мессершмитта (которому сам заместитель фюрера Рудольф Гесс в свое время вручил золотую медаль «Пионер Труда»), когда там разрабатывались, а затем и строились первые реактивные истребители Ме-262. Есть данные, что после захвата в конце войны этого предприятия американцы вместе с другими «трофейными специалистами» вывезли в США и этого агента…

Второй разведчик оказался на секретном объекте в… Пенемюнде, группе не менее знаменитого конструктора ракет Вернера фон Брауна…

В Тегеране Александр Коротков зарекомендовал себя не только как опытнейший офицер спецслужб (в этом уже давно никто не сомневался), но и как надежный эксперт по германскому вопросу. Причем — политический зксперт в широком смысле слова, а не только по узким специфическим вопросам разведки. Дело в том, что незаметно для самого себя Коротков глубоко изучил все, что касалось Германии: ее историю, экономику, культуру, расстановку политических сил в разные периоды. Этому способствовали и личный опыт работы в стране, и внимательное изучение разведывательных данных, стекающихся на Лубянку со всех концов света, но так или иначе касающихся «третьего рейха», наконец, долгие беседы с немецкими военнопленными (именно свободные беседы, а не только допросы), в том числе с высокопоставленными офицерами и генералами.

У него сложилось вполне определенное личное представление о том, что происходит сейчас в Германии, на что можно рассчитывать, а на что нельзя. Скажем, он категорически отвергал возможность массового восстания против гитлеровского режима, но вполне допускал узкий заговор военных. У него имелось и свое мнение о послевоенном устройстве в Европе вообще и в Германии, в частности.

Степень эрудиции и понимания проблем, умноженные на незаурядный природный ум и большой опыт, а также твердый характер, намного превышали качества обычного полковника разведки. В этом, возможно, и кроется отличие масштабного работника на любой ступеньке его карьеры, от обычного, пуская очень добросовестного службиста.

Эти качества Александра Короткова подметил второй по значению человек не только в делегации, но в партии и государстве — Вячеслав Молотов. Он явно выделял материалы, подготовленные полковника Коротковым, или его устные ответы на отдельные уточняющие вопросы, даже из тех, что готовили сотрудники его собственного ведомства — Наркоминдела. Разумеется, это вызвало двойственную реакцию у не входящего официально в состав делегации, но все же незримо в ней присутствующего, всевидящего и всеслышащего Лаврентия Берии. Двойственное, потому что, с одной стороны, уважение к Короткову повышало авторитет НКГБ, следовательно, и к курировавшему этот наркомат по линии Политбюро и Совнаркома, ему самому. Однако с другой стороны Берия не любил (впрочем, не только он), когда его «низового» сотрудника самостоятельно замечает и выделяет кто-то из высшего руководства.

Надо признать, что очевидная и со стороны масштабность Короткова хотя и способствовала росту его авторитета среди сотрудников и руководства Лубянки, но в то же время порождала множество явных и скрытых недоброжелателей и завистников. Увы, далеко не каждый способен смириться с тем, что некто, стоящий на одной с тобой ступеньке служебной лестницы (а то и ниже), умнее тебя, способнее, талантливее, наконец, просто популярнее в своей среде.

Старый разведчик, работавший с Коротковым много лет, начиная с середины сорок третьего года, говорил автору: «Я заметил, что все руководители нашего ведомства щедро одаривали Короткова орденами, столько, как он, в разведке не имел никто, но всегда придерживали в званиях и должностях. Это неспроста. А секрет кроется вот в чем: наградить человека орденом за конкретный успех — со стороны высокого начальства,

конечно, благородно и — безопасно. А повышать в звании и должности можно только до известного предела, а то, глядишь, тебя самого обгонит».

По мнению автора, очень верно подмечено.

В Тегеране у Короткова случилась приятная и неожиданная встреча с Валентином Бережковым, тем самым, с которым он совершил памятные и весьма, рискованные вылазки из блокированного эсэсовцами советского посольства в Берлине в конце июня 1941 года[130].

За прошедшие два с половиной года бывший первый секретарь посольства совершил, и вполне заслуженно, головокружительную карьеру. Теперь он был одним из помощников наркома иностранных дел СССР Молотова в ранге советника НКВД. Плечи его форменного кителя украшали введенные для дипломатов серебряные погоны с генеральскими зигзагами! Здесь, в Тегеране, Бережков ни больше, ни меньше был доверенным переводчиком на встречах Сталина с Рузвельтом.

В последний день Тегеранской конференции к многочисленной американской делегации присоединился еще один человек: крепко сбитый, хотя уже начавший грузнеть, пятидесятилетний мужчина, шумный и громогласный, с грубоватым лицом, на котором выделялись неожиданно проницательные глаза. Надень на его седовласую голову «двухгаллоновую» стентсоновскую шляпу с загнутыми полями, опояшь поясом-патронташем с двумя кольтами сорок пятого калибра да прицепи к рубашке медную бляху-звезду — и получится вылитый шериф из американских вестернов. То был в недавнем прошлом владелец крупной адвокатской конторы на Колл-стрит миллионер Уильям Донован, глава учрежденного в июне 1942 года президентом Рузвельтом Управления Стратегических Служб (УСС), если попросту — разведки. О полковнике, а потом и генерале Доноване знавшие его люди говорил так: «Республиканец Гувера[131] и ирландский католик — этим все сказано». Неудивительно, что за глаза шефа УСС называли «Диким Биллом», чем в глубине душе он гордился.

Донован был умен, хитер и чрезвычайно энергичен. В кратчайшие сроки ему удалось почти невозможное: сколотить вполне действенную американскую разведку — УСС, ставшую предшественницей Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Костяк УСС составили вчера еще штатские люди, большей частью также юристы, которых Донован знал лично. Достаточно назвать Аллена Даллеса, резидента в Западной Европе с местом пребывания в Швейцарии, будущего шефа ЦРУ. Правда, как выяснилось позднее, в принципе проницательный «Дикий Билл»

все же знал о некоторых своих сотрудниках далеко не все. А именно: по меньшей мере дюжина из них были источниками информации для советской разведки! В том числе собственный помощник Донована Роберт Ли, кстати, потомок знаменитого генерала южан периода Гражданской войны в США. Об этом своевременно позаботился ныне отчасти рассекреченный советский разведчик Яков Голос.

Едва Коротков вернулся в Москву, как его вызвал к себе нарком Меркулов и сообщил, что через полчаса они выезжают на Центральный аэродром встречать неожиданно прилетевшего в СССР Уильяма Донована. В аэропорту Коротков увидел двух хорошо ему знакомых людей: замнаркома иностранных дел Деканозова и все того же Бережкова. Оказывается, они тоже встречают Донована как представители НКИД.

«Дикий Билл» прилетел с благими намерениями: установить личный контакт с руководителями советской разведки. Его принял и продолжительно беседовал с ним Молотов в присутствии посла США в СССР Аверелла Гарримана. В разгар беседы в кабинет вдруг вошел Сталин. Он предложил Доновану обсудить вопрос о налаживании сотрудничества американской и советской разведок для приближения победы над общим врагом на постоянной основе.

Позднее Донован обговаривал эту идею во вполне практическом плане с руководителями советской внешней разведки. К сожалению, после смерти президента Рузвельта эти переговоры, в принципе весьма перспективные, закончились ничем. Не по вине советской стороны…

Будни войны

К концу 1942 года Короткову при всем его природном оптимизме стало очевидно, что рассчитывать на восстановление связи с берлинскими группами не приходится. Без сомнения, они погибли. В лучшем случае, из их состава могли уцелеть единицы. Но как узнать, кто именно, где пребывает, какими разведывательными возможностями сейчас располагает? Коротков также понимал, что кто-то из мужчин мог избежать ареста лишь потому, что был призван в вермахт, тем самым выпав из поля зрения гестапо хоть на время. (Позже выяснилось, что гестапо разыскало-таки нескольких военнослужащих, их арестовали либо непосредственно на передовой, либо в прифронтовой полосе.)

Все это означало, что засылать в Берлин связников бессмысленно. Надо направлять на территорию рейха и в оккупированные немцами страны новых агентов. И действительно, такая работа не прекращалась на всем протяжении Великой Отечественной войны. При этом приходилось преодолевать огромные трудности, обусловленные самим военным временем. Хуже всего обстояло дело с кадрами. В «ежовщину» были безжалостно истреблены не только многие опытные советские разведчики, но и политэмигранты — иностранные коммунисты и социалисты, спасавшиеся в СССР от репрессий на своей родине. Погибли тысячи немецких, австрийских, венгерских, румынских, польских антифашистов, часть из которых, несомненно, охотно вернулась бы в свои страны, чтобы с нелегальных позиций вести разведывательную работу в пользу советского государства.

Те немногие, что уцелели, в первые же дни войны подали заявления с просьбой, а точнее требованием направить их в действующую армию или в партизанские отряды. Воевали не только политэмигранты, но и их подросшие, воспитанные в московских школах или детских домах дети. В боях под Москвой потерял руку сын будущего вождя югославских партизан маршала Тито Жарко. В особом отряде Дмитрия Медведева погиб сын основателя сразу двух компартий — Румынии и Болгарии — Асен Драганов. Вместе с ним в этом легендарном отряде (у него и название-то было гордое — «Победители») воевали дочь видного болгарского революционера Тодора Павлова — «доктор Вера», ставшая после войны академиком, и испанка Африка де лас Эрас, впоследствии разведчица-нелегал. Пробился в Красную Армию шестнадцатилетний Саша Карастоянов, будущий генерал-майор.

Его отец, тоже Александр, был расстрелян после подавления антифашистского восстания в болгарском городе Ломе еще до рождения сына, мать — советская разведчица и подпольщица казнена в Болгарии в 1944 году, сестра Лилия погибла в партизанском отряде в Белоруссии…

Интернационалистов-антифашистов использовала в качестве разведчиков и ГРУ, и разведотделы фронтов и армий. Зачастую то были перебежчики из числа солдат вермахта. Так, еще зимой 1941 года ушел из своей части к смоленским партизанам ефрейтор Фриц Шменкель. Около года он сражался с гитлеровцами в рядах отряда на Смоленщине, за храбрость в боях был награжден орденом Красного Знамени. После воссоединения с Красной Армией Шменкель прошел краткий курс обучения в разведшколе в Боровске и был заброшен в тыл врага с разведывательным заданием. В конце концов гитлеровские спецслужбы вышли на его след (имя Шменкеля числилось в розыскных книгах гестапо). Он был схвачен и расстрелян 23 февраля 1944 года в Минске. Шменкель стал единственным немцем-перебежчиком, посмертно удостоенным звания Героя Советского Союза.

Разведшколы, подобные той, в какой прошел подготовку Фриц Шменкель, создавались при непосредственном участии Александра Короткова. Более того, он преподавал в них оперативное мастерство, а с некоторыми слушателями, которым предстояло выполнять особо важные задания в немецком тылу, занимался индивидуально на конспиративных квартирах.

На всем протяжении войны Коротков неоднократно выезжал на фронт, руководя заброской им же подготовленных разведчиков. Случалось, переодетый в германскую форму, он беседовал в прифронтовой полосе с только что захваченными в плен вражескими офицерами и получал от них информацию, которую они утаивали на допросах в разведотделах. Казалось бы, занятие не по его званию и должности. Но шла война, и Коротков не считал зазорным и такую работу, если этим мог хоть как-то помочь командирам-фронтовикам.

Сегодня невозможно точно подсчитать, сколько антифашистов было в общей сложности заброшено во вражеский тыл, сколько погибло на трудном и опасном пути, сколько добралось до цели, сколько очутилось в застенках гестапо и было замучено и казнено, наконец, сколько пережило войну и дождалось Дня Победы.

В качестве примера автор позволил себе рассказать об одной трагической судьбе.

Мадьяра Ференца Патаки Короткову рекомендовали бывшие

работники Исполкома Коминтерна. Бывший военнослужащий австро-венгерской армии, Патаки в ходе Первой мировой войны попал в русский плен и принял активное участие в Октябрьской революции. Когда разразилась гражданская война в Сибири, он сколотил из бывших пленных мадьяр, чехов, румын, и сербов красный партизанский отряд численностью до пятисот человек, который успешно сражался против колчаковцев.

По окончании гражданской войны Патаки остался в СССР, женился на русской женщине.

Коротков лично готовил Патаки к ответственному заданию. Старому партизану предстояло создать в Карпатах разветвленную диверсионно-разведывательную организацию. Здесь в прифронтовой полосе размещались в основном венгерские и румынские войска. Коротков наставлял, собственно говоря, своего подопечного по чисто разведывательным дисциплинам, поскольку воинскими он, участник двух войн, владел достаточно хорошо.

Группа Ференца Патаки в составе шести человек вылетела с подмосковного аэродрома в Карпаты в ночь на 19 августа 1943 года. Приземлились благополучно, без потерь. Очень скоро Патаки и его товарищам удалось создать мощное подполье, насчитывающее сотни патриотов. Разведчики и подпольщики действовали на обширной территории, некоторые из них были служащими румынских и венгерских государственных учреждений, на железнодорожных узлах и станциях, комендатур воинских соединений. Они собирали ценную информацию о концентрации и передвижении войск, их технической оснащенности, численности, боеспособности, о строительстве оборонительных сооружений.

Грустная статистика войны свидетельствует: срок существования крупных подпольных диверсионно-разведывательных организаций, ведущих активную боевую деятельностью в прифронтовых зонах, редко превышал пять-шесть месяцев. И погибали они целиком или частично вовсе не обязательно из-за чьего-либо предательства. Просто враг концентрированно бросал на их выявление и последующую ликвидацию своих лучших профессионалов, оснащенных специальной техникой, в их распоряжении по мере надобности передавались полицейские и воинские части.

В феврале 1944 года венгерская контрразведка вышла-таки на след организации. На протяжении двух месяцев были арестованы сотни подпольщиков, люди разных национальностей: венгры, румыны, украинцы. Был схвачен и Ференц Патаки.

Немецкие оккупанты обычно расправлялись с захваченными партизанами и подпольщиками без всякого суда: после допросов

и пыток их просто расстреливали или вешали. Венгры соблюдали видимость правосудия. Но они также подвергали арестованных избиениям и пыткам.

Первую группу подпольщиков — десять человек — военный трибунал генерального штаба венгерской армии приговорил к смертной казни 18 апреля 1944 года. 17 июня публично была расстреляна еще одна группа — двадцать один патриот.

Самого Ференца Патаки и нескольких его ближайших сподвижников расстреляли лишь 4 ноября 1944 года в венгерском городе Шопроне…

Острая нехватка кадров заставила офицеров и внешней, и военной разведки обратить внимание на огромную массу пленных солдат, унтер-офицеров, офицеров и даже генералов вермахта, а также союзных Германии армий. Трезвый расчет показывал: не может быть, чтобы все эти сотни тысяч человек, разных возрастов, конфессий, гражданских и военных профессий, принадлежащие к разным слоям и классам общества, были все как один одурманены нацистской идеологией.

Ни для кого не является секретом, что военнослужащих вермахта, попавших в плен, допрашивали либо сразу после захвата, либо чуть позже, но еще в прифронтовой полосе. Уже в ходе этих первых допросов можно было хотя бы приблизительно сделать некоторые выводы о личности пленного, его взглядах на жизнь, войну, отношение к существующему в Германии режиму. Выяснилось, что довольно многие пленные вовсе не слепые фанатики, беспредельно преданные фюреру, хотя почти для всех солдат и офицеров вермахта, вне зависимости от политических воззрений в прошлом, характерно весьма серьезное отношение к данной ими воинской присяге и вообще к солдатскому долгу. Таковое, как известно у немцев в крови. Тем не менее, в ходе разговоров и бесед с пленными, особенно после Сталинграда, можно было уловить нотки сомнений в правоте того дела, за которое они воевали. Отдельные военнослужащие, хотя и боялись в этом признаться даже самим себе, постепенно начинали осознавать, что под водительством фюрера Германия движется не к мировому господству, а катится к национальной катастрофе. Короче говоря, с пленными надо было работать.

Особенно успешно трудная, требующая большого терпения, разносторонних знаний и такта воспитательная, а вернее, перевоспитательная работа велась в крупном, можно сказать, центральном лагере для военнопленных 27/I в подмосковном городе Красногорске. Этим занимались опытные советские политработники, хорошо знающие Германию, ее историю и культуру, и, разумеется, немецкий язык.

Здесь, в Красногорске, со временем начала функционировать антифашистская школа. Здесь же в июле 1943 года был образован руководящий орган движения немецких патриотов-антифашистов — Национальный комитет «Свободная Германия». Президентом НКСГ стал видный поэт Эрих Вайнерт. В состав комитета вошли и немецкие политэмигранты, нашедшие убежище в СССР, и военнопленные (в том числе даже кригспфареры — армейские священники).

В сентябре того же 1943 года в другом подмосковном лагере Лунево[132] (близ станции Сходня), где содержались генералы и старшие офицеры, была создана еще одна организация антигитлеровской направленности — «Союз немецких офицеров». Возглавил СНО генерал от артиллерии, бывший командир 51-го армейского корпуса Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, плененный в Сталинграде. Его заместителем стал бывший командир 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Эльдер Александр фон Даниэльс, также «сталинградец». Несколько позже к СНО присоединился и генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. СНО примкнул к Национальному комитету «Свободная Германия».

К весне 1945 года «Союз немецких офицеров» насчитывал около четырех тысяч членов (один генерал-фельдмаршал, пятьдесят один генерал, сорок полковников, более пятидесяти подполковников, примерно сто пятьдесят майоров, четыреста капитанов, свыше трех тысяч обер-лейтенантов и лейтенантов).

Оба лагеря, как и обе антифашистские организации, стали настоящим резервом кадров советской разведки.

Очень скоро активная патриотическая и антигитлеровская деятельность НКСГ и СНО стала серьезно беспокоить командование вермахта и нацистские спецслужбы.

В январе 1944 года начальник Четвертого управления НКГБ Павел Судоплатов получил шифровку от «Тимофея» — командира разведывательно-диверсионной резидентуры (РДР) 4/190. За этим псевдонимом скрывался будущий герой Советского Союза полковник Дмитрий Медведев, а РДР под его командованием советскому народу стала известна как партизанский отряд особого назначения «Победители». «Тимофей» сообщал, что его разведчик «Колонист» через своего агента «Лик» получил достоверную информацию о следующем. В городе Ровно под вывеской частной зуболечебницы функционирует секретная школа диверсантов-террористов, предназначенных для переброски через линию фронта в советский тыл. Руководил ею до конца ноября 1943 года опытный сотрудник ведомства Шелленберга штурмбаннфюрер СС фон Ортель. В школе из числа бывших сотрудников НКВД подготовлены и уже заброшены (или

находятся в процессе заброски) два боевика. Их задача: проникнуть в СНО и убить генералов фон Зейдлица-Курцбаха и фон Даниэльса[133].

Судоплатов незамедлительно передал служебную записку с этой важной информацией начальнику Второго (контрразведывательного) управления НКГБ Федотову. Поставлен был в известность о готовящемся покушении и полковник Коротков, поскольку и он, и его сотрудники вели по своей линии кропотливую работу с обоими генералами, а также другими активными деятелями НКСГ и СНО. Совместными усилиями были предприняты меры, сделавшие невозможным злодейский террористический акт.

Из сказанного выше вовсе не следует, как иногда утверждается в зарубежной печати, что СКСГ и СНО были всего лишь крышей для советской разведки. Вовсе нет. Основная деятельность этих организаций была чисто пропагандистской. Представители НКСГ и СНО (в том числе и в высоких чинах) выезжали на фронты, через громкоговорящие установки обращались к немецким военнослужащим по ту линию передовой с призывом порвать со службой в гитлеровской армии, распространяли в вермахте и на территории самого рейха антифашистские листовки, вели большую разъяснительную работу в лагерях среди своих пленных соотечественников.

Среди пленных нет-нет, да и встречались весьма интересные (с точки зрения разведки) личности. Так, в лагере немецких офицеров, пленных в Сталинграде, «108/10» (Бекетовском) содержался тридцатишестилетний — следовательно, не из кадровых, — лейтенант, занимавший ранее скромную должность начальника колонны боеприпасов зенитного дивизиона 93-й дивизии разгромленной 6-й армии. И вдруг, через посредничество соседа по комнате он довел до сведения начальника лагеря, что является племянником Гитлера. Тот, разумеется, вначале не поверил, однако другие пленные офицеры подтвердили, что лейтенант Лео Раубаль действительно племянник фюрера.

Лейтенанта доставили в Москву, поместили во Внутреннюю тюрьму, где его дважды, и весьма обстоятельно, в марте 1943 года допрашивал полковник Коротков.

Эту фамилию — Раубаль — Александр Михайлович, разумеется, знал, будучи признанным специалистом по нацистской Германии. Из всех своих довольно многочисленных родственников Гитлер был привязан лишь к своей сводной сестре Ангеле, которая одно время, еще до прихода его к власти, была кем-то вроде домохозяйки в мюнхенской квартире фюрера. У нее

было двое детей: уже названный Лео и дочь Ангела, сокращенно Гели.

Хорошенькая девушка, и это вовсе не сплетни и досужие слухи, была на протяжении нескольких лет любовницей своего дяди! В сентябре 1931 года при невыясненных по сей день обстоятельствах девушка застрелилась в мюнхенской квартире Гитлера.

Протоколы обоих допросов Раубаля сохранились. Кроме того, по заданию Короткова лейтенант в камере написал подробную справку о родственниках Гитлера, его привычках, распорядке дня, круге интересов. Кроме того, Раубаль дал характеристику многим людям из ближайшего окружения фюрера, выделил степень их влияния на Гитлера. Информацию, полученную от Лео Раубаля, Коротков незамедлительно в письменной форме докладывал непосредственно наркому Меркулову.

По мнению автора, эти материалы были важны руководству наркомата, поскольку еще не был отменен Сталиным план физического уничтожения Гитлера.

Впоследствии, в конце войны и первые месяцы после ее окончания, эти сведения пригодились, когда некоторые лица, упомянутые в справке Раубаля, оказались в советском плену.

По роду своих служебных обязанностей лейтенант Лео Раубаль до своего пленения вряд ли сделал хоть один выстрел. Однако в 1949 году он был осужден на 25 лет лагерей как… военный преступник! По сталинской логике, преступлением являлось уже само родство с фюрером. Так, в тюрьме умерла простая австрийская крестьянка, которая, хоть и приходилась Гитлеру то ли двоюродной, то ли троюродной сестрой, но никогда в жизни его даже не видела!

Лео Раубалю все же повезло. Он выжил в лагере и в 1955 году, после визита в Москву канцлера ФРГ Аденауэра, был в числе нескольких сот осужденных за военные преступления немецких генералов и офицеров освобожден и вернулся на родину. Дальнейшая его судьба автору неизвестна.

К работе на советскую разведку были привлечены, возможно, сотни солдат и офицеров из числа пленных, ничтожно малое количество из миллионного к концу войны контингента лагерей.

Александр Коротков с самого начала понимал, что некоторые, пусть немногие пленные, ставшие сознательными антифашистами, тем более перебежчики, после соответствующей проверки и подготовки могут стать даже лучшими разведчиками, нежели политэмигранты. Последние совсем или почти совсем не знали реальной жизни в нацистской Германии военного времени, поскольку были давно оторваны от родины. Многие из них не

служили в армии или служили давно, не представляли порядков в вермахте, взаимоотношений между военнослужащими, специфической армейской среды. Наконец, едва ли не все эмигранты числились в розыскных книгах гестапо, спецслужбы располагали их фотографиями или приметами, установили жесткий, хотя и неприметный контроль за родственниками и близкими друзьями.

За период войны в ближние и дальние тылы германской армии, а также в саму Германию и союзные либо оккупированные ею страны были заброшены сотни разведчиков из числа вчерашних солдат и офицеров вермахта. Их вклад в разгром нацизма, у кого больший, у кого меньший, несомненен. История одного такого немца воистину удивительна, ибо он участвовал во взятии Берлина.

Его звали Хайнц Мюллер. Унтер-офицер. Принадлежал к числу так называемых «непрозрачных немцев» (не правда ли, очень выразительный термин, придуманный в гестапо для неблагонадежных фольксдойче, то есть соотечественников). Таких обычно на фронт не посылали, оставляли служить в тыловых частях. Поэтому, авиамеханик Мюллер попал на фронт лишь в конце 1943 года, когда ему было уже двадцать восемь лет. Улыбчивый блондин с добрыми глазами принимал участие в антифашистском движении в Самарской области. Несколько раз подвергался арестам, последний завершился двухлетним заключением в концлагере.

После призыва в люфтваффе Мюллера направили в школу авиамехаников в Австрию, потом к месту службы во Францию. В ноябре 1943 года его перевели в Одессу, в 1-ю военно-транспортную воздушную эскадру. Самолеты эскадры «Ю-52» снабжали боеприпасами и продовольствием уже отрезанные Красной Армией части вермахта в Крыму и районе Николаева.

4 января 1944 года на обратном пути из Крыма в Одессу бортмеханик Мюллер, угрожая оружием, заставил пилотов транспортного «юнкерса» с бортовым номером НХ-АП изменить курс и совершить посадку на территории, уже освобожденной советскими войсками. Первому же подоспевшему капитану Красной Армии Мюллер протянул пять пистолетов собственный и четыре отобранных у членов экипажа, свои документы и… справку о пребывании в концлагере Дахау.

В штабе истребительной авиачасти Мюллер дал подробную информацию о своей эскадре а также о блокированной в Крыму 17-й немецкой армии.

Потом была Москва, Красногорск, лагерь 27/I, Центральная антифашистская школа. В августе 1944 года Мюллер был

официально освобожден из плена. Его привезли в Москву и поселили на одной из конспиративных квартир, которыми располагал отдел полковника Короткова.

Личные данные Мюллера, черты его характера, убежденный антифашизм, наконец, военная профессия, сразу подсказали Короткову, в каком качестве возможна заброска Мюллера во вражеский тыл, причем непосредственно в Германию, а еще точнее, — в Берлин.

Для дальнейшей подготовки Мюллера и его напарника по будущему заданию Пауля Лампе перевезли в подмосковный дачный поселок Быково по Московско-Рязанской железной дороге. Имена им для удобства оставили собственные. Мюллеру присвоили псевдоним «Мельник» (собственно, перевод его фамилии с немецкого на русский язык) и личный номер 70860.

Окончательное боевое задание напарники получили в октябре 1944 года. Им предстояло проникнуть в столицу «третьего рейха», определить значение и местонахождение важного засекреченного учреждения, интересовавшего советскую разведку, а также совершить уже по своему усмотрению несколько боевых операций. С этой целью их снабдили взрывчаткой и взрывателями с часовым механизмом. Первую явку им назначили на квартире супругов Карла и Гертруды, давних советских агентов, проживавших на Франкфуртер-аллее.

В Берлин разведчики добирались сложным и долгим маршрутом. Вначале их сбросили с парашютами в условленное место за линией фронта. Тут их встретили партизаны и вывели к станции железной дороги. Им пришлось на поездах пересечь две границы, в том числе югославскую. (Этот путь выбрал сам Коротков. В сражающейся Югославии, частично уже освобожденной, частично еще оккупированной, он бывал не раз и сам, передавая маршалу Тито послания и иные документы советского руководства.) Путь были окольный, но себя оправдал, поскольку немецкие спецслужбы менее всего могли предположить, что его используют советские разведчики, пробирающиеся в Берлин.

У напарников были прекрасные документы: у Мюллера на имя военного корреспондента обер-лейтенанта авиации Хайнца Крюгера, у Пауля Лампе — также военного корреспондента лейтенанта авиации Пауля Лемана.

Через хозяев первой квартиры Пауль Лампе выяснил, что в Берлине уцелели некоторые его старые знакомые антифашисты. Напарники установили с ними связь. В итоге образовалась подпольная группа, насчитывающая до пятнадцати человек. Жилище одной из супружеских пар на Бокхагенерштрассе, 26

стало их явочной квартирой.

Путем наблюдения разведчики и их помощники установили, что на Шварцергрунд находится важный военный объект — штаб, в чьи функции, в частности, входит организация обороны Берлина на дальних рубежах.

Затем Мюллер, используя один из выданных ему на крайний случай документов — удостоверение уполномоченного контрразведки 3-го военного округа (Берлин), вошел в доверие некоего пожилого господина, являвшегося сотрудником РСХА. Выяснил это обладатель шикарной летной формы обер-лейтенант Крюгер от хорошенькой официантки в ресторанчике на Иоахимшталлерштрассе, куда он регулярно захаживал, где и приметил сего господина, в котором наметанным глазом определили старого полицейского служаку. А хорошенькой официантке он приходился родным дядей.

В конечном итоге Хайнц выяснил, что исчезнувший некоторое время тому назад из поля зрения советской разведки важный объект спецслужб рейха перебрался из Берлина в Карлсбад (ныне Карловы Вары).

Шифровка с информацией об обоих объектах была передана в Москву.

Затем у Мюллера возник дерзкий план: взорвать в берлинском районе Далем установленный им крупный штаб. Одно неприятное происшествие, которое едва не привело к провалу, заставило его ускорить выполнение замысла.

Мюллер и Лампе хоть и имели подлинные документы, старались избегать встреч с патрулями. Но однажды все же нарвались на такой патруль. Пожилой лейтенант с «Железным крестом» еще Первой мировой войны, явный ландштурмист, в подлинности солдатской книжки (удостоверение личности для военнослужащего) Мюллера не усомнился, но обнаружил какую-то неточность в командировочном предписании. Он извинился перед старшим по званию, но все же настоятельно предложил проехать в главную военную комендатуру на Фридрихштрассе. Они поднялись на платформу Ангальтского вокзала и вошли в вагон городской железной дороги. Патрульные держались с обер-лейтенантом корректно и не пытались блокировать его, что и спасло разведчика.

На одном из переговоров электричка замедлила ход на участке, где шел ремонт после недавней бомбардировки. Мюллер незаметно нащупал за спиной ручки обеих дверных створок, с силой рванул их в разные стороны и прыгнул на мягкую, разметанную взрывами фугасок землю. И тут же электричка снова набрала скорость…

Взорвать штаб в Далеме Мюллер хотел, используя начиненную взрывчаткой машину, желательно с номерным знаком вермахта. Легче всего захватить такой автомобиль можно было неподалеку от штаба на прямой как стрела, автостраде, проходящей в западной части Берлина.

На операцию Мюллер, Лампе и еще два их товарища вышли 31 марта. Кроме оружия (пистолетов, гранат) и взрывчатки, у них имелся добытый с некоторыми сложностями жезл регулировщика.

От станции Варшауэрштрассе четверка, сделав пересадку на узловой станции Весткройц, доехала на электричке к 12 часам дня до станции Грюнвальд, здесь вышла, направилась в сторону леса и к автостраде.

По плану Мюллер и Лампе прохаживались с жезлом по проезжей части, высматривая подходящую машину. Товарищи со снаряженным боезарядом ожидали их сигнала в придорожных кустах. Дежурить разведчикам пришлось почти два часа — движение по автостраде было редким, проезжавшие машины по разным причинам их не устроили.

Наконец, они остановили явно подходящий шестиметровый лимузин с военным номером. Пассажиров было трое, все в эсэсовской форме. Заднее сиденье и пол салона были завалены опечатанными пакетами.

Мюллер застрелил всех троих и оттащил их тела в кусты. И в этот момент, как на грех, подъехала еще одна машина и остановилась. Из нее вышли тоже трое, тоже в эсэсовской форме. На обшалагах левых рукавов их френчей красовались черные, с вышитыми серебром буквами «СД». Наверно, завидев стоящий на дороге штабной автомобиль, эти эсесовцы, сотрудники «СД», резонно решили, что произошла поломка и остановились, чтобы оказать помощь.

Операция явно срывалась. Мюллер дал товарищам сигнал уходить и кинулся в сторону проходящей параллельно автостраде железной дороги. Вслед ему загремели выстрелы…

Все же им чертовски повезло: прежде, чем эсэсовцы успели поднять тревогу и блокировать все автобусные остановки в этом районе, разведчики успели сесть в обычный рейсовый автобус, доехать на нем до ближайшей станции подземки и скрыться. Ночевали они на одной из своих конспиративных квартир на Семиондахштрассе.

3 апреля по радио было передано, а в самой читаемой берлинской газете «Берлинер моргенпост» напечатано сообщение об убийстве на автостраде трех служащих полиции безопасности. За поимку виновных была назначена огромная награда — сто

тысяч рейхсмарок. К 12 апреля эта сумма возросла до миллиона!

К этому дню Красная Армия уже почти вплотную подошла к Берлину, и Мюллер решил накануне близко штурма столицы осуществить эффективную диверсию, чтобы реально помочь наступающим советским войскам. Путем визуального наблюдения в районе Восточного речного порта на Променаденаллее рядом со станцией городской электрички он обнаружил крупный склад артиллерийских снарядов и орудий.

Используя свою офицерскую форму, Мюллер проник на склад (ему помогали еще четыре подпольщика) и заложил там взрывное устройство… Колоссальной мощности взрыв случайно совпал с очередной бомбардировкой города. Немцы решили, что взрыв склада произошел от детонации или прямого попадания авиабомбы.

Последний оставшийся у Мюллера заряд из «московского запаса» он использовал, чтобы так же нахально взорвать склад с фаустпатронами неподалеку от Рудольфплац. Последняя же диверсия, осуществленная группой Мюллера, носила прямо противоположный характер: в том же Восточном порту они предотвратили взрыв склада с продовольствием, предназначенного для снабжения гражданского населения.

23 апреля завершилась активная деятельность обер-лейтенанта Крюгера, когда по всему Берлину уже шли ожесточенные уличные бои. К сожалению, при этом погибли два его товарища…

25 апреля Хайнц Мюллер вышел из своего последнего убежища на Рампештрассе (благоразумно переодевшись в гражданскую одежду), выглядел первого попавшегося ему навстречу советского офицера и на ломаном русском языке попросил отвести его в ближайший штаб.

Информация, собранная его группой, была использована командованием Красной Армии в завершающую неделю битвы за Берлин[134].

В связи с работой по военнопленным Короткову в последние полтора года войны пришлось не раз иметь дело со своим давним начальником по Берлину. После Узбекистана Амаяк Кобулов был назначен заместителем начальника Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (в 1951 году он стал начальником этого управления — уже не главного, и заместителем начальника ГУЛАГа). Теперь он был комиссаром госбезопасности третьего ранга (а с лета 1945 года генерал-лейтенантом).

С Кобуловым Коротков вполне ладил, поскольку в разговорах с ним старался не задевать его самолюбия, к чему Амаяк, как все

кавказцы, был весьма чувствителен. Впрочем, Кобулов-младший был прекрасно осведомлен о том, что Коротков с берлинских времен вырос в одного из видных ответственных сотрудников внешней разведки, что он пользуется авторитетом у обоих наркомов — и Меркулова, и Берии. Потому и сам относился к Короткову если не как к ровне, то близко к тому.

Из тех, кто служил с Коротковым вместе в годы войны, сегодня живы двое: уже упоминавшийся ранее Борис Журавлев и Виталий Чернявский. Ветеран внешней разведки, ныне литератор Чернявский закончил Московский институт стали в июне 1941 года и, естественно, был сразу призван в Красную Армию, причем, по разнарядке ЦК ВКП(б). Диплом он защищал на так называемом спецфакультете по теме «Производство броневой стали». Должно быть, по этой причине его направили служить в Особый отдел (впоследствии особые отделы были преобразованы в военную контрразведку «Смерш»)… танковой бригады. Видимо, кадровики рассудили, что специалист по броне непременно должен разбираться и в танках.

Потом был фронт, участие в жестоких, кровопролитных боях под Ржевом — в истории Великой Отечественной войны этим сражениям отведено скромное место, не сравнимое ни с обороной Севастополя, ни со Сталинградской битвой, тем более — со штурмом Берлина. Только знаменитое стихотворение Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» отражает всю трагедию и героизм советских солдат в этих боях.

В марте 1944 года старшего лейтенанта Чернявского после очередного переформирования бригады отозвали на краткосрочные курсы, а затем направили служить в дом № 2 на площади Дзержинского. Объяснение было простым: в личном деле офицера-фронтовика значилось, что он хорошо владеет немецким языком, что соответствовало действительности.

Виталий Чернявский вспоминает:

«Никогда раньше не думал, что мне придется когда-либо бывать в этом здании на площади Дзержинского, тогда еще не перестроенном, без нынешнего левого крыла. Вошел в четвертый подъезд по разовому пропуску, поднялся на седьмой этаж, отыскал в длинном коридоре дверь с нужным мне номером. Точно в назначенное время помощник провел меня в кабинет. Из-за стола поднялся молодой, высокий полковник. Фамилию я уже знал — Коротков. Должность — начальник отдела. Впрочем, что такое отдел в разведке, я тогда не представлял, понимал, однако, что раз им руководит полковник, значит, что-то вроде бригады или полка.

На столе перед ним лежала тоненькая папка — мое личное

дело, которое я никогда не видел. Не положено. Коротков предложил мне сесть. Задал несколько вопросов, потом вдруг перешел на немецкий язык, в дальнейшем вся беседа и шла на немецком. То была проверка. Потом я узнал, что Коротков терпеть не мог сотрудников, не владевших иностранными языками, даже при наличии иных достоинств.

Потом он взял с этажерки, стоявшей возле письменного стола, толстую немецкую книгу. Развернул на первой попавшейся странице, предложил прочитать несколько абзацев и пересказать по-немецки их содержание.

На этом собеседование закончилось.

— Вы зачисляетесь на должность оперуполномоченного нашего отдела. Мы занимаемся разведкой в Германии, Венгрии, Румынии, Болгарии, а также в оккупированных немцами странах — Югославии, Польше… На службу явитесь завтра с утра.

На другой день я уже сидел в небольшой комнате, через две двери от кабинета Короткова. Кроме меня здесь работали еще два сотрудника, оба старшие уполномоченные: Борис Журавлев — он служил с Коротковым еще в довоенном Берлине, и Александр Славин.

Славин был интересный человек. Родился он в буржуазной Литве, высшее образование получил во Франции, в Сорбонне. Свободно владел несколькими иностранными языками. Участвовал в работе подпольной комсомольской организации. Когда Литва вошла в состав СССР, Славина послали на службу в разведку.

Уже при мне Коротков и Славин провели интересную вербовку. Наши сотрудники регулярно выезжали в лагеря для немецких военнопленных, подыскивали людей, чем-то интересных для нашей разведки. В первую очередь, конечно, отбирали антифашистов, врагов гитлеровского режима. Их переводили в лагерь в Красногорске, где они проходили обучение. Затем некоторых из них, особо проверенных и надежных, мы засылали в Германию или оккупированные ею страны с разведывательными заведениями. Как-то надо было привезти из Лунева нужного нам немецкого офицера. Свободной машины, как на грех, не оказалось. Пришлось везти его до Москвы в электричке, а затем до нужного адреса обычным городским транспортом, к изумлению других пассажиров.

В одном из лагерей был обнаружен пленный, чья сестра, как выяснилось, работала в посольстве Германии в Турции. Коротков направил в Анкару Славина. Тот сумел завязать знакомство с этой женщиной, завоевал ее доверие, передал письмо от брата, о котором их семья давно не имела никаких известий. И успешно

провел вербовку.

Моя же служба в отделе началась с того, что Коротков рекомендовал внимательно изучить дела «Корсиканца» и «Старшины», то есть Харнака и Шульце-Бойзена, чтобы получить некоторое представление о разведке.

К слову сказать, меня, помнится, приятно удивило, что Александр Михайлович, в отличие от большинства офицеров, с которыми мне пришлось ранее иметь дело, всем сотрудникам говорил «вы». На «ты» он был лишь с несколькими старыми сослуживцами и личными друзьями».

Подводя итог работе советской разведки в годы Великой Отечественной войны, следует признать, что все же, невзирая на понесенные потери и огромные трудности, которые ее сотрудникам приходилось преодолевать, она предоставляла высшему руководству страны и командованию Красной Армии достоверную информацию. Это, в частности позволяло правительству делать серьезные долгосрочные прогнозы и, соответственно, строить свою внешнюю политику уже с расчетом на послевоенную эпоху[135]

Накануне Крымской (Ялтинской) конференции «Большой Тройки» в феврале 1945 года в Москве прошло представительное совещание руководителей разведки НКВД-НКГБ, наркоматов обороны и Военно-Морского Флота. В первый день под председательством начальника Разведуправления Генштаба генерала Филиппа Голикова, во второй — Лаврентия Берии. Обсуждался один-единственный, — зато какой! — вопрос: оценка потенциальных возможностей Германии к дальнейшему сопротивлению союзникам. Участвовал в этом совещании и полковник Коротков.

После тщательного анализа представленной разнообразной информации разведки сделали прогноз: война в Европе продлится не более трех месяцев.

Разведслужбы проанализировали также цели и намерения союзников на предстоящей конференции. Прогноз гласил: американцы и англичане пойдут на значительные уступки Советскому Союзу из-за крайней заинтересованности во вступлении СССР в войну с Японией.

Оба прогноза сбылись, что уже само по себе означало высокую оценку советской разведки, как ее способности добывать информацию, так и умению глубоко анализировать оную и делать в заключение правильные и убедительные выводы.

…В середине апреля 1945 года в составе одного из соединений войск 1-го Белорусского фронта полковник Александр Коротков в четвертый раз в своей жизни очутился в

Германии.

День 1418-й

Незабываемое и страшное зрелище являл Берлин в конце апреля — мае 1945 года. Огромный город лежал в руинах. Некоторые здания, особенно в центре, были разбиты дважды — вначале при бомбардировках с воздуха, затем повторно в ходе ожесточенных уличных боев. Проехать к рейхстагу было почти невозможно — путь повсеместно преграждали развалины. Над городом висела не успевшая осесть каменная и кирпичная пыль и стоял тяжелый смрад разлагающихся под обломками домов трупов. Разбирать завалы и извлекать тела погибших еще будут долгие дни и недели. С окон и балконов уцелевших зданий ниспадали белые простыни, а то и полотенца — отчаявшиеся, обезумившие от пережитого кошмара люди вывешивали их в знак того, что не намерены оказывать сопротивление, они словно взывали о пощаде.

На многих стенах и заборах — намалеванные яркой краской метровыми буквами крикливые лозунги-«пароли стойкости», как называли их нацистские пропагандисты. Офицеры Красной Армии, хоть немного владевшие немецким языком, читая эти «пароли» не могли не улыбаться: «Фронтовой город Берлин приветствует фюрера!», «Бороться и стоять насмерть!», «Мы никогда не капитулируем!», «Вопреки всему мы возьмем верх!»…

Александр Коротков с трудом узнавал город, с которым столько было связано в его жизни, — и разведчика, и просто человека.

Вот здание советского посольства на Унтер-ден-Линден… От него остались одни обгоревшие, испещренные снарядами-шрамами коробки. Полуразрушенный остов отеля «Адлон», чудом уцелевшая, хотя и изрядно побитая арка Бранденбургских ворот. Испещренные тысячами осколочных и пулевых ранений стены рейхстага и костлявый — одни только железные ребра — купол. Стены покрыты автографами победителей — от рядовых солдат до маршалов. Почему-то именно рейхстаг, в котором с 1933 года не проведено было ни одного заседания и который вообще не играл в политической жизни Германии при Гитлере никакой роли, стал символом Победы, а не, скажем, расположенное неподалеку помпезное когда-то здание новой имперской канцелярии фюрера…

Жалкие остатки когда-то вековых деревьев Тиргартена — любимого места отдыха, вернее, неспешного променада берлинцев. Комичное впечатление оставляла знаменитая Аллея Побед, прозванная столичными остряками «Пуппеналле» —

«Аллеей кукол». По обеим ее сторонам были установлены некогда десятки статуй (большей частью абсолютно бездарных) прусских фельдмаршалов и генералов, фюрстов и курфюстов, графов и маркграфов… Теперь те из них, что вообще уцелели, являли странное зрелище: у одних начисто снесены головы, у других отбиты руки, от иных остались лишь торсы, обильно украшенные звездами и крестами…

В разбитых клетках знаменитого берлинского ЦОО — некогда одного из лучших в мире зоопарков — трупы безвинных зверей, погибших из-за несусветной гордыни и политического тщеславия представителей «высшей расы».

К радости Победы у Короткова, в отличие от сотен тысяч других советских солдат и офицеров, заполонивших в эти майские дни поверженную столицу «третьего рейха», примешивалась острая жалость. Как-никак, но в свое время он успел полюбить этот город, в котором для него существовали не только рейхстаг, имперская канцелярия на Вильгельмштрассе, здания гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и абвера на Тирпицуфер, тем более — тюрьмы Моабит и Плетцензее… У него был свой Берлин, в котором жили его немецкие друзья, аристократы и рабочие, художники и ученые… И о судьбе большей части которых он еще ничего не знал.

Относительно уцелели лишь некоторые районы города, в том числе Карлсхорст, его предместье на юго-востоке. Отсюда пробивались к центру передовые части Красной Армии. Карлсхорст, застроенный малоэтажными особняками и виллами, просто не мог быть серьезным рубежом обороны, потому его и миновали жестокие бои и сопутствующие им разрушения. Сейчас в них обосновались временно — на деле же обернулось, как это обычно у нас бывает, почти на полвека, ряд подразделений, штабов и служб Красной Армии.

Как у начальника германского отдела внешней разведки, у Короткова, разумеется, была в эти дни тьма своих специфических дел. Однако ежечасно меняющаяся обстановка приводила порой к тому, что он получал от высшего армейского начальства весьма неожиданные приказы. Один из них имел результатом превращение Короткова в личность, своего рода историческую, хотя и безымянную, но причастную к одному из самых значительных событий двадцатого века.

…29 апреля советские войска захватили в Берлине Ангальтский вокзал, теперь они могли обстреливать Потсдаммерплац и Вильгельмштрассе уже не только из орудий, но из минометов и пулеметов. В некоторых местах передовые подразделения Красной Армии пробились к бункеру фюрера на

расстоянии пятисот метров… Прежде чем покончить вместе с Евой Браун жизнь самоубийством, Адольф Гитлер составил свое политическое завещание. Он сместил со всех постов, лишил званий и наград, исключил из партии «наци № 2» Германа Геринга, назначил рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вооруженными силами гроссадмирала Карал Деница. Новым рейхсканцлером по этому же завещанию стал Йозеф Геббельс. Впрочем, через несколько часов Геббельс вместе с женой Магдой также покончил жизнь самоубийством. Перед этим супруги отравили своих шестерых малолетних детей.

Штабквартира рейхспрезидента Деница в это время размещалась в двух бараках на окраине Плёна, маленького городка почти на самой границе с Данией. Резиденцией же его «правительства» стал город Фленсбург, также на границе.

Несколько дней «правительство» Деница вело закулисные переговоры с западными союзниками, всяческие затягивая неизбежное — капитуляцию.

Тем не менее, в 2 часа 41 минуту 7 мая 1945 года генерал-полковник Альфред Йодль в Реймсе подписал документ о безоговорочной капитуляции перед Верховным командующим союзными и экспедиционными силами и, одновременно, перед советским Верховным Главнокомандующим всех вооруженных сил, находящихся под немецким контролем. Военные действия должны были быть прекращены 8 мая в 23 часа 01 минуту по центральноевропейскому времени. (На Западном фронте боевые действия фактически уже и так были прекращены, но на советско-германском фронте ожесточенные бои продолжались и 7 и 8 мая, а в районе Курляндской косы и позднее.)

Первоначально Йодль намеревался подписать этот документ только перед англо-американскими войсками, чтобы продолжать борьбу против Красной Армии, однако генерал армии[136] Дуайт Эйзенхауэр категорически это предложение отверг. Он предложил главе советской военной миссии при своей ставке генерал-майору Ивану Суслопарову сообщить об этом в Москву и получить санкцию на подписание Акта от имени Советского Союза.

Суслопаров немедленно отправил радиошифрограмму. Но Москва молчала. Меж тем время перевалило за полночь, подступал час подписания документа. И тогда генерал Суслопаров решился на акт высочайшего гражданского мужества, что могло ему по тогдашним нравам стоить головы. Он подписал документ, однако по его предложению Эйзенхауэр и представители других союзных держав согласились сделать к тексту следующее примечание: «Это соглашение о капитуляции не следует рассматривать как окончательное. Оно будет заменено

общим договором о капитуляции с Объединенными Нациями Германии и вермахта».

Акт был подписан в таком виде, о чем генерал Суслопаров отправил тут же рапорт в Москву. И только тогда из Москвы пришла депеша: никаких документов не подписывать!

Дениц воспользовался этой отсрочкой (поскольку акт не являлся окончательным), чтобы приказать войскам на Восточном фронте еще двое суток продолжать бои против Красной Армии. Никому не нужное упрямство Сталина (по его распоряжению маршал Жуков мог спокойно долететь из Берлина до Реймса за два часа) стало жизни по меньшей мере нескольким сотням советских солдат. И немецких тоже. Лишнее подтверждение того, что никакие жертвы не могли для вождя перевесить соображения престижа.

Весь день 7 мая между СССР и союзниками шли интенсивные переговоры, они завершились согласием подписать 8 мая в Берлине Акт о безоговорочной капитуляции. Гроссадмиралу Деницу было предписано незамедлительно направить в Берлин из Фленсбурга командующих тремя родами вооруженных сил с полномочиями подписать данный окончательный документ.

В конечном счете, немецкую делегацию составили генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель от сухопутных сил, генерал-полковник авиации Ганс Юрген Штумпф от люфтваффе и адмирал Ганс Георг фон Фридебург от кригсмарине. Вместе с ними в Берлин прилетели их помощники, эксперты и адъютанты.

Во всем огромном городе отыскали один-единственный уцелевший зал, хоть сколько-нибудь подходящий для проведения в нем столь важной церемонии, на которой должны были присутствовать многие десятки людей, включая корреспондентов, фотографов, а также кинооператоров союзных и прочих держав. В зале столов бывшего военно-инженерного училища на Цвилизерштрассе в Карлсхорсте, где предполагалась встреча, немедленно начались соответствующие работы силами военных строителей и инженеров, спешно приводилась в порядок и прилегающая территория.

Заместитель наркома НКВД СССР комиссар госбезопасности второго ранга Иван Серов поручил полковнику Александру Короткову возглавить группу офицеров по обеспечению безопасности немецкой делегации. Он, то есть полковник Коротков, должен был проинструктировать немецких генералов и адмиралов, как будет проходить церемония и сопровождать их безотлучно, как во время подписания Акта, так и до самого отлета из Берлина.

Времени в распоряжении Короткова были считанные часы. И

все же он успел подготовить к размещению германских представителей небольшую виллу напротив здания военно-инженерного училища.

Во второй половине дня 8 мая транспортный самолет из Фленсбурга приземлился на берлинском аэродроме Темпельхоф. К этому времени солдаты едва успели очистить летное поле от обломков разбитых, частично сгоревших бомбардировщиков и истребителей люфтваффе. Самолет с немцами умышленно посадили последним — перед ним приземлились аэропланы с делегациями союзников, их встречали с почетным караулом и оркестром.

Самолет с Кейтелем поджидали только полковник Коротков и несколько его коллег. Козырнув, Коротков представился спустившемуся первым по трапу Кейтелю, как офицер штаба маршала Жукова. Невольно обратил внимание на длинный круглый футляр в руке Кейтеля, вроде тех, в каких хранят чертежи и географические карты, но изготовленный не из дерматина, а из натуральной кожи. Потом понял, что Кейтель для такой отнюдь не самой почетной для него церемонии, как подписание Акта о капитуляции, привез с собой… фельдмаршальский жезл!

Перед Фридрихштрассе кортежу машин с немецкой делегацией преградила колонна оборванных, безмерно усталых, похоже, безразличных ко всему на свете, включая собственную судьбу, военнопленных. Никто из них, ни солдаты, ни офицеры, не обратил ни малейшего внимания, на сидевшего в передней машине генерал-фельдмаршал, которого все знали в лицо. Вид пленных произвел на членов немецкой делегации самое удручающее впечатление. Кейтель как-то съежился. Особенно подавленно выглядел адмирал фон Фридебург, последние два года командовавший германским подводным флотом и уже целую неделю являющийся, хоть и номинально, главнокомандующим всеми военно-морскими силами Германии. Коротков нисколько не удивился, когда узнал, что 23 мая при аресте «правительства» Деница фон Фридебург покончил жизнь самоубийством.

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии описано тысячекратно, весь мир обошли тысячи фотографий и кадров кинохроники, запечатлевшие это событие, одно из самых знаменательных в истории бурного, богатого на кровавые трагедии уходящего двадцатого века. На многих из этих фотографий и кинокадров за плечом немецкого генерал-фельдмаршала присутствует моложавый советский полковник в повседневном кителе, с характерным ниспадающим чубом — Александр Коротков. Хотя в подписи ни к одному из этих

снимков его фамилия не названа.

Ровно в полночь с 8 на 9 мая истек 1418-й день Великой Отечественной войны. Ровно в полночь с 8 на 9 мая началась процедура подписания Акта о капитуляции.

На сорок третьей минуте 9 мая 1945 года Маршал Советского Союза Георгий Жуков сообщает:

— Немецкая делегация может быть свободна.

В семь часов утра 9 мая 1945 года Кейтель, Штумпф, фон Фридебург и сопровождающие их лица вылетели из Берлина…

Полковник Александр Коротков снова мог приступить к исполнению своих прямых обязанностей. Уже не столь интересных для мировой истории, но не менее важных для нашей страны.

В поверженном рейхе

Официально и, как тогда полагали, окончательно, вопросы послевоенного устройства Германии были определены на Потсдамской конференции глав СССР, США и Великобритании 17 июля — 2 августа 1945 года. Уже по неслыханной продолжительности встречи на высшем уровне — свыше двух недель — явствует, что переговоры проходили многотрудно. Ситуация для советской стороны осложнялась и тем, что США теперь представлял не Франклин Делано Рузвельт[137], к которому Иосиф Сталин относился с большим уважением, а занявшиий его пост вице-президент Гарри Трумэн, а Уинстона Черчилля в разгар конференции сменил, в результате парламентских выборов в Англии, на которых победу одержали лейбористы, новый премьер-министр Клемент Эттли. Оба западных руководителя относились к Советскому Союзу более чем прохладно. Решающая роль нашей страны в разгроме гитлеровской Германии теперь, спустя три месяца после Победы, для них ничего не значила.

Как известно, Германия была поделена на четыре оккупационные зоны: свой «кусок пирога» решили предоставить и Франции.

Главнокомандующим Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ)[138]был назначен Маршал Советского Союза Георгий Жуков. 9 июня в Карлсхорсте была образована Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Она разместилась в том самом историческом здании, где был подписан Акт о капитуляции. Главноначальствующим СВАГ также стал Георгий Жуков. Его первым заместителем на обоих постах (позднее и преемником) стал генерал армии, впоследствии также Маршал Советского Союза Василий Соколовский.

На Потсдамской конференции было решено образовать Контрольный Совет по Германии, состоящий из главнокомандующих вооруженными силами всех оккупационных зон. Совету было поручено решать общегерманские вопросы.

В помощь Главнокомандующему и Главноначальствующему Жукову был придан политический советник высокого ранга, который со своим аппаратом исполнял функции дипломатического характера, это являлось как бы своего рода маленьким филиалом Наркоминдела. Советник должен был поддерживать связи с союзниками, осуществлять контроль за работой советских сотрудников в Контрольном Совете и в Союзной комендатуре Берлина, а также за выполнением

Потсдамских и иных международных соглашений. Впоследствии политический советник и его аппарат должны были поддерживать связи с органами немецкого самоуправления, иностранными корреспондентами, они же исполняли и консульские функции. Поскольку бывшее советское посольство было разрушено, аппарат политсоветника несколько лет располагался в школьном здании в восточно-берлинском районе Панков.

Первым политсоветником был Аркадий Соболев, однако вскоре его сменил Владимир Семенов, до войны работавший советником посольства СССР в Берлине[139].

После того как миллионы людей во всем мире видели полковника Короткова (пускай и без объявления его подлинной или вымышленной фамилии) рядом с генерал-фельдмаршалом Кейтелем при подписании Акта о капитуляции в Карлсхорсте на газетных фотографиях и в кадрах кинохроники, он стал, как бы сегодня сказали, в какой-то степени фигурой публичной. Правда, никому из союзных офицеров или корреспондентов, разумеется, не сообщили, что он — полковник разведки. Но те из иностранцев, «кому следовало», конечно, взяли его на заметку. К тому же, среди присутствующих на церемонии или видевших ее на экранах кинотеатров, наверняка были люди, работавшие до войны в Берлине. Кто-то из них либо был знаком с советским гражданином по фамилии «Коротких», либо просто по профессиональной привычке намертво запечатлел его облик в памяти. Превращение скромного служащего торгпредства в высокопоставленного полковника (а армейский обладатель такого же звания никак не мог появиться здесь в этот час и на этом месте) позволяло сделать вполне определенные выводы. Впрочем, теперь это не имело особого значения. Руководящие сотрудники спецслужб ведущих стран мира — раньше или позже все равно выявляли друг друга.

Эти соображения определили новое назначение Короткова. Очень быстро из офицеров разведотделов трех фронтов: 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского, а также нескольких сотрудников, присланных из Москвы, был образован единый разведорган — резидентура, непосредственно подчинявшаяся Первому главному управлению НКГБ СССР. Резидентом ПГУ в Советской зоне оккупации Германии стал полковник Александр Коротков в должности помощника политического советника. Семенов и Коротков прекрасно знали друг друга по работе в довоенном Берлине. Для Семенова, тогда второго лица в полпредстве, естественно, не было секретом, чем в основном занимается скромный сотрудник по фамилии «Коротких». Так что изменению фамилии, переводу ее с сибирского окончания «их» на

общероссийское «ов» Владимир Семенов нисколько не удивился. Достаточно быстро привык он к подлинному имени-отчеству своего помощника — Александр Михайлович. Семенов и Коротков вполне ладили друг с другом, тем более, что были к тому же и ровесниками.

Новая высокая должность Короткова вовсе не являлась всего лишь прикрытием для разведывательной и контрразведывательной работы. Слишком уж часто в первые послевоенные месяцы, да и годы, эти вопросы сплетались с политическими, экономическими и, к сожалению, военными проблемами. И работать приходилось не только по Германии, но и по вчерашним союзникам: США, Англии, в меньшей степени Франции. Так что резидент разведки одновременно должен был быть настоящим помощником политсоветника, а при решении некоторых серьезных вопросов и самого маршала Жукова, чей крутой нрав был хорошо известен в войсках[140].

По службе Короткову приходилось также повседневно поддерживать деловые отношения и с заместителем Главноначальствующего Иваном Серовым. Тут тоже надо было проявлять известную дипломатичность, хотя напрямую Коротков подчинялся ПГУ, но ПГУ было далеко, а Иван Серов рядом. И был он как-никак долгое время заместителем не только Жукова, но и наркома НКВД Берии. К тому же имел высокое звание комиссара госбезопасности второго ранга, а с июля генерал — полковника.

С Семеновым, хоть и давние знакомцы, тоже надо было выдерживать определенный политес: политсоветник выходил напрямую на Молотова, в ту пору второе лицо в партии и государстве! Так что Коротков в известном смысле очутился в центре квадрата «Жуков — Берия — Молотов — Меркулов» со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами и возможными, в случает серьезных промахов, тяжелыми последствиями.

…Здесь автор считает необходимым сделать небольшое отступление, чтобы напомнить читателю о том, как развивались события в Германии в первый период после 9 мая 1945 года.

Политика советского руководства в германском вопросе не раз менялась, и радикально. В зависимости от этого перестраивались и оккупационные органы. Поначалу правительство СССР выступало за единую демилитаризованную Германию. Сталин полагал, что это облегчит проникновение советского влияния в Западную Европу, усилит позиции СССР на международной арене вообще.

Однако именно этого не хотели западные державы. Им вовсе не улыбалось присутствие в сердце Европы мощной, развитой в промышленном отношении страны под советским влиянием.

Поэтому сомнительные, с западной точки зрения, советские предложения об объединении Германии были спущены на тормозах, некоторые попросту отвергнуты.

В 1946–1947 года во всех четырех зонах оккупации прошли выборы в органы местной власти. Сталину они принесли разочарование. Немцы, оказывается, вовсе не жаждали сменить одну тоталитарную систему на другую. Тогда советское руководство резко изменило курс в германской политике: оно начало укреплять свои позиции методом ускоренного строительства социализма в своей зоне оккупации. Завершился этот этап образованием ГДР. Правда, несколько раньше, союзники сами слили американскую и английскую зоны, образовав так называемую «Бизонию», к которой присоединилась и французская зона. Образовалась уже «Тризония», в которой была введена собственная валюта, взамен прежней оккупационной, единой для всех четырех зон. Кончилось это провозглашением ФРГ. Очень важно помнить, что хотя оба государства появились на свет в одном и том же 1949 году, но Федеративная Республика Германии родилась все же раньше, нежели Германская Демократическая Республика. Сие означало раскол Германии на неопределенное время — как оказалось, на долгие сорок лет. Все разговоры об объединении страны после 1949 года, заключении (наконец-то!) мирного договора отныне носили лишь пропагандистский характер, причем, с обеих противостоящих сторон.

Тогда-то и выяснилась крупнейшая ошибка сталинской политики, согласившейся на разделение не только Германии, но и Берлина на четыре сектора. Раскол германской столицы на Западный и Восточный Берлин стал головной болью на те же сорок лет, как для Советского Союза, так и для ГДР, объявившего, кстати, Восточный Берлин своей официальной столицей!

Блокада Западного Берлина 1948 года, длившаяся 343 дня, закончилась для СССР полным конфузом, поскольку американцы сумели наладить «Воздушный мост» и успешно снабжать население трех секторов продовольствием и всем прочим, необходимым для более или менее нормальной жизни.

Однако вернемся в 1945 год.

5 июня по полномочию своих правительств маршал Георгий Жуков, генерал армии Дуайт Эйзенхауэр, фельдмаршал Бернард Монтгомери и генерал Ж. М. де Латр де Тассиньи подписали Декларацию о поражении Германии и взятии правительствами четырех держав на себя верховной власти в стране. На следующий день Совнарком СССР утвердил положение о Советской военной администрации в советской зоне оккупации в Германии — СВАГ,

о чем читатель уже уведомлен. Здесь стоит лишь добавить, что в структуру СВАГ входили его земельные[141] подразделения, а также многочисленные комендатуры в городах и крупных населенных пунктах.

10 июня маршал Жуков своим приказом разрешил деятельность в советской зоне оккупации анифашистских организаций и демократических партий. В западных зонах на такой шаг решились лишь через полгода.

20 апреля 1946 года состоялся объединительный съезд коммунистов и социал-демократов. На нем был провозглашено создание Социалистической Единой партии Германии — СЕПГ, правящей политической партии в будущей ГДР. Сопредседателями СЕПГ стали Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. В ГДР они заняли посты, президента и премьер-министра.

До конца 1948 года Сталин, похоже, еще верил в возможность воссоединения Германии. В Восточном секторе Берлина уже подыскивали здания, в которых могло бы разместиться будущее правительство объединенной страны. Различные министерства действительно через год в них въехали… Но не единой Германии, а Германской Демократической Республики, провозглашенной 7 октября 1949 года. (Месяцами ранее на Западе было объявлено о создании ФРГ.)

В связи с этим событием Совет Министров СССР передал все функции управления бывшей советской зоной оккупации Временному правительству ГДР. Вместо СВАГ была создана Советская Контрольная комиссия (СКК) под началом генерала армии и будущего маршала Василия Чуйкова. В мае 1953 года, уже после смерти Сталина, СКК была заменена аппаратом Верховного комиссара СССР в Германии во главе с послом Владимиром Семеновым. После нормализации отношений СССР с ФРГ и эта структура была упразднена. СССР установил нормальные дипломатические отношения с обоими германскими государствами на уровне послов.

Имелась ли реальная возможность объединить Восточную и Западную Германию в просто Германию, по крайней мере, в первые пять лет после окончания Второй мировой войны?

По мнению автора, возможно и спорному, имелась. Если бы… Общеизвестно, что история не знает сослагательного наклонения. Тем не менее… Такая возможность имелась. Ее похоронила начавшаяся и вовсе не по инициативе СССР (правда, ее активно поддержавшего рядом своих действий) так называемая «холодная война».

Долгие годы в СССР было принято считать началом «холодной войны» знаменитую печально «Фултоновскую» речь в

марте 1946 года экс-премьера Великобритании Уинстона Черчилля. По мнению автора, Черчилль лишь дал откровенную формулировку уже сложившейся ситуации на международной арене, и более справедливо считалось началом «холодной войны» (которая по меньшей мере четыре раза могла перерасти в «горячую») тот апрельский день 1945 года, когда Гарри Трумэн опустился в президентское кресло в Овальном кабинете Белого дома. С первого же часа своего президентства Трумэн взял курс на запугивание «русских». Уверенный, что монопольное владение атомной бомбой дает США полное военное преимущество над Красной Армией, Трумэн не догадывался, что Сталина можно обмануть (это в какой-то степени удалось в свое время Гитлеру), но невозможно запугать.

Когда на Конференции в Потсдаме Трумэн сообщил Сталину об успешном испытании в США нового оружия неслыханной мощи, то на основании сдержанной реакции советского лидера — тот и бровью не повел, он сделал поспешный вывод, что «дядя Джо»[142] попросту ничего не понял. На самом деле Сталин все прекрасно понял. А удивления не высказал по самой простой причине, потому как действительно не был удивлен. О том, что в США ведутся работы по созданию сверхоружия, он знал раньше Трумэна. От своей разведки. Хотя оные работы в Лос-Аламосе тогда были столь засекречены, что о них в свое время не был поставлен в известность даже вице-президент США, то есть Гарри Трумэн.

Но Трумэн пытался не только запугивать. Он подводил под словесную угрозу вполне реальное основание. Уже в сентябре 1945 года высшее американское руководство наметило на территории СССР двадцать городов, по которым оно было готово нанести «превентивные» атомные удары. В качестве целей были избраны Москва, Ленинград, Свердловск, Новосибирск, Челябинск, Горький, Омск, Ташкент, Баку, Куйбышев, Магнитогорск, Нижний Тагил, Саратов, Казань, Иркутск и Пермь. Для этого предполагалось использовать весь тогдашний запас атомных бомб — около двухсот.

…Может показаться странным, но в первый год нахождения в Германии после Победы Короткову и его сотрудникам, тогда еще весьма немногочисленным, пришлось работать куда более напряженно, нежели даже во время войны. Очень уж много задач, к тому же весьма разноплановых, пришлось решать советской военной администрации и разведке.

В первую очередь следовало восстановить сильно порушенную за годы войны агентурную сеть в самой Германии, а точнее — создавать ее почти заново. Увы, из старых друзей

уцелели считанные единицы. Основные группы, в том числе, как уже известно читателю, почти полностью «Красная капелла», были разгромлены гестапо еще в 1942–1943 годах. Кое-то погиб на фронте, будучи мобилизованным в вермахт, иные нашли смерть в собственных домах при жестоких бомбардировках и артобстрелах, третьих просто разметала по свету военная судьба.

Некоторой базой новых кадров стали (хотя и не в таких масштабах, как рассчитывали Коротков и его коллеги) бывшие немецкие военнопленные, прошедшие перевоспитание в антифашистских школах. Правда, многие из них, особенно обладающие подходящим образованием и организаторскими способностями, были направлены на важную работу в создаваемые органы местного самоуправления, антифашистские политические партии и общественные организации. Со временем из них выросли руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, политически деятели, даже министры.

Одновременно проводилась непростая работа по выявлению и задержанию немецких военных преступников, кадровых сотрудников нацистских спецслужб: СД, гестапо, ГФП, абвера, а также поиски принадлежащих этим учреждениям секретных архивов. Последнее было делом огромной важности: в них могли и должны были содержаться сведения о разведчиках и агентах, еще не выявленных на территории Советского Союза, других стран, в том числе и в самой Германии.

Многие военные преступники и видные сотрудники спецслужб либо успели бежать из Германии в другие страны (даже в некоторые государства Латинской Америки!), либо укрывались у союзников, в западных зонах оккупации. Гитлеровским спецслужбам ничего не стоило в предчувствии, а точнее, в трезвом понимании неминуемого разгрома «третьего рейха», заготовить потребное количество любых документов (в том числе подлинных паспортов, изъятых у своих жертв), в их распоряжении имелись также огромные ценности в твердой валюте, бриллиантах, золоте, произведениях искусства. Многие активные сотрудники СД и гестапо заранее, у надежных хирургов, удаляли оперативным путем характерную эсэсовскую татуировку под мышкой левой руки — руны и группу крови. Кое-кто наносил на левую же руку иную татуировку — номер заключенного концлагеря. Правда, такое могли себе позволить лишь лица астенического телосложения, тощие от природы. Известны отдельные случаи, и когда эсэсовцы пытались выдать себя за пострадавших, но чудом выживших… евреев, для чего шли на несложную операцию обрезания.

Бывший рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер для маскировки сбрил свои усики, расстался с пенсне и переоделся в форму рядового ландштурмистра, но был задержан, опознан, однако успел раздавить спрятанную в искусственном зубе крохотную ампулку с цианистым калием. Бывший рейхскомиссар Украины и гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох много лет скрывался под видом сельскохозяйственного рабочего, но был изобличен, осужден польским судом и в весьма преклонных годах умер в тюрьме. Бывшего оберштурмбаннфюрера СС и партнера Генриха Мюллера по игре в шахматы Адольфа Эймана разыскала израильская разведка спустя шестнадцать лет после окончания войны. Его тайно вывезли в Израиль, судили и повесили.

Как стало известно позднее, бывшие офицеры СС даже создали глубоко эаконспирированную организацию под названием «Одесса»[143], которая успешно занималась укрывательством, обеспечением документами и деньгами своих бывших сослуживцев, а главное, помогала им перебираться в «безопасные» страны, как правило, с диктаторскими режимами. Одним из руководителей «Одессы» стал бежавший при странных обстоятельствах из лагеря для военнопленных Отто Скорцени.

К сожалению, значительную часть архивов спецслужб гитлеровцы успели частично уничтожить, частично замуровать в обстановке глубокой секретности в укромных местах, вроде заброшенных штолен и катакомб, кое-что попало в руки союзников (например, картотека на всех — а это миллионы — членов НСДАП). Генерал-майор Райнхард Гелен, бывший шеф разведоргана «Иностранные армии Востока» (к которым, в первую очередь, относилась, разумеется, Красная Армия), так тот попросту передал американцам все свои архивы вместе с агентурой, чем обеспечил сове послевоенное благополучие.

Тем не менее Короткову и его коллегам все же удалось отыскать некоторых профессиональных разведчиков из обеих основных разведслужб «третьего рейха» — СД и абвера, а также довольно много секретных нацистских документов, имевших тогда далеко еще не историческое значение.

Иногда случались подлинные неожиданности. Так, в городе Галле был обнаружен (по доносу домохозяйки) и задержан не кто иной, как… полковник Вальтер Николаи, тот самый руководитель германской военной разведки в годы Первой мировой войны, чем портрет украшал кабинет шефа абвера адмирала Фридриха Вильгельма Канариса… Николаи подвергли многочисленным, но вполне коррективным допросам. Однако старый волк от разведки после прихода Гитлера к власти пребывал не у дел, и ничего важного для допрашивающих его офицеров рассказать не мог.

Вскоре он умер.

Штат собственного аппарата Короткова, как резидента, был до смешного мал — в сорок пятом году под его непосредственным началом насчитывалось не более двадцати сотрудников, к тому же не все достаточно хорошо владели немецким языком.

Правда, значительную часть бремени хлопот и забот волей-неволей взяли на себя офицеры военной контрразведки, служившие во всех значительных населенных пунктах советской зоны оккупации.

Для решения этих задач Короткову пришлось за неполный год несколько раз выезжать в Австрию, Чехословакию, Венгрию и некоторые другие страны. Поездку в Венгрию он использовал, в частности, чтобы отыскать, наконец, могилу любимого племянника Севы, погибшего здесь в последние недели войны.

При подготовке процедуры подписания Акта о капитуляции Германии у Короткова установились хорошие отношения с некоторыми американскими и английскими офицерами и генералами. Тогда они видели в нем высокопоставленного полковника, входящего в ближайшее окружение маршала Жукова, который пользовался у союзных военных огромным, причем вполне искренним, уважением. Потому Короткову и поручено было провести нескольких акций деликатного свойства.

Первая была связана с именами двух одиозных личностей, ближайших сподвижников генерала — председателя Андрея Власова. Сам Власов и несколько человек из его штаба были схвачены еще в мае 1945 года. Однако самые видные власовцы Василий Малышкин и Георгий Жиленков бесследно исчезли.

Особое значение в высших кругах придавали поимке Жиленова. Дело в том, что Жиленков, тогда всего тридцати двух лет от роду, принадлежал к… партийной элите, хотя и не к высшему ее эшелону. До войны он был вначале освобожденным секретарем парткома на крупном московском заводе «Калибр», а затем стал секретарем Ростокинского райкома ВКП(б). Известно, что секретари московских райкомов негласно по партийной номенклатурной иерархии приравнивались к секретарям обкомов средних областей.

Когда началась война, Жиленков был назначен членом Военного совета 32-й армии в звании бригадного комиссара[144]. Уже в октябре 1941 года он «пропал без вести», а потом объявился, живой и невредимый, в штабе Власова. Зная, с какой ненавистью немцы относятся к «большевистским комиссарам» (был приказ комиссаров и политруков в плен не брать, расстреливать на месте), Жиленков самозванно объявил себя…

генерал-лейтенантом.

Военные контрразведчики обшарили и помещение на Викторияштрассе, 10, где в отделе пропаганды Верховного главнокомандования вермахта были кабинеты Власова, а также его сотрудников, и лагерь в деревне Дабендорф к югу от Берлина, куда перебрался власовский штаб и где находились курсы по идеологической обработке нескольких сот бывших бойцов и командиров Красной Армии. В этом же лагере издавались две газеты на русском языке: «Заря» для военнопленных и «Доброволец» — для вступивших во власовскую «русскую освободительную армию, или «хи-ви»[145]. Обыскали и небольшую виллу на Кибицвеге в берлинском районе Далем, которую немцы отвели Власову под жилье. Никаких следов…

Значительно позже выяснилось, что Жиленков и Малышкин, порознь очутились в американском плену, в лагере Аугсбург. Этот лагерь был не стационарный, как бы приемный. В свое время здесь видели самого Германа Геринга, а также будущего шефа разведки ФРГ генерал-майора Райнгарда Галена. Затем Малышкина и Жиленкова перевели в лагерь под Майнгеймом. Здесь был собран цвет германского генералитета, одних только генерал-фельдмаршалов насчитывалось четверо: Вернер фон Бломберг, Вильгельм Лист, Максимилиан фон Фейхс, Вильгельм фон Лееб, а также знаменитый танкист генерал-полковник Хайнц Гудериан, занимавший в конце войны пост начальника Генштаба сухопутных сил.

Высшие инстанции поручили Короткову выяснить точное местонахождение Жиленкова и Малышкина, если они обнаружатся у союзников, то найти подходы к американцам или англичанам, убедить их выдать обоих советским властям на приемлемых условиях.

С первой частью задания Коротков справился относительно легко: оперативным путем выяснил, что Жиленков и Малышкин не погибли в сумасшедшей круговерти последних дней войны, не бежали за пределы Германии, а спокойно пребывают в вышеназванном лагере под Майнгеймом. Предприимчивый Жиленков даже открыл здесь нечто вроде мастерской по ремонту обуви и одежды для таких же, как он, обносившихся генералов и офицеров…

По ранее достигнутым соглашениям союзники должны были передать всех бывших граждан СССР советской стране. Однако эта договоренность соблюдалась далеко не всегда.

Коротков сразу понял, что прямые обращения к высшим чинам американской армии ни к чему путному не приведут. Он начал с фигур рангом пониже, но достаточно информированных и

влиятельных. Через них выяснил: американцы очень хотели бы заполучить находящегося в советском плену вместе с женой гросс-адмирала Эриха Редера. Гросс-адмирал был командующим военно-морскими силами Германии и выдающимся флотоводцем. Однако у него не сложились отношения с Гитлером, Геринг же вообще был его личным врагом. В конце концов, 30 января 1943 года Редер вышел в отставку. В признание заслуг за ним сохранили почетную должность генерального инспектора кригсмарине. На посту командующего его сменил гроссадмирал Карл Дениц. Американцы и англичане не могли простить Редеру те поражения, что тот нанес им на морских и океанских просторах. Для Советского Союза Редер большого интереса не представлял.

Получив от полковника Короткова доверительную информацию, советское руководство приняло решение обменять Редера втихую, без какой-либо информации в печати, на Жиленкова и Малышкина. Обмен состоялся без каких-либо осложнений.

Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил Эриха Редера к пожизненному заключению. Однако в 1955 году восьмидесятилетний гроссадмирал был освобожден по состоянию здоровья и умер в Киле в 1960 году.

2 августа 1946 года в СССР было опубликовано сообщение ТАСС о том, что Военная Коллегия Верховного Суда СССР за измену Родине приговорила к смертной казни А. Власова, В. Малышкина, Г. Жиленкова, Ф. Трухина, Д. Закутного, И. Благовещенского, М. Меандрова, В. Мальцева, С. Буняченко, Г. Зверева, В. Корбукова и Н. Шатова. Осужденные были повешены во внутреннем дворе Лефортовской тюрьмы.

На этом дипломатические миссии полковника Короткова не закончились. Возникла необходимость опросить двух высших немецких военачальников: бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля и бывшего начальника оперативного отдела СКВ генерал-полковника Альфреда Йодля (того самого, что 7 мая 1945 года подписал в Реймсе акт о капитуляции Германии перед западными союзниками), Германа Геринга и еще нескольких членов бывшего правительства «третьего рейха» и военных руководителей.

Содержали Кейтеля и Йодля в роскошном четырехэтажном курортном отделе в двенадцати километрах от Люксембурга, в номерах со всеми удобствами. Правда, приличия ради, окна комнат заделали решетками. Отношение к пленным было самое галантное, охрана носила чисто условный характер, и, что уж

совсем недопустимо, «узникам» дозволялось свободно и сколь угодно часто общаться между собой, следовательно, перед допросами вступать в сговор.

Сегодня можно только гадать, сколько и какой информации, далеко не исторического, а жизненно важного разведывательного, политического, экономического и прочего характера выкачали американцы из пленных генералов. Между тем советских союзников к этим лагерям не подпускали и на версту.

Все попытки советских представителей подступиться к американцам натыкались на непреодолимые бюрократические рогатки, на которые военные чиновники самой демократической страны в мире оказались на деле великие мастаки.

Тогда Коротков, уже научившийся как следует разговаривать с американцами, решил воспользоваться одной прекрасной традицией, вернее, обычаем, принятым в деловых кругах США. А именно: простое обещание, даже без свидетелей в случайном разговоре, даже с малознакомым человеком, выполняется столь же скрупулезно, как официально заключенное письменное соглашение. Когда-то, задолго до революции, такое правило царило и в среде российского купечества. Знаменитое «честное купеческое слово» соблюдалось свято, нарушение каралось всеобщим бойкотом, утратой доверия и в результате почти неминуемым разорением.

На одном из частых в первые послевоенные месяцы банкетов Коротков подошел к генерал-лейтенанту[146] Стронгу и завязал с ним достаточно интересный для собеседников разговор. К концу беседы генерал, очарованный умницей русским полковником, сам не сознавая почему, любезно дал согласие на допрос советскими офицерами некоторых содержащихся в плену у американцев высокопоставленных лиц нацистской Германии.

Группа офицеров разведки в сопровождении высококвалифицированных переводчиков[147], вооружившись соответствующим письмом генерал-полковника Михаила Малинина[148], немедленно — 16 июня явилась во Франкфурт-на-Майне, где располагался штаб командующего союзными войсками генерала армии Дуайта Эйзенхауэра.

И тут заразился скандал… Генерал-лейтенант Смит, к которому попали советские офицеры, заявил, что генерал Стронг не полномочен давать такие обещания. Начались долгие телефонные переговоры между обоими американскими генерал-лейтенантами на повышенных тонах. В конце концов все завершилось благополучно. (При этом генерал Стронг в качестве главного аргумента ссылался на… слово, данное им русскому полковнику.) Американцы даже заявили, что для «офицеров

маршала Жукова все можно» и дали соответствующее разрешение.

Поставили, однако, несколько условий: завершить допросы в течение 48 часов, при допросах должны присутствовать американские офицеры, они же будут неотлучно находиться при советской группе, никаких сведений, полученных при допросах, не публиковать. В то же время они в свою очередь высказали пожелание допросить некоторых немецких военнопленных, содержащихся в советском плену. Такое согласие, разумеется, им было дано. Надо отметить, что один из пунктов достигнутого соглашения, а именно не публиковать сведения, полученные при допросах, нашей стороной в основном свято соблюдается и по сей день. Лишь недавно опубликованы краткие записи допросов Кейтеля и Йодля, поскольку они давно утратили какую-либо актуальность. К тому же ответы на заданные тогда вопросы были частично повторены в показаниях обоих немецких военачальников на Нюрнбергском процессе, а также в воспоминаниях Кейтеля, написанных им в тюрьме.

Приведем лишь несколько отрывков из ответов Кейтеля и Йодля, которые тогда, в июне 1945 года, могли особо интересовать Короткова и его коллег как разведчиков и контрразведчиков.

Из показаний генерал-фельдмаршала Кейтеля.

«— Осветите общий оперативно-стратегический замысел немецкого Верховного командования в войне против Советского Союза.

— При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

а) исключительный размер территории России делает абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно — линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ[149], что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь — от нефти;

в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной Армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта[150].

— Какими разведывательными данными о Советском Союзе вы располагали до войны и в ходе ее и из каких источников вы эти данные получали?

— До войны мы имели очень скудные данные о Советском

Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны. Мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных действий. Например, нам так и не удалось составить картину, насколько повлияла потеря Донбасса на общий баланс военного хозяйства СССР».

Ранее Кейтель сказал:

«По докладу наших разведывательных органов, а также по общей оценке всех командующих и руководящих лиц Генштаба, положение Красной Армии к октябрю 1941 года представлялось следующим образом:

а) в сражении на границах Советского Союза были разбиты главные силы Красной Армии;

б) в осенних сражениях в Белоруссии и на Украине немецкие войска разгромили и уничтожили основные резервы Красной Армии;

в) Красная Армия более не располагает оперативными и стратегическими резервами, которые могли бы оказать серьезное сопротивление дальнейшему наступлению всех трех групп армий».

Кейтель признал, что «русское контрнаступление [под Москвой], бывшее для Верховного командования полностью неожиданным, показало, что мы грубо просчитались в оценке резервов Красной Армии».

Из показаний генерал-полковника Йодля.

«— Когда вам стало известно о военных планах Гитлера против СССР?

— В ноябре 1940 года Гитлером был издан предварительный приказ. В нем говорилось о предстоящей войне с Советским Союзом и предлагалось всем командующим разработать планы военных операций. В начале декабря 1940 года был издан оперативный приказ о подготовке войны с Советским Союзом. После получения общих указаний фюрера я вместе со своим штабом разработал план военных операций против России, доложил его фюреру, и в начале декабря на основе этого плана был составлен приказ за подписью фюрера, который и был спущен в армию, флот и ВВС».

Йодль, как и Кейтель, признал, что «мы страдали постоянно недооценкой русских сил», и привел конкретные примеры крупных провалов немецкой разведки, что привело к поражению войск на фронтах.

В первые месяцы после 9 мая советские органы госбезопасности были серьезно озабочены возможными

нацистскими заговорами, диверсионными и террористическими актами со стороны гитлеровских недобитков. Тем более, что было известно о создании в последние недели «третьего рейха» ополченческих подразделений так называемого «Вервольфа» («Оборотень»), предназначенных для совершения диверсий в тылах Красной Армии. Однако серьезного партизанского противостояния победителям не случилось. Став преемником Гитлера, гроссадмирал Карл Дениц приказал всем членам «Вервольфа» боевые действия (если таковые вообще велись) прекратить, оружие сложить. Приказ был незамедлительно исполнен с чисто немецкой точностью. Шеф «Вервольфа», в прошлом «высший СС и полицайфюрер Украины обергруппенфюрер СС Ганс Пюцман покончил жизнь самоубийством.

Существует малоизвестная, документами не подтвержденная версия, что летом 1945 года группа бывших сотрудников СД, гестапо и абвера пыталась осуществить заговор, в результате которого должны были физически уничтожены председатель Совнаркома СССР Иосиф Сталин, новый президент США Гарри Трумэн и пока еще премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Заговор был своевременно и жестко предотвращен, благодаря четкой работе в первую очередь советских разведчиков и помогавших им немецких антифашистов. Об этом рассказывал автору участник тех событий ныне покойный генерал-майор, Герой Советского Союза Михаил Прудников.

На трех встречах глав государств антигитлеровской коалиции были приняты принципиальные решения о полном разрушении военно-промышленного потенциала Германии. Все разработки военного характера, обнаруженные в лабораториях, научно-исследовательских учреждениях, конструкторских бюро, предприятиях, расположенных в советской зоне, были изъяты документация, а также соответствующее оборудование, приборы, опытные образцы вывезены в СССР.

Чтобы квалифицированно разобраться во всем этом имуществе, в Германию были командированы сотни специалистов в различных отраслях науки, промышленности, техники. Их спешно облачили в новенькую офицерскую форму, за что эти люди, явно гражданского обличья и поведения, получили в войсках насмешливое (но не злое) прозвище трофейных полковников и майоров. Среди последних был уже амнистированный и даже награжденный скромным орденом «Знак Почета», но еще не реабилитированный Сергей Королев.

Безусловно, их авторитетные отзывы играли решающую роль

в оценке конкретных объектов их возможного и желательного демонтажа и последующего вывоза. Однако многие, причем особо важные и ценные немецкие достижения, особенно в «закрытых областях», никогда не были бы обнаружены без помощи работающих в Германии профессиональных советских разведчиков и контрразведчиков. С их помощью, кстати, были найдены и огромные художественные ценности, награбленные гитлеровцами в советских музеях, картинных галереях, библиотеках, храмах…

Ныне хорошо известно, что в Германии также велись работы по созданию атомной бомбы и боевых ракет. В атомных делах немцы не преуспели, в отношении же ракет существенно вырывались вперед: ничего, подобного «Фау-2» ни в США, ни в СССР тогда не имелось.

За немецкими учеными, занятыми в этих областях, в последние месяцы войны и сразу по ее окончании спецслужбы стран-победительниц начали настоящую охоту, зачастую в достаточно жестких формах. Американцам достался, к примеру, сам Вернер фон Браун со своими ближайшими сотрудниками, что обеспечило США их последующие достижения в освоении космоса, вплоть до высадки астронавтов на Луне.

В Советском Союзе этой работой руководил заместитель наркома НКВД СССР, видный строитель и организатор Авраамий Завенягин (впоследствии заместитель председателя Совета министров СССР).

«Наводили» его людей на цель, естественно, сотрудники разведки, чью деятельность, в свою очередь курировал Александр Коротков.

Атомщиков в этих «трофейных командах», между прочим, возглавляли профессора, будущие академики, Герои Социалистического Труда Лев Арцимович и Юлий Харитон (последний удостаивался этого звания трижды).

Пользуясь полученной от разведчиков информацией и профессиональными знаниями «трофейных полковников», команды НКВД вывезли в СССР целые эшелоны новейшего (в том числе и экспериментального) оборудования, опытных установок, а также их… создателей. К слову сказать, лично Коротков и сам имел некоторые представления о том, «что и где лежит» в Германии: сказывался его опыт работы в Берлине в первую командировку под прикрытием служащего Наркомтяжпрома, а также не утратившая в этом отношении давняя информация, полученная от Лемана — «Брайтенбаха».

Депортированные немецкие специалисты впоследствии работали в Советском Союзе, особенно успешно — в некоторых

специально созданных атомных центрах. Так, в засекреченном институте близ Сухуми продолжали свои изыскания лауреат Нобелевской премии за исследования в области атомной физики Густав Герц, профессор Манфред фон Арденне (будущий президент Академии наук ГДР), профессора Петр Тиссен, Макс Стинбек и другие.

В центре на севере Челябинской области (впоследствии получившим наименование «Челябинск-70») работала еще одна группа немецких специалистов, в том числе, арестованный в Берлине как не вернувшийся на Родину много лет назад крупнейший русский радиобиолог и генетик Николай Тимофеев-Ресовский. Еще одна группа немецких «спецов» работала в городке Обнинск, который тогда еще именовался «Малоярославец-10».

Пленные немцы хоть и были лишены главного — свободы, жили в несравненно лучших условиях, нежели победители — простые советские труженники. Особенно заметна была разница в питании. По тогдашнему распространенному выражению, «фрицев» кормили «как до войны».

Большая часть немецких специалистов вернулась на Родину после смерти Сталина. Многие из них были награждены советскими орденами, кое-кто даже стал Героем Социалистического Труда и лауреатом Сталинской премии.

Официальный ранг Короткова — помощник политсоветника — вовсе не был всего лишь дипломатическим прикрытием его основной должности резидента внешней разведки. Достаточно быстро выяснилось, что политсоветник Владимир Семенов и его заместитель Александр Коротков являются в системе СВАГ самыми компетентными в германских проблемах лицами. А потому Короткову не раз пришлось в качестве эксперта давать определенные пояснения по конкретным вопросам самым высокопоставленным офицерам и генералам в советской военной администрации. Порой к нему по разному поводу обращались за консультацией и наезжавшие в Берлин крупные работники из Москвы.

Видимо, его советы были оценены должным образом, поскольку в недалеком будущем министр иностранных дел Вячеслав Молотов стал включать его в число своих помощников, когда выезжал на ежегодные сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. Этот Совет был учрежден в 1945 году по решению Потсдамской конференции для проведения подготовительной работы по мирному урегулированию после Второй мировой войны. Всего состоялось шесть сессий, последняя — в 1949 году.

Наконец, у резидента Короткова и его сотрудников была еще одна важная, быть может, даже первостепенная обязанность: они должны были информировать советское руководство о планах и намерениях бывших союзников по антигитлеровской коалиции — в первую очередь США и Великобритании (в меньшей степени Франции) в отношении нашей страны. Почему — объяснения вряд ли требуются. Трещина, что пролегла между СССР и западными союзниками, расширялась с каждым днем, так что вскоре она превратилась уже в настоящую пропасть. Прошло еще два-три года, и советской разведке пришлось столь же пристально следить уже и за деятельностью западногерманских властей, а после 1949 года и правящих кругов Федеративной Республики Германии. Как бы ни был высок нынешний международный авторитет (вполне заслуженный) ФРГ, но эта страна далеко не сразу превратилась в миролюбивое и демократическое государство.

Справедливости ради следует отметить, что повышенное внимание советской разведки к американцам было взаимным. Они обосновались в Западном Берлине уже в июле 1945 года. Начало положил сам Аллен Даллес, во время войны руководивший из Швейцарии политической разведкой США в Европе.

Для своей штаб-квартиры Даллес облюбовал уютный особняк на тихой улочке в Далеме. Этот район Западного Берлина привлек внимание американцев по нескольким причинам, в частности, обилием зелени и почти что провинциальной тишиной. Благодаря этому Далем выглядел инородным деревенским телом в огромном городе (таковым он выглядит и по сей день).

Но помимо прелестей окружающей среды, у особняка было еще одно весьма важное достоинство. Его построили незадолго до войны по проекту и под наблюдением любимца фюрера, фактически главного архитектора «третьего рейха» и будущего министра вооружений Альбарта Шпеера, как настоящий военный объект. Достаточно сказать, что три этажа этой уютной, не слишком приметной виллы располагались глубоко под землей. В 1940 году сюда въехал штаб Вильгельма Кейтеля. Сам генерал-фельдмаршал поселился неподалеку на обычной вилле, уже без подземных железобетонных бункеров, которая раньше принадлежала экс-чемпиону мира по боксу Максу Шмелингу.

Словом, по всем параметрам особняк на Фохренверг как никакое другое сооружение подходило под устройство в нем настоящего шпионского гнезда. Называлось оно (аббревиатура совпала и на английской, и на русском языках) БОБ, то есть

«Берлинская оперативная база[151].

26 января 1946 года Гарри Трумэн подписал распоряжение о создании Центральной разведывательной группы (ЦРГ) с правом проведения соответствующей работы за границей. (ФБР по закону могло осуществлять лишь контрразведывательную деятельность на территории США.) 15 сентября 1947 года Гарри Трумэн подписал закон о национальной безопасности, в соответствии с которым учреждались Совет национальной безопасности (в главе с самим президентом) и Центральное разведывательное управление (ЦРУ). В 1948 году Совет национальной безопасности (СНБ) разрешил ЦПУ проводить так называемые «специальные операции». Разумеется, в режиме абсолютной секретности.

Вслед за Даллесом к становлению и развитию БОБ изрядно приложил руку еще один будущий директор ЦРУ Ричард Хелмс. С декабря 1954 по июль 1959 года (как раз к очередному возвращению Короткова в Берлин) это учреждение «семейства бобовых» возглавлял Кинг Харви. Его сменил Дэвид Мэрфи. (Короткову было доподлинно известно о двух слабостях американца: пристрастии к алкоголю и оружию. Впрочем, это никак не сказывалось на его деловой хватке.) Мэрфи пробыл шефом шпионской базы до августа 1961 года, то есть до возведения стены. К этому времени разведывательные центры, различные подрывные организации, конспиративные квартиры исчислялись сотнями. По числу разведчиков всех стран на душу населения Западный Берлин далеко превзошел ранее державшую по этому показателю абсолютное первенство Женеву.

Создалась беспрецедентная ситуация: на протяжении пятнадцати с лишним лет западные разведчики, а также эмиссары многочисленных эмигрантских организаций могли беспрепятственно проникать на территорию Восточного Берлина, а отсюда в любой населенный пункт Германской Демократической Республики, а также и в другие страны тогдашнего социалистического лагеря.

До возвращения стены границы между восточным и западным секторами Берлина были чисто номинальными. Жители трехмиллионного города свободно перемещались из одного сектора в другой. Это же относилось и к военнослужащим оккупационных держав. С одной лишь разницей: советским солдатам и офицерам, гражданским служащим и членам их семей строго запрещалось появляться в Западном Берлине.

Возведение стены положило в какой-то степени конец этому хаосу перемещений. В конце концов границы между советскими и западными секторами Берлина, а также между зонами оккупации

остальной территории Германии, стали де-факто государственными границами между ГДР и ФРГ.

Автор здесь не касается той политической и экономической роли, которую сыграла стена. Тут просматриваются и положительные для ГДР, и отрицательные моменты, со все преобладающим количеством последних. К сожалению, «временная мера» (каковой, предполагалось быть стене, протянулась на… три с лишним десятилетия.

Жителей Восточного Берлина не могло не возмущать, что их соседи из западных секторов, в том числе родственники, могли беспрепятственно посещать столицу ГДР. В то же время власти «первого социалистического государства на немецкой земле» своим гражданам пропуски для кратковременных визитов в западные секторы выдавали крайне редко, в исключительных случаях. В последние годы существования ГДР стена стала символом подлинной трагедии разделенного народа. Ее снос можно сравнить разве что с разрушением в свое время ненавистной французам Бастилии.

Наращиваемая день ото дня деятельность советской разведки в Германии объяснялась вполне реальной угрозой со стороны вчерашних союзников. «Холодная война» имела все шансы перерасти в «горячую» уже в конце 1945 года. Причем, с односторонним примечанием только что созданного и проверенного на Хиросиме и Нагасаки атомного оружия.

В марте 1946 года, еще не предчувствуя ничего дурного, в Москву вернулся Маршал Советского Союза Георгий Жуков. С повышением. Он был назначен одновременно заместителем министра Вооруженных Сил СССР и Главнокомандующим сухопутными войсками. В обычном соответствии с давними правилами сталинской игры в «кошки-мышки». Потому как всего через пять месяцев самый знаменитый полководец Второй мировой войны был освобожден от обеих должностей без каких-либо объяснений и отправлен в своего рода «Кончанское» — командовать войсками третьестепенного Одесского военного округа.

По случайному совпадению, возможно, весной того же 1946 года был отозван в Москву и полковник Александр Коротков.

Реорганизации, реорганизации и снова реорганизации

Полковник Коротков покидал Берлин со спокойной душой: основные задачи, поставленные руководством перед резидентурой, были выполнены. Агентурная сеть частично восстановлена, но в основном создана заново. Возможно, еще не в должном объеме, но все же вполне дееспособная. Причем, по всей Германии, отчасти и Австрии. Удалось протянуть пока редкие и тонкие, но прочные ниточки к военной администрации и органами местного самоуправления трех других оккупационных зон: американской, английской и французской.

На Лубянке Короткова ожидали новые назначения, причем не просто новые, но означающие серьезные повышения по службе: он стал одновременно заместителем начальника внешней разведки и руководителем той ее структуры, которое ведало нелегальной разведкой за границей. Тогда же обнаружилось еще одно приятное обстоятельство. Оказывается, за боевые дела в Югославии Народная Скупщина этой страны Указом от 22 февраля 1946 года наградила советского полководца Александра Короткова массивным золотым орденом «Партизанской Звезды» первой степени.

Дабы не путаться в дальнейшем в наименованиях, переименованиях, преобразованиях, упразднениях, возрождениях и прочих пертрубациях ведомств, служб, управлений, отделов, расскажем в одной главе о тех реорганизациях, что имели место в органах государственной безопасности в последующие восемь лет.

15 марта 1946 года порожденные революционной романтикой «народные комиссариаты» — наркоматы и, соответственно, наркомы прекратили свое существование[152].

Отныне центральные ведомства государства стали именоваться на зарубежный (а также на российский дореволюционный) манер министерствами, а их руководители — министрами.

То было не просто механическое переименование, но акт важного государственного, даже международного звучания. Разгромив нацистскую Германию и сделав весомый вклад в победу над империалистической Японией, Советский Союз стал воистину великой державой, не только одним из учредителей Организации Объединенных Наций, но и постоянным — навечно! — членом ее Совета Безопасности, наделенным наряду с

Великобританией, Францией, США и Китаем правом вето. Новое наименование правительства страны — Совет Министров СССР — сразу подымало, и значительно, его авторитет в глазах мирового сообщества. Тем более, что председателем Совмина был и оставался до самой смерти Иосиф Сталин, сохранивший к тому же за собой и скромно звучавший пост руководителя, а если попросту — вождя, секретаря Центрального Комитета правящей (и единственной) политической партии. (Стоит напомнить, что Сталин никогда не подписывался под публикуемыми в печати документами как «Генеральный секретарь», но просто «секретарь ЦК».)

Народный комиссариат государственной безопасности СССР превратился в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР). Соответственно, нарком генерал армии Всеволод Меркулов стал министром МГБ и пробыл в этой должности аж два месяца. Потому как Сталин решил заменить его на этом посту одним из своих бывших заместителей по Наркомату обороны и начальником Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Виктором Абакумовым.

Сталин назначил Абакумова с дальним прицелом. Меркулов, общеизвестно, был «человеком Берии», а Берия набрал за последние годы слишком большую силу и умело одной пользоваться. Такого Сталин никогда не допускал и допускать был не намерен и впредь. Тем более, что прекрасно знал: по уму, способностям и волевым качествам Берия на голову выше Маленкова, Жданова, Булганина и прочих вождей второго и третьего плана, вроде Шверника или Андреева. Потому и посадил на два ключевых, сегодня сказали бы «силовых ведомства» — МГБ и МВД — новых министров, не входивших ни в Политбюро, ни ранее в ГКО и обязанных своим возвышением только ему, Сталину[153].

От повседневных дел обоих министерств Берия был таким образом отстранен, однако и Абакумов, и Круглов, и все прочие ведомственные руководители, а также первые лица на местах, обязаны были незамедлительно выполнять все требования, указания, распоряжения заместителя председателя Совета Министров СССР Берии, как главы строго засекреченной (но не для указанной категории ответственных работников) программы создания атомного оружия. В этой должности он был наделен громадными правами и полномочиями. К тому же, на первом послевоенном Пленуме Центрального Комитет ВКП(б) Берия был из кандидатов переведен в члены Политбюро.

Что же касается Меркулова, то Сталин почти год продержал его в резерве, после чего назначил начальником Главного

управления советским имуществом за границей (ГУСИЗМ)[154]. Тогда же его первым заместителем назначили Богдана Кобулова, просто заместителем — Владимира Деканозова. Управление кадров ГУСИЗМ возглавил бывший начальник следственной части по особо важным делам НКГБ СССР Лев Влодзимирский.

Первым заместителем министра госбезопасности СССР вместо Богдана Кобулова был назначен еще в декабре 1945 года (естественно, тогда еще НКГБ) генерал-лейтенант Сергей Огольцов, до этого работавший наркомом госбезопасности Казахстана.

Вместе с Абакумовым влился в МГБ и сам «СМЕРШ», правда, утратив при этом свое грозное название. Контрразведка в вооруженных силах теперь именовалась Третьим управлением. Внешняя разведка и контрразведка получили статус Главных управлений, сохранив прежнюю нумерацию Первого и Второго.

Впавший в немилость Павел Фитин, как уже отмечалась ранее, был переведен на малозначительную должность на периферию. В течение двух с небольшим месяцев начальником разведки числился генеал-лейтенант Петр Кубаткин, всю войну возглавлявший органы государственной безопасности в блокадном Ленинграде. Самокритично посчитав себя малокомпетентным в проблемах внешней разведки, Кубаткин упросил нового министра его от этой должности освободить[155].

Начальником ПГУ стал руководитель многолетний контрразведки генерал-лейтенант Петр Федотов, в ранге заместителя министра.

Новым начальником Второго главного управления также в ранге заместителя министра был назначен генерал-майор Евгений Питовранов, до того работавший наркомом госбезопасности Узбекистана.

Начальником Третьего управления и заместителем министра стал бывший заместитель Абакумова по «СМЕРШ» генерал-лейтенант Николай Селивановский.

Статус Главного управления, однако без номера, получила правительственная охрана, начальником ГУО стал генерал-лейтенант Николай Власик, работавший у Сталина еще со времен гражданской войны.

Генерал-лейтенант Павел Судоплатов был начальником сразу двух отделов, не входящих ни в одно управление: отдела «С» (перевод и обработка материалов разведки по атомной проблеме) и отдела «ДР» (служба террора и диверсий), учрежденных вместо знаменитого Четвертого управления.

Виктору Абакумову шел тогда всего-то тридцать девятый год. Был он физически крепок, цыганисто красив, непреклонен, к тому

же имел пролетарское происхождение и низшее образование. Чем, однако, вовсе не гордился, потому как от природы был достаточно умен и сообразителен. Как начальник «СМЕРШ», Абакумов хорошо поработал в войну (какие бы злобные глупости ни писали сегодня о военной контрразведке с чужих слов некоторые всезнающие авторы), что было отмечено званием генерал-полковника, постом заместителя наркома обороны и тремя полководческими орденами.

Своей головокружительной карьерой Абакумов был обязан Берии. Именно Берия приметил (не без подсказки Богдана Кобулова) молодого сотрудника, всего лишь в 1932 году по комсомольской путевке направленного на работу в ОГПУ. В 1939 году, проводя очередную чистку НКВД, Берия назначил Абакумова начальником управления НКВД по важной и трудной во всех отношениях Ростовской области, а два с небольшим года спустя сделал его одним из своих заместителей!

Может показаться странным, но, в отличие от других выдвиженцев нового наркома: Всеволода Меркулова, братьев Богдана и Амаяка Кобуловых, Владимира Деканозова и прочих, Абакумов в глубине души не только боялся, но и крепко не любил своего благодетеля, внешне, разумеется, проявляя по отношению к «дорогому Лаврентию Павловичу» полный и подчеркнутый пиетет.

Став во время войны начальником управления Особыми отделами, а затем начальником ГУКР «СМЕРШ» и заместителем наркома обороны СССР, Абакумов начал ощущать некую независимость от Берии и свою самостоятельность, при случае он даже осмеливался показать свою новообретенную силу. Так, в апреле 1943 года он без достаточных на то оснований арестовал участника гражданской войны, комиссара госбезопасности (по-армейски, напоминаем, генерал-майора) Виктора Ильина. Содержали Ильина в одиночке и жестоко допрашивали несколько лет во… внутренней тюрьме Лубянки. И два наркома, вроде бы хозяева «Большого Дома» — Берия и Меркулов — ничем не могли помочь своему многолетнему ответственному сотруднику, поскольку им занималось Третье, независимое от них ведомство: «СМЕРШ»! Освободили Ильина (ничего не признавшего и не подписавшего, несмотря на избиения) лишь после ареста Абакумова, и то не сразу. По злой иронии судьбы одно время Абакумов и Ильин содержались в соседних камерах!

Затем Абакумов провел очень серьезную операцию уже по личному указанию Сталина: он арестовал и сам допрашивал таких крупных деятелей, как нарком авиационной промышленности Герой Социалистического Труда Алексей

Шахурин, Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза Александр Новиков, иных видных работников, так или иначе связанных с военной авиацией.

Сейчас в литературе можно встретить такую версию: дескать, Сталин рассердился на виднейших авиаторов по наущению своего сына Василия, военного летчика. Трудно представить, чтобы Сталин принимал подобные серьезные решения по чьему-то «наущению», и уж меньше всего он считался с мнением своего непутевого младшего сына, цену которому, невзирая на всю отеческую любовь, прекрасно знал. Нет, конечно. То был сталинский намек Георгию Маленкову, отвечавшему в годы войны, в частности, и за авиационную промышленность. В какой-то момент Маленков стал без санкции вождя вести себя как второе лицо в партии и государстве. Такой самодеятельности Сталин никогда без внимания не оставлял. В итоге больше всех пострадали, разумеется, бывшие «подопечные» Маленкова (из Новикова попутно выбивали и выбили показания против маршала Жукова). Маленков тогда отделался легким испугом: временной ссылкой на работу в Среднюю Азию, но урок запомнил. И припомнил его несколько лет спустя, не Сталину, конечно, но Абакумову.

Примечательно по-своему, что, в отличие от предшественников (и преемников) Аабакумов любил совершать прогулки по улице Горького. Просто так, иногда даже заходил в довольно многочисленные на ней заведения, скромно именуемые «предприятиями общественного питания», а на самом деле лучшие в столице рестораны — «Москва», «Националь», «Арагви», «Центральный»… В те дотелевизионные годы никто из прохожих его не узнавал, а те, кто мог бы узнать, пешком по той же улице Горького не разгуливали, а проносились по ней в «зилах» и «зимах». Говорят, что однажды в туалете весьма популярного в конце сороковых годов «Коктейль-холла» Абакумов даже подрался с кем-то из посетителей, приревновавшего весьма моложавого, импозантного мужика к своей девушке. Разумеется, такое могло произойти лишь в том случае, если министр был в штатском и без охранников.

В дела разведки Абакумов особенно не вникал, и с его сотрудниками, кроме, разумеется, начальника ПГУ, к тому же члена коллегии и замминистра МГБ, общался крайне редко, что только шло на пользу дела. По настоящему Абакумова волновали и интересовали сугубо охранные и карательные функции возглавляемого им ведомства. Все то, что привычно укладывалось в железную формулу «борьбы с антисоветскими элементами». С новым же начальником ПГУ Федотовым Короткову, давно с ним

знакомому, работалось нормально. Федотов Фитина уважал и ценил, и переносил это уважение на всех сотрудников, выросших до ответственных постов при прежнем начальнике разведки.

В состав ПГУ тогда входили лишь два управления: «I-А» (легальной разведки) и «I-Б» (нелегальной разведки), а также несколько вспомогательных отделов. Так что Коротков мог решить любой рабочий вопрос с начальником ПГУ Федотовым без каких-либо промежуточных инстанций и непременно таковым присущих проволочек.

Объем работы, свалившейся на Короткова, был огромен, по сравнению с довоенным просто несопоставимым. Оно и неудивительно. Ранее настоящим врагом СССР была, в сущности, лишь гитлеровская Германия с не столь уж могущественными союзниками в Европе: Италией, Румынией, Финляндией, Венгрией… На Дальнем Востоке — Японией. Советские разведчики в других странах, в конечном счете, главной целью имели сбор информации, так или иначе касающейся тех же Германии и Японии.

Теперь же новый «основной противник» (даже без вежливого эпитета «эвентуальный», то есть «возможный») распростер свое прямое и косвенное влияние (зачастую в самой грубой, бесцеремонной форме) на все моря, океаны и континенты, исключая разве что Антарктиду. И то лишь из-за крайней сложности ее освоения в военных целях. Забегая вперед, следует напомнить, что число военных баз этого самого «основного противника», окружающих Советский Союз на разной степени удаления (в том числе и непосредственно у границ, на территории сопредельных государств), достигало четырехсот![156] Список же разведцентров оной заокеанской державы можно было бы по толщине сравнить с телефонным справочником ее столицы.

Естественно и закономерно, что эта кипучая деятельность бывшего союзника должна была неизбежно стать и стала объектом пристального внимания советской внешней разведки вообще, ее нелегального управления «I-Б» в частности и в особенности. Такова была логика событий набиравшей темпы и расширявшей масштабы «холодной войны».

Дух реформаторства как самоцельного процесса, вовсе не обязательно приводящего к каким-либо зримым, не говоря уже о пользе, результатам, всегда был, есть и, похоже, надолго останется непременным атрибутом российского администрирования. Кажется, соблазнительному духу этому не поддался единственный из всех правителей российских — император Николай I; меж тем, как раз в его царствование Россия и нуждалась в преобразованиях более чем когда-либо. Потому из-

за стойкости государя и проиграла самую героическую и одновременно самую злосчастную войну в своей истории — Крымскую.

В 1947 году высшее руководство страны решило создать некий гигантский, сугубо централизованный (централизм был официальным принципом построения самой ВКП(б), известным как «демократический централизм»; демократизмом в нем, однако, и не пахло), разведывательно-аналитический орган.

30 мая 1947 года был создан Комитет информации (КИ) при Совете Министров СССР. В него вошли Первое главное управление Министерства госбезопасности СССР, Главное разведывательное управление Генерального штаба, а также куда более скромные разведывательные и информационные структуры ЦК ВКП(б), Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли СССР.

Разместился новый разведывательный монстр в Ростокино, вблизи закрытой еще в 1941 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставки[157]. КИ было передано два здания: в одном, внушительном и мрачноватом, ранее размещался распущенный в 1943 году Исполком Коминтерна, во втором — трехэтажном, но зато длинном, была до войны гостиница для колхозников, участников ВСХВ.

Первым председателем Комитета информации был назначен Вячеслав Молотов, являвшийся тогда первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и министром иностранных дел СССР.

Генерал-лейтенант Павел Судоплатов в своих воспоминаниях писал: «Оглядываясь на прошлое, я вижу, что вполне здравая идея создания единого аналитического центра для обработки разведывательной информации была реализована на практике не так, как следовало. Оперативное руководство разведывательными операциями не надо было передавать в чужие руки. Что же касается нового Комитета информации, то его задачи надо было ограничить анализом материалов разведки…

Прежнее разведуправление НКВД-НКГБ, являвшееся основным инструментом обеспечения интересов госбезопасности за рубежом, по существу превратилось в придаток Министерства иностранных дел, основная деятельность которого — дипломатия, а не разведка…

Комитет информации был учрежден одновременно с образованием ЦРУ в Соединенных Штатах. Это была попытка — глубоко ошибочная! — аналогичным образом отреагировать на происходящие изменения в Америке».

Судоплатов в данном случае абсолютно прав. В самом деле,

информация, касающаяся международных дел, поступала к главному «потребителю» КИ — собственно председателю (он же — министр иностранных дел) едва ли не в тот же час после того, как подвергалась расшифровке. С другой стороны, кому в МИДе нужны были ценнейшие данные научно-технической разведки или сведения о том, что в армии такого-то государства поступило на вооружение новое орудие? В конечном итоге, эта информация все же попадала в заинтересованные ведомства, те же отраслевые министерства, или к военным. Но на это уходило драгоценное время. К тому же была в определенной степени утрачена прямая связь между, к примеру, той же научно-технической разведкой и предприятиями, как мы сегодня выражаемся, «военно-промышленного комплекса».

Александр Коротков получил в Комитете информации ту же должность, что занимал и в МГБ: начальника нелегальной разведки, которая отныне именовалась управлением. Его заместителем стал известный военный разведчик контр-адмирал Леонид Бекренев, впоследствии адмирал и заместитель начальника ГРУ.

Назначение Короткова еще на должность начальника управления «I-Б» в МГБ оказалось событием довольно примечательным в истории спецслужб. Дело в том, что руководителем службы нелегалов всегда — это правило неукоснительно соблюдается и по сей день — назначался одни из самых опытных офицеров разведки достаточно высокого ранга. Однако кроме Александра Короткова ни одним из начальников этой службы сам в «поле» с нелегальных позиций не работал, даже если прослужил под прикрытием в разных странах порой не один десяток лет. Насколько известно автору, в практике ведущих зарубежных спецслужб такой прецедент также не ведом.

Стал сотрудником Комитета информации, Коротков, однако, в громадном здании в Ростокино появлялся не часто, разве что по вызову первого заместителя председателя Петра Федотова, руководящего всей повседневной работой ведомства. Изредка бывал он и у самого председателя — Вячеслава Молотова. Для этого ехать в ростокинскую даль не требовалось: Министерство иностранных дел располагалось на Кузнецком мосту.

Как служба особо законспирированная, нелегальная разведка разместилась не в Ростокино, а в уютном старинном особняке, вернее, городской усадьбе без какой-либо вывески в Лопухинском переулке, что соединяет Пречистинку (тогда улицу Кропоткинскую с Остоженкой (тогда Метростроевской) неподалеку от станции метро «Кропоткинская» (тогда «Дворец Советов»).

С первого дня существования КИМ стала выявляться его малая жизнеспособность как организации в целом. Очень уж разные задачи выполняли традиционно две ведущие советские разведки: внешнеполитическая и военная, хотя порой действия конкретных разведчиков за рубежом в силу складывающейся обстановки, а то и случайностей, совпадали. Различались и подготовка кадров двух ранее самостоятельных ведомств, и, как бы мы сегодня сказали, менталитет сотрудников. В самом деле, офицеры и ПГУ и ГРУ являлись военнослужащими, носили порой одинаковые звания. Однако психология человека, закончившего нормальное военное училище или академию, и его сверстника, получившего образование в гражданском учебном заведении и лишь потом проучившегося от силы год в разведшколе или на краткосрочных курсах, разумеется, не могли не совпадать в каких-то весьма существенных моментах. И выходцы из ПГУ, и офицеры бывшего ГРУ подчинялись одним и тем же уставам Красной Армии (внутренней службы и дисциплинарному), однако взгляды на служебную иерархию, отношения между сотрудниками все же изначально и серьезно различались.

Да и в «поле» им приходилось работать в разных условиях, вращаться в других слоях общества, с иных позиций, исходя из своих специфических соображений, вербовать агентуру.

Спасало положение, то есть позволяло Комитету информации как-то все же выполнять свои функции высокая квалификация и опыт основного состава кадровых сотрудников, независимо от того, к какому ведомству они ранее принадлежали.

Этот не очень удачный симбиоз продолжался, впрочем, не слишком долго. Вячеслав Молотов — о чем было известно лишь в узких кругах высшего эшелона власти — фактически утратил свое положение второго лица в партии и государстве, хотя в официальных сообщениях его фамилия по-прежнему называлась сразу за фамилией Сталина. По-прежнему в таком же порядке вывешивались его портреты в праздничные дни — за портретом «Самого». Сегодня трудно судить, почему вдруг Сталин утратил доверие к своему многолетнему соратнику. Во всяком случае, кроме незаметных стороннему взгляду признаков опалы, вождь обрушил на него жестокий удар. За «связь с сионистскими кругами» была арестована жена Молотова — Полина Жемчужина, самая старая большевичка, начальник главка текстильно-галантерейной промышленности Минлегпрома, в прошлом — ближайшая подруга жены Сталина Надежды Аллилуевой. В 1949 году Вячеслав Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел СССР. Этот пост занял печально известный государственный обвинитель на «Московских процессах» Андрей

Вышинский. Он же формально возглавил Комитет информации, но всего на три месяца. Как впоследствии признался сам Вышинский, за это время он умудрился не подписать ни одного документа, касающегося разведки!

В том же 1949 году военные добились-таки своего: вернулись в родное ведомство как второе главное управление Генерального штаба Вооруженных Сил СССР[158].

Так как усадьба в Лопухинском переулке изначально принадлежала военным, то изрядно похудевшая нелегальная разведка КИ переехала в Ростокино.

Выход из Комитета информации военных, освобождение Молотова от обязанностей министра и председателя комитета, самым печальным образом сказались на ранге ведомства внешнеполитической разведки. Отныне Комитет информации числился уже не при Совете министров СССР, а всего лишь при Министерстве иностранных дел. И председателем КИ в последующем был впоследствии даже не сам министр, а последовательно два его заместителя: Валериан Зорин и Яков Малик, оба достаточно известные дипломаты. Постоянным заместителем председателя вместо Петра Федотова стал Сергей Савченко, бывший министр госбезопасности Украины.

Комитет информации съеживался, словно шагреневая кожа: после того, как из него вышли военные, из его ведения также изъяли и передали МГБ внешнюю контрразведку, обеспечивающую нормальное функционирование зарубежных резидентур и чекистское обслуживание советских учреждений разных ведомств.

Наконец, уже 2 ноября 1951 года, когда полностью выявилась несостоятельность Комитета информации, внешнюю разведку вернули в Министерство государственной безопасности под прежним наименованием — Первое главное управление. Министром МГБ к этому моменту был уже не Виктор Абакумов, а Семен Игнатьев, в недавнем прошлом провинциальный партийный функционер, ничего не смыслящий ни в разведке, ни в контрразведке.

Однако Александр Коротков вернулся на Лубянку несколько раньше. На основании Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) за № 77/310 от 9 сентября 1950 года в МГБ СССР было образовано сверхсекретное (даже для этого ведомства, где вообще все было секретным) подразделение скромно поименованное Бюро № 1, предназначенное для проведения диверсий и террористических актов за границей. Пункт третий Постановления выглядело так: «Утвердить начальником Бюро № 1 МГБ СССР т. Судоплатова П. А., заместителем начальника Бюро № 1 т. Короткова А. М.,

освободив его от работы в Комитете информации».

Автор обращает внимание читателей на то обстоятельство, что назначение обоих руководителей — и Судоплатова, и Короткова — произведено не приказом министра, не постановлением Правительства, даже не решением Секретариата ЦК ВКП(б), ведающего номенклатурной союзного значения, а постановлением высшего, хотя и неофициального органа всей власти в стране — Политбюро ЦК ВКП(б). Обычно Политбюро назначало на должности лиц ранга министров, секретарей ЦК компартий союзных республик, первых секретарей обкомов крупнейших регионов (формально, конечно, их избирали). А тут Политбюро утвердило назначение всего лишь руководителей одного из многих подразделений министерства, даже не в ранге заместителей министра, или, по меньшей мере, членов коллегии. Выходит, не простого подразделения. Так оно и было.

Создание Бюро № 1 при всех явной и неявной противоречивости данного решения было сделано в какой-то степени с учетом горького и тяжелого опыта начального периода Великой Отечественной войны. Тогда Особая группа при наркоме НКВД, переросшее за полгода в знаменитое Четвертое управление, создавалась фактически на пустом месте, когда значительная часть западных регионов СССР уже была захвачена врагом.

В известной мере это было вынужденным ответом СССР на образование НАТО и создание в США обширного арсенала атомного оружия и тяжелых бомбардировщиков класса «Летающая крепость» для его доставки. Дело в том, что Советский Союз хотя и произвел в августе 1949 года первое испытание собственной атомной бомбы, созданной объединенными усилиями наших ученых, инженеров, рабочих и… разведчиков, но ничем, похожим на реальный «атомный щит», еще не обладал. До выхода на так называемый атомный паритет, способный удерживать возможного противника от соблазна начать ядерную войну перед угрозой неизбежного и адекватного ответного удара, нам было еще, ох, как далеко.

Задачей Бюро № 1 и было в случае начала боевых действий, а возможно, и превентивно, если угроза нападения со стороны агрессора абсолютно реальна, силами опытных нелегалов-боевиков нанести неожиданные и эффективные удары по военным объектам врага. Не исключалось и физическое уничтожение ключевых фигур в политическом и военном руководстве страны-агрессора.

Вот что писал по этому поводу в своих воспоминания Павел Судоплатов: «Мы определили сто целей, разбив их на три

категории: военные базы, где размещались стратегические военно-воздушные силы с ядерным оружием; военные сооружения со складами боеприпасов и боевой техники, предназначенные для снабжения американской армии в Европе и на Дальнем Востоке; и, наконец, нефтепроводы и хранилища топлива для обеспечения в Европе американских и натовских воинских частей, а также их войск, находящихся на Ближнем и Дальнем Востоке возле наших границ.

К началу 50-х годов мы имели в своем распоряжении агентов, которые могли проникнуть на военные базы и объекты в Норвегии, Франции, Австрии, Германии, Соединенных Штатах и Канаде».

План действий, направленных против американских и натовских стратегических военных баз в случае войны или вышедших из-под контроля локальных конфликтов, предусматривал, что первый акцией должно стать уничтожение коммуникаций натовской штаб-квартиры.

Бюро № 1 по сути являлось разновидностью глубокой нелегальной разведки, специализацией которой был не столько сбор информации, сколько осуществление боевых, диверсионных и террористических действий в решающий день и час. Следовательно, разведчики и агенты бюро должны были быть людьми особого склада, самоотверженные, бесконечно преданные Родине, великолепно владеющие подрывным делом и прочими специальными навыками, к тому же заблаговременно оснащенные необходимыми боеприпасами, взрывчаткой, оружием, специальной техникой и снаряжением, надежными средствами двусторонней связи.

В должности начальника управления нелегалов в КИ Александра Короткова сменил опытный чекист полковник Арсений Тишков, который в период войны но время был заместителем руководителя советской военной миссии при штабе маршала Иосипа Броз Тито в горах Югославии.

Несколько предвоенных лет Судоплатов был прямым, хотя и не непосредственным начальником Короткова и содействовал тогда его продвижению по службе. Во время войны, пребывая в разных управлениях и занимая в них разновеликие по весу должности, они, тем не менее, сотрудничали друг с другом, участвовали в некоторых совместных операциях. Служебные отношения между ними тогда были вполне нормальными, взаимоуважительными. Но теперь между двумя крупными разведчиками вдруг словно черная кошка пробежала. У автора есть некоторые предположения на этот счет, но поскольку он не располагает ни в подтверждение, ни в опровержение их никакими

доказательствами, то полагает за лучшее воздержаться от изложения своей версии. Возможно двум столь самобытным и ярким личностям просто оказалось тесно в одной берлоге. Такое бывает.

Как бы то ни было, уже через два года Александр Коротков вернулся на круги своя — снова возглавил самостоятельную нелегальную службу — теперь она именовалась управлением «С» — и снова же стал заместителем восстановленного Первого главного управления МГБ СССР.

Меж тем в личной жизни Александра Короткова произошли серьезные изменения. Распалась его первая семья. Автор не один раз имел возможность убедиться, что разобраться в причинах распада семьи даже близких людей за редким исключением (скажем, при хроническом, неизлечимом алкоголизме дебошира-мужа) бывает невозможно, а в подавляющем большинстве случаев и не нужно. Несомненно, сыграло свою роль то обстоятельство, что на протяжении нескольких военных лет Александр Михайлович и Мария Борисовна часто разлучались. Одно время она работала в Новосибирске, где пребывала с детьми и свекровью, он же — в Москве и на фронтах. Почти весь послевоенный год он работал и жил в Берлине — без семьи. Да и Мария Вильковыская, как явствует из ее личного дела, выезжала, к примеру, в Париж, как сказано в рапорте начальника внешней разведки Фитина на имя наркома Меркулова, «для проведения проверки состояния групп «Девушки» и «Генри» и их состава и подготовки их последующей передачи в нелегальную резидентуру».

Как бы то ни было, обе дочери Короткова от первого брака София и Ксения по сей день тяжело переживают распад их семьи, обиду за мать. Объективность требует признать, что Мария Вильковыская сыграла большую роль в жизни Короткова, прежде всего — в становлении его незаурядной от природы личности. Будучи более образованной, нежели Александр, свободно с детства владея как родным несколькими иностранными языками, зная, к тому же, западную культуру и образ жизни, Мария была хорошей помощницей, а в чем-то и наставницей мужу.

Новой женой Александра Короткова стала Ирина Александровна Басова, с которой он был шапочно знаком по послевоенному Берлину, когда она работала переводчицей в советской военной администрации. В Москве после случайной встречи у общих приятелей знакомство возобновилось и завершилось браком, у них родилась дочь Юлия…

В сороковые — пятидесятые годы сотрудникам советской разведки, как и работникам любого государственного

учреждения, приходилось жить и выполнять свой служебный долг в обстановке чрезвычайно тяжелой. И дело было не только в послевоенной разрухе, нехватке всего и во всем, трудностях быта, горечи многомиллионных потерь, незалеченных ран войны. Терпеливому нашему народу было не впервые переживать подобные тяготы. Худо было из-за тяжелого, удушливого климата в общественной и политической жизни страны. Если вообще можно говорить о таковой. Как-то незаметно улетучились надежды большинства населения на то, что вот закончится война и начнется новая жизнь, не только более зажиточная, но и более свободная, что будут отметены бесчисленные запреты и ограничения, навсегда останется и в прошлом парализующий страх, бытующий в каждом доме, — от рядового колхозника до министра и маршала после 1937 года… (Автор напоминает, что данная дата для него всего лишь символ произвола и беззакония, что бушевали в стране на самом деле несколько десятилетий.)

Не миновал этот страх даже то ведомство, которое само этот страх и олицетворяло: НКВД-НКГБ-МГБ.

Доказательство тому — судьба очередного главы ведомства, министра государственной безопасности СССР генерал-полковника Виктора Абакумова и значительной группы его подчиненных. Чистокровно русский, Абакумов пострадал из-за пресловутого еврейского вопроса!

Когда в средствах массовой информации сегодня в нашей стране или за рубежом вспоминают по какому-либо поводу последние годы правления Сталина, то непременно начинают именно с этого вопроса. Словно преследование евреев является едва ли не главным и единственным преступлением сталинского режима. Меж тем государственный антисемитизм был лишь одним из проявлений тяжкого идеологического и политического, а точнее, полицейского пресса, под которым задыхалось все послевоенное общество нашей страны.

Не успели отгреметь залпы салютов 9 Мая, отзвучать фанфары Парада Победы 24 июня 1945 года, как Сталин и его ближайшие соратники осознали, что советские люди, победившие в самой кровавой войне в истории человечества и ставшие потому его бесспорными спасителями, слишком много о себе возомнили, а потому пора поставить на место, напомнить всем и каждому, особенно интеллигенции, как мыслящей на свое несчастье прослойке общества, кто есть кто и что есть что.

Для начала появилось знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Жертвами оного в первую очередь стали знаменитые писатели Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Заметьте — оба никакого родства с евреями не имели.

Правда, Ахматова (настоящая фамилия Горенко) обладала носом довольно подозрительной формы.

Постановление ЦК было опубликовано во всех газетах и широко обсуждалось на собраниях, партийных и просто трудящихся, в том числе предприятий и учреждений, никакого отношения к литературе не имеющих. Фамилия Зощенко и Ахматовой знали теперь даже те, кто никогда не читал не только стихов великой поэтессы, но даже рассказов Зощенко, перед войной едва ли не самого популярного советского писателя.

А вот о том, что без всяких сообщений в печати на дальние «севера» потянулись эшелоны из вагонов, по привычке называемых в народе «столыпинскими» (на самом деле, то были обыкновенные теплушки с зарешеченными оконцами, с автоматчиками на тормозных площадках), знали только работники железных дорог и те, «кому положено». То отправляли с громадными сроками в лагеря освобожденных из немецкого плена бойцов и командиров Красной Армии. Евреев среди них почти что не было и быть не могло по всем известной причине. Разве что попадали одиночки, сумевшие скрыть от немцев свою национальность.

Потом прошла известная дискуссия по философии: изобличали и клеймили за идеализм и прочие идеологические грехи всех, кто хоть на йоту отступал от четких формулировок, изложенных в главе четвертой, написанной самим Сталиным (хотя считалось, что это коллективный труд анонимных авторов), «Краткого курса истории ВКП(б)».

Среди обличенных в идеализме и обличителей евреев было примерно поровну.

Ударили и по музыкантам. Специальное постановление вышло по опере «Великая дружба». Досталось и по неправильной музыке, и по ошибочному либретто. Автором оперы был известный композитор Вано Мурадели, мало того, что не еврей, но вообще земляк Сталина. Попутно еще раз сурово погрозили пальцем двум великим русским композиторам: Дмитрию Шостаковичу и Сергею Прокофьеву.

Затем по инициативе и при непосредственном участии невежды и мракобеса «народного академика» Трофима Лысенко была разгромлена отечественная биологическая наука. Правой рукой Лысенко был профессор… еврей!

Потом были постановления о положении на репертуаром драматических театров. Особенно досталось Александру Гладкову (между прочим, автору пьесы «Давным-давно», по которой много лет спустя был поставлен популярный фильм «Гусарская баллада») за его новую пьесу «Новогодняя ночь», признанную

клеветнической.

Попало и кинематографистам — за вторые серии известнейших фильмов «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна и «Большая жизнь» Леонида Лукова.

Энтузиасты попытались добраться и до идеалистов-физиков. Но тут случилась осечка: некоторые авторитетные физики намекнули Берии, что разгромить идеалистов в их рядах конечно можно, но тогда некому будет делать «изделие» — так, соблюдая сверхсекретность, именовали атомную бомбу. Прагматик Берия, разумеется, послал энтузиастов новой дискуссии куда подальше, ему нужна была бомба, а не изобличительные статьи в газетах. Авторы же бомбы евреи Юлий Харитон и Яков Зельдович, а также русский Андрей Сахаров (как и многие другие их коллеги) стали неоднократными Героями Социалистического Труда и лауреатами сталинской премии, после смерти вождя стыдливо переименованной в Государственную[159].

Ну а как же все-таки обстояло дело с еврейским вопросом? Дошла очередь и до него. Он привлекал инициаторов по двум причинам: во-первых в среде научно-технической, медицинской и творческой интеллигенции действительно было много евреев. Во-вторых, евреи были апробированными во многих странах и в разные времена «козлами отпущения» всех бед и несчастий, переживаемых так называемой коренной нацией.

«Еврейский вопрос» возник в ходе общей борьбы за чистоту марксистско-ленинской (читай — сталинской) идеологии. Гром на сей раз разразился над театральными критиками. Оказалось, что все эти горе-критики, вроде Даниила Данина, Александра Борщаговского, Льва Субоцкого (общим числом около двух десятков), не просто зловредные люди, клеветники, осмелившиеся критиковать пьесы Анатолия Софронова и романы Михаила Бубеннова, космополиты и хулители всего отечественного, но еще и евреи! Изобличение критиков шло на фоне общей борьбы с космополитизмом и преклонением перед заграницей. (Известен случай, когда бывший шофер-фронтовик, кстати, русский, получил срок за то, что в пивной в споре громогласно заявил, что грузовик-«студебеккер» лучше нашего ЗиС-5.) Появилось несметное количество книг, статей, даже кинофильмов, доказывающий русский приоритет во всех решительно областях науки и техники. Появился даже анекдот, соль которого сводилась к заключительной, ставшей крылатой фразе: «Россия — родина слонов». За него тоже сажали.

За излишние близкие знакомства с иностранцами осудили на долгое пребывание в лагерях знаменитых в ту пору киноактрис Зою Федорову и Татьяну Окуневскую (обе — не еврейки). Борьба с

космополитизмом принимала порой комические формы. В Ленинграде славилось своими тортами и пирожными кафе-кондитерская «Норд» на Невском проспекте. Его переименовали в «Север». Та же участь постигла одноименные дешевые папиросы. Французские булки перекрестили в «городские», вкуснейшее печенье «Турецкие хлебцы» стали хлебцами «Московскими», конфеты «Американский орех» — орехом «Южным».

Придя как-то на футбольный матч на стадион «Динамо» и купив программку, Александр Коротков узнал из нее, что отныне в популярнейшей народной игре больше нет голкиперов, беков, хавбеков и форвардов, а также пенальт и корнеров. Вместо них отныне радиокомментаторы и спортивные журналисты должны были использовать только русские термины: вратарь, защитник, полузащитник, нападающий, одиннадцатиметровый штрафной удар, угловой удар. Слава Богу, уцелело хоть само название игры — футбол, а его близкого родственника — гандбол — переименовали в «ручной мяч».

Теперь можно было переходить к евреям достаточно откровенно, не прикрываясь расплывчатым термином «безродные космополиты». Сталину давно уже мозолил глаза созданный в начале войны Еврейский антифашистский комитет. (Таких организаций под эгидой ЦК ВКП(б) и НКВД было образовано тогда несколько: Антифашистский комитет советских женщин, Антифашистский комитет советской молодежи, Славянский.) Но разгрому ЕАК препятствовало одно немаловажное обстоятельство: его возглавлял всемирно знаменитый, гениальный актер Соломон Михоэлс, являвшийся одновременно главным режиссером Государственного еврейского театра — ГОСЕТ[160].

Объявить Михоэлса, народного артиста СССР, лауреата двух Сталинских премий с его международным авторитетом при жизни буржуазным националистом и шпионом было невозможно. Но это вполне можно было бы сделать посмертно, спустя несколько лет. Следовательно, Михоэлса требовалось предварительно умертвить. Такой приказ Абакумов получил лично от Сталина. Вождь же лично указал и метод: инсценировка дорожного происшествия.

В январе 1948 года Михоэлс в сопровождении некоего театрального критика, русского (являвшегося одновременно приставленным к великому артисту для постоянного наблюдения агентом ИГБ), выехал на несколько дней в Минск. Повод: просмотр спектаклей белорусских театров, выдвинутых на соискание Сталинской премии. (Михоэл входил в состав соответствующего комитета.)

Для руководства акцией в Минск направился первый

заместитель министра МГБ Сергей Огольцов, обеспечивший ее проведение на месте с министром госбезопасности Белоруссии генерал-лейтенантом Лаврентием Цанавой. 12 января 1948 года Соломон Михоэлс и его сопровождающий критик (для убедительности исполнители сталинского приказа пожертвовали своим агентом) были умерщвлены.

За выполнение преступного приказа вождя двумя секретными Указами Президиума Верховного Совета СССР генерал-лейтенанты Огольцов и Цанава были награждены орденами Красного Знамени, четверо офицеров, непосредственных исполнителей — орден Красной Звезды и — что уже верх цинизма — орден Отечественной войны I степени (по статусу этим орденом награждали только за подвиги, совершенные на фронте в период Великой Отечественной войны).

Теперь можно было переходить к делу Еврейского антифашистского комитета. По прошествии (приличия ради) некоторого времени были арестованы старой большевик, руководитель Совинформбюро в годы войны Соломон Лозовский, известные литераторы, писавшие на языке идиш, Перец Маркиш, Лев Квитко, Давид Бергельсон, преемник Михоэлса по ГОСЕТ народный артист РСФСР и лауреат Сталинской премии Вениамин Зускин, академик Лина Штерн, главный врач Боткинской больницы Борис Шимелиович и другие — всего пятнадцать человек.

К следствию по делу ЕАК были причастны свыше тридцати сотрудников МГБ, но ведущую роль играл старший следователь по особо важным делам подполковник Михаил Рюмин, за невзрачную внешность, ограниченные умственные способности и квалификацию непочтительно прозванный в своей среде «Минькой».

К лету 1952 года следствие было завершено (в ходе его к подследственным применялись самые жесткие методы допросов) и передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта А. Чепцова.

На первых же заседаниях выяснилось, что следствие, добившись от подсудимых признаний, не располагало никакими реальными доказательствами их вины. Председательствующий Чепцов в этой связи обратился к Маленкову с сакраментальным вопросом: как быть? Указание Политбюро ЦК он получил, но обосновать его юридически не смог за отсутствием должных доказательств.

Ответ был лаконичен: выполняйте решение Политбюро!

Суду было предано пятнадцать человек. Один из обвиняемых — бывший заместитель министра Госконтроля РСФСР Соломон

Брегман умер в тюрьме перед самым началом процесса.

Гражданского мужества генерал-лейтенанту Чепцову хватило лишь на то, чтобы осудить престарелую Лину Штерн к ссылке. Остальные тринадцать подсудимых были признаны виновными и осуждены к высшей мере наказания — расстрелу. 12 августа 1952 года их умертвили…

Министр госбезопасности СССР Абакумов к этому времени уже не являлся министром. Более того, сидел в тюрьме как особо засекреченный арестант даже не под фамилией, а под «номером 15».

Как же такое могло произойти?

По не слишком серьезному поводу (установленному техническими средствами факту «антисоветских» разговоров на своей квартире с сыном) был арестован известный медик профессор Яков Этингер. Его делом занимался уже упомянутый выше «Минька» Рюмин. Он же получил агентурные данные, что в группе школьников старших классов и студентов-первокурсников, в основном евреев по национальности (у некоторых родители были репрессированы) ведутся также антисоветские разговоры, кто-то даже обронил фразу, что хорошо бы убить Маленкова, как антисемита. (На самом деле Маленков лично как раз антисемитом не был, что, однако, как мы знаем, никак не сказалось на судьбе несчастных деятелей ЕАК.) Зато патологическим антисемитом был Минька.

Копаясь в старых документах, Рюмин обнаружил любопытную бумагу трехлетней давности. Это было письмо заведующей кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы Лидии Тимашук на имя начальника охраны Кремля генерал-лейтенанта Николая Власика, датированное сентябрем 1948 года.

Дело заключалось в следующем. В августе 1948 года тяжело заболел секретарь ЦК и член Политбюро Андрей Жданов, конкурент Георгия Маленкова на роль второго человека в высшем эшелоне власти. Упомянутая выше Тимашук делала ему последнюю кардиограмму, расшифровав которую, пришла к выводу, что у сиятельного пациента инфаркт миокарда. Однако крупнейшие специалисты: начальник Лечсанупра Кремля генерал-майор медицинской службы Петр Егоров, академик Владимир Виноградов (лечащий врач Сталина), профессор Владимир Василенко, другие видные медики определили, что у Жданова лишь «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Произошел неприятный разговор. Именитые профессора попросту указали рядовому врачу Тимашук ее место.

30 августа Жданов умер, а еще через несколько дней

Тимашук освободили от заведывания кабинетом и перевели на гораздо менее престижную работу в филиале Кремлевки. Тогда уязвленная в своих профессиональных чувствах, а может быть, и движимая инстинктом самосохранения, Тимашук и написала свое заявление Власику, а не добившись от него никакого толку, направила заявление уже в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Алексея Кузнецова. К письму она приложила ту кардиограмму, на основании которой она и поставила свой диагноз. Считая, что паталогоанатомическое вскрытие подтвердило наличие инфаркта, Тимашук не без оснований требовала чего-то вроде профессиональной реабилитации. Никаких обвинений в адрес высокопоставленных врачей о якобы умышленном умерщвлении Жданова в письмах Тимашук не содержалось. (И Егоров, и Виноградов были русскими.)

Но теперь воспаленное воображение Рюмина связало вместе давние письма Тимашук с арестом «сиониста» медика Этингера. Так родилась бредовая на первый взгляд идея «заговора евреев-врачей» против руководителей партии и правительства, посягательство на их жизнь. Движимый своеобразным комплексом неполноценности, зная, что сослуживцы относятся к нему с нескрываемой насмешкой, Рюмин почувствовал возможность громко заявить о себе. Одного Андрея Жданова ему показалось мало, и он присовокупил к жертвам заговорщиков-врачей еще и Александра Щербакова, умершего скоропостижно в канун Дня Победы в возрасте всего сорока четырех лет. Щербаков был личностью уникальной хотя бы потому, что занимал одновременно по крайней мере пять высоких должностей: первого секретаря МК и МГК партии, секретаря ЦК, начальника Главного политуправления и заместителя наркома обороны, начальника Совинформбюро. Щербаков был тучен и рыхл, при больном сердце много пил, что ни для кого в высших эшелонах секретом не являлось. Смерть его в относительно молодом возрасте была при данных обстоятельствах естественной, но при определенной подаче материалов могла и наводить на подозрения. К фамилиям Жданова и Щербакова Рюмин уже намеком добавил фамилию Георгия Димитрова, скончавшегося в 1949 году, а также нескольких военачальников. Правда, названные маршалы были еще живы, поэтому по отношению к ним была использована более осторожная формулировка: «умышленно нанесен ущерб здоровью».

Отдельно Рюмин подготовил документ о наличии в Москве молодежной еврейский террористической организации.

С этими докладными Рюмин сумел пробиться к самому министру. Выслушав «Миньку» и ознакомившись с документами,

Абакумов решительно заявил, что Этингер, конечно, антисоветская сволочь, но никакого заговора врачей в природе существует. Что же касается «молодежной еврейской террористической организации», то таковой тоже не существует, просто есть группа безответственных мальчишек, которым следует надрать уши, чтобы меньше болтали.

В данном случае Абакумов проявил профессиональную разумность… полную политическую недальновидность, можно сказать, утратил дворцовую бдительность.

Рюмин шел ва-банк. Он сумел попасть на прием к помощнику Маленкова, тот сразу понял, что невзрачный подполковник с Лубянки для него самая что ни на есть золотая жила. Играло роль даже такое вроде бы мелкое обстоятельство, что на свое второе письмо — в адрес секретаря ЦК Алексея Кузнецова, курировавшего, как бы мы сегодня сказали, «силовые ведомства», в том числе МГБ, Тимашук так и не получила. Секретарь же ЦК Алексей Кузнецов вместе с Леном Политбюро ЦК, председателем Госплана СССР Николаем Вознесенским, председателем Совета Министров РСФСР Михаилом Родионовым, председателем исполкома Ленсовета Петром Лазутиным, первым секретарем ленинградских обкома и горкома партии Петром Попковым, вторым секретарем ленинградского горкома партии Яковом Капустиным были расстреляны в два часа ночи 1 октября 1950 года по сфальсифицированному от начала и до конца «ленинградскому делу»[161]. Инициатором дела и его непосредственным куратором был… сам Георгий Маленков. Главные фигуранты по делу даже арестованы были в его кабинете, он же самолично принимал участие в их допросах.

Выходило, по Маленкову, что в довершение своих злодейств Кузнецов еще и покрывал убийц своего руководителя по долгим месяцам ленинградской блокады Жданова!

А тут у «Маланьи» — так прозвали в Политбюро Маленкова его соратники, и не только по созвучию фамилии, но и за бабье пухлое лицо и рыхлую, бесформенную фигуру — появилась возможность поквитаться с Абакумовым за давнее «дело авиаторов», за свою хоть и короткую, но все же ссылку в Среднюю Азию, которая могла бы завершиться невозвращением в Москву, а самым страшным, и ныне вспомнишь — вздрогнешь…

Молодец этот коротышка-подполковник, хорошо использовал против своего красавчика-министра один незначительный, вроде бы, фактик. Дело в том, что арестованный профессор Этингер, сознавшийся под давлением следствия во всех смертных грехах, скоропостижно скончался в тюрьме. В интерпретации Рюмина это выглядело так: Абакумов специально засадил готового дать

показания о заговоре врачей Этингера в холодную и сырую камеру, чтобы тот побыстрее умер. Тем самым Абакумов рассчитывал надежно упрятать концы в воду…

Выждав подходящий момент, Маленков положил докладную Рюмина (по некоторым данным, перепечатанную малограмотным подполковником в кабинете помощника Георгия Максимилиановича одиннадцать раз!) на стол Сталина.

Вождь был взбешен. Он не только полностью поверил рюминско-маленковской фальшивке, но тут же приказал арестовать своего лечащего врача Виноградова, заковать его в кандалы и бить, бить, бить…

Немедленно начались аресты медиков величайшего уровня, евреев по национальности. В тюрьме оказались профессора М. Вовси (двоюродный брат Михоэлса), М. и Б. Коганы, А. Фельдман, А. Гранштейн, Я. Рапопорт и другие. Всех их и многих других якобы завербовала американская разведка через еврейскую буржуазно-националистическую организацию «Джойнт».

Арестованы были и русские врачи — за те же грехи, в частности, уже названные ранее профессоры Виноградов и Егоров. С ними никакой «Джойнт», разумеется, дел иметь не мог. Поэтому их сделали старыми английскими шпионами.

Деяния министра Абакумова ЦК ВКП(б) квалифицировала как измену Родине. 12 июля 1951 года он был арестован и препровожден в тюрьму «Матросская тишина» как секретный арестант «номер 15». Впоследствии тюрьмы менялись, но этот номер остался за Абакумовым навсегда.

Чуть позже за ту же вину были арестованы начальник Следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майор А. Леонов, три его заместителя — полковники М. Лихачев, В. Комаров и Л. Шварцман, начальник Секретариата министерства И. Чернов и его заместитель полковник Я. Броверман. Все они, за исключением Чернова, были настоящими костоломами, мастерами составления фальсифицированных протоколов и обвинительных заключений. Особенно славился в МГБ своим умением состряпать нужную бумагу полковник Лев Шварцман, в прошлом заведующий отделом редакции газеты «Московский комсомолец» и ответственный секретарь газеты «Рабочая Москва». Впрочем, он умел работать не только перышком. Ныне известно, что Шварцман самолично зверски избивал бывшего генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, будущего Маршала Советского Союза, а тогда еще генерала Кирилла Мерецкова и многих других.

Все перечисленные следователи, опять же кроме Чернова, который, строго говоря, к следствию никакого отношения не

имел, принимали активное участие и в «ленинградском деле», и в «Деле ЕАК», а посему, должно быть, им было очень обидно теперь самим оказаться в тюрьме из-за каких-то еврейских врачей.

Виктора Абакумова держали в одиночке, зверски избивали, бросали в карцер с холодильной установкой. Длительное время его круглосуточно держали в кандалах. Днем руки сковывали за спиной, на ночь спереди. Снимали оковы лишь на несколько минут в сутки — для приема пищи и отправления естественных потребностей. Надо отдать ему должное — Абакумов держался до самого конца чрезвычайно мужественно, ни в чем себя виновным не признавал и никого не оговорил.

В тот же день, когда была решена судьба Абакумова, Маленков протолкнул на его должность министра госбезопасности СССР своего человека — Семена Игнатьева, работавшего заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Спустя два-три месяца началась чистка работников Центрального аппарата за участие в «сионистском заговоре в МГБ СССР», возглавляемом якобы самим министром Абакумовым.

Были арестованы два заместителя министра — Евгений Питовранов и Николай Селивановский (оба, как и Абакумов, русские), затем взялись за сотрудников действительно евреев по национальности. В тюрьме очутились генерал-лейтенанты Леонид Райхман и Михаил Белкин, генерал-майор Леонид Эйтингон, полковники Андрей Свердлов (сын бывшего председателя ВЦИК Якова Свердлова) и Яков Матусов — оба последних принимали участие в подготовке и проведении «московских процессов» тридцатых годов. Арестовали уже вышедшего в отставку полковника Михаила Маклярского, одного из ближайших сотрудников Павла Судоплатова в годы войны. Теперь Маклярский занимался литературным трудом, был удостоен двух Сталинских премий за сценарии фильмов «Подвиг разведчика» и «Секретная миссия».

Ряд менее опасных «сионистов» был попросту изгнан из МГБ, попутно их, как правило, исключали из партии. Так внешняя разведка потеряла одного из опытнейших сотрудников, успешно работавшего во Франции, Испании — в годы гражданской войны, в Мексике полковника Льва Василевского. Уволили из разведки и майора Марию Вильковскую, удостоенную за годы службы орденов Красной Звезды, «Знак Почета», медали «За боевые заслуги». Перевели на преподавательскую работу опытнейшего нелегала, легендарную, Елизавету Зарубину.

Зато неслыханно вознесся «Минька» Рюмин. За раскрутку многоходовой провокации его вознаградили полковничьей

папахой, должностью начальника Следственной части и рангом заместителя министра МГБ СССР!

Справедливость, однако, как говорят, «честный парень». Менее чем через год Рюмин, не справившись с делом врачей, был из органов госбезопасности уволен и переведен на инспекторскую работу в Министерство госконтроля СССР (видимо, в «инстанциях» учли, что в свое время «Минька» закончил какие-то бухгалтерские курсы).

Первое главное управление в МГБ было восстановлено уже при министре Игнатьеве. Начальником его в ранге заместителя министра был назначен Сергей Савченко. Начальником Второго главного управления — Василий Рясной, также в ранге заместителя министра. (Ранее он работал министром внутренних дел Украины, а затем заместителем министра внутренних дел СССР.) Потом неожиданно для всех Савченко был снят с должности начальника ПГУ, переведен во второстепенный отдел, а на его место назначен… Рясной, никогда ранее разведкой не занимавшийся. Некомпетентность Рясного создавала множество проблем для всех сотрудников ПГУ, для Александра Короткова особенно. Оно и понятно: внешняя разведка вообще дело тонкое, а разведка с нелегальных позиций — деликатнейшее, тут наломать дров легче легкого.

В конце 1952 года Сталин решил произвести коренную реорганизацию. Уже был подписан приказ о создании в министерстве Главного разведывательного управления (ГРУ МГБ СССР), в которое должны были войти Первое и Второе главные управления и еще нескольких подразделений. Уже был назначен начальник ГРУ — первый замминистра МГБ Сергей Огольцов. Его заместителями должны были стать освобожденный из тюрьмы Евгений Питовранов (одновременно начальник управления внешней разведки) и Василий Рясной (переброшенный с разведки на контрразведку).

При жизни Сталина этот проект осуществить не успели, а после смерти вождя о нем вообще забыли.

К сожалению, по указанию вождя успели разогнать в ПГУ управление… нелегальной разведки! Малокомпетентный, но чутко прислушивающийся к каждому слову Сталина министр Игнатьев, даже не попытался переубедить его. (К слову сказать, распространенное мнение, что спорить со Сталиным было невозможно и опасно, глубоко ошибочно. С ним можно было спорить и его можно было переубедить. Однако для этого требовалось соблюдать два условия: приводить серьезные и обоснованные аргументы — первое, делать это в твердой, но вежливой форме — второе. Известно острое столкновение

маршала Константина Рокоссовского с Верховным Главнокомандующим при утверждении знаменитой операции «Багратион». А Рокоссовский знал, на что шел: до возвращения в строй ему пришлось провести несколько лет в тюрьме, где его подвергали жестоким допросам. Понятно, что Игнатьев, конечно, не Рокоссовский.)

Ломать — не строить, известно давно. Нелегалов разобрали по линейным отделам. Ничего хорошего эта реформа дать не могла, хотя бы потому, что возвращало все: отбор нелегалов, их подготовку (всегда индивидуальную), методику проникновения вначале в промежуточную страну, а затем в страну оседания, формы поддержания с ними особо законспирированной связи к уже пройденному рубежу.

Последние недели жизни Сталина были неделями невероятных потрясений во всех слоях общества. 13 января 1953 года было опубликовано печально знаменитое Сообщение ТАСС об аресте органами госбезопасности группы врачей-вредителей. Впервые откровенно было заявлено, что в свое время эти «убийцы в белых халатах получали инструкции из США через «известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса». Заканчивалось Сообщение ТАСС такими словами: «Следствие будет закончено в ближайшее время».

Тогда же сообщили, что помогла доблестным чекистам изобличить преступников в ранге академиков и профессоров простая русская женщина, рядовой врач Кремлевской больницы Лидия Тимашук.

20 января 1953 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Лидии Тимашук орденом Ленина.

В стране началась настоящая истерия, в некоторых случаях впору было говорить о массовом психозе. Во всех учреждениях прокатились стихийные и организованные митинги с требованием беспощадно покарать извергов. В поликлиниках были случаи нападения экзальтированных пациентов (особенно пациенток) на врачей-евреев, или просто похожих на евреев. Крупных специалистов с «ихними» фамилиями изгоняли из научно-исследовательских институтов, учебных заведений, просто с мало-мальски престижной или хорошо оплачиваемой работы. Причем, не только из медицинских учреждений, но повсеместно.

Началось безудержное восхваление «простой советской женщины» Лидии Тимашук. Один поэт даже назвал ее «советской Жанной д'Арк». Особенно кликушествовали две высокопоставленные журналистки — Елена Кононенко и Ольга

Чечеткина. Это с их подачи родился и мгновенно прижился термин «убийц в белых халатах».

Одной из характерных черт официальной советской идеологии было… лицемерие. Формально никакого государственного антисемитизма в СССР не было и быть не могло. Наша идеология — пролетарский интернационализм. О каком, следовательно, антисемитизме может идти речь? Не надо, дескать, путать этот отвратительный пережиток с борьбой с агентами буржуазной националистической идеологии — международным сионизмом. А это уже совсем другое дело, можно сказать, святое. А нормальные евреи у нас в стране в почете, как люди любой другой национальности. Разве не доказательство тому высокое положение в партии и государстве Лазаря Кагановича, Льва Мехлиса, Бориса Ванникова, дважды героя Советского союза генерал-лейтенанта Давида Драгунского, разве не издаются и не переиздаются у нас книги Самуила Маршака, Льва Кассиля, Ильи Эренбурга, разве кто-нибудь мешает работать замечательному артисту Аркадию Райкину или академику Абраму Иоффе?

Если бы депутат Государственной думы (в тогдашние времена — Верховного Совета) Альберт Макашов осмелился произнести публично слово «жид», он незамедлительно был бы исключен из рядов Коммунистической партии Советского Союза, лишен генеральских погон и, скорее всего, очутился на нарах Бутырской тюрьмы, невзирая на депутатскую неприкосновенность.

Трудно сказать, чем бы завершилось «дело врачей» (на самом деле куда более широкое дело, когда могла самым печальным образом решиться судьба миллионов советских евреев), если бы 5 марта 1953 года не умер Сталин. С его смертью не просто была перевернута очередная страница в истории нашей страны, но завершилась целая эпоха. И в истории не только СССР, но, пожалуй, всего человечества.

Перечислять все события, что последовали за 5 марта 1953 года, нет ни смысла, ни возможности. Остановимся только на том, что имеет прямое касательство к судьбе Александра Короткова и того ведомства, в котором прошла большая часть его, увы, недолгой жизни.

На совместном заседании Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ЦК КПСС Председателем Совета Министров СССР был назначен Георгий Маленков. Четыре человека стали первыми заместителями Председателя Совета Министров. В постановлении они были названы не в алфавитном, а в следующем порядке: Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов,

Николай Булганин, Лазарь Каганович. О Никите Хрущеве в постановлении было сказано уклончиво, что он, дескать, сосредоточился на работе в Секретариате ЦК КПСС.

Решено было объединить МВД СССР и МГБ СССР в единое Министерство внутренних дел СССР. Министром был назначен Лаврентий Берия.

Уже сам порядок, в котором были перечислены первые заместители главы правительства, означал, что центр власти в стране перемещается от партийных органов к государственным. К сожалению, это разумное дело не было доведено до конца, и вскоре все вернулось на круги своя. Никита Хрущев, ставший Первым секретарем ЦК КПСС, спустя некоторое время оказался уже и председателем Совета Министров СССР. Его преемники пошли дальше: они совмещали уже должность даже не Первого, а Генерального секретаря ЦК КПСС с постом главы государства!

Как заметил, безусловно, читатель, в перечне «первых заместителей: первым был назван Берия. Это по давней советской традиции означало, что он является вторым лицом в государстве. Более того, объединив два силовых ведомства — МГБ и МВД, Берия сосредоточил в своих руках власть, едва ли не превышающую власть самого Маленкова (к слову сказать, в отличие от всех четырех своих «первых» замов, не имеющего никакого опыта самостоятельной государственной работы).

Признаться, автор был немало удивлен, когда услышал от нескольких ветеранов Лубянки, что почти все сотрудники выше среднего звена были рады возвращению Берии.

— Слава Богу, — сказал Александр Коротков Виталию Чернявскому, — теперь закончится этот игнатьевский бардак, и мы начнем нормально работать.

Коротков не таил на Берию обиды за давнее, почти годовое отлучение от службы. Теперь, по прошествии времени, он понимал, что положение Берии тогда было весьма не простым — он должен был, фактически восстановить разведку и контрразведку после разгрома, учиненного на Лубянке «кровавым карликом» Ежовым, но делать все так, чтобы ни в коем случае не бросить и подобия тени на Сталина. Он должен был убрать из НКВД прямых пособников Ежова, но и сохранить наиболее ценные кадры, которых к тому времени можно было по пальцам пересчитать. Да, тогда он жестоко обошелся и с ним, и с Василием Зарубиным, и с Исхаком Ахмеровым, но в конце концов никого из них не посадил, не выгнал, а по прошествии времени вернул на прежние места, многих, в том числе его, Короткова, повысил и в звании, и в должности. Да, кремлевские игры идут по сценариям, простым людям зачастую непонятным…

Вот и теперь, первое, что сделал Берия, немедленно освободил всех ранее арестованных чекистов и в соответствии с их званиями и опытом назначил на ответственные посты в новом министерстве или на местах. Это не коснулось лишь Абакумова, Леонова, Комарова, Лихачева, Шварцмана, Бровермана и Чернова. Берия не хотел из-за бывшего министра МГБ, к которому не питал ни малейших симпатий, конфликтовать с новым Председателем Совета Министров Маленковым, который к тому же считался его другом.

Постановлением Совета Министров СССР были назначены три первых заместителя министра: Сергей Круглов, Иван Серов и Богдан Кобулов.

Исходя из определенных тонких соображений, Берия поменял местами номера главных управлений разведки и контрразведки.

Освобожденный из заключения генерал-лейтенант Леонид Райхман был назначен на важную должностью начальника Контрольной инспекции по проверке исполнения приказов министра.

Начальником следственной части по особо важным делам вновь стал генерал-лейтенант Лев Влодзиминский.

Бюро № 1 было преобразовано в 9-й отдел МВД (с теми же задачами) во главе с генерал-лейтенантом Павлом Судоплатовым, в распоряжение которого вернулся его старый друг, освобожденный из заключения генерал-майор Леонид Эйтингон.

Министром внутренних дел Украины Берия сделал своего давнего сослуживца генерал-лейтенанта Павла Мешика, министром внутренних дел Грузии — еще одного из старой гвардии — Владимира Деканозова, успевшего поработать за эти годы не только в МИДе, но даже заместителем председателя Восесоюзного радиокомитета! Еще в НКВД Деканозов получил звание комиссара госбезопасности третьего ранга. Поскольку уход в Наркомат иностранных дел означал увольнение с военной службы, то генеральское звание Деканозов получить не успел. И не успеет…

Своего самого надежного соратника генерала армии Всеволода Меркулова Берия решил пока в МВД не возвращать и имел на то очень серьезные основания. Меркулов уже давно занимал второстепенный при Сталине пост министра государственного контроля СССР. Второстепенный, поскольку судьбу крупных номенклатурных деятелей решал многолетний заместитель председателя и председатель Комитета партийного контроля (КПК) Матвей Шкирятов, по прозвищу «Милок» (а еще иначе — по прямому созвучию «Малюта Скуратов). По отношению к характеру и склонностями Шкирятова первое

прозвище выглядело насмешкой. Просто у Шкирятова была такая привычка: обращаясь к дрожащему от страха в ожидании приговора очередному «фигуранту», он ласково приговаривал: «А ты, милок, пойди в коридорчик. Посиди там, милок, а мы тут посоветуемся». Случалось, что из коридорчика людей отвозили либо в больницу с инфарктом, либо в «Матросскую тишину», где был построен корпус под особую партийную тюрьму и в нем же кабинеты для партийных следователей, оснащенных телефонами спецсвязи[162].

Теперь, после смерти Сталина, должность министра госконтроля приобретала, вернее, могла приобрести исключительно важное значение.

Начальником Первого главного управления (контрразведки) снова стал генерал-лейтенант Петр Федотов.

Начальником Третьего управления (контрразведка в вооруженных силах) был назначен генерал-полковник Сергей Гоглидзе.

Исполняющим обязанности начальника Второго главного управления разведки министр назначил Александра Короткова. Теперь уже от него самого в значительной степени зависело наведение порядка в доме, по меньшей мере, на одном из его этажей.

Автор данной книги не собирается вступать в идущую уже несколько лет полемику о личности Лаврентия Берии, давать оценку его нравственным устоям (при их наличии, разумеется), вникать в мотивы поступков и решений. Занятие это, с его точки зрения, абсолютно бессмысленное, поскольку массовое сознание по данному поводу зиждется на многолетних мифах. А оспаривать мифы невозможно. Мифы либо испаряются как бы сами по себе, по мере накопления информации до какой-то критической массы, либо заменяются другими мифами, противоположного знака. Причем демифологизация осуществляется у разных групп населения и отдельных лиц с различной скоростью и глубиной. Одним, чтобы разувериться в былом кумире, достаточно ознакомиться с одним-единственным, но достоверным документом. На других долгие десятилетия не действуют никакие, самые убедительные аргументы. Они их просто не воспринимают, как, скажем, человек, в отличие от некоторых насекомых не воспринимает инфракрасные лучи. Именно поэтому до сих пор сохранились яростные сталинисты в анпиловской «Трудовой Москве» (в которой, вопреки названию, состоят преимущественно пенсионеры с многолетним стажем). Мифы иногда могут возрождаться. Чаще всего такое происходит во времена смут и потрясений. Этим, в частности, можно

объяснить появление в России на рубеже тысячелетий убежденных юных сторонников Сталина и даже… Гитлера.

Согласно устоявшемуся мифу, Лаврентий Берия — самый страшный злодей, когда-либо живший на одной шестой части земной суши, которая когда-то называлась СССР. Но так ли это? И действительно ли, что тот же Шкирятов, невзрачные Швернин и Андреев, Маленков или импозантный алкоголик Булганин по сравнению с ним лубочные святые? Можно сколь угодно часто повторять, что необычные, экстраординарные меры, предпринятые Берией после смерти Сталина, носили, как бы мы сказали сегодня, популистский характер. Но почему совершил их именно он, а не тот же Маленков, у которого, как у главы правительства, было на то гораздо больше возможностей? Нравится это кому-либо или нет, но приходится признать, что Берия весной 1953 года опередил время на несколько десятилетий.

Уже 4 апреля в газетах было опубликовано Сообщение ТАСС, из которого потрясенная страна узнала, что врачи-«убийцы» были арестованы без каких-либо на то оснований, что следствие по их делу велось с грубым нарушением советских законов, с применением «запретных методов», а попросту — пыток и избиений. Все арестованные по делу «убийц в белых халатах» были немедленно освобождены с принесением извинений и восстановлены на работе и в партии (если являлись членами ВКП(б). Такое публичное признание совершилось впервые за всю историю Советской власти и явилось, в сущности, первым же случаем политической реабилитации безвинно репрессированных людей[163]. В тот же день был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене предыдущего Указа о награждении Лидии Тимашук орденом Ленина. Злосчастная советская Жанна д’Арк так и не успела толком понять вначале, за что ее удостоили высшей награды Родины, а следом — за что оную отобрали.

28 апреля 1953 года по предложению Берии бывший министр госбезопасности Игнатьев за «дело врачей» был выведен из состава ЦК КПСС. Теперь же по предложению Хрущева его восстановили в правах члена ЦК. В дальнейшем Игнатьев благополучно работал первым секретарем Татарского и Башкирского обкомов КПСС.

К этому времени Рюмин по распоряжению Берии уже был арестован. Позднее его судили и расстреляли.

Далее Берия разобрался с обстоятельствами гибели, а точнее, уничтожения Михоэлса. Он лично допросил бывшего министра

МГБ СССР Абакумова, его первого заместителя Огольцова, а также бывшего министра госбезопасности Белоруссии Цанаву, на чьей даче на тогдашней окраине Минска и произошло умерщвление Михоэлса и его спутника. Абакумов твердо заявил, что приказ о ликвидации Михоэлса он получил в устной форме лично от Сталина, и что никто в МГБ кроме него и прямых исполнителей операции об этом не знал.

Берия направил письмо в адрес Председателя Совета министров СССР Маленкова с требованием лишить участников двойного убийства правительственных наград и предать их суду.

Ордена у них отобрали, но под суд так никто и не попал. Спас «великолепную шестерку»… арест Берии![164]

Этот поступок никак нельзя назвать популистским, поскольку письмо было секретным и опубликовано лишь спустя многие десятилетия. Точно так же нельзя считать популистским приказ Берии, категорически запрещающий применять к арестованным меры физического воздействия. Приказ, как и письмо Маленкову, также был секретным[165].

По представлению Берии были освобождены из тюрьмы, реабилитированы, восстановлены в званиях Александр Новиков, Алексей Шахурин и другие репрессированные по «делу авиаторов»[166].

Следствие велось пятнадцать месяцев, но ни один из арестованных себя виновным во вредительстве не признал. Секретным приказом Берии от 17 апреля 1953 года следственное дело на них было прекращено, они из-под стражи освобождены и восстановлены во всех правах.

Некоторые решения министра Коротков в силу своей все же молодости и отсутствия опыта на работе государственного масштаба в полной мере понять тогда и оценить не мог. К тому же работникам его уровня просто не положено было вникать в суть и смысл событий, происходящих хотя бы одной ступенькой выше этого уровня. Нужно было пережить и пятьдесят третий, и пятьдесят шестой годы, чтобы, наконец, хоть в какой-то степени сбросить с глаз шоры официальной идеологии.

Да, Берия был жестоким прагматиком и циником, способным ради достижения цели и на самый благородный, и на абсолютно бесчеловечный поступок. Таковы уже были нравы в среде его обитания. В этом отношении он был не лучше, но и не хуже других вождей в сталинском окружении. Но он был на голову их умнее, дальновиднее. Это и сгубило его, в конечном счете. Есть такая поговорка: «Бьют по шляпке того гвоздя, что торчит». Вот по нему и ударили. Вовсе не по тому, что Берия готовил какой-то

заговор с целью захвата власти — это миф. Берия прекрасно понимал, что второму грузину главным вождем в СССР не бывать, а реальной власти у него, как первого из «первых заместителей», к тому же министра, и так хватало. Нет, все они, и Маленков, и Молотов, и Ворошилов, и даже будущий «изобличитель» Сталина Хрущев боялись за собственную шкуру. Свалив Берию, можно было на него списать собственные грехи, и немалые. Да, конечно, никто из них не возглавлял при жизни Сталина политическую полицию, как бы она ни называлась, но на руках у каждого вождя было крови никак не меньше, нежели у Берии. А уж о конкретных заслугах перед государством — тут о сравнении и речи быть не могло. Как-никак, именно Берия возглавлял советский «атомный проект», обеспечил в кратчайшие сроки создание «атомного щита», чего, кстати, никогда не отрицали выдающиеся ученые, работавшие в те годы над этой проблемой.

Да и разведка и контрразведка, когда ими руководил Берия, занимались отнюдь не только выявлением распространителей антисоветских анекдотов.

Автору представляется, что уже на следующий день после смерти Сталина его наследники поняли, что изменение политического курса, ликвидация в какой-то, желательно самой мягкой форме культа его личности неизбежны, и потому рано или поздно выплывет проблема предвоенных и послевоенных репрессий. И кому-то придется за них отвечать. И тот, кто первым произнесет это неизбежное «а», тот и станет первым лицом. Не таким, конечно, каким был усопший вождь, но все же первее других.

И тут у заведомо перепуганных наследников сложилось убеждение, что Берия непременно возжелает стать этим первым из первых. Потому что шансов на это у него (что соответствовало действительности) было куда больше, нежели у тех же Маленкова, Булганина, Хрущева, Молотова, Ворошилова, Кагановича… Ведь у Берии была репутация человека, пресекшего «ежовщину», освободившего перед войной добрую треть миллиона невинно репрессированных. (Тогда как, к примеру, Молотов и Калинин не решились вступиться за собственных жен, Каганович — за родного брата…)

О якобы намечаемом Берией военном перевороте говорить всерьез не приходилось. Непосредственно ему в Москве подчинялись лишь дивизия внутренних войск имени Дзержинского и кремлевский полк. Между тем почти в черте города были дислоцированы знаменитые Таманская и Кантемировская дивизии, в столице имелось десятка два военных академий и училищ, которым по приказу министра обороны

ничего не стоило ту же дивизию имени Джержинского блокировать.

Но в распоряжении министра внутренних дел было оружие куда более страшное: секретные и сверхсекретные архивы, списки приговоренных к репрессиям по «первой категории» с резолюцией не только Сталина, но и Молотова, Ворошилова, Хрущева и прочих. Этого было достаточно, чтобы наследники Сталина дружно ополчились на одного из своих и попросту предали его, чтобы спасти если уж не свои жизни, то посты и репутацию. Берия был обречен не с того момента, когда, как утверждал Хрущев, руководству стали известны «заговорщицкие планы врага народа и английского шпиона Берии», а с того мартовского дня, когда они же назначили его одним из первых заместителей председателя Совета Министров и министра внутренних дел СССР. Заговор действительно имел место. Но во главе его стояли Хрущев и Маленков, а не Берия.

Энергичные меры, предпринятые Берией по наведению порядка в стране, лишь ускорили созревание хрущевско-маленковского заговора.

Берия стал инициатором знаменитой амнистии, когда из 2 526 402 заключенных, содержавшихся в лагерях и тюрьмах, подлежало освободить 1 203 421 человека. Впоследствии, чтобы ослабить впечатление от этого беспрецедентного шага, власти распустили слухи, что Берия злонамеренно выпустил на волю тысячи убийц, грабителей и насильников. То была ложь. В этом можно убедиться, посетив любую библиотеку, чтобы собственными глазами прочитать тот Указ об амнистии.

На самом деле по амнистии подлежали освобождению лица, получившие срок до пяти лет, осужденные за хозяйственные и должностные преступления, беременные женщины и женщины, имеющие детей до 10 лет, больные. Конечно, имел место временный всплеск уголовных преступлений, но его достаточно быстро погасили органы правопорядка. Тогда же Берия предложил передать лагеря из ведения министерства внутренних дел в министерство юстиции. Данная мера осуществлена в России лишь спустя сорок пять лет! Тогда же Берия предложил передать все стройки, предприятия, «шарашки» МВД в ведение соответствующих промышленных ведомств.

Впоследствии Берии вменят в вину, что он вызвал в Москву несколько десятков (иногда говорят — сотен) резидентов советской разведки и советников при органах госбезопасности в странах, как их тогда называли, «народной демократии», тем самым дезорганизовав деятельность разведслужбы Кремля. На самом деле Берия предпринял меры к устранению недостатков

внешней разведки и укрепления ее личного состава, в первую очередь руководящего. Взять хотя бы советнический аппарат в странах «народной демократии». Берия большую часть его считал совершенно непригодным для надлежащего исполнения возложенных на него функций. Хотя бы по той простой причине, что почти ни один советник не знал ни языка, ни истории, ни культуры, ни традиций, ни менталитета народа той страны, в которой работал. Многие из них к тому же вели себя по отношению к местным работникам совершенно бесцеремонно, не столько «советовали», сколько откровенно, не считаясь с самолюбием даже министров и секретарей ЦК компартий, командовали.

К слову сказать, когда Коротков через четыре года снова вернется в Германскую Демократическую Республику в качестве представителя КГБ, то он также будет без сожаления расставаться с некоторыми сотрудниками лишь потому, что они не владели в должной степени немецким языком.

На июньском, 1953 года, Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся сразу после ареста Берии и — в нарушение Устава партии — в его отсутствие, бывшего министра внутренних дел обвиняли в предательстве делу социализма за то, что он в семь раз уменьшил численность чекистского аппарата в ГДР, что способствовало, мол, возникновению там 17 июля 1953 года массовых беспорядков.

На самом деле массовые выступления трудящихся ГДР, подавленные лишь вмешательством советских оккупационных войск, произошли из-за топорной политики руководства республики, поставившего своей целью ускоренное построение социализма в Восточной Германии. Эта политика пользовалась полной поддержкой СССР и при Сталине, и при Маленкове. Именно по этой причине, а не из-за сокращения чекистского аппарата сотни тысяч жителей ГДР и Восточного Берлина бросали ежегодно свои дома и имущество и бежали на Запад.

Умеющий быть здравомыслящим и лучше, нежели его коллеги по Политбюро (Президиуму) ЦК КПСС, информированный о реальной жизни в Советском Союзе и за границей, Берия полагал бессмысленной затеей искусственное насаждение социализма в Восточной Германии и вообще саму теорию двух германских государств. Он полагал наилучшей гарантией сохранения надежного мира в Европе не противостояние ГДР и ФРГ, но наличие единого демократического, демилитаризованного, пускай и капиталистического германского государства. Как мы знаем, объединения Германии тогда не произошло (правда, по вине не

только СССР, но и западных держав).

Фитиль к пороховой бочке в центре Европы в виде двух германских государств и двух Берлинов тлел в центре Европы еще почти сорок лет.

Примечательно, как вспоминают сослуживцы Короткова, что Александр Михайлович только в официальных случаях употреблял официальные же названия обоих германских государств: ГДР и ФРГ. Обычно же говорил просто «Германия». Уже из одного этого следовало, что он со временем стал считать разделение страны неестественным и потому временным. Однако полковник Коротков полагал, что решение этой проблемы дело не спецслужб, высшего руководства всех заинтересованных стран. Его дело разведка и только разведка.

Берия высказал тогда же еще одну еретическую мысль, которую сваливший его Хрущев претворил в жизнь через три года уже якобы как собственную инициативу: он счел необходимым восстановить нормальные отношения с Югославией.

И предпринял в этом направлении некоторые шаги. Так, однажды министр вызвал к себе Короткова и предложил ему секретно направиться в Белград и провести там предварительные переговоры если и не с самим маршалом Иосипом Броз Тито, то с Александром Ранковичем. Последний занимал в Югославии примерно такое же положение, что Берия в СССР.

Почему выбор министра пал на Короткова? Сегодня об этом можно лишь гадать. Видимо, Берия ценил деловые качества полковника, его умение находить контакт с собеседником, некоторое знание страны, приобретенное за время командировок в военные годы. Наконец, Берия, безусловно, был осведомлен, что полковник Коротков удостоен одного из высших югославских орденов. (После разрыва отношений между двумя партиями и странами, советским гражданам, награжденным югославскими орденами и медалями, «рекомендовали» отказаться от них в знак протеста против «преступной клики Тито-Ранковича». Коротков свой орден не сдал!)

От предложения министра Коротков отказался. И правильно сделал, иначе после ареста Берии и расправы над ним мог оказаться в числе его «приспешников» со всеми вытекающими отсюда грустными последствиями.

Свой отказ Коротков мотивировал чрезвычайной занятостью в должности исполняющего обязанности начальника внешней разведки, невозможность покинуть Москву даже на один день в этот сложный период реорганизации аппарата и прочее, и прочее. Причины, конечно, уважительные. Однако, по мнению автора, Короткову не понравилось, что поездка должна была быть

абсолютно секретной, о ней ничего не должен был знать даже Вячеслав Молотов, тогда и первый заместитель Председателя Совета Министров, и министр иностранных дел СССР! Это не могло не насторожить Короткова. Он понимал, что секретность, конечно, непременная составляющая деятельности разведки. Но у всего есть свой предел. Короткову довелось с тем же Молотовым выезжать на сессии министров иностранных дел, и он знал, на каком уровне согласовываются даже самые незначительные на первый взгляд шаги в международном общении. Такая миссия наведение мостов с Югославией — не могла иметь места без ведома министра иностранных дел, ЦК КПСС, и поездку следовало рассматривать не как операцию разведки, а серьезную акцию государственного и международного масштаба. Распоряжения одного лишь первого заместителя Предсовмина и министра в данном случае было явно недостаточно.

Коротков раскрутил совершенно правильно. К сожалению, на этом деле пострадал известный контрразведчик Сергей Федосеев (впоследствии один из главных разработчиков при изобличении предательской деятельности Олега Пеньковского и автор многих книг о разведке под псевдонимом Ф. Сергеев).

Федосеев принял предложение Берии. Ни до какого Белграда он, однако, доехать не успел. Но успел даже покинуть Москву. Потому как его разговор с министром имел место перед самым арестом Берии. Видимо, при их встрече присутствовал кто-то еще, поскольку именно на этом основании новое руководство МВД поначалу вообще намеревалось уволить Федосеева со службы, как «пособника врага народа». Трогать его все же не стали, но долгие годы притормаживали служебный рост опытного, умного и одаренного контрразведчика.

26 июня 1953 года Лаврентий Берия был арестован.

Затем последовали аресты либо увольнения из МВД многих генералов и старших офицеров как в центральном аппарате, так и на местах. В частности, были арестованы и осуждены впоследствии соответственно к пятнадцати и двенадцати годам лишения свободы Павел Судоплатов и Леонид Эйтингтон. Арестовали и Леонида Райхмана[167].

16-23 декабря 1953 года в Москве под председательством маршала Ивана Конева состоялось Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, образованное для рассмотрения дела Лаврентия Берии, Богдана Кобулова, Всеволода Меркулова, Владимира Деказанова, Павла Мешика, Льва Влодзимирского и Сергея Гоглидзе.

В числе вмененным подсудимым преступлений упоминались измена Родине и шпионаж в пользу разведок империалистических

держав. Эти обвинение могли вызвать у ветеранов разведки и контрразведки, хорошо представляющих, что такое шпионаж, только недоумение…

Тем не менее, все подсудимые были признаны виновными во множестве преступлений и приговорены к высшей мере наказания.

«Акт. 1953 года, декабря 23.

Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23декабря 1953 года за № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведен в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берии Лаврентия Павловича».

Акт скреплен подписями названных трех лиц.

Еще одни акт:

«23 декабря 1953 года замминистра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора Сопильника привели в исполнение приговор специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденным: Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 г. Р[168].

Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 г. р.

Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 г. р.

Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 г. р.

Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 г. р.

Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 г. р.

к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в вышеупомянутые осужденные расстреляны». Смерть констатировал врач (подпись).

В архивах ФСБ хранятся десятки тысяч справок спецотделов о приведении в исполнение смертных приговоров. Ни в одной из них не упомянута фамилия исполнителя. Они были лицами засекреченными, в штатах НКВД могли числиться кем угодно: шоферами, надзирателями тюрем, охранниками.

Данные два акта — единственные исключения. Исполнители смертных приговоров названы и по фамилии, и по занимаемой должности.

В тот же день, что был арестован Лаврентий Берия — 26 июня 1953 года, — новым министром внутренних дел СССР был назначен Сергей Круглов.

Обязанности начальника внешней разведки Александр Коротков исполнял примерно два месяца. 17 июля 1953 года начальником главного управления МВД (внешней разведки) был назначен председатель Комиссии по выездам ЦК КПСС, бывший посол СССР и США и Китае, Александр Панюшкин. Александр Коротков остался его заместителем.

1 сентября 1953 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено Особое Совещание при МВД СССР. Наконец-то ликвидировали этот позорный для страны, почитающей себя цивилизованным государством, орган вне судебной расправы.

Вскоре высшее руководство страны пришло к заключению, что нельзя вверять в одни руки руководство и органами государственной безопасности, и внутренних дел. По мнению автора, это решение диктовалось не столько интересами дела, сколько страхом. Обыкновенным страхом, что, попади, не дай Бог, такой двухголовый монстр в распоряжение какого-нибудь нового Ежова с амбициями главы страны, многим, стоящим сегодня у власти, не сносить головы.

Потому-то 10 февраля 1954 года ЦК КПСС принял решение о выделении органов государственной безопасности в самостоятельное ведомство. Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 марта 1954 года был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Министром внутренних дел СССР был оставлен генерал-полковник Сергей Круглов. Председателем КГБ при Совете Министров СССР был назначен генерал-полковник (с августа 1955 года генерал армии) Иван Серов. Тот самый Серов, с которым Коротков работал в Берлине в 1945–1946 годах и хорошие отношения с которым, невзирая на разницу в званиях и должностях, у него сохранились и на тот день, и до конца жизни.

Год сомнений и тревог…

Февраль 1956 года принес советским людям сильнейшее — после марта 1953 — потрясение. С 14 по 24 февраля в большом Кремлевском дворце проходил XX съезд КПСС. Уже после заключительного закрытого заседания в пятницу 24 февраля, на котором состоялись выборы центральных органов партии, делегатов (многих в гостинице, уже пакующих чемоданы) попросили не разъезжаться, а задержаться еще на день.

В субботу, 25 февраля, на «секретном» заседании съезда первый секретарь ЦК Никита Хрущев прочитал свой «секретный» же доклад о культе личности Иосифа Сталина и ликвидации его тяжелых последствий[169].

Доклад, разумеется, был секретом полишенеля. В виде закрытого письма ЦК КПСС доклад в виде брошюры за номером, в красно-лиловой обложке рассылался по первичным партийным организациям и зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях на предприятиях, в организациях, учреждениях, воинских частях. Разумеется, через несколько дней содержание доклада знала вся страна. Естественно, вскоре он был напечатан в крупнейших газетах всего западного мира и вызвал там настоящую сенсацию. Не напечатали его только в советских газетах. Внятного объяснения этому не найдено и по сей день. Здравым смыслом тут и не пахло. Видимо, объяснение следует искать в мании секретности, царствующей многие десятилетия в советском обществе. В СССР умудрились засекретить даже страшное ашхабадское землетресение 1948 года, унесшее десятки тысяч жизней. В СССР доклад Хрущева был опубликовал лишь лет через тридцать, когда самые сенсационные его абзацы после разоблачений преступлений сталинского режима выглядели детским лепетом.

Коротков, как почти что все руководящие сотрудники ГКБ, не удовлетворился прослушиванием доклада, но (благо имелась такая возможность) прочитал и своими собственными глазами, чтобы лучше и глубже вникнуть в его содержание и смысл.

Некоторые положения не могли не вызвать недоумения. О Сталине — все ясно. Без великого вождя в СССР ничто не свершалось и свершаться не могло. Но почему все смертные грехи повесили только на него и ОГПУ-НКВД-МГБ? Почему столь упорно утверждается, что органы госбезопасности вышли из-под контроля партии, поставили себя над партией, творили произвол и беззаконие как хотели и над кем хотели? Но ведь, как говорится в известной присказке, и ежу понятно, что никакой, самый

высокопоставленный сотрудник НКВД, ни Ягода, ни Ежов, ни Берия, не мог арестовать (даже при наличии серьезных оснований) наркома, секретаря ЦК компартии союзной республики, директора Магнитогорского комбината, народного артиста СССР, Маршала Советского Союза просто так, по собственному разумению. Да что там маршала — обыкновенного двадцатилетнего лейтенанта, каких пачками каждую весну выпускали военные училища, нельзя было арестовать без санкции на то наркома обороны Клима Ворошилова! Между прочим, многолетнего члена Политбюро ЦК! На арест номенклатурных работников других ведомств также требовалась санкция соответствующего наркома. Кто же, в таком случае, дал санкции на арест наркомов, которые зачастую были членами ЦК или депутатами Верховного Совета? Кстати, с депутатами, а как же их арестовывали при наличии депутатской неприкосновенности? А с членами Политбюро?

Ладно, допустим, Сталин злодей из злодеев, но не мог же он один указать органам госбезопасности на несколько миллионов человек, которых следовало репрессировать на бескрайних просторах Советского Союза. И где в это время были его верные соратники и ближайшие сотрудники (не считая расстрелянных, конечно), в том числе сидевшие в президиуме XX съезда Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, другие члены Политбюро — Президиума ЦК, сам докладчик Хрущев? Как они допустили также беззакония и преступления?

Тогда еще не были опубликованы документы, свидетельствующие не только о молчаливом попустительстве, но и прямой причастности всех без исключения партийных вождей разного ранга к гибели миллионов безвинных людей. Всех без исключения, в том числе и тех партийных и государственных деятелей высшего эшелона власти, которые в разные годы и сами пали жертвами репрессий. Однако ни тогда, ни по сей день ни КПСС, ни ее преемница КПРФ не взяли на себя ответственности за этот кошмар. Уныло, хотя и не без пафоса повторяют заученно от Хрущева до Зюганова о неких ошибках, которые, мол, сама же партия исправила.

Сталин был мертв. Ягода, Ежов, Берия также мертвы. Уцелевшие соратники вождя, включая его изобличителя-докладчика, переизбраны в новый состав Президиум ЦК КПСС. Кому же ходить в козлах отпущения? Естественно, преемнику НКВД нынешнему КГБ при Совете Министров.

Это означало очередную чистку. Понятно, что чекистов, занимавших даже средние посты в органах госбезопасности при Ягоде и Ежове, почти не осталось. Подавляющее большинство

комиссаров всех рангов было репрессировано давным-давно, кто-то погиб на фронте, кто-то (этих можно по пальцам пересчитать) умер своей смертью. Но оставалось достаточно много генералов и полковников, сделавших карьеру уже во времена Берии и Абакумова. И тут уже не имело особого значения, замешаны они были в каких-либо преступлениях (это мягко называлось «нарушениями социалистической законности»), или нет[170].

В феврале 1956 года Серов доложил ЦК КПСС, что с марта 1954 года из органов государственной безопасности было уволено шестнадцать тысяч сотрудников, «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников». Спустя год эта цифра увеличивалась еще на две тысячи человек. Сорок бывших ответственных работников лишены генеральских званий. Всего же только из центрального аппарата уволено свыше двух тысяч человек, из них сорок восемь с должностей начальников отделов и выше. Не приходится сомневаться, что определенная часть уволенных того заслуживала, возможно, даже более серьезного наказания, вплоть до отдачи под суд. Однако вызывает сомнение и то, что все эти восемнадцать тысяч враз изобличенных действительно не внушали политического доверия и злостно нарушали социалистическую законность.

Кто же заменил уволенных генералов и полковников? Ну, эта проблема всегда решалась проще простого. На их места ЦК партии направил более шестидесяти человек с руководящей партийной и советской работы. С такой же легкостью ЦК был способен в одночасье поменять руководящий состав любого министерства и ведомства. (Был же случай, когда секретарь горкома партии был назначен вначале заместителем министра тракторной промышленности, а позднее — послом в одну небольшую европейскую страну.) И никого это не удивляло и не озадачивало.

Правда, теперь уже изгнанных из КГБ не расстреливали, ограничивались разжалованием, следовательно, лишением генеральских или полковничьих пенсий, исключением из партии. Только и всего…

Какие-то нарушения так называемой и весьма своеобразно толкуемой законности (обычно по прямому указанию высшего толкователя этой самой законности в лице ЦК КПСС) можно было при желании найти у любого тогдашнего сотрудника МГБ-КГБ. Повезло или не повезло (это с какой точки смотреть) многолетнему руководителю контрразведки и разведки генерал-лейтенанту Петру Федотову. Он не был арестован, как многие его

коллеги. Поначалу Федотова в 1956 году просто освободили от должности начальника Второго главного управления и назначили заместителем начальника редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ (с обязанностями на этой должности вполне бы справился майор). Лишь через три года о Федотове вспомнили, чтобы (уже при председателе КГБ А. Шелепине) уволить из органов госбезопасности и лишить генеральского звания.

Рассекреченный тогда же секретный доклад Хрущева имел нежданные и весьма серьезные последствия на международной арене. Многие идейные коммунисты в различных странах, в том числе с давним стажем и большими заслугами в рабочем и революционном движении, пережив глубокое разочарование и в личности Сталина, которого ранее искренне боготворили, и в Советском Союзе, в котором видели пример и мечту всего прогрессивного человечества, стали выходить из партии.

Серьезные потери понесла и внешняя разведка КГБ. После доклада Хрущева и ряда публикаций в советской прессе начался исход, если и не массовый (это слово к разведке просто неприменимо), то достаточно чувствительный, агентов-иностранцев в странах так называемой западной демократии. А между тем сила советской внешней разведки (также и военной) всегда основывалась на том, что подавляющее большинство ее агентов за рубежом сотрудничали ОГПУ-НКВД-КГБ (а также с ГРУ) исключительно из идейных соображений. Денежное вознаграждение не играло для них сколь-либо существенной роли.

Для этих людей — их и агентами-то называть грех, они были настоящими помощниками кадровых советских разведчиков — разочарование в Сталине, Советском Союзе, коммунистических идеалах было настоящей катастрофой. Получалось, что вся их жизнь, деятельность, связанная с немалым риском, вроде бы были потрачены служению ложным богам. И они уходили. Хорошо, если молча, проглотив обиду, погружались в частную жизнь. Но случалось и худшее: невыносимая обида, попранная гордость и достоинство толкали вчерашних преданных помощников в объятия спецслужб своих стран.

Залатать эти дыры в агентурных сетях было непросто, и удавалось это сделать без серьезных потерь далеко не всегда. И уж во всяком случае, на это требовалось время.

Внимательное изучение доклада Хрущева невольно натолкнуло Короткова на горькую, но вполне логичную догадку. Он хорошо помнил, что все изобличенные в системе внешней разведки «враги народа» (как и руководители ведомства в целом)

были осуждены за измену Родине и шпионаж в пользу империалистических держав. Но какую шпионскую информацию мог поставлять своим закордонным хозяевам (скажем, немцам или американцам) сотрудник ИНО или Разведупра? В первую очередь, разумеется, о советских агентах, действующих в этих странах. Однако Короткову было доподлинно известно, что ни один советский разведчик в этих странах, равно как и во всех остальных, не был изобличен и арестован по наводке из Москвы! Те же Леман, Куммеров, Харнак работали в Германии на советскую разведку многие годы и погибли уже во время войны вовсе не по вине расстрелянных в 1937–1938 годах в Москве своих тогдашних руководителей! Это были грустные догадки и озарения…

Между тем начальник ПГУ генерал-майор Александр Панюшкин был возвращен на ответственную работу в ЦК КПСС. Многие на Лубянке полагали, что его преемником станет Коротков, уже побывавший в положении «и. о.» и досконально эти обязанности знающий. Этой уверенности сослуживцев способствовало то обстоятельство, что ни для кого в разведке, да и в КГБ в целом, не были секретом дружеские отношения между Серовым и Коротковым. Внешне они были очень разными: Коротков при своей фамилии за метр восемьдесят, и низкорослый, но физически крепко сбитый, очень подвижный Серов. Правда, по возрасту генерал был на четыре года старше полковника, однако по чекистскому стажу — на десять лет уступал (он пришел в органы госбезопасности лишь в 1939 году из РККА на должность заместителя начальника главного управления милиции). Но факт остается фактом: они дружили. Им довелось вместе работать и во время войны и, особенно тесно, после войны в Германии.

Впрочем, причины, по которым дружеские узы объединяют порой очень разных людей, неисповедимы. Внешне легко прослеживалось некое общее увлечение: и Коротков, и Серов были заядлыми теннисистами и часто, вернее, при каждой возможности играли друг с другом и на кортах в Карсхорсте, и в Москве на «Динамо». Случалось им одновременно жить в одном санаторном домике в Крыму, и Серов, заядлый рыболов, тщетно пытался привить страсть к рыбалке и Короткову, которого в неофициальной обстановке называл по простому «Михалыч». Однако они никогда не были на «ты», и Александр Михайлович никогда не пользовался расположением председателя, чтобы решить какие-то проблемы личного плана. Вот служебные вопросы — совсем иное дело. Тут он не стеснялся. Касался ли вопрос управления «С» или ПГУ в целом (когда он был «и. о.»)

шел, минуя все промежуточные инстанции, прямиком к Серову и, как правило, добивался нужного решения. Но такое вряд ли можно называть злоупотреблением с его стороны. Просто председатель доверял начальнику управления «С» или «и. о.» ПГУ как высокопрофессиональному и компетентному специалисту.

Потому сотрудники ПГУ испытали некое недоумение, когда узнали, что начальником разведки утвержден вовсе не Коротков, а его полный тезка, Александр Михайлович Сахаровский, достаточно опытный контрразведчик, но зарубежными делами никогда ранее не занимавшийся[171].

Сегодня трудно сказать, пытался ли Серов продвинуть Короткова на должность начальника ПГУ или нет. Председатель КГБ решить эту проблему своим приказом не мог. В его компетенции была лишь рекомендация кандидата или кандидатов. Окончательное решение принимал не он, а высший партийный орган: Президиум ЦК КПСС, возможно, даже в отсутствие Серова. Первое и последнее слово на заседаниях Президиума и Секретариата ЦК принадлежало Хрущеву, ну, а самодурство Никиты Сергеевича, особенно в кадровых вопросах, общеизвестно.

Хрущев вообще недолюбливал органы госбезопасности. (Он даже не подозревал, а точно знал, что в сейфах бывшего НКВД и в Москве, и в Киеве могут всегда сыскаться недоуничтоженные по его распоряжениям кое какие документики.) Это проявилось, в частности, в том, что он, по примеру Сталина, долгое время отказывался присваивать генеральские звания полковникам, по десять и более лет пребывающим на генеральских должностях. Тем не менее, в мае 1954 года, вскоре после своего назначения председателем, Серов добился в ЦК, чтобы десяти ответственным сотрудникам КГБ было присвоено звание генерал-майора «в виде исключения» (в их числе был и Панюшкин). Через два года Серов пробил погоны с зигзагами еще одной группе высших должностных лиц в центральном аппарате КГБ и на местах. Генерал-майором, наконец, (4 января 1956 года) стал и Коротков, носивший, как принято было выражаться в офицерской среде, уже третью полковничью папаху[172]. (На самом деле он никакой папахи обычно не носил, как и военной формы вообще, разве что в особо торжественных или официальных случаях.)

Присвоение генеральского звания было, разумеется, отмечено достойным образом в кругу самых близких друзей и сослуживцев, вот только звездочку по старой офицерской традиции опустить в стопку с водкой не пришлось: генеральская звездочка на погоне с зигзагом не прикалывалась, в вышивалась серебром.

Публикация доклада Хрущева за рубежом, в странах

Восточной Европы привела к серьезным, даже трагическим последствиям. Речь идет о начавшихся в Польше и Венгрии волнениях. О том, как развивались события в Польше, автор напоминать читателю не будет — они не имеют прямого отношения к главному герою книги. Иное дело — Венгрия.

Автор хорошо помнит, что писала осенью 1956 года советская пресса: контрреволюционный фашистский мятеж, инициированный спецслужбами стран НАТО, в первую очередь — США. И фотографии: повешенные на балконах и фонарных столбах за ноги, изрезанные ножами обнаженные тела партийных активистов и офицеров венгерских органов безопасности, костры из книг русских классиков и советских писателей. Советский Союз, верных своему интернациональному долгу, вынужден ввести в Будапешт войска для подавления мятежа.

В конце 1996 года автору довелось присутствовать на собрании в обществе «Мемориал», посвященном сорокалетию венгерских событий. Выступавшие говорил, что в Венгрии имел место всего лишь выступления трудящихся, в первую очередь студенческой молодежи, против тоталитарного режима сталиниста Матиаса Ракоши — тогдашнего первого секретаря ЦК Венгерской партии трудящихся, зверски подавленные советскими танками. По стенам зала, где происходило собрание, были развешаны фотографии, запечатлевшие заседания «кружка Петефи», ставшего центром общественно-политических дискуссий, разгон милицией студенческой демонстрации, бронетранспортеры с «советскими оккупантами» на улицах Будапешта…

И ни одной фотографии повешенных коммунистов и офицеров, разбитых мародерами витрин ограбленных магазинов, костров из книг…

И все выступления — сплошные проклятия в адрес «советских оккупантов», изобличения коварства тогдашнего посла СССР в Венгрии Юрия Андропова и его помощника, скромного третьего секретаря посольства Владимира Крючкова (фактически лишь потому, что спустя годы оба они были председателями КГБ СССР).

Увы, к сожалению, обе, взаимоисключающие вроде бы трактовки венгерских событий, в равной степени правдивы и в столь же равной степени лживы. Есть расхожее мнение, что истина лежит между двумя крайними точками зрения. На самом деле, между таковыми лежит проблема…

Первым секретарем ЦК ВПТ был тогда старый революционер Матиас Ракоши. Убежденный марксист, он шестнадцать лет провел в тюрьмах, пока не был обменен советским правительством на старые австро-венгерские знамена,

захваченные русской армией еще в Первую мировой войну, и вывезен в СССР. Ракоши был образованный человек — свободно владел пятью иностранными языками. К сожалению, он являлся замшелым догматиком и фанатичным сталинистом, насаждавшим в послевоенной Венгрии все самое худшее, что было в советских порядках, не считаясь ни с традициями, ни с менталитетом своего народа (вплоть до замены системы оценок, издавна принятых в венгерских школах, на советские). Ракоши не в состоянии был не только принять, но даже просто понять материалы XX съезда КПСС, относящие к радикальной переоценке деятельности и личности Сталина. В венгерском руководстве началась яростная борьба между Матиасом Ракоши и другим старым коммунистом Имре Надем, которого многие тогда в стране считали демократом и реформатором.

Летом 1956 года Ракоши был вынужден уйти в отставку, однако на пост первого секретаря был избран не Надь, а верный сторонник Ракоши Эрне Гере. Это означало, что никаких существенных изменений в партийной политике не предвидится. Между тем разногласия в верхах ВПТ уже перекинулись в венгерское общество, в котором стали набирать силу антисоциалистические и антисоветские настроения. Этому способствовала активная пропаганда американцев. Круглые сутки с их радиостанций, расположенных на территории ФРГ, велись подстрекательские передачи на венгерском языке.

События действительно развернулись в студенческой среде, а также в кругах творческой интеллигенции, выразителем идей которых и стал пресловутый «кружок Петефи». Начались вначале стихийные, а затем организованные собрания, митинги, демонстрации. Накалу волнений способствовало состоявшееся 6 октября перезахоронение в торжественной обстановке останков расстрелянных в 1949 году по ложному обвинения видного партийного деятеля Ласло Райка и его сопроцессников, ныне реабилитированных. В церемонии приняло участие не менее двухсот тысяч жителей Будапешта. Кризис назревал с каждым днем и каждым часом. Потом случилось непоправимое: милиционеры и сотрудники органов госбезопасности разогнали студенческую демонстрацию, применив оружие. Это фактически послужило сигналом к восстанию.

В ночь с 23 на 24 октября состоялось спешное заседание ЦК ВПТ. На нем было рекомендовано возглавить правительство Имре Надю. Тогда же было решено просить правительство СССР прислать в Будапешт советские войска, размещенные в Венгрии, согласно условиям Варшавского Договора. Той же ночью в столицу вошли первые советские танки. Тогда же рабочие-

сталевары сбросили с пьедестала огромную статую Сталина.

Сейчас венгерские события часто ставят на одну доску с событиями в Чехословакии 1968 года. Это заблуждение. Со дня своего основания, после распада Австро-Венгерской монархии в результате Первой мировой войны, Чехословакия до самого трагического дня оккупации ее гитлеровскими войсками была демократическим буржуазным государством. В период оккупации в ней поднялось движение сопротивления, жестоко подавленное гестапо. Знаменитое Словацкое восстание также было потоплено в крови.

Развернувшееся в 60-е годы в стране движение «За социализм с человеческим лицом», которое возглавил Александр Дубчек, никак нельзя назвать ни антисоветским, ни антисоциалистическим. Быть может, в чехословацкой модели, позволь ей Леонид Брежнев со товарищи осуществиться, и было спасение социалистического общественно-политического строя от скатывания в историческое небытие. Ввод в Чехословакию советских войск и частей некоторых других стран Варшавского Договора, подавление «Пражской весны» грубой силой было ничем не оправданным актом агрессии, откровенным попранием норм международного права. Введение десятилетие спустя советских войск в Афганистан окончательно подписало приговор и СССР как великой державе, и всему социалистическому содружеству. Правда, ни в первом, ни во втором случае Брежнев и его престарелые соратники о том, что творят, и не подозревали.

Совсем иное дело — Венгрия. Также возникнув в ходе распада Австро-Венгерской монархии, эта страна так и не стала по настоящему демократической республикой. До весны 1945 года в ней сохранялся то полуфашистский, то откровенно фашистский режим. Венгрия была самой верной союзницей гитлеровской Германии, ее войска оказывали яростное сопротивление Красной Армии до последних дней, когда уже давно вышли из войны Италия, Румыния, Финляндия…

В отличие от той же Чехословакии в Венгрии и после окончания Второй мировой войны оставалось достаточно много затаившихся приверженцев не просто буржуазного, но государства именно фашистского толка. Немаловажно, что к моменту перерастания демократического, антитоталитарного движения против режима Ракоши в вооруженный фашистский мятеж, многим бывшим солдатам и офицерам старой венгерской армии, воевавшей на стороне Германии, было едва за тридцать. Возраст вполне даже наиболее боеспособный. Эти-то люди и перехватили инициативу у скромных сторонников демократических преобразований из «кружка Петефи» и

студенческих лидеров. По мере того, как власть утрачивала одну позицию за другой, к мятежникам примыкали откровенные уголовники.

К концу октября положение несколько стабилизировалось. Новый глава правительства Имре Надь заверил советское руководство, что он вполне контролирует ситуацию, что Венгрия всегда останется другом СССР.

25 октября первым секретарем ЦК партии вместо Эрне Гере был избран Янош Кадар (настоящая фамилия — Черманек, «Кадар» — одна из его подпольных кличек). Кадар был членом коммунистической партии с 1931 года, участвовал в подпольном антифашистском движении, после 1945 года занимал руководящие посты в партии и правительстве. В период «чисток», проводимых Ракоши, Кадар был арестован и подвергнут жестоким пыткам.

30 ноября, поверив Надю, правительство Советского Союза дало указание воинским частям покинуть столицу и вернуться в места постоянной дислокации. И уже первого ноября по предложению председателя Имре Надя Совет министров Венгрии объявил о выходе страны из организации Варшавского Договора. Тогда же Будапешт захлестнула волна настоящего белого террора. Фактически город с миллионным населением оказался в руках убийц, насильников и грабителей.

Первый секретарь ЦК Янош Кадар, не успев приступить к своим новым обязанностям, вынужден был укрыться на несколько дней в подполье.

Более ошибочного, фактически самоубийственного шага для своего правительства Имре Надь сделать не мог. Это решение означало нарушение существовавшего в Европе (и мире) паритета между двумя союзами, каждый из которых считал себя «оборонительным», а противостоящий «агрессивным». Такого Советский Союз потерпеть не мог, поскольку возникала прямая угроза общеевропейского вооруженного конфликта. Силовое вмешательство Советского Союза в венгерские события теперь стало неизбежным, независимо от позиции Надя.

НАТО, как известно, было образовано в апреле 1949 года, осенью того же года были провозглашены ФРГ и ГДР. Три западные державы, не отказываясь от идеи объединения Германии, оставили за ней право впоследствии вступить в НАТО. СССР на такое, естественно, согласиться не мог. Советское правительство полагало, и было в данном вопросе совершенно право, что объединение Германии может быть осуществлено лишь в рамках системы коллективной безопасности в Европе.

В январе 1955 года СССР заявил, что больше не считает себя

находящимся в состоянии войны с Германией. То был своего рода эрзац мирного договора, не заключенного — это настоящий исторический парадокс — и по сей день. В мае 1955 года в Варшаве был заключен союз СССР и стран народной демократии, включая ГДР. Так появилась организация Варшавского Договора — спустя семь лет после образования НАТО!

Включением в новый блок ГДР СССР тем самым фактически признал раздел Германии на два самостоятельных государства с разным социальным строем, но с одинаковыми правами на международной арене.

Создание Варшавского Договора было запоздалым ответом на создание под эгидой США организации Северо-Атлантического договора. Все разговоры о, дескать, равноправии европейских государств, даже самых малых, с мощным заокеанским союзником, были всего лишь дымовой завесой. Все радикальные вопросы НАТО (кстати, непонятно, какое отношение к Северной Атлантике имеет Турция?) решали Соединенные Штаты. Соответственно, в организации Варшавского Договора в полной аналогии с НАТО решающий голос всегда оставался за СССР. Так в Европе образовались два мощных, уравновешивающих друг друга военных лагеря.

4 ноября советские воинские части, в том числе танковые, вошли в Будапешт и уже в пять часов утра приступили к уничтожению опорных пунктов мятежников. Наши войска взяли на себя обеспечение в столице элементарного порядка.

Незамедлительно было образовано новое временное Революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Яношем Кадаром. Заместителем председателя правительства, а также министром вооруженных сил и общественной безопасности стал старый коммунист Ференц Мюнних — участник Первой мировой войны, гражданской войны в Испании (под именем комбрига Отто Флаттера) и Великой Отечественной войны.

Силами частей Советской армии мятеж был подавлен, но далеко не бескровно. Почти повсеместно мятежники оказывали яростное сопротивление так что жертвы имелись с обеих сторон.

Тогда же Советское правительство поручило КГБ при СМ СССР самостоятельно, но во взаимодействии с новым венгерским правительством, привлекая по мере надобности подразделения Советской Армии, решить свою задачу — выявить и нейтрализовать руководителей мятежа, командиров-боевиков, подстрекателей и провокаторов, а также изъять у населения огромное количество оружия, и не только стрелкового. Впрочем, было ясно, что пистолеты, карабины, винтовки, автоматы, тем более, минометы и даже орудия не свалились с неба.

Значительное количество оружия было захвачено повстанцами на военных складах (деморализованные солдаты либо не оказывали сопротивления, либо даже примыкали к мятежникам), в отделениях милиции, что-то было завезено из-за фактически открытой границы.

Руководить этим достаточно сложным и, безусловно, небезопасным для исполнителей процессом правительство поручило лично председателю КГБ генералу армии Ивану Серову. Можно, конечно, и не без оснований, по-разному относиться к личности Серова. (Впоследствии на его голову обрушилось множество обвинений, в том числе и такое, будто он вывез из Германии и присвоил одну из корон Российской Империи! И никому в голову не приходила простая мысль: немцы, конечно, награбили на оккупированной территории множество художественных и исторических ценностей, но захватить корону никак не могли, потому как до сокровищниц Кремля им добраться так и не удалось.) Однако в решительности и личной храбрости ему не откажешь. Получив приказ непосредственно от Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева, Серов уже на следующий день вылетел в Венгрию, захватив с собой в качестве то ли штаба, то ли собственной боевой группы семерых офицеров из разных управлений и служб, всех — прошедших фронты Великой Отечественной войны. Своим заместителем Серов назначил — читатель уже, без сомнения, догадался, кого именно. Автору только остается подтвердить догадку — Александра Короткова. В целях конспирации Коротков (да и другие чекисты) был переодет в общевойсковую форму с полковничьими погонами.

По прибытии в Будапешт офицеров, естественно, после краткого разговора с встречавшими их военачальниками направили в советское посольство. Юрий Андропов в своей суховатой манере, но вразумительно и точно обрисовал им сложившуюся на тот день и час ситуацию в Венгрии, дал краткие, но исчерпывающие характеристики ключевым фигурам обоих противостоящих сторон в руководстве страны. Присутствующий при беседе помощник Андропова, молодой человек лет тридцати с невыразительным, словно стертым лицом по своей инициативе не произнес за все время довольно продолжительного разговора ни слова. Только услужливо отвечал на вопросы, если к нему обращался Андропов.

Ни Серов, ни Коротков, естественно, не могли и предвидеть, что сейчас они беседуют с будущим начальником внешней разведки, двумя будущими председателями КГБ СССР, а также с будущим Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР и Председателем Совета

обороны СССР…

Неоднократно группа Серова решала свои задачи непосредственно в районах боевых действий. Передвигаться по городу можно было только на бронетранспортере. Однажды попали под сильный пулеметный обстрел. Штатный механик-водитель был тяжело ранен, тогда Серов самолично взялся за рычаги управления и вывел машину из-под огня. Вечером, раздеваясь, Коротков обнаружил, что его шинель в нескольких местах пробита пулями.

В Будапешт прибыла из Москвы без лишней огласки группа высокопоставленных лиц: члены президиума ЦК КПСС Георгий Маленков и Михаил Суслов, секретарь ЦК КПСС Аверкий Аристов. Их главной задачей было формирование нового руководства Венгрии — как партийного, так и государственного. Они же брали под свою ответственность действия командиров советских воинских частей и сотрудников органов госбезопасности. Серов поддерживал с ними непосредственный контакт, почти ежедневно докладывал о проведенной работе. Так, 13 ноября 1956 он сообщил по телефону Маленкову, Суслову и Аристову, что на данное число арестованы 4056 активных повстанцев, что только за последние два дня изъято у боевиков и населения 168 пулеметов[173], 7751 винтовка, карабин и автомат, 815 пистолетов, множество ручных гранат и патронов.

В случае необходимости Серов имел право обращаться по связи и к находившемуся в Москве Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву.

После повторного ввода советских войск в Будапешт и перехода реальной власти к Революционному правительству, положение в городе и стране начало постепенно стабилизироваться. Но оставалась серьезная проблема — бывшего премьер-министра Имре Надя, укрывшегося в посольстве Югославии. Пока он будет оставаться в его стенах и, фактически, находиться все-таки в Венгрии, говорить о полной нормализации обстановки в стране не приходилось.

Начались долгие и интенсивные переговоры между руководителями СССР, Югославии, Венгрии и Румынии о судьбе смещенного премьера. Надь требовал, чтобы ему разрешили остаться в Венгрии и обеспечили личную безопасность (это относилось и к группе его сторонников, также пребывавших в югославском посольстве). Принять это требование во все еще накаленной обстановке было немыслимо. Даже против своей воли Надь несомненно стал бы знаменем, объединяющим повстанцев, наверняка попытающихся при первой возможности (точнее, после вывода советских войск) выступить против Революционного

правительства Кадара-Мюнниха.

Советские и венгерские руководители видели лишь один выход из ситуации: депортация Надя и его соратников в Румынию, на что было получено согласие правительства этой страны. Надь упорствовал.

17 ноября в телефонном разговоре с Маленковым, Сусловым и Аристовым Серов с ведома Мюнниха испросил санкцию на вывод Надя из посольства с помощью некоей хитрости с последующей немедленной высылкой в Румынию.

— И нечего с ним цацкаться, — сказал он Короткову, получив согласие Москвы на свое предложение. — Этот Надь никакой не герой, а самый обыкновенный провокатор. Узнай те венгры, что сейчас молятся на него, кто он есть на самом деле, висеть ему на фонарном столбе…

И Серов конфиденциально сообщил своему заместителю по оперативной группе некоторые факты из биографии Надя, которые тогда еще являлись тщательно оберегаемой государственной тайной. Оказывается, борец со сталинизмом Имре Надь еще со времен Ягоды и Ежова был агентом НКВД под кличкой «Володя». По доносам старательного стукача в середине тридцатых голов в Москве были арестованы и репрессированы около двухсот коммунистов-коминтерновцев, в том числе много венгров…

22 ноября Имре Надь по достигнутой договоренности покинул посольство Югославии… Сделав несколько шагов, он вдруг передумал и попытался вернуться назад, но тут же был блокирован оперативной группой генерала Серова и усажен в автобус.

На следующий день, то есть 23 ноября 1956 года, Имре Надь и несколько его соратников были вывезены через границу в Румынию, о чем генерал Серов уведомил Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева.

На этом завершилась Венгерская командировка Александра Короткова.

Через полтора года румыны передали Имре Надя и его немногочисленную группу венгерской стороне. В Будапеште неизвестно зачем его судили и «за измену Родине» расстреляли вместе с его соратниками. Совершена была эта политически бессмысленная, а юридически преступная акция (хотя и прикрытая судебным приговором) спустя несколько дней после визита в Венгрию Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Никиты Хрущева. Естественно, мировое общественное мнение незамедлительно связали эти два факта

друг с другом.

В 1989 году приговор по делу был признана незаконным, и Надя посмертно реабилитировали…

Святая святых

Так вполне справедливо и обоснованно назвал управление нелегальной разведки ныне здравствующий генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко.

Ее руководителем (включая работу в «Бюро № 1» в качестве заместителя Судоплатова) Коротков был около двенадцати лет. Разумеется, нельзя говорить, что он является единственным создателем этой службы. Нелегалы, и блистательные, имелись в распоряжении системы органов государственной безопасности всегда. В качестве нелегалов ВЧК-ОГПУ-НКВД успешно использовали иностранных граждан, волею судеб оказавшихся в СССР: кто здесь остался, попав в плен в годы Первой мировой войны, кто был политэмигрантом, вынужденным покинуть родину из-за преследования властей и серьезных — вплоть до смертной казни — репрессий за революционную деятельность. Для примера можно назвать бывшего полевого священника австро-венгерской армии Теодора Малли, ставшего в СССР под влиянием Октябрьской революции не только атеистом, но и великолепным разведчиком. Именно Малли нашел сверхценного агента — впрочем, тут эпитеты не нужны, достаточно назвать имя: Кима Филби.

естественно, возглавив управление I-Б в МГБ в 1946 году, Коротков использовал богатый опыт тех же Василия Зарубина и Ицхака Ахмерова, которых хорошо знал еще с довоенных времен, других товарищей, уцелевших и в мясорубке конца тридцатых годов, и в военное лихолетье. Да и свой собственный, разумеется, тоже.

Но именно при Короткове и в значительной степени благодаря его усилиям была создана полноправная служба нелегальной разведки, с каждым годом набиравшая все большую степень автономности.

На основе обобщенного опыта начала складываться, можно сказать, научно обоснованная методика отбора кандидатов в нелегалы, их языковой, общей и профессиональной подготовки, документации, легализации в стране. В последующем на отбор и полную подготовку молодого нелегала уходило порой пять-семь лет, но это себя в принципе оправдало, поскольку, как правило, нелегалу, в отличие от сотрудника резидентуры, предстояло работать «в поле» в одной командировке не три-четыре года, а лет пятнадцать, а то и двадцать. Нелегалы — это всегда марафонцы разведки.

Уже сами по себе эти сроки подсказывают, что кандидат в

нелегалы должен быть человеком молодым, к слову сказать, и владение языком в степени «свободно», да еще и без специфического, легко замечаемого русского акцента, возможно лишь в юности, если не в детстве.

У Короткова, в отличие от его поздних преемников, такого резерва времени не имелось. Поэтому приходилось опираться на уже состоявшихся разведчиков.

Характерен в этом отношении пример с «Ефратом».

…Возникла необходимость обустроить надежно законспирированного разведчика в Египте, в связи со сложными и противоречивыми процессами, происходящими в этом стратегически важном регионе, где схлестывались явные и тайные интересы всех великих держав, за исключением разве что тогдашнего Китая.

Подходящего человека нашли в Ереване. Выбор пал на ответственного сотрудника органов госпбезопасности Армении Ашота Акопяна. Внешне чрезвычайно респектабельный, даже вальяжный, неторопливый, с первого взгляда внушающий доверие Акопян идеально подходил на роль типичного восточного купца. Именно купцом, точнее, торговцем восточными коврами ручной, конечно же, выделки, и предстояло по замыслу Короткова, и стать Акопяну. Проблема заключалась в одном: в какой степени армянский чекист обладает коммерческими способностями. Выяснилось, что обладает, хотя на первых порах и не обошлось без убытков.

Поначалу Акопяна обустроили в Румынии, как армянина местного происхождения (известно, что армянская диаспора распространена по всему миру). Спустя некоторое время Акопяна переправили в Италию. Легенда: торговец средней руки не пожелал жить при коммунистическом режиме и за взятку сумел бежать на Запад, прихватив с собой остатки припрятанных от властей ценностей. Оных хватило ровно на то, чтобы начать с нуля новое дело. Спустя некоторое время, в Италию переправили по аналогичной легенде жену Акопяна, но так как он по новым документам числился в холостяках, а она также считалась незамужней, им пришлось для легализации своих отношений повторно вступить в брак в полном соответствии с итальянским законодательством.

Наконец, достаточно разбогатев благодаря собственной коммерческой изворотливости и некоторой спонсорской поддержке Центра, «Ефрат» перебрался в Египет, где и занимался много лет торговлей коврами, заслужив почетную репутацию надежного, честного и преуспевающего предпринимателя.

Достаточно высокая репутация была у «Ефрата» и в Центре.

Предаваемая им информация всегда была компетентной, точной и своевременной. За долгие годы закордонной работы «Ефрат» никогда и никем так и не был расшифрован, а потому и остался неизвестен советскому читателю (ныне российскому и армянскому) по сей день[174]. А между тем район его деятельности был предельно насыщен сотрудниками и агентами многих разведок и контрразведок: египетской, других арабских стран, американской, английской, французской, а позднее израильской и западногерманской. В положенный срок «Ефрат»-Акопян благополучно вернулся на Родину. О его работе до сих пор в печати не появилось ни строчки, хотя неоднократно публиковалась групповая фотография «Золотой Троицы» советской нелегальной разведки: «Бен» (Конон Молодый), «Марк» (Рудольф Абель, он же Вильям Фишер) и «Ефрат» (фамилия Акопяна в подписи не фигурировала).

Одним из самых значительных событий тех лет в этом регионе было образование в 1948 году государства Израиль. С тех пор и по сей день все, что здесь происходит, — войны, перевороты, беспрерывные террористические акты и вооруженные конфликты, так или иначе связаны с существованием еврейского государства на древней земле Палестины.

Полковник Александр Коротков и его помощник Владимир Вертипорох — почти двухметровый гигант с внешностью запорожского казака, по многим каналам наводнили новообразованное государство надежными агентами-нелегалами. Министерство вооруженных сил СССР также «позволило», должно быть, десяткам, если не сотням опытных офицеров, участникам Великой Отечественной войны, евреям по национальности, выехать в Израиль.

Надо отметить, что после войны Советский Союз пользовался огромным уважением и признательностью в мировой еврейской диаспоре. Во-первых, потому что именно Красная Армия спасла еврейское население Европы от полного уничтожения в нацистских лагерях смерти. Во-вторых, потому что СССР стал первым государством, официально признавшим Израиль. (Не случайно в Тель-Авиве до сих пор существует парк имени Красной Армии, где ежегодно 9 Мая собираются ветераны Великой Отечественной войны, проживающие в этой стране.)

Владимир Вертипорох, получивший впоследствии звание генерал-майора в один день с Александром Коротковым, стал первым советским легальным резидентом в Тель-Авиве.

К сожалению, последующая антиизраильская позиция советского руководства не позволила в должности степени использовать позиции, которые создала в еврейском государстве

наша внешняя разведка…

Языковая проблема, как уже отмечалось ранее, была тогда особенно узким местом. Людей, свободно, как родным, с детства владевших иностранным языком (к тому же не любым, а нужным) всегда было немного. К таковым относились двое из «Золотой Троицы»: Конон Молодый (английский) и Вильям Фишер (немецкий и английский). Отбывающий многолетний срок заключения в каторжном лагере, Дмитрий Быстролетов был настоящим полиглотом — он свободно владел двадцатью языками. Елизавета Зарубина (Лиза Горская, оперативный псевдоним «Вардо») знала шесть языков. Однажды пути Короткова и «Вардо» пересеклись.

В апреле 1941года «Вардо» под чужой фамилией выезжала в Берлин, чтобы восстановить нарушенную по уже известным читателю причинам связь с женой высокопоставленного немецкого дипломата, которая была завербована еще в Москве, где некоторое время ее муж находился с семьей. Зарубина встретилась с этой женщиной дважды, при этом выдавая себя на немку, и добилась от нее согласия продолжать сотрудничество. Информация от агента стала поступать регулярно и представляла несомненную ценность. Тогда же «Вардо» должна была восстановить ее одну утраченную связь — с шифровальщиком германского МИДа. Однако встреча с этим агентом не состоялась из-за начавшейся войны.

В Москву «Вардо» возвратилась вместе со всеми остальным членами советской колонии в Германии.

В дальнейшем Елизавета Зарубина вместе с мужем работала три года в Соединенных Штатах Америки, где Василий Зарубин под фамилией «Зубилин», прикрываясь дипломатическим паспортом, был резидентом в Вашингтоне. Зарубиной уже пришлось ранее работать в этой стране с нелегальных позиций.

Квалифицированно помогая мужу, Елизавета и самостоятельно выполняла важные задания, в частности, чаще, чем Василий, занятый вашингтонскими делами, выезжала в Нью-Йорк. Она оказалась последним советским гражданином, который встречался с ныне, наконец, приобретшим заслуженную известность в нашей стране Яковом Голосом (оперативный псевдоним «Звук»)[175].

В очередной раз «Вардо» должна была встретиться со «Звуком» 26 ноября 1943 года. Встреча, увы, не состоялась. Потому что накануне Яков Голос скоропостижно скончался от сердечного приступа в возрасте всего 53 лет.

Александру Короткову никогда не приходилось встречаться с этим замечательным человеком. Однако через несколько лет ему

пришлось руководить работой супружеской четы нелегалов, глава которой был найден в свое время именно Голосом. Надо сказать, что «Звук» привлек к сотрудничеству с советской разведкой десятки, если не сотни, ценных агентов, причем исключительно на идейной основе. Среди них были ответственные государственные чиновники, ученые, сотрудники спецслужб. Некоторые из этих людей сыграли важную роль в овладении секретами атомного оружия.

Голос обладал удивительными способностями добывать доподлинные американские документы, с которыми в разные времена работали многие нелегалы, в том числе, напоминаем, Александр Орлов и его связник «Экспресс». Достаточно сказать, что лишь за несколько месяцев Голос мог достать и передать в легальную резидентуру десять чистых бланков для получения загранпаспортов с подписями и печатями, более семидесяти свидетельств о натурализации, двадцать семь свидетельств о рождении…

Не надо быть большим специалистом, чтобы понять, какую ценность для любой разведки представляли эти американские документы. Запаса этого, естественно, хватило нелегальной разведке СССР не на один год.

Частично языковую проблему удавалось решить способом, которым когда-то воспользовался сам Коротков: «промежуточного языка» в «промежуточной стране». Как помнит читатель, Коротков находился во Франции как студент-австриец словацкого происхождения. Это вполне оправдывало недостаточное знание французского языка.

Такой этап пришлось пройти «Сепу» и «Жанне».

Повторяю: по своей природе и характеру деятельности нелегалы — это разведчики-марафонцы. Их дистанция измеряется многими годами, а то и десятилетиями. Это порождает еще одну, весьма специфическую проблему — нелегалы должны быть людьми семейными, то есть супружеской парой. Чаще всего в такой семье жена является радисткой и помощницей мужа. Если работа на рации невозможна, она может стать связной. Понятно, что разведчику, как человеку вполне нормальному, трудно жить долгие годы на чужбине в одиночестве, без единого близкого человека.

К тому же мужчина, переваливший за естественный холостяцкий возраст, во многих западных странах вызывает у соседей недоумение. В бизнесе таким одиночкам партнеры и клиенты не очень доверяют. В западном образе мышления семья — это символ благопристойности и благонадежности. Наконец, одинокий мужчина, достаточно обеспеченный и

привлекательный, может стать объектом пристального внимания одиноких дам, одержимых матримониальными наклонностями, а то и лиц с нетрадиционными наклонностями, что уж совсем ни к чему.

Потому нормальной практикой службы нелегальной разведки стало командирование за рубеж именно супружеских пар. Иногда уже состоящих в законном браке, иногда вступающих в таковой по инициативе Центра, но не по принуждению, конечно, а обоюдному согласию сторон.

Бывали случаи женитьбы разведчиков на иностранках, порой становившихся помощницами мужа, а порой не подозревающих долгое время, куем на самом деле является супруг.

Разведчики Федоровы — Михаил (оперативный псевдоним «Сеп») и Галина (оперативный псевдонима «Жанна») вернулись на Родину и обжились в скромной однокомнатной квартире в районе новостройки, уже имея право на получение пенсий старших офицеров. Он как полковник, она — подполковник. Их суммарный стаж работы по внешней разведке — восемьдесят лет. Половина этого срока — с нелегальных позиций.

В 1939 году Михаил Федоров закончил Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта и был зачислен в военную разведку, где прошел соответствующую подготовку, включавшую изучение двух иностранных языков, фото- и радиотделов, другие специальные предметы. Командование планировало по завершении учебы заслать его через Польшу (уже оккупационную немцами) в Германию. Война спутала все планы.

Войну Федоров встретил в Белостоке, иначе говоря, в первые же ее часы. Три года он провел в партизанских и разведывательных группах во вражеском тылу. Последний год — в тылу собственном: учился «на нелегала». Уже после Победы последовала первая командировка в Англию: там Михаил с нелегальных позиций работал в посольстве одной из стран. По возвращении в Москву Федоров, как и вся военная разведка, был переведен в Комитет информации. Здесь случайно, в столовой, познакомился с Галиной. Девушка тоже принимала участие в войне, затем готовилась к разведывательной работе за кордоном, тоже очутилась в Комитете информации. Пройдя двухгодичный курс учебы в высшей школе, Галина, уже вышедшая к тому времени замуж за Михаила, получила предписание явиться к начальнику нелегальной разведки полковнику Короткову. «Жанна» вспоминает:

«Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила

внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом. Крепко пожав мою руку, он представил меня находившемуся здесь сотруднику. Втроем разместились за маленькими столиком, стоявшим перпендикулярно к большому.

После обстоятельной и очень дружеской беседы, когда вопрос в принципе был решен, Александр Михайлович пошутил:

— Глядя на нее, никто не подумает, что она может заниматься разведкой.

Это был камушек в мой огород. Причиной, видимо, явился мой невысокий рост, неброский, скромный внешний вид. Что он нашел во мне особенного, я так и не поняла. Полагала, что со стороны опытным работникам виднее. Приятно было сознавать, что мне оказаны высокая честь и доверие. Поверьте, это не просто красивая фраза! Тогда на меня произвели большое впечатление его простота в обращении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор. Говорил с доброжелательностью и знанием дела. И, как мне показалось, когда бы он захотел, мог расположить к себе любого собеседника».

Разумеется, Коротков не ограничился дружескими беседами с «Сепом» и «Жанной» и теплыми напутствиями. Он принимал непосредственное участие в их подготовке, разработке основной и запасных легенд, в формулировке задания, отработке каналов связи и тому подобном. Опирался в определенной степени на собственный опыт, а также опыт других нелегалов — и тех ветеранов, кто работал за кордоном в его время, и тех, кого отправлял «в поле» уже он сам.

Первоначально планировалось командировать «Сепа» и «Жанну» в Австралию. Правда, ситуацию омрачило одно экстраординарное событие. В 1954 году изменил Родине и перешел на сторону американцев и. о. резидента внешней разведки в этой стране Владимир Петров вместе со своей женой, также сотрудницей резидентуры.

Петров знал Федорова, правда, под другой фамилией. Вероятность личной встречи предателя и «Сепа» на улице, скажем, Мельбурна или Канберры, была величиной ничтожно малой, но чем черт не шутит. Известно, что Конон Молодый, «Бен», однажды в огромном универсальном магазине за рубежом нос к носу столкнулся с однокашником по институту, который, естественно, ничего не подозревая, окликнул его по настоящему имени…

А пока что Коротков направил супружескую чету на полгода в

промежуточную страну, а там — по обстоятельствам…

Промежуточной страной была выбрана Польша, потому как именно за выходцев-эмигрантов из этой страны и должны были выдавать себя супруги.

Потом произошло неожиданное. Резко изменилась к худшему ситуация в Европе. Самой важной задачей для советской разведки стало получение информации об организации Северо-Атлантического договора. Необходимым были точные данные, желательно документальные, о военных приготовлениях НАТО для превращения исходящей от него угрозы.

В Центре было решено отказаться от засылки хорошо подготовленной пары в Австралию — далекая страна кенгуру могла и подождать, и направить Федорову в одну небольшую западноевропейскую страну, на территории которой находились многие важные военные объекты НАТО.

Столь внезапное изменение страны «глубокого оседания» — явление экстраординарное и неприятное для всех, чреватое преодолением немалых трудностей как самими разведчиками, так и их руководителями. Приходится срочно (а быстрота не всегда благо) разрабатывать заново все легенды, менять документы, в пожарном порядке изучать новую страну. Наконец, не так просто, особенно по достижении некоего возраста, перестраиваться психологически. Даже в обычной жизни вся семья огорчается, если в выходной вместо давно намеченной и желанной экспедиции за город, в лес по грибы, приходится садиться против опостылевшего телевизора из-за зарядившего на весь день проливного дождя.

Как бы то ни было, но в назначенные сроки Федоровы очутились в одной из стран Западной Европы, название которой руководство СВР не раскрывает по сей день.

Ограниченные размеры данной книги не позволяют автору подробно описать жизнь «Сепа» и «Жанны» за рубежом, рассказать в деталях, как решали они проблему легализации, приобретали жилье, устраивались на работу. Далекие от разведки люди зачастую считают, что с бытом на Западе для наших разведчиков проблем не существует, их еще дома обеспечивают деньгами. Это далеко не так. В большинстве капиталистических стран существуют строгие порядки и в отношении, как можно зарабатывать деньги, и как их тратить. Попросту говоря, ваши доходы должны быть легализованы, лишние расходы, не соответствующие доходам, могут привлечь внимание не только спецслужб, но и налоговой полиции. Посему, располагая полученными деньгами от Центра на сугубо оперативные цели, разведчик должен зарабатывать на жизнь в основном

собственным трудом, следовательно, владеть одной-двумя, а лучше несколькими профессиями, обладать деловой хваткой и прочими достоинствами, без коих на Западе пропасть ничего не стоит. Супруги Федоровы, чтобы обеспечить себе хоть какой-то на первых порах твердый доход, купили пакет акций серьезной и надежной фирмы.

Не так-то просто бывает за границей обзавестись кругом знакомств, войти в определенную среду, приобрести некий социальный статус. «Сеп» решили эту проблему своеобразным способом: хорошо играя в шахматы, он вступил в местный престижный шахматный клуб. Членство в клубе, успехи в турнирах, постепенно открыли перед ним многие двери, в том числе перспективные для разработки потенциальных источников информации.

Этот шаг «Сепа» Коротков не мог не одобрить (к слову, возможность такового предусматривалась еще в Москве), он не забыл, как прекрасное владение теннисной ракеткой помогало ему самому, в бытность нелегалом, завязывать полезные знакомства и во Франции, и в Германии.

«Глубокое оседание» супругов прошло благополучно. Позднее было достоверно установлено, что столь же спешно они прошли негласную проверку в местных спецслужбах, рутинно изучавших их как чужаков, выходцев из другой страны. К этому испытанию «Сеп» и «Жанна» также были готовы: вовремя заметили, что их телефон прослушивается, почта перлюстрируется, не пропустили и иные «знаки внимания».

«Сеп» так описал этот период своей жизни:

«Наше преимущество состояло в том, что мы ожидали столкновения с «оппонентами» и, как полагаем, сразу же определили «момент атаки».

Потом постоянно помнили поучительный, памятный совет нашего наставника А. М. Короткова: «Если вами заинтересуется спецслужба, «помогайте» ей формировать досье на себя выгодного для вас содержания. Удастся этот маневр — вы на коне, не получится — проиграете сражение». Вопрос стоял — кто кого, и мы сознательно заняли позицию противоборства в расчете на успех».

Не следует думать, что Центр так уж спокойно отнесся к этой проверке новых «эмигрантов» спецслужбами страны оседания. Коротков послал супругам шифровку, в которой предложил: если чувствуете, что внимание местной контрразведки явно превышает нормы рутинной проверки, свертывайте все дела и возвращайтесь на Родину.

Условия такого экстренного возвращения были заранее

предусмотрены и отработаны (и не в единственном варианте).

«Сеп» и «Жанна» отказались, все, разумеется, взвесив. Коротков не настаивал. Понимал, что разведчики на месте сориентируются лучше и точнее.

«Сеп» и «Жанна» проработали за кордоном около двадцати лет. На месте не сидели. Неоднократно под благовидными предлогами выезжали в разные страны Западной Европы. Завязали прочные и полезные связи, завербовали нескольких агентов, сами получили доступ к хорошим источникам информации, в том числе самому достоверному — документальному. В других странах очень редко встречались со связными из Москвы.

В результате их деятельности Центр получил много важной и точной информации о военных объектах НАТО, планах военного командования как отдельных стран, в него входящих, так и организации в целом. В числе добытых документов были даже материалы с высшим грифом секретности КОСМИК, в частности, «ЕКОП 1д» — Единый комплексный оперативный план ядерного нападения на СССР. (Впоследствии этот план неоднократно дополнялся и расширялся, вплоть до последнего варианта «ЕКОП 5д».) Странно, но сегодня во многих российских изданиях можно встретить безапелляционные, ни на чем, кроме желания авторов необоснованного утверждения, что НАТО с первого дня своего существования была безобидной оборонительной миротворческой организацией, а если и предпринимала какие-то шаги к укреплению военной мощи входящих в него стран, то исключительно перед военной угрозой со стороны СССР, даже не располагающего в ту пору и полудюжиной ядерных зарядов. Лишь недавние варварские бомбардировки натовскими, а точнее, в основном американскими, самолетами Югославии несколько приглушили звучание хора подхалимов и лицемеров.

Разумеется, работали в те годы на Западе не один только «Сеп» и «Жанна». Действовали и другие нелегалы. К тому же не зря получали свое денежное содержание и разведчики, пребывавшие в странах западного мира легально. Но все же супруги Федоровы внесли немалый вклад в выявление явно агрессивных планов в отношении Советского Союза по крайней мере со стороны самых разнузданных «ястребов» по обе стороны Атлантики.

…Как-то «Сепа» и «Жанну» вызвали в соседнюю страну на очередную встречу с представителем Центра. Вот как описали эту встречу с родным человеком (а для нелегалов каждая встреча с соотечественником, даже ранее незнакомым, это настоящее свидание с родным) супруги.

«Эта встреча была приятным и радостным сюрпризом. Она проводилась в малолюдной аллее у городского лесопарка. Сеп явился в точно обусловленное время. Огляделся. Кругом был тихо, ничто не нарушало спокойствия того укромного уголка природы, которая, несмотря на раннюю осень, выглядела еще в своем полном величии.

Из-за поворота аллеи появились двое мужчин. Один из них, среднего роста, был временно исполняющим обязанности легального резидента. Другой же — высокий, статный шатен в сером нараспашку плаще покроя реглан. Сепа охватило приятное удивление, ибо в нем он признал Короткова.

После обмена крепкими рукопожатиями Александр Михайлович, окинув Сепа проницательным взглядом, недоуменно спросил:

— Почему пришел один? А где же Галя?

— Я не предполагал, что на встрече будете вы. Для меня это так неожиданно… Естественно, она была бы очень рада повидаться с вами.

— Как она себя чувствует? Удалось ли ей вжиться в местную среду или еще скучает по дому?

— Как вам сказать, — подбирая русские слова, начал Сеп. — Ностальгия иногда дает о себе знать. Но Галя держится стойко, виду не падает. Без сложностей, естественно, не обойтись, но она их терпеливо переносит.

— А в работе как она помогает?

— Здесь надо признать, хотя мне и неудобно хвалить свою жену, в работе она упорная, трудолюбивая, всегда готова помочь. Большинство операций мы проводим вместе, иногда она подстраховывает. Более «женские» мероприятия проводит самостоятельно.

— Вот и славно, — заметил Александр Михайлович, — и по его лицу скользнула довольная улыбка. А затем уже серьезным тоном добавил:

— Нам необходимо поговорить, а времени отпущено мне не так уж много, — при этом он взял Сепа под локоть и увлек в сторону.

В разговоре он коротко поинтересовался нашей жизнью, работой, настроением. Сообщил о делах дома, о родителях и близких. В заключение непродолжительной беседы Александр Михайлович предложил Сепу прийти на следующий день сюда же, но уже вместе со мной.

Итак, на повторную встречу с Александром Михайловичем мы пришли оба. Сеп был предельно серьезен и спокоен. Я чувствовала внутреннее волнение, хотя старалась и не дать ему

довлеть над собой. Да и как не волноваться?! Ведь встречаюсь с человеком, которого знала с 1942 года, и так давно не виделись — последний раз это было в 1949 году… Как он сейчас выглядит? Изменился ли внешне? Как нас примет? Последуют ли перемены в нашей дальнейшей судьбе? Такие мысли роились в голове.

— А вот и они, — тихо произнес Сеп, возвращая меня к действительности, взял под руку, и мы медленно пошли навстречу товарищам. Последовали теплые рукопожатия. Мы по-дружески обнялись. Я взволнованно лепетала: «Подумать только, сколько лет не виделись и вдруг встреча… и где, в каких условиях… прямо как в сказке… Если бы мне раньше предсказали такую встречу, я бы никогда не поверила…»

Всегда внимательный, Александр Махайлович терпеливо слушал, не перебивая, только смотрел мне в лицо своими умными глазами и едва заметно улыбался. Затем положил нам на плечи свои сильные руки и отвел в сторону, где и состоялся откровенный, деловой разговор.

Цель его встречи с нами — ознакомиться лично на месте, как идут у нас дела. Мы подробно рассказали об обстановке вокруг нас, поделились соображениями в решении некоторых возникших проблем. Он вникал во все детали, особое внимание уделил периоду, когда мы находились «под колпаком» у спецслужб. Предостерегал от благодушия, призывал к соблюдению большей осмотрительности, дал указание немедленно покинуть страну, если вдруг обнаружится серьезная опасность нашей расшифровки. Такая забота взволновала нас до глубины души.

В тот самый момент, когда мы заканчивали беседу, на перекрестке аллеи вторично появился человек, которого Сеп заметил несколько раньше, и снова посмотрел в нашу сторону.

— Странно, какой-то подозрительный субъект с русской физиономией прогуливается там на перекрестке, — настороженно произнес Сеп.

Александр Михайлович добродушно усмехнулся:

— Не обращай внимания. Это наш шофер. Он обеспечивает безопасность.

В нарушение всех принятых правил встреча длилась два часа. Расстались в приподнятом настроении, получив новый заряд бодрости. К сожалению, это была последняя встреча с дорогим для нас человеком.

…Нам приятно, что такой незаурядный человек, как А. М. Коротков, сыграл большую роль в нашей судьбе… лично участвовал в организации нашей подготовки, давал ценнейшие советы и ориентировки, так что мы по праву считаем его нашим нашим «крестным отцом».

Что в нем мы, да и многие другие сотрудники ценили превыше всего? Какие черты его характера нам запомнились? Безусловно, высокий профессионализм, компетентность, ясность мыли, принципиальность, поразительная работоспособность и активность. Как бывший разведчик-нелегал, он единственный из известных нам руководителей такого ранга в практической работе мог опираться на богатый личный опыт. Поэтому его распоряжения, установки, советы всегда являлись убедительными, реальными, точными. Однако А. М. Коротков никогда не «давил» своим авторитетом. Он обладал поразительным чутьем угадывать способности людей и поощрять их, умением внимательно выслушать иную, не совпадающую с его собственной точку зрения. Больше всего Александр Михайлович боялся подавить в сотруднике инициативу и творческую активность.

Одиннадцать послевоенных лет он успешно и результативно руководил во внешней разведке нелегальной службой. Личный опыт работы с нелегальных позиций, полученная в годы войны закалка, незаурядные организаторские способности позволили ему на основе творческого похода начать перестройку нелегального управления применительно к условиям послевоенного времени. Руководимый им аппарат добился определенных успехов.

Требовательный к себе, А. М. Коротков ценил в людях преданность порученному делу, абсолютную честность, прямоту, не терпел фальши во взаимоотношениях, не мог выносить подхалимов. При внешней суровости был внимателен и чуток, прост и доброжелателен к работникам, не чурался встреч с рядовыми сотрудниками как в служебной, так и в домашней обстановке…»

Предчувствие не обмануло Федоровых. Когда они вернулись в Москву и присовокупили к фронтовым наградам — «Сеп» орден Красного Знамени, а «Жанна» орден Красной Звезды, Александра Короткова уже не было в живых.

Отзыв Федоровых о своем руководителе тем более ценен, что исходит не от высокопоставленных сослуживцев Короткова по ответственным постам, а от рядовых пехотинцев нелегальной разведки, хоть и в полковничьих званиях…

Бывали случаи, когда советский разведчик, но иностранец по происхождению, нелегально работал с родным языком в стране, где данный язык либо являлся государственным, либо достаточно распространенным.

С Африкой де лас Эрас Александр Коротков познакомился в первый послевоенный год. Ему представили молодую хрупкую

женщину лет тридцати, с красивым точеным лицом. Даже не слишком элегантно сшитая солдатская форма не могла скрыть ее природного изящества и грации. Гимнастерку Африки украшали две награды: орден Красной Звезды и редкая серебряная медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

Молодая женщина была испанкой, принадлежала к древнему роду, связанному со знаменитыми в истории этой страны герцогами Альба. Родилась она в семье офицера в Испанском Марокко, потому и получила столь необычное имя. В анналы советской разведки она вошла под своим основным оперативным псевдонимом «Патрия», что по-испански означает «Родина». А вообще имен и фамилий, всегда вымышленных, но непременно «узаконенных» крепкими документами, она имела столько, что и не счесть. А как важно было не только их помнить, но, упаси Бог, не путать!

В биографии этой женщины, воистину уникальной, переплелось столько приключений опасностей, боевых эпизодов, что их хватило бы не на один остросюжетный фильм или роман, главной героиней которых была бы женщина-разведчица.

В шестнадцать лет девушка оказалась круглой сиротой и вынуждена была уехать в Испанию. У нее были художественные способности, и некоторое время она даже училась в соответствующем заведении. Возможно, стала бы художницей, если бы не оказалась вовлеченной в революционную борьбу, охватившую тогда всю Испанию. В Астурии она принимает участие в подготовке восстания горняков, жестоко подавленного войсками. Африка уходит в подполье… потом участие в гражданской войне. После поражения республики молодая женщина нелегально пересекает несколько границ и прибывает в Советский Союз.

Начинается содружество молодой испанки с советской разведкой. Во время пребывания Троцкого в Норвегии Африку внедряют в его секретариат, вместе с ним она переезжает в Мексику. Вскоре, однако, по причинам, не совсем выясненным, ее отзывают в Москву.

Когда началась Великая Отечественная война, Африка, как и сотни политэмигрантов-интернационалистов добровольно вступает в знаменитую ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР. Проходит обучение на курсах, становится квалифицированной радисткой. Летом 1942 года в составе ядра отряда специального назначения «Победители» Дмитрия Медведева приземляется с парашютом с глубоком тылу немцев в районе города Ровно. В списках отряда она числится как Ивонна Санчес, оперативный псевдоним «Зной».

Кроме Ивонны в отряде еще тринадцать испанцев.

В составе «Победителей» есть стройный блондин лет тридцати, чуть выше среднего роста — Николай Васильевич Грачев. У него обнаружились редкостные лингвистические способности. Вращаясь иногда в обществе бойцов-испанцев, Грачев довольно быстро начинает понимать их язык и говорить на нем. Порой Грачев надолго исчезает. «Зной» догадывается, что, видимо, он из числа той группы разведчиков (их называют пистолетчиками), что работают непосредственно в Ровно под каким-нибудь прикрытием. Однажды зимой — Ивонна, как все девушки-радистки ходила в подпоясанном армейским ремнем стеганом ватнике, таких же брюках, заправленных в грубые сапоги или валенки, — Грачев принес ей подарок — неслыханной и странной в промозглом лесу красоты яркую, цветастую шаль, по его мнению испанскую, или очень на испанскую похожую, во всяком случае. Купил, оказывается, специально для нее в какой-то комиссионной лавочке в Ровно…

Уже после войны Африка узнала, что Грачева давно нет в живых, что посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза, а в Ровно он действовал в немецкой форме с документами на имя обер-лейтенанта, а затем капитана вермахта Пауля Вильгельма Зиберта. И никакой он не Грачев, правда, Николай, но — Кузнецов.

Весной 1944 года «Победители» завершили свою боевую деятельность в немецком тылу, поскольку соединились с наступающей Красной Армией. Часть бывших партизан влилась в подразделения действующей армии, другая — в войска НКВД, раненых, больных, пожилых и подростков демобилизовали. Некоторых направили в органы государственной безопасности. В их числе оказалась и Африка де лас Эрас. Ей предложили работать во внешней разведке.

Специальная подготовка по индивидуальной программе в обстановке полнейшей засекреченности по разным квартирам и дачам, ни единого захода на Лубянку, никаких встреч со знакомыми. Закончилась война Победой. Еще одна память о ней — орден, который так и назывался — Отечественной войны. Африка продолжала подготовку. Наконец, первое здание. Через Германию и Францию «Патрия» переправляется в Латинскую Америку. Боевые награды на двадцать лет остаются в сейфе особого помещения в управлении внешней разведки, называемого в обиходе «Орденской комнатой».

В одной из стран западного полушария «Патрия» восемь лет рука об руку работает с советским нелегалом «Марко» (он же «Боевой», «Дарк»). Настоящее имя «Марко» — Джованни Бертони,

из чего явствует, что по национальности он итальянец. В молодости Джованни примыкал к анархистам, в стычке с карабинерами застрелил одного из них и был вынужден покинуть страну. В конце концов он очутился в СССР, здесь принял советское гражданство, стал идейным коммунистом и разведчиком.

Боевой союз двух нелегалов — мужчины и женщины — становится и семейным. Да, так бывает в нелегальной разведке. Невозможность найти партнера, что называется в «свободном полете», зачастую делает мужем и женой товарищей по заданию. И вот что удивительно (а может быть, как раз и нормально): обычно такие семьи не уступают по прочности железобетону.

Брак «Патрии» и «Марко» оборвался лишь скоропостижной кончиной супруга. Оставшись в одиночестве «Патрия» еще три года пребывала «в поле» на нелегальном положении, ни на один день после похорон мужа не позволив себе сделать хоть самую малую передышку.

О заданиях, которые пришлось на протяжении двадцати лет выполнять «Патрии», можно будет рассказать еще не скоро, а возможно, и никогда.

Во всяком случае, это были очень серьезные задания, и Коротков имел все основания считать Африку одним из лучших разведчиков-нелегалов.

В Москву «Патрию» отозвали, когда ей было уже под шестьдесят из-за резко ухудшившегося здоровья. Но и в последующем она несколько раз выезжала за рубеж в краткосрочные командировки для выполнения разовых, в своем роде «штучных», заданий. Закордонная работа «Патрии» была отмечена второй Красной Звездой, орденом Ленина и знаком почетного сотрудника КГБ. Ей, одной из немногих женщин, было присвоено звание полковника.

В Москве «Патрии» предоставили квартиру в элитном доме на Садовом кольце возле станции метро «Смоленская» (одно время Коротков тоже жил в этом доме), но одиночество продолжалось. В Москве у нее не было ни родных, ни знакомых. Даже сослуживцев по управлению в большинстве своем она увидела впервые в жизни. Скрашивало жизнь несколько встреч (их разрешили далеко не сразу и не со всеми) с боевыми товарищами по отряду «Победители»: заместителем командира по разведке Александром Лукиным, разведчиками Владимиром Ступиным и Борисом Черным, партизанским врачом Альбертом Цессарским, бывшим командиром своего радиовзвода Лидией Шерстневой (в замужестве Мухиной). Теперь Африку большей частью называли по-русски — Марией Павловной. В Москве она, наконец,

прочитала знаменитую книгу своего бывшего командира Дмитрия Медведева «Сильные духом». Увы, он умер еще в декабре 1954 года.

Не было в живых и ее многолетнего руководителя — Александра Короткова…

При организации управления нелегальной разведки перед Коротковым стояла проблема отбора не только кандидатов в собственно нелегалы. Высокие требования предъявлялись и к сотрудникам самой службы, как бы она ни называлась — управлением или отделом. Объяснение простое: сотрудник Центра должен был обладать повышенным чувством ответственности, доброжелательностью и тактом. Он ни на минуту не должен был забывать, что нелегал, особенно оторванный от Родины уже не первый год, а то и десяток лет, фигура, в сущности, трагическая, и обращаться с ним следует чрезвычайно бережно, тут недопустимо не то что бесцеремонное командование, но даже просто неосторожное, невзначай брошенное словцо… И то обстоятельство, что нелегал это всегда человек с крепкой нервной системой и сильной волей, ровным счетом ничего не меняет. Он — разведчик особый, работающий в особых условиях и, что очень важно, весьма труднозаменимый (если замена в конкретных обстоятельствах вообще возможна).

…Нарком, а затем недолгий министр госбезопасности Меркулов понимал значение нелегальной разведки и ратовал за ее выделение в самостоятельную службу. Новый министр госбезопасности Абакумов не стал вмешиваться в это наследие своего предшественника: как уже отмечалось, его занимали сугубо внутренние дела, а потому управление 1-Б таковым и осталось. Некое раздвоение нелегальной разведки в последующие годы (Четвертое управление в КИ и Бюро № 1 в МГБ) самостоятельности этих служб не затронуло. Однако, как уже отмечалось, при министре Игнатьеве нелегалов растащили по территориальным сусекам. Игнатьев этому сталинскому капризу воспрепятствовать не посмел, да и вряд ли понимал, к чему это решение может привести. А те ответственные сотрудники, которые понимали, что к чему, — Питовранов, Федотов, Судоплатов, Коротков — помешать исполнению сталинского приказа были не в силах.

Только после смети Сталина появилась возможность исправить положение. Новый начальник разведки Александр Панюшкин хоть и проработал в МВД недолго, сумел за считанные месяцы кое-что доброе и полезное сделать. В частности, он по своей инициативе не один раз обсуждал с Коротковым будущее нелегальных операций советской разведки. Оба они признали

необходимым реорганизовать это направление работы и нашли в том поддержку и у нового министра Сергея Круглова, и в пресловутых «инстанциях». Собственно говоря, Круглову, как и Игнатьеву, тоже особого дела до нелегалов не было, вся его карьера была целиком связана с буквальным наименованием министерства: «внутренних дел». Но и возражать он не стал — полагался на авторитет руководителей разведки. Что же касается «инстанций» то здесь ключевую роль, конечно, сыграло большое личное влияние Панюшкина: как бывшего посла в весьма серьезных странах — США и Китае — так и в недавнем прошлом заведующего отделом ЦК КПСС.

Итак, санкция была получена, в результате во внешней разведке было создано так называемое специальное управление, или «управление С» — единственное, которое стало руководить отбором людей, их подготовкой, выводом за кордон, документацией, легализацией, ну и, конечно, работой разведчиков-нелегалов, поддержанием с ними надежной связи.

«Управление С» наряду со службами, ведающими кодами и шифрами, было самым засекреченным во всей системе органов госбезопасности. Вплоть до того, что его сотрудники, как и сами нелегалы во время их пребывания в СССР, работали не в известном всему мире «Доме № 2» на площади Дзержинского, а в неприметных особнячках без каких-либо вывесок, разбросанных по всему городу, предпочтительно в тихих, нелюдных переулках, кои еще сохранились с дореволюционных времен в районе Кропоткинской, Метростроевской, Арбата…

Но даже в них нелегалы появлялись лишь в исключительных случаях. Встречи с ними непосредственных кураторов и руководителей управления, в том числе и самого Короткова, проходили, как правило, на конспиративных квартирах, а то и в дачных поселках Подмосковья. Засекреченность в нелегальной разведке достигала максимума возможного.

Каждого сотрудника, который каким-либо образом соприкасался с нелегалом хотя бы визуально на протяжении считанных минут, брали на учет, чтобы точно знать, кто с ним работал или знаком. Это позволило бы в случае провала нелегала из-за предательства или оплошности Центра в кратчайшие сроки выявить виновника.

Конечно, становление, определение места нелегальной разведки в системе ПГУ, превращение ее в подлинно автономную, боеспособную службу на Короткове не завершилось и не могло завершиться. Вызрело «Управление С» в его сложившемся виде уже при преемниках Александра Короткова, ныне здравствующих генералах Виталии Павлове и Вадиме Кирпиченко примерно к

1969–1970 годам. Впрочем, как известно, процессам совершенствования пределов не существует. Нелегальная разведка преемника СССР — Российской Федерации продолжает развиваться и ныне, в современных, в корне отличных от условий сороковых — шестидесятых годов. Но краеугольные камни были заложены, принципы функционирования сформулированы и первоначально воплощены в жизнь именно Александром Коротковым. Почему и заслужил он кроме фамильярного прозвища «Саши» (за глаза, конечно) и неформальную репутацию, непоколебимую по сей день, «Короля нелегалов».

Читатель, которому довелось ознакомиться хотя бы с несколькими книгами популярной серии «ЖЗЛ», наверняка заметил, что автор любой из них, в большей или меньшей степени попадает под обаяние своего героя: невольно, незаметно для самого себя, отдает приоритеты его положительным качествам и чертам характера, и, наоборот, затушевывает отрицательные. Как автор доброго десятка жизнеописаний разных выдающихся личностей, должен признаться, что тоже грешил в этом отношении, правда, без умысла ввести читателя в заблуждение. Это происходит как бы само собой.

Потому автор должен вовремя (возможно, уже с опозданием) оговориться: герой данной книги, а именно Александр Коротков, вовсе не был идеальным человеком, безупречным во всех отношениях, которому нельзя было бы поставить в вину ни единой ошибки или даже поступка несколько сомнительного по морально-нравственной чистоте. К сожалению, таких людей, видимо, в природе вообще не существует. Коротков был воспитан в советской системе ценностей в духе коммунистической морали, главным принципом которой было «Благородная цель (то есть в интересах пролетариата, по Ленину, достижения светлого коммунистического будущего по раннему Сталину, и во имя славы вождя народов в поздние его годы) оправдывает средства». Увы, даже самые благородные, лучшие наши соотечественники, да и мы с вами, читатель, большая часть жизни которых прошла в те времена, и героические, и страшные, и счастливые, и заполненные неизбывным горем, отмеченные и неслыханным мужеством, и самыми черными преступлениями, изначально были наделены, пусть и не по своему выбору и воле, достаточно непривлекательными качествами мировоззрения и характера. Если переиначить известную английскую поговорку, то можно было бы сказать: у каждого советского человека имелся свой «скелет в шкафу».

И у Александра Короткова имелись черты характера, от которых, живи он в наши времена, постарался бы избавиться. Он

совершал порой поступки, которых не совершил бы нынче… Но, как известно, история не признает сослагательного наклонения. Он жил в свое время, вращался в определенной среде, влияния которой, безусловно, не мог полностью избежать. Мне рассказывали о нем немногие дожившие до наших дней его сослуживцы такие вещи, слышать которые было неприятно, и заслуживающие ныне безусловного осуждения.

Правда, приходится считаться и с тем, что наверняка эти рассказы могут быть не слишком объективными или не до конца правдивыми. Хотя доля истины в них присутствовала — это я знаю точно. Увы… Однако основная задача этой книги — показать роль этого человека в истории советской разведки, выявить то, что остается «в сухом остатке» после того, как он завершил свой жизненный путь сорок лет назад.

Действительно, у недавно ушедшего из жизни генерала Судоплатова могли быть основания сохранить в душе известную обиду на генерала Короткова, своего бывшего подчиненного, да и у некоторых его других сослуживцев и даже друзей тоже… Но ведь и сам Судоплатов, возможно, вод влиянием давних обид, далеко не объективно рассказал о Короткове в своей известной книге «Разведка и Кремль».

Но не автору сводить за других давно сведенные жизнью и смертью счеты. Позволю высказать такую мысль, доказать которую автор не в состоянии, но и опровергнуть тоже невозможно: а не потому настигла Короткова трагическая, по любой прикидке преждевременная смерть, что точило его душу и сердце тайное для самого себя осознание, что не все в нем было достойно безусловного уважения и признания?

Ведь дожили до преклонных лет многие его бывшие сослуживцы, запятнавшие свою совесть не то что не самыми благовидными поступками, но самыми настоящими преступлениями? Дожили, и ни разу ни в чем не раскаялись, ни о чем и ни о ком не пожалели, ни в чем не усомнились. И мы не должны, не можем забывать, что Коротков служил в чрезвычайно жесткой, даже жестокой системе ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в те годы, когда не то что для успешной карьеры, но для просто добросовестного выполнения служебного долга перед Родиной, любой промах, любое неосторожное слово могло обойтись дорого.

Чтобы выжить, не пасть жертвой непрерывных интриг, уцелеть при веренице сменяющих друг друга наркомов, министров, председателей, прочего начальства, нужно и самому было быть достаточно жестким, но одновременно и гибким… Крупные звезды на погонах, не говоря уже о генеральских лампасах, высокие награды в тех играх, что разыгрывались в

больших кабинетах и «подвалах»[176] Лубянки, никакой гарантии на успешное продвижение по служебной лестнице, а то и самое сохранение жизни не давали…

Но — хватит об этом. Продолжим рассказ, далеко не полный по понятным соображениям, о тех реальных заслугах, что числит внешняя разведка России и в нынешние дни за генералом Александром Коротковым и его нелегалами…

По многим причинам далеко не все великие и не очень великие державы использовали в тайной войне разведчиков-нелегалов системно. Германские спецслужбы, к примеру, всегда были сильны своей агентурой, которую вербовали во всех слоях общества — от королевских придворных до обитателей грязных ночлежек по знаменитому принципу Вильгельма Штибера: «Нет отбросов, есть кадры». Но — не нелегалами.

Сильных разведчиков-нелегалов исстари имели японцы[177]. Что характерно: эти люди, зачастую выходцы из родовитых самурайских семей, не считали для себя зазорным работать лакеями, прачками, уличными разносчиками, даже рикшами. Поразительный успех, достигнутый японцами при нападении на Перл-Харбор, приведший к гибели почти всего американского флота на Тихом океане, во многом обязан тихим, незаметным слугам многих высокопоставленных американских морских офицеров. Зачастую эти слуги имели такое же звание, а то выше, что и их хозяева…

В наши дни успешно используют нелегалов израильская разведка «Моссад». Правда, в основном в арабских странах, а также в тех государствах, где имеется значительная арабская диаспора. Именно нелегалы-боевики «Моссада» за несколько лет разыскали и ликвидировали всех до одного участников злодейского теракта палестинцев, убивших атлетов Израиля во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене. Еще раньше их коллеги в 1960 году прямо на улице Буэнос-Айреса схватили скрывавшегося там под чужим именем оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана, одного из авторов и исполнителей проекта «окончательного решения еврейского вопроса», и вывезли его в Израиль. Моссадовцы также физически уничтожили в ряде стран нескольких лидеров арабских террористов. Автор не собирается в данной книге давать легитимную, тем более нравственную оценку этой деятельности — он только информирует об этом читателей и показывает реальные возможности даже небольших групп хорошо подготовленных нелегалов-боевиков.

Автор должен еще раз повторить, что советская разведка остро ощутила необходимость воссоздания и расширения

системной сети разведчиков-нелегалов с началом «холодной войны», когда резко к худшему изменилась международная обстановка и возникло опасное противостояние бывших союзников — США и СССР. Затем появились созданные американцами и прямо направленные против Советского Союза блок НАТО на Западе и СЕАТО на Востоке.

Сегодня почему-то не принято вспоминать, из-за профессиональной стыдливости нового поколения журналистов-международников, что в те годы СССР со всех сторон света окружали более четырехсот только крупных военных баз Соединенных Штатов с запасом А-бомб, а затем и Н-бомб, не считая «обычного» оружия, обладающего огромной, возросшей безмерно со времен Второй мировой войны разрушительной силой.

Помните крылатое выражение: «ядерный щит Родины», созданный якобы титаническими усилиями советских ученых, инженеров и рабочих? На девяносто процентов то был самый настоящий политический блеф, умело сформулированный и долгое время успешно поддерживаемый советской пропагандой и разведкой.

Да, мы создали атомную бомбу, а затем и водородную. Но произведено их было во много раз меньше, чем в США. В лучшем случае, ими можно было бы нанести удар возмездия по считанным целям противника, но о том, чтобы выиграть с их помощью Третью мировую войну, не могло быть и речи.

Вспоминается и знаменитое высказывание Никиты Хрущева, что в Советском Союзе межконтинентальные баллистические ракеты выпускаются чуть ли не в таком же количестве и с такой же скоростью, как сосиски. То была типичная хрущевская мистификация. Не было тогда у нас таких и столько ракет. На ноябрьских и майских парадах по Красной площади возили фанерные муляжи. Впрочем, с сосисками тоже дело обстояло неважно…

Между тем у американцев было не только достаточно ракет, оснащенных ядерными боеголовками, но имелись и засекреченные карты с нанесенными на них объектами для бомбардировки в назначенный и объявленный день «Х».

Своевременным оповещением руководства своей страны о возможной угрозе, сбором конкретной информации из самых опасных точек достоверных данных, скажем, о дислокации размещенного в них оружия, в первую очередь, ядерного, и тому подобном, и должна была заниматься нелегальная разведка.

Ее развертывание подстегивало то обстоятельство, что во многие районы и конкретные географические пункты, жизненно

интересующие нашу страну, разведчики, действующие с легальных позиций, просто не имели возможности проникнуть. К тому же, находясь, к примеру, в Вашингтоне, разведчику весьма сложно, а то и невозможно завербовать агента, служащего на военной базе где-то на Аляске.

Наконец (и это далеко не последнее обстоятельство), без нелегалов трудно, подчас просто нельзя собирать информацию о странах, с которыми у СССР не существовало дипломатических отношений.

Это означало, что сеть разведчиков-нелегалов отныне создавалась исходя не из интересов одного или двух отделов по географическому принципу, но для решения новой, глобальной по масштабам задачи. Отдаление от территориальных отделов означало и полную автономию от легальных резидентур в каждой конкретной стране. Это обеспечивало высшую степень засекреченности, следовательно, и безопасности разведчика-нелегала.

Разведчику-нелегалу всегда тяжело. Даже если минует его горькая участь разоблачения, ареста, долгого тюремного заключения… Главная причина — фактически полный отрыв от Родины (если не считать, конечно, духовных уз с ней, но это уже из области метафизики). Легальный разведчик, действует ли он под прикрытием дипломатического паспорта или журналистской аккредитации, всегда едет за рубеж на четко определенный срок (хотя продление командировки явление довольно частое). С ним его семья, с которой дома, да и на людях или по телефону он говорит на родном языке. Он регулярно ездит в отпуск в свою Тулу или Омск. В посольстве смотрит советские (русские) кинофильмы, встречается с приезжающими на гастроли артистами, иногда даже сопровождает их в экскурсиях по городу, читает, хоть и с опозданием, привычные «Известия» и «Вечерку». У него на квартире — в Нью-Йорке, Токио или Париже — стоят книги русских классиков и современных писателей. Здесь, за рубежом, можно купить даже то, что на Родине было либо жутким дефицитом, вроде Набокова, либо вообще запрещено, к примеру, все книги Солженицына.

Для нелегала три-четыре года вообще не срок. Порой столько лет у него уходит даже не на работу, а лишь на оседание и легализацию. Он должен как бы отлучиться от родного языка. Супруги Федоровы признавались, что даже дома никогда не позволяли себе говорить по-русски, и не потому, что опасались «подслушки», но чтобы потом, при общении с местными жителями, не допускать и намеков на русизмы в своей речи. Они не могли держать дома русские книги, тем более советские. Разве

что романы Толстого или Достоевского в переводе. Они не читают московские газеты, могут только позволить себе изредка и вне дома, где-нибудь на лоне природы поймать московскую радиостанцию на транзисторном приемнике.

Нелегал лишь в исключительных случаях ездит домой «в отпуск». Правда, известен уникальный эпизод, когда советского разведчика, фирма, в которой он работал, командировала в Москву для заключения торговой сделки в сопровождении еще нескольких сослуживцев. Слава Богу, он не был исконным москвичом и в советской столице не встречал приятелей на каждом шагу, но все же… Самое трудное, по его признанию, это было делать вид, что ни на самих переговорах, ни при посещении театра или магазина он не понимает русского языка! Еще труднее было удержаться, чтобы не поправить переводчика, когда тот совершал ошибки, плохо зная специфическую терминологию.

Через много лет ему, дабы доставить удовольствие, дали почитать донесения сотрудников 7-го управления, ведающего наружным наблюдением, о своем собственном поведении в ту памятную поездку. Уж какие опытные ребята, многие служили в «семерке» по 10–15 лет, ни на миг не усомнились, что иностранец, которого они «пасли», их соотечественник и сослуживец!

Нелегалы порой годами не имеют известий о судьбе своих родственников. Семьи нелегалов, а таких в советской внешней разведке было достаточно много, порой боятся заводить детей на чужбине: ведь их надо растить и воспитывать как иностранцев! А когда возвращаются окончательно на Родину, обзаводиться потомством бывает уже и поздно.

А что значит «вернуться домой» после долгих лет пребывания за рубежом? Какие-то родные и друзья уже умерли, кто-то давно живет в другом городе, а то и стране. Наконец, они просто отвыкли от московского быта, обычаев, традиций, норм поведения… Удручающе может действовать и неустроенность жизни, дефицит на все, от цветных телевизоров до туалетной бумаги, вечные и бесконечные очереди, хамство продавцов…

К рутинной аппаратной работе бывшие нелегалы, как правило, не способны, просто не обладают опытом для исполнения тех служебных обязанностей, что могли бы быть им поручены в соответствии с воинскими званиями на момент возвращения. Потому либо пребывают в консультантах, либо преподают в чекистских учебных заведениях. Иногда, в редких случаях, выезжают в кратковременные командировки на «штучные» задания. Нелегалы не только марафонцы разведки, они и ее рядовые пехотинцы, до каких бы офицерских званий не

дослужились.

Читатель, надеюсь, проникся осознанием того, насколько трудно подготовить и внедрить в нужной точке одного-единственного (или супружескую пару) нелегала. А между тем в Советском Союзе была создана и продолжает свое существование в Российской Федерации единственная в мире системная сеть нелегальной разведки! Именно к этому стремился в свое время Александр Коротков и его преемники.

Разведке вообще, нелегальной особенно, присуща одна, принципиально неустранимая, извечная несправедливость: подавляющее большинство ее героев (и в переносном, и в буквальном смысле слова — с Золотыми Звездами) до конца дней своих пребывают в неизвестности. После смерти тоже. Безусловно, Вильям Фишер (Абель) и Конон Молодый — о них речь впереди — разведчики выдающиеся. Но и они, скорее всего, по сей день оставались бы безвестными героями «невидимого фронта», если бы не провалы, пускай и не по их вине! Таков уж горький парадокс профессии. Чтобы прославиться на весь мир, требуется на каком-то витке жизненного и служебного пути потерпеть неудачу и очутиться в чужой тюрьме.

Только единицам из числа уцелевших, вроде «Ефрата»-Акопяна было предоставлено право получить признание при жизни, избежав вышеназванных неприятностей. И то без толкового разъяснения, что собственно, названные люди такого совершили…

О прекрасных и заслуженных разведчиках — супругах Филоненко Анне (в девичестве Камаевой) и Михаиле, много лет проработавших в Латинской Америке, в том числе и странах с фашистским режимом, соотечественники узнали лишь в апреле 1999 года, когда их обоих уже не было в живых. Примечательно, что их трое детей, из которых двое родилось во время командировки, лишь по возвращении семьи в Москву узнали, что они советские и русские…[178]

…С Иосифом Григулевичем Александр Коротков лично познакомился по чрезвычайному поводу на конспиративной квартире, с соблюдением повышенных мер предосторожности. Объяснялось это не только особой ценностью «Макса» (он же «Юзик»), но и тем, что он прибыл в Москву нелегально, будучи высокопоставленным иностранным дипломатом в Ватикане! Понятно что в случае опознания, правда, маловероятного, но все же… — Григулевич тогда никак бы не смог объяснить своему министру иностранных дел, или президенту, почему он находится не в Риме, а в столице СССР.

Коротков про себя сразу отметил весьма своеобразную

внешность Григулевича. В ту пору «Максу» было лет под сорок. По национальности — литовский караим[179]. Невысокий, склонный к полноте, большая голова, жесткие, вьющиеся темные волосы с проседью, оливковый цвет кожи, крупные чувственные губы, миндалевидные, чуть навыкате глаза. Он легко сходил и за уроженца любой латиноамериканской страны и за торговца фруктами на арабском базаре.

В годы гражданской войны в Испании, совсем еще молодой, Григулевич сражался против франкистов в составе одной из интербригад. Там его и приметили советские разведчики, тогда он и стал нелегалом. Григулевич свободно владел доброй полудюжиной языков, был энциклопедически эрудирован. Своим первым орденом Красной Звезды «Макс» был награжден еще до Великой Отечественной войны.

В конце тридцатых годов в Аргентине успешно действовала нелегальная резидентура «Макса». Он создал обширную диверсионно-разведывательную сеть, которая была способна действенно подрывать коммуникации, связывающие Латинскую Америку с Германией. По этим морским путям в «третий рейх» шло стратегическое сырье — селитра, олово, медь, никель и прочие материалы для немецкой военной промышленности.

В 1942–1944 годах боевики (иного слова для этих людей не подберешь) «Макса» потопили или вывели из строя десятки судов, перевозивших военные грузы в порты Германии и оккупированных ею стран. В частности, почти полностью было прервано поступление селитры. Они же вывели из строя ряд портовых складов и сооружений.

Перед самой войной «Максу» было доверено выполнение еще одного долгосрочного задания. Так случилось, что с 1939 по 1941 год были вынуждены покинуть Соединенные Штаты нелегальный резидент Ицхак Ахмеров и его помощник Норман Бородин. Это привело к утрате связи Центра с особо ценным агентом «29» — молодым дипломатом, имевшим возможность получать достоверную информацию из американских посольств в разных странах, военных ведомств, министерства финансов и позднее, когда было образовано УСС, из этого разведывательного органа. «29» также успешно освещал деятельность немецких спецслужб в Латинской Америке. Наконец, что чрезвычайно важно, «29» информировал о позиции администрации США по ключевым международным проблемам. (Сразу следует указать: «29» сотрудничал с советской разведкой исключительно из своих антифашистских убеждений и не в ущерб национальным интересам США. Это вообще было характерной чертой советских агентов-американцев в те годы.)

«Максу» удалось наладить надежную курьерскую связь с «29» и быстро переслать полученные от него сведения в Москву.

Как свидетельствует хорошо знавший «Макса» генерал-лейтенант Виталий Павлов, разведчик «обладал прямо-таки уникальными способностями устанавливать контакты, заводить знакомства с людьми из любой социальной среды. Он лично знал руководящих деятелей практически всех стран Латинской Америки. Общая численность созданной им нелегальной сети достигала двухсот человек, которыми он четко руководил. Только на личной связи у него находилось более 50 агентов и доверенных лиц».

По окончании войны «Макса» перебросили в Европу. Впрочем, «перебросили» не самое подходящее слово: Григулевич торжественно прибыл в вечный город в качестве высокопоставленного дипломата одной из латиноамериканских стран в Ватикане! Должно быть, такой фантастической карьеры не делал разведчик-нелегал ни одной державы! Вербовать министров и послов — да, вербовали, не один раз, не в одной стране и в XVIII, и в XIX, и в XX веках. Но чтобы разведчик-нелегал сам своими усилиями, за счет исключительно своих талантов достиг подобного поста — не бывало.

Это обстоятельство и навело Берию на некую мысль… Он знал, как люто Сталин ненавидел Тито, знал и другое — его, Берии, положение в последние месяцы жизни диктатора стало весьма шатким… Вернуть былое расположение престарелого вождя можно было лишь каким-то экстраординарным шагом.

Сталин воспринял подброшенную ему мысль как свою собственную и отдал министру госбезопасности Игнатьеву распоряжение подготовить акцию по физическому уничтожению югославского лидера. В МГБ было заведено литерное дело под красноречивым криптонимом «Стервятник».

Для исполнения зловещего приговора требовалось подобрать особо надежного нелегала, обладающего боевым опытом. Выбор пал на Григулевича. В Вене с ним встретился представитель Центра, предложил добиться аккредитации в качестве дипломатического представителя в соседней Югославии и готовиться к операции, подобной той, к которой он привлекался перед войной в Мексике. Представитель Москвы не знал, на что намекал по указанию своего начальства, но Григулевич все превосходно понял: он имел прямое отношение к подготовке первого, неудачного покушения на Троцкого. (Мексиканскому затворнику тогда невероятно повезло: нападавшие боевики буквально изрешетили пулями его спальню, но ни одна не попала ни в него, ни в его жену Наталью Седову. Легкую царапину

получил лишь малолетний внук.) «Макс», по словам Павлова встретил эту часть задания без энтузиазма, о чем Берия и был уведомлен. Прямо отказаться Григулевич не мог — по тем временам это означало подписать себе смертный приговор. Правда, видимо сам «Макс» не представлял, что объектом теракта должен стать маршал Тито, полагая, что речь идет, возможно, об Александре Ранковиче, главе служб безопасности СФРЮ. Аккредитацию в Югославии Григулевич получил без труда, после чего его вызвали в Москву. Сталину же была направлена следующая записка МГБ, в силу особой секретности написанная от руки в единственном экземпляре:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито, с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается).

«Макс» был переброшен нами по костариканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных костариканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию.

Используя эти связи, «Макс» по нашему заданию добился назначения на пост Чрезвычайного Полномочного посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославии. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 года дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к клике Тито, и получил обещание личной аудиенции у Тито. Занимаемое «Максом» в настоящее время положение позволяет использовать его возможности для проведения активных действий против Тито.

В начале февраля с. о. «Макс» был вызван нами в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей «Макса» перед ним был поставлен вопрос, чем он мог бы быть полезен, учитывая его положение. «Макс» предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие против Тито[180].

В связи с этим предложением с ним была проведена беседа о том, как он себе это представляет, в результате чего выявились следующие возможные варианты осуществления теракта против Тито.

1. Поручить «Максу» добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам «Макс» не будет знать о существе применяемого препарата. В целях сохранения жизни

«Максу» ему будет предварительно привита противочумная сыворотка[181].

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда «Макса» с заданием, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито.

Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих с тем, чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода «Макса» и скрытия следов.

3. Воспользовавшись одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются члены дипломатического корпуса, произвести теракт таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому «Максу», который, как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием.

Кроме того, поручить «Максу» разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из костариканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество.

«Максу» предложено было еще раз продумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания.

Считали бы целесообразным использовать возможности «Макса» для совершения теракта против Тито. «Макс» по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания.

Просим Вашего согласия».

Началась усиленная разработка операции по всем трем вариантам. Понятное дело — убийство президента суверенного европейского государства, одного из героев Второй мировой войны — это не ликвидация предателя и авантюриста Агабекова или утратившего какое-либо политическое влияние эмигранта Троцкого. В случае неудачи мог разразиться грандиозный международный скандал с непредсказуемыми последствиями, наверняка, весьма серьезными.

А на какой директивный документ опирались разработчики

операции? Разумеется, не юридический, разумеется, лишь на партийный, разумеется, совершенно секретный.

Автор имеет в виду специальную инструкцию Министерства госбезопасности СССР, утвержденную на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 9 сентября 1950 года (протокол П77/309), согласно которой в отношении некоторых «враждебных лиц» допускалось применение мер по пресечению их деятельности «особыми способами по специальному разрешению»[182].

Дабы замести всякое подозрение на «след Москвы», Григулевич на случай своей гибели должен был написать прощальное письмо, которое неизбежно попало бы в руки югославских спецслужб. В нем «Макс» представил бы себя террористом-одиночкой, совершившим убийство Тито из «идейных соображений».

Смерть Сталина 5 марта 1953 года сама собой отменила операцию «Стервятник». Более того, Берия теперь намеревался восстановить нормальные отношения СССР с Югославией и на государственном, и на партийном уровне! Но отныне Григулевич превращался в опасного свидетеля, который теоретически вполне мог бы изобличить Берию, по меньшей мере, в лицемерии! Первому заместителю председателя Совмина СССР и могущественному министру внутренних дел было чрезвычайно важно выяснить, насколько глубоко Григулевич посвящен в несостоявшийся заговор. Чересчур полное знание всех обстоятельств, а главное, роли Берии, могло стоить Григулевичу жизни.

Расхлебывать это крайне щекотливое и неприятное дело пришлось Короткову, потому как «Макс», будучи нелегалом, числился за его управлением, правда, уже разогнанном Сталиным.

…Несколько часов длилась их насыщенная, крайне интересная и познавательная для обоих участников беседа. Ее особенность заключалась в том, что Коротков не нарушив приказа министра, не мог задать «Максу» ни одного прямого вопроса, относящегося к отмененной операции. «Григулевич был слишком умный и проницательный собеседник, чтобы мгновенно в таком случае не просчитать, сколько будет «два плюс два».

В итоге Коротков с облегчением пришел к выводу, что Григулевич либо действительно ни о чем не догадывается, либо весьма умело и тактично притворяется… Возможно, своим заключением Коротков спас жизнь одного из самых выдающихся советских нелегалов.

К сожалению, на этом завершилась карьера Григулевича как разведчика. Из МГБ он был все же на всякий случай уволен.

Правда, эта утрата была компенсирована со временем появлением в отечественной науке талантливого ученого, а в литературе — писателя.

Уже будучи немолодым человеком, Иосиф Ромуальдович Григулевич последовательно защитил кандидатскую и докторскую диссертации (по истории), был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, как крупнейший в стране специалист по Латинской Америке, истории католицизма вообще, Ватикана в частности. В популярной серии «Жизнь замечательных людей» под псевдонимом И. Лаврецкий (по девичьей фамилии матери) он выпустил книги «Боливар», «Панчо Вилья», «Миранда», «Хаурес», «Че Гевара», «Сальвадор Альенде».

Если в науке и документальной прозе Григулевич-Лаврецкий был автором дотошным, даже скрупулезным, то в жизни — веселым и остроумным рассказчиком.

Самыми известными нелегалами того периода, когда эту службу возглавлял Александр Коротков, волею судеб стали Вильям Фишер, Конон Молодый и супружеская пара — Морис и Леонтина Коэны.

Этнический немец, родившийся в Англии в семье рабочего-политэмигранта из России, Фишер свободно владел тремя языками: русским, английским и немецким, плюс — очень хорошо — французским. И никаких проблем с чужеродным акцентом, «русизмами» в оборотах речи. Он вообще был личностью уникальной во многих отношениях. Обладал острым и подвижным умом, мгновенно схватывал и усваивал любую информацию, даже если соприкасался с ней случайно и мимолетно. Свободно разбирался в таких науках, как высшая математика и теоретическая физика.

В двадцатые годы, проходя действительную службу в Красной Армии, Фишер закончил школу военных радистов. Примечательно, что его сослуживцами в учебном подразделении были будущий Герой Советского Союза знаменитый полярник Эрнест Кренкель и будущая «звезда» Малого театра народный артист СССР Михаил Царев.

В дальнейшем Фишер стал высококвалифицированным специалистом в области радиотехники и фотографии. В довершение всего, он превосходно рисовал, владел гравировальным делом, обладал тем даром, что в народе принято называть «золотыми руками». У Фишера была поразительная сила воли, которая снискала ему глубокое уважение со стороны сотрудников американских спецслужб после его ареста и у заключенных рецидивистов тюрем, в которых он содержался после суда.

Словом, Фишер был прямо-таки создан для работы нелегалом. Правда, у него была неординарная, а потому запоминающаяся внешность, но она же позволяла ему выдавать себя за уроженца, по крайней мере, доброго десятка европейских стран. И весьма убедительно. В довоенные годы он семь лет проработал за границей с нелегальных позиций. А в конце декабря 1938 года, чуть ли ни в один день с Коротковым, был из органов НКВД уволен, как не заслуживающий политического доверия. Слава Богу, хоть не был репрессирован.

В годы Великой Отечественной войны Фишера вернули в органы госбезопасности, служил он в Четвертом управлении под началом генерал Судоплатова.

Коротков знал Фишера еще с начала тридцатых годов, когда оба они, еще совсем молодыми, были сотрудниками ИНО, правда, тогда они не сблизились, возможно потому, что Фишер все же лет на шесть старше и был уже членом партии, когда Александр еще выполнял поручения комсомольской ячейки. Зато им несколько раз приходилось тесно сотрудничать во время войны.

В конце ноября 1948 года через несколько европейских стран и Канаду Фишер прибыл в Нью-Йорк по паспорту американского гражданина литовского происхождения Андриса Каютиса. На вокзале «Гранд Сентрал» он сдал вещи в камеру хранения и несколько часов гулял по городу. Убедившись, что не привлекает ничьего внимания, он по телефону-автомату с помощью толстенной справочной книги снял в недорогой гостинице однокомнатный номер, пообещав, что займет его через час. Затем вернулся на вокзал, забрал свои вещи и, уединившись в туалете, из хорошо замаскированного под записную книжку контейнера достал новые документы на имя местного жителя Эмиля Роберта Голдфуса, никогда ранее за пределы США не выезжавшего.

В Нью-Йорке свободный художник-фотограф Голдфус сменил несколько отелей и квартир, пока не поселился окончательно в Бруклине, в доме № 252 по Фултон-стрит возле Бруклинского моста. Здесь он снял квартирку-студию № 505 и кладовку № 509 в конце холла на том же этаже. В этом скромном жилище (оно же — рабочее место художника-фотографа) он прожил шесть лет. Паспорт на имя Каютиса больше нигде и никогда не фигурировал. То был типичный «промежуточный», то есть «одноразовый» документ. Случалось, что прежде чем осесть в конечном месте, нелегал менял таких несколько.

В любой приличной библиотеке сегодня книги о Рудольфе Абеле занимают целую полку, следовательно, нет надобности подробно рассказывать о его деятельности в США и судебном процессе над ним.

В качестве резидента-нелегала «Марк» руководил двумя крупными агентурными сетями. Одна, фактически им же и созданная, включала агентов, обосновавшихся в Калифорнии, а также в Бразилии, Аргентине и Мексике. В их числе была и упоминавшаяся уже «Патрия» — Африка де лас Эрас и ее муж «Боевой» — Джованни Бертони, а также ее бывшая соратница по партизанскому отряду Дмитрия Медведева Симона Кримкер[183], ставшая женой разведчик-нелегала Владимира Гринченко. Эта сеть держала под своим наблюдением и контролем порты всего Тихоокеанского побережья США.

Вторая сеть охватывала порты и базы Атлантического побережья. Видную роль в этой сети играл немецкий коммунист Курт Визель, бывший помощник известного еще по довоенным временем боевика Эрнста Вольвебера, ставшего министром госбезопасности ГДР. В любой момент люди Визаля могли осуществить чувствительную диверсию на любом военном объекте или в стратегически важном порту Восточного побережья.

В 1952 году Фишер сумел легально оформить гражданство США, это вполне надежно обеспечивало его безопасность. Дело в том, что в Соединенных Штатах существует своя специфика проживания для иностранцев, следовательно, и для разведчиков-нелегалов, въехавших в страну через третьи государства с документами, выданными или оформленными в тамошних американских консульствах, а то и поддельными. Их самым опасным врагом является не Федеральное бюро расследований, выполняющее и функции контрразведки, тем более, не местная полиция, а иммиграционные службы, весьма компетентные, имеющие большой опыт выявления иностранцев, незаконно въехавших в страну, и подлежащих, в лучшем случае, депортации.

Между Нью-Йорком и Норфолком, возле великих озер и на Западном побережье Фишер оборудовал три ППП — приемопередаточных пункта, или попросту радиоквартиры.

Надежными помощниками-связниками Фишера (впрочем, они знали его только по псевдониму «Марк») стали супруги, американские граждане Морис («Луис») и Леонтина («Лесли») Коэны («Волонтеры», «Дачники», «Другари»).

Мориса Коэна, как возможного агента советской разведки, открыл в середине тридцатых годов Яков Голос («Звук»), организовавший в Нью-Йорке Комитет в поддержку республиканской Испании. Именно он направлял в интернациональные бригады основную массу американских добровольцев, благоразумно оформляя им документы на другие фамилии. Двадцатипятилетний Морис Коэн и работавший преподавателем в средней школе (между прочим, к тому же и

достаточно известный футболист, которого приглашали несколько профессиональных клубов на постоянные контракты), член компартии США и были одними из таких добровольцев.

Так, в батальоне имени Маккензи — Пэпину, входящего в состав XV интербригады[184], появился боец и политкомиссар по имени Израиль Пиккет Олтмэн. Батальон состоял из уроженцев США и Канады. В конце 1937 года в бою под Фуэнтес де Эбро Олтмэн пулеметной очередью был ранен в обе ноги. В госпитале провел четыре месяца. Здесь его и отыскал плотно сложения мужчина с небольшими усиками под словно перебитым, как у боксера, носом. Пна прекрасном английском, с американским акцентом языке представился как «товарищ Браун». То был не кто иной, как Александр Орлов. Результатом их достаточно продолжительной беседы стало обучение Олтмэна в Барселонской разведшколе, где преподавали весьма специфические предметы, естественно, «советские товарищи».

Спустя несколько лет после возвращения на родину, на одном из коммунистических митингов Морис познакомился с круглолицей жизнерадостной девушкой по имени Леонтина Тереза Пэтке, родившейся в семье поляков-эмигрантов. Их свадьба состоялась 22 июня 1941 года. То был сама судьба… С разрешения резидента Морис открылся Леонтине, и та с радостью согласилась стать его помощницей в работе на советскую разведку. Так родилась еще одна супружеская пара разведчиков (впоследствии нелегалов), основным криптонимом которой стало существительное «волонтеры». Впрочем, под ним подразумевались не только «Луис» и «Лесли», но и другие агенты, входившие в разное время в их группу.

Когда США объявили войну нацистской Германии, Морис Коэн был призван в армию. Воевать ему пришлось на европейском фронте против немцев. Демобилизовавшись после окончания войны, Морис вместе с женой снова занялся главным делом своей жизни.

Из характеристик в личных делах «Луиса» и «Лесли»:

ОН: «Образован, культурен и деликатен. Исключительно честен. Обладает выдержкой, терпением и высокой дисциплиной.

По нашему заданию и с санкции Центра завербовал двух агентов, один из них — Персей открыл нам доступ к особо важным секретам американского атомного центра в Лос-Аламосе…

Работе с нами предан. Надежен и конспиративен.

Вывод: заслуживает полного доверия. Впредь его можно смело использовать по нелегальной линии в качестве наводчика и агента-вербовщика».

ОНА: «…обладает хорошей памятью, изобретательностью и даром перевоплощения. Находчива и настойчива в достижении поставленной цели. Смелая, храбрая и весьма сообразительная. Легко сближается с людьми, умеет правильно строить с ними взаимоотношения. К разведработе относится в высшей степени заинтересованно и ответственно, готова посвятить ей всю свою жизнь. Возложенные на нее задачи по обеспечению связи с агентурой и доставке от нее разведматериалов выполняет добросовестно.

К числу недостатков следует отнести некоторую ее излишнюю эмоциональность и рискованность.

Вывод: вполне может самостоятельно работать в нелегальных условиях».

Одно место в характеристике «Лесли» нуждается в дополнительном объяснении.

«Персей», завербованный Коэном еще до ухода в армию, был молодым, высокоодаренным физиком, привлеченным к «атомному проекту». Убежденный антифашист, он полагал, что одна страна — Соединенные Штаты Америки не может быть монопольным обладателем атомного оружия, это грозит человечеству самыми тяжелыми последствиями. Потому он согласился снабжать советскую разведку сверхсекретными материалами, относящимися к созданию атомной бомбы.

К 1943 году «Персей» уже работал в строго охраняемой зоне Лос-Аламосе, охрана которой была столь строгой и совершенной, что постороннему человеку нечего было и мечтать о возможности проникнуть туда чтобы забрать у «Персея» (он же «Млад»), собранные им материалы. Однако в системе охраны выявилась некая щель: раз в месяц ученым, работающим над бомбой, разрешалось выезжать для отдыха на воскресенье в расположенный неподалеку курортный городок Альбукерк. Впрочем, тоже достаточно хорошо контролируемый ФБР и полицией. «Лесли» сумела обзавестись справкой, что нуждается в санаторном лечении именно на этом курорте… После долгих мытарств состоялась ее встреча с «Персеем». Она получила от ученого свыше сотни чертежей и прочих материалов. При выезде из Альбукерка молодая женщина едва не попала в беду — вот тут-то и проявилась ее необычная находчивость, отмеченная и в характеристике. При проверке документов на вокзале «Лесли», чтобы достать их из сумочки, попросила проверяющего полицейского подержать тот самый дорожный баул, на дне которого лежали сверхсекретные материалы, полученные от «Персея»!

Еще при одной встрече с «Лесли», уже в 1945 году, «Персей»

передал ей описание и чертежи готовой к испытаниям бомбы и назвал дату их проведения: 10 июля в пустыне Аламогордо. Он также сообщил, что в недалеком будущем две атомные бомбы будут сброшены на Японию…

Так что нет никакой загадки в том, что глава Советского правительства Иосиф Сталин на Потсдамской конференции и бровью не повел от удивления, когда новый Президент США Гарри Трумэн сообщил ему о создании в США оружия неслыханной разрушительной силы.

Первая встреча «Марка» с «Лесли» состоялась в четверг, 12 декабря 1948 года в зоопарке Бронкса. Возле клетки с обезьянами! «Марк» потом объяснил: в зоопарке легко обнаружить наблюдение. «Хвост», в отличие от обычных посетителей, смотрит не на зверей, а на людей.

«Волонтеры» проработали с «Марком» десять месяцев. Могли бы работать и дальше, но случилось непредвиденное.

ФБР арестовало двух советских агентов, которые знали Коэнов. В таких случаях Центр всегда принимает решение самое категоричное: немедленный отзыв. Покинуть США с собственными паспортами? Слишком опасно. Агенты ФБР могли уже выжать и арестовать их связи. На время Коэны «залегли на дно». Чтобы выручить их, в Мексику под прикрытием паспорта дипкурьера срочно вылетел лучший советский специалист по изготовлению любых документов любой страны ныне здравствующий Павел Громушкин[185]. На вилле, арендуемой советским посольством, по образцам подлинных мексиканских документов он изготовил загранпаспорта на имя Педро Альвареса Санчеса и Марии Терезы Санчес.

Документы переправили в Нью-Йорк, с ними супруги Коэны пароходом покинули США (как оказалось, навсегда) и прибыли в мексиканский порт Веракрус. Здесь им пришлось провести несколько недель, пока тот же Громушкин не изготовил им уже американские паспорта на имя Бенджамена и Эмилии Бриггс. С ними через Францию, Германию, Швейцарию и Чехословакию, не без опасного приключения в пути, супруги прибыли, наконец, в Советский Союз.

В Москве после отдыха, посещения театров и музеев, Коэны прошли интенсивный курс обучения, сугубо индивидуальный, под руководством самых опытных преподавателей и специалистов.

Некоторое время связником «Марка» был молодой, но уже достаточно опытный сотрудник легальной резидентуры Юрий Соколов («Клод»). Вообще-то это противоречило правилам, но связника-нелегала тогда просто не имелось в наличии. В помощь «Марку» должен был прибыть хорошо подготовленный разведчик

«Роберт», которого Фишер хорошо знал. Но «Роберт» трагически погиб на Балтике при кораблекрушении.

Трудно сказать, сколько лет продержался бы «Марк» в США, пока его не отозвали бы на Родину. Но его предал направленный к нему в 1955 году вместо «Роберта» в качестве помощника кадровый сотрудник КГБ Карелии майор Рейно Хейхонен (оперативный псевдоним «Вик».) В Нью-Йорке он поселился под именем Юджина Никола Маки. Подлинной фамилии Фишера он не знал, только псевдоним — «Марк».

На беду Хейхонен оказался алкоголиком. Эту болезнь в СССР ему как-то удавалось скрывать, а в Америке он спустя некоторое время сорвался, запил, быстро деградировал, даже просадил значительную сумму казенных денег. Когда по настоянию «Марка» его отозвали, по пути в СССР, в Париже, он явился в американское представительство и выдал своего руководителя.

Уже понимая, что с «Виком» что-то неладно, но достоверно не зная о предательстве, Фишер на несколько недель покинул Нью-Йорк, а по возвращении по своему второму документу на имя Мартина Коллинза поселился в номере 839 в отеле «Латам» в Манхэттене.

Точного адреса «Марка» в Бруклине «Вик» не знал, но указал приблизительно дом и достаточно точно приметы своего бывшего шефа. Агенты ФБР немедленно установили за домом и прилегающим районом круглосуточное и плотное наблюдение. И дождались своего… Спустя несколько дней Фишер посетил свою квартиру, нет, не для того, чтобы снова здесь поселиться, но с единственной целью забрать хоть самое необходимое из своего специфического «имущества». После его ухода одна группа агентов ФБР немедленно произвела обыск в квартире на Фултон-стрит и обнаружила множество улик, неоспоримо свидетельствующих что их владелец занимается шпионажем…

Другие агенты, надо полагать, высококвалифицированные специалисты наружного наблюдения установили, что жилец квартиры в Бруклине в настоящее время снимает номер в гостинице «Латам» в Манхэттене под именем Мартина Коллинза.

Утром 11 мая 1957 года «Марк» был арестован в своем номере. В ходе одного из последующих допросов он назвался именем своего покойного друга, также чекиста Рудольфа Ивановича Абеля. О том, что арестованный имеет звание полковника, следователи ФБР знали от «Вика». «Марк» точно рассчитал, что когда в Центре из передач американского радио узнают об аресте в Нью-Йорке советского разведчика, назвавшегося Рудольфом Абелем, там сразу поймут, что речь на самом деле идет о нем — Вильяме Фишере.

В ходе следствия и на суде «Абель» держался с поразительной выдержкой, хладнокровием и достоинством. Никакой информации о связанных с ним лицах, сути проделанной в США разведывательной работы американцы от него не получили. Им даже так и не удалось установить его настоящее имя.

В качестве защитника Абеля ассоциация адвокатов назначила известного юриста Джеймса Донована. В годы Второй мировой войны Донован служил в военно-морской разведке и имел звание коммандера[186]. На Нюрнбергском процессе он был помощником обвинителя со стороны США. Донован действительно был превосходным адвокатом и порядочным человеком, к тому же по мере знакомства со своим подзащитным все более проникался к нему и уважением и чисто человеческой симпатией. (Примечательно, что оплата защитника, его помощников, различных издержек, была произведена за счет денег, конфискованных при аресте «Абеля».)

Главным свидетелем обвинения на процессе (по иронии судьбы он проходил в октябре 1957 года в федеральном суде Восточного округа Нью-Йорка, почти напротив того здания на Фултон-стрит, в котором Марк прожил шесть лет) был Рейно Хейхонен, который, впрочем, произвел и на судью, и на присяжных, и на многочисленных журналистов самое гнусное впечатление. В отличие от подсудимого.

В ходе допроса «Вика» тот сообщил, помимо всего прочего, что перед командированием в США с ним беседовали в Москве один из руководителей ПГУ Александр Коротков и его заместитель Виталий Павлов.

И по сей день можно иногда слышать или читать, что в провале «Марка», дескать, виноват «Саша», то есть Александр Коротков. Проглядел, мол, гнилое нутро «Вика».

Что можно и следует сказать по этому поводу?

Предательство сотрудников, увы, никогда не было в новинку для советской разведки и контрразведки. Изменники были и до «Вика» и после. Их число, должно быть, превышает два, если не три десятка.

И в системе КГБ, и в ГРУ после каждой измены искали, разумеется, и находили крайнего. Больше всех, кажется, пострадал по такому поводу генерал армии Иван Серов, снятый с должности начальника ГРУ и утративший три из четырех звездочек на погонах с зигзагами после ареста сотрудника своего ведомства Олега Пеньковского.

По мнению автора (с которым наверняка не согласятся многие читатели), поиски виновного в таких провалах — кроме самих предателей, разумеется, занятие бессмысленное. Дело в

том, что привлечением человека на службу в разведку, его проверкой до седьмого колена и перепроверкой, обучением, продвижением по службе и прочим занимаются десятки людей. Наконец, командировка любого сотрудника за кордон, тем более, на нелегальную работу в страну основного противника утверждается не только председателем КГБ, но обязательно именно «инстанцией», то есть Центральным Комитетом ВКП(б) — КПСС!

Так что винить в фактах измены следует, в первую очередь, саму систему комплектации органов госбезопасности, основанную на анкетном принципе, когда во главу угла ставилась классовая принадлежность, активность в так называемой общественной работе, членство в партии и комсомоле, чисто внешняя благонадежность, «моральная устойчивость», в соответствии с которой развод считался фактом если не компрометирующим, то не желательным, и тому подобная ерунда. Тут впору удивляться, что подавляющее большинство советских разведчиков были все же истинными патриотами, людьми честными, порядочными и самоотверженными.

Не стоит и говорить, что всякого рода проходимцы, в отличие от порядочных людей, прекрасно к этой системе приспосабливались, умели производить хорошее впечатление на кадровиков, скрывать не то что недостатки, но самые серьезные пороки.

В то же время можно только гадать, скольких прекрасных сотрудников не досчиталась отечественная разведка, да и контрразведка лишь потому, что в биографии кандидатов обнаруживались ужасающие факты, вроде наличия троюродной тетки в Австралии, родственная связь с которой была утрачена в годы революции (о существовании оной тетки сам «изучаемый» чаще всего и не подозревал).

Конечно, было бы прекрасно, если бы Коротков с одного взгляда безошибочно определил, что Хейхонен склонен к запоям (между прочим, «запойные» в отличие от «повседневников» в промежутках от одного загула до другого капли в рот не берут, и потому выглядят внешне вполне благопристойно) и способен на предательство. Но почему этого не разглядел никто до него? Кто знал его дольше? К тому же, кандидатура «Вика» всплыла, можно сказать, в последний момент, как замена погибшему «Роберту».

С анкетами у Хейхонена все было в порядке. В белой армии не служил. На оккупированной территории не находился (словно это могло от него зависеть). Родственников за границей не имел. К суду не привлекался. Во всех характеристиках неизменно повторялось, что «политически развит, моральной устойчив, в

общественной жизни коллектива участие принимает». Чего же еще надо?

Можно предполагать, что прослужи Коротков с Хейхоненом вместе некоторое время, он сумел бы дать майору должную оценку и как офицеру спецслужб, и как человеку. Но этого времени в его распоряжении не имелось. Наконец, и сам «Марк» далеко не сразу разобрался в своем напарнике и слишком поздно забил тревогу…

Автор изложил этот длинный пассаж вовсе не в защиту своего героя, но лишь для лучшего понимания обстановки данного конкретного предательства и размышлений по поводу, увы, достаточно частых случаев измены вообще.

Автор обращает внимание читателя еще на одно обстоятельство. Хейхонен явно по предварительному уговору с представителями обвинения сообщил суду, что на задание его непосредственно направляли Александр Коротков и Виталий Павлов. Многие присутствующие на процессе, да и читавшие о нем, не обратили на эти две фамилии никакого внимания. Но это очень важно. Дело в том, что главным обвинением против Абеля было создание заговора совместно с другими высокопоставленными русскими чиновниками… Фамилий таковых «чиновников» было названо две: Коротков и Павлов. Сие означало, что на данном процессе они фактически являются такими же обвиняемыми, как присутствующий в зале Абель. Иначе говоря, в случае обнаружения названных Короткова и Павлова на территории Соединенных Штатов, они могут и должны быть немедленно арестованы и предстать перед Большим Жюри…

Рудольф Абель по главному пункту обвинения мог быть приговорен федеральным окружным судьей Мортимером Байерсом к смертной казни, поскольку присяжные вынесли обвинительный вердикт.

Не отрицая правильности вердикта присяжных, адвокат Донован, обращаясь в своей заключительной речи к судье, высказал твердое убеждение, что интересы правосудия и национальные интересы Соединенных Штатов Америки требуют, чтобы смертная казнь к Абелю не была применена по пяти причинам. Главной и самой убедительной стала пятая:

«5. Нельзя исключить вероятности того, что в обозримом будущем работниками соответствующих служб Советской России или ее союзников может быть арестован американский разведчик соответствующего ранга. В таком случае обмен задержанными через дипломатические каналы, возможно, будет наилучшим образом отвечать интересам США».

Судья Байерс внял аргументации защитника, он сохранил жизнь подсудимому, но приговор вынес суровый: тридцать лет тюремного заключения и штраф в три тысячи долларов. С учетом возраста Абеля — 54 года, приговор фактически означал заключение пожизненное.

Адвокат Донован (в данном случае, похоже, в воду смотрел бывший коммандер военно-морской разведки США) оказался провидцем. 1 мая 1960 года под Свердловском был сбит ракетой американский разведывательный высотный самолет У-2. Пилот — Гэри Френсис Пауэрс невредимым взят в плен и на открытом судебном процессе в Москве осужден к 10 годам лишения свободы.

После долгих переговоров, с участием вышеназванного Джеймса Донована, при содействии властей ГДР и восточноберлинского адвоката Вольфганга Фогеля, в 8 часов 30 минут утра 10 февраля 1962 года на нейтральной части моста Глиникербрюкке, соединяющего американский сектор Берлина с находящимся в советской зоне Потсдамом, Вилли Фишер, он же «Марк», он же «полковник Абель» был обменен на Гэри Френсиса Пауэрса[187].

6 марта 1958 года Джеймс Донован встретился в Вашингтоне с директором ЦРУ Алленом Даллесом. Вот что записал после их беседы в своем дневнике защитник Абеля:

«— Я бы хотел, — сказал Даллес, попыхивая своей неизменной трубкой, — чтобы мы сегодня имели таких трех-четырех человек, как он, в Москве».

В 1953 году в Центре была завершена подготовка к выводу (весьма сложным путем) в Англию разведчика-нелегала Конона Молодого (оперативный псевдоним «Бен») с надежными, подлинными документами на имя Гордона Лонсдейла. По семейным обстоятельствам его детство прошло в США, на Родину подросток вернулся в возрасте двенадцати лет. Поэтому «Бен», как и «Марк», свободно владел английским языком. Молодый прошел войну в артиллерийской разведке, по ее завершении учился и благополучно закончил Академию внешней торговли.

Когда Молодого пригласили на службу во внешнюю разведку, он охотно согласился и прошел должную подготовку.

Для работы в Англии в помощь Молодому было решено придать чету Коэнов, правда, теперь супруги носили другие имена: Питера и Хелен Крогер.

Превращение Коэнов в Крогеров было проведено по остроумной схеме. Легальный резидент в Париже Алексей Крохин (оперативный псевдоним «Огнев») выяснил, что в новозеландской

миссии во Франции можно получить паспорт гражданина Новой Зеландии по почте, по представлению по почте же материалов, подтверждающих личность заявителя, его семейное и имущественное положение. Следует только обосновать невозможность личного приезда в Париж, скажем, таким «пустяком», как справкой о болезни. При этом — что крайне важно! — представленные документы возвращаются заявителю вместе с новым паспортом. Иначе говоря, появилась возможность хорошо сделанные на Лубянке документы, но все же фальшивые, то есть потенциально опасные в случае их высокопрофессионального изучения — обменять на подлинные паспорта далекого островного государства, бывшего домициона Британской империи, а ныне члена Содружества!

19 марта 1954 года Александр Коротков подписал следующий документ:

«Сов. секретно
Экз. единств.
Председателю КГБ при СМ СССР
генерал-полковнику
т. Серову И. А.

РАПОРТ

Центром проведена работа по созданию нелегальной резидентуры «Бена» в Великобритании. В качестве ее оперативных работников намечаются «Дачники» — бывшие загранисточники «Луис» и «Лесли».

Коэн Моррис, 1910 года рождения, уроженец США, американец, участник военных действий в Германии и Испании. В 1948 году закончил педагогический факультет при колумбийском университете.

Коэн (Паэтке) Леонтина, 1913 года рождения, уроженка США, полька, вместе с мужем сотрудничает с разведкой с 1941 года.

Для оседания в Англии «Луис» и «Лесли» используют загранпаспорта, официально полученные ими в новозеландской миссии в Париже. Фиктивные документы возвращены из миссии и находятся в личном деле «Дачников».

Вывод их в Великобританию предполагается осуществить из Австрии через Швейцарию.

Просим утвердить «Луиса» и «Лесли» в качестве оперативных работников нелегальной резидентуры «Бена» и санкционировать проведение намеченной комбинации по их выводу в Англию, где они будут выступать как новозеландские граждане — коммерсант Питер Крогер и домохозяйка Хелен Джойс Крогер.

И. о. начальника Первого главного управления

А. М. Коротков.

22 марта 1954 года Председатель КГБ при СМ СССР наложил на рапорт резолюцию: «Вывод К. за границу санкционирую. И. А. Серов».

План Короткова сработал безукоризненно. Еще до направления, разумеется, вышеприведенного рапорта, в Москве для Крогеров был изготовлен так называемый «семейный» новозеландский паспорт, с ним они приехали в Вену, откуда, прибегнув к помощи адвоката, обратились в миссию Новой Зеландии в Париже. Спустя некоторое время они получили по почте новенькие, уже раздельные загранпаспорта.

В конце декабря 1954 года Крогеры выехали из Москвы, благополучно пересекли границы нескольких государств и прибыли в Лондон.

По замыслу Короткова Питер должен был стать антикваром-букинистом. На полученные в Москве деньги он накупил редкие книги, вступил в Клуб британской национальной книги и всемирно известную Ассоциацию букинистов Великобритании. А главное, Питер открыл собственный магазин на Стрэнде. К некоторому удивлению и Короткова, и самих Крогеров, магазин оказался вполне рентабельным.

Затем супруги купили коттедж на окраине Лондона — на Крэнли-Драйв, 45, в двух милях от американского военного аэродрома Норхолт. Коттедж, которому предстояло стать радиоквартирой «Бена», а его владельцам — радистами, отвечал всем условиям конспирации. Было у него еще одно специфическое и весьма привлекательное достоинство: круглосуточная работа мощных аэродромных радиостанций маскировала передачи их быстродействующей рации, способной отбивать 600 знаков в секунду. Засечь ее работу обычными методами радиопеленгации было невозможно.

«Бен» прибыл в Лондон через Канаду, где по не единожды испытанной методе получил документы местного уроженца.

В столице Великобритании Гордон Лонсдейл открыл собственное дело по прокату музыкальных, игровых и торговых автоматов[188] и поступил на курсы китайского языка в школе изучения стран Востока и Азии при Лондонском университете. Один из сокурсников, с которым Лонсдейл подружился, сказал ему как-то: «Знаете, Гордон, наверное, кроме нас с вами, все остальные здесь — шпионы».

Нелегальная резидентура «Бена» бесперебойно действовала на протяжении пяти лет. Было собрано и передано в Москву огромное количество ценнейшей информации военного

характера, в частности, о подводных лодках класса «Дредноут», о секретных работах микробиологического центра в Порто Дауне и многом другом.

Как это бывает достаточно часто, причиной провала Молодыго, Крогеров и двух агентов «Бена» (но далеко не всех), стало предательство. Причем на сей раз предатель сыскался не в Москве, и не в Лондоне, а в Варшаве.

В 1958 году инициативно связался с ЦРУ начальник отдела оперативной техники польской разведки полковник Михал Голеневский, получивший у американцев кличку «Снайпер». Он, в частности, сообщил ЦРУ, что в Варшаве советская разведка завербовала сотрудника военно-морского атташе посольства Великобритании. (Польские коллеги имели к этому некоторое отношение.) Американцы поделились этой информацией с англичанами, и британская контрразведка Ми-5 «вычислила» этого человека. Он оказался самым ценным агентом «Бена» (вместе со своей подружкой, которая служила в архиве военно-морской базы в Портленде). Примечательно, что Молодый использовал этих агентов «втемную» — те были уверены, что работают на… американцев.

7 января 1961 года «Бен», Крогеры и упомянутые выше агенты были арестованы. Процесс над ними проходил в марте 1961 года в уголовном суде высшей инстанции, знаменитом Олд Бейли. Гордон Лонсдейл был осужден к 25, супруги Крогеры — к 20 годам тюремного заключения.

В 1964 году Конон Молодый был обменен на сопроцессника Олега Пеньковского английского подданного Гревила Винна. Супругам Крогерам пришлось провести за решеткой на пять лет больше. Их сумели обменять лишь в 1969 году на арестованного в СССР незадачливого шпиона Джеральда Брука.

По возвращении в СССР Моррис и Леонтина Коэн были награждены орденами Красного Знамени. Уже посмертно Указом Президента России им уже, к сожалению, посмертно, было присвоено звание Героев Российской Федерации…

Много лет спустя, беседуя с преемником Александра Короткова Юрием Дроздовым. Председатель КГБ СССР Юрий Андропов признал, что «нелегалы оправдали определенные для них направления боевой работы: вести активную разведку по предотвращению внезапного ракетно-ядерного нападения на нашу Родину».

Форпост «холодной войны»

23 марта 1957 года генерал-майор Александр Коротков получил новое назначение, которое, возможно, могло кое-кого и удивить: он стал представителем КГБ СССР при Министерстве государственной безопасности ГДР.

Даже для начальника управления и заместителя начальника разведки такое откомандирование из Центрального аппарата не могло и не должно было расцениваться как понижение. Объяснялось это просто: важностью данного поста в данное время. К 1957 году оба германских государства — ГДР и ФРГ, а также разделенный на Восточный и Западный Берлин стали главной ареной, форпостом противостоящих лагерей, фактически пребывающих уже второе десятилетие в зыбком состоянии, ранее в международных отношениях неведомом — «холодной войны». То есть, той стадии конфронтации, когда любой неосторожный шаг одной из сторон, не говоря уже об умышленной провокации, мог привести к вооруженному столкновению с непредсказуемыми, но непременно тяжелыми, возможно — непоправимыми последствиями.

Отметим, «холодная война» была не только взаимным заблуждением, как ее трактуют ныне некоторые авторы, не только плодом пропагандистской, психологической борьбы противостоящих лагерей. Нет, за ней стояли вполне реальные геополитические и прочие интересы главных держав тогдашнего двуполярного мира: СССР и США. Для спецслужб эти десятилетия были долгим периодом самых жестких, непримиримых столкновений. Особенно на том полигоне, которым в силу многих обстоятельств стала разделенная Германия и ее растерзанная столица — Берлин.

В должности представителя КГБ в Германии Александр Коротков сменил генерал-лейтенанта Евгения Питовранова. Для посвященных уже это говорило о многом. Генерал Питовранов заслуженно считался одним из самых умных и компетентных руководителей в системе органов госбезопасности. Ему довелось побывать и начальником обоих главных управлений — разведки и контрразведки, и заместителем министра, и… номерным узником внутренней тюрьмы.

Питовранов был арестован по делу своего тогдашнего министра Абакумова в числе нескольких других генералов и полковников. Только четверо из них, невзирая на жестокие допросы, не признали себя виновными: Виктор Абакумов, Леонид Эйтингон, Яков Матусов и Евгений Питовранов. Более того,

располагая между допросами свободным временем, Питовранов в холодной камере-одиночке написал Сталину… нет, не покаянное письмо, и не донос: обстоятельную докладную записку. О том, как в новой международной обстановке следует реорганизовать советскую контрразведку.

Самое поразительное в этой фантастической истории даже не то, что докладная дошла до адресата. А то, что Сталин дал ей ход, в результате чего автор записки был освобожден и, более того, восстановлен на службе. Нечто подобное, кажется, ранее случилось еще лишь с одним человеком — наркомом оборонной промышленности Борисом Ванниковым летом сорок первого. «А где Ванников? Почему отсутствует? — раздраженно спросил на заседании ГКО Сталин. — Он сидит, — смущенно ответил Берия. — Нашел время, когда сидеть! — сердито сказал вождь. Через десять минут Ванников был доставлен из внутренней тюрьмы в кабинет Верховного…

В бытность Питовранова уполномоченным КГБ в Германии, там было проведено несколько крупных дел, некоторые из них впоследствии стали широко известны, поскольку были намеренно широко (хотя и не до конца) освещены в советских средствах массовой информации, а затем и на Западе.

Уже одно это определяло, что преемник Питовранова должен был, по меньшей мере, не уступать ему по степени компетенции, деловым и личностным качествам. Руководствуясь этими критериями, Председатель КГБ Иван Серов и остановил свой выбор на Александре Короткове. Кандидатура была одобрена и в «инстанциях».

Со стороны самого Александра Михайловича возражений не поступило. Он был рад возможности еще несколько лет поработать в стране, которую не только хорошо знал, но и любил. Не возражала против командировки и жена, Ирина Александровна, поскольку сама была специалистом именно по германской экономике. К этому времени она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и работала старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

Итак, в марте 1957 года Александр Коротков вновь приехал в Берлин и поселился в том же Карлсхорсте, который его советские обитатели с чьей-то легкой руки называли между собой «деревней Карловкой».

Совсем неподалеку на Копеникераллее, за высоким забором располагалось большое трехэтажное здание бывшего военного эсэсовского госпиталя «Санкт-Антониошпиталь», в котором ныне

находился аппарат (вернее, часть многолюдного аппарата) представителя КГБ. И почти что рядом — памятное здание бывшего военно-инженерного училища, в котором в ночь с 8 на 9 мая 1945 года был подписан Акт о капитуляции вооруженных сил нацистской Германии. Через несколько лет в этом историческом здании будет устроен музей.

Ирина Александровна, уладив свои дела в институте, приехала с четырехлетней дочкой Юлей в Берлин спустя несколько месяцев. Как и было ранее обещано, ей предоставили интересную работу по специальности: консультантом в аппарате советника посольства по экономике.

Аппарат представительства являл из себя солидную, как по численности, так и по технической оснащенности спецслужбу. В определенной степени он как бы копировал КГБ по разнообразию поставленных перед ним задач.

В 1953–1954 годах структура аппарата Уполномоченного КГБ (позднее переименованного в Представителя) в общих чертах была приблизительно следующей»:

— секретариат;

— служба разведки с шестью отделениями: американским, английским, французским, германским, научно-технической разведки и по работе с нелегалами;

— служба контрразведки с четырьмя отделениями: американским, английским, французским и германским.

Самым многочисленным был советнический отдел, поскольку советники КГБ имелись в каждом управлении МГБ ГДР, а также во всех четырнадцати округах республики. Советник, как правило, кроме своего помощника в аппарате, имел кабинет в здании МГБ или его окружного управления.

В 1954 году службы разведки и контрразведки были слиты. Вместо названных выше двух служб были образованы четыре крупных отдела: американский, английский, французский и германский. В каждом из них были разведывательное и контрразведывательное отделения. Свою самостоятельность сохранили отделения научно-технической разведки и по работе с эмигрантами.

Кроме того, в аппарате существовали все необходимые технические и вспомогательные службы.

В общей сложности аппарат Уполномоченного насчитывал несколько сотен сотрудников. Кроме того, на должностях, связанных с обслуживанием всего комплекса: жилые дома, стадион, клуб, системы канализации водо- и электроснабжения было занято довольно много немцев, граждан ГДР, разумеется, трижды проверенных и находящихся под неустанным и

пристальным присмотром.

Направление Короткова в Карлсхорст означало не просто обычную, осуществляемую каждые три-четыре года смену уполномоченных, а затем и представителей КГБ, но резкое усиление именно разведывательной работы с территории Германии, тем более что контрразведкой занимались также особые отделы советских воинских расквартированных в ГДР частей и соединений.

О приоритете разведки Коротков получил прямое указание и от председателя КГБ Ивана Серова, и в Центральном Комитете КПСС. Да и сам он прекрасно понимал, что этого требует международная обстановка и ситуация в Германии, и соответственно, ориентировал на первом же совещании в своем новом кабинете начальников всех основных отделов и отделений. К слову сказать, почти всех их, а также и многих сотрудников, он лично знал не первый год.

Так, германский отдел (его начальник подполковник Борис Иванов был с Коротковым в одной группе в тяжелые недели венгерских событий 1956 года) имел пять главных направлений разведывательной деятельности (имелось в виду, прежде всего, агентурное проникновение):

— ведомство федерального канцлера ФРГ;

— министерство иностранных дел ФРГ;

— министерство обороны ФРГ;

— спецслужбы ФРГ;

— политические партии и влиятельные общественные организации ФРГ.

Ну, и, разумеется, предметом особой заботы всех отделов и отделений оставался Западный Берлин.

Кроме руководства обширным и сложным хозяйством, в обязанности Короткова входило взаимодействие, оказание помощи и, в весьма деликатной форме, даже желательное для Советского Союза направление деятельности спецслужб Германской Демократической Республики. Задача эта была именно деликатной, поскольку на работе министерства госбезопасности ГДР прямо и непосредственно сказывалась непрестанная подковерная борьба за власть в высших кругах партийного и государственного руководства республики.

Посему Коротков должен был быть не только разведчиком, но, в отношениях с руководителями МГБ, правительства и ЦК СЕПГ настоящим дипломатом. К слову сказать, официально, «на людях», он выступал в качестве советника посольства СССР в ГДР и имел соответствующий дипломатический ранг.

Спецслужбы в восточной зоне Германии создавались,

разумеется, под прямым контролем советских оккупационных властей и соответствующих управлений МГБ СССР.

Еще в августе 1947 года по приказу СВАГ здесь в составе уголовной (криминальной) полиции была сформирована полиция безопасности под названием «Комиссариат-5» (К-5). После провозглашения в октябре 1949 года Германской Демократической Республики на основе К-5 была образована служба государственной безопасности — ССД. Главой и К-5, и ССД был старый коммунист Вильгельм Цайссер.

Во время гражданской войны в Испании Цайссер под псевдонимом «генерал Томас» командовал XI Интербригадой. На протяжении многих лет он был связан с советской военной разведкой. Его ближайшим помощником был также агент Разведупра, профессиональный журналист Рудольф Гернштадт, женой которого одно время была знаменитая ныне «Альте» — Ильза Штебе. Именно Гернштадт и Штебе завербовали высокопоставленного нацистского дипломата Рудольфа фон Шелиа. В их группу входил также Герхард Кегель.

Спустя несколько месяцев, в феврале 1950 года ССД была преобразована в министерство государственной безопасности ГДР, министром назначен все тот же Цайссер. Примечательно, что разведкой вплоть до марта 1953 года МГБ не занималось, хотя соответствующая спецслужба, закамуфлированная безобидными названиями, уже существовала. Ее становление и многолетняя деятельность неразрывно связаны с именем «Человека без лица», как его долгие годы называли на Западе — Маркуса Вольфа, или «Миши», как его называли советские друзья[189].

Высокий, стройный, по мужски весьма привлекательный, еще совсем молодой (и навсегда моложавый), с доброжелательным, очень интеллигентным лицом, Вольф менее всего походил на руководителя активно действующих спецслужб на протяжении трех с лишним десятилетий.

Отцом Маркуса был известный немецкий драматург, врач, по основной профессии Фридрих Вольф. Коммунист по убеждениям, он был вынужден эмигрировать с семьей из нацистской Германии в Советский Союз. В Москве, небольшой двухкомнатной квартире в Нижне-Кисловском переулке выросли два его сына: Маркус и Конрад. Учились мальчики вначале в немецкой школе им. Карла Либкнехта, а затем в русской им. Фритьофа Нансена. Однокашники называли их Миша и Коля. Впоследствии Конрад Вольф стал известным кинорежиссером и президентом Академии художеств ГДР.

Фридрих Вольф был автором знаменитой пьесы «Профессор Мамлок», она стала первым литературным произведением,

рассказывающим о трагической судьбе евреев в нацистской Германии. Спектакли по ней были поставлены на сценах многих театров мира. (В 1961 году Конрад Вольф снял по пьесе отца художественный фильм.)

Перед войной Маркус Вольф закончил первый курс Московского авиационного института. Как многие его сверстники, дети политэмигрантов, Маркус рвался на фронт, но вместо передовой по воле партии попал в глубокий тыл, в деревню Кушнаренково на реке Белой в Башкирии. Здесь, под криптонимом «Сельскохозяйственный техникум № 101» функционировала секретная школа Коминтерна. Готовили в ней не агрономов и не животноводов, а подпольщиков для последующей нелегальной работы в Германии.

Подготовку будущих нелегалов прервал роспуск 16 мая 1943 года Коминтерна. Вольф получил новое назначение: комментатором и диктором на радиостанцию Компартии Германии, вещающую, естественно, на немецком языке. Тогда-то с ним и познакомился полковник Александр Коротков.

Между тем младший из братьев, Конрад, вступил-таки в Красную Армию и День Победы встретил в Берлине девятнадцатилетним лейтенантом.

В конце мая 1945 года в столицу поверженного рейха прилетел и Маркус Вольф. Вальтер Ульбрихт направил его работать на берлинское радио. В качестве радиожурналиста Вольф много месяцев освещал ход судебного процесса над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге.

После провозглашения Германской Демократической Республики Маркус Вольф полтора года работал первым советником посольства ГДР в Москве.

В августе 1951 года Вольфа неожиданно вызвал в Берлин статс-секретарь[190] МИДа ГДР Антон Аккерман, старый коммунист, участник гражданской войны в Испании. Вольфа он хорошо знал по совместной работе в Национальном Комитете «Свободная Германия».

Он сообщил, что в ГДР создается собственная разведывательная служба под его, Аккермана, началом. Почему он ставит об этом в известность Вольфа? Потому, что с этого дня он уже не советник посольства в Москве, а сотрудник нового учреждения под скромным названием «Институт экономических исследований». Первоначально в институте было всего-навсего четверо немецких служащих и столько же советников из Москвы.

В декабре 1952 года Антона Аккермана сменил в должности директора Маркус Вольф, став, тем самым, в двадцать восемь лет самым молодым в мире хоть и небольшой пока что по

численности и масштабам деятельности, но все же разведки.

До весны 1953 года институт подчинялся непосредственно Первому секретарю ЦК СЕПГ Вальтеру Ульбрихту. Лишь после смерти Сталина разведка была переподчинена Цайссеру, но не как министру госбезопасности ГДР, а… члену Политбюро ЦК СЕПГ.

Борьба за власть в верхах республики тогда достигла, пожалуй, наивысшего накала. Ни для кого в партии не было секретом, что Цайссер недолюбливает Ульбрихта, а главное, не разделяет его линии на ускоренное строительство социализма в ГДР, полагая ее политическим авантюризмом. Как теперь известно, точно таких же взглядов по данному вопросу придерживался и Лаврентий Берия в Москве. Именно экономические последствия проводимой руководством ГДР гонки и привели к массовым выступлениям рабочих в июне 1953 года.

Арест Берии спас тогда Ульбрихта от неизбежного, казалось, снятия с должности. Ульбрихт не только уцелел сам, но и сумел избавиться от Цайссера с Гернштадтом.

Спокойный, выдержанный Цайссер, понимая, что при такой ситуации плетью обуха не перешибить (все знали, что Ульбрихта связывает с только что избранным Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым личная дружба), навсегда оставил большую политику и успешно продолжил свое любимое на протяжении многих лет занятие: редактирование переводов на немецкий язык произведений В. И. Ленина.

Убрав Цайссера, Ульбрихт по узко прагматическим личным соображениям низложил МГБ в статс-секретариат в составе МВД. Министром МВД тогда был Вилли Штоф, будущий глава правительства ГДР. Статс-секретарем стал коренастый, плотносбитый и зычноголосый Эрнст Вольвебер («Антон»), своего рода человек-легенда Германской компартии. В годы Первой мировой войны он служил в военном флоте, в ноябре 1918 года руководил знаменитым восстанием моряков в Киле. Там же Вольвебер вступил в «Союз Спартака», предтечу будущей компартии Германии, в Киле же познакомился с раненным на фронте молодым солдатом по имени Рихард Зорге.

Два года Вольвебер провел в Москве — учился. По возвращении в Германию в 1928 году был избран депутатом рейхстага от компартии.

После прихода к власти нацистов Вольвебер эмигрировал и поселился в Копенгагене. Здесь по заданию Коминтерна он повел активную работу в Международном союзе моряков.

В портовых городах Северной Европы Вольвебер стал организовывать международные клубы моряков, существующие

повсеместно и по сей день. Под их прикрытием «Антон» сколачивал диверсионно-разведывательные группы, связанные одновременно и с внешней, и с военной разведкой СССР. В задних комнатах и подвальных помещениях клубов изготовлялись фальшивые морские паспорта и другие документы, собирались взрывчатые устройства, хранилось орудие и боеприпасы.

Так возникла разветвленная организация, получившая название «Лига Вольвебера» и состоящая из моряков-боевиков многих национальностей. В годы гражданской войны в Испании они осуществили ряд диверсий на судах, доставлявших стратегические материалы франкистским мятежникам. Так, к примеру, был устроен пожар в трюме польского судна «Стефан Баторий».

Гестапо несколько лет пыталось разгромить «Лигу», но, безуспешно в какой-то степени сократить ее деятельность немцы сумели лишь в ходе начавшейся Первой мировой войны после оккупации Дании и Норвегии. Многие боевики были схвачены гестаповцами. Самому Вольвеберу удалось бежать через узкий пролив Эресун (Зунд), отделяющий Данию от Швеции. Хотя при нем был фальшивый датский паспорт на имя Фрица Келлера, шведские власти его опознали и арестовали. Германские власти решительно требовали выдачи Вольвебера как гражданина Германии и международного террориста. По данным шефа РСХА Райнхарда Гейдриха «Лига Вольвебера» была ответственна за диверсии на восемнадцати германских, трех итальянских и одном японском судне. Два судна из этого списка были затоплены, остальным нанесены разрушения различной степени тяжести. (Пока Вольвебер пребывал в шведской тюрьме, его боевики устроили диверсию еще и на одном финском судне.)

Скорее всего, немцы дробились бы выдачи Вольвебера. К счастью для «Антона», о нем вовремя узнал от своих «источников» резидент внешней разведки в Стокгольме Борис Рыбкин. Правительство СССР официально заявило, что Эрнст Вольвебер является советским гражданином и потому подлежит не выдаче Германии, а немедленной репатриации в Москву. Что и было сделано.

Естественно, вся эта история прямо-таки детективного свойства проходила при живом и непосредственном участии Александра Короткова, ранее лично Вольвебера не знавшего.

Итак, Эрнст Вольвебер стал статс-секретарем МВД. Разведка в новом статс-секретариате именовалась отныне Главным управлением XV. Маркус Вольф одновременно являлся начальником этого управления и заместителем Вольвебера. Поначалу вся разведка ГДР свободно помещалась в здании

бывшей школы в Панкове. Затем, по мере расширения, переехала в более просторное помещение на Роландсуфер в центре Берлина.

Впоследствии для министерства государственной безопасности был выстроен громадный комплекс в основном двенадцатиэтажных зданий какого-то странного буро-красного цвета, на углу Франкфуртераллее и Рушештрассе. В одном из них — угловом, с внутренним двориком, разместилось и Главное управление разведки.

В 1957 году, как раз перед приездом Короткова в Берлин, Вольвебер также перестал устраивать Ульбрихта. Он был смещен, а органы государственной безопасности возглавил (и возглавлял до самого конца существования ГДР) также невысокий, плотный, с большой головой при почти полном отсутствии шеи Эрих Мильке. По удивительному стечению обстоятельств, Мильке, который никогда, даже на фотографии не видел шефа гестапо Мюллера, носил точно такую же странную прическу — с высоко выбритыми висками…

Эрих Мильке также принадлежал к числу старых немецких коммунистов, которые в конце двадцатых — начале тридцатых годов аргументам разума и логики в стычках со штурмовиками предпочитали крепкие пролетарские кулаки и тяжелые медные бляхи поясных ремней с эмблемой «Рот-Фронт». Тем же поднятым вверх крепок сжатым кулаком.

Еще до прихода Гитлера к власти Эрих Мильке с товарищем Эрихом Циммером (обоим немного за двадцать) по решению партии в отместку за убийство на митинге двух рабочих, 9 августа 1931 года также во время митинга на площади Бюловлац перед «Домом Карла Либкнехта» убил капитанов полиции Пауля Анлауфа и Франка Ленка, еще одного полицейского ранил.

Убийство полицейского в Германии традиционно считается одним из самых тяжких преступлений, на которые не распространяется срок давности. Именно за это после объединения Германии почти шестьдесят лет спустя власти ФРГ попытались привлечь к ответственности престарелого Эриха Мильке…

При Мильке органы госбезопасности были восстановлены в ранге министерства (пресловутого «штази»). Главное управление XV (разведывательное) бывшего статс-секретариата стало в составе МГБ ГДР именоваться Главным управлением разведки (ГУР).

Мильке и Вольфу суждено будет много лет работать, что называется, «под одной крышей». Это были очень разные люди, разного интеллекта, разного жизненного опыта, с разными — но у обоих сильными — характерами. Отношения между ними порой

будут доходить до крайней степени напряженности. И Александру Короткову в качестве полномочного представителя КГБ да и просто общего друга обоих придется частенько прикладывать немало усилий и такта, чтобы сглаживать острые конфликты между министром госбезопасности и шефом разведки.

Мильке был человеком крутого нрава, любил и умел, как говорится, ломать людей через колено. При внешней простоватости и не слишком широкой образованности был по-крестьянски упрям, проницателен и хитер. Чтобы работать с ним на равных, нужно было стать с ним на равных, заставить уважать себя и считаться с собой. Это удавалось далеко не каждому советскому работнику в ГДР. Короткову удавалось. По свидетельству многих очевидцев и участников событий тех лет, зачастую откровенно грубый Мильке почти всегда соглашался с мнением Короткова, которого почитал гораздо больше своих коллег в высших эшелонах власти ГДР. Возможно, Короткову помогало то, что при общей доброжелательности он тоже мог быть и упрямым, и крутым. Имея опыт общения с такими собственными министрами, как Берия и Абакумов, он быстро добился должного к себе, как к советскому представителю и профессионалу, уважения со стороны и Мильке, и других ответственных сотрудников аппарата МГБ.

С Вольфом все было проще. И не только потому, что Маркус был моложе и гораздо образованнее Мильке. Талантливый, разносторонне эрудированный человек, Вольф все же был тогда еще новичком в разведке, а потому с самого начала должен был признать абсолютное превосходство Короткова, как высококлассного профессионала вообще и компетентнейшего знатока именно Германии, в частности.

Хитрый, даже коварный Вальтер Ульбрихт прекрасно знал, что население ГДР не слишком любит Первого секретаря ЦК СЕПГ. Ему было известно, что в бесчисленных берлинских (и не только берлинских) кнайпе, бирштубе, келлерах рассказывают вполголоса анекдоты, в которых обыгрывается и его неистребимый саксонский акцент, и высокий, неприлично визгливый иногда голос.

Поэтому его вполне устраивала взаимная неприязнь министра госбезопасности и шефа разведки. В этом он, как опытный, прожженный политик видел своеобразный баланс сил.

Теперь несколько принципиально важных для автора строк.

С позиций международного права Германская Демократическая Республика, как и Федеративная Республика Германия, являлась суверенным государством, поддерживала нормальные дипломатические отношения со многими странами,

являлась членом десятков международных организаций, в том числе и ООН. Как любое суверенное государство, ГДР имела полное право содержать вооруженные силы, органы разведки и контрразведки. Служба в этих учреждениях сама по себе не могла и не должна считаться преступным, уголовно наказуемым деянием.

Тем не менее, почти сразу после объединения ФРГ и ГДР федеральные и земельные власти знали откровенное преследование многих государственных и партийных деятелей бывшей ГДР, сотрудников ее органов госбезопасности, и негласных помощников. Многие кадровые офицеры (особенно старшие) бывших вооруженных сил ГДР не были зачислены на службу в бундесвер, на что имели полное право. Между тем кадровые разведчики ФРГ, работавшие против ГДР, никакой ответственности, даже простого упрека за это не понесли. Хотя, если подойти к этому строго юридически, совершали против другого суверенного государства то же самое, что их коллеги по профессии на Востоке. Это и есть, что принято называть двойным стандартом, что весьма характерно для многих западных держав, в первую очередь — для США.

Так, пришлось предстать перед Фемидой ФРГ и Эриху Мильке, и Маркусу Вольфу. Процессы эти, фактические провалившиеся, тем не менее вызвали в стране настоящий скандал. Иначе и быть не могло. Невозможно сегодня нынешними мерками мерить поступки людей, чей пик активной политической деятельности пришелся на самые напряженные годы «холодной войны». Тот же Маркус Вольф справедливо писал о той поре:

«Это время сформировало по обе стороны резкие образы непримиримых врагов. Видя в нашем противнике «империалистического агрессора», мы сами воплощали для миллионов людей по ту сторону «империю зла».

Последние четыре года деятельности и, увы, жизни Александра Короткова прошли под знаком резко усилившегося противостояния двух лагерей в высокой политике, вплоть до Организации Объединенных Наций и стадионов Олимпийских игр. Форпостом, где все разногласия, противоречия проявлялись особенно ярко, была Германия, Восточная и Западная и ее также разделенная столица. Советским разведчикам и контрразведчикам здесь приходилось бороться не с невинными и беззащитными овечками, а с матерыми профессионалами, представляющими самые опытные, сильные и богатые спецслужбы США, Великобритании, Франции и Федеративной Республики Германии.

К тому же, активно занимались подрывной работой против

СССР и отдельных советских граждан, как военнослужащих, так и гражданских, просто работающих в ГДР и ФРГ, многочисленных эмигрантские организации. Не последнюю роль в них играли лица, активно сотрудничавшие во время войны с гитлеровцами на временно оккупированной вермахтом советской территории.

Характерной особенностью положения в Берлине было то, что противостоящие спецслужбы здесь разделяли не десятки тысяч километров, как Лубянку и Лэнгли, а порой всего лишь сотни метров. Установленные кадровые американские разведчики, используя особый статус Берлина, спокойно приезжали на Александерплац просто для того, чтобы купить здесь несколько грампластинок советской фирмы «Мелодия», с записями классической музыки, потому что они здесь стоили в несколько раз дешевле, нежели в западных секторах. Так же охотно посещали они спектакли в театрах столицы ГДР и гастроли советских артистов и музыкантов. Многие визитеры, злоупотребляя оккупационным иммунитетом, не стеснялись заниматься спекуляцией валютой. Причем, в таких масштабах, что наносили этим серьезный финансовый и экономический ущерб народному хозяйству ГДР. В те годы Восточный Берлин наводняли сержанты и офицеры американских, английских и французских войск, наезжавших из западных секторов и скупавших для себя за бесценок не только пластинки, но даже картофель и кастрюли.

Ясное дело, сотрудники и агенты западных спецслужб навещали Восточный Берлин не только для закупок дешевого продовольствия. Правда, следует признать, что обстановка в Берлине в тот период была, образно говоря, «улицей с двусторонним движением». Что успешно использовала и советская разведка. Необычность ситуации требовала зачастую принятия неординарных, немыслимых в иные времена решений, ломающих все привычные стереотипы и нормы. Но пойти на такие шаги, не думая о своей карьере и вообще неприятных последствиях лично для себя, мог только человек, обладающий профессиональным и гражданским мужеством.

Как отмечает бывший сослуживец Короткова Георгий Санников, «Александр Михайлович был исключительно решительным человеком. Так уж бывает, что на определенное количество успешно проведенных оперативных мероприятий обязательно случаются провалы даже при очень тщательной подготовке. В Западной Берлине в районе знаменитого зоопарка проводилась важная операция, в которой было задействовано четыре оперативных сотрудника и несколько прикрывавших их агентов-боевиков. Один из них оказался предателем и позвонил

американцам. Те мгновенно среагировали, через четверть часа уже были в районе операции и взяли всех участников. К счастью, находившиеся для наблюдения за ходом операции еще два наших сотрудника не были известны провокатору, и через несколько минут генерал уже был осведомлен о случившемся. Ему, в частности, сообщили и о том, что задержанные доставлены в штаб-квартиру базы ЦРУ на Клейаллее в Западном Берлине и посажены там в тюрьму.

Не ставя даже в известность Москву, генерал, не теряя времени, позвонил Мильке. Разговор был предельно четким и решительным с обеих сторон.

— Эрих! Час назад в Западном Берлине американцы арестовали четверых моих парней. Есть предложение немедленно задержать четверых американцев, находящихся сейчас в столице ГДР…

— Почему четверых? И почему только находящихся в Берлине? Мы арестуем всех, пребывающих на нашей территории. И немедленно. Не уходи далеко от телефона…

Коротков готов был поклясться, что при этих словах министр довольно ухмыльнулся…

Через час Мильке перезвонил Короткову и сообщил веселым голосом, что его люди задержали на всей территории ГДР и в Восточном берлине сорок два американца.

Переговоры Короткова с представителем ЦРУ по телефону длились в общей сложности семь часов. Закончились, как и следовало ожидать, взаимным освобождением всех задержанных.

Примечательно, что Коротков, разумеется, доложил о происшедшем своему высшему начальству в Москве (и получил «добро» на акцию), но уже после того, как провел ее совместно с Мильке».

Иногда Короткову приходилось проявлять решительность в иных ситуациях, причем, неизвестно, когда он больше рисковал своим положением…

В Берлин приехал близкий родственник всесильного тогда Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров Никиты Хрущева. Страстный филателист, он без обиняков попросил Короткова, чтобы тот из средств, предназначенных на оперативные расходы, выдал ему довольно значительную сумму в западных марках, чтобы пополнить раритетами свою коллекцию. Сослался при этом, что так всегда делали коллеги генерала в других столицах.

Коротков ответил, что может дать гостю адреса лучших филателистических магазинов и в Западном, и в Восточном Берлине, а также предоставить автомобиль и переводчика для

поездок по оным. Валюты же у него на подобные расходы нет…

Генерал-майор Николай Горбачев, также когда-то работавший с Александром Коротковым в Берлине, рассказал о таком эпизоде.

В конце июня 1968 года Рудольф Абель был гостем управления КГБ СССР по Новосибирской области, где встречался с оперативным составом. Он изъявил желание посетить знаменитый Академгородок, в частности Институт ядерной физики. Горбачев тогда уже служил в Сибири и был начальником отдела УКГБ по Сибирскому отделению Академии наук СССР, почему ему и поручили сопровождать Абеля в поездке. Знаменитого разведчика в институте приняли академики Герш Будкер (директор) и Ренат Сагдеев. Ученые показали ему лаборатории, различные сложные установки и в ходе беседы были поражены глубиной познаний Абеля в области ядерной физики.

На обратном пути в Новосибирск у Горбачева с Абелем зашел разговор о Короткове, тогда уже давно покойном. Абель отозвался о нем с высочайшим уважением и теплотой.

Под впечатлением разговора Горбачев, придя домой, почти дословно записал высказывания Абеля о свое бывшем начальнике:

«Саша — это прежде всего личность, и личность незаурядная. Его творческое мышление и эрудиция выражались в неординарных решениях сложных профессиональных вопросов, в остроумных и самобытных характеристиках людей, с которыми он сталкивался по работе, в живой и образной речи, в том числе и украшенной иногда крепкими выражениями, которые, однако, не огрубляли ее, в делали более убедительной и доходчивой. По большому счету это истинный труженик разведки, оставивший в ней свой заметный след. Как жаль, что ему был уготован слишком короткий век, который он прошел, не щадя себя».

Некоторые ветераны, работавшие с Коротковым и в Москве, и в Германии, вспоминают о нем, как о начальнике жестком, порой крутом и резком. В этих отзывах много правды. Но не следует забывать, что полковник, а позднее и генерал Коротков никогда не был общевойсковым строевым командиром. Фактически, если не считать шоферов из сержантов и старшин-сверхсрочников, под его непосредственным началом не было ни одного солдата. Те же военнослужащие срочной службы, что находились в Карлсхорсте, имели своих прямых командиров, которым и подчинялись напрямую. До генерал-майора Короткова им никакого дела не было, равно как и ему до них.

Подчиненные же Короткову сотрудники аппарат представительства КГБ являлись кадровыми офицерами, в большинстве своем старшими — майорами, подполковниками,

полковниками. То есть, людьми взрослыми, достаточно опытными и в профессиональном плане, и в чисто житейском, прослужившими в органах госбезопасности по меньшей мере лет десять. Многие из них прошли войну, были ранены, награждены орденами и медалями, не обойдены и ведомственными поощрениями. Потому и спрос с них был иной, нежели с солдата второго или даже третьего года службы. Потому в случаях серьезных промахов, упущений, не говоря уже о серьезных проступках, Коротков мог принимать решения и крутые, и жесткие. Следует учитывать и то, что служебные упущения, не говоря уже о серьезных нарушениях дисциплины, здесь, в Германии, могли повлечь за собой гораздо более серьезные последствия, даже непоправимые, нежели такие же дома, в Советском Союзе.

Правда, никто из обиженных Коротковым не мог привести примера, когда генерал накладывал взыскание или просто учинял словесную выволочку совсем уж ни за что. А вот примеров обратного автору рассказали немало.

Однажды случилось такое. Некий офицер, находясь, мягко говоря, в серьезном подпитии, возвращался в Карлсхорст из центра города на собственном «трабанте». Этот псевдонародный автомобильчик был настоящим курьезом автомобилестроения. Его нелепой формы кузов был изготовлен из какого-то стеклопластика и при серьезном ударе о препятствие раскалывался, как пустой орех. Мотор у него был маломощный, зато шум издавал невероятный. О злосчастных «трабантах» население ГДР сложило уйму анекдотов.

Завидев за рулем машины с «русским» номером явно нетрезвого водителя, полицейский, регулировавший уличное движение (их называют в Германии «вайсемаус» — «белая мышь», за традиционный длиннополый белый балахон, хорошо видный издалека даже в темноте), свистнул. Офицер и не подумал остановиться, наоборот, прибавил ходу. Полицейский, не привыкший к такой недисциплинированности, кинулся вдогонку за нарушителем на гораздо более мощной машине. Казалось, он вот-вот нагонит «трабант», у которого, к тому же, спустило одно колесо.

Но то ли офицер был первоклассным шофером, то ли сказалась известная поговорка-примета, что «пьяным и дуракам везет», но тем не менее он ушел от преследования, развив сумасшедшую для покалеченной малолитражки скорость, лихо петляя улицами и переулками.

Полицейский успел все же записать номер и, как положено добросовестному немецкому служаке, подал рапорт своему

начальству. Тот переслал оный советскому военному коменданту. Последний легко установил, что машина принадлежит одному из подчиненных генерал-майору Короткову офицеров. О чем и доложил ему незамедлительно.

По тогдашним правилам офицера за букет столь злостных нарушений дисциплины полагалось незамедлительно отправлять первым же поездом в Советский Союз. Никто не сомневался, что несчастного ждет именно такая участь. И это при том, что ранее за ним ничего подобного не числилось, по службе он характеризовался положительно.

Решение Короткова было неожиданным, для многих просто необъяснимым. Он влепил проштрафившемуся офицеру все взыскания, на какие имел право в соответствии с дисциплинарным уставом советских вооруженных сил, но оставил в Карлсхорсте в той же должности!

— Конечно, он совершил серьезный проступок и заслуживает более строгого наказания, — сказал генерал на первом же совещании в аппарате. — Но! Он на паршивеньком «трабанте» (сам Коротков ездил на «мерседесе»), да еще со спущенным колесом в темноте, ушел от преследователя-профессионала на куда более мощной машине. Значит, он человек решительный, смелый, и водитель к тому же первоклассный. Из таких получаются отличные разведчики. После того, конечно, как с них сойдет дурь…

«Дурь» с офицера, действительно, Коротков сбил, и тот впоследствии прекрасно служил на вверенном ему посту, не раз вспоминая своего крутого, но достаточно проницательного начальника.

Для многих немцев пятидесятые годы стали периодом шатаний, тяжелых раздумий, колебаний. Раскол страны на зоны сопровождался расколом в душах и сердцах миллионов людей. Нередко одному человеку что-то на Востоке очень нравилось, но что-то одновременно отвергалось. Бывало и обратное: проживающий на Западе немец не воспринимал многое происходящее в ФРГ как со стороны боннских, так и оккупационных властей. В частности, население чрезвычайно раздражало бесцеремонное поведение американских солдат и сержантов в их зоне и секторе Берлина. Случалось, что не в силах определиться, человек прямо-таки метался между Западом и Востоком. Конечно, уровень жизни в ГДР существенно уступал таковому в ФРГ по многим причинам и объективного, и субъективного характера. Но в ГДР были лучше поставлены меры по обеспечению социальной защиты трудящихся, особенно пожилых людей. Здесь легче было получить образование,

особенно среднее специальное и высшее. Людей небогатых впечатляла система бесплатного медицинского обслуживания, а также гораздо более низкая, нежели на Западе, квартирная плата и стоимость билетов на общественном транспорте и железной дороге.

Да и советские солдаты в ГДР на каждом шагу не попадались — командование просто не выпускало их, за редким исключением, за стены военных городков.

Самым ценным советским разведчиком в Федеративной Республике Германии на протяжении десяти лет был «Курт» — Хайнц Фельфе. Человек совершенно удивительный как по своему жизненному пути, полному превратностей и метаморфоз, так и по эффективности результатов своей нелегальной работы. Подумать только: Хайнц Фельфе, благодаря исключительно своим профессиональным способностям, занял в спецслужбе ФРГ примерно такое же положение, какое Ким Филби занимал в английской!

Хайнц родился в 1918 году в Дрездене в семье сотрудника полиции. Семья была дружной и достаточно культурной. В доме имелась хорошая библиотека, к тому же юного Хайнца с детства обучали игре на фортепьяно и виолончели. Как и миллионы его сверстников, Хайнц в подростковом возрасте попал под сильное влияние нацистской пропаганды. Он верил, что новый режим ставит перед немецким народом ясную и светлую цель, ведет его к благополучию и строгому порядку. По счастью, веря в эти идейные ценности нацизма, Хайнц все же не превратился в совершенно уж фанатичного и тупого роботоподобного исполнителя.

В пятнадцать лет Хайнц вступил в гитлерюгенд, в восемнадцать в один из милитаризованных клубов СС — здесь его влекла возможность научиться водит автомобиль и мотоцикл.

По окончании средней школы юноша некоторое время работал на заводе, где получил профессию механика по точным оптическим приборам.

В первые же дни Второй мировой войны Хайнц был призван в армию и направлен на польский фронт. Но воевать ему довелось всего лишь десять дней — попал в госпиталь с тяжелейшим воспалением легких. Болезнь оказалась настолько серьезной, что по выходе из госпиталя Хайнц был комиссован и в строй больше не вернулся.

В марте 1941 года Фельфе получил, наконец, свидетельство о среднем полном образовании и был направлен на учебу на юридический факультет Берлинского университета. Именно направлен, потому как признанный негодным к службе в армии,

был все же мобилизован в полицию. К этому времени уголовная полиция уже входила в систему Главного управления имперской безопасности. Параллельно с учебой в университете Фельфе занимался на курсах под подготовке комиссаров уголовной полиции. По окончании курсов он некоторое время служил в полиции родного Дрездена, потом в Глейвице — маленьком городке на границе с Польшей. Городок этот вошел в историю, так как провокационный налет группы эсэсовцев, переодетых в польскую военную форму на здешнюю радиостанцию, послужил поводом для объявления Германией войны этому государству, а фактически началу Второй мировой войны.

В августе 1943 года Фельфе вызвали в Берлин, где он с некоторым удивлением узнал, что откомандирован в VI управление РСХА, то есть внешнюю разведку СД, под начало бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга.

Фельфе был определен в швейцарский реферат и со временем стал его начальником. В конце войны в звании гауптштурмфюрера СС его командировали в Нидерланды с задачей организовать заброску диверсионных групп в тыл американо-английских войск. Правда, фактически выполнить это задание он так и не успел, поскольку оказался в плену у англичан.

К этому времени в душе Хайнца уже ничего не осталось от былого пыла члена гитлерюгенда, каким он был всего лишь несколько лет назад. Не осталось и благоговения перед гением фюрера, который в глазах Фельфе выглядел теперь всего лишь азартным карточным игроком, вовлекшим Германию да и всю Европу в бездну неисчислимых страданий. Отвращение к войне особенно усилилось, когда Хайнц узнал, что 13–14 февраля 1945 года англо-американская авиация фактически стерла с лица земли его родной, к тому один из самых красивых городов Германии — Дрезден. Погибли десятки тысяч жителей. Никакой военной необходимости в столь жестокой бомбардировке не было. Много позже Фельфе узнал, что решение о массированных двухсуточных налетах было принято лишь потому, что по условиям Ялтинских соглашений Дрезден отходил в будущую советскую зону оккупации.

Фельфе повезло: его продержали в плену всего лишь полтора года, затем он успешно прошел денацификацию, поскольку никаких военных преступлений за ним не числилось. Вначале Хайнц поселился у сестры жены в городке Бад-Хоннефе, а после того, как к нему приехала жена с сыном, перебрался в городок Рендорф Рейнской области.

Спустя некоторое время Фельфе смог продолжить учебу

(университет в Берлине формально он так и не закончил) в Боннском университете на факультете государства и права в качестве вольнослушателя, а на жизнь зарабатывал журналистикой. Он много разъезжает по стране, часто бывает в советской зоне оккупации, здесь у него завязываются некоторые знакомства. Примерно к 1950 году в мировоззрении Фельфе происходят радикальные изменения. Он не приемлет политику США и правящих кругов Западной Германии. Ему не по душе явные признаки милитаризации, возрождение духа реваншизма, активность разного рода организаций вроде «Союзов изгнанных», товариществ однополчан, в том числе эсэсовских частей и соединений, и прочее. Он все более отчетливо осознает, что не оправившись еще от ужасов Второй мировой войны, Европа может легко — если дело так будет продолжаться и дальше — скатиться к новой бойне. Еще более разрушительной, поскольку оба противостоящих лагеря обладают атомным оружием.

Часто бывая в советской зоне, в затем — в Германской Демократической Республике, Фельфе постепенно пришел к выводу, что именно здесь при всесторонней поддержке Советского Союза целенаправленно вкорчевывается духовное наследие нацизма, закладываются основы будущей миролюбивой Германии. Тогда, разумеется, он не подозревал, что эти серьезные изменения в его взглядах не укрылись от внимания советской разведки. И тут не обошлось без некоторой цепочки событий, в центре которых оказался недолгий сослуживец Фельфе по службе в полиции Дрездена, а затем в управлении, также бывший гауптштурмфюрер СС Ганс Клеменс.

Итак, вернемся на несколько лет в прошлое. Еще в первый год службы Александра Короткова в послевоенной зоне советской оккупации Германии, там во всех исторически сложившихся землях[191] создавались так называемые «оперативные сектора», укомплектованные сотрудниками, имеющими опыт разведывательной и контрразведывательной работы. Их задачей было выявление нацистских военных преступников, агентуры гитлеровских спецслужб, помощь органам создаваемого местного самоуправления. В последующем сотрудникам оперсекторов пришлось уже бороться с агентурой, насаждаемой в советской зоне спецслужбами бывших союзников, и в свою очередь налаживать разведывательную работу в западных зонах.

Не вдаваясь в подробности, как бы ни были они интересны, сразу сообщу главное: дрезденские чекисты сумели завербовать Ганса Клеменса, после чего тот был передан на связь сотруднику аппарата уполномоченного тогда еще МГБ СССР в Германии Ивану Сумину. В ходе многочисленных бесед Клеменс рассказал

много интересного о деятельности СД в годы войны, о тогдашней агентуре, ряде своих сослуживцев. Оказалось, что Клеменс до сих пор поддерживает приятельские отношения с Фельфе (хотя и был на десять лет старшего его). Он характеризовал Фельфе как человека антифашистских и демократических убеждений, к тому же в высшей степени честного и порядочного. Это, кстати, совпадало с наблюдениями чекистов.

Выяснилось также, что Клеменс, сохранивший связи со многими бывшими сослуживцами, намерен с их помощью поступить на службу в «Организацию Гелена», или сокращенно «ОГ».

Полковник (впоследствии генерал-майор) Райнгард Гелен был помощником начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера, принимал участие в разработке планов нападения на Францию, Грецию, Югославию и СССР. В мае 1942 года Гелен был назначен начальником 12-го отдела генерального штаба сухопутных войск «Иностранные армии Востока»[192].

Сюда стекались сведения от всех военных разведывательных структур, кроме того, в целях накопления информации прежде всего о Красной Армии, анализа и оценки тактической и стратегической ситуации, Гелен сумел, в отличие от Канариса, организовать тесное сотрудничество с Шелленбергом.

Итогом кропотливой работы Гелена стали огромные архивы и картотека. Понимая, что война проиграна, и хорошо зная, что определенные влиятельные круги в США смотрят на СССР лишь как на временного и вынужденного союзника, но потенциального противника, Гелен своевременно переснял свои бесценные материалы на пленку и надежно спрятал в тайники во Фленсбурге в Баварии. В конце мая 1945 года с группой ближайших сотрудников оказался в плену у американцев и незамедлительно предложил им свои услуги, кои и были приняты. В августе того же года Гелена переправили в Вашингтон, где он, разумеется, легко доказал свою ценность для американских спецслужб и военного командования. Через одиннадцать месяцев Гелен вернулся в Германию, имея на руках соглашение на формирование негласной, то есть неофициальной разведывательной организации, чья деятельность должна была быть направлена против СССР и его восточноевропейских союзников.

Так на свет появилась пресловутая «Организация Гелена», укомплектованная в основном бывшими сотрудниками генерального штаба, абвера, полиции и СД. Первоначально «ОГ» размещалась в американском военном лагере близ городка

Таунас, а в 1947 году была переведена в бывшее имение Рудольфа Гесса в Пуллахе под Мюнхеном. После загадочного и по сей день перелета Гесса в Англию, в нем размещалась резиденция Мартина Бормана, а в апреле 1945 — штаб-квартира генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга. Здесь был создан целый городок, огороженный колючей проволокой, с представительствами (филиалами) во всех землях и крупных городах Западной Германии.

Лишь 1 апреля 1956 года правительство ФРГ преобразовало «ОГ» (тем самым оторвав ее от прямой зависимости от ЦРУ) в самостоятельную федеральную службу «Бундеснахрихтендинст» — БНД[193].

Гансу Клеменсу в конце концов удалось устроиться на службу в «ОГ». По поручению советской разведки он провел несколько бесед с Фельфе, в результате тот согласился встретиться в Восточном Берлине, естественно, в конспиративных условиях, с представителями аппарата Уполномоченного МГБ. К тому времени Фельфе работал в министерстве ФРГ по общегерманским вопросам в отделе беженцев. Видимо, он прекрасно понимал, к чему клонил в разговорах с ним старый сослуживец, потому что 11 августа 1951 года без долгих колебаний, раздумий, постановки каких-либо условий дал согласие на сотрудничество с советской разведкой.

Советские представители рекомендовали Фельфе, учитывая его прошлый профессиональный опыт, также устроиться на службу в «Организацию Гелена». Сделать это, однако, было не так-то просто. Рекомендации Клеменс, в сущности, рядового сотрудника «ОГ», было явно недостаточно. Помог случай.

Еще в 1944 году Фельфе во время служебной командировки в поезде познакомился с полковником полиции и оберфюрером СС Вилли Крихбаумом. Полковник был шефом так называемой «Гехаймфельдполицай» — «Тайной полевой полиции», сокращенно ГФП. Эта спецслужба была как бы аналогом гестапо (с которым тесно сотрудничала) в вооруженных силах. Впоследствии она вообще была поглощена полицией безопасности.

Молодой гауптштурмфюрер весьма понравился полковнику полиции и тот даже предложил Фельфе перейти на службу в его ведомство. Тогда Фельфе по каким-то причинам это лестное предложение отклонил, но сохранил с Крихбаумом добрые отношения, которые продолжились и после войны.

Когда Фельфе узнал, что бывший оберфюрер СС не только поступил на службу в «ОГ», но и занял в ней достаточно высокий пост, он обратился к нему за содействием. Рекомендации

Крихбаума оказалось более чем достаточно. 15 ноября 1951 года Фелье был зачислен на службу в генеральное представительство «L» «Организации Гелена» в Карлсруэ. Функционировало представительство, как и все прочие подразделения «ОГ», под вывеской небольшой торговой фирмы.

С самого начала Фельфе зарекомендовал себя по службе настолько хорошо, что через неполные два года был переведен в центральный аппарат в Пулах, в подразделение, которое занималось контршпионажем. К слову сказать, Фельфе, которому в советской разведке позднее был присвоен псевдоним «Курт», в «ОГ», затем БНД также действовал под псевдонимами: «Фризен», «Зандерс», «Бек»… На все эти фамилии у него имелись соответствующие документы.

Разведывательная деятельность Фельфе в ФРГ длилась ровно десять лет. Понятно, нет никакой возможности рассказать о ней подробно. Придется читателю довольствоваться заверением, что вся информация, полученная от «Курта» за десять лет, была не только исключительно точной и своевременной, но и первостепенной по важности. Другое дело, что не всегда эта информация принималась к сведению в высших партийных и правительственных сферах СССР. Красноречивый пример: Фельфе своевременно направил в Карлсхорст так называемую ориентировку «6600», в которой сообщалось о конкретных мероприятиях «Организации Гелена» по подготовке массовых выступлений против правительства ГДР 17 июня 1953 года… Иначе говоря, массовые выступления рабочих, в частности, в Восточном Берлине, вполне можно было заблаговременно предотвратить не введением в город советских танков, а сугубо политическими и экономическими мерами. Но этого сделано не было. Результат общеизвестен.

К 1955 году Хайнц Фельфе зарекомендовал себя настолько ценным сотрудником, что был назначен начальником реферата «контршпионаж против СССР и советских представительств в СССР». Ему был присвоен высокий чиновничий ранг регирунгстрата, то есть правительственного советника. В связи с установлением в 1955 году дипломатических отношений между СССР и ФРГ, в городе Бад-Хоннефе первоначально разместилось советское торгпредство. Используя свое новое положение, Фельфе добился создания в этом городке «наблюдательной группы» БНД, которая должна была приглядывать за работающими здесь советскими гражданами и «разрабатывать» некоторых из них. Руководителем группы по протекции Фельфе был назначен Ганс Клеменс (оперативный псевдоним в советской разведке Хане»).

Как отмечает ветеран советской внешней разведки Виталий

Коротков (не родственник, просто однофамилец Александра Короткова), на протяжении нескольких лет многократно встречавшийся с «Куртом», «агентурные возможности Фельфе в связи с назначением его начальником реферата существенно расширились. Через его стол шла масса важных и интереснейших документов, таких, как еженедельные политические обзоры, которые разведка готовила для федерального канцлера, правительственные меморандумы, в том числе связанные с планами правительства по перевооружению ФРГ, позиции правительства ФРГ в связи с визитом в Москву канцлера Аденауэра и тому подобное. В сложнейший период «холодной войны», когда речь шла об интеграции Западной Германии во вновь создаваемые в Западной Европе союзы и блоки, о создании бундесвера, требованиях доступа для Западной Германии к ядреному оружию, Фельфе, руководствуясь своими политическими убеждениями и выполняя задания Центра, умело добывал документы и информацию по внешне- и внутриполитической проблематике. Вся эта деятельность, как прямо заявил позже в своей книге[194] Фельфе, была подчинена интересам принятия Советским Союзом правильных решений».

В частности, благодаря информации Фельфе, советское руководство заранее знало, что Аденауэр в качестве одного из главных условий установления нормальный дипломатических отношений СССР и ФРГ, будет настаивать на возвращении в Германию немецких пленных, осужденных за военные преступления на территории Советского Союза и отбывающих наказания в тюрьмах и лагерях. Таковых насчитывалось всего несколько сот человек — подавляющая масса военнопленных давно вернулась на Родину.

И канцлер, и его эксперты были убеждены, что Советское правительство никогда не пойдет на освобождение этих людей и соответственно могло использовать этот отказ для нажима в ходе переговоров. Однако из этого ничего не вышло: советская сторона легко приняла данное предложение и тем самым обезоружила оппонентов.

Встречи с Фельфе и Клеменсом всегда проводились с соблюдением самых строгих, даже жестоких мер безопасности. В силу особого значения Фельфе и Клеменса как агентов советской разведки, высочайшей ценности доставляемой ими информации, с ними несколько раз встречались даже сами генералы Питовранов и Коротков. Обычно же на связь с ними выходили два оперативных сотрудника аппарата в Карлсхорсте Иван Ефимович Сумин («Альфред-маленький», прозванный как Фельфе за небольшой рост) и Виталий Викторович Коротков («Альфред-

большой»).

Фельфе и Клеменс не всегда могли выехать на встречу с советским товарищем из-за служебной занятости, потому они сами подобрали курьера, давнего знакомца по Дрездену, ныне владеющего в Западной Германии небольшим предприятием Эрвина Тибеля (оперативный псевдоним «Эрих»). Тибель никакого отношения к спецслужбам не имел, Фельфе и Клеменс использовали его, выражаясь профессионально «втемную». Тибель не знал (или делал вид, что не знает, для собственного спокойствия) о содержимом тех пакетов, что он регулярно отвозил в тот же Западный Берлин и передавал там незнакомому человеку, говорившему по-немецки хоть и свободно, но все же с иностранным акцентом. Впрочем, не исключено, что «Эрих» полагал и такое — его друзья занимаются какой-то мелкой спекуляцией, что в те годы было в Германии занятием весьма распространенным.

Вспоминает Виталий Коротков: «Как правило, при приездах Фельфе или Клеменса в Берлин они вечером выходили в демократический сектор и вместе с оперработником ехали на одну из конспиративных квартир в Карлсхорсте, где все уже было готово к их приему и длительной, обычно ночной работе. Утром, с первым потоком рабочих и служащих, они возвращались назад».

Большое внимание постоянно уделялось вопросам конспирации, надежности и безопасности связей. Несмотря на настойчивые попытки перевести их на безличную связь с использованием тайников, Фельфе твердо заявил, что тайникам не доверяет и бывает спокоен только тогда, когда передает свои материалы из рук в руки. В 1956 году, когда стало ясно, что псевдонимы Фельфе и Клеменса стали известны в немецком отделе Карлсхорста большему числу лиц, чем было нужно, было решено изменить их псевдонимы, одновременно дав «утечку», что «Герхард» и «Ганс» (первоначальные псевдонимы Фельфе и Клеменса. — *Т. Г.*) и связь с ними прекращена. Встречи все чаще проводились вне Германии — в Австрии и Бельгии.

С целью повысить авторитет Фельфе в глазах начальства, для него в Карсхорсте была создана целая агентурная сеть, которой не было бы цены не будь она фиктивной! Так осуществлялась порученная Фельфе его шефом операция «Диаграмма», направленная против Карсхорста. Ее результаты выглядели более чем солидно: в пяти объемистых томах были собраны планы служебных кабинетов, квартир, номера телефонов, анкетные данные, словом, все о Карлсхорсте, даже расположение туалетов! Эти тома в качестве справочников поступили во все подразделения БНД, в ведомство по охране конституции,

прокуратуру, земельные уголовные ведомства. По ходу операции «Диаграмма» обработке подвергались материалы, собранные не только лично Фельфе и его «агентами», но и поступившие от ЦРУ. Благодаря этому советская сторона точно знала, что именно о ее работе известно американцам.

Вспоминает Виталий Коротков: «Значительную проблему представляла реализация получаемой информации, особенно оперативного характера. Одним из условий, которое поставил Фельфе, уже работая в геленовской разведке, было следующее: ни одни агент, ни объект разработки, о котором станет известно от него, не должен быть арестован. Нужно отметить, что это условие на протяжении десяти лет сотрудничества неукоснительно соблюдалось. Помимо обычно применяемого обезличивания копий секретных документов, каждый раз разрабатывалась легенда источника их получения, при переводе изменялся характер документа и его оформление. Так сложилось, что многие подразделения разведки, да и контрразведки обращались в аппарат уполномоченного с просьбами выяснить, связан ли объект их оперативной заинтересованности с западными разведками. Если такая просьба была достаточно обоснованной, в очередное задание для Фельфе включалась и эта фамилия. Как правило, такой список в каждой встрече состоял из двух десятков фамилий, и Фельфе, имея доступ к картотекам галеновской разведки, присылал фотокопии всех имеющихся на них материалов, что было бесценным с точки зрения принятия решений в отношении объектов разработки».

Кроме того, Фельфе передал материалы о нескольких крупнейших оперативных играх, которые БНД затевала с советскими спецслужбами, а также провокаций против отдельных советских граждан, работающих в различных учреждениях СССР, включая дипломатов, вовсе не являющихся сотрудниками КГБ. О масштабах разведывательной деятельности Фельфе красноречиво говорят даже цифры: он передал оперработникам КГБ в общей сложности 15 тысяч фотокассет (а на одной пленке фотоаппарата «Минокс» помещалось свыше 50 кадров!) и 20 микрокассет звукозаписи.

Наконец, благодаря своевременным предупреждениям Фельфе, удалось благополучно вывести из-под угрозы ареста западногерманскими спецслужбами более десяти советских разведчиков, работавших под прикрытием торгпредства, агентств Аэрофлота и Морфлота, других учреждений, и не обладавших дипломатическим иммунитетом.

Виталию Короткову хорошо запомнились многие встречи с Хайнцем Фельфе, которого он с полным основанием считает не

только выдающимся разведчиком, но и человеком во всех отношениях неординарным.

Одна из таких встреч состоялась в Австрии, в Зальцбурге. Визуальный контакт они установили возле дома-музея великого Моцарта, потом в машине Фельфе поехали в горный курортный район Зальцкамергут, в 60 километрах от Зальцбурга. Уютно расположились на просеке, вроде как бы устроили пикник. Едва Коротков наладил свой минифон[195], как увидел, что к ним приближается высокий мужчина в зеленой униформе, с карабином в руках. Неужто провал, и они оба будут застигнуты с поличным?! Слава Богу, все обошлось. Незнакомец оказался всего-навсего лесником. По давней традиции, лесничие и лесники в Австрии и Германии носили униформу, очень похожую на военную или полицейскую. К слову сказать, в своих владениях они и выполняли функции полицейских, если дело касалось, как бы мы сказали сегодня, охраны окружающей среды.

Некоторые встречи с Фельфе особенно запомнились Виталию Короткову, потому что он выходил на них вместе со своим однофамильцем и начальником генералом Александром Коротковым. Продолжим его воспоминания:

«Александр Михайлович познакомился с «Куртом» на конспиративной квартире в Карлсхорсте. Началась беседа за традиционно красивым и обильно сервированным столом, поскольку «Курт» проделал длинный и сложный путь, а потому изрядно проголодался.

Беседу взял в свои руки Коротков. Первые общие вопросы для установления личностного контракта (естественно, разговор велся на немецком языке, которым все присутствующие советские товарищи владели свободно), непринужденность, уверенная манера и тон Александра Михайловича вызвали у «Курта» интерес к собеседнику, и он, вообще-то человек довольно сдержанный и немногословный, активно втянулся в разговор. «Курт» не знал, какую должность занимает Коротков, но, видимо, понял, что имеет дело с первым лицом в Карсхорсте.

Застолье не затянулось, впереди для работы была только эта ночь. Все перешли в гостиную, где в сизом от сигарет дыме, поглощая одну за другой чашки кофе, проговорили до утра. Александр Михайлович пробыл с нами часа три, после того, выполнив свою часть программы, удалился.

Его беседа с «Куртом» касалась расстановки политических сил в ФРГ, положения ведущих государственных и политических лидеров, их подверженности американскому влиянию, росту националистически настроенных сил, общим перспективам включения Западной Германии в объединившуюся Западную

Европу, вопросов ремилитаризации ФРГ.

Глубокий уровень знания советским разведчиком проблем Западной Германии и Европы в целом, масштабность его мышления произвели на «Курта» большое впечатление. Тем более, что сам он не всегда был в состоянии дать четкие, исчерпывающие ответы. Но задуматься он задумался и понял, что эта беседа — сигнал к тому, что он должен существенно повысить уровень своей информированности и проникновения в важную для советских друзей проблематику.

Следующая встреча Короткова с «Куртом» произошла летом, в Австрии. Назначена она была в одном из пригородов Вены.

Из Берлина Коротков и я вылетели самолетом в Прагу. Здесь нас встретил представитель КГБ. После завтрака и непродолжительной беседы он отправил нас дальше на машине с шофером. Предполагалось, что в Вену мы прибудем часов в семь вечера. Дорога, однако, занял несколько больше времени, не обошлось и без приключения. Уже в сумерках, а мы ехали на довольно большой скорости, в переднее правое крыло машины вдруг что-то сильно ударило. Мы остановились, осмотрели машину — на крыле приличная по размерам вмятина, от чего — непонятно. Вернулись на несколько десятков метров назад и увидели на асфальте окровавленного красавца-фазана.

— Жаль, какая красивая птица, — сказал Александр Михайлович и со вздохом забросил фазана в багажник машины.

В здании посольства СССР в Вене для нас уже был приготовлена представительская квартира. Однако Коротков, вместо того, чтобы поужинать и ложиться спать, решил встретиться с тамошним резидентом нашей разведки и тут же позвонил ему по телефону.

Было уже около десяти часов вечера, когда мы отыскали квартиру резидента в жилом доме для сотрудников посольства на улице Штернварте. В Вене планировалось пробыть около недели, и Коротков обговорил с резидентом все детали нашей работы в австрийской столице.

Утро мы начинали со спортивной разминки, душа, беседы за завтраком. Как правило, весь день проводили вдвоем: в беседах с сотрудниками резидентуры, резидентом, прогулках по городу. Расставшись только тогда, когда каждый отправлялся на отработку проверочного маршрута, контрольных точек, подбора мест для посадки в автомобиль. Когда все это было отработано, мы тщательно проверили маршруты друг друга. План выхода на встречу получил одобрение. Место встречи должен был определить «Курт».

На второй вечер нашего пребывания в Вене резидент повез

нас на ужин в Гринуинг — туристический пригород Вены, сохраненный в виде винодельческой деревни, где каждый дом, вернее, подворье — ресторанчик с вином собственного приготовления, национальной кухней, оркестриком, национальными танцами и пением. Вечер запомнился теплой товарищеской обстановкой. Александр Михайлович много шутил, рассказывал какие-то смешные истории.

День, ради которого, собственно, мы приехали в Вену, выдался солнечным и ярким. После сложной и продолжительной проверки, в одном из окраинных районов я сел в машину «Курта», а в районе дворца и парка Шенбрун мы подобрали Александра Михайловича и поехали к месту беседы. Для этого «Курт» заранее нашел небольшой загородный ресторанчик. День был будничный, тогда мы подъехали к площадке, на ней располагалось лишь две группы: влюбленная парочка и семья с детьми. Было тихо и спокойно.

Расположилось удобно. «Курт» достал из багажника пледы, складные столик и стулья, термосы и прочие маскировочные аксессуары. Потом мы с «Куртом» сходили в ресторан, оплатили сбор за кемпинг, заказали обед, взяли кока-колы, пива и вернулись к Александру Михайловичу. Работа пошла.

Тогда-то «Курт», наконец, решился спросить Короткова:

— Вы шеф Карлсхорста, генерал?

— Да, я шеф Карсхорста, и генерал тоже, — спокойно ответил Коротков.

Видно было, что ответ произвел на «Курта» большое впечатление.

Когда началась беседа, сразу стало заметно, что «Курт» учел уроки предыдущей встречи. Его ответы носили глубокий характер, временами разговор принимал характер дискуссии, что явно нравилось обоим. Они искали истину в споре и, казалось, находили ее. Когда время подошло к обеду, оба решили, что с них на сегодня довольно. И Александр Михайлович, и «Курт» результатами обмена мнениями были удовлетворены.

После аппетитного венского шницеля с салатом наступила моя очередь выложить «Курту» свои вопросы и очередные задания, а также получить привезенное им. К концу дня мы сложили все вещи в багажник, поблагодарили хозяина ресторана и отправились в сторону Вену. «Курт» довез нас до удобной конечной трамвайной остановки, откуда мы, используя уже новый проверочный маршрут, вернулись в посольство. Со мной в контейнерах было пятнадцать пленок от «Минокса».

Спустя много лет после описанных двух встреч (а были и другие), «Курт» в своей книге напишет:

«Я хорошо помню генерала Короткова. Во время наших встреч в Берлине или Вене мы часто вели с ним продолжительные диспуты о внутриполитической обстановке в ФРГ. Его отличный немецкий язык, окрашенный венским диалектом, его элегантная внешность и манеры сразу вызвали у меня симпатию. Он хорошо ориентировался в различных политических течениях в Федеративной республике. Не раз мы с ним горячо спорили, когда он выражал свои опасения по поводу возникновения и распространения праворадикальных группировок в ФРГ. Тогда я не разделял его мнения. Очень жаль, что сейчас я уже не могу сказать ему, насколько он был прав, так как несколько лет тому назад он скончался»[196].

В годы своей последней загранкомандировки в ГДР Александр Коротков через своих оперативных работников руководил десятками агентов, действующих в различных учреждениях, политических партиях, общественных организациях Федеративной Республики Германии и Западного Берлина. Многие из них были интереснейшими во всех отношениях личностями, как правило, высокоидейными. Они также доставляли в Карлсхорст важную, ценную, точную информацию. Но никто не мог сравниться по результативности и, как выяснилось позднее, мужеству и стойкости с Хайнцем Фельфе. В 1961 году Александр Коротков, в связи с десятилетием работы «Курта» в советской разведке и несомненные заслуги на этом поприще, представил его к награждению орденом. Однако новый глава ведомства Шелепин счел, что с «Курта» хватит так называемой «благодарности председателя КГБ», то есть, его, шелепинского «спасибо». Более того, раздраженным тоном бросил, что он вообще сомневается в искренности «Курта», полагая, что тот всего лишь «подстава» и двойной агент[197].

В ноябре 1961 года в результате предательства Хайнц Фельфе, Ганс Клеменс и Эрвин Тибель были арестованы. «Курта» осудили к 14 годам, «Хани» и «Эриха» соответственно к 8 и 3 годам тюрьмы. В 1969 году Хайнца Фельфе обменяли на двадцать одного агента западногерманской разведки.

После освобождения Фельфе поселился в ГДР и начал преподавать криминалистику на юридическом факультете Берлинского университета имени Гумбольдта, в котором в 1941 году он начинал учебу. Со временем Фельфе были присвоены ученая степень доктора права и звание профессора. В 1998 году профессор Фельфе отметил свое восьмидесятилетие. Он по сей день живет в Берлине…

Но вернемся в 1958-й год. Для Александра Короткова он ознаменовался сменой его обоих высших руководителей: в

Берлине и в Москве.

В 1958 году в ГДР прибыл новый посол СССР Михаил Первухин. В свое время Первухин, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром химической промышленности, сыграл видную роль в создании советской атомной бомбы, за что был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Один из умнейших и самых достойных людей в высшем руководстве страны, Первухин не сразу поддержал Хрущева в столкновении того с «антипартийной группой Маленкова, Молотова, Кагановича». За сей страшный грех Первухин был снят с высоких государственных постов и в наказание отправлен в «ссылку» — послом в Германскую Демократическую Республику. Надо отметить, что в Берлине Первухин держался с огромным достоинством и сразу завоевал уважение как у сотрудников посольства, так и в правительственных и партийных кругах ГДР. У Александра Короткова с Первухиным с первого же дня сложились прекрасные, вполне доверительные деловые отношения.

Хуже обстояло дело с начальством московским.

Долгое время председатель Совета Министров и Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев относился к Ивану Серову очень хорошо. Однако спустя некоторое время охладел к своему же выдвиженцу, что было свойственно многим «первым лицам» в нашей стране. Достоверно известно — не без усилий к тому со стороны Александра Шелепина. В недавнем прошлом преемник ветерана комсомола Николая Михайловича на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ (того, как тогда говорили, «бросили на культуру»), Шелепин в последнее время работал заведующим отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам.

8 декабря 1958 года генерал армии Иван Серов был освобожден от обязанностей председателя КГБ при СМ СССР и назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР и заместителем начальника Генштаба по разведке. Формально — для укрепления ГРУ.

На самом деле Серов стал в глазах Хрущева представлять некоторую угрозу. Серов работал наркомом НКВД Украины в те годы, когда первым секретарем ЦК компартии республики был Хрущев. Следовательно, он был прекрасно осведомлен о причастности Хрущева к массовым необоснованным репрессиям на Украине в те страшные годы. Теперь, будучи председателем КГБ, Серов, при желании, мог собрать достаточно компромата на «верного ленинца» и в бытность его — дважды в разные времена — причастным к таким же репрессиям в Москве и Московской

области. Наконец, Серов сыграл важную роль в нейтрализации и аресте Берии, а, как справедливо замечено в Талмуде, ни одного доброе дело не остается безнаказанным. Не только Серов, но сам министр обороны маршал Жуков, принимавший личное участие в аресте Берии, спасший Хрущева при столкновении того с той же «антипартийной группой», был трусливо снят с поста во время ответственного визита в Югославию.

Недели две спустя после снятия Серова[198] председателем КГБ был назначен Александр Шелепин.

С самого начала у Короткова отношения с новым председателем не сложились. И дело заключалось не только в полной профессиональной некомпетентности Шелепина, чье знание вопросов разведки и контрразведки не выходило за пределы некогда популярных «Рассказов майора Пронина» писателя Льва Овалова, довоенного кинофильма «Ошибка инженера Кочина» и послевоенного «Подвиг разведчика». Если бы только это…

Шелепин принадлежал к расцветшей махровым цветом при Хрущеве категории профессиональных комсомольских активистов. Причем, ее высшего, самого прогнившего эшелона. Как правило, то были статные, рослые, самоуверенные ребята с непременно мужественными, плакатными лицами. Обязательно — достаточно четко выраженной внешности коренной национальности данной союзной или автономной республики.

Сотрудники ЦК ВЛКСМ и ЦК союзных республик уже хорошо одевались, носили галстуки, любили обращаться друг к другу на «ты», но по имени-отчеству. В поведении — по отношению к начальству тактичные и умело льстивые, ко всем остальным — бесцеремонные и хваткие. Во время учебы они пролезали на выборные комсомольские посты, что позволяло им еще до окончания вуза по скупой студенческой квоте вступать по меньшей мере кандидатами в члены КПСС.

Потом следовала работа в комсомоле — от райкома до ЦК, что на Маросейке. По достижении предельного возраста в 28–30 лет они переходили на ответственную, конечно, работу в партийные и советские органы, или продолжали учебу в особых учебных заведениях: Высшей партийной школе, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Дипломатической академии и Высшей школе КГБ. На производство по своей прямой специальности никто из них никогда не возвращался.

В пятидесятые годы выпускникам вузов, где имелись военные кафедры присваивалось звание младшего лейтенанта запаса, в котором они пребывали лет десять и снимались с воинского учета старшими лейтенантами при уходе на пенсию. Между тем

комсомольским работникам через военкоматы присваивались регулярно очередные воинские звания, словно они состояли на действительной службе. Вот и получалось, что в Высшую школу КГБ они приходили по меньшей мере капитанами, а заканчивали майорами.

Еще этих добрых молодцев отличала невероятная хваткость. Они прекрасно разбирались во всех тонкостях официальных и неофициальных привилегий, потому придавали огромное значение любой мелочи, если за ней скрывалось определенное место в номенклатурной иерархии: в каком доме и какую квартиру предоставляли, в каком поселке выделяли дачу, какого цвета машину прикрепляли, на какую трибуну стадиона «Динамо» выделили билеты на международные матчи, и тому подобное.

Бывших комсомольских вожаков отличало невероятное обилие дружеских связей во всех сферах общества. Оно и немудрено. Унылое серое здание на углу улицы Богдана Хмельницкого (ныне снова Маросейка) и проезда Серова поставляло руководящих работников повсюду — от торговли до ЦК КПСС.

Коротков эту публику терпеть не мог. Но считаться с наличием «комсомолистов» во все возрастающем количестве в Центральном аппарате был вынужден. Приход Шелепина, кроме всего прочего означал накат настоящего «девятого вала» профессиональных комсомольских активистов на все управления, отделы и службы Лубянки.

Но не будем так уж изобличать Шелепина. Он был ничуть не хуже, а в некоторых отношениях и превосходил многих выходцев из комсомольского питомника. Был достаточно умен, образован, толков, обладал опытом организаторской работы. Тем не менее, все прекрасно понимали, что Лубянка для «Железного Шурика» (так называла за глаза Шелепина вся Москва) лишь трамплин для решительного прыжка на гораздо более высокие посты — секретаря ЦК партии, а то и члена Политбюро. Одно время ходили упорные слухи (правда, значительно позже), что Шелепина якобы «наверху» прочат в преемники самого Хрущева.

Разведчики и контрразведчики — участники Великой Отечественной войны (а таких тогда в Центре и на местах было еще много) не могли простить Шелепину и такого факта в его биографии: в 1941 году он, тогда первый секретарь МГК ВЛКСМ со спокойной совестью, от самого пламенного сердца, не дрогнувшей рукой отправлял на фронт и в немецкий тыл шестнадцатилетних московских школьников и школьниц, вроде Зои Космодемьянской, а сам всю войну просидел в уютном

горкомовском кабинете. Полутора годами раньше он так же уверенно заверял характеристики молодым поэтам, студентам знаменитого ИФЛИ — Института философии, литературы и искусств, уходившим добровольцами на войну с белофиннами. Он же, разумеется, считал себя незаменимым в кресле секретаря вузовского комитета ВЛКСМ…

При распределении обязанностей между председателем КГБ и его заместителями Шелепин оставил за собой руководство главными управлениями разведки и контрразведки, еще некоторыми подразделениями, в том числе (и это весьма многозначительно) — управлением, в функцию которого входила охрана и обслуживание руководителей партии и правительства.

Представителя КГБ в Германии генерал-майора Александра Короткова председатель невзлюбил сразу и навсегда. За самостоятельность, авторитет со всех структурах госбезопасности, за репутацию выдающегося разведчика, наконец, даже за длинную планку боевых орденов. Масла в огонь подлил один из руководителей разведки, давно завидовавший Короткову. Он внушил Шелепину, что, находясь в Берлине, Коротков якобы работает не столько на КГБ, сколько на руководство ГДР. Доказательство, вернее, одно из доказательств, выглядело для непосвященных убедительно: «Доброжелатель», будучи по делам службы в Берлине, ревниво подметил, что с Вольфом, и с Мильке, и даже с самим Ульбрихтом Коротков был на «ты». Он просто не знал, что такое обращение — давняя, с боевых двадцатых годов, традиция немецких коммунистов! А по отношению к Короткову (которого все они знали по пятнадцать-двадцать лет) еще и особое проявление уважения, как к товарищу по общей борьбе.

Коротков действительно пользовался и в Министерстве государственной безопасности, и в Совете министров ГДР, и в Центральном комитете СЕПГ огромным, непререкаемым авторитетом, хотя, разумеется, дело не обходилось порой и без разногласий, споров и даже конфликтов. Как и положено при серьезной, государственной по значению совместной работе.

В октябре 1959 года широко отмечался десятилетний юбилей Германской Демократической Республики. Ряд работников советских учреждений был награжден орденами и медалями ГДР. Генерал-майор Александр Коротков был удостоен второго по значению ордена — «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

А через месяц высшие руководители ГДР тепло и сердечно поздравили Александра Короткова в связи с его пятидесятилетием. Жена Александра Михайловича оказалась не в состоянии даже просто перечислить все подарки, сделанные ее мужу. Помнит, что от ЦК СЕПГ и правительства Короткову

преподнесли массивные серебряные («черные» фигуры — в позолоте) шахматы изумительной красоты, от Министерства госбезопасности — великолепное охотничье ружье…

Такие почести, разумеется, тоже могли кому-то в Москве очень не понравиться.

Четыре с лишним года в Германии пробежали незаметно. Работа занимала почти что все время. На отдых оставалось всего ничего, неотложные дела обнаруживались даже в воскресные и праздничные дни. Супруги не успели опомниться, как выяснилось, что подросшей Юле пора поступать в школу. Поступили разумно: отдали девочку не в советскую, а в немецкую школу, дабы девочка с детства овладела не просто «уличным» (как все дети в Карлсхорсте), а хорошим немецким языком.

Иногда ходили в театры, особенно, если в Берлине гастролировала какая-нибудь советская труппа. В самом Карсхорсте имелся неплохой клуб, в котором регулярно шли новые советские кинофильмы. Порой удавалось выехать на природу. При любой возможности Коротков играл в теннис, благо в городке имелся и стадион. Любил, как ни странно это может кому-нибудь показаться, домино. Возможно по той причине, что эта дворовая игра московских, и не только московских пенсионеров, хорошо отвлекала своей незамысловатостью от серьезных забот. Была у Короткова еще одна страсть, отдаваться которой он позволял себе лишь бывая в Москве: преферанс. Играли в тесной компании с непременным участием брата Павла. Причем, как подметила Ирина Александрова, старший брат, то есть Павел, всегда выигрывал, а младший, то есть ее супруг, почти всегда проигрывал. Если играли не на копейки, а щелобаны, случалось, у Александра Михайловича к концу игры вспухал лоб…

Книги в доме были всегда, но читатель в эти последние годы Короткову удавалось лишь урывками. Дочь Юля хорошо помнит, что любимыми книгами ее отца были дилогия Томаса Манна о короле Генрихе IV и «Мария Антуанетта» Стефана Цвейга, читал он их в оригинале, то есть, на немецком языке. Жена Ирина Александровна рассказала автору, что последними книгами, которыми читал, даже изучал Александр Михайлович, были многотомный труд Уинстона Черчилля «Вторая мировая война» (его издали на русском языке небольшим «закрытым» тиражом и рассылали по списку, в духе того времени, особо ответственным работникам) и только что изданные воспоминания видного государственного деятеля дореволюционной России графа Сергея Юльевича Витте.

Сегодня, когда с политической карты Европы исчезла,

фактически почти одновременно с разрушением «Берлинской стены» Германская демократическая Республика, у читателя может возникнуть правомерный вопрос: чего же стоят, в таком случае, победы и достижения советской разведки в противоборстве с ее территории со спецслужбами западных держав?

Но история бывает порой щедра на самые удивительные парадоксы. Рискуя вызвать на себя огонь профессиональных политологов, международников, прочих умных специалистов, автор, тем не менее, не может удержаться, чтобы не высказать некое суждение. Общеизвестно, что нынешняя Федеративная Республика Германия, в состав которой вошли и округа бывшей ГДР, является государством демократическим, миролюбивым, с высоким уровнем жизни всех слоев населения, с наилучшей, возможно, в мире системой социальной защиты трудящихся пенсионеров.

Так вот… По мнению автора, население ФРГ во многом обязано своим нынешним благополучием тем усилиям, которые приложили в свое время СССР и ГДР, а также из спецслужбы, разведка и контрразведка, в период «холодной войны» в борьбе со своими противниками на Западе.

Используя, в частности, сведения, добытые и проверенные разведкой, Советское правительство и власти ГДР убедительно и успешно, с цифрами и фактами в руках изобличали реваншистские и милитаристские потуги реакционных кругов в западных оккупационных зонах, а затем ФРГ, снисходительность властей к нацистским военным преступникам, проникновение бывших видных гитлеровцев в правящие и влиятельные структуры, оголтелые призывы всякого рода «Союзов изгнанных» к возвращению к границам 1939 года и прочее, и прочее.

Дабы не уронить себя в глазах мирового общественного мнения собственного народа, правящие круги ФРГ вынуждены были волей-неволей предпринимать меры, в том числе и достаточно жесткие, чтобы покончить с этими явлениями, дискредитирующими боннскую республику.

С другой стороны, дабы доказать населению ГДР преимущества западного образа и качества жизни, власти ФРГ, и федеральные, и земельные, должны были энергично заботиться о защите интересов трудящихся, обеспечивать занятость населения, хорошие заработки, обустройство систем общего и специального образования, медицинского и пенсионного обслуживания и тому подобного.

Следовательно, есть в том заслуга генерал-майора Александра Короткова и его сослуживцев той поры.

Эпилог

В середине июня 1961 года пришла правительственная телефонограмма: надо вылетать в Москву. Вызов был не из КГБ — из секретариата ЦК КПСС. Стало быть, следовало ожидать серьезного разговора на самом высоком уровне. Коротков свои разногласия с Шелепиным по принципиальным вопросам на люди не выносил, хотя порой их разговоры проходили на повышенных тонах. Сорваться он себе позволить не мог, понимал, что «Железный Шурик», которому в чем в чем, а в выдержке не откажешь, непременно использует срыв с его стороны в свою пользу.

Собственных дел у Короткова в тот момент в ЦК не было, знал, что особых претензий со стороны тех сотрудников аппарата Старой площади, с которыми он постоянно решал свои вопросы, тоже нет. Значит, инициатором его вызова в ЦК был Шелепин.

Ирина Александровна выехала в Москву на неделю раньше мужа, чтобы привести в порядок квартиру, решить какие-то домашние, да и свои собственные рабочие дела. Коротков прилетел (он терпеть не мог тратить сутки с лишним на поезд) за четыре дня до разговора в секретариате, назначенного на 27 июня.

Прилетев в Москву, Коротков сразу пошел в КГБ, в нескольких управлениях и службах решил набежавшие со времени последней командировки текущие дела. Ничего экстраординарного. О причине его вызова в ЦК, как он понял, никто в КГБ ничего не знал. Возможно, что-то было известно начальнику ПГУ Сахаровскому или кому-то из заместителей Шелепина, но они и виду не подали, что в курсе дела.

Как вспоминает Ирина Александровна, настроение у мужа было не то чтобы подавленное, но и не веселое. Как-то обронил, что все ему надоело, что возвращаться в Германию он уже не хочет, что если в ЦК его узел с Шелепиным не развяжут, он либо выйдет на пенсию (выслуги хватало), либо попросится на работу начальником ташкентской разведшколы. Почему ташкентской, а не, скажем, ленинградской? Ирина Александровна этого так и не поняла. Возможно, то было лишь проявление досады с его стороны.

За два дня до явки в ЦК пошла в гости к старым московским друзьям. Вечер прошел нормально, достаточно спокойно, но к концу, когда настало время расходиться, Александр Михайлович вдруг, извинившись, прилег на несколько минут на диван. Жена встревожилась: такого с Александром Михайловичем за все время

их совместной жизни не случалось.

— Саша, тебе что, плохо? — спросила она.

— Да нет, видимо, просто устал, — с некоторым недоумением ответил Коротков. Похоже, он и сам не мог объяснить, почему у него вдруг появилось желание немного полежать.

Вечером следующего дня Ирина Александровна, чтобы улучшить настроение мужа, вытащила его в театр. Название пьесы за давностью лет позабыла, помнит только, что то был спектакль МХАТ, но посему-то (возможно, из-за ремонта) в помещении Малого театра.

В театре Коротков оживился, домой вернулся в хорошем настроении. О вчерашнем эпизоде в гостях ни он, ни Ирина Александровна не вспоминали. Никогда ранее Коротков ни на какие недомогания не жаловался, ничем не болел, последний диспансерный осмотр прошел вроде бы нормально.

Перед тем как пойти в театр и КГБ, позвонил в Карлсхорст, начальнику немецкого отдела Борису Иванову. Спросил, состоялась ли в Западном Берлине запланированная встреча со связником «Курта» — «Эрихом». Состоялась, все в порядке. Прежде чем повесить трубку, вдруг сказал Иванову: «Больше я к вам не приеду».

Утром 27 июня Коротков проснулся как обычно. Был собран и подтянут. Побрился, позавтракал. За столом шутил. Похоже, был полностью подготовлен к нелегкому разговору в ЦК. Никаких разговоров об отставке или ташкентской школе. Вызвал машину и уехал.

Вернулся около трех часов дня. Домой на улицу Горького шел пешком. Был оживлен, даже весел. Сообщил только, что все в порядке. Драка с председателем не состоялась. Готовиться к возвращению в Берлин.

От полного обеда отказался. Съел только тарелку холодного борща (день был жаркий) и ненадолго прилег. Сказал, что договорился с Серовым встретиться в шесть часов, когда тот освободится в Главразведупре, на «Динамо», поиграть часок-другой в теннис. Ирина Александровна стала возражать, но Александр Михайлович стоял на своем. Дескать, надо расслабиться после всей этой дурацкой нервотрепки. Да и Ивана Александровича подводить неудобно.

В пять часов переоделся, собрал сумку с ракетками, мячами, спортивной обувью и костюмом. Уехал.

На стадионе Серова и Короткова уже ждали. Работавший здесь после ухода из большого спорта, Борис Новиков заблаговременно высвободил лучший корт, проводил в

раздевалку. Поскольку жара так и не спала, Коротков, чтобы надеть напульсники, снял часы и отдал Борису. Тот сунул их в карман.

Поиграть, вернее, размяться, они успели не более получаса. На своей подаче, как всегда мощной и резкой, Коротков дважды угодил в сетку. Подошел к ней, подобрал мяч, выпрямился и, потеряв сознание, рухнул на землю.

Когда к нему подбежал Серов и Новиков, Коротков был уже мертв.

Разрыв аорты…

Через несколько дней после похорон к Ирине Александровне пришел Борис Новиков. Принес часы Александра Михайловича, о которых в сумятице горьких дней просто забыл.

— Оставь их себе на память, Боря, — только и выговорила Ирина Александровна. — Я на вещи, что были с ним в тот день, и глядеть не могу.

Хоронили генерал-майора Короткова 29 июня на Новодевичьем кладбище. Когда вынесли перед гробом на бархатных подушечках орден Ленина, шесть орденов Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды, иностранные ордена, медали, знак «Почетного чекиста», брат Павел только охнул: «Господи, да я и не знал, что у Сашки столько и таких наград…»

Из Берлина на похороны спешно, на правительственном самолете прилетел министр госбезопасности Эрих Мильке со всем составом коллегии МГБ. Проникновенную речь на русском языке произнес у гроба Маркус Вольф.

Председатель КГБ Александр Шелепин на похороны не явился.

Эрих Мильке сквозь зубы высказал по этому поводу нечто невнятно, но хорошо понятое всем, кто стоял рядом.

А через полтора месяца, в ночь с 12 на 13 августа 1961 года, была воздвигнута «Берлинская стена», первоначально в виде забора из колючей проволоки протяженностью в сто шесть километров[199]. Началась новая эпоха в жизни двух германских государств.

notes

Примечания

1

Ныне НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. *(Здесь и далее примечания автора).*

2

Ныне Рижская площадь.

3

Впоследствии Борис Новиков стал заслуженным мастером спорта СССР, многократным чемпионом страны по теннису. Он же прекрасно играл и в хоккей в командах мастеров.

4

Ныне эта улица снова называется Большой Лубянкой.

Позднее переименован в проезд Серова.

Большая часть слушателей этих курсов была впоследствии объявлена немецкими шпионами и казнена.

7

Создание иностранных концессий на территории страны разрешалось постановлением Совнаркома с конца 1920 года.

Впоследсвии авиазавод № 22 Наркомата авиационной промышленности СССР. Ныне — Научно-производственный космический Центр им. М. В. Хруничева.

9

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) — советский партийный и государственный деятель. Нарком по военно-морским делам, верховный главнокомандующий, председатель Верховного революционного трибунала при ВЦИК, прокурор РСФСР, затем нарком юстиции РСФСР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

10

Выступление произвело должное впечатление и на Сталина. Именно поэтому генсек летом 1938 года весьма серьезно внял, в сущности, ему адресованному через наркома НКВД Ежова предостережению «Шведа». Иначе как с санкции вождя Ежов никогда не отдал бы распоряжения: Никольского-Орлова не трогать. Не посмели отменить это распоряжение и преемники уже расстрелянного «кровавого карлика» Берия, Меркулов, Абакумов и другие.

11

Супружеской чете в виде редкостного исключения разрешалось выезжать за рубеж вместе с дочерью. Дело в том, что девочка страдала тяжелейшей болезнью сердца и нуждалась в постоянном медицинском и родительском надзоре. Вера умерла в 1940 году в возрасте всего семнадцати лет. Александр Орлов очень любил дочь. Некоторые разведчики, знавшие эту семью, уверены, что если бы не страх за судьбу девочки, Орлов в соответствии с приказом вернулся бы в Москву беспрекословно.

12

П. Громушкин, в частности, изготовлял документы на обер-лейтенанта вермахта Пауля Вильгельма Зиберта для будущего Героя Советского Союза Николая Кузнецова.

13

Сформулировано немного неудачно. Имеется в виду разведывательная сеть, хотя и не очень многочисленная, уже созданная группой «Экспресс».

14

Впрочем, если бы Коротков зарегистрировал брак за границей, у него возникло бы множество проблем со свидетельством об этой процедуре в СССР. Ведь в документе стояла бы не его фамилия, а… Карл Рошецкий! Автору известен и прямо противоположный случай. Одному видному советскому разведчику, армянину по национальности, пришлось со своей женой и помощницей несколько десятилетий работать в разных странах. Чтобы жить с ней под одной крышей, он должен был дважды оформлять с ней брак на те фамилии, что супруги тогда носили. Третье свидетельство они получили в СССР…

15

В Красной Армии сержантские звания были учреждены для младшего комсостава лишь в ноябре 1940 г.

В этом корпусе, в частности, содержались арестованные в августе 1991 года члены пресловутого ГКЧП.

17

Во время Второй мировой войны здание было разрушено. Затем развалины разобрали, и на этом месте было возведено помпезное здание посольства СССР в ГДР.

18

Все названные выше советские разведчики были расстреляны в годы «большого террора».

19

Старший Берман — Матвей Давидович, комиссар госбезопасности третьего ранга много лет являлся начальником ГУЛАГа, одно время совмещал эту должность с постом замнаркома НКВД. Арестован в должности наркома связи и расстрелян в 1939 году.

20

Б. Гордон был расстрелян в «особом порядке» в один день и час 21 августа 1937 г. вместе с А. Артузовым и еще пятью видными разведчиками.

21

Звание четвертого класса по дореволюционной табели о рангах. Соответствовало чину генерал-майора в армии.

22

С 1933 по 1941 год Г. Овакимян под прикрытием должности инженера знаменитого общества «Амторг» работал в Нью-Йорке. Главная линия его деятельности была именно научно-техническая разведка. Но не только. Овакимян поддерживал связь с крупнейшим создателем и руководителем агентурной сети советской разведки в США Яковом Голосом («Звук»). Овакимяну принадлежит важная роль в получении атомных секретов США и Великобритании, следовательно, в создании ядерного оружия в СССР. Впоследствии генерал-майор Г. Овакимян занимал руководящие должности во внешней разведке, вплоть до заместителя начальника.

23

Хотя бы в сноске следует сказать, что НТР способствовала нашим внешнеторговым организациям и при совершении вполне легальных сделок с западными фирмами: помогала подобрать надежных и перспективных партнеров, предостерегала от сомнительных дельцах, устанавливала иногда через свою агентуру «последнюю цену» и прочие полезные сведения. Это тоже экономило стране большие деньги.

24

В 1916, 1941 и 1944 годах из-за мировых войн Олимпийские игры не проводились, но и нумерация не прерывалась.

25

Поразительное совпадение! Долгие десятилетия «борцы идеологического фронта» в СССР объявляли каждый успех советского спортсмена ярким примером преимуществ социалистического общества перед капитализмом». Непонятно лишь, почему социализм неоднократно помогал нашим хоккеистам становиться чемпионами мира, но ни разу не помог в этом нашим футболистам!

26

Когда разразилась Вторая мировая война, Шмелинг добровольно вступил в армию, в мае 1940 г. в составе парашютно-десантного полка принимал участие в известной высадке на остров Крит. После войны стал предпринимателем.

27

Примечательно, что сам Луц Лонг всю жизнь — с перерывом на годы войны — дружил с Джесси Оуэнсом и гордился тем, что завоевал серебряную олимпийскую медаль в борьбе с самым знаменитым легкоатлетом мира.

28

Поразительно, но факт: в 1948 году Международный Олимпийский комитет (МОК) присудил Лени Рифеншталь награду за фильмы о спорте!

29

Е. С. Ежова умерла в 1934 году от отравления при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Приемная дочь после ареста Ежова была направлена в детдом в Пензу. Ей повезло — она дожила до наших дней.

30

Некий парадокс заключался в том, что в данном случае Ежов не так уж далеко уходил от истины: Дзержинский действительно с сомнением относился к некоторым решениям и указаниям Сталина. В известном письме к своему другу Куйбышеву он намекал на бонапартистские замашки некоего партийного вождя, рядившегося в революционные перья.

Всего же при Ежове и его преемниках было репрессировано свыше двадцати тысяч чекистов.

32

Сверхсекретно, без утверждения даже каким-либо официальным документом, была введена совершенно уже беззаконная форма расправы — расстрел в так называемом особом порядке.

33

Вопреки распространенному мнению, органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ никогда не имели права самостоятельно проводить подобные операции. В каждом отдельном случае решение принимали высшие руководители государства. Они же, следовательно, должны нести и высшую ответственность.

В послевоенные годы кандидат на совершение подобной «литерной акции» имел право без последствий отказаться от задания. В случае согласия его знакомили с вынесенным заочно приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР и всеми материалами следствия. К слову сказать, исполнители смертных приговоров по чисто уголовным делам в так называемых расстрельных тюрьмах (в настоящее время в России на применение смертной казни наложен мораторий) также знакомятся со всеми материалами по делу. Дабы быть уверенными, что не казнят невинного.

35

Впоследствии Таубман в Москве по «рекомендации» НКВД сменил фамилию на Семенов. Он закончил институт химического машиностроения, а позднее работал в органах госбезопасности.

36

Автор употребляет термин «тридцать седьмой год» как некое условное обозначение неоправданных массовых репрессий, которые имели место весь советский период истории СССР и России. Менялся в 1920–1950 гг. и даже позже лишь их размах и формы.

Несмотря на все последующие заверения Н. Хрущева, а позднее и деятелей нынешней КПРФ, органы госбезопасности никогда не стояли над партией, но всегда были ее орудием, исполнительным органом, «вооруженным отрядом партии». Ни один человек не мог стать кадровым сотрудником госбезопасности без рекомендации или согласия партийных организаций.

И это при том, что комиссар госбезопасности первого ранга С. Ф. Реденс был свояком самого Сталина!

39

В НКВД несколько сотрудников носили эту распространенную фамилию. В данном случае речь идет о Павле Матвеевиче Журавлеве, который в конце сороковых — начале пятидесятых годов был одним из заместителей начальника внешней разведки.

В. Л. Герсон был расстрелян в 1941 г.

Автор смеет высказать предположение, что Берия в данных обстоятельствах воспользовался случаем, чтобы ввести в окружение второго лица в партии и государстве своего соглядатая. Тем более, что знал о неровном отношении Сталина к своему ближайшему соратнику.

42

До самого последнего времени в нашей стране скрывались подлинные цифры потерь Красной Армии: убитых 131 тысяча (официально 74 тысячи), раненых 186 тысяч, обмороженных 13 213, контуженных 240, пленных 5469 человек. Финны потеряли убитыми всего 19 567 человек.

43

Поразительное дело, но самое точное, даже провидческое определение августовского (1939 года) Пакта сделал… Бенито Муссолини, которого едва ли не до последнего времени в нашей стране обрисовывали исключительно в карикатурных тонах. Дуче Италии сказал тогда жене Ракеле (а та записала в дневнике): «Окончательно все стремления к миру свелись на нет с заключением договора о ненападении между Германией и Россией… Этот договор только гигантский шаг к войне».

44

Заслуженный мастер спорта СССР полковник П. Коротков был пятикратным чемпионом СССР и трехкратным обладателем Кубка СССР по хоккею. Одним из первых в стране стал осваивать новый вид спорта — канадский хоккей (в злосчастный период «борьбы с космополитизмом» стыдливо переименованным в «хоккей с шайбой»), будучи играющим тренером команд ЦДКА и ВВС. Именно он привел в «шайбу» легендарного Всеволода Боброва. Много лет возглавлял Федерацию хоккея СССР.

Соответствовало званию комкора, а затем генерал-лейтенанта в Красной Армии.

Перед этим В. Меркулов имел специальное звание комиссара государственной безопасности первого ранга. За все годы оно было присвоено лишь девяти чекистам: Я. Агранову, В. Балицкому, Т. Дерибасу, Г. Прокофьеву, С. Реденсу, Г. Благонравову, Л. Берии и В. Меркулову. Все они были расстреляны.

47

Фитин прослужил в органах госбезопасности еще несколько лет: был министром МГБ Казахстана, начальником Горьковского УМГБ. В 1953 году, после смещения и ареста Берии, его уволили из органов госбезопасности… по служебному несоответствию даже без генеральской пенсии.

После войны П. М. Журавлев получил звание генерал-майора.

49

Демобилизовавшись в 1955 году в звании полковника, З. И. Рыбкина стала известной детской писательницей под своей девичьем фамилией Воскресенская, лауреатом Государственной премии СССР. Скончалась в Москве в 1992 году.

50

В Германию Коротков выехал со своим старым служебным загранпаспортом на имя Владимира Петровича Коротких в качестве стендиста по обслуживанию советских выставок в Кенигсберге и Лейпиге.

51

Это тот самый Бессонов, которого в 1938 году вывели в качестве одного из обвиняемых на третий московский процесс Бухарина, Рыкова, Ягоды и других. На его обработку, прежде, чем сломать, следователи-костоломы потратили почти год. Бессонов был осужден на 15 лет заключения. В сентябре 1941 года его в числе еще 160 заключенных уже без суда расстреляли в Орловском централе.

Эти чиновничьи ранги условно соответствовали званиям майора и подполковника в вооруженных силах.

Г. Кегель был оставлен в Москве на постоянную работу в посольстве Германии, в отделе экономической политики. Его последняя встреча с «Петровым» состоялась накануне нападения Германии на СССР. По возвращении в Берлин Г. Кегель, как и другие интернированные немецкие дипломаты, был награжден лично Гитлером крестом «За военные заслуги» второго класса. Он продолжал работать в МИД затем был мобилизован в вермахт, однако участия в боях ему удалось избежать. По окончании войны Г. Кегель вновь встретился в Москве с К. Леонтьевым, уже полковником. В ГДР Г. Кегель многие годы работал в партийном аппарате, в журналистике и издательском деле на руководящих должностях. Президиум Верховного Совета СССР наградил Г. Кегеля орденом Красного Знамени.

54

Борис Николаевич Журавлев рассказал автору о таком примечательном случае, характеризующем нрав резидента. Кобулов и Журавлев были ровесниками, в сущности, молодыми людьми. Внешнее, чисто восточное дружелюбие Амаяка (одно время они даже были соседями по жилью) ввело Журавлева в заблуждение, которое могло бы завершиться для него трагически.

55

Гитлер и его последователи никогда не называли себя фашистами, но именно национал-социалистами. Слово «фашизм» итальянского происхождения, своим введением в политический лексикон обязано Муссолини. Термин «фашизм» ныне носит не национальный, а политический обобщенный характер. В этом смысле национал-социализм является, разумеется, германской разновидностью фашизма. В советской литературе в названии НСДАП второе слово переводили не «социалистическая», но «социалистская», как бы придавая тем самым ей некий уничижительный смысл.

Отсюда и большая часть эсэсовских званий, например бригадефюрер СС, то есть, командир бригады. Это звание приравнивалось к чину генерал-майора в армии.

57

Звание обергруппенфюрера СС приравнивалось к званию генерала войск СС, или полиции. Звание оберстгруппенфюрера СС — генерал-полковника войск СС. Кроме Шварца его имели шеф полиции порядка (орпо) Курт Далюге, военачальники Хепп Дитрих и Пауль Хауссер, а также начальник личного штаба рейхсфюрера СС Карл Вольф.

Не путать с названием личной охраны фюрера.

59

Не путать с названием частей охраны концлагерей.

60

Увы, киноштандартенфюрер СС Штирлиц (он же советский кинополковник Исаев) в реальной действительности обязан был бы иметь в Берлине вторую, немецкую семью. Правда, автор мог бы сделать его вдовцом, чтобы узаконить одинокое существование без супруги.

61

Российскому читателю следует знать, что в германской армии, как и в русской до революции, после звания генерал-лейтенанта следовало звание просто генерал с добавлением: от инфантерии (пехоты), от артиллерии, войск СС и т. д. Звание оберстгруппенфюрера, соответствующее званию генерал-полковника было четвертым, следовательно, соответствовало званию генерала армии в Красной Армии.

Один и тот же ответственный сотрудник мог иметь сразу три звания. Например: криминалькомиссар (комиссар уголовной полиции), капитан полиции, а позднее и гауптштурмфюрер СС.

63

Этот район города в 30-е годы XIX века застраивался под присмотром принца Альбрехта, сына короля Пруссии Фридриха-Вильгельма. Отсюда многие названия в данном квартале. Ныне улица Принц-Альбрехтштрассе называется Нидеркишнерштрассе. «Катя» Нидеркишнер родилась в 1909 году, в возрасте двадцати лет вступила в компартию Германии. В 1933 году эмигрировала в СССР. Работала мастером в парикмахерской на площади Маяковского в Москве. Ее муж, тоже политэмигрант, сражался в Испании, в бою лишился обеих ног. В октябре 1943 года Катю сбросили с парашютом на территорию Польши с разведывательным заданием. По пути в Берлин ее схватили и 22 сентября 1944 года казнили в концлагере Равенсбрюк.

Ни одно из этих зданий не уцелело. В последние годы на месте, где находилось гестапо, произведены раскопки, обнаружены некоторые подвалы и другие помещения. Сейчас здесь устроена постоянная выставка-музей с читальным залом на тему «Топография террора».

65

Мюллер (мельник) — одна из самых распространенных немецких фамилий, как и Шмид (кузнец).

С 1946 по 1955 г. Панцингер находился в советском плену. В 1955 г. после приезда в СССР канцлера ФРГ Конрада Аденауэра и достигнутого с ним соглашения, вместе с большой группой немецких военных преступников он был выдан правительству Западной Германии. Незадолго до предстоящего ему там суда Панцингер 8 августа 1959 года покончил жизнь самоубийством.

Как уже было сказано ранее, на оккупированной территории СССР гестапо как самостоятельное учреждение не функционировало. Здесь, на местах, всю контрразведывательную, полицейскую и карательную деятельность осуществляли эмиссары Гейдриха, а затем Кальтенбруннера — «СС и полицайфюреры», располагающие своим аппаратом, в котором работали командированные сотрудники СД и полиции безопасности (значит, и гестаповцы тоже). К примеру, «Высшим СС и полицайфюрером» Украины был обергруппенфюрер СС и генерал полиции Ганс-Адольф Прюцман, впоследствии руководитель пресловутого «вервольфа». После разгрома фашистской Германии покончил жизнь самоубийством.

Как ни прискорбно, но следует указать, что главным орудием оккупантов в борьбе с подпольщиками и партизанами была образованная ими «русская», «украинская», «белорусская» и прочие вспомогательные полиции. Именно они, а также команды тайной головной полиции — ГФП, также укомплектованные нашими «соотечественниками», осуществляли массовые репрессии и казни советских граждан.

В основном это были бывшие пленные солдаты разгромленной польской армии. Имелся еще один подобный батальон — «Роланд», сформированный из украинцев-националистов бывшей австрийской армии.

69

Теодор Ровель был известным летчиком уже в Первую мировую войну. В мае 1929 г. на одномоторном «Юнкерсе W-34» он установил мировой рекорд, поднявшись на высоту 12 540 метров. В 1929 г. в качестве вольнонаемного поступил на службу в абвер, где создал подразделение, для маскировки именовавшееся «Экспериментальным постом высотных полетов». Его самолеты уже тогда проводили аэрофотосъемку Польши, Рейнской области и СССР, Чехословакии и… французской «линии Мажино».

70

В 1942 году знаменитый Ким Филби, работавший тогда в английской разведке МИ-6, узнал о готовящейся поездке в Испанию главы абвера адмирала Канариса. Филби установил точную дату, часы, название гостиницы — «Парадор» — между Севильей и Мадридом в местечке Мансанарес, где должен был остановиться Канарис. Филби разработал и предложил начальству план устранения шефа абвера. Начальник МИ-6 Стюарт Мензис пришел от этой идеи в ужас и категорически запретил даже пальцем тронуть Канариса. Филби первому тогда пришло в голову (и он сообщил об этом в Москву), что «маленький адмирал» поддерживает определенные связи с английской разведкой. Однако, разумеется, отсюда вовсе не следует, что он был ее агентом.

71

Этот рабочий псевдоним Короткова оставался загадкой добрые полвека. И это тоже свидетельствует о его мастерстве конспиратора. Ни следователи гестапо, ни судьи имперского военного суда во время процессов над участниками «Красной капеллы» так и не смогли установить, кто из сотрудников советского полпредства или торгпредства скрывался за этим псевдонимом. Лет через восемнадцать министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке расспрашивал представителя КГБ СССР генерал-майора Короткова, не знает ли он такого разведчика — Александра Эрдберга. Выдающий себя за великого знатока истории советской разведки перебежчик О. Гордиевский в своей книге (в соавторстве с К. Эндрю) «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева» утверждает, что «Эрдберг» — это сотрудник Главразведупра Сергей Петрович Кудрявцев. Такой сотрудник действительно долгое время в ГРУ служил, к Германии прямое касательство имел, но «Эрдбергом» никогда не был.

72

Названа в честь Карин — рано умершей первой жены Геринга.

Это означало, что, будучи обер-лейтенантом, Шульце-Бойзен занимал майорскую должность в министерстве люфтваффе.

Соответствовало званию комдива в Красной Армии.

В тот период третьи отделы были контрразведывательными.

76

После вхождения в 1940 году прибалтийских республик в состав СССР, здания бывших посольств Литвы, Латвии и Эстонии стали собственностью Советского Союза. В двухэтажный особняк, ранее занимаемый литовским посольством на Принценштрассе, вселился консульский отдел полпредства СССР. Здесь всегда было много посетителей, и потому проникнуть сюда незаметно было гораздо легче, нежели в здание полпредства.

В нашей литературе принято название Клуб господ».

Имеется в виду война с Великобританией.

79

Имеется в виду резидентура Разведупра Красной Армии в Берлине.

Автор обращает внимание читателя на осторожность Фитина и Меркулова. Понимая, что их депеши могут быть проконтролированы высшим руководством, они, дабы не быть обвиненными в «распространении панических настроений, избегают слова «война», заменяют его неопределенным выражением «германская акция».

81

«Кляйн» по-немецки — «малыш».

82

Имеется в виду Курт Шульце. Коппи не знал, что его товарищ по партийной работе Шульце является агентом Разведупра Красной Армии. Но об этом тогда не знала и разведка НКЦ.

83

Псевдоним начальника разведки П. Фитина.

Первоначальная дата была перенесена на месяц из-за неожиданно яростного сопротивления, с которым немцы столкнулись в Югославии.

85

Иное написание фамилии уже известного читателю Теодора Ровеля.

86

Антонеску, Йон (1882–1946) — «когдуктор» («вождь»), военно-фашистский диктатор Румынии в 1940–1944 гг.

87

В мае 1941 года Сталин принял на себя обязанности Председателя Совнаркома СССР. Занимавший ранее этот пост Молотов был назначен его первым заместителем. Тем самым в соответствии с международным протоколом Сталин по рангу сравнялся с рейхсканцлером Германии Гитлером — главой правительства. Многие политические наблюдатели сделали из этого факта вывод, что Сталин тем самым как бы официально готовил возможность личной встречи с Гитлером на должном уровне. Автор не исключает такой версии, хотя и не поддерживает ее. У Сталина имелось достаточно иных серьезных оснований, чтобы сосредоточить в 1941 году в своих руках и партийную, и государственную власть.

Значит, можно было избежать той катастрофы, когда в первые же часы войны тысячи советских самолетов были уничтожены еще на земле!

89

Неточность. Речь идет о полковнике Эрвине Гертце.

90

Так называлась часть оккупированной Польши, не включенная прямо в состав Германии.

91

Официально имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий во главе с рейхсминистром Альфредом Розенбергом было учреждено 17 июля 1941 г. Оно разместилось, вопреки нормам международного права, в комплексе зданий советского посольства.

92

В эти последние предвоенные недели информация от «Брайтенбаха» поступала неслыханно часто и всегда чрезвычайной ценности.

93

После поражения Польши осенью 1939 г. западные и северо-западные польские земли — Познанское и Катовицкое воеводства, большая часть Лодзинского, часть Калецкого и Варшавского воеводств, а также район Сувалок и Белостока были включены непосредственно в состав «третьего рейха» под названием Вартланд, с центром в Познани (ныне Позен). Гаулейтером Вартегау стал Артур Грейзер.

Восточные земли, южные и центральные с Варшавой были объявлены так называемым «генерал-губернаторством» со «столицей» в Кракове. Во главе генерал-губернаторства стал рейхслейтер Ганс Франк. После оккупации Украины в состав генерал-губернаторства был включен и так называемый «Дистрикт Галиция» с центром во Львове.

94

Информационный отдел в Первом управлении (внешняя разведка) был создан в 1943 г.

95

В 1947 г. западногерманский суд приговорил Гофмана к нескольким годам тюремного заключения. Он был лишен профессорского звания, его имущество, как незаконно нажитое в период нацизма, конфисковано.

Как выяснилось, Коротков волновался напрасно: Кобулова вызывали в Москву по иному поводу. Решался вопрос о его назначении наркомом НКВД… Узбекистана. Назначение и состоялось вскоре после начала войны. В начале 1945 г. А. Кобулов был назначен первым заместителем начальника ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных лиц) МВД СССР. Когда в 1953 г. Л. Берия вновь стал министром МВД СССР, А. Кобулов, уже генерал-лейтенант, был назначен заместителем начальника контрольной инспекции МВД. После ареста Л. Берии в числе его ближайших сотрудников был арестован и А. Кобулов. 26 февраля 1955 г. он был расстрелян.

97

В мае 1941 года советские полпредства за рубежом стали называться, как это принято в мире, посольствами, а полпреды — послами.

98

Заявление ТАСС, опубликованное в СССР 14 июня, было передано немцам по дипломатическим каналам раньше — 6 июня 1941 г.

99

В то время Наркомат иностранных дел находился в здании на углу Кузнецкого моста и ул. Дзержинского (ныне Большая Лубянка).

100

Schraube — винт, болт, шуруп *(нем.)*.

101

В мае 1940 года в Красной Армии были упразднены звания комбригов, комдивов, комкоров, командармов. Лица высшего начальствующего состава стали именоваться как во всем мире — генералами (в Военно-Морском Флоте, соответственно, адмиралами).

102

Война нисколько не смягчила нрав наркома. Читатель российский хорошо знает о расстреле по приказу Берии в сентябре 1941 года ста шестидесяти заключенных в Орловском централе, а несколько позже — двадцати пяти генералов и военных конструкторов. Но мало кому известно, что в ночь на 16 октября 1941 года по распоряжению Берии расстреляли 138 заключенных Бутырской тюрьмы. В их числе были крупные чекисты: бывший начальник главного управления милиции Лев Бельский, бывший начальник охраны В. И. Ленина Абрам Беленький, разведчик Сергей Шпигельглас и многие другие. А ведь почти все они могли вернуться в строй и, забыв обиды, встать на защиту Отечества в ее трудный час…

103

«Соседями» или «ближними соседями» издавна и традиционно разведчики НКВД называли своих коллег из военной разведки. И наоборот…

104

Ныне Зеленоградск Калининградской области Российской Федерации.

Следует отметить, что немецкие контрразведывательные структуры не относили швейцарскую резидентуру Разведупра Красной Армии, которой руководил выдающийся разведчик-нелегал Шандор Радо («Дора»), к «Красной капелле». Ей они присвоили другое кодовое название — «Красная тройка».

Своеобразную и важную оценку деятельности Шульце-Бойзена дал начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. В воспоминаниях, написанных им в тюрьме во время Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, Кейтель признает, что важная информация о планах Гитлера попадала к противнику от обер-лейтенанта Шульце-Бойзена. Кейтель подчеркивает, что Шульце-Бойзен служил в штабе оперативного руководства военно-воздушных сил. Тут сказалась обида нанесенная Кейтелю в свое время Гитлером: фюрер возводил, по словам генерал-фельдмаршала, поклеп на ни в чем не повинное верховное командование вермахта, полагая, что утечка происходит из него.

107

Публикуются впервые.

108

В этом городе тогда находилась одна из мощных радиостанций Первого управления НКВД (точнее, обслуживающего его 2-го спецотдела). После разгрома немцев под Москвой приемо-передающий пункт был возвращен в окрестности столицы. Еще долгое время его сотрудники пытались восстановить связь с Д-6. До февраля 1942 года они дважды приняли сигналы из Берлина, переданные по рации Д-6, которую Ганс Коппи с помощью Курта Шульце сумел починить. На этом связь оборвалась.

109

«Кент»-Гуревич был выслежен и арестован 12 ноября 1942 года, «Большой Шефу» — Треппер 5 декабря того же года.

То есть Разведупра РККА.

Это не должно удивлять современного читателя. Швеция была страной нейтральной. Однако, Германия весьма успешно использовала этот «нейтралитет» для получения через Швецию ряда стратегических материалов, а также для шпионажа против СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. Поэтому к посещающим рейх шведским предпринимателям относились с подчеркнутым вниманием и обходительностью.

112

Весьма примечательно нацистские власти дальновидно оберегали будущий призывной контингент. С этой целью молодых людей, замеченных в оппозиционных взглядах, если только за ними не числилось серьезных грехов перед режимом, подвергали лишь сравнительно недолгому — год, два — заключению с целью «перевоспитания» или просто запугивания.

113

Еще один пример предусмотрительности: немецкие военнослужащие после нескольких месяцев пребывания на передовой получали краткосрочные отпуска на родину. В результате в Германии во время войны рождаемость почти не снизилась. К тому же, дети, рожденные немками вне брака, считались находящимися под личным покровительством фюрера, а матери-одиночки почитались как истинные патриотки.

114

Речь идет о трех рациях, имевшихся у Коппи и Шульце.

115

Хесслер успешно вышел в эфир 3 сентября. Это достоверно. Имеется косвенное свидетельство, что он выходил в эфир и 21 сентября (если только не ошибка в написании даты, например не 21, а 11). Но тогда непонятно, откуда он вел передачу, поскольку к 16 сентября, как мы знаем, были арестованы хозяева всех квартир, дававшие ему приют. Возможно, хотя и сомнительно, что у него была еще однако квартира, о которой нам ничего не известно. Но о ней ничего не сказано и в материалах гестапо. Еще одна загадка…

Впоследствии гитлеровцы уничтожили все произведения талантливого скульптора. Случайно сохранились лишь два медальона его работы, украшающие парапет моста Шлоссбрюкке через Шпрее, соединяющего Шлосс-плац с Вердершенмаркт в историческом центре Берлина.

117

То есть военный судебный чиновник в звании полковника. Впоследствии он станет генералом. После войны доктор М. Редер благополучно проживал в Западной Германии.

118

Герберт Гольнов был расстрелян 12 февраля 1943 года на полигоне в Тегеле.

119

В 1943 году бабушке удалось заполучить внука — по правилам детей осужденных полагалось отправлять в приюты, где им давали новые имена. Ганс Коппи-младший стал доктором наук, автором многих трудов по истории «Красной капеллы». Живет в Берлине.

120

Это здание сохранилось. Сейчас в нем мемориал. Сохранились и крючья для прикрепления веревок, если производилась казнь через повешение. Гильотину почему-то убрали.

121

В германских вооруженных силах звание генерала рода войск (от инфантерии, от артиллерии, от кавалерии) было третьим, то есть соответствовало званию генерал-полковника в Красной Армии.

Вначале вышеназванные новые ордена изготовлялись прикрепленными к прямоугольной колодке, обтянутой красной муаровой ленточкой. Позднее колодку отменили. Ордена стали привинчиваться к мундиру непосредственно.

123

Это произойдет 15 мая 1943 года. Официально Коминтерн «самораспустился» по решению собственного президиума Исполкома.

124

В нацистской Германии было только два военных ордена: «Железный крест» и крест «За военные заслуги» (с мечами или без мечей). Оба имели множество степеней. «Железный крест» можно было получить лишь являясь непосредственным участником боевых действий. Так что Бхагат Рам и Расмус могли быть награждены только крестом «За военные заслуги» без мечей второго класса. (Оба ордена первого класса полагались лишь после награждения крестом второго класса.)

125

Майор благополучно пережил войну, спустя несколько лет по ее окончании опубликовал воспоминания о своей деятельности в Иране с 1941 по 1944 годы.

126

Названный комитет является высшим оперативным и административным органом вооруженных сил США. В него входят начальники штабов армии, ВВС, ВМФ и комендант морской пехоты.

127

Гарри Ллойд Гопкинс (1890–1946) — советник и специальный помощник президента США Рузвельта в годы Второй мировой войны. Сыграл выдающуюся роль в налаживании союзнических отношений между нашими странами.

128

В США термин «агент», или «федеральный агент» спецслужб имеет прямо противоположное значение, нежели у нас. В США это государственный служащий, наделенный особыми полномочиями по всей территории страны, а не только в каком-либо штате или городке.

129

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. Москва. «Современник». 1994 г.

Об этой встрече тепло вспоминает Валентин Бережков в своей последней книге «Рядом со Сталиным», изданной в Москве в год его смерти — 1998. Занятно, что автор иногда путает фамилии своего давнего друга, называя его иногда «Коротковым», иногда «Коротких». Оно и понятно: настоящую фамилию разведчика он узнал через несколько лет после их знакомства в Берлине.

131

Герберт Кларк Гувер — 31-й президент США (1929–1933). В период знаменитой «Великой депрессии» защищал интересы крупного капитала, был противником дипломатического признания СССР.

Официально объект «15-В».

133

Псевдним «Колонист» принадлежал легендарному разведчику, будущему Герою Советского Союза Николаю Кузнецову, псевдоним «Лик» — разведчице Лидии Лисовской. Они погибли в 1944 году от рук бандитов из Организации украинских националистов.

134

Хайнц Мюллер до выхода на пенсию много лет служил в одном из управлений гражданской авиации ГДР.

135

Автор имеет в виду ту разведывательную работу, которую вели советские спецслужбы прежде всего на территории континентальной Европы, охваченной войной. Между тем чрезвычайно важная работа велась также в Англии, Соединенных Штатах Америки, в Латинской Америке, в Азии…

136

Звание генерал армии в США соответствовало званию Маршала Советского Союза в СССР. Присваивалось только в военное время.

137

Президент Франклин Д. Рузвельт скончался 12 апреля 1945 г.

138

В 1949 г. ГСОВГ преобразована в Группу советских войск в Германии (ГСВГ). Управление ею первоначально находилось в Потсдаме, затем переведено в Вюнсдорф.

139

Впоследствии В. С. Семенов был верховным комиссаром СССР в Германии, послом СССР и ГДР, заместителем министра иностранных дел СССР, а также послом СССР в ФРГ.

Читателю следует знать, что в условиях оккупационного режима, Верховному Главнокомандующему и Главноначальствующему были подчинены все советские граждане, находящиеся в Германии, независимо от их ранга, званий и ведомственной принадлежности.

141

Традиционно единую Германию образовывали так называемые земли, имеющие собственные правительства, парламенты, законы. В ГДР вместо земель основными административными единицами стали округи. После объединения ФРГ и ГДР вместо округов снова были восстановлены земли.

142

Так Рузвельт и Черчилль иногда называли между собой Сталина.

143

К славному городу на Черном море никакого отношения не имеет. Это всего лишь аббревиатура от «Organisatio der ehemalge SS — AngehoLrigen», немецкого названия «Организации бывших членов СС».

Приравнивалось к званию комбрига. После отмены института комиссаров в октябре 1942 года бригадные комиссары в основном получали звание полковников.

145

Сокращение от немецкого «Хильфсвилиге» — «Добровольный помощник». «Хи-ви» служили в немецкой армии ездовыми, подносчиками боеприпасов, ремонтниками и т. п. Носили немецкую форму с нашивкой «Hi-wis» на рукаве, получали солдатское довольствие. Оружие, однако, немцы им не доверяли.

146

В армии США звание генерал-лейтенанта является третьим генеральским званием, то есть соответствует званию генерал-полковника в Красной Армии.

В их числе был в ту пору капитан Красной Армии Лев Безыменский, впоследствии видный ученый-германист и публицист.

М. С. Малинин, впоследствии генерал армии, был тогда начальником штаба — заместителем Главнокомандующего ГСОВГ.

Примечательно, что к концу лета 1942 года вермахт вышел на указанный Кейтелем оперативно-стратегический рубеж! Но именно с него начался отсчет… неизбежного и очередного разгрома, но не Красной Армии, а вермахта!

150

Примечательно, что немцы и по этому пункту не могли пожаловаться на судьбу: в их распоряжении до открытия настоящего второго фронта (не считая второстепенных действий, скажем, в Северной Африке) 6 июля 1944 года имелось свыше трех лет!

151

В годы Второй мировой войны у США имелось несколько разведок, выполнявших различные функции. Самой крупной из них было УСС — Управление стратегических служб во главе с Уильямом Донованом. В свое время Донован был представителем США при «Верховном правителе Российского государства» адмирале Александре Колчаке. Надо признать, что со своими обязанностями полковник, а затем и генерал Донован в общем-то справился успешно, хотя УСС и не обладало таким многолетним опытом и традициями, как, скажем, британская СИС или германский абвер. УСС было порождением военного времени и с окончанием войны себя исчерпало. Донован вернулся в свою контору на Уолл-стрит, но успел составить для нового президента обширный меморандум о реорганизации разведки.

Кажется, должности «комиссаров» и названия соответствующих учреждений — «комиссариаты» — сохранились только в военном ведомстве.

153

Министр внутренних дел огромный, медведеподобный генерал-полковник Сергей Круглов, бывший заместитель Берии, сменял его еще на посту наркома НКВД за две дня до Нового, 1946 года.

154

В октября 1950 года Всеволод Меркулов сменит на посту министра государственного контроля СССР Льва Мехлиса.

155

В июле 1949 г. Петра Кубаткина, работавшего тогда заместителем председателя Саратовского облисполкома, арестовали в связи с «ленинградским делом» и через год расстреляли. Реабилитирован посмертно.

Примечательно, что когда СССР доставил свои весьма тогда немногочисленные ракеты на одну-единственную заморскую базу — на Кубу (автор не касается целесообразности этого шага), то в США поднялась настоящая истерика, едва не приведшая к Третьей мировой войне! Едва ли не самый красноречивый пример характерного для менталитета американцев «двойного стандарта». То, что дозволено США, непозволительно никому другому! Так-то! И большинство населения США считает эту дикость делом совершенно естественным и справедливым!

157

ВСХВ была вновь открыта летом 1954 года. В 1958 году ВСХВ была преобразована в Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР.

С 1953 г. — Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил СССР (ныне — Российской Федерации).

Сам Л. Берия за бомбу был награжден орденом Ленина и удостоен Сталинской премии первой степени. На июльском 1953 года Пленуме ЦК КПСС Берию изобличили в том, что он слишком щедро представлял к наградам ученых, инженеров, техников и рабочих за создание атомной бомбы, что пробивал им высокие оклады, обеспечивал квартирами и спецпайками. Нашли криминал и в тех наградах, которыми отметил его вклад в решение атомной проблемы лично Сталин!

Ныне это здание занимает «Театр на Малой Бронной».

Всего по «ленинградскому делу» уже без особой огласки были расстреляны десятки человек, осуждены к лишению свободы сотни.

В этом корпусе по иронии судьбы пребывали много лет спустя под стражей арестованные в августе 1991 года члены ГКЧП.

163

На июльском, 1953 года, Пленуме ЦК КПСС выяснилось, что в высшем руководстве все, в том числе Никита Хрущев, знали, что «дело врачей» — липа. Тем не менее, Лаврентию Берии поставили в вину, что он предал этот позор огласке. Дескать, врачей надо было просто тихонько освободить.

Позднее все же был арестован Цанава, но… как пособник Берии! В 1955 году он умер в тюрьме, не дожив до суда. Огольцов в апреле 1953 года в связи с участием в убийстве Михоэлса был арестован, однако уже в августе освобожден. В 1954 году его уволили из органов госбезопасности, исключили из партии, а в 1959 году лишили воинского звания.

Примечателен один из пунктов этого приказа:

«2. Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б/ывшего/ МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить».

Это — единственное официальное признание наличия в тюрьмах пыточных камер и орудий пыток. Приказа же об оборудовании специальных помещений для пыток до сих пор не обнаружено!

«Дело авиаторов» было не единственным в своем роде. Так, в феврале 1952 года за «вредительскую деятельность» были арестованы заместитель военного министра маршал артиллерии Н. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник И. Волкотрубенков, заместитель министра вооружения И. Мирзаханов, а также генерал-майор технической службы А. Ахназаров и инженер-полковник Р. Овсишер.

167

Судоплатов и Эйтингтон отсидели свои сроки от звонка до звонка. Впоследствии оба реабилитированы: Эйтингтон посмертно, Судоплатов еще при жизни. Райхман без суда отсидел много лет, после чего был освобожден, но не реабилитирован, поскольку не был осужден! Сегодня нет в живых ни Судоплатова, ни Райхмана.

168

Амаяк Кобулов ненамного пережил старшего брата. В июне 1953 г. генерал-лейтенант А. Кобулов был арестован и в октябре 1954 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Надо отметить, что Хрущев проявил при этом настоящую военную хитрость, полностью себя оправдавшую. Теперь известно, что большинство тогдашнего высшего партийного руководства были против включения вопроса о Сталине в повестку дня съезда. Хрущев прочитал свой доклад на свой страх и риск, но после того, как был избран Первым секретарем ЦК! То есть, он уже не зависел от своих еще весьма влиятельных оппонентов.

В самом деле, к 1956 году уже были расстреляны не только Лаврентий Берия и Виктор Абаукумов, но и третьестепенные исполнители фальсифицированных дел, такие как Рюмин.

171

А. М. Сахаровскому, впоследствии генерал-полковнику, принадлежит своеобразный рекорд, который вряд ли будет когда-либо побит: он возглавлял внешнюю разведку КГБ пятнадцать лет!

172

Папаха из серого каракуля с защитного цвета верхом выдавалась полковникам раз в пять лет.

173

Всего в ходе операции одних только пулеметов было изъято 1250!

174

Известный писатель, автор многих книг о советской разведке Александр Насибов был однокашником Ашота Акопяна по средней школе. Он мечтал написать роман о «Ефрате», встречался с ним, собирал материал для книги. К сожалению, кончина писателя помешала завершению этого замысла.

175

Яков Наумович Голос (настоящая фамилия Рейзен) родился в 1889 году в Екатеринославле в семье рабочего. Закончил городскую школу и экстерном сдал экзамены за курс гимназии. Работал в типографии. В 1904 году вступил в РСДРП. Принимал участие в революции 1905 года. В 1906 году арестован и приговорен к восьми годам каторги, которую, как несовершеннолетнему, ему заменили вечной ссылкой в Якутию. Через два года с помощью партии бежал через Сибирь в Китай и Японию, где провел два года. Затем перебрался в США, где и натурализовался в 1905 году. Перешел в Левое крыло Социалистической партии, затем принял участие в создании Компартии США, много лет был председателем ее Центральной Контрольной комиссии. В середине двадцатых годов приезжал в СССР, участвовал в создании известной коммуны «Кемерово». Переходил в ВКП(б) — документ об этом подписан ответственным сотрудником Исполкома Коминтерна Рихардом Зорге. Был председателем Общества технической помощи СССР. Вернувшись в США, основал туристическое бюро «Ворлд тоурист инк». Бюро располагалось в знаменитом небоскребе «Утюг» (угол Бродвея и 5-й авеню). Под прикрытием этого бюро и еще одной, основанной им же, мореходной компании Голос много лет вел разведывательную работу в пользу СССР.

176

Слово «подвалы» не случайно взято в кавычки. Дело в том, что знаменитая внутренняя тюрьма Лубянки располагалась на трех верхних этажах здания, находящегося в не видном со стороны улиц и площади внутреннем дворе.

177

Как тут не напомнить читателю знаменитый рассказ Александра Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

178

Анна Филоненко стала прообразом радистки Кэт в сверхпопулярном многосерийном телефильме «Семнадцать мгновений весны». Режиссера Татьяну Лиознову специально познакомили с этой замечательной женщиной, к слову, участницей и Великой Отечественной войны. Правда, рожая «там», Анна кричала не по-русски.

179

Караимы — немногочисленная народность, потомки тюркского племени, выходцы из Алтая. Караимы входили в Хазарский каганат и принадлежали к возникшей в VIII веке секте иудаизма. Они почитали за священную книгу лишь «Ветхий завет» и не признавали Талмуд. В Израиле их считают евреями, что неверно. На территории СССР караимы компактно проживали в Литве и в Крыму. Численность их не превышала трех-четырех тысяч человек.

Организаторы акции не боялись лгать даже Сталину, полагая, что вождь не станет проверять последнее утверждение. На самом деле, «Макс» никакой инициативы по ликвидации Тито не проявлял. Тут МГБ просто набивало ему, а заодно и себе цену в глазах Сталина.

181

Еще одно свидетельство фальсификации МГБ беседы с «Максом»: получается, что Григулевич согласился «опрыскать» Тито препаратом, действия которого на организм маршала он сам знать не будет!

Эти «особые способы» были применены агентом КГБ Богданом Сташинским при ликвидации в октябре 1957 года в Мюнхене идеолога ОУН Льва Ребета и в октябре 1959 года в том же городе руководителя ОУН Степана Бандеры. Орден Красного Знамени за эти акции исполнителю вручил в Москве тогдашний председатель КГБ Александр Шелепин. Впоследствии раскаявшись, Сташинский за день до возведения «стены» перешел вместе с женой — немкой в Западный Берлин. Аппарат Короткова в ГДР никакого отношения к этим терактам не имел.

183

В силу семейных обстоятельств детство Симоны прошло в Аргентине, отсюда — свободное владение испанским языком. В годы гражданской войны в Испании она была там в качестве переводчицы при советском военном советнике и уже тогда награждена орденом Красной Звезды.

184

В литературе XV интербригаду часто называют интербригадой имени Авраама Линкольна. Это неверно. В бригаде было три батальона: имени Авраама Линкольна, имени Джорджа Вашингтона и имени Маккензи-Пэпину. Путаница возникла из-за того, что все американцы, участники гражданской войны в Испании, по ее окончании называли себя «ветеранами интербригады имени Авраама Линкольна».

185

Именно П. Громушкин готовил документы обер-лейтенанта вермахта Пауля Вильгельма Зиберта для легендарного разведчика Николая Кузнецова.

186

Соответствует званию капитана второго ранга и подполковника в советских и российских вооруженных силах. В некоторых книгах об Абеле звание коммандера ошибочно приравнивают к званию капитана третьего ранга (майора).

[1]В виде «довеска» к Пауэрсу власти СССР и ГДР освободили также из заключения еще двух малозначительных американских шпионов, граждан США.

Этим бизнесом занимался и герой популярного фильма «Мертвый сезон», прообразом которого был Конон Молодый.

Прозвище объяснялось тем, что много лет западные спецслужбы не располагали ни одной фотографией Маркуса Вольфа.

190

Традиционное для Германии наименование должности первого заместителя министра.

191

В административном отношении Германия делилась на провинции — земля «ланд», обладающие значительной автономией. В ГДР вместо земель были сформированы округа, правами земель не обладавшие. Ныне на территории бывшей ГДР земли восстановлены.

Этот разведорган был автономен и независим от абвера.

193

Рейнгард Гелен оставался президентом БНД до 1968 г.

194

Хайнц Фельфе. «Мемуары разведчика». Москва, Политиздат, 1988 г.

195

Минифон — первая модель миниатюрного диктофона с проволокой вместо ленты. Одна катушка была рассчитана на шесть часов работы.

196

Книга Х. Фельфе была написана в 1985 году.

Позднее, после ухода Шелепина из КГБ и вообще из высших эшелонов власти, справедливость восторжествовала. Хайнц Фельфе был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, знаком «Почетного сотрудника госбезопасности».

198

Весной 1963 г. И. А. Серов был освобожден от должности начальника ГРУ и заместителя начальника Генштаба и разжалован в генерал-майоры. Его также лишили звания Героя Советского Союза, а в 1965 г. уволили из Советской Армии. Так наказали Серова за то, что он просмотрел предательство своего подчиненного полковника О. Пеньковского, который стал агентом английской и американской разведок (был разоблачен в 1962 г.). Скончался И. А. Серов в 1990 г.

199

Впоследствии была сооружена настоящая стена — из сверхпрочного бетона высотой в 3,6 метра. Стена перерезала десять районов города, 97 улиц, 6 веток метро. В комплекс стены входили 302 вышки наблюдения, 20 бункеров, 259 постов со сторожевыми собаками…

За десятилетия существования стены удалось перебраться через нее в Западный Берлин 5075 человекам, арестовано при попытке перехода пограничниками ГДР 3200 человек, погибли у стены (пограничники имели право стрелять на поражение) по разным данным от 100 до 240 человек…